

Генри Вуд

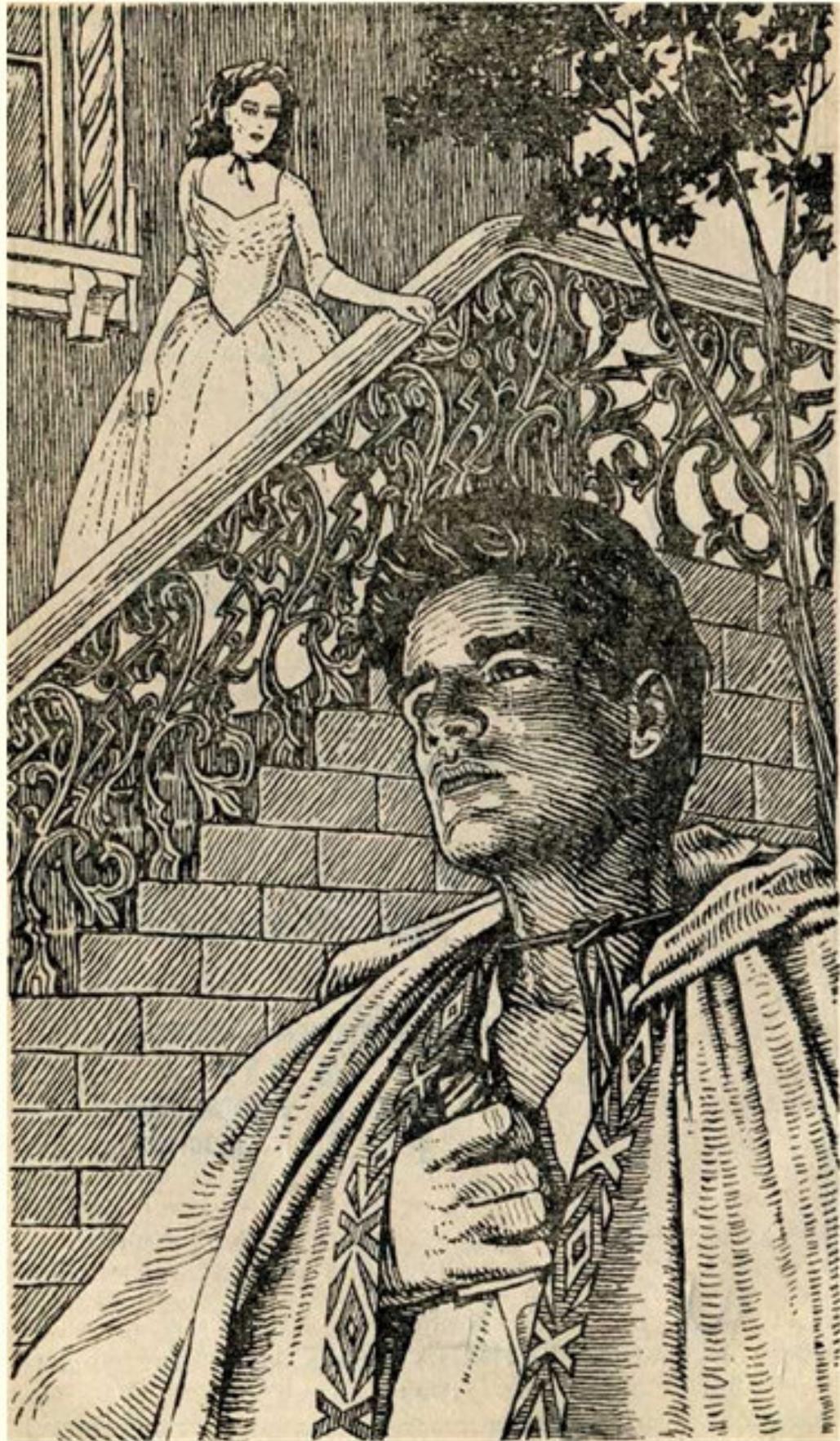
Замок Ист-Линн

Вуд, Генри
Замок Ист-Линн
Курск: ГУИПП Курск, 1996
Переводчик: А.Ишунин

Миссис Генри Вуд

Замок Ист-Линн

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

ЛЕДИ ИЗABELЬ

Уильям, граф Маунт-Северн, восседал в кресле просторной и уютной библиотеки своего городского дома. Он был седовлас, гладь широкого лба избороздили ранние морщины, а на некогда привлекательное лицо легла печать той бледности, которая служит верным свидетельством нездорового образа жизни. Нога, скрытая складками простыни, покоилась на мягкой бархатной оттоманке, яснее ясного показывая, что ее обладатель страдает от подагры.

При первом взгляде на сидевшего человека казалось, будто он преждевременно состарился, что, увы, соответствовало действительности. Еще не достигнув возраста сорока девяти лет, он мог, тем не менее, с полным основанием называться пожилым человеком.

Итак, персонаж, с которого мы начали наше повествование, был не кто иной, как граф Маунт-Северн. Он не являлся известным политиком, великим полководцем, выдающимся государственным мужем или хотя бы деятельным членом Палаты Лордов; имя его было у всех на устах отнюдь не в силу одной из вышеозначенных причин. Лорд Маунт-Северн был известен в обществе как человек, чье безрассудство, расточительность, страсть к азартным играм и беспутство превосходили все известные пределы. Поговаривали, что виною всем его порокам была голова, что более доброе сердце или благородная душа никогда еще не соседствовали в брэнном человеческом теле, и это было недалеко от истины. Право же, для него было бы лучше жить и умереть просто Уильямом Вейном! До двадцати пяти лет он был трудолюбивым и степенным, исправно посещал заседания в адвокатском обществе «Темпль» и грыз гранит юридической науки с утра до вечера. Рассудительность и прилежание Уильяма Вейна были притчей во языцех среди будущих адвокатов; они иронически называли его «судья Вейн» и тщетно стремились увлечь на стезю праздности и пороков. Но молодой Вейн был честолюбив и знал, что его возвышение в этом мире зависит только от собственных способностей и трудолюбия. Он был из бедной, но знатной семьи и приходился родственником старому графу Маунт-Северну. Мысль о возможности унаследовать графский титул даже не приходила ему в голову, поскольку между ним и титулом стояли трое вполне здоровых наследников, двое из которых были достаточно молоды. И тем не менее эти три жизни оборвались: одна от апоплексического удара, вторая — от лихорадки, в Африке, а третья — в результате несчастного случая во время занятий греблей, в Оксфорде; так молодой студент Темпля Уильям Вейн в один прекрасный день проснулся графом Маунт-Северном, законным обладателем дохода в шестьдесят тысяч фунтов в год. Первой его мыслью было, что ему никогда не придумать способа истратить свои деньги, что подобная сумма, накапливающаяся год за годом, просто не может быть истрачена.

Чудом было уже то, что низкопоклонство сразу не вскружило ему голову: перед ним заискивали, ему льстили, он был буквально нарасхват. Он сделался самым привлекательным мужчиной своего времени, поскольку, помимо свалившегося на него богатства и титула, обладал благородной наружностью и обворожительными манерами. К несчастью, благоразумие, поддерживавшее Уильяма Вейн, бедного студента-юриста в уединённой конторе Темпля, совершенно покинуло Уильяма Вейн, молодого графа Маунт-Северна; и он столь стремительно пустился во все тяжкие, что здравомыслящие люди предрекли ему скорое разорение и крах.

Но пары королевства, имеющие к тому же шестидесятитысячный годовой доход, не разоряются в одночасье. На сорок девятом году жизни граф сидел в своей библиотеке; разорение все еще не наступило — точнее говоря, оно не застало его врасплох. Но кто сумел бы описать неотступно преследовавшие его трудности, нарушавшие душевное равновесие и отравлявшие

само его существование! Общественность была осведомлена о них достаточно хорошо, его близкие друзья — еще лучше, кредиторы — лучше всех; но никто, кроме него самого, не знал, какая мучительная тревога была его уделом, почти доводя до безумия. Еще несколько лет назад, трезво взглянув на вещи и прибегнув к экономии, он мог бы исправить положение; увы, он поступил так же, как большинство людей при подобных обстоятельствах — отложил черный день на неопределенный срок и продолжал множить и без того внушительный список своих долгов. И вот теперь час позора и разорения неотвратимо приближался. Возможно, именно об этом размышлял граф, сидя перед зловещей грудой бумаг, разбросанных по столу. Мыслями он уносился в прошлое... Этот его брак по любви в Гретна-Грин был глупостью с точки зрения здравого смысла; но, вместе с тем, графиня была ему любящей женой, мирилась с его безрассудством и пренебрежением к себе и была замечательной матерью их единственному ребенку. Одно лишь дитя подарила им судьба, и, когда их дочери шел тринадцатый год, графиня умерла. Ах, если бы господь послал им сына, — граф нарушил горестным стоном печальное безмолвие библиотеки — тогда, возможно, он и нашел бы выход из теперешнего затруднительного положения. Мальчик, достигнув совершеннолетия, помог бы ему отделить неотчуждаемый майорат, и тогда...

— Милорд, — раздался голос слуги, вошедшего в комнату и разрушившего воздушные замки своего хозяина, — некий джентльмен просит принять его.

— Кто он? — резко воскликнул граф, не замечая карточки, которую принес слуга.

Незнакомец, даже выглядевший как иностранный посол, никогда не допускался к лорду Маунт-Северну без его собственного соизволения. Многолетние визиты назойливых кредиторов приучили слуг к осторожности.

— Вот его карточка, милорд. Это некий мистер Карлайл из Вест-Линна.

— Мистер Карлайл из Вест-Линна, — простонал граф, ногу которого в этот момент пронзила ужасная боль. — Что ему нужно? Проси!

Слуга повиновался и вскоре ввел м-ра Карлайла.

Это был очень высокий мужчина, двадцати семи лет от роду, удивительно благородной наружности. Он имел обыкновение слегка наклонять голову в разговоре с собеседником меньшего роста; очень своеобразная привычка — он как бы кланялся — и такой же обладал его отец. Когда ему указывали на нее, он смеялся и заявлял, что сам не замечает, как делает это. У него были правильные черты лица, светлая и чистая кожа; волосы его были темными, а над темно-серыми глазами нависали тяжелые веки. В общем, это было лицо, на которое с равным удовольствием взирали и мужчины, и женщины, лицо, свидетельствовавшее о честной, искренней натуре, не то чтобы красивое, а скорее приятное и благородное.

Будучи всего-навсего сыном сельского адвоката, обязанным последовать по стопам своего отца, он был воспитан как истинный джентльмен, учился в привилегированной школе в Регби и получил ученую степень в Оксфорде. Наш новый герой сразу же приблизился к графу с прямой человека, пришедшего по делу.

— Мистер Карлайл, — произнес, протягивая руку, наш лорд, слывший самым любезным вельможей своего времени. — Рад видеть Вас. Прошу извинить, но я не могу встать, во всяком случае не причинив себе сильной боли и весьма значительного неудобства: подагра, мой злейший враг, снова дала знать о себе! Присаживайтесь. Вы остановились в городе?

— Я только что приехал из Вест-Линна, имея главной целью моего путешествия встречу с вашей светлостью.

— Чем могу служить? — с тревогой в голосе спросил граф, поскольку у него вдруг возникло подозрение, что м-р Карлайл может представлять одного из его многочисленных и назойливых кредиторов.

М-р Карлайл придвинул свое кресло поближе к графу и сказал, понизив голос:

— До меня дошли слухи, что продается Ист-Линн.

— Одну минуту, сэр, — воскликнул граф сдержанным, если не сказать, высокомерным, тоном, поскольку подозрения его усилились. — Мы можем говорить конфиденциально, как благородные люди, или же за этим кроется нечто иное?

— Я не понимаю Вас, — сказал м-р Карлайл.

— Одним словом — извините за прямоту, но я должен знать это наверняка, не представляете ли Вы интересы одного из моих мошенников-кредиторов с тем, чтобы выведать у меня какую-либо информацию, недоступную для них?

— Милорд! — ответил посетитель, — я знаю: считается, что адвокат имеет слабое представление о чести, но у Вас вряд ли имеются основания подозревать меня в каких-либо закулисных махинациях, направленных против Вас. За всю свою жизнь я не совершил ни одной подлости, насколько мне помнится, и не думаю, что когда-либо совершу!

— Прошу извинить меня, мистер Карлайл. Если бы Вам стала известна хотя бы малая толика хитростей и уловок, которые применяли против меня, Вас не удивило бы то, что я подозреваю всех и вся. Итак, к делу!

— Я слышал, что Ист-Линн может быть приобретен по частному соглашению: Ваш агент в конфиденциальном разговоре намекнул мне на это. Если дела действительно обстоят подобным образом, я хотел бы приобрести поместье.

— Для кого? — поинтересовался граф.

— Для себя.

— Для вас! — рассмеялся граф. — Ей-богу, юриспруденция не может быть настолько трудной работой, Карлайл.

— Конечно, нет, — ответил м-р Карлайл, — с такими обширными первоклассными связями, как наши. Но не забывайте, что я унаследовал приличное состояние от моего дяди и весьма крупное — от отца.

— Я знаю. Плюс адвокатские гонорары...

— Не только. За моей матерью дали хорошее приданое, что позволило отцу проводить выгодные биржевые операции. Я как раз ищу подходящее поместье для вложения моих денег, и Ист-Линн вполне меня устраивает, если я получу преимущественное право на покупку, и мы сможем договориться об условиях.

Лорд Маунт-Северн задумался на несколько мгновений, прежде чем заговорить.

— Мистер Карлайл, — начал он, — дела мои в скверном состоянии, и мне просто необходимо изыскать наличные деньги. В настоящее время мои права на распоряжение поместьем ничем не ограничены, сумма закладной на Ист-Линн намного меньше его стоимости; факт продажи, как вы, вероятно, понимаете, держится в секрете. Когда я выгодно приобрел поместье восемнадцать лет назад, вы, насколько мне помнится, были поверенным продавца?

— Это был мой отец, — улыбнулся мистер Карлайл, — в то время я был еще ребенком.

— Ну конечно же, я имел в виду вашего отца. Продав Ист-Линн, я смогу получить несколько тысяч после того, как будут оплачены иски на него; других средств раздобыть деньги в моем распоряжении не имеется, и поэтому я решил расстаться с поместьем. Но вы должны понять следующее: если тот факт, что я отдаю Ист-Линн, станет достоянием широкой гласности, я тем самым разворошу настоящее осиное гнездо. Поэтому все должно быть улажено конфиденциально. Вы понимаете меня?

— Вполне, — ответил м-р Карлайл.

— По мне, так пусть уж лучше вы приобретете его, чем кто-либо другой, если, как вы справедливо заметили, мы договоримся об условиях.

— Сколько же, Ваша светлость, вы хотели бы получить за него — хотя бы приблизительно?

— За деталями Вам придется обратиться к моим поверенным, Уорбортону и Уэйру, но, я думаю, не менее семидесяти тысяч фунтов.

— Слишком дорого, милорд, — решительно заявил м-р Карлайл.

— Оно стоит гораздо больше, — возразил граф.

— При подобных вынужденных продажах никогда не удастся получить реальную стоимость, — ответил прямодушный адвокат. — До того, как Бьючемп намекнул мне на возможность покупки, я считал, что Ист-Линн был отписан в завещании на дочь Вашей светлости.

— Ей ничего не завещается, — ответил граф, причем морщины на его лбу обозначились еще резче. — И причиной тому — эти безрассудные браки в бегах, без родительского благословения. Я полюбил дочь генерала Канвея, и она сбежала со мной как дура: точнее сказать, мы оба остались в дураках. Генерал недолюбливал меня и заявил, что я должен перебеситься, прежде чем он отдаст за меня Мери. Тогда я увез ее в Гретна-Грин, где она и стала графиней Маунт-Северн, без

приданого. Это был несчастливый брак, потянувший за собой череду неудач. Когда генералу сообщили о ее бегстве, это убило его.

— Убило?! — прервал его м-р Карлайл.

— Именно так, у него было больное сердце, и волнение вызвало кризис. С этого момента моя бедная жена никогда более не была счастлива: она обвиняла себя в смерти отца, и ее собственная смерть была, я думаю, вызвана той же причиной. Она хворала много лет: доктора называли это чахоткой, но это было больше похоже на постепенное угасание; кроме того, в их роду никто не болел туберкулезом. Никогда не бывают счастливыми браки без благословения, я имел с тех пор немало возможностей убедиться в этом, — обязательно произойдет какое-то несчастье.

— Но распоряжения по наследству могли быть сделаны после женитьбы, — заметил м-р Карлайл, поскольку граф замолчал и казался погруженным в собственные мысли.

— Да, я знаю; но их не последовало. Итак, состояния у моей жены не было, и никто из нас не задумался о том, как обеспечить наших будущих детей; даже если мы и задумывались над этим, никаких конкретных шагов предпринято не было. Старая пословица гласит, мистер Карлайл: «Никогда не делается то, что можно сделать в любое время».

М-р Карлайл кивнул в знак согласия.

— Итак, моя дочь — бесприданница, — снова заговорил граф, подавив готовый вырваться вздох. — Мысль о том, как это может тяжело сказаться на ее жизни, если я умру раньше, чем она устроит свою судьбу, иногда приходит мне на ум в минуты серьезных размышлений. Нет сомнений в том, что хорошее замужество ей обеспечено, поскольку она обладает редкостной красотой и воспитанием истинной англичанки, не подверженной щегольству и легкомыслию. Она до двенадцати лет воспитывалась своей матерью, которая (если не считать того сумасбродства, к которому я склонил ее), была олицетворением добродетели и утонченности, а впоследствии этим занималась прекрасная гувернантка. Вот уж кто не сбежит в Гретна-Грин, так это моя дочь.

— Она была прелестным ребенком, — заметил адвокат. — Я помню ее.

— Да, вы же действительно видели ее в Ист-Линне еще при жизни ее бедной матери. Но вернемся к делу. Если вы приобретете Ист-Линн, мистер Карлайл, это должно держаться в секрете. Как я уже говорил Вам, деньги, которые останутся после уплаты по закладной, должны поступить в мое личное распоряжение. Но Вам должно быть прекрасно известно, что я не смогу воспользоваться ни фартигом из этих денег, если детали нашей сделки станут достоянием возмущенной общественности. Для всего остального мира владельцем Ист-Линна по-прежнему должен оставаться лорд Маунт-Северн, хотя бы на некоторое время. Надеюсь, вы не будете возражать против этого.

М-р Карлайл согласился после непродолжительного размышления, и, когда переговоры возобновились, было решено, что на следующий день он не мешкая встретится с Уорбортоном и Уэйром для того, чтобы обсудить детали. Было уже достаточно поздно, когда он собрался откланяться.

— Оставайтесь отобедать со мной, — предложил граф.

М-р Карлайл с сомнением оглядел свою одежду: простой утренний костюм джентльмена, но явно не наряд для обеда в обществе лорда.

— Пустяки! — заявил граф. — Не будет никого, кроме моей дочери.

У нас также остановилась миссис Вейн из Кастл-Марлинга, приехавшая для того, чтобы представить мою дочь на последнем Салоне, но, по-моему, сегодня она дома не обедает. Если же я ошибся, мы отобедаем вдвоем прямо здесь. Надеюсь, Вас не затруднит потянуть за шнур звонка, поскольку состояние моей злосчастной ноги не позволяет мне сделать это самому.

Появился слуга.

— Спросите миссис Вейн, обедает ли она сегодня дома.

— Миссис Вейн, приглашена сегодня в гости, — последовал немедленный ответ. — Коляска ожидает ее у дверей.

— Прекрасно. Мистер Карлайл отобедает с нами.

В семь часов был подан обед, и кресло с восседающим в нем графом вкатили в соседнюю комнату. И вот, в тот самый момент, когда граф и мистер Карлайл оказались в столовой, открылась противоположная дверь и... Боже, кто это!? М-р Карлайл не мог оторвать взгляда от этого создания, скорее напоминавшего ему ангела, нежели простого смертного: легкая, грациозная

девичья фигурка, лицо той исключительной красоты, которая встречается разве что в воображении художника, но в обыденной жизни, темные блестящие локоны, падающие на нежные, как у ребенка, шею и плечи, изящные белые ручки, украшенные жемчугом, и ниспадающее свободными складками платье из дорогих белых кружев. Одним словом, она действительно показалась ему неземным созданием.

— Моя дочь, мистер Карлайл, леди Изабель.

Лорд Маунт-Северн занял место во главе стола, несмотря на свою подагру и причинявшую некоторое неудобство скамеечку для ног, а молодая леди и м-р Карлайл оказались сидящими друг напротив друга.

М-р Карлайл не считал себя особым почитателем женской красоты, но необыкновенная прелесть сидевшей напротив девушки так потрясла его, что он с трудом отдавал себе отчет в том, что происходит вокруг него. Его поразило не столько совершенство черт ее лица, нежный румянец ее щек или великолепии ниспадающих волос, сколько выражение ее нежных темных глаз, подобных которым он еще не видел. Он не мог оторвать от нее взгляда и вдруг понял, внимательно изучив это лицо, что в его выражении было нечто грустное и даже скорбное. Это можно было заметить нечасто, лишь когда ее черты были неподвижны, и таилось оно именно в столь восхитивших его глазах. Редко встречается такое бессознательно горестное выражение, но оно служит верным признаком горести и страдания, чего м-р Карлайл, увы, не мог понять. Да и кто, скажите на милость, смог бы представить печаль при столь блестящей будущности, как у Изабель Вейн?

— Ты уже одета, Изабель, — заметил граф.

— Да, папа, чтобы миссис Ливайсон не пришлось долго ожидать чаепития. Она любит пить чай пораньше, а ей, вероятнее всего, уже пришлось отложить обед на более позднее время из-за миссис Вейн, которая уехала из дома в седьмом часу.

— Надеюсь, ты не припозднишься сегодня, Изабель.

— Все зависит от миссис Вейн.

— Тогда ты наверняка приедешь поздно. Когда молодые леди в нашем светском обществе превращают ночь в день, это дурно влияет на цвет их лица, делая его бледным. Как вы полагаете, мистер Карлайл?

Мистер Карлайл бросил взгляд на те розы, которые цвели на щеках у девушки, сидевшей напротив; право же, они выглядели слишком свежими и яркими для того, чтобы так просто завянуть.

Когда обед закончился, вошла горничная с белой кашемировой накидкой, укутала ею плечи молодой леди и сообщила, что экипаж подан.

Леди Изабель подошла к графу.

— До свидания, папа.

— До свидания, моя милая, — ответил граф, привлек ее к себе и поцеловал нежное личико. — Скажи миссис Вейн, что я не позволю продержаться тебя до утра: ведь ты еще совсем дитя. Мистер Карлайл, позвоните, пожалуйста. Сам я лишен возможности проводить мою дочь к экипажу.

— Если позволите, Ваша светлость, и если леди Изабель не откажется от услуг человека, малоискусшенного в обращении с молодыми дамами, я почту за честь проводить ее, — слегка смущенно ответил м-р Карлайл, прикасаясь к звонку.

Граф поблагодарил его, молодая леди улыбнулась; мистер Карлайл спустился с ней по широкой освещенной лестнице и, стоя с непокрытой головой у дверцы роскошного экипажа, помог ей подняться в него. Прощаясь, она простым искренним жестом протянула ему свою руку. Карета укатила, и м-р Карлайл вернулся к графу.

— Ну разве она не мила?! — спросил граф.

— Мила — слишком слабое слово для подобной красоты, — тихо ответил м-р Карлайл внезапно потеплевшим голосом. — Я никогда не видел лица, хотя бы отдаленно сравнимого с этим по красоте.

— Она вызвала настоящую сенсацию в Салоне на прошлой неделе, как я слышал. Сам же я из-за этой бесконечной подагры весь день провел дома. Душа у моей девочки, да будет Вам известно, столь же прекрасна, как ее лицо.

Графа нельзя было упрекнуть в необъективности. Природа щедро одарила леди Изабель не только умом и красотой, но и добрым сердцем. Она почти совсем не походила на молодую светскую леди, отчасти потому, что до сих пор была изолирована от светского общества, отчасти благодаря усилиям, приложенным для ее воспитания. Когда ее мать была жива, она жила и в Ист-Линне, но главным образом — в большой графской усадьбе Маунт-Северн, в Уэльсе; после смерти матери она постоянно находилась там под присмотром строгой гувернантки, с немногочисленной прислугой, в то время как граф бывал у них наездами, всякий раз внезапно и ненадолго.

Наша героиня была великодушной и доброжелательной, очень застенчивой и чувствительной, доброй и деликатной со всеми людьми. Право же, не придирайтесь к этой похвале, любите ее и восхищайтесь ею, пока еще не поздно. Сейчас, в своем невинном девичестве, она того стоит; придет время, когда эта похвала, увы, станет незаслуженной. Если бы граф мог предвидеть участь, которая постигнет его дитя, он из любви к ней скорее убил бы ее собственными руками, чем позволил ступить на этот горестный путь.

Глава 2

СЛОМАННЫЙ КРЕСТИК

Леди Изабель продолжала свой путь в экипаже, который спустя некоторое время благополучно доставил ее к дому миссис Ливайсон. Миссис Ливайсон была дамой почти восьмидесяти лет, крайне суровой в речи и манерах, или, как это называла миссис Вейн, «ворчливой». Со сбитым набок чепцом, сердито одергивающая черное атласное платье, она к приходу Изабель выглядела живым олицетворением нетерпения, поскольку мисс Вейн заставила ее дожидаться обеда, а Изабель — чаепития, что весьма вредит как здоровью, так и настроению пожилых людей.

— Боюсь, я опоздала, — воскликнула леди Изабель, приближаясь к миссис Ливайсон, — но некий джентльмен обедал сегодня с папой, что и заставило нас слегка засидеться за столом.

— Ты опоздала на двадцать пять минут, — с упреком воскликнула старая леди, — а мне хочется, наконец, выпить чаю. Эмма распорядилась, чтобы его принесли.

Миссис Вейн позвонила и выполнила эту просьбу. Она была маленькой женщиной двадцати шести лет, с некрасивым лицом, но изящной фигуркой, чрезвычайно утонченной и тщеславной до кончиков ногтей. Ее мать, уже умершая ко времени описываемых событий, была дочерью миссис Ливайсон, а ее муж Раймонд Вейн, был предполагаемым наследником титула графа Маунт-Северн.

— Ты что, не собираешься снимать свой капюшон, дитя мое? — поинтересовалась миссис Ливайсон, которая не разбиралась в новомодных названиях подобных вещей: *mantle*, *bernous*¹ и целая вереница прочих.

Изабель сняла накидку и присела рядом с ней.

— Бабушка, но чай не заварен! — изумленным голосом воскликнула миссис Вейн, когда слуги внесли поднос и серебряный чайник. — Не собираетесь же вы заваривать его здесь, в комнате?!

— А где же, по-твоему, я должна это делать? — осведомилась миссис Ливайсон.

— Но гораздо удобнее, когда его приносят уже заваренным, — сказала миссис Вейн. — Терпеть не могу эту *embarras*² с завариванием.

— Ну конечно! — ответила старая леди. — И он расплескивается в блюдца и делается таким же холодным, как и молоко! Ты всегда была лентяйкой, Эмма, и потом — что за привычка пользоваться этими французскими словечками! Я бы лучше прилепила себе на лоб табличку «Я говорю по-французски», чтобы поведать об этом всему миру.

— А кто вообще заваривает для Вас чай? — спросила миссис Вейн, телеграфируя Изабель презрительную гримаску за спиной своей бабушки.

Но Изабель скромно опустила глаза и залилась густым румянцем. Ей не хотелось в чем-то расходиться с миссис Вейн, гостьей ее отца и особой постарше ее, но даже мысль о неблагодарности и насмешках над престарелой родственницей была ей отвратительна.

— Приходит Гарриет и заваривает его для меня, — ответила миссис Ливайсон, — да уж, а также сидит и пьет чай со мной, когда я одна, что бывает частенько. Ну, что вы скажете на это, мадам Эмма, с Вашими утонченными понятиями?

— Ну конечно же, как Вам будет угодно, бабушка.

— Как раз возле твоего локтя находится чайница, чайник свистит вовсю, и, если мы вообще собираемся пить чай сегодня, его уже пора заварить.

— Я не знаю, сколько сыпать заварки, — проворчала миссис Вейн, которую приводила в ужас перспектива испачкать руки или перчатки, и которая вообще терпеть не могла делать что-нибудь полезное.

— Давайте я заварю чай, дорогая миссис Ливайсон, — сказала Изабель, поднимаясь с готовностью. — Я всегда делала это в Маунт-Северне, и для папы его также завариваю я.

¹ *mantle*, *bernous* (фр.) — накидка, бурнус

² *embarras* (фр.) — морoka

— Сделай милость, дитя мое, — ответила старая леди. — Ты стоишь десяти таких, как она.

Изабель весело рассмеялась, сняла перчатки и села возле столика. В этот момент молодой и элегантный мужчина ленивой походкой вошел в комнату. Он считался красавцем: правильные черты лица, темные глаза, волосы цвета воронова крыла и белоснежные зубы; но внимательный наблюдатель не смог бы не отметить, что выражение его лица нельзя назвать приятным, а эти темные глаза упорно избегают смотреть на собеседника. Это был Фрэнсис, капитан Ливайсон.

Он был внуком старой леди и кузеном миссис Вейн. Немногие мужчины обладали столь обворожительными манерами (в случае необходимости), лицом и фигурой, немногие были столь красноречивы и в то же время столь бессердечны в глубине души... В свете заискивали перед ним и потакали ему во всем, поскольку, будучи бессовестным мотом, что ни для кого не было секретом, он в то же время являлся предполагаемым наследником старого и богатого сэра Питера Ливайсона.

— Капитан Ливайсон, леди Изабель Вейн, — представила их друг другу престарелая матрона, и Изабель, совсем еще дитя, неискушенное в светской жизни, зарделась под восхищенными взглядами, которые стал бросать на нее молодой гвардеец.

Странно, право же странно, что ей довелось познакомиться в один и тот же день, почти в один и тот же час, именно с этими двумя мужчинами, которым суждено будет оказать столь сильное влияние на ее будущую жизнь!

— Какой миленький крестик, дитя мое! — воскликнула миссис Ливайсон, когда Изабель приблизилась к ней по окончании чаепития, чтобы попрощаться и уехать с вечерним визитом в обществе миссис Вейн.

Старая леди имела в виду золотой крестик, украшенный семью изумрудами, который висел на шее Изабель. Вещица была легкой, изящной работы, на короткой и тоненькой золотой цепочке.

— Он просто миленький! — ответила Изабель. — Его подарила мне моя дорогая мама перед смертью. Подождите, я сниму его для Вас. Эту вещь я надеваю только по особо важным случаям.

Итак, ее первый большой бал у герцога представлялся особым событием неопытной девушке, воспитанной в простоте. Она отстегнула цепочку и передала ее вместе с крестиком в руки миссис Ливайсон.

— Бог ты мой, на тебе же нет ничего, кроме этого крестика и никуда негодных жемчужных браслетов! — заявила миссис Вейн. — Как это я не заметила раньше!

— И то и другое подарила мне мама. Она частенько носила эти браслеты.

— Какая же ты старомодная! Разве то, что твоя мама носила эти браслеты много лет назад, является достаточным основанием для того, чтобы ты делала то же самое? — язвительно заметила миссис Вейн. — Почему ты не надела свои бриллианты?

— Я... надевала, но потом... сняла их, — запинаясь произнесла Изабель.

— Почему, скажи на милость?

— Мне не хотелось выглядеть слишком нарядной, — ответила Изабель, рассмеявшись и покраснев. — Они так сверкали! Я боялась, что в обществе подумают, будто я надела их для того, чтобы выглядеть нарядной.

— Вот как! Ты, как я погляжу, претендуешь на принадлежность к той породе людей, которые притворяются, будто презирают украшения, — презрительно заметила миссис Вейн. — Это утонченное жеманство, леди Изабель.

Изабель пропустила насмешку мимо ушей. Она просто отметила, что по какой-то причине миссис Вейн разозлилась; это соответствовало действительности. И причиной тому, хотя Изабель и не подозревала, было явное восхищение ее свежей юной красотой, которого не смог скрыть капитан Ливайсон. Он был до того поглощен ею, что даже сделался невнимательным к миссис Вейн.

— Вот, дитя, возьми свой крестик, — сказала старая леди. — Он очень миленький и смотрится на тебе лучше, чем смотрелись бы бриллианты. Ты не нуждаешься в украшениях, и не обращай внимания на то, что говорит Эмма.

Фрэнсис Ливайсон взял крестик и цепочку из ее рук с тем, чтобы передать их леди Изабель. Или из-за его неловкости, или оттого, что руки ее были заняты, поскольку она держала перчатки, носовой платок, и только что взяла свою накидку — как бы то ни было, но крестик упал, и наш

джентльмен, слишком быстро бросившись поднимать его, умудрился наступить на хрупкую вещицу и сломал ее пополам.

— Посмотрите, что вы наделали! — воскликнула миссис Ливайсон.

Изабель не ответила: сердце ее готово было разорваться. Она взяла сломанный крестик и не смогла сдержать слез.

— Ну вот, кто же плачет из-за какого-то дурацкого крестика! — сказала миссис Вейн, прерывая извинения капитана Ливайсона за свою неловкость.

— Его же можно починить! — вмешалась миссис Ливайсон.

Леди Изабель вытерла слезы и радостно повернулась к капитану Ливайсону.

— Не вините себя, бога ради! — кротко сказала она. — Я виновата не меньше Вас, и потом, миссис Ливайсон говорит, что его можно починить.

Говоря это, она сняла верхнюю часть крестика с цепочки, после чего надела и застегнула ее.

— Не собираешься же ты ехать, не имея на себе ничего, кроме тонкой золотой цепочки! — не выдержала миссис Вейн.

— Почему бы и нет? — возразила Изабель. — Если меня спросят, я скажу, что крестик сломался.

Миссис Вейн разразилась издевательским смехом.

— Если меня спросят! — таким же язвительным тоном повторила она. — Тебя вряд ли «спросят» о чем-нибудь, но будут считать, что у дочери лорда Маунт-Северна, бедняжки, не хватает драгоценностей.

Изабель улыбнулась и покачала головой.

— В Салоне видели мои бриллианты.

— Если бы ты сделал что-нибудь подобное со мной, Фрэнсис Ливайсон, — не выдержала старая леди, — ты бы целый месяц не переступал порог моего дома. Послушай, Эмма: если вы вообще собираетесь ехать, вам уже пора отправляться. Нет, вы только подумайте: начинать бал в десять часов вечера! В мое время мы начинали в семь, но сегодня принято превращать ночь в день.

— Это было в то время, когда Георг Третий в час пополудни обедал вареной бараниной и репой, — нахально вставил капитан, который явно относился к своей бабушке с ничуть не большим почтением, нежели миссис Вейн.

Говоря это, он повернулся к Изабель и предложил ей опереться на его руку для того, чтобы спуститься вниз. Таким образом, второй раз за этот вечер незнакомец провожал ее к экипажу.

Миссис Вейн пришлось спускаться в одиночестве, и настроение ее от этого не улучшилось.

— Спокойной ночи, — сказала она капитану.

— Я не прощаюсь, поскольку приеду следом за вами.

— Вы же говорили, что не поедете. У вас намечалась холостяцкая пирушка.

— Намечалась, но я передумал. До встречи, леди Изабель.

— Ну и как ты будешь выглядеть с единственным украшением в виде цепочки на шее, как у школьницы! — снова стала брюзжать миссис Вейн в экипаже.

— Ах, миссис Вейн, какое это имеет значение? Я не могу думать ни о чем, кроме моего сломанного крестика. Это дурная примета, я уверена.

— Дурная, — что?

— Примета. Мама подарила мне этот крестик, когда умирала. Она велела мне беречь его, как талисман, смотреть на него, если я окажусь в беде или мне потребуется совет, и, постаравшись представить, что она сказала бы мне, поступать соответственно. И вот теперь он сломан, сломан!

Яркий свет газового фонаря на мгновение выхватил из темноты лицо Изабель.

— Опять ты плачешь! — сказала миссис Вейн. Вот что я скажу тебе, Изабель: я не собираюсь сопровождать к герцогине Дартфордской девицу с зареванными красными глазами, поэтому, если ты не прекратишь плакать, я прикажу отвезти тебя домой и отправлюсь на бал одна.

Изабель послушно осушила слезы, тяжело вздыхая.

— Я полагаю, половинки крестика можно соединить, но для меня он никогда уже не будет прежним.

— А куда ты дела их? — раздраженно спросила миссис Вейн.

— Я завернула их в тонкую бумагу, которую дала мне миссис Ливайсон, и положила под платице. Вот они, возле самого тела. Кармана-то у меня нет.

Миссис Вейн испустила стон. Сама она никогда не была девочкой, уже в десять лет будучи взрослой. Теперь миссис Вейн издевательски поздравила Изабель, сказав, что она немногим лучше слабоумной дурочки.

— Положила в платице! — презрительно сказала она. — И это говорит восемнадцатилетняя девушка! Я-то полагала, что ты перестала носить «платица», покинув детскую.

— Я хотела сказать «мое платье», — исправилась Изабель.

— Хотела сказать, что ты круглая дурочка, — про себя прокомментировала миссис Вейн.

Через несколько минут Изабель забыла о своих огорчениях. Сверкающие залы казались ей картинкой из сказочной страны, ибо юная душа ее была по-весеннему свежей, и пресыщение, приходящее с опытом, еще не поселилось в ней.

Да и как могла она помнить о сломанном крестике, отвечая на учтивые поклоны и внимая медоточивым речам, которые лились в ее нежное ушко?

— Привет! — воскликнул студент Оксфорда с внушительной рентой в будущем, прижимавшийся к стене, чтобы не мешать вальсирующим парам. — Я думал, ты больше не посещаешь подобные места.

— Так оно и было, — ответил кутила-аристократ, к которому он обращался. — Но сейчас я в поиске, и мне волей-неволей снова приходится бывать в них. Я полагаю, нет места скучнее танцевальной залы.

— И что же ты ищешь?

— Жену. Мой папаша приостановил мое денежное содержание и поклялся собственной бородой, что не даст ни шиллинга и не заплатит ни по одному из моих долгов, пока я не возьмусь за ум. В качестве предварительного шага к этой благой цели он настаивает на женитьбе, и вот теперь я подыскиваю себе подходящую партию, ибо дела мои обстоят гораздо хуже, чем ты можешь себе представить.

— Ну, тогда женись на новой красотке.

— Кто она?

— Леди Изабель Вейн.

— Покорнейше благодарю, — ответил граф. — Но предпочтительней иметь респектабельного тестя. У нас слишком много общего с Маунт-Северном, и мы можем в конце концов столкнуться лоб в лоб.

— Ну нельзя же иметь все сразу! Девушка необыкновенно хороша собой. Я видел, как этот повеса Ливайсон увивался возле нее. Он воображает, что ни одна женщина не устоит перед ним.

— Чаще всего так оно и бывает, — последовал спокойный ответ.

— Терпеть его не могу! Он такого высокого мнения о себе, о своих вьющихся волосах, ослепительных зубах и белых руках; он безжалостен, как сова. Что это за история с миссис Чартерис, ну та, которую замяли?

— Кто знает. Ливайсон ведь скользкий, как угорь; он вышел сухим из воды, а женщины заявили, что это была вина скорее не его, а противоположной стороны. Подавляющее большинство согласилось с этой точкой зрения. Да вот он идет, и дочь Маунт-Северна с ним.

К ним приближались Фрэнсис Ливайсон и леди Изабель. Он, вероятно, в десятый раз за этот вечер, выражал сожаление по поводу злосчастного происшествия с крестиком.

— Я чувствую, что никогда не смогу искупить своей вины, — тихо говорил он, — даже искренним благоговением перед Вами в течение всей моей жизни.

Голос его был полон восхитительной неги, ласкающей слух, но опасной для сердца. Леди Изабель подняла глаза и увидела, что он не отрываясь смотрит на нее с глубочайшей нежностью, как бы говоря что-то на языке, который был еще неведом ей. Густой румянец снова вспыхнул на ее щеках, она опустила глаза и что-то еле слышно ответила.

— Берегитесь, берегитесь, юная леди Изабель, — тихо прошептал студент, когда они прошли мимо. Лживость этого человека не уступит его росту.

— Я полагаю, он мошенник, — заметил граф.

— А я знаю это наверное: мне о нем кое-что известно. Он разобьет ей сердце ради удовольствия похвастаться победой над такой красавицей, а затем безжалостно отшвырнет ее, поскольку у него самого нет сердца, которое он мог бы подарить в ответ.

— Так же, как у моей скаковой лошади, — сказал граф в заключение. — Она так прекрасна!

Глава 3

БАРБАРА ХЭЙР

Вест-Линн был городком не из последних, особенно в своих собственных глазах, хотя, не будучи промышленным центром, резиденцией епископа или хотя бы главным городом графства, отличался несколько старомодными нравами и обычаями. Горожане избирали двух членов парламента и гордились добротным крытым рынком, над которым находилась большая комната, именовавшаяся «ратушей», где встречались и занимались делами мировые судьи, а в этой местности, нелишним будет заметить, за членами магистрата графства все еще сохранялось такое название, к тому времени почти вышедшее из употребления. На восточной окраине городка находились несколько особняков местной знати, поблизости от которых стояла церковь Св. Джеда, более аристократичная (по составу прихожан), чем прочие церкви Вест-Линна. Эти дома были разбросаны на территории длиной примерно в милю, причем церковь находилась в самом оживленном месте, там, где начинались первые особняки, а еще одной милей дальше стояло чудесное поместье, называвшееся Ист-Линн.

Проезжая по дороге на коляске, можно было любоваться его зеленым холмистым парком, но именно проезжая, а не шагая пешком, ибо стена, вздымавшаяся непростительно высоко, ревниво заслоняла чудесный вид от глаз пешехода. В парке росли огромные красивые деревья, в жаркий солнечный день с равным успехом укрывавшие от солнца и человека и оленя, а огромные ворота с помещениями для привратников по сторонам, стоявшие справа от дороги, открывали доступ в парк, в глубине которого находился дом, не очень большой по сравнению с некоторыми сельскими усадьбами, но построенный, как вилла, белый и радующий глаз.

Между ранее упомянутыми дворянскими особняками и Ист-Линном на протяжении мили тянулась пустынная дорога, укрытая кронами деревьев. Одинокий дом стоял на расстоянии в четверть мили от последних особняков и трех четвертей мили от Ист-Линна. Некрасивое прямоугольное здание из красного кирпича с флюгером на крыше возвышалось слева от дороги и на некотором удалении от нее. Перед ним расстилалась ровная лужайка, а к изгороди, отделявшей его от дороги, примыкала узкая, в несколько ярдов, рощица. Пересекая лужайку, к портику из неотесанных камней вела узкая дорожка, посыпанная гравием, попасть на которую с дороги можно было, миновав узкую железную калитку.

Внутри дома посетитель попадал в большой холл с полом из плитняка, по обеим сторонам которого находились гостиные, а в центре широкая лестница, миновав которую, можно было пройти к службам, к комнатам прислуги. Это местечко, называвшееся Гроув, являлось собственностью и местом проживания Ричарда Хэйра, эсквайра, которого обычно называли судьей Хэйром. Слева от входа находилась общая гостиная, а комната справа была вечно завалена сушеной лавандой, небелеными холстами, и открывалась только в особо торжественных случаях. У судьи и миссис Хэйр было трое детей: сын и две дочери. Старшая из девочек, Анна, рано вышла замуж; младшей, Барбаре, было девятнадцать лет, а Ричард, самый старший... Впрочем, о нем мы расскажем позднее.

Итак, холодным вечером в начале мая, через несколько дней после визита м-ра Карлайла к графу Маунт-Северну, в гостиной сидела миссис Хэйр, бледная хрупкая женщина, укутанная несколькими шальями и обложившаяся многочисленными подушками; кресло ее было придвинуто к камину, в котором, правда, не горел огонь, поскольку день выдался теплым. У окна устроилась прелестная девушка, очень светленькая, белокурая, с голубыми глазами, румяной кожей и тонкими орлиными чертами лица. Она со скучающим видом перелистывала страницы книги.

— Барбара, я уверена, что уже подошло время пить чай.

— Кажется, время совсем остановилось для тебя, мама. Не прошло еще и четверти часа с тех пор, как я сказала тебе, что было только десять минут седьмого.

— Меня мучает жажда, — прошептала бедная больная женщина. — Пожалуйста, взгляни на часы еще разок, Барбара.

Барбара Хэйр встала с недовольным выражением лица, открыла дверь в холл и посмотрела на большие часы.

— До семи еще двадцать девять минут, мама. Хорошо было бы, если бы ты хоть иногда надевала часы; уже в четвертый раз после обеда ты посылаешь меня смотреть, который час.

— Но мне так хочется пить! — повторила миссис Хэйр, всхлипывая. — Ах, если бы часы уже пробили семь! — Мне до смерти хочется чаю.

Вероятно, читателю уже пришло в голову, что леди в своем собственном доме, которой «до смерти хочется чаю», конечно же, могла бы распорядиться, чтобы его принесли, независимо от того, пробил ли положенный час. Верно, но только не миссис Хэйр. С тех пор, как муж впервые привез ее в этот дом двадцать четыре года назад, она ни разу не осмелилась даже выразить свою волю, не говоря уж о том, чтобы по собственной инициативе отдать какое-либо распоряжение. Судья Хэйр был суров, властен и заносчив; она же была робкой, тихой и покорной. Она любила его всем сердцем, и вся ее жизнь была подчинением своей воле воле супруга; фактически, у нее вообще не было воли, и его желания были для нее законом.

Причем это рабство ей было вовсе не в тягость; такие натуры встречаются, но надо отдать должное м-ру Хэйру: всему виной была только его могучая воля, которая не могла не сметать все на своем пути, но не жестокость. У него и в мыслях не было обижать свою жену. Из трех его детей лишь Барбара унаследовала подобную волю, да и то в несколько ослабленном виде.

— Барбара, — снова начала миссис Хэйр, когда ей показалось, что прошло по крайней мере с четверть часа.

— Да, мама.

— Вызови прислугу и скажи, пусть начнут готовить чай, чтобы, когда пробьет семь, подать незамедлительно.

— О, боже мой, мама! Ты же знаешь, что он у них всегда наготове. И потом, к чему такая спешка, если папа к этому времени может еще не вернуться.

Однако она поднялась и раздраженно позвонила, а когда появился слуга, распорядилась подать чай не позднее положенного времени.

— Если бы ты знала, дорогая, как у меня пересохло во рту и в горле, ты была бы более терпелива со мной.

Барбара закрыла книгу, поцеловала мать, как бы раскаиваясь, и вяло повернулась к окну. Она казалась утомленной, но не столько от усталости, сколько оттого, что французы называли «ennui»³.

— А вот и папа идет, — вскоре сказала она.

— Ах, как я рада! — воскликнула бедная миссис Хэйр. — Может быть, он не откажется сразу выпить чаю, если я расскажу ему, как мне хочется пить.

В комнату вошел судья. Это был мужчина среднего роста, с напыщенным лицом, помпезной походкой и париком соломенного цвета. В его орлином носе, сжатых губах и остром подбородке просматривалось сходство с Барбарой, хотя, конечно же, он не обладал и половиной привлекательности своей красивой дочери.

— Ричард, — воззвала к нему из-под шалей миссис Хэйр в тот самый момент, когда он открывал дверь.

— Что?

— Не позволишь ли ты мне выпить чаю сейчас? Ты не будешь возражать, если мы сегодня немного пораньше приступим к чаепитию? У меня снова жар, и язык так пересох, что я едва могу говорить.

— Да ведь уже почти семь часов: тебе не так уж долго осталось ждать.

Ответив на просьбу больной таким необыкновенно любезным образом, мистер Хэйр снова покинул комнату и захлопнул дверь. Он не говорил зло или грубо, а просто с безразличием. Но прежде чем в воздухе растаял смиренный вздох миссис Хэйр, дверь снова отворилась, и в нее опять просунулся соломенный парик.

— А впрочем, можно выпить чаю и сейчас. Сегодня будет чудесная лунная ночь, и мы пойдем с Пиннером к Бьючемпу выкурить по трубочке. Распорядись насчет чая, Барбара.

³ ennui (фр.) — досада, раздражение.

И вот, наконец, чай был подан и выпит, и судья отправился к мистеру Бьючемпу, эсквайру, вместе с мистером Пиннером, который позвал его от калитки. Мистер Бьючемп вел сельское хозяйство на значительной площади и одновременно явился агентом лорда Маунт-Северна, или управляющим Ист-Линна. Его дом находился выше по дороге, чуть подальше Ист-Линна.

— Я так замерзла, Барбара, — поежилась миссис Хэйр, глядя на судью, удалявшегося по дорожке из гравия. — Как ты думаешь: твой отец не счел бы это глупостью, если бы я приказала слугам разжечь огонь?

— Пусть разожгут, если тебе этого хочется, — ответила Барбара, потянув за шнур звонка. — Папа, так или иначе, ничего об этом не узнает, поскольку вернется домой после того, как мы уляжемся спать. Джаспер, мама замерзла и просит разжечь огонь.

— Побольше веток, Джаспер, чтобы разгорелись побыстрее, — сказала миссис Хэйр, умоляюще, словно ветки принадлежали Джасперу, а не ей.

Когда разожгли огонь, миссис Хэйр придвинула свое кресло к камину и поставила ноги на каминную решетку, чтобы согреться. Барбара, по-прежнему апатичная, вышла в холл, сняла с вешалки шерстяную шаль, набросила на плечи и вышла наружу. Она прошла по прямой и аккуратной дорожке и остановилась у железной калитки, глядя на дорогу, абсолютно пустынную в этом месте в столь поздний час. Вечер был спокойным и приятным, хотя и слегка прохладным для начала мая, и на небе уже показалась луна.

— Когда же он вернется домой? — прошептала она, прислонившись головой к калитке. — Ах, что за жизнь была бы без него? Как мне грустно все эти дни! Зачем же он поехал, и что удерживает его там? Корнелия говорила, что он уехал всего на день.

Заслышав слабый звук приближающихся шагов, Барбара слегка отступила назад и спряталась под деревьями, не желая попадаться на глаза случайному прохожему. Но, по мере приближения этих шагов, с ней произошла внезапная перемена: глаза ее загорелись, на щеках вспыхнул румянец, и она затрепетала от восторга каждой жилкой, ибо слишком хорошо знала и любила их. Снова осторожно взглянув поверх калитки, она оглядела дорогу. Высокая фигура, чей рост и мощь были полны грации, о которой сам ее обладатель и не подозревал, стремительно приближалась к ней по направлению от Ист-Линна. Она снова отпрянула: истинная любовь всегда робкая, и, каким бы ни были прочие душевные свойства Барбары Хэйр, по крайней мере ее любовь была истинной и глубокой. Но вместо того, чтобы открыть калитку характерным уверенным и быстрым движением, обладатель этих шагов, казалось, миновал ее, даже не повернув к ней. Сердце Барбары оборвалось, она снова подкралась к калитке и бросила поверх нее тоскующий взгляд.

Ну, конечно же, он шагал мимо, не зайдя и даже не подумав о ней: и тогда она, в своем разочаровании поддавшись первому порыву, окликнула его:

— Арчибальд!

М-р Карлайл — ибо это был не кто иной как он, повернулся на каблуках и подошел к калитке:

— Это ты, Барбара! Высматриваешь воров и браконьеров? Как поживаешь?

— А как вы поживаете? — ответила она, придерживая калитку, чтобы он мог войти, обмениваясь рукопожатием и одновременно пытаясь овладеть собой.

— Когда вы вернулись?

— Только что, восьмичасовым поездом. Который, увы, опоздал, непростительно долго простаивая на остановках. Машинисты и кондукторы, вероятно, не думали, что кто-то был в поезде, что явно было написано на их лицах, когда я выходил. Я еще не был дома.

— Вот как? Что на это скажет Корнелия?

— Я зашел на пять минут в контору. Но мне нужно кое о чем переговорить с Бьючемпом, поэтому я сразу отправился к нему. Благодарю, но сейчас не могу зайти. Я собирался сделать это на обратном пути.

— Папа ушел к мистеру Бьючемпу.

— Вот как!

— Да, вместе со сквайром Пиннером, — продолжала Барбара. — Будут состязаться, кто больше накурится. И если вы станете ждать папу, заходить будет поздно, так как он, конечно же, вернется домой не раньше одиннадцати или двенадцати часов.

Мистер Карлайл в задумчивости склонил голову.

— Тогда, я думаю, мне бесполезно идти туда, — сказал он, — поскольку у меня личное дело к Бьючеппу. Придется отложить его до завтра.

М-р Карлайл закрыл калитку и по дороге к дому взял Барбару под руку. Он сделал это просто и обыденно, без намека на возвышенные чувства, но она почувствовала себя на седьмом небе.

— Ну, как вы тут поживали?

— Спасибо, хорошо. Отчего вы уехали так неожиданно? Вы даже не сказали, что едете, и не зашли попрощаться.

— Ты только что сама все объяснила, Барбара, сказав «неожиданно». Неожиданно возникло одно дело, по которому я и уехал.

— Корнелия сказала, что вы уезжаете всего на день.

— Вот как? В Лондоне всегда находится много дел. Как здоровье миссис Хэйр? Ей лучше?

— По-прежнему. Я думаю, что мамины хвори — надуманные, по крайней мере, половина из них: если бы она немножко встряхнулась, ей стало бы лучше, А что в этом свертке?

— Не спрашивайте, мисс Барбара. Это не для Вас. Это для Вашей мамы.

— Вы что-то привезли маме, Арчибальд!

— Ну, конечно же. Поездка сельского жителя в Лондон предполагает покупку подарков для его друзей; по крайней мере, так было принято в добрые старые времена.

— Когда перед поездкой составляли завещание и по две недели тряслись в повозках, — рассмеялась Барбара. — Дедушка рассказывал нам байки об этом, когда мы были детьми. Но это в самом деле что-то для мамы?

— Разве я не сказал тебе? Но кое-что привез и для тебя.

— Правда?! Что же это? — спросила она, краснея и гадая, шутит он или говорит всерьез.

— Какая нетерпеливая девушка! «Что это?». Погоди минутку, и увидишь.

Он положил пакет, или сверток, который принес с собой, на садовую скамью, и начал рыться в карманах. Был обшарен каждый карман, но без видимых результатов.

— Барбара, кажется, его нет. Наверное, я умудрился потерять его.

Она молча стояла в лунном свете, сердце ее трепетало. Действительно ли он потерял? Что же это было?

Однако со второй попытки он обнаружил что-то в кармане своего фрака.

— Кажется, нашел. Как он туда попал?

Он открыл маленькую коробочку и, вынув из нее длинную золотую цепочку, надел ей на шею. На цепочке висел медальон.

Она то краснела, то бледнела, сердце ее учащенно билось. Она была не в состоянии даже поблагодарить его, и мистер Карлайл, подняв сверток, проследовал к миссис Хэйр.

Барбара появилась через несколько минут. Ее мать стояла в приятном ожидании, наблюдая за движениями м-ра Карлайла. Свечи не были зажжены, но огонь камина служил достаточным источником света.

Не вздумайте смеяться надо мной, — торжественно промолвил он, развязывая тесемки на свертке. — Это не отрез бархата на платье и не пергаментный свиток, дарующий двадцать тысяч фунтов в год. Это — надувная подушка!

Это было именно то, о чем частенько мечтала миссис Хэйр, столь уставшая сидеть и лежать: она слышала, что этот предмет роскоши можно было купить в Лондоне, но ни разу не видела его.

Она взяла подарок дрожащими руками, бросив признательный взгляд на м-ра Карлайла.

— Как мне благодарить Вас? — прошептала она сквозь слезы.

— Только попробуйте меня поблагодарить, и я больше никогда и ничего Вам не привезу, — весело воскликнул он, довольный тем, что угодил ей, поскольку, что бы ни говорили судья и Барбара, он испытывал сильную жалость к миссис Хэйр и сочувствовал ее страданиям. — Я слышал, что вы мечтаете о комфорте, который дает надувная подушка, и когда она попалась мне на глаза в одной из витрин Стрэнда⁴, мне пришло в голову привезти ее для Вас.

— Какая она тонкая! — воскликнула миссис Хэйр.

⁴ Стрэнд — торговый район Лондона

— Тонкая?! Ну конечно же, сейчас она тонкая, поскольку не «зафиксирована»⁵, как говорят наши друзья по ту сторону Атлантики. Посмотрите: так ее надувают. Вот теперь она толстая.

— Это так любезно с Вашей стороны — подумать обо мне, Арчибальд!

— Я ведь говорил Барбаре, что поездка в Лондон предполагает покупку подарков для друзей, — ответил м-р Карлайл. — Посмотрите, как я принарядил Барбару.

Барбара поспешно сняла цепочку и положила ее перед матерью.

— Какая замечательная цепочка! — удивленно воскликнула миссис Хэйр. — Арчибальд, вы слишком добры, слишком щедры к нам! Она, должно быть, очень дорого стоит. Это уже не назовешь скромным подарком.

— Ерунда! — рассмеялся м-р Карлайл. — Вот послушайте, как я купил ее. Я зашел к ювелиру насчет своих часов, которые в последнее время стали отставать самым бесцеремонным образом, и увидел целую коллекцию цепочек, от толстых и увесистых, скорее подходящих для шерифов, до легких и изящных, словно созданных для Барбары, ибо я терпеть не могу толстых цепочек на дамских шейках. Они напоминают мне о цепочке, которую потеряла Барбара в тот день, когда я взял ее и Корнелию в Линборо; вину за эту потерю Барбара упорно приписывает мне, поскольку я потащил ее осматривать достопримечательности, пока Корнелия делала покупки.

— Да я же просто шутила, — прервала его Барбара. — Это, конечно же, случилось бы и без Вас: звенья той цепочки все время ломались.

— Так вот: эти цепочки в лондонском магазине напомнили мне о том досадном происшествии, и я выбрал одну из них. Затем продавец принес несколько медальонов, стал распространяться о том, как в них удобно хранить волосы усопших родственников, не говоря уже о локонах возлюбленных, и делал это до тех пор, пока я не позволил ему надеть один из медальонов на эту цепочку. Я подумал, что ты, Барбара, могла бы хранить в нем дорогую для тебя прядь волос, — сказал он в завершение, понизив голос.

— Чью прядь? — спросила миссис Хэйр.

М-р Карлайл обвел взглядом комнату, словно боясь, что стены могут услышать его шепот.

— Ричарда. Барбара как-то показала мне ее, когда перетряхивала содержимое своего стола, и сказала, что этот локон отрезан во время болезни.

Миссис Хэйр снова опустилась в свое кресло и закрыла лицо сильно задрожавшими руками. Эти слова явно затронули какой-то источник глубокой печали.

— О, мой мальчик, мой мальчик! — запрочитала она. — Мой мальчик, мой бедный мальчик! Мистер Хэйр удивляется моей хвори, Арчибальд, Барбара насмехается над ней, но именно это является источником всех моих страданий, умственных и телесных. Ах, Ричард, Ричард!

Наступила печальная пауза, ибо ни утешению, ни надежде уже не было здесь места.

— Надень свою цепочку, Барбара, — сказал мистер Карлайл, спустя некоторое время, — и желаю тебе здоровья крепче, чем эта цепочка. Здоровья вам и нравственного совершенствования, юная леди.

Барбара улыбнулась и посмотрела на него красивыми голубыми глазами, полными любви.

— Что вы привезли для Корнелии? — возобновила она разговор.

— Нечто великолепное, — ответил он с шутливо серьезным лицом, — надеюсь только, что меня не надули. Я купил ей шаль. Продавцы божились, что это настоящий кашемир из Парижа; надеюсь, он не окажется обычной манчестерской выделки.

— Ну, если это так, то Корнелия распознает подделку.

— Я бы за это не поручился. Но, что касается меня, я не понимаю, почему британские товары должны уступать пальму первенства иностранным, — заметил м-р Карлайл в порыве патриотизма. — Если бы я носил шали, я выбросил бы самую распрекрасную французскую ради добротной настоящей шали, сделанной на одной из наших собственных фабрик, в Норидже или Пейсли.

— Если бы вы действительно носили их, вы бы скоро запели по-другому, — важно сказала Барбара.

Миссис Хэйр отняла руки от своего бледного лица.

⁵ Американцы употребляют глагол *to fix* (фиксировать, устанавливать, укреплять) в значении «подготавливать, приводить в порядок» и пр.

— Сколько она стоила? — поинтересовалась она.

— Я скажу вам, если вы пообещаете не выдавать меня Корнелии. Она отругает меня за расточительность, обернет ее китайской шелковой бумагой и никогда больше не наденет ее. Я отдал восемнадцать гиней.

— Это очень много, — заметила миссис Хэйр. — Она, вероятно, очень хорошего качества. За всю свою жизнь я ни разу не заплатила за шаль более шести гиней.

— А Корнелия, осмелюсь предположить, более трех, рассмеялся мистер Карлайл. — Ну да ладно, я должен пожелать вам спокойной ночи и отправиться к ней, ибо, если она узнает, что я уже давно вернулся, нотации мне не избежать.

Он пожал руки обеим женщинам. Барбара, однако, прошла с ним до парадной двери и вышла наружу.

— Ты простудишься, Барбара. Твоя шаль осталась в доме.

— О нет, я не простужусь. Почему вы уходите так скоро? Вы не пробыли и десяти минут.

— Но ты забываешь, что я еще не был дома.

— Вы же все равно шли к Бьючемпу, и не вернулись бы домой ранее, чем через час или два, — заговорила Барбара голосом, в котором сквозила обида.

— Это другое дело: бизнес, а Корнелия ничего не имеет против деловых встреч. Но не будет конца и края нотациям, если я позволю себе задержаться просто так, не по делу. Можешь не сомневаться, у нее на языке вертится с полтысячи вопросов о Лондоне. Барбара, мне кажется, твоя мама очень плохо выглядит.

— Вы же знаете, как она переживает из-за мелочей, а прошлой ночью она видела один из своих вещей снов, — ответила Барбара. — Она говорит, это предупреждение о том, что произойдет какое-то несчастье, и пребывает весь день в самом несчастном, лихорадочном состоянии. Папа очень сердится на ее слабость и нервозность и заявляет, что она должна встряхнуться и не давать волю нервам. Мы, конечно же, не осмеливаемся рассказать ему про этот сон.

— Это был сон...

М-р Карлайл остановился; Барбара, вздрогнув, посмотрела по сторонам и придвинулась поближе к нему, чтобы ответить шепотом. На этот раз он не вел ее под руку.

— Да, про убийство. Вы же знаете: мама всегда заявляла, что Бетел имеет какое-то отношение к этому делу. Она говорит, одних ее снов достаточно для того, чтобы убедить ее в этом, а она во сне видела его с... Вы знаете с кем.

— Хэллиджон? — прошептал м-р Карлайл.

— С Хэллиджоном, — подтвердила Барбара, вздрогнув. — Тот стоял над ним, лежащим на полу именно так, как он лежал в действительности, а несчастная Эфи стояла в дальнем конце кухни и смотрела.

— Но миссис Хэйр не должна позволять снам тревожить ее в дневное время, — возразил м-р Карлайл. Неудивительно, что ей снится убийство, поскольку она неотступно думает о нем, но ей нужно постараться отбросить кошмар вместе с ночью темнотой.

— Ну вы же знаете маму. Конечно, она должна поступить именно так, но не может этого сделать. Папа спрашивает, почему она встает утром такой больной и дрожащей, и маме приходится придумывать всяческие отговорки, ибо, как вы знаете, с ним нельзя ни единым словом обмолвиться об убийстве.

М-р Карлайл печально кивнул.

— Мама твердит все одно и то же про Бетела. Я-то знаю: причина этого кошмара лишь в том, что вчера она видела его проходящим мимо нашей калитки. И не то, чтобы она подозревала его в совершении убийства: для этого, к сожалению, нет оснований; но она упорно твердит, что он замешан в нем каким-то образом, и видит его в своих ночных кошмарах.

М-р Карлайл молча продолжал свой путь: что он, в самом деле, мог ответить на это? Дом м-ра Хэйра был запятнан, и это была грустная тема. Барбара продолжала:

— Но это так абсурдно со стороны мамы: вбить себе в голову, будто «случится что-то недоброе» потому, что она видела этот сон, и расстраиваться из-за этого; я весь день сердилась на нее. Знаете, Арчибальд: так глупо в наше просвещенное время верить, будто сны являются предзнаменованием будущих событий!

— У твоей мамы большая беда, Барбара; а она не самый сильный человек.
— Я думаю, у нас все беды были большими с того темного вечера, — ответила Барбара.
— Есть новости от Анны? — поинтересовался м-р Карлайл, желая сменить тему.
— Да, у нее все в порядке. И как, вы думаете, они собираются назвать ребенка? Анной, как ее и маму. Что за уродливое имя: Анна!

— Я так не думаю, — сказал м-р Карлайл. — Простое и без претензий; мне оно очень нравится. Сравни с длинными, претенциозными именами в нашей семье: Арчибальд, Корнелия! Да и твое собственное тоже — «Барбара»! Каждое из них еле выговоришь!

Барбара наморщила лоб. Это было равносильно признанию, что ему не нравится ее имя.

— Ты не знаешь, много ли сегодня было работы у мировых судей? — возобновил он разговор.

— Очень много, насколько мне известно. Но вы пробыли у нас так недолго, что у меня не было времени рассказать новости.

Они подошли к калитке, и м-р Карлайл собирался уже выходить, когда Барбара задержала его за руку и тихо сказала:

— Арчибальд.

— В чем дело?

— Я еще не поблагодарила Вас за это, — сказала она, коснувшись цепочки с медальоном. — Я не могла произнести ни слова. Не считайте меня неблагодарной.

— Ты глупенькая девушка — это не стоит благодарности. Вот! Теперь мы в расчете. Спокойной ночи, Барбара.

Он, наклонившись, поцеловал ее в щеку, смеясь, распахнул калитку и зашагал прочь.

— Не говори, что я тебе никогда ничего не даю, сказал он, обернувшись. — Доброй ночи.

Она дрожала каждой жилкой, все ее чувства были в смятении, сердце трепетало от восторга. Она не могла припомнить ни одного раза, когда бы он целовал ее, с самого детства. И когда она вернулась в дом, миссис Хэйр задумалась о том, что могло быть причиной такого необычно хорошего настроения дочери.

— Пусть принесут лампы, Барбара, а ты можешь поработать. Только не закрывайте ставни: люблю смотреть на улицу, когда ночи такие светлые.

Барбара, однако, и не думала работать; возможно, ей тоже нравилось «смотреть на улицу в светлую ночь», поскольку она села у окна. Она заново переживала последние полчаса своей жизни.

— Не говори, что я тебе ничего не даю, — шептала она. — Что он имел в виду: цепочку или поцелуй? О, Арчибальд, почему ты не сказал, что любишь меня?

В течение всей своей жизни м-р Карлайл был очень близок с Хэйрами. Первая жена его отца — ибо покойный адвокат Карлайл был женат дважды — приходилась кузиной судье Хэйру, и семьи проводили много времени вместе. Арчибальд, сын второй жены м-ра Карлайла, то дразнил, то обнимал Анну и Барбару Хэйр, как поступают все мальчишки. Иногда он ссорился с красивыми девчонками, иногда был ласков с ними, как если бы они были его сестрами; он без малейших угрызений совести заявлял при всех, что ему больше нравилась Анна. Она была девочкой доброй и уступчивой, как ее мать, в то время как Барбара всегда проявляла свою волю, что иногда приводило к столкновениям между ней и молодым Карлайлом.

Часы пробили десять. Миссис Хэйр взяла свой ежевечерний бренди с водой в маленьком стакане, наполненном на три четверти. Она считала, что без него никогда не сможет заснуть: «Он заглушает тревожные мысли», — говорила она.

Барбара приготовила ей напиток, повернулась к окну, но больше не садилась. Она стояла прямо напротив него, прислонившись головой к средней створке окна. Позади нее находилась яркая лампа, и фигура Барбары была бы отчетливо видна с лужайки, случись кому-нибудь наблюдать за нею в этот момент.

Так она стояла, в самом центре страны грез, вся во власти ее обманчивых колдовских чар. В мечтах она уже видела себя женой м-ра Карлайла, которой трижды завидуют все в Вест-Линне, ибо он был не только самым желанным человеком на свете для нее, но и самым завидным женихом в округе. Не было ни одной мамы, не желавшей заполучить его для своего дитяти, не было ни одной дочки, которая не ответила бы «Да!» и «Благодарю Вас», если бы статный Арчибальд Карлайл сделал ей предложение.

— Я не была уверена, то есть совершенно уверена, в этом до сегодняшнего вечера, — шептала Барбара, поглаживая медальон и прижимая его к щеке. — Я всегда думала, что у него могут быть какие-то намерения, а может и не быть никаких, но подарить мне поцелуй... поцеловать меня... О, Арчибальд!

Последовала пауза. Барбара смотрела на луну.

— Если бы он только сказал, что любит меня, если бы он только облегчил муки моего страдающего сердца! Но это должно случиться, я знаю, что это произойдет; и если эта сварливая, противная старуха Корни...

Барбара замолчала. Что это мелькнуло там, в дальнем конце лужайки, прямо перед тенью толстых деревьев? Тени от их крон были неподвижны в эту безветренную ночь, а там что-то двигалось. И это что-то, явно похожее на фигуру человека, уже находилось там несколько минут. Что это было? Ну конечно же: человек делал ей какие-то знаки. Или это почудилось? Но вот человек сделал шаг вперед и поднял что-то, что было у него на голове — помятую широкополую шляпу из фетра, с пучком соломы вокруг тульи. У Барбары душа ушла в пятки, как гласит пословица, и лицо ее стало мертвенно бледным в лунном свете. Первой ее мыслью было позвать слуг, второй — не поднимать шума, поскольку она вспомнила все то, страшное и таинственное, что было связано с этим домом. Она прошла в холл, затворив дверь в гостиную, где все еще сидела ее мать, и остановилась в тени портика, не спуская глаз с привлекавшей ее внимание фигуры. Но человек, видимо, видел все ее передвижения, поскольку снова снял шляпу и неистово замахал ею. Барбаре Хэйр стало дурно от страха; она должна была исследовать это явление, увидеть, кто это или что это было, поскольку она не решалась позвать слуг, а движения настойчиво повторялись, и их нельзя было проигнорировать. Но природа отмерила ей больше врожденной смелости, чем прочим юным леди.

— Мама, — сказала она, когда вернулась в гостиную за шалью, стараясь говорить как можно спокойнее, — я пойду прогуляюсь и посмотрю, не возвращается ли папа.

Миссис Хэйр не ответила. Она думала о чем-то своем, пребывая в спокойном, счастливом состоянии духа, которое малая толика спиртного дает физически слабым людям. Она минутку постояла, чтобы собраться с силами; ей снова нетерпеливо помахали шляпой.

Барбара Хэйр двинулась к таинственной фигуре с чувством страха перед неведомым злом, которое заполнило ее сжимавшееся сердце, и вдруг с внезапным ужасом почувствовала, что к нему добавился страх перед еще одним неведомым злом — тем, которое, по словам миссис Хэйр, предвещали ее сны.

Глава 4

БЕСЕДА ПОД ЛУНОЙ

Дом выглядел холодным и застывшим в лунном свете. Казалось, луна еще никогда не светила так ярко, освещая далеко тянувшийся сад и даже флюгер на крыше дома, сияя над портиком, когда в нем появилась Барбара. Она выскользнула из портика и пошла в ужасном страхе, не отрывая глаз от рожицы в нижней части сада. Что же это было? Что вышло из-за деревьев и поманило ее таинственным жестом, когда она стояла у окна, отчего у нее буквально оборвалось сердце?

Был ли это человек, пришедший, чтобы причинить еще одно несчастье дому, на долю которого и так выпало немало, был ли это гость из мира теней или же просто обман зрения? Последнее, конечно же, исключалось, поскольку таинственная фигура появилась снова, призывая ее тем же самым жестом, и с побелевшим лицом и дрожью в теле Барбара плотнее закуталась в шаль и в лунном свете двинулась вниз по дорожке. Поманившая ее фигура скрылась под темными деревьями, когда Барбара приблизилась, и тогда наша героиня остановилась.

— Кто ты, или что ты? — спросила она шепотом.

— Что тебе нужно?

— Барбара, — раздался в ответ горячий шепот, — разве ты не узнаешь меня?

Ну как же она могла не узнать, по крайней мере, голос; у нее вырвался крик, в котором были и радость и ужас, но больше последнего. Она пробежала между деревьями и разрыдалась, оказавшись в руках человека, одетого в костюм сельскохозяйственного рабочего. Несмотря на его холщовый халат, шляпу с пучком соломы и накладные бакенбарды, черные как преисподняя, она признала в нем своего брата.

— О, Ричард! Откуда ты? Что привело тебя сюда?

— Ты узнала меня, Барбара? — ответил он вопросом на вопрос.

— Ну как же я могла узнать тебя переодетым таким образом! У меня мелькнула мысль, что это может быть кто-нибудь от тебя, и мне уже стало дурно от страха. Зачем же ты так рисковал, явившись сюда? Ведь если тебя увидят, это означает верную смерть, смерть на... ты знаешь сам!

— На виселице, — ответил Ричард Хэйр. — Я знаю об этом, Барбара.

— Зачем же тогда рисковать? Если тебя увидит мама, это окончательно убьет ее.

— Я больше не могу жить так, как сейчас, — мрачно ответил он. — Я все время работал в Лондоне с тех пор, как...

— В Лондоне! — перебила Барбара.

— В Лондоне, и никогда не выезжал из него. Но у меня тяжелая работа, и сейчас есть возможность устроиться получше, если я сумею достать немного денег. Может быть, мне удастся раздобыть их у моей матери; за этим-то я и приехал.

— Кем ты работаешь? Где?

— В конюшне.

— В конюшне! — воскликнула она глубоко потрясенным голосом. — Ричард!

— А ты ожидала, что я торговец или банкир, или же секретарь одного из министров ее величества, а может быть, джентльмен без определенных занятий, живущий на свое состояние? — резко ответил Ричард Хэйр с такой мукой в голосе, что его было больно слышать. — Я получаю двенадцать шиллингов в неделю, Барбара, и это на все про все!

— Бедный Ричард, бедный Ричард! — заплакала она, и слезы закапали на его руку, которую она нежно гладила. — Какое несчастье произошло в ту ночь! Единственным утешением нам служит мысль, что ты Ричард, наверняка был не в себе, когда совершил это.

— Я вообще не совершал этого, — ответил он.

— Что?! — воскликнула она.

— Барбара, клянусь, что я не виновен; клянусь, что меня не было там в момент убийства; клянусь тебе, что я не видел, кто сделал это, своими глазами, и знаю об этом не больше тебя. Но

мне достаточно догадываться, и я так же уверен в правоте своей догадки, как в том, что луна находится на небесах.

Барбара вздрогнула и потеснее прижалась к нему: сам предмет разговора уже вызывал дрожь.

— Ты же не собираешься обвинить Бетела?

— Бетела! — презрительно ответил Ричард Хэйр. — Он здесь ни при чем. Хотя он и осматривал свои силки и западни в ту ночь, браконьер несчастный!

— Бетел не браконьер, Ричард!

— Вот как? — многозначительно возразил Ричард Хэйр. — Правда о том, кто он такой, может всплыть в один прекрасный день. И не то, чтобы я хотел этого: этот человек не причинил мне никакого зла и, что касается меня, пусть себе безнаказанно браконьерствует хоть до самого судебного дня. Он и Локсли...

— Ричард, — перебила его сестра, понизив голос, — у мамы есть одна навязчивая идея, от которой она не может избавиться. Она уверена, что Бетел имеет какое-то отношение к убийству.

— В таком случае она ошибается. С чего она это взяла?

— Я не могу сказать, как впервые возникло это убеждение: думаю, она и сама не знает. Но ты же помнишь, какая она болезненная и мнительная, и с той самой ужасной ночи она постоянно видит «сновидения», имея в виду, что ей снится убийство. Во всех этих снах фигурирует Бетел; и мама, как она говорит, чувствует абсолютную уверенность в том, что он каким-то образом в этом замешан.

— Барбара, он замешан в убийстве не более тебя.

— А... ты говоришь, что ты тут ни при чем?

— Меня в это время даже не было в коттедже, клянусь тебе! Это сделал не кто иной, как Торн.

— Торн! — как эхо, повторила Барбара, поднимая голову. — Кто такой Торн?

— Я не знаю, кто он. Хотел бы я знать, хотел бы я докопаться до него. Он был другом Эфи.

Барбара надменным жестом откинула назад голову.

— Ричард!

— Что?

— Ты забываешься, упоминая это имя при мне.

— Ну, хорошо, — ответил Ричард, — я подвергал себя опасности не для того, чтобы обсуждать такие вещи. И доказывать свою невиновность бесполезно: вердикт следователя не отменить: «Ричард Хэйр-младший виновен в преднамеренном убийстве». Отец по-прежнему настроен против меня?

— Еще как! Он никогда не упоминает твое имя и не позволяет этого другим: он приказал слугам никогда более не произносить его в доме. Элиза не могла, или не хотела, запомнить это и по-прежнему называла твою комнату «комнатой мистера Ричарда». Я думаю, она делала это не нарочно, не из озорства, чтобы позлить папу: ты же знаешь, что она была хорошей служанкой и проработала у нас три года. Когда она провинилась первый раз, папа предупредил ее, после второго раза он грозно отчитал ее, как, я думаю, никто на свете не умеет, кроме него; после третьего раза он вывел ее за порог, даже не позволив забрать шляпку. Другая служанка вынесла ей шляпку и шаль к калитке, и в тот же день были отправлены коробки с ее вещами. Папа поклялся, что... Ты не слышал об этом?

— Какая клятва? Он их дает множество.

— Это была торжественной, Ричард. После вынесения приговора он поклялся в судейской, в присутствии своих коллег, мировых судей, что, если сумеет найти тебя, предаст в руки правосудия, и он сделает это, даже если ты объявишься через десять лет. Ты знаешь его характер, Ричард, и можешь не сомневаться, что он сдержит обещание. Право же, для тебя очень опасно находиться здесь.

— Он никогда не относился ко мне хорошо, — с горечью воскликнул Ричард. — Если у меня было слабое здоровье, из-за чего бедная мама баловала меня, являлось ли это достаточным основанием для того, чтобы высмеивать меня при малейшей возможности, публично и наедине? Если бы я был немножко счастливее дома, я не искал бы компании на стороне. Барбара, ты должна разрешить мне переговорить с моей матерью.

Барбара задумалась, прежде чем ответить.

— Я не знаю, как это устроить.

— Почему бы ей не выйти ко мне, как это сделала ты? Она еще не легла спать?

— Сегодня вечером об этом и думать нечего, — обеспокоенно ответила Барбара. — Папа может вернуться с минуты на минуту: он сегодня у Бьючемпа.

— Так тяжело быть в разлуке с нею восемнадцать месяцев и вернуться, не повидавшись, — ответил Ричард. — А как насчет денег? Мне нужно сто фунтов.

— Приходи сюда завтра вечером, Ричард: деньги для тебя, конечно же, можно раздобыть, чего нельзя с уверенностью сказать о твоём свидании с мамой. Меня ужасно тревожит опасность, которой ты подвергаешься. Но если, по твоим собственным словам, ты невиновен, — добавила она после небольшой паузы, — нельзя ли это доказать?

— Кто станет доказывать? Против меня — серьезные улики, а Торн, если я упомяну его, для других людей будет выдуманным лицом: никто ничего не знал о нём.

— А он не выдуман? — тихо спросила Барбара.

— А мы с тобой? — резко ответил Ричард. — Вот как! Даже ты не веришь мне?

— Ричард, — внезапно воскликнула она, — почему бы не рассказать все Арчибальду Карлайлу? Если вообще кто-то способен помочь тебе и сделать что-то для доказательства твоей невиновности, то это именно он. И ты же знаешь, что на него можно положиться.

— Ни одна живая душа, кроме Карлайла, не должна знать о том, что я здесь, Барбара; а какие вообще предположения высказываются относительно моего местонахождения?

— Некоторые считают тебя мертвым, некоторые думают, что ты в Австралии. Эта неопределенность чуть не свела маму в могилу. Прошел слух, что тебя видели в Ливерпуле, на корабле, отплывающем в Австралию, но мы не смогли выяснить, насколько он обоснован.

— Не обоснован совершенно. Я пробрался в Лондон, где все время и находился.

— Работая на конюшне?

— Ничего лучшего я не мог найти. Профессии у меня нет никакой, а в лошадях я смыслу. Кроме того, человеку, за которым охотятся полицейские ищйки, более безопасно пребывать в неизвестности, нежели...

Барбара внезапно повернулась и закрыла ему рог ладонью.

— Ни слова, Бога ради! — прошептала она. — Папа возвращается.

Послышались голоса приближавшихся к калитке людей; это были судья Хэйр и эсквайр Пиннер. Последний проследовал далее, а судья вошел в калитку. Брат и сестра прижались друг к другу, едва осмеливаясь дышать: казалось, можно было услышать, как стучит сердце Барбары. Мистер Хэйр затворил калитку и пошел по дорожке.

— Я должна идти, Ричард, — торопливо сказала она. Не могу больше оставаться ни минуты. Приходи сюда снова завтра вечером, а я тем временем посмотрю, что можно сделать.

Она готова была броситься бежать, но Ричард удержал ее.

— Мне показалось, ты не поверила утверждению о моей невиновности. Барбара, мы одни здесь, в безмолвии ночи, и лишь Господь слышит нас. Так вот: я не лгал тебе, и это так же верно, как то, что рано или поздно мы оба должны предстать перед ним. Хэллиджона убил Торн, и я к этому не имел ни малейшего отношения.

Барбара выбежала из-под деревьев и пустилась к дому, но мистер Хэйр уже готовился запереть дверь изнутри и закрыть ее на засов.

— Впусти меня, папа, — окликнула она.

Судья открыл дверь, и его соломенный парик, орлиный нос и изумленные глаза выразили живейшее удивление.

— Вот-те раз! Почему это вы прогуливаетесь в столь поздний час, молодая леди?

— Я пошла к калитке посмотреть, не возвращаешься ли ты, — задыхаясь, выпалила она, — и... прогулялась по боковой дорожке. Ты разве не видел меня?

Барбара была правдива по природе и воспитанию, но как ей было избежать обмана в подобной ситуации.

— Спасибо, папа, — сказала она, входя в дом.

— Тебе уже час назад следовало бы находиться в постели, — сердито ответил судья Хэйр.

Глава 5

КОНТОРА МИСТЕРА КАРЛАЙЛА

В центре Вест-Линна стояли, примыкая друг к другу, два дома: один побольше, другой — намного меньше. В большом доме жил м-р Карлайл, дом поменьше был отведен под контору. Имя Карлайла пользовалось высокой репутацией в графстве; Карлайл и Дэвидсон были известны как первоклассные практикующие адвокаты, а не мелкие крючкотворцы. В прежние времена фирма называлась «Карлайл и Дэвидсон», теперь Арчибальд Карлайл работал один. Прежние компаньоны были родственниками: первая жена м-ра Карлайла была сестрой м-ра Дэвидсона. После ее смерти остался один ребенок, Корнелия, которая была уже взрослой, когда ее отец снова женился. Вторая жена м-ра Карлайла умерла при родах, и Корнелия, будучи сестрой Арчибальда лишь наполовину, растила, любила и наставляла его. Она для него была таким же авторитетом, как мать; да ведь он и не знал другой матери и в раннем детстве даже называл ее «мама Корни». Мама Корни, конечно же, исполнила свой долг по отношению к нему, но она никогда не ослабляла своей хватки: и теперь она пыталась железной рукой управлять им в большом и малом, так же, как делала это, когда он был младенцем. И Арчибальд обычно уступал ей, ибо сила привычки очень велика. Она была женщиной в целом разумной, но не без некоторых странностей: преобладающей страстью в ее жизни была любовь к Арчибальду и стремление экономить деньги. М-р Дэвидсон умер раньше, чем м-р Карлайл, и его состояние было завещано поровну Корнелии и Арчибальду, ибо сам он так и не женился. Арчибальд не был ему родственником по крови, но он любил непосредственного мальчика больше, чем свою племянницу Корнелию. Из состояния же м-ра Карлайла лишь малая часть была завещана его дочери, а все остальное — сыну, и это, возможно, было справедливо, ибо двадцать тысяч фунтов приданого второй жены м-ра Карлайла помогли ему нажить большое состояние.

Мисс Карлайл, или, как ее называли в городке, мисс Корни, до сих пор была не замужем. Было совершенно ясно, что и в будущем она не свяжет себя узами брака; люди говорили, что причиной ее одиночества — не что иное, как сильная привязанность к брату, поскольку вряд ли дочь состоятельного м-ра Карлайла испытывала недостаток в претендентах на ее руку и сердце. Прочие старые девы признавались, что испытывают нежные чувства и надеются, что рано или поздно кто-то предложит им сменить девичью фамилию и стать чьей-то «лучшей половиной». Мисс Карлайл была отнюдь не такова: она быстро выпроваживала всех, кто приближался к ней со сказками о неразделенной любви. Последняя попытка была предпринята новым помощником приходского священника на сороковом году ее жизни. Он явился к ней в дом ранним утром в белом воскресном галстуке, натянув по такому случаю пару новых перчаток бледно-лилового цвета. Мисс Корни, будучи весьма активной домоправительницей, даже слишком активной, по мнению слуг, как раз отдавала распоряжения касательно обеда. В число заказанных блюд входил, помимо прочего, пудинг с патокой, и она лично спустилась в кладовую с миской, чтобы набрать необходимое количество патоки. Вход в кладовую находился в столовой, куда и проводили гостя. Мисс Карлайл, которая всегда вела себя запросто, без церемоний, вышла из кладовой с миской патоки в руках, которую водрузила прямо на стол, приготовившись выслушать преподобного джентльмена; последний, будучи на двенадцать лет моложе ее и отличаясь крайней стеснительностью, долго ходил вокруг да около.

Сей запинаящийся визитер был очень некстати, поскольку для пудинга срочно требовалась патока, и мисс Корни всячески старалась помочь ему, вставляя слова за него, когда он запинаясь. Она полагала, что он пришел по вопросу о благотворительности, и нетерпеливо поглядывала на него сверху вниз, поскольку он был почти на фут⁶ меньше ростом.

Когда же наконец открылась страшная правда о том, что он покушается на нее лично и на ее деньги, мисс Карлайл на короткое время полностью утратила самообладание. Она завопила, что

⁶ Фут — около 30,5 см

он, зеленый мальчишка, должен стыдиться подобных речей, и выплеснула содержимое миски на его безупречно чистую манишку.

О том, как удрученный священнослужитель вышел из дома и добирался до своего жилища через весь Вест-Линн, он позднее не хотел даже вспоминать. Все подростки женского и мужского пола, нянчившие младенцев или разносившие посылки, слетались на это зрелище и шли за ним по пятам, открыто высказывая предположение (с различной степенью зависти), что бедняга не иначе как засунул голову в бочонок с патокой у бакалейщика, чтобы тайком полакомиться благодатной субстанцией, и возмущенный хозяин, застав его на месте преступления, окунул в патоку. Эта история стала широко известна, и больше мисс Корни предложениями руки и сердца не беспокоили.

На следующий день после своего возвращения, утром, м-р Карлайл сидел в своем личном кабинете в здании конторы. Возле него стоял доверенный клерк и управляющий, который непосредственно занимался делами даже больше, чем сам м-р Карлайл.

Это был не кто иной, как м-р Дилл, маленький лысый человечек, весьма кроткий на вид. Он был внесен в реестр адвокатов и получил право на собственную практику уже много лет назад, но своего дела так и не открыл: возможно, он считал должность главного управляющего в конторе Карлайла и Дэвидсона, с ее внушительным жалованием, вполне достаточным для его честолюбия. Нелишним будет заметить, что он служил управляющим у Карлайла и Дэвидсона еще в те поры, когда Карлайл-младший под стол пешком ходил. М-р Дилл был холостяком и занимал просторную квартиру неподалеку от конторы; злые языки говорили, что он являлся преданным обожателем мисс Карлайл, робко поклонявшимся ей на расстоянии. Трудно сказать, насколько это соответствовало действительности; несомненно лишь то, что он был чрезвычайно привязан к своему теперешнему хозяину, мистеру Арчибальду, как он его обычно называл.

В эту минуту он докладывал о том, что произошло за время отсутствия м-ра Карлайла.

— Джонс и Рашуорт все-таки столкнулись между собой, — воскликнул он, почти подойдя к концу своего списка, — и развязка наступит на процессе во время летней сессии суда. Вчера они оба, друг за другом, пожаловали сюда, причем каждый хотел, чтобы вы представляли его интересы; сегодня они явятся за ответом.

— Я не буду представлять никого из них, — сказал м-р Карлайл. — Не хочу иметь с ними ничего общего. Это бесчестные люди. Прежде всего, уже то, что они вообще получили деньги, было делом незаконным. Когда у жуликов разлад, честные люди торжествуют. Я категорически отказываюсь: пусть отправляются еще к кому-нибудь.

— Хорошо, — ответил м-р Дилл.

— Пришел полковник Бетел, — сказал клерк, открыв дверь и обращаясь к м-ру Карлайлу. — Можете ли вы принять его?

М-р Дилл повернулся к клерку:

— Попросите полковника подождать. Ну вот, пожалуй, и все на данный момент, — добавил он, обращаясь к своему хозяину, когда клерк удалился.

— Очень хорошо. Дилл, через несколько дней придут некоторые бумаги по искам и закладные на поместье Ист-Линн; их должны прислать вместе с документами, подтверждающими право на имущество. Я хотел бы, чтобы вы лично просмотрели их, никому о них не рассказывая.

М-р Дилл спокойно кивнул.

— Ист-Линн переходит в новые руки, а, приобретая собственность у человека, находящегося в стесненных обстоятельствах, наподобие Маунт-Северна, следует быть внимательным и осторожным, — продолжал м-р Карлайл.

— Несомненно. Он уже дошел до предела?

— Я полагаю, он близок к нему; но сделка по Ист-Линну держится в секрете. Вы понимаете: никому ни звука.

— Конечно, мистер Арчибальд. Кто покупатель? Это прекрасное приобретение.

М-р Карлайл улыбнулся.

— Вы узнаете его имя задолго до того, как оно станет достоянием гласности. Изучите документы тщательнейшим образом. А теперь пригласите Бетела.

Между кабинетом м-ра Карлайла и комнатой клерков находилось небольшое прямоугольное пространство в виде холла, в которое также можно было попасть из общего коридора; дверь из

этого холла вела в узенькую комнатку, которая служила личным кабинетом м-ру Диллу. В ней он принимал клиентов, когда м-р Карлайл отсутствовал или был занят; здесь же он отдавал конфиденциальные распоряжения. Маленькое окошко, не больше форточки, выходило из нее в комнату клерков; они окрестили его «глазком Дилла» и ненавидели всеми фибрами души, ибо его очки маячили в нем чаще, чем им того хотелось бы.

У нашего почтенного джентльмена также имелся стол в комнате клерков, за которым он частенько работал. Именно за ним он и восседал в это утро с важным видом, зорко посматривая по сторонам, когда кто-то робко отворил дверь, и в ней появилось красивое личико Барбары Хэйр, розовое от смущения.

— Могу ли я видеть м-ра Карлайла?

М-р Дилл поднялся и поздоровался с ней за руку. Она увлекла его в коридор, и он затворил за собой дверь. Возможно, он был немало удивлен, ибо ему не приходилось еще видеть, чтобы молодые незамужние леди спрашивали м-ра Карлайла.

— Чуть позже, мисс Барбара. Сейчас он занят. У него находятся мировые судьи.

— Судьи! — встревоженно воскликнула Барбара. — И папа тоже? Что же мне делать? Он не должен видеть меня: ни за что на свете мне не хотелось бы, чтобы он меня увидел.

Она вздрогнула: звук голосов явно свидетельствовал о приближении судей, вышедших от м-ра Карлайла. М-р Дилл схватил Барбару за руку, юркнул с нею через комнату клерков, не решаясь вести ее другим путем, чтобы не столкнуться с судьями, и закрыл в своем кабинете.

— Что привело сюда папу именно в этот час? — думала Барбара, лицо которой буквально пылало.

Через несколько минут м-р Дилл снова открыл дверь.

— Они ушли, и путь свободен, мисс Барбара.

— Я не знаю, что вы обо мне подумали, мистер Дилл, — прошептала она, — но скажу вам по секрету, что пришла сюда по делу вместо мамы, которая неважно себя чувствует и не может прийти сама. Это небольшое личное дело, в которое она не хотела бы посвящать папу.

— Дитя мое, — ответил управляющий, — адвоката посещает множество людей, и это не та работа, которая позволяет что-то о них «думать».

С этими словами он открыл дверь, проводил ее к м-ру Карлайлу и оставил их одних.

Мистер Карлайл встал, немало удивленный.

— Считайте меня клиентом и простите, Бога ради, за вторжение, — сказала Барбара, деланно рассмеявшись, чтобы скрыть свое возбуждение. — Я здесь по поручению мамы; и я чуть не встретила с папой у вас в коридоре, что перепугало меня до потери сознания. Мистер Дилл спрятал меня в своем кабинете.

М-р Карлайл жестом предложил Барбаре сесть, после чего занял свое место за столом. Барбара невольно отметила, как его поведение в своей конторе отличается от вчерашнего, когда он был «вне службы». Здесь он был степенным и спокойным деловым человеком.

— Я должна рассказать вам нечто необыкновенное, — начала она шепотом, — но... не услышит ли нас кто-нибудь? — с испуганным видом остановилась она. — Это было бы... это означало бы... смерть.

— Это совершенно исключено, — спокойно ответил м-р Карлайл. — Здесь двойные двери, ты не заметила?

Тем не менее, она встала и подошла вплотную к м-ру Карлайлу. Она стояла, положив руку на стол. Он, разумеется, тоже встал.

— Ричард вернулся.

— Ричард? — повторил м-р Карлайл. — В Вест-Линне!

— Вчера вечером он появился возле дома переодетым и стал подавать мне знаки из рощи. Вообразите мое смятение! Все это время он был в Лондоне, полуголодный, работал — мне стыдно говорить об этом вам — на конюшне. Ах, Арчибальд, он говорит, что невиновен!

М-р Карлайл ничего не ответил: возможно, он не верил этому утверждению.

— Садись, Барбара, — сказал он, придвинув стул поближе.

Барбара снова села, но говорила по-прежнему торопливо и нервно.

— Точно ли никто посторонний не может сюда войти? Мое появление здесь выглядело бы довольно странным. Но маме слишком нездоровилось, или, скорее, она боится папиных расспросов в том случае, если он узнает о ее визите к вам.

— Не беспокойся, — ответил м-р Карлайл, — этот кабинет надежно защищен от вторжений посторонних людей. Так что Ричард?

— Он говорит, что его не было в коттедже в то время, когда было совершено убийство. Что тем, кто на самом деле совершил его, был некто по имени Торн.

— Какой Торн? — спросил м-р Карлайл без малейших признаков недоверия, во всяком случае внешних.

— Я не знаю; он говорит, это друг Эфи. Арчибальд, он торжественно поклялся, и я верю, что он говорил правду, так же искренне, как в то, что сейчас повторяю это вам. Я хотела бы, чтобы вы увиделись с Ричардом, если это возможно: он сегодня вечером придет на то же место. Если он расскажет вам свою историю, вы, возможно, придумаете, каким образом можно доказать его невиновность. Вы такой умный: вы можете все.

М-р Карлайл улыбнулся.

— Ну, предположим, не абсолютно все, Барбара. Ричард за тем и приехал, чтобы рассказать об этом?

— О, нет: он считает это бесполезным, поскольку никто не поверит ему при многочисленных уликах против него. Он приехал попросить сто фунтов; говорит, что мог бы устроиться получше, если бы располагал этой суммой. Мама послала меня к вам: у нее самой нет денег, и она не решилась просить их для Ричарда у папы. Она велела мне сказать, что если вы любезно выручите ее этой суммой сегодня, она договорится с вами о возврате долга.

— Деньги нужны тебе немедленно? — спросил м-р Карлайл. — Если так, я должен послать за ними в банк. Дилл в мое отсутствие никогда не хранит много денег в помещении фирмы.

— Это потерпит до вечера. Сможете ли вы увидеться с Ричардом?

— Это опасно, — задумался м-р Карлайл, — для него, я имею в виду. Однако, если он будет сегодня в роще, почему бы и мне не прийти туда? Как он одет?

— В форму сельскохозяйственного рабочего — это лучшее, что он смог здесь найти — с большими черными бакенбардами. Он остановился примерно в трех милях, по его словам, в одном укромном месте. А теперь, — продолжала Барбара, — я прошу вашего совета: говорить ли маме, что Ричард здесь, или же нет?

М-р Карлайл заявил, что не понимает ее.

— Я совсем запуталась, — воскликнула она. — Надо же было сначала объяснить: я еще не сказала маме, что Ричард сам приехал сюда, а сообщила ей, что он прислал кого-то просить этих денег. Как вы считаете: следует ли все рассказать ей?

— Почему бы и нет? Я полагаю, ты обязана сделать это.

— Так я и сделаю. Я не хотела рисковать, поскольку она, без сомнения, будет настаивать на свидании с ним. Ричард также просит о встрече.

— Это же так естественно. Миссис Хэйр, должно быть, счастлива узнать, что пока он в безопасности.

— Я никогда не видела ничего подобного, — ответила Барбара. — Это перемена сродни чуду: она говорит, что это заново вдохнуло в нее жизнь. И теперь — последнее: как бы нам выманить папу из дома сегодня вечером? Нужно обязательно устроить это. Вы же знаете его характер: если кто-то из нас предложит ему пойти и повидаться с кем-либо из друзей, или же сходить в клуб, он обязательно останется дома. Не могли бы вы придумать что-нибудь? Видите, я всякий раз в беде обращаюсь к вам, — добавила она, — так же, как мы с Анной делали это, когда были детьми.

Нельзя было с уверенностью сказать, расслышал ли м-р Карлайл последнее замечание, ибо он в задумчивости опустил веки.

— Ты мне все рассказала? — спросил он наконец, поднимая их.

— Думаю, что да.

— Тогда я все это обдумую и...

— Мне не хотелось бы снова приходить сюда, — перебила его Барбара. — Это... это может вызвать подозрения: кто-то может увидеть меня и сообщить об этом папе. И вы также ни в коем случае не должны посылать кого-либо к нам.

— Хорошо: придумай какой-нибудь предлог, чтобы оказаться на улице в четыре часа. Погоди-ка, вы же в это время обедаете; прогуливайся по улице в три, ровно в три: я встречу тебя.

Он встал, обменялся с ней рукопожатием и проводил Барбару через маленький холл, далее по коридору к входной двери — любезность, которой м-р Карлайл, вероятно, не достаивал еще ни одного клиента. Дверь закрылась за Барбарой, и она отошла не более, чем на шаг, когда над ней нависло нечто громадное, как корабль, идущий на всех парусах.

Вероятно, она была самой высокой леди на свете.

В свое время довольно изящная женщина, теперь она была угловатой и костистой. Однако, несмотря на углы и кости, в наружности мисс Карлайл было нечто величественное.

— Вот те на! С какой это стати, — начала она, — ты встречалась с Арчибальдом?

Барбара, запинаясь, выложила ей ту же историю, что и м-ру Диллу.

— Твоя мама послала тебя по делу! Никогда не слышала ничего подобного. Я дважды приходила к Арчибальду, и дважды Дилл отвечал мне, что он занят и его нельзя беспокоить. Я заставлю старого Дилла объяснить, по какой причине он что-то держит в секрете от меня.

— Никакого секрета, — ответила Барбара, которой сделалось дурно от мысли, что мисс Карлайл объявит об этом клеркам или ее отцу. — Мама хотела знать мнение мистера Карлайла по одному небольшому вопросу и послала меня, поскольку ей самой нездоровилось.

Мисс Карлайл не поверила ни единому слову.

— Какой такой вопрос? — бесцеремонно спросила она.

— Ничего интересного для вас. Пустяковое дело касательно небольшой суммы денег. Право же, просто пустяк.

— Ну, если такое пустяковое дело, то почему вы так долго совещались наедине с Арчибальдом?

— Он хотел знать детали, — ответила Барбара, снова обретая самообладание.

Мисс Карлайл фыркнула, что она неизменно делала, отступаясь от проблемы, которую была неспособна решить. Корни была уверена, что тут что-то нечисто. Она повернулась и пошла вниз по улице с Барбарой, но вытянуть что-нибудь из последней вряд ли представлялось возможным.

М-р Карлайл вернулся в свой кабинет, о чем-то задумался на несколько секунд, а затем позвонил. Появился клерк.

— Отправляйтесь в «Оленью Голову». Если м-р Хэйр и другие мировые судьи еще там, попросите их зайти ко мне.

Молодой человек повиновался и вскоре вернулся в сопровождении вышеупомянутых судей. Они с готовностью откликнулись на приглашение, ибо отдавали себе отчет в том, что зашли в тупик, из которого их мог вывести только м-р Карлайл.

— Я не приглашаю вас садиться, — начал м-р Карлайл, — поскольку задержу всего одну минуту. Чем больше я думаю об этом человеке, которого посадили в тюрьму, тем меньше мне это нравится; и вот я подумал, что, может быть, лучше вам всем пятерым прийти сегодня вечером ко мне, чтобы выкурить по трубке и обсудить, не торопясь, как следует поступить. Приходите в семь часов, не позднее, и вас будут поджидать длинные трубки и старинные кружки моего отца, наполненные лучшим элем. Согласны?

Все пятеро охотно приняли приглашение. Когда они вереницей потянулись к выходу, м-р Карлайл притронулся к руке судьи Хэйра.

— Обязательно приходите, мистер Хэйр, — прошептал он. — Без вас мы ни до чего не договоримся: все эти головы вместе взятые, — последовал легкий кивок в сторону выходивших коллег м-ра Хэйра, — не могут заменить Ваших трезвых и ясных суждений.

— Всенепременно приду, — отвечал польщенный судья, — случись даже пожар или наводнение.

Вскоре после того, как м-р Карлайл остался один, вошел другой клерк:

— Вас хочет видеть мисс Карлайл, сэр, а также полковник Бетел.

— Пригласите сначала мисс Карлайл, — последовал ответ. — В чем дело, Корнелия?

— И он еще спрашивает! Сказал утром что не сможет пообедать в шесть часов, а затем удалился, так и не назначив времени обеда. Как мне теперь распорядиться?

— Я думал, что буду отсутствовать по делу, но теперь я никуда не иду. Мы пообедаем немного пораньше, Корнелия, ну, скажем, без четверти шесть. Я пригла...

— Что здесь затевается? — перебила мисс Карлайл.

— Ничего не затевается, насколько мне известно. Я очень занят, Корнелия, и меня ждет полковник Бетел; поговорим за обедом.

В ответ на этот прозрачный намек мисс Карлайл неспешно уселась в кресло для посетителей и положила ногу на ногу, полностью продемонстрировав свои туфли и белые чулки, ибо мисс Корни терпеть не могла длинные платья, равно как и кринолины, а точнее, надувные аппараты, как тогда назывались перетянутые шпуром нижние юбки, ибо кринолины еще не вошли в моду.

— Я имею в виду, что там такое затевается у Хэйров, ради чего Барбара приходит сюда и закрывается с тобой? Она сказала, это какое-то дело, касающееся ее матери.

— Ну ты же знаешь, в какую переделку угодил Хэйр и все остальные судьи, засадив этого беднягу в тюрьму, потому что он вырвал сорняк в своем саду в воскресенье, — ответил м-р Карлайл после едва заметной паузы. — Миссис Хэйр...

— Старые ослы! — последовало лестное замечание мисс Карлайл. — Все эти судьи, вместе взятые, не наскребут и унции здравого смысла.

— Миссис Хэйр, естественно, очень хочется знать мое мнение, поскольку этот человек подал апелляцию на имя министра, и у них могут быть неприятности. Барбара сказала, что ей нездоровилось и она не могла прийти сама. Корнелия, у нас сегодня будет вечеринка.

— Вечеринка! — эхом отозвалась мисс Карлайл.

— Четверо или пятеро судей придут выкурить по трубке. Ты поставишь свинцовую табакерку отца и...

— Не пуцу! — возопила мисс Карлайл. — Я что, по-твоему, должна отравляться табачным дымом из дюжины трубок?

— Тебе не обязательно сидеть в комнате.

— Им тоже. По всему дому только что повесили чистые занавески, и я не позволю закоптить их этими ужасными трубками!

— Корнелия, — ответил м-р Карлайл серьезным и решительным тоном, который всегда имел на нее действие, какой бы своенравной она ни была, — я пригласил их по делу, понимаешь: по делу; и они придут к нам. Если возражаешь против их пребывания в гостиной, мне придется пригласить их в мою спальню.

Слово «бизнес» всегда имело для мисс Карлайл только одно значение, а именно — «делать деньги». М-р Карлайл знал ее слабость и играл на ней иногда, если другими средствами достичь цели не удавалось. Ее любовь к деньгам доходила почти до страсти; получить деньги или узнать, что он получает их, было для нее счастьем. Чего нельзя было сказать о нем: сколько тягб, которые могли бы озолотить его, дойди дело до суда, ему удалось уладить, и скольких противников он помирил своими честными, искренними советами!

— Я куплю тебе новые занавески, Корнелия, если теперешние пострадают от их трубок, — спокойно продолжал он. — И я действительно вынужден просить тебя уйти.

— Не раньше, чем я доберусь до сути этого дела с Барбарой Хэйр, — решительно ответила мисс Корни, смирившись с поражением в деле с трубками. — Ты очень умен, Арчи, но меня ты не обманешь. Я спросила Барбару, зачем она пришла сюда. Она ответила, что это было какое-то дело касательно денег для ее матери. Я спрашиваю тебя, и ты говоришь, что они хотят знать твое мнение о той переделке, в которую угодили судьи. И то, и другое — неправда, и вот что я скажу тебе, Арчибальд: я узнаю, в чем тут дело. Я хотела бы знать, какие у тебя секреты с Барбарой Хэйр.

Она совершенно прямо сидела в своем кресле и пристально смотрела на него с немалой высоты, которой даже в сидячем положении достигала ее величественная фигура. Они были мало похожи друг на друга: разве что шириной лба и тем, как у обоих волосы росли, выгибаясь дугой от висков. Волосы мисс Карлайл уже начали седеть, и она носила их локонами, исключительно гладко зачесанными назад и столь же исключительно ровно скрепленными посредством гребешков. Лицо ее было бледным, с неплохими чертами, и совершенно непримечательное, если не считать твердого, решительного выражения; глаза ее, широко открытые и пронизательные, были того оттенка, который принято называть «зеленым». И, хотя она и не могла похвастаться особой красотой, в Вест-Линне хватало женщин, менее привлекательных, нежели Корнелия Карлайл.

М-р Карлайл хорошо знал ее и это решительное выражение лица, а потому принял решение рассказать ей правду. Она была абсолютно надежной, как сталь, если прибегнуть к характеристике, которую Барбара дала ее брату. Доверьте секрет мисс Карлайл — и она похоронит его в себе; но не дай бог ей заподозрить, что от нее что-то скрывают: она станет буквально рыть землю, как хорек, и не остановится, пока не докопается до сути дела.

М-р Карлайл наклонился вперед и заговорил шепотом:

— Я расскажу тебе, если ты хочешь, но это не то, что тебе было бы приятно услышать. Вернулся Ричард Хэйр.

Мисс Карлайл выглядела совершенно ошеломленной:

— Ричард Хэйр? Он что, сумасшедший?

— Да, это не самый разумный поступок. Он просит денег у матери, и миссис Хэйр послала Барбару ко мне с просьбой устроить это для нее. Ничего удивительно нет в том, что Барбара была нервной и обеспокоенной, поскольку опасности грозят со всех сторон.

— Он находится у них в доме?

— Ну как же он может быть там вместе со своим отцом? Он сейчас в укромном месте в двух-трех милях, переодетый в батрака, и сегодня вечером придет в роццу за деньгами. Я пригласил судей, чтобы выманить мистера Хэйра из его дома: если он увидит Ричарда, он, без сомнения передаст его в руки правосудия, и, если даже не думать о самом мрачном, от этого не будет лучше ни мне, ни тебе. Родственник, повешенный за предумышленное убийство, будет несмываемым пятном на репутации Карлайлов.

Мисс Карлайл сидела молча, наморщив широкий лоб, и обдумывала услышанное.

— Теперь ты знаешь все, Корнелия, и я прошу оставить меня, ибо сегодня я завален работой.

Она поднялась без единого слова и вышла, наконец оставив брата в покое. Он схватил записку, явно первую попавшуюся под руку, вложил ее в конверт, заклеил его и адресовал самому себе. Затем он вызвал м-ра Дилла и вручил ему это послание. Последний с удивлением разглядывал надпись.

— Дилл, сегодня в восемь вечера принесите это послание ко мне домой. Не передавайте его с кем-то, а спросите меня лично. Вы понимаете?

Старый джентльмен кивнул и положил записку в карман.

В три часа пополудни, шагая по улице, м-р Карлайл встретил Барбару.

— Все улажено, — сказал он, проходя мимо. — Сегодня вечером, Барбара, судьи, и твой отец в их числе, будут у меня дома угощаться элем и покуривать трубки.

Она посмотрела на него снизу вверх с сомнением во взгляде:

— Но тогда — если вы будете принимать их, вы не сможете прийти и встретиться с Ричардом.

— Положись на меня, — только и ответил он, заторопившись прочь.

Глава 6

РИЧАРД ХЭЙР-МЛАДШИЙ

Судьи в полном составе пришли в назначенное время: в семь часов они явились в дом к мисс Карлайл один за другим. Читатель может не согласиться с определением «дом мисс Карлайл», но оно тем не менее, верно, поскольку дом действительно принадлежал ей, а не ее брату. Хотя он и продолжал жить в нем, как при жизни своего отца, здание было собственностью, завещанной мисс Карлайл.

Мисс Карлайл, несмотря на трубки и дым, решила присутствовать при разговоре. В городке говорили, что она была таким же хорошим юристом, как и ее отец: она, без сомнения, обладала здравым суждением по юридическим вопросам, а также острой проницательностью.

В восемь часов в комнату вошел слуга и обратился к своему хозяину:

— Вас хочет видеть мистер Дилл, сэр.

Мистер Карлайл встал и вскоре вернулся с распечатанным письмом в руке.

— К сожалению, я вынужден оставить вас на полчаса. Появилось очень важное дело, но я вернусь, как только смогу.

— Кто прислал за тобой? — немедленно осведомилась мисс Корни.

Он ответил ей спокойным взглядом, который она поняла как предупреждение не задавать вопросов.

— Здесь находится мистер Дилл, который присоединится к вам, чтобы обсудить это дело, — сказал он гостям. — Он знает законы получше, чем ваш покорный слуга. Я не задержусь.

Он вышел из дома и стремительно зашагал к роще. Луна светила ярко, так же, как и прошлым вечером. Оставив город за спиной и проходя мимо разбросанных окрест вилл, уже упоминавшихся в нашем повествовании, он бросил произвольный взгляд на лес, поднимавшийся за домами, слева от него. Этот лес назывался Монастырским, поскольку в стародавние времена в его окрестностях располагалось аббатство, от которого давно не осталось ничего, кроме преданий. Прямо в лесу стоял небольшой дом, или коттедж; именно в нем произошло убийство, из-за которого подвергалась опасности жизнь Ричарда Хэйра. Дом был заброшен, так как никто не хотел арендовать его или жить в нем.

М-р Карлайл открыл калитку, которая вела в рощу, и стал всматриваться в окружающие его со всех сторон деревья, но не мог ни увидеть, ни услышать ничего, что свидетельствовало бы о присутствии Ричарда. Барбара стояла у окна, глядя наружу; она сама открыла дверь м-ру Карлайлу.

— Мама ужасно взволнованна, — прошептала она ему, когда он вошел. — Я знала, что так оно и будет. Он уже пришел?

— В этом я не сомневаюсь, но пока не подавал никаких сигналов.

Миссис Хэйр в лихорадочном возбуждении, с малиновым румянцем на нежных щеках, стояла возле своего кресла, не садясь в него. М-р Карлайл передал ей бумажник.

— Я принес большую часть денег банкнотами, — сказал он. — Ему будет легче нести их, нежели золотые монеты.

Ответом ему был благодарный взгляд миссис Хэйр, которая обеими руками сжала руку м-ра Карлайла.

— Арчибальд, я должна увидеть моего мальчика; как это устроить? Выйти мне к нему в сад, или же ему можно прийти сюда?

— Я полагаю, он может прийти сюда; вы же знаете, как вам вреден ночной воздух. Как насчет слуг?

— Похоже, все складывается благоприятно, — сказала Барбара. — Сегодня день рождения Анны, поэтому мама попросила меня отнести на кухню пирог, бутылку вина и попросить их выпить за ее здоровье. Я заперла дверь и сказала им, чтобы устраивались поудобнее: мы позвоним, если нам что-либо потребуется.

— Тогда все в порядке; — заметил м-р Карлайл, — и Ричард может войти.

— Пойду выясню, пришел ли он, — сказала Барбара.

— Останься здесь, Барбара, я пойду сам, — прервал ее м-р Карлайл. — Когда увидишь, что мы поднимаемся по дорожке, открой нам дверь.

Барбара тихонько вскрикнула и, задрожав, вцепилась в руку м-ра Карлайла:

— Вот он! Видите: вышел из-под деревьев, как раз напротив окна.

М-р Карлайл повернулся к миссис Хэйр.

— Я не сразу приведу его. Раз я пришел переговорить с ним, нужно сделать это сразу, чтобы я мог вернуться домой, к судьям, и задержать там мистера Хэйра.

Он вышел из дома, достиг рощи и углубился в нее; прислонившись спиной к дереву, его ожидал Ричард Хэйр.

Под одеждой батрака и жгучими черными бакенбардами скрывался голубоглазый, белокурый молодой человек приятной наружности, хрупкий, среднего роста, и такой же кроткий и нежный, как его мать.

В ней эта мягкая кротость характера воспринималась как благородная черта, в Ричарде — скорее как заслуживающая презрения слабость.

В детстве его прозвали «Диком-листочком», и, если человек, новый в тех местах, интересовался причиной такого прозвища, ему отвечали, что, как ветер качает листья, так всякий может помыкать этим мальчиком, который никогда не сумеет настоять на своем. Короче говоря, Ричард Хэйр, хотя и был натурой доброй и любящей, не обладал избытком того, что люди называют умственными способностями. Конечно, он обладал некоторым умом, но не слишком острым.

— Мама выйдет ко мне? — спросил Ричард, обменявшись несколькими фразами с м-ром Карлайлом.

— Нет. Ты пойдешь в дом. Твой отец ушел, слуги закрыты на кухне и не увидят тебя. Хотя если бы и увидели, не узнали бы в этом наряде. Роскошные бакенбарды, Ричард!

— Тогда пойдете в дом. Я сам не свой, пока не уберусь отсюда! Деньги готовы?

— Да, да. Но, Ричард, твоя сестра говорит, что ты хотел поведать мне, что же на самом деле случилось в ту страшную ночь. Тебе лучше рассказать об этом здесь.

— Это Барбара хотела, чтобы вы услышали эту историю; для меня самого это не слишком важно. Да расскажи я это хоть всему городку, это все равно будет бесполезно, так как мне никто не поверит, даже вы.

— А ты все-таки попробуй, Ричард, только как можно короче.

— Ну, дома меня бранили за то, что я так часто бываю у Хэллиджона. Мои отец и мать думали, что я ухлестываю за Эфи: может, так оно и было, а может быть, и нет. Хэллиджон попросил одолжить ему мое ружье, и в тот вечер, когда я отправился повидаться с Эф... в общем, повидаться кое с кем... ну, это не важно...

— Ричард, — перебил м-р Карлайл, — есть старая поговорка, к которой стоит прислушаться: «Ничего не скрывай от своего юриста и своего врача». Для того, чтобы я мог решить, можно ли попытаться что-то сделать для тебя, ты должен рассказать мне всю правду; в противном случае лучше вообще ничего не рассказывать. Это должна быть истинная правда.

— Ну что ж: должен так должен, — ответил Ричард, не став упорствовать. — Да, я любил эту девушку, и для того, чтобы сделать ее своей женой, готов был бы ждать, пусть даже долгие годы, пока не стану сам распоряжаться своей судьбой. Вы же знаете: без согласия отца я не смог бы сделать этого.

— Твоей женой? — переспросил м-р Карлайл, подчеркнув последнее слово.

Ричард удивился.

— Но вы же не полагаете, будто у меня были иные намерения! Я никогда не сделал бы такой подлости.

— Хорошо, продолжай, Ричард. Она отвечала тебе взаимностью?

— Не уверен. Иногда мне казалось — да, иногда — нет; она все время хитрила и изворачивалась; а еще ей слишком нравилось бывать... с ним. Сначала я думал, она капризничает, говоря, чтобы я не приходил в тот или иной вечер, но, как выяснилось, это были те вечера, когда она ждала его. Вместе мы там никогда не бывали.

— Ты забываешь, что не назвал «его» по имени, Ричард. Я, признаться, озадачен.

Ричард наклонился так, что его черные бакенбарды касались плеча м-ра Карлайла.

— Это был Торн, черт бы его побрал!

М-ру Карлайлу вспомнилось имя, которое упомянула Барбара.

— Что за Торн? Никогда не слышал о таком.

— Я думаю, о нем вообще никто не слышал в Вест-Линне. Уж он-то позаботился об этом! Он жил в нескольких милях отсюда и всегда приезжал тайком.

— Ухаживать за Эфи?

— Да, он приезжал именно за этим, — яростно воскликнул Ричард. — Расстояние не было помехой. Бывало, прискачет в сумерки, привяжет лошадь к дереву в лесу, и часок-другой любезничает с Эфи или в доме, когда ее отец отсутствовал, или гуляя по лесу, когда он был дома!

— Ближе к делу, Ричард, Что произошло в тот вечер?

— У Хэллиджона сломалось ружье, и он попросил одолжить ему мое. Я договорился встретиться с Эфи у них дома в тот вечер, куда и отправился после обеда, прихватив ружье с собой. Отец окликнул меня и спросил, куда я иду; я ответил, что мы побродим по лесу с молодым Бьючемпом, поскольку не хотел выслушивать его упреки. Эта ложь обернулась против меня во время следствия. Когда я, наконец, добрался до жилища Хэллиджона дальней дорогой вдоль поля и лесной тропинкой, как я это обычно делал, ко мне вышла Эфи, очень холодная, какой она умела бывать иногда, и заявила, чтобы я отправлялся домой, поскольку она не может принять меня. Когда мы разговаривали, мимо прошел Локсли и увидел меня с ружьем в руке. Я повиновался Эфи: она могла делать со мной что угодно, ибо я готов был целовать землю, по которой она ходила. Я отдал ей ружье, предупредив, что оно заряжено, после чего она ушла в дом, закрыв за собой дверь. Однако, я не ушел: у меня появилось подозрение, что у нее был Торн, хотя она и отрицала это, и я спрятался в деревьях неподалеку от дома. Снова появился Локсли и окликнул меня, чтобы узнать, зачем я прячусь. Я отошел чуть подальше и не ответил — какое ему было дело до моей личной жизни, — что также обернулось против меня на следствии. Вскоре, минут через двадцать, я услышал выстрел с той стороны, в которой находился коттедж. Я подумал: «Кто-то на вечерней зорьке стреляет куропаток», ибо солнце как раз садилось, и в этот момент я увидел, как Бетел выскочил из-за деревьев и побежал к коттеджу. Это был тот самый выстрел, которым убили Хэллиджона.

Наступила пауза. М-р Карлайл пристально посмотрел на Ричарда в лунном свете.

— Вскоре, почти в ту же самую минуту, как мне показалось, кто-то, задыхаясь, пронесся по тропинке, ведущей от дома. Это был Торн. Меня поразил его вид: никогда я не видел человека в таком страхе. Лицо его было мертвенно-бледным, зубы оскалены, а глаза, казалось, вылезут из орбит. Если бы я был посильнее, я бы набросился на него, ибо сгорал от ревности: мне стало понятно, что Эфи отослала меня за тем, чтобы увидеться с ним.

— Мне показалось, ты говорил, что Торн никогда не приезжал до сумерек? — заметил м-р Карлайл.

— До того самого вечера — никогда, насколько мне известно. Однако, он там был в этот момент — вот и все, что я могу сказать. Он пронесся мимо, и вскоре я услышал стук копыт лошади, галопом уносившей его прочь. Я задумался, что же так напугало его; потом мне пришло в голову, что, возможно, он поссорился с Эфи. Я побежал к дому, взлетел по ступенькам и — боже мой, Карлайл! — упал, споткнувшись о распростертое тело Хэллиджона. Он лежал прямо с краю, на кухонном полу, и был мертв. Все вокруг него было забрызгано кровью, и рядом валялось мое ружье, которое только что разрядили в него: он был убит выстрелом в бок.

Ричард остановился, чтобы перевести дух. М-р Карлайл не произнес ни слова.

— Я позвал Эфи. Никто не ответил. Никого не было на первом этаже и, казалось, на втором тоже. Я почувствовал что-то вроде паники, страха: вы же знаете, дома мне всегда говорили, что я трус; я не мог бы ни минуты остаться с покойником, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Я схватил ружье и уже убежал, когда...

— Зачем ты поднял ружье? — перебил его м-р Карлайл.

— Мысли проносятся у нас в голове быстрее, чем мы могли бы произнести их, особенно в такие моменты, — последовал ответ Ричарда Хэйра. — Какая-то смутная идея возникла у меня в голове: мое ружье не должны найти возле убитого Хэллиджона. Как я уже говорил, я выскочил из двери, когда из леса, прямо напротив, вышел Локсли; не знаю, что нашло на меня, но я сделал

самое худшее из всего, что мог сделать — снова швырнул ружье вовнутрь и убежал, хотя Локсли и кричал мне вслед, чтобы я остановился.

— Ничто так не свидетельствовало против тебя, как это, — заметил мистер Карлайл. — Локсли показал на следствии, что видел, как ты покинул коттедж с ружьем в руке, явно в сильном потрясении, что ты заколебался, как бы от страха, увидев его, а затем бросил ружье обратно и скрылся.

Ричард топнул ногой:

— Эх, и все из-за моей проклятой трусости! Лучше бы из меня сделали женщину и вырастили в юбке! Но позвольте мне продолжить. Я встретил Бетела. Он стоял там, где ранее деревья были вырублены полукругом. Я понял, что Бетел, если он шел прямо к коттеджу, должен был встретить Торна, когда тот выходил из него. «Вы встретили эту «гончую»? — спросил я его. «Какую гончую?» — ответил Бетел. «Да этого молодчика Торна, который ухаживает за Эфи», — ответил я, поскольку, будучи в сильном волнении, не поостерегся произносить ее имя. «Я не знаю никакого Торна, — ответил Бетел, — и вообще не знаю никого, кроме тебя, кто ухаживал бы за Эфи». «Вы слышали выстрел?» — продолжал я. «Да, слышал, — ответил он. — Полагаю, это был Локсли, который сегодня вышел поохотиться». «А я видел, как вы, — продолжал я, — поворачивали за угол, по направлению к дому Хэллиджона». «Так я и сделал, — сказал он, — после чего, несколькими шагами выше, углубился в лес. Ты к чему клонишь?» «Разве вы не встретили Торна, выбегавшего из коттеджа?» — настаивал я. «Никого я не встретил, — сказал он, — и вообще не верю, что кроме нас и Локсли, поблизости есть еще кто-нибудь». Я оставил его в покое и ушел, — закончил Ричард Хэйр. — Он явно не видел Торна и ничего не подозревал.

— И в ту же самую ночь ты сбежал, Ричард. Это был роковой шаг.

— Да, я сглупил. Я думал, что затаюсь и посмотрю, как будут развиваться события; но вы не все знаете. Тремя или четырьмя часами позже я снова отправился в коттедж и минутку поговорил с Эфи. Этого мне никогда не забыть. Я не успел произнести ни слова, как она набросилась на меня, крича, что я убил ее отца, и забилась в истерике прямо на траве. На шум выбежали люди — их оказался полон дом — и я удалился. «Если она считает меня виновным, что же говорить о других», — рассуждал я; в ту же ночь я ушел, чтобы скрыться на день-другой в укромном месте, пока все не прояснится. Увы, ничего так и не прояснилось: было проведено расследование, и вердикт окончательно сразил меня. А Эфи — впрочем, я не могу винить ее — еще подлила масла в огонь, заявив, что больше никто в тот день не приходил. Она сказала, что была дома одна и вышла через заднюю дверь, чтобы прогуляться по тропинке, ведущей в Ист-Линн. Отойдя на некоторое расстояние, она услышала выстрел. Через пять минут она вернулась в дом, где и обнаружила Локсли, стоявшего над трупом ее отца.

М-р Карлайл сохранял молчание, стремительно повторяя в уме основные положения того, что сообщил ему Ричард Хэйр.

— Насколько я понял, вас было четверо в окрестностях коттеджа в тот вечер, и, без сомнения, выстрел был произведен кем-то из вас, Ты, Ричард, говоришь, что был далеко. Бетел тоже не мог...

— Это сделал не Бетел, — перебил его Ричард, — это невозможно. Как я уже говорил, я видел его в тот самый момент, когда прозвучал выстрел.

— А где же был Локсли?

— Локсли также не мог быть убийцей. Он все время находился у меня в поле зрения, сбоку от меня, глубоко в лесу и совсем далеко от тропинок. Это, вне всякого сомнения, совершил Торн, и это ему должны были вынести вердикт о предумышленном убийстве. Карлайл, вы, как я вижу, не поверили моей истории.

— Я поражен тем, что ты рассказал, и мне нужно время, чтобы решить, верю я в это или нет, — с присущей ему прямоотой ответил м-р Карлайл. — Самое удивительное — это то, что, если ты видел Торна, бежавшего от коттеджа в таком виде, как ты его описываешь, почему ты не выступил с обвинением в его адрес.

— Я не сделал этого потому, что оказался дураком, слабохарактерным трусом, каким был всю свою жизнь, — ответил Ричард. — Ничего не могу поделать с этим: каким я родился, таким и сойду в могилу. Чего стоило бы мое заявление, что это был Торн, если его некому было подтвердить, а мое разряженное ружье было решающей уликой против меня!

— И вот что еще любопытно, — воскликнул м-р Карлайл. — Если этот человек, Торн, имел обыкновение приезжать в Вест-Линн день за днем, почему его никогда не видели? Я впервые слышу имя приезжего в связи с этим делом и вообще рядом с именем Эфи.

— Торн выбирал безлюдные дороги и никогда, за исключением того раза, не приезжал ранее, чем наступали сумерки или полная темнота. Для меня было очевидно, что он ухаживает за ней тайком. Я сказал об этом Эфи, равно как и о том, что ей от такого ухаживания хорошего ожидать не приходится. Вы не верите тому, что я рассказываю; ничего другого я и не ожидал, однако могу поклясться, что изложил голые факты. Это так же верно, как то, что мы — я, Торн, Эфи, Хэллиджон — однажды встретимся перед Творцом. Я сказал вам правду.

Эти слова были произнесены торжественным, искренним тоном; м-р Карлайл молчал, обуреваемый противоречивыми мыслями.

— Для чего бы еще я стал рассказывать это? — продолжал Ричард. — Мне это ничего не даст: что бы я ни утверждал, это ни на йоту не поможет мне оправдаться.

— Не поможет, — согласился м-р Карлайл. — Для того, чтобы оправдаться, тебе нужны доказательства. Но я подумаю над этим делом, и если появится какая-нибудь идея... Что за человек был этот Торн?

— На вид года двадцать три — двадцать четыре, высокий и стройный, истинный аристократ.

— Были у него здесь знакомые, родственники? Где он жил?

— Этого я не знал. Эфи хвасталась, что ему приходилось ради нее совершать десятимильные поездки из Свейнсона.

— Из Свейнсона? — резко перебил м-р Карлайл. — Не мог ли это быть кто-нибудь из свейнсонских Торнов?

— Он не был одним из известных мне Торнов. Совершенно иной человек, знаете ли, с этими его надушенными руками, перстнями и элегантными перчатками. Я верю, что он был аристократ, но лишенный вкуса и чувства меры, выставивший напоказ избыток драгоценностей.

Подобие улыбки промелькнуло на лице м-ра Карлайла:

— Они были настоящими, Ричард?

— Да. Он носил бриллиантовые запонки, перстни и булавки с бриллиантами, везде были бриллианты чистой воды. Мне казалось, он надевает их, чтобы поразить Эфи. Однажды она сказала мне, что могла бы, если бы захотела, стать гораздо более важной леди, нежели в браке со мной. «Леди для забавы, но не для алтаря», — ответил я ей. Торн был не из тех людей, которые могут иметь честные намерения по отношению к девушке такого происхождения, как Эфи Хэллиджон, но женщины глупы, как гусыни.

— Судя по твоему описанию, это не мог быть кто-нибудь из свейнсонских Торнов. Богатые торговцы, отцы молодых семейств, невысокие, плотные и неуклюжие, как голландцы, степенные и весьма уважаемые. Не правда ли, очень непохоже, чтобы такие люди пускались на подобные предприятия.

— Какие? — спросил Ричард. — На убийство?

— Поездки к Эфи. А где Эфи, Ричард?

Ричард Хэйр поднял на него удивленные глаза.

— Откуда мне знать? Я собирался спросить вас об этом.

М-р Карлайл заговорил не сразу. Ответ Ричарда показался ему уклончивым.

— Она исчезла сразу после похорон, и все думали... короче говоря, Ричард, все сочли, что она уехала и присоединилась к тебе.

— Но это не так! Как они могли подумать такое, идиоты безмозглые! С той злосчастной ночи, Карлайл, я не видел ее и не имел от нее никаких вестей. Если она с кем-то убежала, так это с Торном.

— Он был хорош собой?

— Думаю, большинство людей сочло бы его красивым. Эфи так вообще считала, что такого красавца, под стать мифическому Адонису, еще не рождала земля. У него были блестящие черные волосы и бакенбарды, темные глаза и красивые черты лица. Но его портило тщеславное щегольство.

Ричарду пора было отправляться в дом, поскольку м-р Карлайл выяснил все подробности. Они вдвоем поднялись по тропинке к дому.

— Слава богу, что окна прислуги не выходят на эту сторону! — передернул плечами Ричард, следуя за м-ром Карлайлом. — Не дай бог, они бы выглянули сверху!

Его опасения были беспочвенны, и он прошел незамеченным. М-р Карлайл сделал свое дело; он оставил несчастного изгнанника переговорить с его истеричной и слезливой матерью (впрочем, Ричард был почти таким же истеричным, как она) и поспешил обратно домой, размышляя над услышанным.

До сих пор у него не было и тени сомнения в том, что Джордж Хэллиджон принял смерть от руки Ричарда Хэйра. Однако, вопреки заключению следователя и общественному мнению, он никогда не верил в то, что это было предумышленное убийство. Ричард был мягким, добрым, безобидным, совершенно непохожим на человека, способного на жестокость или сознательное убийство; м-р Карлайл всегда полагал, что, если бы удалось установить истину, выяснилось бы, что роковой выстрел был результатом несчастного случая или, того хуже, потасовки, в которой могло выстрелить ружье. Ходили слухи, что Хэллиджону не нравились визиты Ричарда к его дочери, и в ту ночь дело могло дойти до столкновения.

Кто же был этот Торн? Конечно, он не мог быть плодом воображения Ричарда; однако же странно, что это имя никогда не упоминалось, что никто в округе не знал о нем самом и его визитах. Был ли он, как сказал Ричард, аристократом, поверхностным и ничтожным, с этими его блестящими волосами и пальцами, униженными перстнями, или же просто ловким аферистом? И был ли он на самом деле настоящим убийцей? Как бы то ни было, имелось достаточно оснований для того, чтобы м-р Карлайл напряг всю свою сообразительность, которой отнюдь не был обделен.

Судьи провели приятный вечер у м-ра Карлайла, отужинав бараньими отбивными и хлебом с сыром. После ужина они снова взялись за трубки, а мисс Карлайл отправилась спать: дым, от которого она отвыкла с тех пор, как умер ее отец, вызвал у нее головную боль и резь в глазах. Около одиннадцати гости пожелали спокойной ночи м-ру Карлайлу и откланялись, однако м-р Дилл, которому его хозяин едва заметно кивнул, остался.

— Прошу вас остаться еще на минутку, Дилл. Я хотел бы задать вам вопрос. Вы хорошо знаете Торнов из Свейнсона. Нет ли у них, случаем, родственника, племянника или кузена, этакого щеголеватого молодого человека?

— Две недели назад я приезжал к ним, чтобы провести воскресенье у молодого Джейкоба, — последовал ответ м-ра Дилла, более пространный, нежели обычно.

М-р Карлайл улыбнулся.

— Молодой Джейкоб! Да ему уже сорок, наверное.

— Около сорока. Но мы с вами по-разному оцениваем возраст, мистер Арчибальд. У них нет племянника: у их отца, кроме них, Джейкоба и Эдварда, детей не было. И кузена у них тоже нет. Они постепенно богатеют: Джейкоб недавно завел себе экипаж.

М-р Карлайл задумался, хотя другого ответа и не ожидал, ибо тоже не слышал о том, чтобы у братьев Торнов, занимавшихся дублированием и выделкой кож, был родственник с таким именем.

— Дилл, — сказал он, — возникли некоторые обстоятельства, которые, на мой взгляд, заставляют усомниться в виновности Ричарда Хэйра. Я не уверен, что он имел какое-либо отношение к убийству.

М-р Дилл широко открыл глаза.

— Но его побег, м-р Арчибальд? А то, что он скрывается?

— Признаю: это подозрительные обстоятельства; однако у меня есть достаточные основания для сомнений. В то время, когда это произошло, некий щеголь тайком приезжал поволочиться за Эфи Хэллиджон: высокий, стройный, судя по описанию, носивший фамилию Торн и живший в Свейнсоне. Не мог ли это быть кто-нибудь из семейства Торнов?

— М-р Арчибальд! — протестующе воскликнул старый клерк. — Станут ли эти два уважаемых джентльмена, имеющих жен и детей, волочиться тайком за этой ветреницей Эфи?

— Их репутация вне сомнений, — ответил м-р Карлайл. — Это был молодой человек двадцати трех — двадцати четырех лет, на голову выше любого из них. Я думал, это, может быть, их родственник.

— Я неоднократно слышал от них, что они одни-одинешеньки на этом свете, последние в их роду. Поверьте: к ним этот человек не имеет ни малейшего отношения. А кто вообще сказал, что кто-то волочился за Эфи, мистер Арчибальд? Я слышал только об одном человеке, который делал это, о Ричарде Хэйре.

М-р Карлайл не мог ответить: «Сам Ричард сообщил мне об этом»; так что вопрос остался без ответа.

— Мне были представлены достаточные основания для того, чтобы усомниться в виновности Ричарда Хэйра и заподозрить Торна, — заметил он, — и я собираюсь секретно провести небольшое частное расследование и посмотреть, не появятся ли какие-нибудь новые факты. Вы должны помочь мне.

— Всей душой! — отвечивал м-р Дилл. — Хотя я и не верю, что это мог быть кто-нибудь еще, кроме Ричарда.

— Когда в следующий раз поедете к Торнам, постарайтесь разузнать, жил ли у них в то время молодой человек по фамилии Торн, приходившийся им родственником, или нет. Красивый, с черными волосами, бакенбардами и темными глазами, любящий украшать себя бриллиантовыми запонками, булавками и перстнями. Мне было сказано, что он аристократ, но я думаю, что с такой же степенью вероятности он мог быть и аферистом, работавшим под светского джентльмена — а в этом они всегда переусердствуют. Посмотрите, не сможете ли вы раскопать что-нибудь.

— Постараюсь, — сказал м-р Дилл и пожелал м-ру Карлайлу спокойной ночи.

Вошел слуга, чтобы убрать стаканы и «эти противные трубки», которые небезызвестная мисс Карлайл велела вынести на свежий воздух, как только ими прекратят дымить. М-р Карлайл сидел в мрачном раздумье; спустя некоторое время он повернулся к слуге.

— Джойс уже легла?

— Нет еще, сэр.

— Когда уберете все это, пришлите ее ко мне.

Вошла Джойс, старшая служанка. Это была особа тридцати пяти лет, среднего роста, с широким лбом, глубоко посаженными глазами и бледным лицом. В целом, это была женщина некрасивая, но с виду неглупая. Она приходилась единокровной сестрой Эфи Хэллиджон.

— Закройте дверь, Джойс.

Джойс закрыла дверь, после чего подошла и остановилась возле стола.

— У вас нет никаких известий от вашей сестры, Джойс? — несколько отрывисто спросил м-р Карлайл.

— Нет, сэр, — последовал ответ, — да и странно было бы получить от нее известия.

— Почему?

— Если она могла сбежать с Ричардом Хэйром, который отправил в могилу ее отца, она скорее будет скрывать свое местонахождение и планы, нежели сообщит о них мне, сэр.

— А кто был этот другой, светский джентльмен, который волочился за ней?

Кровь прилила к щекам Джойс, и она понизила голос:

— Сэр! Вы знали о нем?

— В то время — нет. Я узнал о нем позже. Он приезжал из Свейнсона, не так ли?

— Думаю, что да, сэр. Эфи особенно не распространялась о нем. Это был большой вопрос: я говорила, что знакомство с человеком такого положения до добра ее не доведет, а Эфи злилась, когда я высказывалась против него.

М-р Карлайл прервал ее:

— Положение! Что за положение?

— Эфи хвасталась, что он без пяти минут лорд, каковым он и выглядел. Я видела его всего один раз: я пришла домой пораньше, а он сидел с Эфи. На его белых руках сверкали перстни, а его сорочка была отделана блестящими драгоценными камнями в тех местах, где должны находиться пуговицы.

— С тех пор вы его больше не видели?

— Нет, больше никогда, кроме того единственного раза; думаю, что даже не смогла бы узнать его, если бы увидела. Он встал, сэр, как только я вошла в комнату, пожал руку Эфи и ушел. Статный такой мужчина, почти столь же высокий, как вы, сэр, но очень худощавый; у этих военных всегда такая красивая осанка!

— Откуда вы знаете, что он был военным? — быстро переспросил мистер Карлайл.

— Об этом сказала Эфи. Она его называла «капитаном», правда, говорила, что он еще не капитан, а одним чином ниже. Как же это...

— Лейтенант? — подсказал м-р Карлайл.

— Да, сэр, именно так: лейтенант Торн. В тот вечер, проходя через кухню, он уронил носовой платок, очень красивый. Я подобрала его, но Эфи вырвала его у меня и, подбежав к двери, окликнула его: «Капитан Торн, вы уронили ваш платок». Он повернулся и взял его. Когда он отошел подальше, она набросилась на меня за то, что я пришла и все испортила, и мы поругались. В тот же вечер я видела в лесу и молодого Хэйра, прятавшегося поблизости, словно ожидая, пока уйдет тот, другой. «Она плохо кончит, разрываясь между ними двумя», — подумала я и сказала об этом Эфи, что привело ее в ярость. Не прошло и недели, как случилось... несчастье с бедным папой.

— Джойс, — сказал м-р Карлайл, — тебе никогда не приходило в голову, что Эфи скорее сбежала с этим лейтенантом Торном, чем с Ричардом Хэйром?

— Нет, сэр, — ответила Джойс. — Я никогда не сомневалась, что она с Ричардом Хэйром, и ничто не разубедит меня в этом. Весь Вест-Линн думает так же, как я.

М-р Карлайл не стал пытаться «разубедить ее». Он отпустил Джойс, а сам остался сидеть, рассматривая эту проблему со всех сторон.

Короткий разговор Ричарда Хэйра с матерью вскоре завершился. Он продлился не более четверти часа, поскольку оба опасались появления слуг. И вот, с сотней фунтов в кармане и с горечью в сердце, злосчастный молодой человек снова покинул дом, в котором прошло его детство. Миссис Хэйр и Барбара видели, как он прокрался по тропинке, освещенной предательницей-луной, и вышел на дорогу; обе понимали, что в течение многих лет, а может быть, и никогда уже более, им не повторить прощальных поцелуев, которые они запечатали на его губах.

Глава 7

МИСС КАРЛАЙЛ ПРИНИМАЕТ ГОСТЕЙ

Чудесным июльским утром часы на церкви пробили восемь раз, и колокола своим перезвоном возвестили о том, что пришло воскресенье.

Одновременно со звоном колоколов мисс Карлайл вылетела из спальни в одном из своих повседневных утренних нарядов, но отнюдь не в том, какой обычно носила по воскресным дням. На ней был льняной халат — темно-желтого цвета, почти достигавший щиколоток, и ситцевая ночная рубашка бледно-лилового цвета, стянутая в поясе шнуром с кистями и снизу отделанная оборками. Именно таким был утренний наряд ее матери в старые добрые времена, и мисс Карлайл слишком презирала современную моду, чтобы отказаться от него. Современные леди могли бы придаться к фасону, но не к качеству и чистоте материи, ибо в этом мисс Карлайл была требовательна до крайности. Обычно по воскресеньям она выходила в дневном наряде, за исключением тех случаев, когда намечалась работа по дому. Описать ее головной убор вообще не представляется возможным: кто-то назвал бы это тюрбаном, кто-то — ночным колпаком, а кто-то подумал бы, что его фасон скопирован с бумажного колпака с бубенчиками, напяливаемого в приходских школах на голову самого нерадивого ученика: как бы то ни было, он представлял из себя нечто весьма высокое, широкое, чрезвычайно строгое и внушительное на вид.

Мисс Карлайл мгновенно пересекла коридор и стукнула в дверь, находившуюся напротив ее собственной, с такой силой, что звук удара, казалось, мог разбудить и мертвого.

— Вставай, Арчибальд!

— Вставать? — ответил сонный голос изнутри. — Чего ради? Только восемь часов.

— Да хоть шесть часов! Пора вставать, — властно, как только она это умела, повторила мисс Карлайл. — Завтрак ждет, и нужно завтракать поскорее, потому что меня ждут дела: в доме ужасный беспорядок.

Мисс Карлайл спустилась по лестнице и вошла в столовую, где все было готово для завтрака. Наша героиня при случае могла быть острой на язык, но глаз у нее был острым всегда и подмечал буквально все. Комната выходила на улицу, оконные рамы были подняты, и белые занавески, своей безупречной чистотой не уступавшие головному убору мисс Карлайл, легонько колыхались под легким летним ветерком. Мисс Карлайл обвела комнату зорким взглядом, который немедленно уловил наличие пыли. Она немедленно отправилась на кухню, чтобы сообщить эту приятную новость Джойс, которая, стоя у печи, поджаривала бекон.

— Как ты смеешь быть такой нерадивой, Джойс? Ты не вытирала пыль в столовой.

— Как это не вытирала? — ответила Джойс. — Где же ваши глаза, мэм?

— Мои глаза обнаружили пыль, — парировала мисс Карлайл. — Сходи и убедись в этом своими собственными, а заодно прихвати с собой тряпку. Я не могу завтракать в неубранной комнате. У тебя сегодня утром немножко больше работы, чем обычно, и ты уже начинаешь лениться.

— Нет, мэм, — с обидой возразила Джойс, поскольку считала обвинение совершенно необоснованным. — Я с утра тружусь, не покладая рук. Я встала в пять часов, чтобы справиться с двойной работой, не вызвав ваших нареканий, и убрала столовую как всегда тщательно. Вам непременно нужно держать окна открытыми, вот пыль и залетает в комнату.

Джойс удалилась с тряпкой в руке как раз в тот момент, когда раздался звонок и в кухню вошел чрезвычайно уважаемый слуга: среднего роста, полный мужчина со свежим цветом лица и весьма скудной сидящей шевелюрой.

— Вам что-то нужно, Питер? — осведомилась мисс Карлайл.

— Хозяин позвонил и велел принести воды для бритья, мэм.

— Хозяин не получит ее, — резко ответила мисс Карлайл. — Так и скажи ему. А также передай, что завтрак ждет, и ему придется побриться после него.

Питер удалился, чтобы сообщить хозяину эту новость, вероятнее всего, в более мягкой форме, нежели в оригинале, а мисс Карлайл вернулась в столовую, где и уселась за стол, ожидая брата.

Прошлым вечером она затеяла спор с кухаркой. Последняя, обладая вспыльчивым характером, дерзко ответила, и хозяйка предупредила ее об увольнении, поскольку не выносила дерзостей от слуг, которые, признаться, весьма редко осмеливались противоречить ей. Девушка в запальчивости заявила, что она может уйти сразу, не дожидаясь увольнения, что и сделала. Мисс Карлайл объявила, что рада избавиться от нее. Мисс Карлайл неуклонно следовала одному правилу: делать как можно меньше работы по воскресеньям. Поэтому, если воскресный обед можно было начинать готовить в субботу, она неизменно требовала этого. Вот на этой-то почве они и разругались с кухаркой. Кроме всего прочего, в доме не было горничной, которая находилась в отпуске.

М-р Карлайл вошел в столовую полностью одетым; обладая непреодолимым отвращением к неряшливости, он побрислся с холодной водой.

— Почему мы сегодня завтракаем в восемь? — осведомился он.

— Потому что у меня много работы. А если я рано не позавтракаю, мне никогда не справиться с ней до того времени, когда пора будет идти в церковь, — последовал ответ мисс Карлайл. — Кстати, кухарка ушла.

— Кухарка ушла, — эхом откликнулся м-р Карлайл.

— Это случилось после того, как ты отправился в гости, и я не стала дожидаться тебя, чтобы сообщить об этом. У нас сегодня утки на обед, и она знала, что их нужно было нафаршировать и приготовить вчера, а также приготовить подливу и испечь пирог с гусиными потрохами: одним словом, нужно было сделать все, только не обжаривать. Вчера вечером я спросила ее, все ли сделано. «Да, все готово», — ответила она, и я, зная, что у ее пирогов часто подгорает корочка, велела принести пирог с гусиными потрохами. Чего она, увы, сделать не смогла; она сказала мне неправду, Арчибальд, и, конечно же, не могла принести никакого пирога, поскольку утки были нетронутыми, точно в том же виде, в каком их принесли в дом. Она по своей лени все отложила на сегодня, надеясь, что я ничего не замечу, но моя просьба принести пирог вывела ее на чистую воду. Она вела себя нагло, и это, наряду с ее ложью, заставило меня объявить о ее увольнении; она предпочла уйти сразу. Сегодня с утра мне все придется сделать самой.

— Разве Джойс не может сделать этого? — ответил м-р Карлайл.

— Джойс! Что она понимает в приготовлении пищи! Еестряпня для моего стола не подходит. Сегодня днем к нам придет Барбара Хэйр.

— Вот как!

— Она приходила вчера, очень расстроенная. Они поругались с ее папашей-судьей, и она попросила пригласить ее сегодня к нам. Барбара купила множество нарядов, а судья обнаружил это, когда их прислали к ним домой; вот ей и досталось. Ну и поделом ей, щеголихе безмозглой. Нет, ты послушай только, как называют колокола!

М-р Карлайл поднял голову. Колокола церкви Святого Джеда весело названивали, как будто во время свадьбы или какого-то иного торжества.

— В честь чего бы это? — воскликнул он.

— Арчибальд, в твои годы я была намного догадливее. С чего бы им еще звонить, как не в честь приезда лорда Маунт-Северна?

— Ну конечно же! Ведь у лорда постоянное место в церкви Святого Джеда.

Ист-Линн сменил владельца и теперь являлся собственностью м-ра Карлайла. Он купил его со всем, что в нем было, включая мебель, но сделка совершилась секретно, и о ней никто даже не подозревал. Трудно сказать, считал ли лорд Маунт-Северн этот приезд необходимым для того, чтобы никто ничего не учуял, или же он хотел проститься с местом, которое когда-то было ему дорого; как бы то ни было, он пожелал приехать в поместье на неделю-другую. М-р Карлайл любезно дал свое согласие, и в субботу граф приехал вместе с дочерью и свитой.

Вест-Линн ликовал. Жители считали свой городок местом аристократическим и не теряли надежды, что в один прекрасный день граф озарит их жизни светом своего постоянного присутствия, снова поселившись в Ист-Линне. Готовились роскошные туалеты, дабы явиться его восхищенному взору, и Барбара Хэйр была не единственной молодой леди, испытавшей на этой почве силу родительского гнева.

Мисс Карлайл завершила приготовления к обеду, точнее, те из них, которые не решалась доверить Джойс, и в привычное время, просто, но со вкусом одетая, была готова к походу в

церковь. Когда они с Арчибальдом выходили из дома, глаза их узрели, как нечто движется по улице, искрясь и сверкая на солнце. Розовый зонтик плыл по воздуху в авангарде, за ним в спасительной тени продвигались розовая шляпка с пером, парчовое платье и белые перчатки.

— Маленькая тщеславная идиотка! — воскликнула мисс Карлайл.

Но Барбара, не ведая о столь нелестном определении, уже приближалась к ним.

— Недурно, Барбара! — поприветствовала ее мисс Карлайл. — Неудивительно, что господин судья не выдержал: ты слепишь глаза посильнее солнца.

— Но и вполтину не так сильно, как многие из тех, кто придет сегодня в церковь, — ответила Барбара, робко подняв голубые глаза и краснея в ответ на приветствие м-ра Карлайла. — Кажется, весь город задался целью перещеголять леди Изабель. Если бы вы только видели, что творилось вчера утром у модистки!

— Так что, сегодня все принарядятся? — мрачно осведомился м-р Карлайл, шагая сбоку от дам, повернувших к церкви, ибо он был, так же, как французы, решительно против того, чтобы вести под руки двух леди одновременно.

— Ну конечно же, — ответила Барбара. — Ведь граф с дочерью придет в церковь.

— Надеюсь, она не придет в павлиньих перьях, — произнесла мисс Карлайл с невозмутимым видом.

— О, ну она, конечно же, будет... ну, вы понимаете... богато одета, — поспешно сказала Барбара.

— А если, скажем, они вообще не придут в церковь? — рассмеялся м-р Карлайл. — То-то будет разочарование всем этим шляпкам и перьям!

— В конце концов, Барбара, кто они для нас и кто мы для них? — снова заговорила мисс Карлайл. — Мы все равно никогда не сможем с ними встретиться. Нам, мелкопоместным дворянам, не пристало навязывать свое общество обитателям Ист-Линна. Вряд ли граф и леди Изабель сочтут это уместным.

— Папа сказал то же самое, — пожаловалась Барбара. — Вчера он обнаружил эту шляпку, и когда я в свое оправдание сказала, что приготовила ее для визита в Ист-Линн, он осведомился, не полагаю ли я, будто безвестные фамилии Вест-Линна вправе докучать своими визитами лорду Маунт-Северну, как если бы они принадлежали к высшей знати графства. Не иначе, как это перо вывело его из себя!

— Чрезвычайно длинное перо! — заметила мисс Карлайл, мрачно оглядев его.

Барбара в этот день собиралась в церкви сесть с Карлайлами, полагая, что чем дальше она окажется от судьи, тем лучше: а вдруг он посреди службы коварно и мстительно отрежет кусочек пера, нарушив тем самым его красоту? Едва они сели, как по проходу тихо прошли два незнакомца: седой, хромавший при ходьбе джентльмен с изборожденным морщинами лбом, и молодая леди. Барбара резко повернулась, но не задержала на них своего взгляда; они не могли быть теми, кого она ждала. Слишком уж простой наряд был на даме: светлое муслиновое платье с узором из маленьких веточек сирени и соломенная шляпка. Такое платье могла бы надеть в будничные дни мисс Корни, и не сочла бы себя слишком элегантной; правда, это было удобное платье для жаркого летнего дня. Но старый церковный сторож, в своей накидке с несколькими пелеринами, шел перед ними со своим жезлом, и вот он торжественно подвел их к скамье для пэра, пустовавшей в течение многих лет.

— Кто это, скажите на милость? — прошептала Барбара мисс Карлайл.

— Граф и леди Изабель.

Кровь бросилась в лицо Барбаре, и она изумленно посмотрела на мисс Корни.

— Но... почему на ней нет шелков, перьев и вообще ничего особенного! — воскликнула Барбара. — Она одета проще всех в церкви!

— Проще любой разнаряженной дамы — проще тебя, например. Граф сильно изменился, но я бы узнала их обоих где угодно. Дочь я узнала бы по сходству с ее бедной матерью; те же глаза, то же милое выражение лица.

Да, кто бы мог, раз увидев, забыть эти карие глаза или спутать их с какими-либо другими?

И Барбара Хэйр, забыв, где находится, подолгу смотрела на них в тот день. «Она очень мила, — думала Барбара, — и платье ее — это, конечно же, платье настоящей леди. Лучше бы я не

придывала этого развевающегося пера. Какими расфуфыренными воронами мы ей, наверное, кажемся!»

Экипаж графа, открытое ландо, ожидал его у ворот по окончании службы. Он помог подняться в него дочери и уже ставил на подножку свою подагрическую ногу, когда заметил м-ра Карлайла. Граф повернулся и протянул ему руку: человек, способный приобрести Ист-Линн, заслуживал обращения как с равным, даже будучи сельским адвокатом.

М-р Карлайл обменялся рукопожатием с графом, приблизился к ландо и приподнял шляпу, приветствуя леди Изабель. Она поклонилась с милой улыбкой и протянула ему руку.

— Мне нужно вам многое сказать, — заговорил граф. — Мне бы хотелось, чтобы вы поехали с нами. Если у вас нет других планов, будьте сегодня нашим гостем в Ист-Линне.

Говоря это, он таинственно улыбнулся, и м-р Карлайл ответил ему такой же улыбкой. Гость Ист-Линна! Теперь таковым являлся сам граф. М-р Карлайл повернулся и сказал сестре:

— Корнелия, меня не будет дома к обеду. Я уезжаю с лордом Маунт-Северном. До свидания, Барбара.

М-р Карлайл сел в экипаж, за ним последовал граф, и ландо укатило. Солнце по-прежнему сияло на небе, но свет дня померк для Барбары Хэйр.

— Откуда он так хорошо знает графа? Откуда он знает леди Изабель? — изумленно повторила она.

— Арчибальд знаком со многими людьми, — ответила мисс Корни. — Он часто встречался с графом, когда ездил в город весной, и один или два раза виделся с леди Изабель. Какое у нее милое лицо!

Барбара не ответила. Она вернулась с мисс Карлайл отведать уток и пирогов с гусиными потрохами, но вид у нее был отсутствующий, так как сердцем своим она была в Ист-Линне.

— Ах, эта изысканность утонченной жизни, ненужные излишества роскоши! — думал м-р Карлайл, сидя за обеденным столом у графа. Парад сверкающего серебра и стекла, дорогой фарфор, разнообразные вина и богатые яства, даже слишком разнообразные и богатые; многочисленные слуги в нарядных ливреях, и, конечно же, любезный хозяин стола и изящная молодая хозяйка!

Даже находясь на грани разорения, граф отнюдь не урезал свои расходы на содержание роскошного дома: трудно было сказать, как он изыскивает средства, и еще труднее — как долго сумеет нести бремя таких расходов. При сложившихся обстоятельствах такое великолепие было совершенно ненужным и неоправданным, но в нем, признаться, была своя прелесть. Что и говорить: в более чем великолепную мозаику сложилось многоцветье удовольствий этого дня. Берегитесь, м-р Карлайл: как бы не пошла кругом ваша трезвая и рассудительная голова!

После обеда Изабель оставила мужчин; сидя в одиночестве, она о многом успела передумать: о своей матери, вместе с которой она в последний раз была в Ист-Линне, о злосчастной подагре, не оставлявшей в покое отца, и о недавних сценах ее лондонской жизни. Она столь часто встречалась там с одним человеком, что он почти смутил ее покой, или мог бы сделать это, если бы она оставалась там подольше; даже сейчас кровь быстрее бежала по жилам при мысли о нем. Человеком этим был не кто иной, как Фрэнсис Ливайсон. Со стороны миссис Вейн, устраивавшей им столь частые встречи, это было хуже, чем простая беспечность Миссис Вейн была холодной, эгоистичной, скверной женщиной, ибо эта бессердечная особа на всем белом свете не любила никого, кроме себя самой. Изабель со вздохом поднялась, оборвав череду воспоминаний. Казалось, отец и его гость не спешат с чаепитием, и она присела за фортепиано.

Граф в самом деле не торопился: ему, как всегда, нелегко было расстаться с вином, хотя каждый стакан при его здоровье был для него почти ядом. Они увлеченно беседовали, когда м-р Карлайл вдруг оборвал свою фразу на полуслове и прислушался.

Откуда-то полилась чудесная музыка; казалось, источник ее находится прямо рядом с ним, но он не знал, откуда доносятся эти звуки. Им вторил голос — низкий, чистый и нежный. М-р Карлайл затаил дыхание. Это был «*Benedictus*» на музыку Морнингтона.

«Да славится Бог Израилев, ибо пришел он и спас народ свой. И даровал нам спасение в доме Давида, слуги своего».

Граф и м-р Карлайл говорили о суетном мире, исполненном страстей, о доходах и расходах, долгах и расчетах, и вот теперь на них, странным контрастом к теме их разговора, излился этот священный напев, ласкающий слух, но звучащий укором душе.

— Это Изабель, — пояснил граф. — Ее пение полно особого очарования; мне кажется, причиной тому — ее спокойная, мягкая манера: терпеть не могу надрывности, выставяющей чувства напоказ. Она и аккомпанирует так же. Вы, кстати, любите музыку?

— Некоторые высокоученые исполнители упрекали меня в том, что я не имею ни слуха, ни вкуса к тому, что они считают хорошей музыкой, — улыбнулся м-р Карлайл. — Но вот это мне нравится.

— Инструмент стоит прямо у стены, а перегородка очень тонкая, — заметил граф. — Изабель и в голову не приходит, что она поет не только для себя, но и для нас.

И действительно: не ведая о восторге невольных слушателей, она переходила от мелодии к мелодии, от одного псалма к другому. Вот она спела короткую молитву седьмого Троицына дня и снова взялась за псалмы.

М-р Карлайл сидел, упиваясь чудесной музыкой и не замечая, как вечер потихоньку превращается в ночь.

Глава 8

КОНЦЕРТ М-РА КЕЙНА

Не успели закончиться две недели визита лорда Маунт-Северна, как последовал сильный приступ подагры, при котором ему не представлялось возможным уехать. М-р Карлайл уверил графа, что рад будет видеть его своим гостем столько времени, сколько тот пожелает, и граф выразил свою искреннюю признательность, добавив, что надеется скоро встать на ноги.

Эти надежды, увы, не оправдались. Подагра то отступала, то обострялась, если и не укладывая графа в постель, то во всяком случае не позволяя ему выходить из своих покоев; так продолжалось до октября, когда ему, наконец, значительно полегчало.

Местная знать по-добрососедски навешала больного графа, иногда забирая леди Изабель погостить, но чаще и регулярнее всех его посещал м-р Карлайл. Граф привязался к нему всей душой и огорчился, когда он не навещал его вечером, так что вскоре он стал своим человеком для графа и леди Изабель.

— Я не гожусь для большой компании, — говаривал граф дочери, — и это весьма любезно со стороны Карлайла — приходить сюда, чтобы скрасить мое одиночество.

— Да, — сказала Изабель. — Это в самом деле очень любезно. Приятный человек!

— А для меня — так вообще намного приятнее всех, кого я знаю, — ответил граф.

В тот же вечер к ним, как обычно, пришел м-р Карлайл, и граф попросил Изабель спеть.

— Я могу спеть, если ты хочешь, папа, — ответила она, — но пианино так расстроено, что петь под него уже не очень приятно. Не может ли кто-нибудь в Вест-Линне прийти сюда и настроить его, мистер Карлайл? — добавила она, повернувшись к нему.

— Конечно. Это может сделать Кейн. Прислать его завтра?

— Это было бы замечательно, если, конечно, это не слишком хлопотно для вас. Правда, такой старый инструмент будет немногим лучше и после настройки. Если бы мы жили в Ист-Линне подолгу, я попросила бы папу заменить его.

Разве могла леди Изабель подумать, что это пианино принадлежит м-ру Карлайлу, а не ей. Граф кашлянул и обменялся улыбкой и понимающим взглядом со своим гостем.

М-р Кейн, органист церкви Св. Джеда, был человеком, которого не миновали многочисленные беды и лишения в этом негостеприимном мире. Он появился в Ист-Линне на следующий день, как раз в то время, когда леди Изабель музицировала. Изабель, решившая понаблюдать за его работой, была с ним вежливой и приветливой, как, впрочем, со всеми людьми, и бедный учитель музыки осмелился заговорить о своих проблемах и даже обратиться к ней с покорной просьбой: вместе с лордом Маунт-Северном взять под свое покровительство и лично посетить концерт, который он собирался дать на следующей неделе. Его впалые щеки густо покраснели, когда он признался, что очень беден, ему едва хватает на жизнь, и организовать этот концерт его заставила крайняя нужда. Если все пройдет успешно, он еще сведет концы с концами, если же нет — его выгонят из дома, а мебель опишут в счет уплаты ренты за два года, которую он задолжал — а ведь у него семеро детей!

Изабель, преисполнившись живейшим участием, разыскала графа.

— Ах, папа! Мне нужно попросить тебя об огромном одолжении. Ты сможешь мне?

— Да, дитя мое, ты ведь нечасто беспокоишь меня просьбами. В чем дело?

— Я хочу, чтобы ты поехал со мной на концерт в Вест-Линн.

Граф удивленно откинулся назад и посмотрел на Изабель.

— Концерт в Вест-Линне! — рассмеялся он. — Слушать, как сельские жители пиликают на скрипке. Ну право же, Изабель!

Она со своими собственными дополнениями и комментариями изложила ему все, что только что услышала от Кейна.

— Семеро детей, папа! И если у него ничего не получится, ему придется покинуть свой дом и оказаться с ними на улице. Ты понимаешь: это для него практически вопрос жизни и смерти. Он ведь очень беден.

— Я и сам беден, — сказал граф.

— Мне было так жаль его, когда он это рассказал. Он то краснел, то бледнел, он задыхался от волнения: ему было больно рассказывать о своей нужде. Я уверена, что он человек благородного происхождения.

— Ну что ж, можешь взять билетов на фунт и раздать их старшей прислуге. Идти на сельский концерт!

— Ах, папа, не в этом дело, разве ты не видишь? Если мы пообещаем присутствовать, соберется вся округа, и все билеты будут проданы. Они пойдут потому, что идем мы, сказал он, если же пойдут наши слуги, эти люди воздержатся от посещения концерта. Представь, папа, как тебе понравилось бы лишиться этой мебели! Если соберется полный зал, ему удастся избежать этой горькой участи. Ну потерпи разок, папочка, и сходи хотя бы на час: мне это доставит удовольствие, даже если там не будет ничего, кроме скрипки и бубна.

— Ну прямо цыганка! Ты не уступишь профессиональным попрошайкам. Ну да ладно: иди скажи бедняге, что мы заглянем на полчаса.

Она устремила обратно к м-ру Кейну; глаза ее сияли. Она говорила спокойно, как обычно, но ее радость заставила и голос звучать веселее.

— Рада сообщить вам, что папа согласился. Он возьмет четыре билета, и мы придем на концерт.

Слезы появились на глазах у м-ра Кейна; впрочем, Изабель не была уверена, что это не ее собственные слезы. Кейн был высоким, худым, хрупким на вид человеком, с длинными белыми пальцами и длинной шеей. Он, запинаясь, поблагодарил ее и поинтересовался, можно ли ему публично заявить о том, что они почтят концерт своим присутствием.

— Говорите всем, — пылко воскликнула она. — Всем, кого встретите, если считаете, что это поможет собрать людей. Я же, в свою очередь, сообщу об этом всем, кто у нас бывает, и попрошу их прийти.

В тот вечер, когда появился м-р Карлайл, граф временно отлучился из комнаты. Изабель завела разговор о концерте.

— Рискованное мероприятие для Кейна, — заметил м-р Карлайл. — Боюсь, он только потеряет деньги и еще более усугубит свое и без того непростое положение.

— Почему вы так считаете? — поинтересовалась она.

— Потому, что местным талантам в Вест-Линне никто не станет покровительствовать. Все уже так давно слышат о бедствиях Кейна, что не задумываются о них. Вот если бы сюда проездом занесло иностранного артиста с непроизносимой фамилией, народ повалил бы валом!

— Он что, в самом деле настолько беден?

— Чрезвычайно. Влачит полуголодное существование.

— Полуголодное! — повторила Изабель, растерянно глядя на м-ра Карлайла, поскольку она не совсем поняла его. — Вы имеете в виду, что у него не хватает денег на еду?

— На хлеб, возможно, и хватает, но на что-либо поосновательнее — вряд ли. Как органист, он получает жалованье в тридцать фунтов, плюс подрабатывает частными уроками. Но ему ведь нужно содержать жену и детей, и он, конечно, в чем-то отказывает себе. Рискну предположить, что он уже забыл вкус мяса.

Эти слова болью отозвались в сердце леди Изабель. Не хватает пищи! Забыт вкус мяса! А она, по своей беспечности, невежеству, равнодушию — она даже не знала, как это назвать — даже не подумала о том, чтобы покормить его в изобилующем яствами доме!

Он пришел пешком из Вест-Линна, целый час провозился с ее пианино и отправился обратно, страдая от голода. Одно ее словечко — и ему устроили бы настоящее пиршество из таких блюд, которые он теперь и попробовать не может — но она этого слова не произнесла.

— У вас печальный вид, леди Изабель.

— Меня мучают угрызания совести. Ну да ладно, теперь ничего не исправишь, но это всегда будет черным пятном на моей совести.

— В чем дело?

Она подняла на него полные раскаяния глаза и улыбнулась.

— Ничего, мистер Карлайл; что прошло — того уж не воротишь. Кстати, этот Кейн... он джентльмен?

— Кто, Кейн? По происхождению — да: его отец был священником. Кейна погубила любовь к музыке, она не позволила ему получить более высокооплачиваемую профессию. Его ранний брак также не пошел ему на пользу. Он ведь еще достаточно молод.

— Мистер Карлайл, я ни за что на свете не стала бы жить в Вест-Линне! Несчастный джентльмен бедствует, а вы не можете протянуть ему руку помощи!

Он улыбнулся ее горячности.

— Кое-кто купит билеты, я, например, но не знаю, приду ли на концерт. Боюсь, это сделают немногие.

— В этом-то все и дело! Пойдет один — пойдет и другой. Ну что ж, попробую показать Вест-Линну, что не собираюсь следовать примеру его обитателей: я лично приду еще до начала концерта и не уйду, пока не прозвучит последняя песня. Если жители города считают себя слишком важными особами для того, чтобы сходить на этот концерт, на него отправлюсь я, ибо не считаю себя таковой.

— Вы это всерьез?

— Несомненно. Я убедила и папу пойти со мной, и дала твердое обещание мистеру Кейну.

М-р Карлайл задумался.

— Ну что же, рад слышать это: о лучшей поддержке Кейну не приходится и мечтать. Если люди узнают, что лорд Маунт-Северн и леди Изабель почтят концерт своим присутствием, не останется даже стоячих мест.

Она радостно закружилась на месте.

— Кажется, лорд Маунт-Северн и леди Изабель — весьма важные и влиятельные персоны! Если у вас действительно доброе сердце, мистер Карлайл, вы также примете посильное участие в этом деле.

— Думаю, что именно так и поступлю, — улыбнулся он.

— Папа говорит, вы имеете вес в Вест-Линне. Если вы объявите, что придете, то побудите к этому и других.

— Я объявлю, что идете вы, — ответил он. — Этого будет достаточно. Но не ждите слишком многого от исполнения.

— Я уже сказала папе, что мне и бубна будет довольно. Я должна думать не о музыке, а о бедном мистере Кейне. Мистер Карлайл, я знаю, что вы можете быть добрым, если захотите, я чувствую, что вы скорее добрый человек, нежели наоборот: это написано на вашем лице; постарайтесь же сделать для него все, что сможете.

— Хорошо, я сделаю это, — горячо ответил он.

На следующий день м-р Карлайл распространил множество билетов, или, скорее, способствовал их распространению. Он налево и направо расхваливал концерт и объявил, что лорд Маунт-Северн с дочерью ни за что не пропустят его. Дом м-ра Кейна был буквально осажден желающими приобрести билеты, он едва успевал ставить свою подпись на кусочках картона. Когда м-р Карлайл в полдень пожаловал домой для ленча, что делал нечасто, он выложил два билета перед мисс Корни.

— Что это? Билеты на концерт? Арчибальд, ты же никогда не покупал их!

Что бы она сказала, если бы знала, что его вклад не ограничивался этими двумя билетами!

— Подумать только: выбросить десять шиллингов за два жалких кусочка картона! — горячилась мисс Карлайл. — Ты всегда был олухом во всем, что касалось денег, и останешься им, Арчибальд! Жаль, что не я распоряжаюсь твоим кошельком!

— То, что я отдал, не разорит меня, Корнелия, а Кейну и в самом деле тяжело. У него же целый эскадрон детишек.

— О боже! — сказала мисс Корни. — Я полагаю, о них должен позаботиться он сам. Кто же, кроме него, виноват в том, что они родились? Вот так всегда: бедняки нарожают кучу детишек, а потом просят пожалеть их. По мне — так они скорее должны просить о порицании.

— Ну, как бы то ни было, за билеты заплачено, так почему бы ими не воспользоваться? Ты пойдешь со мной, Корнелия.

— Ну да! И будем там торчать на пустых скамейках, как пара гусей, таращиться да считать свечи. Приятный будет вечер, что и говорить!

— Не бойся: пустых скамеек не будет. Придут Маунт-Северны, так что Вест-Линн лихорадочно покупает билеты. Я надеюсь, у тебя есть... чепец, — он бросил взгляд на неопиcуемый предмет, венчавший голову его сестры, — в котором можно пойти туда, Корнелия. Если нет, тебе стоило бы заказать его.

Это предложение и было той каплей, которая переполнила чашу терпения мисс Карлайл.

— Уж лучше ты завей себе волосы, сшей фрак с подкладкой из белого атласа, купи себе золотой театральный бинокль и шляпу-треуголку! — едко заметила она. — Бог ты мой! Заказывать красивый новый чепец для того, чтобы идти на этот чертов концерт! И это после того, как целых десять шиллингов заплачено за билеты! Весь мир, похоже, сошел с ума!

М-р Карлайл поскорее ретировался в свой офис от нее самой и ее воркотни. В тот момент, когда он выходил из дома, мимо проезжал экипаж лорда Маунт-Северна, в котором сидела Изабель. Она велела кучеру остановиться, и м-р Карлайл приблизился к экипажу.

— Я сама ездила к Кейну за билетами, — сказала она с сияющим видом. — Я специально приехала в Вест-Линн. Велела кучеру выяснить, где живет м-р Кейн, что он и сделал. Мне кажется, если люди увидят меня и наш экипаж, они догадаются о цели моего приезда. Надеюсь, все билеты будут проданы.

— Я в этом уверен, — ответил м-р Карлайл, наконец выпуская ее руку из своей, и леди Изабель жестом велела кучеру трогаться. М-р Карлайл повернулся, чтобы продолжить свой путь, и столкнулся с Отуэем Бетелем, племянником полковника Бетеля, которого терпели в доме дяди, поскольку он не имел другого дома и, очевидно, был не в состоянии завести свой собственный. Кое-кто упорно продолжал называть его джентльменом — каковым он и являлся по происхождению — другие называли его *mauvais sujet*⁷. Иногда, правда, одно не противоречит другому. Он был в костюме из вельветина и нес ружье, с которым, похоже, почти не расставался, будучи заядлым охотником; правда, если верить некоторым источникам, он добывал дичь отнюдь не меткой стрельбой, а просто покупал ее у торговцев из Лондона. В течение последних шести месяцев его не было видно в Вест-Линне.

— Ну, где же ты скрывался? — воскликнул м-р Карлайл. — Полковник был просто безутешен.

— Да полно обманывать, Карлайл! Я странствовал по Франции и Германии. Мужчине иногда нужно сменить обстановку. Что же касается достойного полковника, то он не сделался бы безутешен даже в том случае, если бы меня заколотили в ящик длиной в шесть футов и вынесли из дома вперед ногами.

— Бетель, у меня к тебе вопрос, — продолжил м-р Карлайл, вдруг посерьезнев и понизив голос. — Припомни-ка ту ночь, когда был убит Хэллиджон.

— Нет уж, уволь! Это не слишком приятные воспоминания.

— И тем не менее, — спокойно сказал м-р Карлайл. — Мне стало известно, хотя об этом ни слова не было сказано на следствии, что Ричард Хэйр разговаривал с тобой в лесу, спустя несколько минут после того, как произошло убийство. Так вот...

— Кто тебе сказал об этом? — перебил его Бетель.

— Это неважно. У меня надежный источник информации.

— Да, он действительно говорил со мной. Я не рассказал об этом, поскольку не хотел усугублять его и без того тяжелое положение. Он в самом деле заговорил со мной, причем был просто вне себя от возбуждения.

— И спросил, не видел ли ты, как воздыхатель Эфи бежал от коттеджа. Некто по фамилии Торн.

— Смысл вопроса был именно такой. Торн, ты говоришь? Да, пожалуй, он произнес именно это имя. Мне показалось, что он или сошел с ума, или притворяется.

— Послушай, Бетель, я хочу, чтобы ты ответил мне честно. Вопрос этот никоим образом не повлияет на твою судьбу, но я должен знать, видел ли ты, как Торн выходил из коттеджа.

Бетель покачал головой.

— Я не знаю никакого Торна, и я не видел никого, кроме Дика Хэйра. Хотя целая дюжина Торнов могла бы выскочить из коттеджа и не быть замеченной мною.

⁷ *mauvais sujet* (фр.) — мошенник, шалопай, повеса.

— Ты слышал этот выстрел?

— Да, но я ничего дурного не подумал. Я знал, что Локсли тоже на охоте, и думал, что это стрелял он. Я побежал к коттеджу, пересек тропинку и углубился в лес по другую сторону от нее, и вскоре на меня налетел перепуганный до смерти Дик Хэйр и спросил меня, видел ли я, как Торн выходил из коттеджа. Торн — именно это имя он произнес.

— Так ты не видел его?

— Я видел только Дика, если не считать Локсли. Мне казалось, больше никого вокруг не было; я и сейчас так думаю.

— Но Ричард...

— Послушай, Карлайл, я не хочу ни единым словом навредить Дикю Хэйру и бесполезно толкать меня на это.

— Я не хочу, чтобы ты кому-либо навредил, особенно Ричарду Хэйру, — ответил м-р Карлайл, — и я хотел бы помочь Ричарду, а не причинить ему зло. У меня есть основания полагать, неважно почему, что убийство совершил не Ричард Хэйр, а кто-то другой. Не можешь ли ты пролить свет на это дело?

— Увы, нет. Я всегда считал, что жалкий, нерешительный Дик не может быть чьим-то врагом, разве что своим собственным; но ничего нового об этой ночи я сообщить не могу. Меня и веревкой было бы не затащить на следствие, чтобы давать показания против Дика; вот почему я был признателен Локсли за то, что он не обмолвился обо мне. Как, черт возьми, это стало известно потом, я не знаю, но дело не в этом: мои показания не способствовали вынесению вердикта. Кстати, Карлайл, как тебе стало известно, что Ричард Хэйр разговаривал со мной? Я не говорил об этом ни одной живой душе.

— Это неважно, — повторил м-р Карлайл. — Достаточно того, что я знаю это. Я, признаться, надеялся, что ты все-таки видел, как Торн выходил из коттеджа.

Отуэй Бетель покачал головой.

— Я бы на твоём месте, Карлайл, не особенно рассчитывал на то, что там был какой-то Торн. Дик Хэйр был в ту ночь словно обезумевший и вполне мог лицезреть то, чего не существовало в действительности.

Глава 9

ЛЕТУЧИЕ МЫШИ

Концерт должен был состояться в четверг, а в воскресенье лорд Маунт-Северн собирался окончательно покинуть Ист-Линн. Уже шли приготовления к отъезду, но, когда наступил четверг никто не смог бы поручиться, что они снова не окажутся напрасными. Весь дом пробудился чуть свет, и к графскому ложу был вызван м-р Уэйнрайт, хирург из Вест-Линна, ибо у графа случился жесточайший приступ. Лорд был чрезвычайно раздосадован и сделался крайне раздражительным.

— Может быть, теперь мне придется проваляться здесь неделю или две, а то и месяц! — раздраженно заявил он Изабель.

— Мне так жаль, папа. Тебе, должно быть, скучно в Ист-Линне.

— Скучно! Не в этом дело: у меня есть другие причины избавиться Ист-Линн от нашего присутствия. И ты теперь не сможешь поехать на этот твой распрекрасный концерт.

Изабель покраснела.

— Не смогу поехать, папа?

— Ну, конечно: с кем ты поедешь? Я не могу встать с постели.

— Ах, папа, я должна быть там. В противном случае это будет выглядеть, как если бы мы пообещали сделать то, чего не собирались выполнять. Ты же знаешь, что мы договорились встретиться с Дьюси: экипаж может отвезти меня на концерт, где я и присоединюсь к ним.

— Ну, как тебе будет угодно. Мне казалось, ты будешь рада любому предлогу, чтобы не поехать.

— Вовсе нет, — рассмеялась Изабель. — Пусть жители Вест-Линна видят, что я вовсе не презираю мистера Кейна и серьезно отношусь к его концерту.

После обеда состояние графа резко ухудшилось: его мучили ужасные боли. Изабель, которую не пускали к больному, не знала об опасности, и стоны графа не достигали ее ушей. Она одевалась в превосходном настроении, весело дурачилась; Марвел, ее служанка, помогала ей, с явным неудовольствием, ибо не одобряла выбранный к этому случаю наряд. Одевшись, Изабель прошла к графу.

— Ну как, папа?

Лорд Маунт-Северн поднял опухшие веки и откинул одеяло с пылавшего лица. Он увидел сверкающее видение, прекрасную королеву, волшебную фею: он не знал, с кем сравнить ее. Изабель надела платье из белых кружев и свои бриллианты; платье было просто роскошным, бриллианты мерцали в ее волосах, на нежной шее и тонких руках, щеки покраснелись, а локоны водопадом струились на плечи. Граф изумленно посмотрел на нее:

— Почему ты так нарядилась на концерт? Ты сошла ума, Изабель!

— Марвел тоже так считает, — весело ответила она, — с ее лица не сходит сердитое выражение с того самого момента, как я сказала ей, что приготовить. Но я делаю это специально, папа: хочу показать обитателям Вест-Линна, что на концерт этого бедняги, по моему мнению, стоит пойти и даже принарядиться.

— Весь зал будет глазеть на тебя.

— Ну и пусть! Я потом тебе все расскажу. Пусть глазят.

— Ах ты, тщеславный ребенок. Ты так нарядилась только из тщеславия. Но, Изабель... ох!

Изабель вздрогнула: стон графа был ужасен.

— Страшная боль, дитя мое. Ну да ладно, ступай: когда я говорю, мне еще больнее.

— Папа, может быть, мне остаться с тобой? — тревожно спросила она. — Если ты хочешь, чтобы я осталась, или если я могу быть чем-то полезна, скажи мне, ради бога!

— Напротив! Лучше поезжай. Ты ничем не можешь помочь, ибо я не могу позволить тебе остаться в комнате. До свидания, милая. Если увидишь Карлайла, передай ему, что я надеюсь увидеться с ним завтра.

Марвел набросила на нее накидку, и Изабель спустилась к ожидавшему ее экипажу.

Концерт должен был состояться в уже упоминавшейся комнате для мировых судей, расположенной над рынком, и солидно именованной ратушей. Помещение было большим, просторным и с хорошей акустикой: не многие, даже более крупные города, могут похвастаться подобным концертным залом. Относительно исполнителей можно сказать одно: м-р Кейн сделал все, что было в его скромных силах. Была приглашена третьеразрядная певица из Лондона, а остальные концертанты были местными дарованиями.

Барбара Хэйр ни за что не пропустила бы концерт, но у миссис Хэйр не было ни сил, ни желания идти на него. Поэтому было решено, что судья и Барбара присоединятся к Карлайлам, и они прибыли в дом мисс Карлайл как раз к кофе. Хотели было нанять извозчика, но мисс Карлайл наложила вето на эти планы, спросив, что у них случилось с ногами: стоял прекрасный вечер, а идти было недалеко. Уж кто, а Барбара-то совершенно не возражала против того, чтобы прогуляться с мистером Карлайлом.

— Почему мы так редко видим вас? — начала она, когда определился порядок шествия, которое возглавляли м-р Хэйр и мисс Карлайл.

— Я был слишком занят в Ист-Линне: граф скучает по вечерам. Они уезжают в субботу, и я снова стану хозяином собственного времени.

— Вчера вечером вас ждали у пастора: мы высматривали вас весь вечер, но вы так и не появились.

— Думаю, мистер и миссис Литл меня не ждали. Я сообщил им, что приглашен на обед в Ист-Линн.

— Говорят... кое-кто говорит, что вы могли бы уж совсем поселиться в Ист-Линне, и гадают, что влечет вас туда. Говорят даже, — Барбара изо всех сил пыталась не выдать своего волнения, — что если бы Изабель Вейн не была леди Изабель, можно было бы вообразить, что вы ухаживаете за ней.

— Я весьма признателен им за интерес к моей скромной особе, — спокойно ответил м-р Карлайл. — Чего не смог бы с уверенностью сказать о леди Изабель. Меня удивляет, что Вы пересказываете такие глупости, Барбара.

— Это они говорили, а не я, — ответила Барбара, сердце которой было готово разорваться. — Правда ли, что леди Изабель так хорошо поет? Они твердят, что ее пение божественно.

— Не скажи это при Корнелии, иначе она тебя отчитает, — рассмеялся м-р Карлайл, — как меня, когда я сказал, что у нее лицо, как у ангела.

Барбара повернула к нему свое лицо, выглядевшее бледным в свете газового фонаря.

— Вы сказали, что у нее ангельское лицо? Вы так считаете?

— Мне кажется, я действительно так сказал, но у меня нет полной уверенности, потому что Корнелия так быстро меня перебила, — смеясь, ответил он. — Барбара, — тут же добавил он, понизив голос, — до сих пор нет никаких вестей от Ричарда?

— Нет. Вы с мамой оба считаете, что он подаст весточку, а мне кажется, что он побоится написать. Я знаю, что он обещал, но никогда не верила, что он выполнит свое обещание.

— Да ведь нет никакого риска, если отправить письмо на мой адрес; а для миссис Хэйр оно было бы облегчением и утешением.

— Вы же знаете, какой Ричард боязливый. Отуэй Бетель вернулся домой, — продолжала она. — Вы говорили, что собираетесь о чем-то спросить его по возвращении, Арчибальд.

— Я так и сделал, но ему, похоже, ничего не известно. Он, кажется, хорошо относится к Ричарду, но подвергает сомнению утверждение о том, что в лесу в эту ночь был этот самый Торн или какой-то другой посторонний человек.

— Странно, однако, я не могу хотя бы отдаленно представить себе, что это был за Торн.

— Да, — согласился м-р Карлайл. — В Свейнсоне мне ничего узнать не удалось. Ни один человек по фамилии Торн, подходящий под это описание, не жил там в это время, насколько мне удалось выяснить. Нам остается только ждать и надеяться, что со временем все разъяснится.

В этот момент они уже подходили к ратуше. У выхода собралась оживленная толпа: зрители, входившие вовнутрь, и зеваки, глазевшие на них. Роскошное ландо лорда Маунт-Северна было поставлено поближе к двери, чтобы не мешать проезду прочих экипажей; при нем находились восседавший на козлах кучер и двое лакеев в ливреях и напудренных париках.

— В экипаже сидит леди Изабель Вейн, — воскликнула Барбара, миновав коляску.

М-р Карлайл удивился. Чего она ждала там? Где был граф? Ему вдруг показалось — он и сам не мог бы сказать, почему, — будто что-то случилось.

— Прости, Барбара: ты позволишь покинуть тебя на одну минуту, чтобы переговорить с леди Изабель?

Он не стал дожидаться ни согласия, ни запрета, а просто оставил Барбару на том же самом месте и подошел к Изабель. Когда она наклонилась к нему, бриллианты сверкнули в ее блестящих волосах.

— Я жду миссис Дьюси, м-р Карлайл. Мне не хотелось одной дожидаться в передней, вот я и осталась здесь. Когда приедет миссис Дьюси, я выйду. Вы же знаете, что мы идем вместе.

— А граф?

— О, Вы разве не слышали? Папа снова заболел.

— Снова заболел?! — повторил м-р Карлайл.

— И очень серьезно. Сегодня в пять утра послали за мистером Уэйнрайтом, который и пробыл с ним большую часть дня. Папа велел мне сказать, что надеется встретиться с вами завтра.

М-р Карлайл вернулся к Барбаре; когда они вошли в холл и стали подниматься по лестнице, к подъезду стремительно подкатил еще один роскошный экипаж, рассеяв толпу зевак и дав им новую пищу для разговоров. Барбара обернулась и увидела, что это приехала достопочтенная миссис Дьюси.

К этому времени зал был уже полон, и м-р Кейн проводил миссис Дьюси, двух ее дочерей и Изабель на их места, прямо возле оркестра, которые специально приготовил для них. Ослепительное видение, поразившее недавно взор лорда Маунт-Северна, предстало теперь перед публикой в лице Изабель, с ее роскошным белым платьем, сверкающими бриллиантами, струящимися по плечам волосами и прекрасными чертами лица. Дочери миссис Дьюси, простушки в коричневых шелковых платьях, огорченно задрали носики еще выше, чем это сделала природа, а сама почтенная дама издала громкий вздох.

— Дорогуши мои, надо пожалеть эту бедняжку, лишенную материнской опеки, — прошептала она, — ведь ей некому указать, как следует одеваться; идея надеть это смехотворное убранство, должно быть, принадлежит Марвел.

Однако было ли это «убранство» смехотворным или нет, Изабель смотрелась в нем, как лилия среди маков и подсолнечников. Прав ли был лорд Маунт-Северн, шутиво упрекнувший ее в том, что она так нарядилась для собственного удовольствия? Очень даже может быть: ибо разве не сказал великий проповедник, что «детство и юность суть тщеславие».

Мисс Карлайл, судья и Барбара тоже сидели возле оркестра, поскольку мисс Карлайл была в Вест-Линне особой, с которой считаются, а не прячут за чьи-то спины. М-р Карлайл, однако, предпочел присоединиться к группке джентльменов, стоявших возле двери. В зале не осталось даже стоячих мест; как и ожидалось, у м-ра Кейна был полный аншлаг, и бедняга готов был молиться на леди Изабель, ибо знал, что обязан этим ТОЛЬКО ей.

Концерт был долгим, как все концерты в провинции, и уже на три четверти завершился, когда за спинами джентльменов, стоявших у двери, возникла напудренная голова, превосходившая размерами самый крупный кочан цветной капусты. Голова проплыла вверх по лестнице, и, когда наконец, появилось тело, выяснилось, что она принадлежала одному из лакеев лорда Маунт-Северна. Чего стоили одни икры, затянутые в шелковые чулки! Они проследовали в зал после просительного поклона в адрес джентльменов, между которыми им пришлось пробираться, и замерли в неподвижности, в то время, как «кочан» вытянулся вперед и стал поворачиваться из стороны в сторону.

— Будь я неладен! — изумленно воскликнул старый джентльмен, большой любитель охоты на лис, которого лакей нечаянно задел локтем. — Ну и наглецы же эти парни!

Казалось, однако, что в данный момент этот «парень», о котором шла речь, не мог похвастаться особой наглостью, поскольку выглядел сбитым с толку, растерянным и робким. Внезапно взгляд его упал на м-ра Карлайла, и он буквально воспрянул к жизни.

— Прошу прощения, сэр! Не могли бы Вы сообщить мне, где изволит находиться наша молодая хозяйка?

— В другом конце комнаты, возле оркестра.

— Тогда я ума не приложу, как мне добраться к ней, — пробормотал слуга, скорее, разговаривая сам с собой, нежели с м-ром Карлайлом. — Комната набита битком, и мне не хотелось бы расталкивать людей. Состояние нашего хозяина резко ухудшилось, сэр, — пояснил он благоговейным шепотом, — мы боимся, как бы он не умер.

Это известие поразило м-ра Карлайла.

— Он ужасно кричит от боли, сэр. С ним сейчас мистер Уэйнрайт и еще один врач из Вест-Линна, и ожидаются еще врачи из Линборо, за которыми послали курьера. Миссис Мейсон сказала, что мы должны привезти молодую хозяйку домой, не теряя ни минуты, поэтому мы и примчались за ней, сэр, причем Уэллс всю дорогу гнал лошадей галопом.

— Я приведу леди Изабель, — сказал м-р Карлайл.

— Ах, сэр, я буду Вашим вечным должником, если Вы это сделаете, — ответил слуга.

М-р Карлайл быстро пробрался через комнату, в которой яблоку негде было упасть, все же удостоившись нескольких гневных взглядов, поскольку как раз в это время певица из Лондона исполняла чрезвычайно трогательную песню. Не обращая на них ни малейшего внимания, он приблизился к леди Изабель.

— Я уж думала, что Вы больше не подойдете ко мне сегодня. Разве не замечательно все получилось? Я так рада!

— Более, чем замечательно, леди Изабель. Однако, — печально продолжал он, — лорд Маунт-Северн неважно себя чувствует, и он прислал за Вами экипаж.

— Неважно себя чувствует? — быстро переспросила она.

— Да, увы. Во всяком случае, он хочет, чтобы вы приехали домой. Вы позволите мне проводить вас к экипажу?

— Ах, мой милый, деликатный папа! — рассмеялась она. — Он боится, что я заскучала здесь, и хочет вызволить меня пораньше. Благодарю вас, мистер Карлайл, но я подожду окончания концерта.

— Нет-нет, леди Изабель, дело не в этом. Лорду Маунт-Северну в самом деле стало хуже.

Лицо ее посерьезнело, но она еще не успела встревожиться.

— Хорошо. Пусть только песня закончится; не стоит беспокоить других людей.

— Я думаю, вы не должны терять ни минуты, — продолжал настаивать он. — Бог с ними; и с песней, и с публикой.

Она сразу же встала и взяла м-ра Карлайла под руку. Торопливое извинение перед миссис Дьюси — и вот уже он ведет ее сквозь удивленную публику, расступающуюся перед ними, насколько позволяет толчея.

За ними наблюдало множество глаз, но никто не смотрел столь пристально и с таким любопытством, как Барбара.

— Куда он повел ее? — невольно вырвалось у бедняжки.

— Откуда же мне знать? — резко ответила мисс Корни. — Ты весь вечер только и делаешь, что ерзаешь. Что с тобой творится? Люди приходят на концерт для того, чтобы слушать, а не болтать и вертеться.

Из передней принесли накидку Изабель, которую она оставила там перед концертом, и она спустилась по ступенькам с мистером Карлайлом. Экипаж стоял у самого входа, и кучер уже держал вожжи, готовый двинуться в путь по первому сигналу. Лакей, напарник того, который поднимался вверх, распахнул дверцу экипажа, как только увидел свою молодую хозяйку. Это был новичок, простой сельский парень, только что принятый на службу. Она отпустила руку м-ра Карлайла и, прежде, чем войти в экипаж, остановилась на мгновение и взглянула на слугу.

— Папе очень плохо?

— Да, миледи; он страшно кричал. Но, как полагают, он доживет до утра.

Резко вскрикнув, она схватила м-ра Карлайла за руку, ища опоры в своем невыносимом страдании.

М-р Карлайл резко оттолкнул лакея: в этот момент он охотно швырнул бы его с размаху на тротуар.

— О, мистер Карлайл, почему вы не сказали мне? — задрожав, спросила она.

— Моя дорогая леди Изабель, я огорчен тем, что вам сказали об этом. Прошу вас, утешьтесь: Вы же знаете, как часто он хворает, так что и это может быть обычный приступ. Садитесь. Я уверен, что никакой опасности нет.

— Вы едете со мной?

— Разумеется. Я не оставлю вас одну.

Она подвинулась, освобождая место для него.

— Благодарю вас: я сяду снаружи.

— Но сегодня вечером прохладно.

— Вовсе нет.

Он закрыл дверцу и сел возле кучера; лакеи встали на запятки, и экипаж устремился вперед.

Изабель забилась в угол и громко стонала, страдая от неопределенности и беспомощности.

— Не жалея лошадей, — сказал м-р Карлайл кучеру Уэллсу. — Леди Изабель сама не своя от беспокойства.

— Бедное дитя: к утру она будет еще несчастнее! — ответил тот. — Я служу у них уже пятнадцать лет, сэр, и она выросла буквально у меня на глазах, — поспешно добавил он, как бы извиняясь за свою фамильярность.

— Жизнь графа действительно в опасности?

— Да, сэр, так оно и есть. Я в своей жизни видел два случая, когда подагра достигла желудка, и в обоих все закончилось в считанные часы. Когда я выезжал, то случайно услышал, будто мистер Уэйнрайт считает, что болезнь уже перекинулась на сердце.

— У графа и раньше бывали очень серьезные и болезненные приступы, — заметил м-р Карлайл, цепляясь за последнюю надежду.

— Да, сэр, я знаю, но этот приступ — совершенно иной. Кроме того, — продолжал Уэллс, понизив голос, — эти чертовы летучие мыши просто так не появляются.

— Летучие мыши! — воскликнул м-р Карлайл.

— А это, сэр, верный знак того, что смерть уже идет в дом, скорая и неотвратимая.

— Уэллс, о чем Вы говорите??

— Сегодня вечером вокруг дома летали летучие мыши. Отвратительные твари. Терпеть их не могу!

— Летучие мыши частенько летают по ночам, — заметил м-р Карлайл, покосившись на трезвого и степенного кучера и подумав, уж не изменила ли тому трезвость ума в последнее время. — Такова их природа.

— Но они не летают целыми стаями вокруг тебя и не подлетают к окнам, сэр. Сегодня, когда мы отвезли молодую леди на концерт и вернулись в поместье, я сказал Джо просто распрячь лошадей, а экипаж оставить снаружи, так как он еще потребуется. Я вошел в дом, и мне сказали, что меня спрашивала миссис Мейсон и просила направить меня в библиотеку, когда я вернусь. Видите ли, сэр: она сидела там, чтобы быть под рукой, если что-то потребуется нашему лорду. Я вытер туфли, поднялся наверх и постучал в дверь. «Войдите», — ответила она, я вошел и увидел, что она стоит у окна. Ну, я и сказал ей: «Вы не бережете себя, мэм. Вряд ли сегодня подходящая погода для того, чтобы открывать окна». Вы же видите, сэр, что сегодня морозно.

М-р Карлайл бросил взгляд на дорогу и на изгороди. Кучер продолжал свой рассказ.

«Входите, Уэллс, — отрывисто позвала миссис Мейсон. — Идите-ка сюда и взгляните». Я подошел к ней, сэр, и мне открылось зрелище, которого я еще не видывал. Летучие мыши летали десятками, сотнями; их там была целая туча, они подлетали к окну и били крыльями. Они чуть ли не залетали вовнутрь и, если бы мы не отступили назад, задевали бы наши лица. Не могу даже представить, откуда они взялись, ибо я не успел еще и минуты пробыть в доме, а на улице до этого ничего не видел. «Что бы это значило, Уэллс? — воскликнула миссис Мейсон. — Летучие мыши с ума посходили сегодня вечером. Я открыла окно, чтобы посмотреть на них, потому что они просто поразили меня. Вы когда-нибудь видели их в таком количестве?» «Нет, мэм, и так близко — тоже, — ответил я. — И вообще я не люблю смотреть на них, так как они не предвещают ничего хорошего: это дурной знак». Ну, тут, сэр она рассмеялась, — продолжал Уэллс, — ибо она из тех, кто высмеивает приметы, сны и тому подобное. Возможно, вы знаете, сэр, что она женщина образованная и была когда-то воспитательницей леди Изабель, а образованные люди не слишком-то суеверны.

М-р Карлайл кивнул.

— Что это за примета, Уэллс? — насмешливо спросила меня миссис Мейсон. «Мэм, — сказал я, — не буду говорить, будто я сам когда-либо видел, как целое полчище летучих мышей является с подобным визитом, но я слышал бесчисленное множество раз о том, что они, случается, делают так, и это верная примета, что смерть — на пороге дома». «Надеюсь, смерть не стоит на пороге этого дома», — вздохнула миссис Мейсон, конечно же вспомнив о милорде, и закрыла окно, а эти отвратительные твари продолжали биться об него своими крыльями. Миссис Мейсон заговорила со мной о деле, по которому хотела меня видеть. На это у нее ушло минуты три, а когда она закончила, я повернулся и снова посмотрел на окно. Ни единой летучей мыши не было, все они исчезли за этот короткий промежуток времени. «Куда они делись?» — воскликнула миссис Мейсон. Я открыл окно и посмотрел по сторонам. Они исчезли все до одной, и небо было таким же чистым, как и сейчас.

— Возможно, полетели биться в окно к кому-нибудь еще, — заметил м-р Карлайл, недоверчиво улыбаясь.

— Вскоре после этого, сэра, в доме поднялась суматоха. У милорда началась предсмертная агония, и м-р. Уэйнрайт сказал (так поговаривали в комнате для слуг), что подагра достигла желудка и может перекинуться на сердце. Деннис галопом унесся в Линборо за врачами, а мы запрягли лошадей и помчались за нашей молодой хозяйкой.

— Ну что же, — заметил м-р Карлайл, — надеюсь, он поправится после приступа, Уэллс, несмотря на подагру и летучих мышей.

Кучер покачал головой и, резко повернув лошадей, ударом кнута бросил их в последний рывок — через ворота и, по дорожке, к дому.

Экономка, миссис Мейсон, встречала леди Изабель в дверях. М-р Карлайл помог последней выйти из экипажа и подняться по ступенькам. Она едва могла говорить.

— Ему лучше? Мне можно пройти к нему в комнату? — задыхаясь, спросила она.

Графу действительно стало лучше; лучше в том смысле, что он перестал метаться, потеряв сознание. Изабель быстро направилась в его покои. М-р Карлайл отвел экономку в сторону.

— Есть ли надежда?

— Ни малейшей, сэра. Он умирает.

Граф никого не узнавал: боль временно отступила, и он тихо лежал в своей постели; но Изабель поразило его лицо, на котором застыла печать смерти. Она не вскрикнула и не заплакала; если не считать того, что ее била дрожь, она была абсолютно спокойна.

— Ему скоро полегчает? — прошептала она стоявшему там же м-ру Уэйнрайту.

Хирург кашлянул.

— Ну, он... не будем терять надежду, миледи.

— Но почему у него такое лицо? Оно бледное... серое: я никогда и ни у кого не видела такого лица.

— У него были чудовищные боли, миледи, а боль оставляет на лице свой страшный след.

М-р Карлайл, который к тому времени вошел в комнату и стоял рядом с ними, коснулся руки хирурга и попросил его выйти на минуту. Он заметил выражение лица графа, оно насторожило его, и он хотел переговорить с врачом. Леди Изабель, видя, что м-р Карлайл собирается выйти из комнаты, обратилась к нему:

— Не уезжайте, мистер Карлайл. Когда он очнется, ваше присутствие, возможно, приободрит его; он очень любит вас.

— Я не уезжаю, леди Изабель. У меня этого и в мыслях не было.

Спустя некоторое время — казалось, прошла целая вечность — прибыли медики из Линборо, целых трое, ибо конюх решил, что чем больше их будет, тем лучше. Их глазам предстала странная сцена: мертвенно бледный лорд, снова начавший беспокойно метаться, и юная девушка в нарядном платье, с украшениями из драгоценных камней, стоявшая у его ложа. Они сразу поняли, что она только что приехала, и для нее веселье было прервано этим страшным известием.

Врачи склонились над больным, чтобы осмотреть его, измерили пульс и послушали сердце, после чего шепотом обменялись несколькими словами с мистером Уэйнрайтом. Изабель отошла немного назад, чтобы пропустить их, но ее глаза с тревогой следили за каждым их движением. Они, казалось, не замечают ее, и она подошла к ним сама.

— Можно ли ему помочь? Он выздоровеет?

Врачи повернулись и молча посмотрели на нее. Один из них заговорил, но его ответ был уклончивым.

— Говорите правду, — умоляюще сказала она, — не ходите вокруг да около. Вы не знаете, кто я? Я его единственный ребенок, и здесь никого нет, кроме меня.

Прежде всего, ее нужно было вывести из комнаты, ибо скорбный миг приближался, и последняя схватка между телом и душой обещала быть страшным зрелищем, которого ей не следовало видеть. Но в ответ на их просьбы удалиться, она в отчаянии склонила голову на подушку отца и застонала.

— Ее нужно увести отсюда, — воскликнул почти сердито один из врачей.

— Мэм, — сказал он, повернувшись к миссис Мейсон, — есть ли в доме родственники, кто-нибудь, кого послушалась бы эта юная леди?

— Вряд ли у нее есть хотя бы кто-нибудь на свете, — ответила экономка, — во всяком случае из близких родственников. И мы сейчас совершенно одни в доме.

Но м-р Карлайл, оценив всю важность этого момента, ибо граф метался все сильнее с каждой минутой, приблизился к Изабель и шепотом сказал ей:

— Мы понимаем, что вы тревожитесь за вашего отца, так же, как и все мы.

— Так же! — с упреком сказала она.

— Вы понимаете, что я имею в виду. Конечно, наша тревога — ничто в сравнении с той, которую испытываете вы.

— Ничто, ничто. Мне кажется, сердце мое разорвется.

— В таком случае — простите меня. — Вы не должны противиться просьбе медиков. Они хотят остаться с графом, а время уходит.

Она встала, приложила ко лбу ладони, как будто пытаюсь понять смысл сказанного, а затем обратилась к врачам:

— Скажите: это действительно необходимо, необходимо именно для него, чтобы я покинула эту комнату?

— Необходимо, миледи; это исключительно важно.

Она вышла, не сказав более ни слова, и свернула в библиотеку, которая занимала комнату на том же этаже, ранее подвергнувшись вторжению летучих мышей. Жаркий огонь горел в камине; она подошла к нему, оперлась рукой на каменную доску и положила на нее голову.

— Мистер Карлайл, — позвала она, не поднимая головы.

— Я здесь, — ответил он, поскольку вошел вслед за ней, — что я могу сделать для Вас?

— Вы видите: я ушла. Вы будете постоянно держать меня в курсе событий, пока мне не разрешат вернуться?

— Буду обязательно.

Когда он вышел, в комнату вплыла Марвел, ее горничная, чрезвычайно утонченная особа.

— Не желает ли миледи переодеться?

Нет, миледи не желала.

— Вдруг, как только я сниму платье, меня позовут к папе.

— Но, миледи, это нарядное платье совершенно не подходит для столь позднего часа.

— Не подходит? Какое это имеет значение? Кто смотрит на мое платье?

Но, немного погодя, миссис Мейсон тихонько сняла с нее бриллианты и укутала теплой шалью ее плечи и шею, так как бедняжка по-прежнему дрожала.

Кое-кто из врачей уехал; м-р Уэйнрайт остался с больным. Увы, ничего более нельзя было сделать для лорда Маунт-Северна в этом мире, и сцена смерти была долгой и ужасной. Он снова пробудился от боли: телесной или душевной — никто не смог бы сказать. Боль! Он пронзительно кричал и корчился. Может быть, это правда, что грешно прожитая жизнь приводит к таким страшным мукам на смертном одре?

К утру Изабель сделалась очень беспокойной и не поддающейся уговорам. М-р Карлайл постоянно приносил ей известия о том, что происходит в комнате больного, конечно же, смягчая факты. Она никак не могла понять, почему ее не пускают туда, и м-ру Карлайлу приходилось чуть ли не силой удерживать несчастную.

— Жестоко так обращаться со мной, — воскликнула она, лишь из гордости удерживая рыдания. — Здесь, взаперти, мне кажется, что прошла не одна ночь, а десять. Когда умирал ваш отец, вас тоже к нему не пускали?

— Моя юная леди, черствый и грубый душой мужчина может находиться там, где вам быть не следует.

— Вы не черствый и грубый.

— Я говорю о мужской натуре в целом.

— Я беру все под свою ответственность. Спасибо за вашу доброту, мистер Карлайл, — поспешно добавила она, — но у вас нет никакого права не пускать меня к моему отцу. Я иду к нему.

М-р Карлайл встал перед нею, спиной к двери. Его грустные, добрые глаза смотрели на нее с глубочайшим сочувствием и нежностью.

— Простите меня, дорогая леди Изабель: я не могу пустить вас.

Он отвел ее, безутешно рыдающую, обратно к камину.

— Ведь это же мой отец, у меня больше нет ни одного родного человека на всем белом свете.

— Я знаю, знаю и сочувствую вам всей душой. Раз двадцать за эту ночь я мечтал быть вашим братом, да простится мне эта мысль, чтобы иметь возможность проявить свое сочувствие менее сдержанно и быть в состоянии утешить вас.

— Тогда скажите мне правду: почему меня не пускают? Если причина достаточно убедительна, я буду благоразумной и послушаюсь вас; только не говорите снова, что я не должна его беспокоить: это же неправда.

— Он слишком плох для того, чтобы вы видели его, он испытывает мучительную боль; если вы войдете, не послушавшись совета, вы будете жалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

— Он умирает?

М-р Карлайл не сразу решился ответить. Должен ли он лицемерить с ней, как это делали врачи? Он всей душой чувствовал, что не должен.

— Я верю, что вы не обманете меня, — просто сказала она.

— Боюсь, что да. Я думаю, он умирает.

Она встала, схватила его руку от внезапно нахлынувшего ужаса:

— Вы обманываете меня, он уже умер!

— Я не обманываю вас, леди Изабель. Он не умер, но... это может очень скоро произойти.

Она уткнулась лицом в подушку на диване.

— Уходит от меня навсегда, уходит навсегда! О, мистер Карлайл, позвольте мне увидеть его на минутку! Только проститься с ним! Неужели Вы не можете попросить об этом для меня?

Он знал, что это бесполезно, но повернулся, чтобы идти.

— Я посмотрю, что можно сделать. Но вы пока будете спокойно сидеть здесь и не последуете за мной.

Она склонила голову в знак согласия, и он закрыл за собой дверь. Если бы она в самом деле была его сестра, он, вероятно, закрыл бы ее на ключ. Он вошел в покои графа, но оставался в них лишь несколько секунд.

— Все кончено, — прошептал он миссис Мейсон, которую встретил в коридоре. — Мистер Уэйнрайт хочет видеть Вас.

— Вы так быстро вернулись, — воскликнула Изабель, поднимая голову. — Мне можно идти?

Он сел и взял ее руку, с дрожью думая о том, что должен сказать.

— Как бы я хотел утешить вас! — взволнованно воскликнул он.

Лицо ее стало мертвенно-бледным, таким же, как другое лицо, находившееся неподалеку.

— Я готова к самому худшему, — выдохнула она.

— Увы, мне вам нечего сообщить, кроме самого худшего. Да не оставит вас господь, леди Изабель.

Она отвернулась, чтобы он не видел, как несчастье исказило ее лицо, но у нее вырвался вопль муки, выдав невыразимое отчаяние.

Над землей вставал серый рассвет, возвещая о приходе еще одного суетного дня, который будет занесен на скрижали истории, но душа Уильяма Вейна, графа Маунт-Северна, унеслась прочь от этой суеты навсегда.

Глава 10

ХРАНИТЕЛИ МЕРТВЫХ

Между смертью лорда Маунт-Северна и его погребением произошло множество событий. В реальности одного из них читатель, пожалуй, может усомниться, полагая, что ничего подобного в действительности не могло произойти. И будет неправ, ибо описываемые обстоятельства в самом деле имели место.

Граф умер в пятницу, на рассвете. Известие об этом распространилось с чрезвычайной быстротой; так всегда бывает, когда умирает пэр, если он был человеком известным, все равно — с хорошей или плохой стороны. К концу дня об этом стало известно в Лондоне, вследствие чего в субботу, рано утром, целая стая тех, кого покойный граф назвал бы шайкой грабителей, слетелась в Ист-Линн. Там были кредиторы всех мастей: от тех, кто хотел получить свои пять или десять фунтов, до тех, кому граф задолжал от пяти до десяти тысяч. Одни из них были вежливыми, другие нетерпеливыми, а иные — шумными, грубыми и озлобленными; кто-то приехал наложить арест на имущество, а кто-то — и на тело покойного.

Последние действовали чрезвычайно ловко. Два человека с крючковатыми носами отделились от галдящей группы наиболее крикливых кредиторов и, хитро озираясь по сторонам, проследовали к боковому входу, которым обычно пользовались торговцы. Тихонько позвонив, они заговорили с вышедшей к ним посудомойкой.

— Гроб еще не привезли?

— Гроб? Нет еще, — ответила девушка. — Мистер Джонс обещал его не раньше девяти, а сейчас еще и восьми нет.

— Ждать осталось недолго, — промолвили непрошенные гости, — его уже везут. Мы поднимемся в комнату его сиятельства и все подготовим.

Девушка позвала дворецкого.

— Пришли два человека из похоронного бюро Джонса, сэр, — возвестила она. — Гроб уже везут, и они хотели бы подняться наверх и все подготовить.

Дворецкий лично проводил их наверх, к комнате графа.

— Благодарим Вас, — заявили они, увидев, что он собирается войти вместе с ними, — ждать не нужно.

После чего, затворив дверь за ничего не подозревающим дворецким, они молча заняли позиции по обе стороны от покойного, как парочка зловещих глухонемых. Они наложили арест на мертвое тело; оно принадлежало им до тех пор, пока их иск не будет удовлетворен, и уселись сторожить его. Приятное занятие, что и говорить!

Примерно через час леди Изабель, покинув свои покои, бесшумно отворила дверь в комнату покойного. Она уже заходила туда несколько раз в пятницу: сначала с экономкой, а потом, когда безотчетный страх немного притупился, и одна. Но сегодня она снова нервничала и поэтому достигла кровати прежде, чем осмелилась поднять глаза и перевести взгляд с ковра на открывшееся перед ней зрелище. Она вздрогнула, ибо перед ней сидели два незнакомца не особенно приятного вида.

Сначала у нее промелькнула мысль, что это, может быть, кто-то из соседей, пришедших удовлетворить свое праздное и беспардонное любопытство; сначала она хотела позвать дворецкого, но потом решила поговорить с ними сама.

— Вам что-то нужно здесь? — спокойно спросила она.

— Не беспокойтесь, мэм. У нас все в порядке.

Слова и тон, которым они были произнесены, показались ей чрезвычайно странными; кроме того, они продолжали сидеть, словно имели право находиться в этом месте.

— Почему вы здесь? — повторила она. — Что вы здесь делаете?

— Ну что же, мисс, я могу и рассказать вам, поскольку вы — его дочь, как я полагаю, — заговорил один из них, показывая большим пальцем левой руки, через плечо, на тело покойного пэра, — и, как мы слышали, у вас нет никаких родственников, кроме него. Нам велели, мисс, исполнить неприятную обязанность и сторожить его.

Ей казалось, они говорят на греческом языке, и они это поняли.

— К сожалению, он задолжал большую сумму, о чем вы, возможно, знаете, в том числе и нашим хозяевам. Поэтому, как только они узнали о случившемся, мы были посланы арестовать тело покойного, что мы и сделали.

Изумление и ужас боролись в сознании потрясенной леди Изабель. Арестовать покойного! Она не слыхивала о таком и не могла в это поверить. Арестовать? С какой целью? Для чего? Чтобы изуродовать? Продать? С трепещущим сердцем и пепельными губами покинула она комнату. Мимо лестницы проходила миссис Мейсон, и Изабель бросилась к ней, в ужас схватила ее руку и залилась нервными слезами.

— Эти люди... там! — задыхаясь, проговорила она.

— Какие люди, миледи? — удивленно ответила миссис Мейсон.

— Я не знаю, не знаю. Думаю, они собираются остаться здесь. Они говорят, что они забирают папу.

Когда прошло оцепенение, вызванное этим известием, экономка оставила леди Изабель на том же самом месте и прошла в покои графа, чтобы посмотреть, нет ли там разгадки этих непонятных речей. Изабель прислонилась к балюстраде, — отчасти ради опоры, отчасти потому, что она, казалось, боится отойти от нее; в этот момент зловещий шум донесся до нее снизу. В холле находились чужие люди, вторгшиеся в дом: они возбужденно о чем-то говорили и жаловались на что-то. Еще сильнее испугавшись, она затаила дыхание и стала прислушиваться.

— К чему вам встречаться с молодой леди? — увещевал их дворецкий. — Она ничего не знает о делах графа; к тому же, у нее и так большое горе, не хватало ей еще и этих забот.

— Я все равно увижусь с ней, — упрямо отвечал кто-то. — Если она слишком гордая особа для того, чтобы спуститься и ответить на пару вопросов, я сам найду ее. Мы торчим тут, скандальная толпа людей, у которых выманили деньги, а теперь заявляют, что им не с кем поговорить: здесь нет никого, кроме молодой леди, а ее, видите ли, нельзя беспокоить! Она не считала для себя беспокойством тратить наши деньги! Если она не спустится и не переговорит с нами, значит, у нее нет ни чести, ни совести, которыми должна обладать настоящая леди!

С трудом сохраняя спокойствие, леди Изабель скользнула вниз по лестнице и тихонько подозвала дворецкого.

— В чем дело? — спросила она. — Я должна это знать.

— О, миледи, не ходите к этим грубиянам! Вы ничего не исправите; уходите, Бога ради, пока они не увидели вас! Я послал за мистером Карлайлом и ожидаю его с минуты на минуту.

— Папа им всем задолжал деньги? — спросила она с дрожью в голосе.

— Боюсь, что да, миледи.

Она стремительно спустилась и, миновав нескольких кредиторов в холле, прошла в гостиную, где собралась основная масса незваных гостей и откуда доносился наибольший шум. При ее появлении, правда, их гнев поутих, во всяком случае, внешне. Она выглядела такой молодой, невинной, так похожей на ребенка в милом утреннем платье из муслина персикового цвета, с лицом, оттененным ниспадающими на него локонами; она так мало походила на человека, с которым можно враждовать и который вообще способен понять их проблемы, что они замолчали, вместо того, чтобы излить на нее поток жалоб.

— Я слышала, как кто-то заявил, что я должна встретиться с вами, — начала она, причем от возбуждения говорила довольно отрывисто. — Что вам нужно от меня?

Вот тут-то они изложили все, но гораздо спокойнее, и она слушала, пока ей не стало плохо.

Исков было множество, причем внушительных: долговые обязательства и расписки, просроченные и непросроченные векселя, чудовищные неоплаченные долги и относительные мелочи на домашние расходы, ливреи слугам, жалование и питание.

Что могла им ответить Изабель Вейн? Извиниться? Что-то пообещать? Она стояла в замешательстве, не в силах произнести ни слова, поворачиваясь то к одному, то к другому, с глазами, полными жалости и раскаяния.

— Дело в том, юная леди, — сказал один из кредиторов, по виду джентльмен, — что мы не должны были бы приезжать сюда и беспокоить вас, я — во всяком случае, но поверенные его сиятельства, Уорбортон и Уэйр, к которым многие из нас бросились вчера вечером, заявили, что никто не получит ни шиллинга, разве что удастся хоть сколько-то получить за мебель. Если так, то

уж «кто первым приехал, того первым обслужат», поэтому я сегодня прикатил чуть свет и добился соответствующего судебного решения.

— Которое было принято еще до вашего приезда, — вставил другой человек, который, судя по его носу, вполне мог бы доводиться братом двум субъектам наверху. — Но что эта мебель в сравнении со всеми нашими исками вместе взятыми? То же самое, что ведро воды для Темзы.

— Что же я могу сделать? — задрожав, ответила леди Изабель. — Что я должна сделать? У меня нет денег. Я...

— Ничего, мисс, — вмешался флегматичный мужчина с бледным лицом. — Если то, что говорят, правда, вас обидели похлеще нашего, ибо у вас не будет ни крыши над головой, ни единой гинеи собственных денег.

— Он подло поступил со всеми, — перебил сердитый голос, — он разорил тысячи людей.

На него зашикали, ибо даже эти люди не способны были беспричинно обидеть беззащитную молодую леди.

— Может быть, вы хотя бы ответите, мисс, — продолжал тот же голос, несмотря на шиканье, — имеются ли какие-то наличные деньги, которые можно...

Но в этот момент в комнату вошел еще один человек — это был м-р Карлайл. Он заметил бледное лицо, дрожащие руки Изабель, и бесцеремонно оборвал эту тираду.

— Что это значит? — властно спросил он. — Что вам нужно?

— Если вы были другом покойного лорда, вам должно быть известно, чего мы хотим, — последовал ответ. — Мы хотим, чтобы нам оплатили его долги.

— Но вам нужно идти не сюда, — ответил м-р Карлайл. — Абсолютно бесполезно толпиться здесь подобным неприличным образом. Вам нужно обратиться к Уорбортону и Уэйру.

— У них мы уже были — и получили их ответ: нас невозмутимо заверили, что никто ничего не получит.

— Как бы то ни было, здесь вы ничего не добьетесь, — заметил м-р Карлайл всем собравшимся. — Вынужден попросить вас немедленно покинуть этот дом.

Непохоже было, чтобы они собирались выполнить эту просьбу, о чем и было заявлено м-ру Карлайлу со всей прямоотой.

— В таком случае, я вынужден предупредить вас о возможных последствиях, — спокойно сказал м-р Карлайл. — Вы вторглись в чужие владения. Этот дом не принадлежит лорду Маунт-Северну: он продал его некоторое время назад.

Этому заявлению никто не поверил. Некоторые даже засмеялись и заявили, что это старый трюк.

— Послушайте, джентльмены, — ответил м-р Карлайл, просто и открыто, как человек, который говорит правду и знает это. — С моей стороны было бы глупостью делать заявления, которые могут быть опровергнутыми при проверке состояния дел графа. Я даю вам слово чести, как мужчина; это поместье, с домом и всем, что находится в нем, уже несколько месяцев назад совершенно законно перешло в другие руки, и во время своего последнего визита сюда он был здесь не более чем гостем. Можете справиться об этом у его поверенных.

— Кто купил его? — последовал вопрос.

— М-р Карлайл, из Вест-Линна. Возможно, кому-то из вас приходилось слышать о нем.

Некоторым приходилось.

— Толковый молодой адвокат, — раздался голос, — как и его отец.

— Он перед вами, — продолжал м-р Карлайл. — И этот «толковый адвокат», как вы меня лестно охарактеризовали, ни за что не стал бы рисковать своими деньгами, делая приобретение, в законности и надежности которого не был бы абсолютно уверен. Я не был агентом в этой сделке, я нанимал агентов, поскольку вкладывал собственные деньги, так что теперь Ист-Линн — мой.

— Деньги уплачены? — спросили сразу несколько человек.

— Уплачены сразу же после совершения сделки: в июне.

— Как же лорд Маунт-Северн поступил с этими деньгами?

— Не знаю, — ответил м-р Карлайл. — Я не осведомлен о частных делах лорда Маунт-Северна.

Кредиторы многозначительно зашептались.

— Однако странно, что граф останавливается на два или даже три месяца в доме, который ему не принадлежит!

— Возможно, вам это кажется странным, но позвольте мне объяснить, — ответил м-р Карлайл. — Граф изъявил желание посетить Ист-Линн на некоторое время, чтобы проститься с поместьем, на что я ответил согласием. Не прошло и нескольких дней, как он занемог, и с тех пор был слишком болен, чтобы уехать. Именно на сегодняшний день, джентльмены, был в конце концов назначен его отъезд.

— И вы хотите сказать, что купили и мебель?

— Все полностью. Не сомневайтесь в моих словах, ибо за доказательствами дело не станет. Ист-Линн был выставлен на продажу, я узнал об этом и приобрел его — так же, как мог бы приобрести у любого из вас. А теперь, поскольку этот дом — мой, а у вас ко мне претензий нет, я был бы весьма признателен вам, если бы вы удалились.

— Может быть, вы еще заявите, что купили и экипажи вместе с лошадьми? — выкрикнул человек с крючковатым носом.

М-р Карлайл надменно вскинул голову.

— Что мое — то мое, законно приобретенное и оплаченное по честной цене. Я не имею никакого отношения к экипажам и лошадям; лорд Маунт-Северн привез их с собой.

— А мой человек уже наблюдает за ними снаружи, чтобы их не угнали, — самодовольно кивнул его собеседник, — и, если я не ошибаюсь, наверху тоже сторожат кое-что.

— Ну каков мерзавец был этот Маунт-Северн!

— Кем бы он ни был, это не дает вам права оскорблять чувства его дочери, — сердито перебил его м-р Карлайл, — и мне казалось, что люди, называющие себя англичанами, сочли бы это ниже своего достоинства. Позвольте мне, леди Изабель, — добавил он, решительно взяв ее за руку, чтобы вывести из комнаты, — остаться здесь и заняться этим делом.

Но она остановилась, заколебавшись. Ее чувство справедливости страдало от того, что ее отец причинил такой ущерб этим людям, и она попыталась произнести слова извинения и раскаяния; ей казалось, что она просто обязана сделать это, ибо она не хотела, чтобы ее сочли бессердечной. Но это была нелегкая задача; она то бледнела, то краснела, и дыхание ее было затрудненным от непереносимого горя.

— Мне так жаль, — запинаясь, сказала она, и эти слова стоили ей таких усилий, что она не выдержала и залилась слезами. — Я ничего не знала об этом: дела моего отца при мне никогда не обсуждались. У меня самой, насколько мне известно, ничего нет, а если было бы, я бы все поровну разделила между вами. Однако, если это когда-либо будет в моих силах, если у меня будут деньги, я с радостью оплачу все ваши иски.

Все их иски, подумать только! Леди Изабель и представить себе не могла, какую сумму составляет это «все». Как бы то ни было, подобные обещания в такую минуту были пустым звуком. Вряд ли нашелся хоть один из присутствующих, который не испытывал бы сочувствия и жалости к ней. М-р Карлайл вывел ее из комнаты, и как только он закрыл дверь за этой шумной компанией, у нее вырвались истерические рыдания.

— Я просто в отчаянии, леди Изабель! Если бы я мог предвидеть подобную неприятность, Вы были бы избавлены от нее. Вы в состоянии подняться вверх самостоятельно, или же мне позвать миссис Мейсон?

— О да, я поднимусь сама; я не больна, я только напугана и устала. Но это еще не самое худшее, — вздрогнула она. — Там еще два человека наверху... наверху... с папой.

Наверху с папой?! М-р Карлайл был озадачен. Он заметил, что она дрожит всем телом.

— Я не могу понять этого; я просто в ужасе, — продолжала она, пытаясь что-то объяснить. — Они сидят в комнате рядом с ним. Они говорят, что забрали его.

Молча, как громом пораженный, смотрел на нее м-р Карлайл. Затем он повернулся и посмотрел на стоявшего рядом дворецкого. Но тот лишь слегка кивнул головой.

— Мы сначала очистим дом от этих субъектов, — сказал м-р Карлайл, показав в сторону гостиной, — а затем я присоединюсь к вам наверху.

— Два мерзавца захватили тело, сэр, — зашептал дворецкий в ухо м-ра Карлайла, когда леди Изабель ушла. — Они проникли в покои хитрым и бесчестным образом, сказавшись служащими похоронного бюро, а потом заявили, что не позволят похоронить его, пока их иск не будет

оплачен, даже если на это потребуется месяц. Нас чуть не стошнило, сэр. Миссис Мейсон, когда она рассказывала мне — она ведь первой узнала эту новость — просто стало дурно.

Но, как бы то ни было, сначала м-р Карлайл вернулся в гостиную, где принял на себя удар законного недовольства этих взбешенных и, по правде говоря, несправедливо обиженных людей. Впрочем, оно адресовалось не ему, а памяти покойного лорда, который лежал у них над головами. Лишь немногие застраховали жизнь графа, в качестве меры предосторожности, и теперь они были в самом лучшем положении. Эти люди вскоре покинули дом, потому что оспорить заявление м-ра Карлайла было невозможно, а они слишком хорошо знали законы для того, чтобы долго оставаться нарушителями границ его собственности.

Но избавиться от хранителей мертвого тела таким же образом не представлялось возможным. М-р Карлайл проследовал в комнату, где находился покойный, и проверил полномочия его стражей. На его памяти подобного случая не было, хотя отцу его пришлось сталкиваться с такого рода обстоятельствами, о чем он рассказывал сыну. Тело высокого церковного чина, который умер, оставив множество долгов, было арестовано в тот самый момент, когда его несли к могиле через крытую аркаду собора, в котором и должны были похоронить. Люди, сидевшие над лордом Маунт-Северном, выставили весьма серьезный иск, и они должны были находиться на том же самом месте до прибытия м-ра Вейна из Кастл-Марлинга, который стал теперь графом Маунт-Северном.

На следующее утро, в воскресенье, м-р Карлайл снова приехал в Ист-Линн, и, к своему удивлению, обнаружил, что никто не приехал. Изабель завтракала в одиночестве, точнее, сидела, не притронувшись к еде, на низкой оттоманке возле камина и дрожала. Она выглядела такой больной, что он не мог не сказать об этом.

— Я не спала и к тому же очень замерзла, — ответила она. — Всю ночь я не сомкнула глаз: мне было страшно.

— Чего вы боялись? — спросил он.

— Этим людей, — прошептала она. — Странно, что не приехал мистер Вейн.

— Почта уже пришла?

— Не знаю, — безразлично ответила она. — Я ничего не получала.

Не успела она проговорить этих слов, как вошел дворецкий с полным подносом писем, большинство из которых содержали соболезнования леди Изабель. Она сразу выделила одно письмо, которое и поспешила вскрыть, поскольку на нем стоял почтовый штемпель Кастл-Марлинга.

— Это почерк миссис Вейн, — заметила она.

Кастл-Марлинг, суббота.

Моя дорогая Изабель, мы страшно поражены и опечалены известием, которое содержится в письме м-ра Карлайла к моему супругу; он ушел в плавание на яхте, и я вскрыла письмо сама. Бог знает, где он теперь может быть, в какой точке побережья; однако он сказал, что вернется домой к воскресенью, и так как он довольно точен в выполнении своих обещаний, я жду его. Мы поспешим в Ист-Линн, не теряя ни минуты, как только он вернется.

*Мне трудно выразить словами мое сочувствие твоему горю, и я сейчас слишком *bouleversee*⁸, чтобы писать более. Постарайся не падать духом, а я с искренним сочувствием и сожалением, дорогая Изабель, остаюсь искренне твоя,*

Эмма Маунт-Северн

Бледные теки Изабель покраснели, когда она прочла подпись. Ей пришло в голову, что, будь она автором письма, она бы в первый раз по-прежнему подписалась как Эмма Вейн. Изабель передала листок м-ру Карлайлу.

— Ничего утешительного, — вздохнула она.

⁸ *bouleversee* (фр.) — потрясена

М-р Карлайл быстро, насколько позволял неразборчивый почерк миссис Вейн, просмотрел это послание и как-то по-особенному поджал губы, когда дошел до подписи. Возможно, ему в голову пришла та же мысль, что и Изабель.

— Миссис Вейн не стоит и гроша ломаного, иначе бы она приехала сюда и в одиночку, зная, что вы здесь совсем одна, — невольно вырвалось у него.

Изабель подперла голову рукой. Ей представились все трудности и горести ее теперешнего положения. Не было еще отдано никаких распоряжений относительно похорон, и она понимала, что не имеет никакого права их отдавать. Графы Маунт-Северны всегда покоились в Маунт-Северне, но перевезти ее отца туда стоило бы огромных расходов: пойдут ли на них новоявленный граф? Со вчерашнего утра она, казалось, разом повзрослела, все ее понятия о мире изменились, а ход ее мыслей принял совершенно иное направление, нежели ранее. Она себе представлялась не молодой леди с завидным положением, богатой и знатной, а, скорее несчастной нищей, по чужой милости находящейся в доме, в котором живет. В романах принято изображать молодых леди, особенно красивых и богатых, особами, не придающими ни малейшего значения повседневным нуждам и потребностям, не задумывающимися о возможности впасть в нищету, несущую голод и жажду, холод и наготу. Уверяем вас: подобное безразличие к этим материям никогда не имеет места в действительности. Печаль по отцу — которого, как бы ни относились к нему другие, она и в самом деле глубоко любила и почитала — была у Изабель Вейн мучительно горькой, но даже при своей печали и несчастьях, свалившихся на нее в связи со смертью графа, она не могла не задумываться о своем будущем. Его неопределенность, предстоящие, еще не вполне осмысленные трудности рисовались ее внутреннему взору, а слова прямодушного кредитора звенели у нее в ушах: «У Вас не будет ни крыши над головой, ни единой гинеи собственных денег».

Куда ей идти? С кем жить? Сейчас она находилась в доме м-ра Карлайла. И чем платить слугам? Граф задолжал им всем жалованье.

— Мистер Карлайл, как давно вы приобрели этот дом? — спросила она, нарушив тишину.

— Сделка была совершена в июне. Разве лорд Маунт-Северн никогда не говорил вам о том, что продал его мне?

— Нет, никогда. Все эти вещи теперь ваши? — она обвела взглядом комнату.

— Мебель была продана вместе с домом. Конечно, за исключением подобных вещей, — добавил он, заметив серебро на столе, накрытом к завтраку, — посуды и белья.

— За исключением посуды и белья! Тогда эти бедняги, которые были здесь вчера, имеют на них полное право, — воскликнула она.

— Не уверен. Я думаю, посуда является частью наследственного имущества, равно как и драгоценности. А белье в любом случае не имеет большого значения.

— А моя одежда принадлежит мне?

Он улыбнулся ее наивности и уверил ее, что она принадлежит именно ей и никому более.

— Я не знала этого — вздохнула она. — Я не поняла. За последние день-два произошло такое множество странных событий, что я, кажется, ничего уже не понимаю.

И в самом деле, где же ей было понять?

У нее не было ясного представления о переходе Ист-Линна к м-ру Карлайлу, зато имелось множество смутных страхов, которые преследовали ее. Она боялась, что дом со всей обстановкой был передан ему в счет погашения долга, возможно, лишь частичного.

— Скажите: мой отец должен деньги и Вам? — робко выдохнула она.

— Никаких, — ответил он. — Лорд Маунт-Северн никогда не был моим должником.

— И тем не менее вы приобрели Ист-Линн.

— Так же, как это мог бы сделать любой другой человек, — уверил он, разгадав ход ее мыслей. — Я искал подходящее поместье, в которое можно вложить деньги, и Ист-Линн меня вполне устраивал.

— Я чувствую, мистер Карлайл, — снова начала она, не в состоянии сдержать слезы, — что как бы навязываю вам свое присутствие и ничего не могу с этим поделать.

— Что вы можете сделать — так это не огорчать меня, — мягко ответил он, — говоря про обязательства. Это я вам обязан, леди Изабель, и если я выражаю надежду, что вы останетесь в

Ист-Линне столько, сколько вам потребуется, независимо от длительности этого пребывания, то я говорю это совершенно искренне, уверяю вас.

— Вы так добры, — пролепетала она, — и, на несколько дней, пока я не придумаю, пока... Ах, мистер Карлайл, неужели папины дела действительно столь плохи, как эти люди говорили вчера? — запнулась она, ибо прежние страхи овладели ею с новой силой. — Ничего не осталось?

М-р Карлайл мог бы ответить уклончиво, уверить, что осталось еще достаточно денег, хотя бы для того, чтобы успокоить ее. Но вся его натура противилась тому, чтобы обманывать Изабель; к тому же, он видел, как безоговорочно она верит ему.

— Боюсь, что дела не слишком хороши, — ответил он. — Во всяком случае, на данный момент. Но, возможно, на вас составлено какое-то завещание, о котором Вы пока не знаете. Уорбортон и Уэйр...

— Нет, — прервала она его. — Я никогда не слышала о каком-либо завещании и уверена, что его не существует. Надо смотреть правде в глаза: у меня нет ни дома, ни денег. Этот дом — ваш; наш городской дом и Маунт-Северн отойдут мистеру Вейну. А у меня нет ничего.

— Но мистер Вейн, конечно, с радостью примет вас в вашем прежнем доме. Здания отойдут к нему, хотя вы, пожалуй, имели бы на них большее право, нежели мистер или миссис Вейн.

— Жить с ними! — резко ответила она, словно предыдущие слова причинили ей боль. — Что вы такое говорите, мистер Карлайл?

— Прошу прощения, леди Изабель, я не должен был сам касаться этой темы, но...

— Нет, это я должна просить у вас прощения, — перебила она его, уже спокойнее. — Я признательна вам за ваше участие и доброту. Но я никогда не смогла бы жить с миссис Вейн.

М-р Карлайл встал. Он не считал возможным оставаться дольше и навязывать ей свое общество. Возможно, ей было бы приятнее повидаться с кем-нибудь из друзей, предположил он; миссис Дьюси, женщина добрая и по-матерински заботливая, конечно же, с удовольствием приехала бы повидаться с Изабель.

Изабель покачала головой, слегка вздрогнув.

— Принимать здесь чужих людей, когда все эти... в папиных покоях! — воскликнула она. — Миссис Дьюси приезжала вчера; возможно, она осталась бы, но я боялась расспросов и не приняла ее. Когда я думаю об... этом, я благодарна судьбе за то, что одна.

Когда м-р Карлайл выходил, его остановила экономка.

— Сэр, нет ли известий из Кастл-Марлинга? Паунд сказал, что пришло письмо. Приедет ли мистер Вейн?

— Он ушел в плавание на яхте; по словам миссис Вейн, он должен был вернуться вчера, поэтому можно надеяться, что он приедет сегодня.

— А что же делать, если он не приедет? — тихо сказала она. — Нужно запаять свинцовый гроб, так как Вы знаете, сэр, в каком состоянии он был перед смертью.

— Его можно запаять и без мистера Вейна.

— Конечно. Но не в этом дело, сэр. Позволят ли это сделать те люди? Сегодня утром, на рассвете, приезжали из похоронного бюро, а эти «стражи» намекнули, что не хотели бы «терять из виду» покойного. Нам эти слова показались многозначительными, сэр, но мы не стали задавать им вопросов. Могут ли они воспрепятствовать этой процедуре, сэр?

— Не могу сказать наверняка, — ответил м-р Карлайл. — Это столь редкий юридический казус, что я имею слабое представление о том, какими правами они обладают по закону, а какими — нет. Не делитесь этими опасениями с леди Изабель. И, когда приедет мистер Ве... лорд Маунт-Северн, пошлите кого-нибудь за мной.

Глава 11

НОВЫЙ ПЭР И БАНКНОТА

В тот же день, в воскресенье, после полудня, по дороге, обсаженной деревьями, неслась почтовая карета. В ней сидел новый пэр королевства, лорд Маунт-Северн. Ближайшая к Ист-Линну железнодорожная станция находилась в пяти милях от поместья, и, приехав туда, ему пришлось нанять дилижанс. Вскоре по приезде к нему присоединился м-р Карлайл, и, почти в то же самое время, из Лондона приехал м-р Уорбортон. Он не мог появиться ранее, ибо находился в отъезде, когда умер граф. Все собравшиеся немедленно приступили к делу.

Свежеиспеченный граф знал, что у его предшественника имелись финансовые затруднения, но не имел ни малейшего представления об их масштабе, поскольку не был близок с покойным и редко встречался с ним. Когда ему излагали все детали — непомерные траты, катастрофическое разорение, отсутствие какого-либо обеспечения для Изабель — он стоял как громом пораженный.

Это был высокий, дородный мужчина сорока трех лет от роду, с благородной натурой, сдержанными манерами и строгим выражением лица.

— Это самое незаконное дело, о котором я когда-либо слышал, — воскликнул он, обращаясь к обоим юристам. — Из всех безрассудных глупцов Маунт-Северн, вероятно, был самым безрассудным!

— Преступная непредусмотрительность в том, что касается его дочери, — согласились его собеседники.

— Непредусмотрительность! Да это чистое безумие! — возразил граф. — Ни один человек, находящийся в здравом уме, не бросит свое дитя на произвол судьбы, как это сделал он. У нее в прямом смысле слова нет ни шиллинга. Я спросил у нее, сколько денег оставалось в доме, когда умер граф. Двадцать или тридцать фунтов, ответила бедняжка, да и те она отдала экономке, потому что надо было оплатить домашние расходы. Если девочке захочется купить себе хотя бы ленточку, у нее не найдется ни пенса, чтобы заплатить за нее. Вы можете это себе представить? — продолжал граф взволнованно. — Готов побиться об заклад, что такого еще свет не видывал.

— Нет денег даже на личные нужды! — воскликнул м-р Карлайл.

— Даже полпенни. И нет никаких источников, и не будет, как я понял, из которых она могла бы получить средства.

— Именно так, милорд, — кивнул м-р Уорбортон. — Неотчуждаемые владения переходят к вам, а кредиторы позаботятся о немногочисленной личной собственности, о тех жалких крохах, которые еще остались.

— Насколько я понял, Ист-Линн принадлежит вам, — воскликнул граф, резко повернувшись к м-ру Карлайлу. — Об этом мне сказала Изабель.

— Да, это так, — последовал ответ. — Он отошел ко мне в июне. Насколько мне известно, его светлость держал этот факт в секрете.

— Он обязан был держать это в тайне, — вставил м-р Уорбортон, обращаясь к лорду Маунт-Северну, — ибо он не получил бы ни гроша из денег, заплаченных за поместье, в том случае, если бы об этом проведали кредиторы. Кроме нас и агентов м-ра Карлайла, об этом никому не сообщалось.

— Странно, сэра, что вы не могли убедить графа в необходимости как-то обеспечить его дитя, — упрекнул м-ра Уорбортона новый пэр королевства. — Вы были его доверенным лицом, вы знали состояние его дел; вы просто обязаны были сделать это.

— Зная состояние дел графа, милорд, мы понимали, что убеждать его будет бесполезно, — ответил м-р Уорбортон. — Он упустил время, когда мог бы еще обеспечить ее; не один год прошел с тех пор, когда это еще было в его силах. Пару раз я обращал его внимание на эту проблему, но это для него был большой вопрос, и он не хотел обсуждать его. Думаю, он просто не беспокоился о ней, будучи уверен, что она удачно выйдет замуж при его жизни; он не думал, что умрет таким молодым.

— Не в его власти! — повторил граф, прекратив мерить комнату нетерпеливыми шагами и остановившись напротив м-ра Уорбортона. — Что вы мне рассказываете, сэра! Он обязан был сделать что-нибудь. По крайней мере, он мог бы застраховать свою жизнь на несколько тысяч фунтов. У бедной девочки нет ничего: даже денег на карманные расходы. Вы понимаете?

— Увы, я слишком хорошо это понимаю, — ответил юрист. — Но у Вашей светлости весьма отдаленное представление о затруднениях, которые испытывал лорд Маунт-Северн. Он платил чудовищный процент по своим долгам, и достать денег для его уплаты было чертовски трудным делом, не говоря уже о фиктивных векселях, от выписывания которых он не мог отказаться; а ведь их тоже нужно было чем-то обеспечивать.

— Да, я знаю, — ответил граф с презрительным жестом. — Его система состояла в том, чтобы выписывать один вексель для покрытия другого.

— Выписывать... — как эхо повторил м-р Уорбортон. — Он, наверное, выписал бы вексель на водокачку в Олдгейте, если бы мог. У него была настоящая мания.

— Его толкали на это его потребности, я полагаю, — вставил м-р Карлайл.

— Не надо было иметь такие потребности, сэра! — гневно вскричал граф. — Однако вернемся к делу. Какие деньги есть на его банковском счету, мистер Уорбортон? Вы что-нибудь знаете об этом?

— Никаких, — смущенно ответил юрист. — Две недели назад мы превысили остаток на его счете для того, чтобы уплатить по наиболее срочным обязательствам. У нас осталось немного денег, и, проживи он на неделю-другую дольше, поступила бы осенняя рента — хотя, конечно же, и эти деньги, в свою очередь, тоже пришлось бы срочно выплатить.

— Ну что же, хорошо, хоть что-то есть. Какова сумма остатка?

— Милорд, — ответил м-р Уорбортон, покачав головой, словно жалея самого себя, — с прискорбием вынужден сообщить вам, что этого остатка не хватит даже на возмещение наших собственных затрат, то есть тех денег, которые мы выплатили из собственного кармана.

— Тогда где же, скажите на милость, взять денег, сэра: на похороны, на жалованье слугам, короче говоря, на все расходы?

— Никаких средств более ждать не приходится, — ответил м-р Уорбортон.

Лорд Маунт-Северн в еще большей ярости принялся мерить шагами ковер.

— Проклятая беспечность! Постыдная расточительность! Бессердечный человек! Жил негодяем и умер нищим, оставив дочь на попечение чужих людей!

— Ее положение — хуже всех, — заметил м-р Карлайл. — Где она будет жить?

— Наш дом станет и ее домом, — ответил его светлость, — и, надеюсь, он будет лучше ее прежнего жилища. Я думаю, что дом Маунт-Северна, при всех его долгах и вечно шныряющих кредиторах, был отнюдь не райским местом.

— Я полагаю, она ничего не знала о реальном положении дел и вряд ли испытывала какие-либо затруднения, — ответил м-р Карлайл.

— Чепуха! — заявил лорд.

— Мистер Карлайл прав, милорд, — заметил м-р Уорбортон, глядя на графа поверх очков. — Леди Изабель спокойно жила в Маунт-Северне до весны, а деньги, вырученные за Ист-Линн, помогли продержаться некоторое время. Как бы то ни было, все его безумства теперь в прошлом.

— Не совсем, — возразил лорд Маунт-Северн. — Их след тянется и в настоящее. Я слышал, вчера утром здесь разыгралась тяжелая сцена, когда сюда съехались из города те бедняги, которых он обманул.

— Ну, половина из них — евреи, — презрительно сказал м-р Уорбортон. — Если они что-то и потеряли, для них это будет приятным разнообразием.

— У евреев есть такие же права на их собственность, как и у нас, м-р Уорбортон, — с сердитым укором проговорил лорд. — Будь они хоть неверными турками, это все равно не послужило бы оправданием Маунт-Северну. Изабель говорит, мистер Карлайл, что это вам удалось избавиться от них.

— Да, убедив их в том, что Ист-Линн вместе с мебелью принадлежит мне. Но есть еще два человека наверху, которые захватили... его. От них я не смог избавиться.

Граф удивленно посмотрел на него.

— Я не понимаю Вас.

— Разве вы не знаете, что они захватили покойника? — спросил м-р Карлайл, понизив голос. — Два человека охраняют его, как часовые, со вчерашнего утра. И, как я слышал, в доме находится еще и третий, поочередно сменяющий одного из двух «стражей», чтобы тот мог спуститься в холл и поесть.

Граф прекратил метаться по комнате и подошел к м-ру Карлайлу; лицо его, с открытым ртом, выражало неподдельный ужас.

— Боже праведный! — только и сумел произнести м-р Уорбортон и сорвал с себя очки.

— Мистер Карлайл, правильно ли я понял вас? Тело покойного графа было арестовано за долги? — продолжал допытываться граф. — Арестовать мертвое тело! Не сон ли я вижу?

— Именно это они и сделали. Они хитростью проникли в комнату.

— Возможно ли, чтобы закон позволял подобные бесчинства? — воскликнул граф. — Арестовать мертвого человека! Я и не слыхивал о подобном; я потрясен так, что этого не выразить словами. Помню, Изабель что-то говорила о каких-то двух людях, но она была так опечалена и взволнована, что я понимал едва ли половину из того, что она говорила. Итак, что же теперь? Мы что, не можем похоронить его?

— Боюсь, что нет. Экономка сказала мне сегодня утром, что опасается, как бы они не запретили запаивать гроб. А это нужно сделать как можно скорее.

— Это просто ужасно! — сказал граф.

— Знаете ли вы, кто это сделал? — осведомился м-р Уорбортон.

— Некто по фамилии Энсти, — ответил м-р Карлайл. — В отсутствие членов семьи я взял на себя обязанность навеститься в покои и проверить их полномочия. Их иск составляет около трех тысяч фунтов.

— Если это сделал Энсти, значит, это был личный долг графа, до последнего фунта, — заметил м-р Уорбортон. — Ну и продувная же бестия этот Энсти, коли он измыслил такой план.

— А также бессовестный и скандальный человек, — добавил лорд Маунт-Северн. — Вот так-так! Что же теперь делать?

Пока они совещаются, давайте заглянем на минутку к леди Изабель. Она сидела в одиночестве, совершенно убитая, предавшись глубочайшей скорби. Лорд Маунт-Северн сообщил ей ласково и доброжелательно, что впредь она должна будет жить с ним и его женой. Изабель чуть слышно поблагодарила его и, как только он ушел, залилась горячими слезами. «Жить с миссис Вейн! — повторяла она самой себе. — Никогда! Лучше умереть, лучше самой зарабатывать на жизнь, лучше питаться хлебом и водой» И так далее, в таком же духе. Молоденькие девушки склонны к подобным мечтаньям, которые, увы, большей частью глупы и невыполнимы, тем более для такой девушки, как леди Изабель Вейн. Зарабатывать на жизнь! Теоретически это так просто, но между теорией и практикой такая же разница, как между светом и тьмой. Было совершенно очевидно, что у Изабель просто не было другого выбора; ей придется жить с леди Маунт-Северн, и убежденность в том, что именно так все и будет, уже поселилась в глубине ее души, хотя губы ее поспешно отрицали такую возможность. Лорд Маунт-Северн хотел немедленно отправить ее в Кастл-Марлинг, но этому она успешно воспротивилась, и было решено, что она поедет на следующий день после похорон.

М-р Уорбортон, по указанию графа, освободил комнату покойного от обоих незваных гостей, хотя, к большому удивлению прислуги, эти неприятные личности по-прежнему оставались в доме. На это у мистера Уорбортона, конечно же, имелись свои причины; он был весьма осмотрительным адвокатом, и эти люди для вида оставались на своем посту до самых похорон графа. Поговаривали, что, если бы он выдворил их совсем, мог последовать повторный арест.

В пятницу в церкви Св. Джеда в Вест-Линне состоялось погребение. Изабель снова была возмущена до глубины души: она полагала, что покойного похоронят в Маунт-Северне. Граф заметил, правда, не при ней, что он не может позволить излишних расходов на похороны. Справедливости ради, нужно отметить, что он честно выполнил все, что требовалось от него. Он выплатил все, что покойный задолжал торговцам и слугам, выдал прислуге, вместо обычного уведомления об увольнении, месячное жалованье, включая квартирные и столовые деньги, и заплатил за их траурную одежду. Паунд, дворецкий, остался у него на службе. Что касается траура Изабель, он обеспечил ее всем, что приличествовало ее высокому положению. Экипажи и

лошадей, на которые был наложен арест, он выкупил для себя, так как и те, и другие были просто превосходны.

За гробом шли всего два человека; граф и м-р Карлайл. Последний не являлся родственником усопшего, а лишь недавним знакомым, но граф, тем не менее, пригласил его, вероятно, не желая шествовать один в своем траурном облачении. Гроб несли несколько представителей местной знати, и множество личных экипажей следовало за процессией. На следующее утро весь дом пришел в движение. Граф и Изабель уезжали, но ехать они собирались порознь. В течение дня должны были разъехаться слуги. Граф спешил в Лондон, и дилижанс, вызванный для того, чтобы доставить его на железнодорожную станцию, уже стоял у дверей, когда приехал м-р Карлайл.

— Я уже боялся, что вы не приедете; у меня и пяти минут свободных нет, — заметил граф, обмениваясь с ним рукопожатием. — Вы все поняли насчет надгробья?

— Разумеется, — ответил м-р Карлайл. — Как чувствует себя леди Изабель?

— Боюсь, она совершенно упала духом, бедное дитя, ибо даже не вышла позавтракать со мной, — сказал граф. — Миссис Мейсон сказала мне, что она совершенно убита горем. — Дурной, дурной человек был Маунт-Северн, — выразительно добавил он и позвонил. — Сообщите леди Изабель, что я готов к отъезду и жду ее, — бросил он появившемуся слуге. — А тем временем, мистер Карлайл, — добавил он, — позвольте выразить мою признательность вам. Не могу даже представить себе, как бы я справился со всем этим без вас. Помните, что вы обещали навестить меня, и я жду вас в ближайшее время.

— Обещаю — при условии, что буду по делам где-то неподалеку от вас, — улыбнулся м-р Карлайл. — Если...

В этот момент в комнату вошла Изабель, также одетая, ибо она собиралась ехать сразу вслед за графом. На лице ее была вуаль из крепа, которую она откинула, когда приблизилась к графу и м-ру Карлайлу.

— Мне пора ехать, Изабель. Вы хотите что-либо сказать мне?

Она открыла рот, собираясь говорить, но бросила взгляд на м-ра Карлайла, который отошел к окну и встал спиной к ним, и заколебалась.

— Я полагаю, нет, — сам себе ответил граф, которому не терпелось ехать, как и многим людям, пускающимся в путь. — Вам не о чем беспокоиться, моя дорогая; Паунд обо всем позаботится, только перекусите где-нибудь днем, поскольку вы приедете в Кастл-Марлинг не ранее обеда. Скажите миссис Ве... скажите леди Маунт-Северн, что у меня здесь не было времени писать, и я сделаю это, когда приеду в Лондон.

Однако Изабель продолжала стоять перед ним с нерешительным видом, как бы в ожидании, то краснея, то бледнея.

— В чем дело? Вы что-то хотите сказать?

Она действительно хотела, но не знала, как это сделать. Для нее этот миг замешательства был почти физически болезненным, и присутствие м-ра Карлайла еще более усугубляло эту неловкость, причем последний даже не подозревал, что его присутствие нежелательно.

— Я... мне... очень неловко просить вас, но у меня... нет денег, — запинаясь, произнесла она, и ее милое личико вспыхнуло.

— Бог ты мой! Изабель, я совершенно позабыл об этом, — с досадой воскликнул граф. — Для меня все это... внове...

Оборвав эти несвязные сентенции, он расстегнул пальто, достал кошелек и изучил его содержимое.

— Изабель, я немного поиздержался, и у меня осталось лишь немногим более денег, чем необходимо на билет в Лондон. Вам, моя дорогая, придется пока обойтись тремя фунтами. Деньги на дорогу — у Паунда. Когда вы приедете в Кастл-Марлинг, леди Маунт-Северн даст вам денег; только нужно сказать ей об этом.

Говоря это, он высыпал немного золота из кошелька и оставил на столе два соверена⁹ и две монеты по полсоверена.

— До свидания, моя дорогая; добро пожаловать в Кастл-Марлинг. Я скоро вернусь домой.

⁹ Соверен — золотая монета в один фунт стерлингов.

Выйдя наружу с мистером Карлайлом, он поставил ногу на ступеньку дилижанса, перебрался несколькими словами со своим спутником, и вот уже он унесся прочь.

М-р Карлайл вернулся в комнату, где Изабель, у которой румянец стыда сменился пепельной бледностью, собирала монеты.

— Не окажете ли мне любезность, мистер Карлайл?

— Все, что в моих силах.

Она подвинула к нему полтора соверена.

— Это для мистера Кейна. Я велела Марвел послать ему деньги, но она, кажется, забыла или поленилась это сделать сразу, и он ничего не получил за свою работу и за билеты на концерт. Билеты стоили соверен, остальное — за настройку. Не могли бы Вы передать ему эти деньги? Если доверить это кому-то из слуг, они в своих приготовлениях к отъезду могут от этом забыть.

— Кейну за настройку причитается пять шиллингов, — заметил м-р Карлайл.

— Но он очень долго провозился с инструментом, а также что-то делал с мехами. Это не слишком много. Кроме того, мы ничем не накормили его. Деньги нужны ему еще больше, чем мне, — добавила она, попытавшись улыбнуться. — Если бы я не подумала о нем, у меня не хватило бы мужества просить о чем-то лорда Маунт-Северна, что я сделала, как вы, вероятно, слышали. И знаете, как мне пришлось бы поступить тогда?

— Как? — улыбнулся он.

— Мне пришлось бы попросить вас заплатить ему вместо меня, а я вернула бы вам долг, как только у меня появились бы деньги. Я уже почти решилась так и сделать, знаете ли; мне кажется, это было бы не так тяжело, как быть вынужденной просить что-то у лорда Маунт-Северна.

— Надеюсь, что это действительно так, — ответил он тихим, искренним голосом. — Что еще я могу сделать для вас?

Она собиралась ответить: «Ничего. Вы и так уже достаточно много сделали». Но в этот момент их внимание привлек какой-то шум снаружи, и они подошли к окну. Это подъехал экипаж для леди Изабель, раньше принадлежавший покойному графу. Он был запряжен четверкой почтовых лошадей, количество которых определил лорд Маунт-Северн, по-видимому, желавший, чтобы Изабель уехала с таким же великолепием, с каким появилась в этих краях. Все вещи были упакованы, и Марвел уже уселась снаружи.

— Все готово, — сказала Изабель, — и мне пора ехать. Мистер Карлайл, я хочу оставить вам наследство — тех прелестных золотых и серебряных рыбок, которых я купила несколько недель назад.

— Но почему вы не берете их с собой?

— Везти их к леди Маунт-Северн?! Нет уж, лучше я оставлю их вам. Время от времени бросайте хлебные крошки в аквариум.

Лицо ее было мокрым от слез; он понимал, что она говорит торопливо, пытаясь скрыть волнение.

— Присядьте на минутку, — сказал он.

— Нет-нет. Лучше уж ехать сразу.

Он подал ей руку, чтобы проводить к экипажу. Слуги собрались в холле, ожидая ее; некоторые из них успели состариться на службе у ее отца. Она подала каждому руку, постаралась найти слова благодарности и прощания; ей казалось, она задохнется, стараясь удержать рыдания. Наконец, она простилась со всеми; тоскующий взгляд назад, прощальный взмах руки — и вот уже она выходит с мистером Карлайлом. Паунд занял место рядом с Марвел, фореиторы ждали только сигнала, чтобы тронуться в путь, но м-р Карлайл снова открыл дверцу экипажа, и склонился над ее рукой, которую держал в своей.

— Я не успела поблагодарить вас за вашу доброту, мистер Карлайл, — воскликнула она, задыхаясь от волнения. — Надеюсь, вы понимаете, что у меня просто не было случая.

— Жаль, что я не сделал больше; я так хотел бы защитить вас от неприятностей, которые вам пришлось пережить! — ответил он. — Если мы никогда более не встретимся...

— Но ведь мы же увидимся снова, — перебила она. — Вы обещали лорду Маунт-Северну.

— Действительно: мы можем увидаться случайно, иногда, но наши жизненные пути так далеки друг от друга. Да хранит вас Господь, дорогая леди Изабель!

Фореиторы тронули вожжами лошадей, и экипаж устремился вперед. Она задернула занавески и откинулась назад, забившись от рыданий: по дому, который покидала, по отцу, которого потеряла навсегда. Последней ее мыслью перед этим всплеском чувств была мысль о том, сколь многим она обязана м-ру Карлайлу; однако она имела гораздо большие основания для благодарности, чем подозревала.

Вскоре она немного успокоилась и, когда спала пелена слез, она заметила у себя на коленях смятый кусочек бумаги, который, казалось, выпал у нее из рук. Она механически подняла и развернула его: это была банкнота достоинством в сто фунтов.

Скептический читатель, возможно, скажет, что это вымышленное повествование, к тому же довольно искусственное; однако сей эпизод — истинная правда. М-р Карлайл привез банкноту с собой еще утром, именно для этой цели.

Леди Изабель смотрела на нее, широко раскрыв глаза. Откуда она взялась? Как оказалась здесь? И внезапно она все поняла: м-р Карлайл вложил эти деньги ей в руку. Щеки ее пылали, она чувствовала дрожь в пальцах от внезапно охватившего ее гнева. В этот первый момент она готова была негодовать, сочтя подобный жест с его стороны оскорблением. Но когда вспомнила все, что произошло за последние несколько дней, на смену злости пришло восхищение его добротой. Ведь он же знал, что у нее не было дома, который она могла бы назвать своим домом, и денег, за исключением тех, которые ей могли дать из милости.

Итак, что же ей делать теперь? Разумеется, она не станет тратить эти деньги; об этом не могло быть и речи, как, впрочем, и о том, чтобы отослать их ему: она чувствовала, что натура, способная на такую деликатность и щедрость, будет глубоко обижена, если эту щедрость отвергнут. Могла ли она так обидеть его? Заслуживал ли он этого от нее? Нет! Она сохранит банкноту до того времени, когда сможет лично вернуть ее м-ру Карлайлу.

В то время, как Изабель предавалась рассуждениям, Барбара Хэйр стояла, прислонившись к калитке своего дома, и смотрела на дорогу. Она узнала время отъезда леди Изабель и, будучи женщиной и к тому же соперницей — ибо именно в таком качестве ревнивая и мнительная Барбара воспринимала леди Изабель — заняла свой пост, чтобы понаблюдать за ее отъездом. Немного же ей удалось увидеть! Практически ничего, кроме экипажа, лошадей и слуг, так как занавески были задернуты. Долго еще после того, как проехал экипаж, стояла она на том же самом месте; вскоре из Вест-Линна пришел ее отец.

— Барбара, ты видела Карлайла?

— Нет, папа.

— Я был у него в конторе, но там говорят, что он в Ист-Линне. Может быть, он скоро пойдет назад. Я хотел бы переговорить с ним, если удастся.

М-р Хэйр остался стоять снаружи, облокотившись на калитку, по другую сторону которой находилась Барбара. Неизвестно, кому из них больше хотелось увидеть м-ра Карлайла.

— Ты знаешь новости? — внезапно воскликнул судья. — Все только об этом и говорят: Карлайл...

Внезапно он шагнул вперед, чтобы посмотреть на дорогу, ведущую из Ист-Линна. У Барбары кровь прилила к лицу от волнения: она ждала, когда он закончит фразу.

— Что сделал мистер Карлайл, папа? — спросила она, когда он занял прежнее место.

— А вот и Карлайл идет, — заметил судья. — Я так и думал, что это были его длинные ноги. Говорят, он купил Ист-Линн, Барбара.

— Ах, папа! Неужели это правда? Мистер Карлайл купил Ист-Линн!

— Очень даже может быть. Ему и мисс Корни досталось в наследство гнездышко, в котором полно золотых яиц. Я только что спросил об этом Дилла, но он был скрытен, как всегда, и не дал ясного ответа.

— Доброе утро! — воскликнул он, когда м-р Карлайл приблизился. — Нашим судьям не терпится узнать, нет ли у Вас новостей из союза в Ипли, поскольку в нашем союзе считают, что бедняки не должны останавливаться в этом деле на полпути.

— Да, — ответил м-р Карлайл. — Они признали этот иск, так что можете отправить их сегодня. Как поживаешь, Барбара?

— Ну что же, хорошо, — продолжал м-р Хэйр. — Карлайл, люди говорят, что Вы приобрели Ист-Линн.

— Вот как? Ну что же, они говорят правду. Ист-Линн теперь мой.

— За вами, юристами, не угонишься, когда вы работаете на себя. Еще и недели не прошло, как скончался граф, а Ист-Линн уже перешел в ваши руки.

— Это не совсем так, господин судья. Ист-Линн уже был моим за несколько месяцев до смерти графа.

— Что вы говорите! Подумать только! Готов побиться об заклад, что вы с него взяли немалую арендную плату.

— Я не взял никакой платы, — с улыбкой ответил м-р Карлайл. — Он был здесь почетным гостем.

— Ну и глупо с вашей стороны, — заметил судья. — Не обижайтесь, Карлайл: Вы еще молодой человек, а я уже старый, по крайней мере, скоро буду таковым. И граф был не умнее, если так запутался в конце концов.

— Самым прискорбным образом, — вступила Барбара. — Вчера я слышала, что леди Изабель ничего не осталось, даже на то, чтобы заплатить за свое траурное одеяние. Смиты сообщили об этом Гербертам, а Герберты — мне. Как Вы думаете: это правда, Арчибальд?

Казалось, это немало позабавило м-ра Карлайла.

— Им оставалось только заявить, что у леди Изабель вообще не было траурного одеяния. Ума не приложу, как бы Вест-Линн жил без сплетен!

— В самом деле! — воскликнул судья Хэйр. — Я встретил ее экипаж, запряженный четверкой лошадей; снаружи сидели фореитор и ее горничная. Молодая леди, путешествующая с таким шиком, вряд ли испытывает нужду настолько, чтобы ей не хватало денег на траур, мисс Барбара!

— Ну, вы же знаете, сэр, что люди не могут не сплетничать, — сказал м-р Карлайл. — К концу дня будут и обо мне говорить, будто я купил не Ист-Линн, а Вест-Линн. Доброе утро, Барбара!

Когда лорд Маунт-Северн прибыл в Лондон, первым, кого он увидел в отеле, где обычно останавливались Вейны, была его жена собственной персоной, которую он считал благополучно пребывающей в Кастл-Марлинге. Граф осведомился о причине ее появления.

Леди Маунт-Северн не составило труда все объяснить. Она, оказывается, уже пробыла в Лондоне пару дней, чтобы самой заказать себе траурную одежду, кроме того, Уильям неважно себя чувствовал, и она захватила его с собой, чтобы он сменил обстановку.

— Жаль, что ты приехала в город, Эмма, — заметил граф, выслушав ее. — Изабель сегодня уехала в Кастл-Марлинг.

Леди Маунт-Северн вскинула голову.

— Это еще зачем?

— Это самое постыдное дело, — сказал граф, не отвечая на прямой вопрос. — Маунт-Северн умер хуже нищего, не оставив Изабель ни шиллинга.

— Никто и не ожидал для нее богатого наследства.

— Но не осталось вообще ничего, ни пенса, даже на ее личные расходы. Я дал ей сегодня пару фунтов, поскольку у нее вообще не было денег.

Графиня широко раскрыла глаза.

— Где же она будет жить? Что станет с нею теперь?

— Ей придется жить с нами. Она...

— С нами?! — перебила леди Маунт-Северн, почти взвизгнув. — Этому не бывать!

— Ей придется, Эмма. Бедняжке больше негде жить. Я должен был принять именно такое решение, и сегодня, как я уже говорил, она уехала в Кастл-Марлинг.

Леди Маунт-Северн побледнела от гнева. Она встала и подошла к столу, по другую сторону которого находился ее супруг.

— Послушай, Рэймонд: я не потерплю Изабель Вейн под крышей моего дома... ненавижу. Как ты мог позволить уговорить себя на это?

— Никто меня не уговаривал, — холодно ответил он. — Я предложил это сам. Где же еще ей быть, как не у нас?

— Мне все равно, — упрямо ответила она. — Только не с нами.

— Обдумай все это спокойно, — ответил его светлость. — У нее нет других родственников, ей просто не к кому больше обратиться за помощью. Я, получив титул лорда, который мне, может

быть, не видеть еще лет двадцать, если бы Маунт-Северн вел разумную жизнь, просто обязан, из вежливости, по доброй воле, предложить ей жить с нами. Неужели ты не понимаешь этого?

— Нет, не понимаю, — ответила графиня. — И не потерплю ее присутствия.

— Как бы то ни было, она сейчас в Кастл-Марлинге, в который приехала как в свой дом, — снова заговорил граф. — И даже ты вряд ли решишься по возвращении выгнать ее на улицу, отослать в работный дом или ходатайствовать перед министрами ее Величества о выделении ей содержания из пенсионного фонда, заслужив тем самым всеобщее порицание. Думаю, ты могла бы выказать более доброе отношение к ней.

Леди Маунт-Северн не стала открыто возражать. Ей нельзя было отказать в здравом смысле, и последний аргумент графа было трудно опровергнуть. Куда же еще идти Изабель, как не к ним? Однако она продолжала что-то сердито бормотать, а лицо ее, казалось, вот-вот вспыхнет в самом прямом смысле слова.

— Тебе недолго придется терпеть ее присутствие, — небрежно заметил граф. — Такая милая девушка, как Изабель, наверняка скоро выйдет замуж; к тому же, я еще не видел такой доброй и кроткой души, так что даже ума не приложу, за что ты так ее невзлюбила. Многие мужчины ради ее лица позабудут об отсутствии приданого.

— Она выйдет за первого человека, который сделает ей предложение, — сердито огрызнулась леди Маунт-Северн. — Уж об этом-то я позабочусь.

Глава 12

В КАСТЛ-МАРЛИНГЕ

Изабель прожила в своем новом доме уже около десяти дней, когда в Кастл-Марлинг вернулись лорд и леди Маунт-Северн. Кастл-Марлинг, да будет известно читателю, был вовсе не замком¹⁰, а всего-навсего городком, по соседству с которым находилось небольшое поместье, где и проживали единственные родственники нашей героини.

Лорд Маунт-Северн сердечно поприветствовал Изабель; леди Маунт-Северн — тоже, на свой манер, но сделала это так вызывающе, таким высокомерно-покровительственным тоном, что Изабель покраснела от возмущения. И если первая встреча была такой, то как же иначе могли развиваться их отношения? На бедняжку обрушились все возможные средства унижения, раздражающее высокомерие, мелкие колкости, сухость в обращении. У Изабель едва доставало терпения все это выносить; оставаясь одна, она ломала руки и всей душой мечтала найти другое пристанище.

Леди Маунт-Северн жить не могла без поклонников и окружала себя людьми, готовыми воскурить ей фимиам поклонения. В своем флирте она могла дойти до грани приличия, но отнюдь не переступить ее: не было женщины, менее способной забыть и подвергнуть угрозе свое доброе имя, и в то же время более презрительной и осуждающей с теми, кто позволил себе эту слабость, чем Эмма, графиня Маунт-Северн. Она была олицетворением зависти и эгоизма: не было случая, чтобы она пригласила в свой дом молодую и привлекательную женщину. Она скорее пригласила бы прокаженную. Теперь читателю станет понятен гнев, охвативший ее при известии о том, что Изабель, с ее многочисленными и неоспоримыми достоинствами, с ее юностью и необыкновенной красотой, поселится у них в доме.

К Рождеству съехались гости, в основном молодые мужчины, которые были недостаточно осторожны для того, чтобы скрывать очевидный факт; юная красавица была куда привлекательнее, нежели капризная хозяйка. И тогда последняя, не в силах сдерживать свою ненависть, оказавшись наедине с Изабель, заявила той, позабыв о всяческих приличиях, что она в этом доме — ненавистная приживалка, с обществом которой вынуждены мириться.

У графа и графини было двое сыновей, и в феврале младший из мальчиков, всегда отличавшийся хрупким здоровьем, умер. Поэтому решено было ехать в Лондон не после Пасхи, как они собирались ранее, а только в мае. Граф провел часть зимы в Маунт-Северне, присматривая за работами по ремонту и реконструкции поместья. В марте он отправился в Париж, скорбя о потере своего сына, и скорбь его, нелишне заметить, немного превосходила ту, которую испытывала леди Маунт-Северн.

Приближался апрель, а вместе с ним — и Пасха. В сильнейшее уныние леди Маунт-Северн повергло письмо ее бабушки, миссис Ливайсон, в котором почтенная особа сообщала, что нуждается в смене обстановки, а посему проведет Пасху вместе с нею, в Кастл-Марлинге. Леди Маунт-Северн пожертвовала бы даже своими бриллиантами, чтобы избежать ее общества, но увы: бриллианты когда-то принадлежали Изабель; по крайней мере, она носила их ранее.

Итак, в понедельник на страстной неделе прибыла старая леди, и Фрэнсис Ливайсон — вместе с ней. Больше гостей не было.

Все шло спокойно до страстной пятницы, но это было обманчивое спокойствие: миледи ревновала, внимание капитана Ливайсона к Изабель выводило ее из себя. Уже на Рождество он открыто восхищался Изабель, а теперь его чувства, казалось, еще более усилились. От кого угодно могла бы стерпеть это леди Маунт-Северн, но не от Фрэнсиса Ливайсона; она страдала оттого, что молодой гвардеец, хотя он и был ее кузеном, стал ей очень дорог, настолько дорог, что для женщины чуть менее осторожной это могло бы стать даже опасным чувством. Лучше бы уж весь мир восхищался Изабель, чем один этот человек. Читатель может спросить, зачем же в таком

¹⁰ Кастл (анг.) — замок (прим. перев.)

случае она позволила ему приехать и наслаждаться обществом Изабель, так же, как в Лондоне в прошлом году; но, увы, я не в состоянии ответить на этот вопрос. Да и в самом деле: отчего люди совершают глупости?

В страстную пятницу, после полудня, Изабель отправилась погулять с маленьким Уильямом Вейном; к ним присоединился капитан Ливайсон, и вся троица вернулась лишь к обеду. На леди Маунт-Северн, и без того уже ненавидевшую Изабель, злосчастная судьба наложила епитимью в виде общества миссис Ливайсон, которая не позволила ей пойти прогуляться.

У Изабель осталось совсем мало времени на то, чтобы переодеться к обеду, и она отправилась прямо в свою комнату. Она сидела в халате, Марвел причесывала ей волосы, а Уильям о чем-то весело болтал, усевшись рядом с нею, когда распахнулась дверь и пред ними предстала миледи.

— Где вы были? — спросила она, дрожа от ярости.

Изабель уже знала, что это означает.

— Прогуливались по аллеям и лужайкам, — ответила она.

— Как ты смеешь вести себя столь неприлично?

— Я не понимаю вас, — сказала Изабель, сердце которой учащенно забилось. — Марвел, ты делаешь мне больно.

Когда женщины, подверженные приступам ярости, перестают владеть собой, они сами не ведают, что говорят. Леди Маунт-Северн разразилась потоком упреков и оскорблений, чрезвычайно унижительных и несправедливых.

— Мало того, что тебя приютили в моем доме, так тебе еще нужно опозорить его? Три часа ты пряталась где-то с Фрэнсисом Ливайсоном! Ты только и делаешь, что флиртуешь с ним с самого его приезда, и на Рождество ты занималась тем же самым.

Этот приступ был более продолжительным и яростным, чем ранее, но причина его была настолько явной, что Изабель воспротивилась, рассердившись почти столь же сильно, как и графиня. Сказать такое в присутствии ее служанки! В своей безумной ревности столь оскорбительно обвинять ее, дочь графа, которая по рождению гораздо выше, нежели Эмма Маунт-Северн! Изабель отстранила Марвел, поднялась и взглянула на графиню, пытаясь говорить спокойно, что стоило ей немало труда.

— Я не флиртую — сказала она, — и никогда не флиртвала. Я предоставляю это право, — она не сумела скрыть презрения в голосе, — замужним женщинам, хотя мне и кажется, что для них это — менее прощательный грех, чем для незамужних. Насколько я успела заметить с тех пор, как живу в этом доме, лишь один из его обитателей флиртует, и это вовсе не я, а вы, леди Маунт-Северн.

И это была истинная правда о ее светлости. Она побелела от ярости, забыла о хороших манерах и, подняв правую руку, что было силы ударила Изабель по левой щеке. Изабель не могла пошевелиться от боли, смутения и ужаса, и, прежде чем она успела что-либо сказать или сделать, миледи ударила ее левой рукой по другой щеке. Леди Изабель задрожала, словно от внезапного холода, вскрикнула, закрыла лицо руками и упала в кресло. Марвел в ужасе вскинула руки, а Уильям Вейн разразился таким громким ревом, словно это побили его самого. Будучи натурой весьма чувствительной, он испугался. Леди Маунт-Северн закончила эту сцену тем, что вlepила подзатыльник Уильяму за поднятый шум, вытолкала из комнаты и обозвала обезьяной.

Изабель Вейн ночь напролет пролежала без сна, плача от боли и возмущения. Она не могла более оставаться в Кастл-Марлинге да и кто бы смог после такого оскорбления? Однако, куда же ей было идти? Не единожды за эту ночь она пожалела, что не покоится рядом с отцом, ибо чувства порою брали верх над разумом; успокоившись, она содрогалась при мысли о смерти, как и должно молодому и здоровому человеку. В голове ее роились различные планы: убежать во Францию и рассказать все лорду Маунт-Северну, попросить убежища у миссис Ливайсон, найти Мейсон и жить с ней. Все они развеялись при свете дня. Она не флиртвала с капитаном Ливайсоном, однако принимала его знаки внимания и терпела его ухаживания: любящая женщина не флиртует, а в сердце Изабель уже поселилась любовь или нечто весьма близкое к ней.

Она встала в субботу утром, слабая и вялая после ночных страданий, и Марвел принесла ей завтрак. Вскоре к ней в комнату прокрался Уильям Вейн, чрезвычайно привязанный к Изабель.

— Мама уезжает, — воскликнул он, спустя некоторое время. — Посмотри, Изабель.

Изабель подошла к окну. Леди Маунт-Северн сидела в коляске, запряженной пони. Правил Фрэнсис Ливайсон.

— Теперь можно спуститься, Изабель. Там никого нет.

Она встала и спустилась вниз с Уильямом. Но едва они вошли в гостиную, как появился слуга с визитной карточкой на подносе.

— Некий джентльмен желает видеть вас, миледи.

— Видеть меня? — удивленно спросила Изабель, — или леди Маунт-Северн?

— Он спрашивает вас, миледи.

Она взяла карточку. «М-р Карлайл».

— Ах! — с радостным удивлением воскликнула она. — Проси.

Это очень любопытно, нет, скорее страшно — следить за нитью человеческой жизни, видеть, как самые незначительные происшествия ведут к значительным событиям, приносят счастье или горе, радость или печаль. Клиент м-ра Карлайла, будучи в поездке, слег из-за болезни в Кастл-Марлинге; недуг оказался серьезным, возможно, даже смертельным. Он, как принято говорить, не сделал ранее распоряжений на случай своей смерти, и м-ра Карлайла срочно вызвали телеграммой, чтобы составить завещание и прочие бумаги. Эта поездка представлялась м-ру Карлайлу самой рядовой, однако с нее суждено было начаться череда событий, конец которым наступит только с его смертью.

Итак, м-р Карлайл вошел в комнату, простой и естественный, как всегда. Та же самая благородная осанка, открытое привлекательное лицо с характерными тяжелыми веками.

Она с искренней радостью на лице двинулась ему навстречу, протягивая руку.

— Вот уж действительно приятная неожиданность! — воскликнула она. — Как я рада видеть вас!

— Вчера я по делу приехал в Кастл-Марлинг, и, конечно же, не мог уехать, не навестив вас. Я слышал, лорд Маунт-Северн находится в отъезде?

— Он во Франции, — ответила она. — Я же говорила, что мы непременно встретимся, помните, мистер Карлайл? Вы...

Изабель внезапно замолчала, так как, произнеся слово «помните», она тоже кое-что припомнила — банкноту в сто фунтов, и слова застряли у нее на языке. Она действительно смешалась, ибо, увы, разменяла ее и успела истратить часть денег. Ну как могла она попросить денег у леди Маунт-Северн? К тому же, граф почти постоянно был в отъезде. М-р Карлайл заметил ее растерянность, хотя и не догадывался о причине.

— Какой чудесный мальчуган! — воскликнул он, глядя на ребенка.

— Это лорд Вейн, — сказала Изабель.

— У него правдивая, искренняя натура, я уверен, — продолжал он, глядя на открытое лицо мальчика. — Сколько тебе лет, малыш?

— Шесть лет, сэр, а брату моему было четыре.

Изабель склонилась к мальчику, пытаясь скрыть свое смущение.

— Ты не знаком с этим джентльменом, Уильям. Это мистер Карлайл, и он сделал для меня много хорошего.

Маленький лорд обратил задумчивый взгляд на м-ра Карлайла, явно изучая его лицо.

— Я буду хорошо относиться к вам, если Вы добры к Изабель. Вы же добры к ней?

— Очень, очень добр, — прошептала Изабель, отпустив Уильяма и поворачиваясь к м-ру Карлайлу, избегая, однако, его взгляда.

— Я, право же, не знаю, что сказать; я должна поблагодарить вас: я не собиралась тратить... тратить их... но я...

— Тихо! — перебил он, рассмеявшись ее смущению. — Я не понимаю, о чем вы говорите. Однако я должен сообщить вам о большом горе, леди Изабель.

Она обратила к нему свои глаза и пылающие щеки, как бы очнувшись от задумчивости.

— Две ваши золотые рыбки умерли.

— Вот как!

— Думаю, всему виной мороз. Ума не приложу, отчего еще это могло бы случиться. Возможно, вы помните холодные январские дни; именно тогда они и умерли.

— Это очень мило с вашей стороны — заботиться о них все это время. Как сейчас выглядит Ист-Линн? Ах, мой милый Ист-Линн! Вы уже переехали в него?

— Еще нет. Я вложил некоторую сумму денег в покупку, и сейчас поместье окупает эти расходы.

Радостное возбуждение, вызванное его приездом, прошло, и она снова приобрела свой обычный бледный и грустный вид; он не удержался и заметил, что она изменилась.

— Я не могу в Кастл-Марлинге выглядеть так же хорошо, как в Ист-Линне, — ответила она.

— Надеюсь, вы счастливы в этом доме? — порывисто спросил м-р Карлайл.

Она подняла на него глаза: этот взгляд ему не суждено забыть никогда, ибо в нем сквозило отчаяние.

— Нет, — сказала она, покачав головой. — Я несчастна, и не могу более оставаться в этом доме. Сегодня я не спала всю ночь, думая, куда же мне отправиться, но не пришла ни к какому решению. У меня нет ни единого друга на всем белом свете.

Никогда не рассказывайте свои секреты при детях, ибо они, будьте уверены, понимают гораздо более того, что им надлежит понимать: выражение «дети любят подслушивать взрослые разговоры» замечательно точно отражает истинное положение дел. Лорд Вейн поднял голову и сказал м-ру Карлайлу:

— Изабель сегодня утром заявила мне, что уедет от нас. Сказать вам, почему? Вчера мама, разозлившись, ударила ее.

— Замолчи, Уильям! — перебила его леди Изабель, лицо которой вспыхнуло.

— Она два раза что было силы ударила ее по щекам, — продолжал молодой виконт. — Изабель вскрикнула, я заревел, и мне тоже досталось от мамы. Но мальчики для того и созданы, чтобы их били; так говорит няня. Когда мы пили чай, Марвел вошла в детскую и рассказала об этой истории няне. Она говорит, что Изабель слишком красивая, и поэтому мама...

Изабель закрыла ему рот, позвонила, подвела его к двери и отправила в детскую с появившимся слугой.

Во взгляде м-ра Карлайла явственно читались возмущение и сочувствие.

— Неужели это правда? — тихо спросил он, когда она вернулась. — И в самом деле, вы нуждаетесь в друге.

— Я должна нести свой крест, — ответила она, подчиняясь тому же порыву, который заставил ее признаться во всем м-ру Карлайлу. — По крайней мере, до возвращения лорда Маунт-Северна.

— А потом?

— Право же, не знаю, — сказала она, не сумев сдержать слезы, хлынувшие из глаз. — Он не может предложить мне другого дома, но жить с леди Маунт-Северн я не хочу и не буду. Она разобьет мое сердце, как уже почти разбила мою душу. Я не заслужила этого, мистер Карлайл.

— Конечно же, нет, я в этом уверен, — ласково ответил он. — Как бы я хотел помочь Вам! Что мне сделать для вас?

— Вы ничего не можете сделать, — сказала она. — Да и что тут поделаешь?

— Как бы я хотел, как бы я хотел помочь вам! — повторил он. — Ист-Линн в целом тоже не был для вас таким уж приятным домом, но, покинув его, вы, похоже, ничего не выиграли, скорее наоборот.

— Не таким уж приятным домом! — как эхо повторила она, с восторгом вспоминая дни, проведенные там, ибо недаром говорят, что все познается в сравнении. — Милый дом! Возможно, у меня никогда более не будет такого. Ах, мистер Карлайл, не говорите пренебрежительно об Ист-Линне. Ах, если бы я могла проснуться и узнать, что последние несколько месяцев были просто страшным сном! Что мой дорогой отец снова жив, и мы по-прежнему мирно живем в Ист-Линне! Сейчас это показалось бы мне раем!

Что мог ответить на это м-р Карлайл? Отчего вдруг изменилось его лицо, внезапно покраснев, а дыхание сделалось прерывистым? Его ангел-хранитель не наблюдал за ним в этот момент, иначе то, что он скажет через миг, никогда не сорвалось бы с его языка.

— Есть только один путь, — начал он, взяв ее руку и нервно пожимая ее, возможно, сам не ведая, что делает. — Есть только один способ, при помощи которого вы можете, вернуться в Ист-Линн. И это... я, право же, не решаюсь сказать...

Она смотрела на него, ожидая объяснений.

— Если мои слова оскорбят вас, леди Изабель, остановите меня, чего я, возможно, вполне заслуживаю за свою самонадеянность, и простите, бога ради. Могу ли я... смею ли предложить вам вернуться в Ист-Линн его хозяйкой?

Она просто не поняла его; ход его мыслей для нее был совершенно непонятен.

— Вернуться в Ист-Линн его хозяйкой? — повторила она в замешательстве.

— И моей женой.

Теперь она поняла его и испытала сильнейшее потрясение и удивление. Она же стояла рядом с ним, рассказывая ему о своем сокровенном, глубоко уважая его, чувствуя, что у нее в целом свете нет друга вернее, чем он, всем сердцем ища у него успокоения, любя его почти как брата, позволяя ему держать ее руку в своей! Но быть его женой! — эта идея никогда не приходила ей в голову, и сначала все ее существо воспротивилось этому; она даже попыталась отодвинуться от него и освободить свою руку.

Но м-р Карлайл не позволил ей этого. Он не только не выпустил ее руку, но завладел и другой, и теперь, когда первый шаг был сделан, ничто не могло удержать слов любви. Это была вовсе не напыщенная и ничего не значащая речь о сердце, пронзенном стрелой, и о готовности умереть за нее, которую на его месте произнес бы кто-нибудь другой, но искренние слова, полные глубокой нежности, вызывавшие в равной мере к сердцу и разуму, хотя и ласкающие слух, как и должно словам любви; возможно, если бы ее помыслами не владел кое-кто другой, она бы сразу ответила согласием.

Однако их объяснение было внезапно прервано. Вошла леди Маунт-Северн и поняла все с первого взгляда: м-р Карлайл, склонившийся, словно в молитве, над руками Изабель; ошеломленное и зардевшееся лицо девушки. Подняв голову, и вздернув свой маленький носик, выражавший живейшее любопытство, она остановилась как вкопанная, причем ее ледяной вид требовал объяснений куда красноречивее любых слов. М-р Карлайл повернулся к ней и, оставив Изабель, подошел представиться. У Изабель хватило присутствия духа только на то, чтобы произнести:

— Леди Маунт-Северн.

— Я искренне сожалею о том, что не застал лорда Маунт-Северна, с которым имею честь быть знакомым, — сказал наш герой. — Мистер Карлайл.

— Я слышала о вас, — ответила ее светлость, пристально разглядывая столь видного мужчину и чувствуя некоторое раздражение из-за того, что объектом его нежных чувств была Изабель, — но я что-то не слыхивала, чтобы вы были с леди Изабель Вейн в настолько близких отношениях.

— Мадам, — перебил он ее, предложив ей стул и сядя рядом, — мы действительно не были в настолько близких отношениях с леди Изабель, о которых я имел честь просить ее, предложив ей свою руку и сердце.

Это признание было настоящим бальзамом на душу графини, и она мгновенно сменила гнев на милость. Для нее это было наилучшим выходом из положения, способом, позволяющим избавиться от ее *bete noire*¹¹, ненавистной Изабель. Радостный румянец покрыл ее лицо, и она сделалась олицетворением любезности.

— Какую же благодарность должна испытывать к вам Изабель, — промолвила она. — Буду говорить прямо, мистер Карлайл, ибо вам известно, в каком стесненном положении она оказалась из-за расточительности графа, что сделало для нее брак, во всяком случае выгодный, практически невозможным. Я слышала, что Ист-Линн — замечательное место.

— Только не размером: это не очень большое поместье, — ответил м-р Карлайл, поднимаясь, ибо Изабель также встала и приближалась к ним.

— Но каков же, скажите на милость, ответ леди Изабель? — быстро спросила графиня, поворачиваясь к ней.

Однако Изабель не снизошла до ответа ей; вместо этого она приблизилась к м-ру Карлайлу и тихо сказала:

— Вы дадите мне подумать несколько часов?

¹¹ *bete noire* (фр.) — самое ненавистное, предмет особой ненависти и отвращения.

— Я счастлив уже тем, что вы считаете возможным подумать, прежде чем отвечать, тем самым давая мне надежду, — ответил он, открывая ей дверь. — Я приеду после полудня.

Пока м-р Карлайл отвечал на расспросы леди Маунт-Северн о его материальном положении, Изабель в своих покоях вела безмолвный спор с самою собой, не зная, на что же ей решиться. Она была еще почти ребенок и рассуждала как дитя, неспособное к глубокому анализу: ей представлялась только внешняя, осязаемая сторона вещей. Она едва ли сообразила, что м-р Карлайл был ей не ровня по происхождению: положение хозяйки Ист-Линна казалось ей довольно заманчивым, ибо это поместье превосходило размерами, красотой и значимостью то, в котором она находилась. Она как-то позабыла о том, что ее положение в Ист-Линне в качестве жены м-ра Карлайла будет отличаться от положения дочери лорда Маунт-Северна; она забыла, что ей придется ограничиться тихим семейным гнездом, находясь в изоляции от светской жизни, от великолепия и суеты, для которых она была рождена. Она очень хорошо относилась к м-ру Карлайлу, ей нравилось его общество, ей доставляло удовольствие беседовать с ним: одним словом, если бы не другая страсть, не сулившая ей ничего доброго, она вполне могла бы влюбиться в м-ра Карлайла. И еще одно: избавиться от мучительной зависимости от леди Маунт-Северн — да после этого Ист-Линн и впрямь мог показаться раем!

— Это выглядит очень заманчиво, — сказала себе Изабель, — но есть и другая сторона медали. Дело не только в том, что я не люблю мистера Карлайла; боюсь, что я люблю, или почти люблю, Фрэнсиса Ливайсона. Как бы мне хотелось, чтобы он предложил мне стать его женой! Лучше бы мне вообще не знать его!

Этот внутренний монолог был прерван появлением миссис Ливайсон и графини. Что сказала последняя старой леди, как сумела привлечь ее на свою сторону — об этом знает лишь она сама. Однако, судя по результату, ей нельзя было отказать в красноречии. Обе дамы использовали все возможные аргументы, чтобы убедить ее принять предложение мистера Карлайла, причем старая леди заявила, что он один стоит дюжины пустоголовых светских мужчин.

Изабель слушала, склоняясь то к одному, то к другому решению, и к полудню у нее от растерянности даже разболелась голова. Камнем преткновения, разумеется, был Фрэнсис Ливайсон. Она увидела из окна приехавшего м-ра Карлайла и спустилась в гостиную, совершенно не представляя, какой дать ответ; у нее появилась смутная идея попросить у него более длительного времени на размышление и ответить ему письмом. В гостиной находился Фрэнсис Ливайсон, и ее бешено забившееся сердце могло бы подсказать бедняжке, что ей не следует выходить за другого.

— Где вы скрывались? — воскликнул он. — Вы уже слышали о происшествии с коляской и пони?

— Нет, — ответила она.

— Я вез Эмму в город, когда пони вдруг чего-то испугался, стал брыкаться, потом бросился вперед и споткнулся, после чего упал на колени; Эмма, в свою очередь, тоже испугалась, вышла из коляски и отправилась обратно пешком. Я слегка проучил скотину, прогнал его как следует и поставил в конюшню, успев вернуться как раз вовремя, чтобы познакомиться с мистером Карлайлом. Мне он показался чертовски приятным парнем, и я искренне поздравляю вас.

Она удивленно подняла на него глаза.

— Не волнуйтесь. Мы все здесь — одна семья, и миледи все рассказала мне. Я не стану об этом распространяться. Она говорит, что Ист-Линн — весьма завидное поместье. Желаю вам счастья, Изабель.

— Благодарю вас, — саркастически ответила она, хотя у нее перехватило дыхание, и губы ее задрожали. — Однако вы поторопились с поздравлениями, капитан Ливайсон.

— Вот как? Тогда сохраните мои наилучшие пожелания до того момента, когда появится тот, кто вам нужен. Сам-то я, увы, и помышлять не смею о счастливом браке, — добавил он многозначительно. — Я, как и все, мечтаю об этом, но никаких серьезных планов не могу себе позволить: бедный человек с неясными перспективами может только порхать как бабочка, возможно, до конца своих дней.

Произнося эту сентенцию, бравый капитан удалился. У Изабель не осталось более никаких сомнений относительно его намерений; у нее, пожалуй, впервые, промелькнула мысль о том, что это — фальшивый и бессердечный человек. Вошел слуга, сообщивший о приходе м-ра Карлайла, в

котором-то уж точно не было и тени фальши или бессердечия. Закрыв за собой дверь, он приблизился к ней. Она молчала, ее побелевшие губы била мелкая дрожь. М-р Карлайл молча ждал ответа.

— Итак? — нежно сказал он. — Решились ли вы осчастливить меня?

— Да. Но...

Она была не в состоянии продолжать. Ей было трудно владеть собой из-за всех треволнений, выпавших на ее долю за последние часы.

— Но... Я хотела сказать вам...

— Это подождет, — прошептал он, подводя ее к дивану. — Теперь мы оба можем подождать. Изабель, вы сделали меня счастливейшим человеком!

— Я должна, я просто обязана сказать вам, — снова начала она, перемежая рыданиями свою беспорядочную речь. — Хотя я и ответила согласием, я еще не... Это было так неожиданно для меня, — она запнулась. — Вы мне очень нравитесь, я высоко ценю и уважаю вас, но я еще не полюбила вас.

— Было бы странно, если бы вы успели это сделать. Но вы позволите мне заслужить вашу любовь, Изабель?

— О да! — искренне ответила она. — Я надеюсь на это.

Он привлек ее к себе, склонился к ней и запечатлел на ее губах первый поцелуй. Изабель не сопротивлялась, полагая, что он имеет на это право.

— Любимая, это все, о чем я прошу.

М-р Карлайл остался в Кастл-Марлинге еще на один день, чтобы обсудить все приготовления до своего отъезда. Со свадьбой решено было не затягивать, поскольку все были заинтересованы в скорейшем заключении этого брака. М-ру Карлайлу хотелось поскорее назвать своим тот прелестный цветок, который судьба готова была вручить ему; Изабель опротивел и Кастл-Марлинг, и кое-кто из его обитателей; миледи же не терпелось избавиться от Изабель. Бракосочетание решено было провести менее чем через месяц, и Фрэнсис Ливайсон позволил себе поиронизировать над «неприличной спешкой». М-р Карлайл написал письмо графу. Леди Маунт-Северн объявила, что подарит Изабель приданое, и заказала его в Лондоне.

Когда м-р Карлайл готовился уезжать, Изабель прильнула к нему.

— Я хотел бы сразу забрать тебя, дорогая! — сказал он. — Для меня невыносимо оставлять тебя здесь.

— Я бы хотела того же самого! — вздохнула она. — Ибо ты видел леди Маунт-Северн только в добром расположении духа.

Глава 13

М-Р ДИЛЛ ТРЕПЕЩЕТ

Вернувшись в Вест-Линн, м-р Карлайл чувствовал себя почти как ученик Итона, который знает, что провинился, и страшится разоблачения. Будучи всегда честным и открытым в своих делах, ибо ему нечего было скрывать, в данном случае он почел за благо не распространяться о своей помолвке. Он чувствовал, что сестра не обрадуется перспективе его женитьбы: это ему подсказывал многолетний опыт общения с ней, и он понимал, что для мисс Карлайл леди Изабель будет самой нежеланной невесткой, ибо мисс Корни во всем руководствовалась соображениями пользы, не испытывая ни симпатии, ни восхищения перед красотой. Он не был уверен, что она не попытается расстроить этот брак, если известие о нем достигнет ее ушей, а ведь ей, с ее неукротимой волей, удавалось добиваться в своей жизни и не таких целей; одним словом, не станем осуждать м-ра Карлайла за его скрытность касательно своих планов на будущее.

Некое семейство Кэрю собиралось взять Ист-Линн в аренду на три года, вместе с мебелью. Они, правда, не сошлись с мистером Карлайлом в некоторых мелочах, но последний решил не уступать. Во время его поездки в Кастл-Марлинг от них пришло известие, что они соглашаются на все его условия и готовы вселиться в Ист-Линн в любое время. Это известие очень обрадовало мисс Корни, заявившую, что у них теперь гора с плеч свалилась; однако свое первое письмо из Кастл-Марлинга м-р Карлайл написал именно Кэрю: в нем содержался вежливый отказ сдать поместье. Наш герой не стал сообщать об этом мисс Карлайл. В доме завершались последние работы перед приемом жильцов, были наняты и отправлены в поместье три горничные и два лакея, которым было предварительно уплачено жалованье и столовые деньги.

Однажды вечером, через три недели после поездки м-ра Карлайла в Кастл-Марлинг, Барбара Хэйр пришла навестить Карлайлов и обнаружила, что они усаживаются пить чай намного ранее обычного.

— Мы сегодня рано пообедали, — сказала мисс Корни, — и я велела принести чай сразу после обеда. В противном случае Арчибальд вообще остался бы без чая.

— Я обошелся бы и без него, — ответил он. — У меня еще много дел сегодня.

— Нет, не обошелся бы, — воскликнула мисс Корни. — И я не отпущу тебя без чая. Снимай свою шляпку, Барбара. Кто же, спрашивается, так поступает: ему завтра уезжать в Кастл-Марлинг, а он только сейчас сообщил мне об этом!

— А что, этот больной — Брюстер, или как там его — все еще лежит в Кастл-Марлинге? — спросила Барбара.

— Да, он по-прежнему там, — сказал м-р Карлайл.

Барбара в конце концов села за стол, хотя и отнекивалась поначалу, заявляя, что обещала матери вернуться домой и приготовить чай. Мисс Карлайл перебила ее, сказав брату, что должна идти собирать его вещи в дорогу.

— Нет, — ответил он с подозрительной поспешностью. — Спасибо, но я сложу вещи сам. Питер, отнеси большой чемодан в мою комнату.

— Большой чемодан! — эхом отозвалась мисс Корни, без вмешательства которой ничего не делалось в этом доме. — Он же здоровенный, как дом; зачем тебе, спрашивается, тащить его с собой?

— Помимо одежды, мне нужно захватить с собой бумаги и прочие вещи.

— А я уверена, что смогла бы уложить все в твой маленький чемодан, — продолжала настаивать мисс Корни. — Давай я попробую. Ты только скажешь мне, что хочешь сложить. Питер, отнесите маленький чемодан в комнату вашего хозяина.

М-р Карлайл переглянулся с Питером, и тот ответил едва заметным кивком.

— Я предпочитаю сам укладывать свои вещи, Корнелия. Ну вот, что ты наделала?

— Так глупо с моей стороны, — ответила она, играясь с ножом, мисс Корни порезала палец. — У тебя не найдется пластыря, Арчибальд?

Он открыл бумажник и положил его на стол, чтобы достать пластырь. Зоркие глаза мисс Карлайл заметили письмо, лежавшее в бумажнике; она бесцеремонно протянула руку, выхватила и раскрыла его.

— От кого бы это? Почерк женский.

М-р Карлайл закрыл письмо ладонью.

— Извини, Корнелия; это личное письмо.

— Личная чепуха! — парировала мисс Корни. — Ты не можешь получать писем, которые я не имела бы права прочесть. На нем вчерашний штампель.

— Будь любезна, верни мне письмо, — ответил он, и мисс Карлайл уступила, будучи пораженной тем, с какой спокойной властью он произнес эти слова.

— Да в чем дело, Арчибальд?

— Ни в чем, — ответил он, застегнув бумажник с письмом и положив его в карман после того, как выложил пластырь для мисс Корни. — Нечестно читать личные письма мужчины, не так ли, Барбара?

Взглянув на Барбару, он добродушно рассмеялся. Но она с удивлением отметила на щеках этого человека, обычно столь спокойного, густой румянец, свидетельствующий о глубоком волнении. Однако мисс Карлайл решила не сдаваться и снова вернулась к этой теме.

— Арчибальд, могу поспорить, что на печати этого письма стоит герб Вейнов.

— Стоит ли на письме герб Вейнов или нет, содержание его предназначается только для меня, — ответил он, и мисс Карлайл почему-то не понравился его твердый тон.

Молчание первой нарушила Барбара.

— Вы навестите Маунт-Севернов в этот раз?

— Да.

— Они ничего не говорили о замужестве леди Изабель? — продолжала расспрашивать Барбара. — Вы ничего об этом не слышали?

— Я не могу обременять свою память всем, что я слышал или не слышал, Барбара. Кстати, не положить ли тебе еще сахара в чай?

— Немножко, — ответила она, после чего м-р Карлайл придвинул сахарницу к ее чашке и, прежде чем кто-либо успел остановить его, бросил в чай четыре или пять больших кусков сахара.

— Это еще зачем? — осведомилась мисс Корни.

Он расхохотался.

— Я сам не знал, что делал. Прости меня. Барбара, бога ради. Корнелия нальет тебе другую чашку.

— Однако же, пропала целая чашка чая и уйма хорошего сахара, — едко ответила миссис Корни.

Барбара засобиралась уходить, как только закончилось чаепитие.

— Что теперь скажет мама? К тому же, скоро стемнеет. Она будет беспокоиться, что я одна хожу в столь поздний час.

— С тобой может прогуляться Арчибальд, — сказала мисс Карлайл.

— Не уверен, — воскликнул он с присущим ему прямодушием. — Дилл ждет меня в конторе, и у меня еще есть работа на несколько часов. Однако, я думаю, что Питер в качестве провожатого не устроит тебя, так что поторопитесь со своей шляпкой, Барбара.

Барбару не было нужды подгонять, если от скорости ее приготовлений зависело, кто пойдет ее провожать: Питер или м-р Карлайл. Она пожелала доброй ночи мисс Карлайл и вышла с мистером Карлайлом, который взял зонтик у нее из рук. Вечер был тихим и чудесным; они пошли через поля, поскольку было еще довольно светло. Барбара не могла выбросить из головы Изабель Вейн. Она ни на минуту не забывала ни ее, ни той ревности, которую испытывала во время постоянных визитов м-ра Карлайла в Ист-Линн, когда там жила Изабель. Теперь она снова вернулась к этой теме.

— Я спросила вас, Арчибальд, не приходилось ли вам слышать что-либо о замужестве леди Изабель.

— И я ответил тебе, Барбара, что не могу упомянуть все, что услышу.

— Но вы слышали что-то? — продолжала настаивать она.

— Ты продолжаешь упорствовать, — он улыбнулся. — По-моему, леди Изабель может скоро выйти замуж.

У Барбары вырвался вздох облегчения.

— За кого?

Он ответил все с той же насмешливой улыбкой:

— Разве мог я задавать подобные преждевременные вопросы? Возможно, после моей следующей поездки в Кастл-Марлинг я смогу рассказать тебе побольше.

— Постарайтесь разузнать что-нибудь, — сказала она. — Может быть, за лорда Вейна. Говорят, что множество браков заключается в результате повседневного общения...

Она остановилась, ибо м-р Карлайл повернулся к ней и рассмеялся.

— До чего же ты проникательна, Барбара! Лорд Вейн — совсем еще мальчишка, пяти или шести лет.

— Вот как, — удрученно ответила Барбара.

— И, кстати, это прекрасный ребенок, — с теплотой в голосе продолжал он. — Открытый, великодушный, искренний. Если бы у меня были собственные дети, — добавил он, постукивая зонтиком по изгороди и говоря рассеянно, как бы позабыв о своей собеседнице, — я хотел бы, чтобы все они походили на Уильяма Вейна.

— Очень важное признание, — весело ответила Барбара. — Особенно после того, как вы сделали все, чтобы убедить Вест-Линн в том, что собираетесь остаться старым холостяком.

— Что-то я не припомню за собой подобных заявлений, — воскликнул м-р Карлайл.

Теперь наступила очередь Барбары смеяться.

— Я думаю, Вест-Линн судит по внешним признакам. Когда мужчине под тридцать...

— Что ко мне не относится, — перебил ее м-р Карлайл, нанеся при этом немалый урон как изгороди, так и зонтику. — Прежде, чем мне стукнет тридцать, я, возможно, уже не первый год буду женат.

— Тогда вы, наверное, уже выбрали себе жену, — воскликнула она.

— Возможно, Барбара. Однако еще не время говорить об этом публично.

Притворившись, будто хочет заколоть шаль булавкой, Барбара высвободила свою руку. Сердце ее бешено стучало, она дрожала всем телом и боялась, что он заметит ее волнение. Ей и в голову не могло прийти, что он может говорить о ком-либо, кроме нее самой.

Бедная Барбара!

— Ты так покраснелась, Барбара! — воскликнул он. — Я, наверное, иду слишком быстро?

Казалось, она не слышит его, будучи занята своей шалью. Затем она снова подала ему руку, и они продолжили свой путь, причем он еще усерднее сражался с изгородью и травой, чем ранее. Еще минута — и ручка переломилась пополам.

— Я так и знала, что этим все закончится, — сказала Барбара, в то время как он рассматривал зонтик с уморительным ужасом на лице. — Не расстраивайтесь: это старый зонтик.

— Я принесу тебе новый взамен. Какого он цвета? Коричневый. Я запомню. Подержи-ка останки этого некогда славного зонтика, Барбара.

Он вложил обломки ей в руку и, достав блокнот, записал что-то карандашом.

— Для чего это? — спросила она.

Он поднес написанное к ее глазам, чтобы она могла прочесть то, что он написал: «Коричневый зонтик. Б. Х.»

— Это на тот случай, если я забуду, Барбара.

Барбара заметила еще две записи, сделанные в блокноте:

— Пианино. Посуда.

— Я кратко записываю, что должен купить в Лондоне, — объяснил он. — Иначе я забуду половину того, что необходимо приобрести.

— В Лондоне? А, я думала, что вы едете в прямо противоположном направлении: в Кастл-Марлинг.

М-р Карлайл понял, что проговорился, однако быстро исправил положение:

— Возможно, мне придется заехать и в Лондон. Посмотри, какая яркая луна встает, Барбара!

— Настолько яркая луна или же настолько светлое небо, что я смогла проникнуть в ваши секреты, — ответила она. — Пианино! Посуда! Зачем вам все это, Арчибальд?

— Это все для Ист-Линна, — спокойно ответил он.

— Ах, да, для Кэрю.

И Барбара утратила интерес к этой теме. Они свернули на дорогу, шедшую чуть пониже той рощи, которая находилась рядом с домом Хэйров, и скоро достигли цели своей прогулки. М-р Карлайл придержал калитку, чтобы Барбара могла пройти.

— Может быть, вы зайдете и поздороваетесь с мамой? Она как раз говорила, что вы совсем перестали бывать у нас в последнее время.

— Я был очень занят. И сегодня у меня действительно нет времени. Придется тебе передать ей привет от меня.

Он закрыл калитку, но Барбара, не желая отпускать его, прислонилась к ней и спросила:

— Вы уезжаете на неделю?

— Не исключено. Вот, забери обломки зонтика, Барбара: я чуть было не унес их с собой. Я вполне могу купить тебе новый зонт, не похитив старого.

— Арчибальд, я давно хотела спросить вас кое о чем, — сказала она, пытаясь скрыть свое возбуждение, Для чего взяла обломки и забросила их на тропинку, под толстые деревья. — Вы не сочтете меня дурочкой?

— В чем дело?

— Когда вы подарили мне золотую цепочку и медальон... год назад... вы помните?

— Да. И что же?

— Я вложила в него немного волос Ричарда, Эни и мамы, по крошечной пряди. И там, знаете ли, осталось еще немного места.

Она протянула ему медальон, который всегда носила на шее.

— Барбара, при таком освещении не слишком-то много увидишь. Осталось еще немного места, ты говоришь? И что из этого?

— Мне нравится мысль о том, что у меня есть нечто, напоминающее мне о моих лучших друзьях или о тех людях, которые мне дороги. Не могли бы и вы дать мне прядь ваших волос, поскольку именно вы подарили этот медальон?

— Мои волосы?! — ответил м-р Карлайл с таким изумлением, будто она попросила его голову. — Какую пользу может это принести тебе, Барбара, или же медальону?

Она покрылась пунцовым румянцем, сердце ее бешено колотилось.

— Мне хотелось бы иметь сувенир от людей, которые мне дороги, — запинаясь, произнесла она. — И ничего более, Арчибальд.

Он не почувствовал ни ее волнения, ни глубины чувства, которое заставило ее обратиться с этой просьбой, и поэтому ответил добродушной насмешкой.

— Какая жалость, что ты не сказала мне об этом вчера. Я как раз постригся, и вполне мог бы послать тебе обрезки волос. Не будь дурочкой, дитя, и не возноси меня до положения Веллингтона, волосы и автографы которого почитались, как реликвии. К сожалению, я не могу оставаться ни минуты более. Спокойной ночи.

Он заторопился прочь, широко шагая, а Барбара закрыла лицо руками.

— Что я наделала? Что я наделала?! — громко повторяла она. — Неужели он от природы такой равнодушный и сухой! Неужели у него нет никаких чувств ко мне? Но они появятся. Ах, какое блаженство принес этот вечер! Когда он говорил о том, что выбрал жену, под усмешкой пряталось истинное чувство. Нетрудно догадаться, кого он имел в виду — ведь он никому больше не рассказывал об этом; к тому же, он ни на кого более не обращает внимания. Ах, Арчибальд: когда я стану твоей женой, ты узнаешь, как преданно я люблю тебя. Но не ранее того!

Она подняла свое милое юное лицо, светившееся так, что оно стало прекрасным, и залюбовалась светом луны, которая бросила первый взгляд на вечернюю землю; затем она повернулась и пошла вверх по дорожке, даже не подозревая о том, что чья-то голова в шляпке выглянула из-за деревьев и проводила ее взглядом. Барбара не сказала бы так много, будь ей известно, что этот разговор слышал некто третий.

Через три дня после отъезда м-ра Карлайла, утром, м-р Дилл предстал перед мисс Карлайл, держа в руке письмо. Мисс Корни была чрезвычайно занята, любуясь тем, как выглядят только что повешенные новые шторы из муслина, а посему не обратила на него никакого внимания.

— Письмо для вас, мисс Корнелия. Почтальон оставил его в конторе вместе с нашей корреспонденцией. Письмо — от мистера Арчибальда.

— О чем бы это ему писать? — ответствовала мисс Корни. — Он не пишет, когда вернется?

— Прочтите сами, мисс Корнелия. В письме для меня он ничего не говорит о возвращении.

Она вскрыла письмо, прочла его и опустилась в кресло, изумленная и растерянная, как никогда в жизни.

Кастл-Марлинг, 1 мая.

Моя дорогая Корнелия!

Сегодня утром я вступил в брак с леди Изабель Вейн, о чем спешу коротко известить тебя. Более подробно отпишу завтра или послезавтра, когда все и объясню.

Твой неизменно любящий брат

Арчибальд Карлайл

— Это розыгрыш, — гортанным голосом произнесла мисс Карлайл, когда к ней наконец вернулась речь.

М-р Дилл стоял словно окаменевший.

— Это розыгрыш, говорю я вам, — возопила мисс Карлайл. — Что вы стоите, как гусак, на одной ноге? — повторила она, обратив свой гнев на безобидного собеседника. — Розыгрыш это или нет?

— Я и сам потрясен, мисс Корни. Это не розыгрыш: мне тоже пришло письмо.

— Это не может, не может быть правдой. Три дня назад, уезжая отсюда, он вовсе не собирался вступать в брак, так же, как и я.

— Откуда нам знать, мисс Корни, что он не собирался жениться. Я думаю, у него были такие планы.

— Собирался жениться! — взвизгнула, не выдержав, мисс Корни. — Не такой он дурак. И на ком! На этой изнеженной девочке-леди? Нет, нет!

— Он прислал объявление для газет графства, — сказал м-р Дилл, протягивая листок бумаги. — То, что они поженились, не вызывает никаких сомнений.

Мисс Карлайл взяла и прочла его; рука ее была холодна, как лед, и дрожала, словно ее разбил паралич.

— Бракосочетания. Первого числа сего месяца, в Кастл-Марлинге, капеллан графа Маунт-Северна сочетал браком Арчибальда Карлайла, эсквайра из Ист-Линна, и леди Изабель Мэри Вейн, единственную дочь покойного Уильяма, графа Маунт-Северна.

Мисс Карлайл разорвала листок на мелкие клочки и разбросала их. Впоследствии м-р Дилл сделал копии по памяти и разослал их в редакции газет. Но сейчас речь не об этом.

— Я никогда не прощу его, — медленно сказала она, — и я никогда не прощу ее и не смирюсь с ее присутствием. Идиот безмозглый! Взять и жениться на избалованной дочке Маунт-Северна, на этой штучке, которая появляется при дворе в перьях и платье со шлейфом, который тянется на три ярда за нею!

— Он не идиот, мисс Корнелия.

— Он еще хуже: он — опасный безумец, — ответила она, причем гнев ее готов был смениться слезами. — Надо быть совершенно сумасшедшим, чтобы так поступить, и у меня даже появились наметки обвинения в невменяемости, которое я могла бы выдвинуть против него. Да-да, что вы уставились на меня, старина Дилл: я сделаю это, и я так же уверена в этом, как в том, что надеюсь на отпущение моих грехов. Где они будут жить?

— Я полагаю, в Ист-Линне.

— Что? — закричала мисс Корни. — Жить в Ист-Линне вместе с Кэрю! Я думаю, вы тоже сходите с ума.

— Переговоры с Кэрю прерваны, мисс Корнелия. Когда мистер Арчибальд вернулся из Кастл-Марлинга на Пасху, он написал им письмо, в котором отказался сдать поместье. Я видел копию этого письма. Я полагаю, он тогда обо всем договорился с леди Изабель и решил оставить Ист-Линн для себя.

Мисс Карлайл открыла рот от ужаса. Частично оправившись от этого потрясения, она встала во весь свой величественный рост, подошла к оцепеневшему от ужаса собеседнику, обеими руками схватила за воротник и принялась трясти его. Экзекуция продолжалась несколько минут. Бедный старина Дилл, маленький и легкий, мотался в ее руках, как кукла, потеряв надежду когда-либо сделать вдох.

— Мне надо бы и против тебя, хитрая ты бестия, выдвинуть обвинение в невменяемости. Ты в сговоре с ним; ты помогал ему и поддерживал его: тебе все было известно.

— Торжественно клянусь, именем Творца, создавшего меня, — задыхаясь, выговорил пострадавший, как только к нему вернулась способность говорить, — что я невиновен, как дитя, мисс Корни. Когда я только что получил письмо в конторе, я чудом удержался на ногах.

— Для чего же он сделал это? Избалованная девчонка без единого шиллинга! И как вы смели держать в секрете тот факт, что Кэрю было отказано в аренде Ист-Линна? Вы все-таки поддерживали его. Но не может же он быть таким дураком, чтобы всерьез собираться жить там!

— Я не был посвящен в это, мисс Корни, пока это не свершилось. А если бы даже и был — я всего лишь слуга мистера Арчибальда. Если бы он не собирался поселиться в Ист-Линне, он не назвал бы себя в газетном объявлении Арчибальдом Карлайлом из Ист-Линна. Тем более, что он вполне может это позволить себе, мисс Корни, и вам это прекрасно известно; поступая таким образом, он обретает то положение, которого заслуживает, — добавил верный клерк, пытаясь успокоить ее, — а та, о которой вы говорите — милое, прелестное, доброе создание, хотя по происхождению и является благородной леди.

— Я надеюсь, он заплатит за свое безумство! — гневно ответила она.

— Не дай Бог! — воскликнул старый Дилл.

— Идиот, идиот! Что на него нашло? — закричала мисс Корни, доведенная до белого каления.

— Послушайте, мисс Корни: я должен поспешить обратно в контору, — заключил м-р Дилл, заканчивая этот неприятный разговор. — И я просто в отчаянии, мэм, оттого, что вы вообразили, будто вам есть за что нападать на меня.

— Если вы сегодня попадетесь мне на глаза еще раз, это нападение повторится, — в сердцах ответила мисс Корни.

Когда он удалился, она села, причем лицо ее приняло суровое, каменное выражение. Она уронила руки на колени, и письмо м-ра Карлайла упало на пол. Спустя некоторое время черты ее лица ожили, она кивнула головой и стала поднимать то одну руку, то другую, как бы споря сама с собой. Вскоре она встала, надела шляпку и шаль, после чего направилась к судье Хэйру. Она чувствовала, что новость, которую к вечеру узнает Вест-Линн, была нелестной для нее, еще бы: ее горячо любимый брат отказался от нее ради другого человека, более близкого и родного, причем сделал это тайком от нее; следовательно, она первая возвестит об этом всем и каждому.

Когда мисс Корни вошла в рощу возле дома Хэйров, Барбара сидела у окошка гостиной. Мрачная улыбка, несмотря на угнетенное состояние, тронула губы нашей леди, когда она подумала, каким ударом это известие станет для Барбары. Любовь этой юной особы к Арчибальду, ее надежда стать его женой не могли укрыться от бдительного ока мисс Карлайл.

«Что привело сюда Корнелию?» — подумала Барбара, которой очень шло летнее платье, надетое по случаю необычайно теплой погоды. — Как поживаете? — сказала она, высунувшись из окна. — Вы не поверите, но этот теплый денек даже маму выманил из дома: папа повез ее в Линборо. Заходите — дверь холла открыта.

Мисс Карлайл вошла, ничего не ответив, после чего уселась в кресло и, в качестве вступления, издала несколько душераздирающих стонов.

Барбара быстро повернулась к ней.

— Вам нездоровится? Вы чем-то расстроены?

— Расстроена? Да уж! — яростно выпалила мисс Корни. — Это буквально вывернуло мне душу наизнанку. Что ты сказала? Стаканчик вина? Чепуха! Слышать ничего не хочу о вине. Страшное несчастье постигло нас, Барбара. Арчибальд...

— Арчибальд! — встревоженно перебила Барбара. — Ах, с ним случилось несчастье... поезд! Может быть, у него даже... сломаны ноги!

— Ах, если бы это было так! — ласково ответила мисс Корни. — С ним и его ногами все в порядке. Все гораздо хуже, Барбара!

Барбара перебрала в уме множество всевозможных несчастий и, хорошо зная натуру мисс Карлайл, стала склоняться к мысли о некоторых финансовых потерях.

— Что-то с Ист-Линном? — решила предположить она. — Кэрю не приедут?

— Не приедут, — последовал язвительный ответ. — Зато приедет кое-кто другой: мой мудрый братец Арчибальд совершил большую глупость, Барбара, а сейчас он возвращается домой, чтобы поселиться в Ист-Линне.

Хотя в этом известии было много непонятного для Барбары, она не могла ничего поделать с радостным румянцем, покрывшим ее щеки.

«Сейчас твое настроение слегка испортится, моя леди», — подумала наблюдательная мисс Карлайл. — Эта новость поразила меня, как гром среди ясного неба, — сказала она. — Ее мне сообщил старый Дилл, за что я чуть душу из него не вытрясла.

— Из старого Дилла! — повторила Барбара, ничего не понимая.

— Я трясла его до тех пор, пока у меня не заболели руки: не скоро он это забудет. Он потворствовал Арчибальду, скрывая от меня то, о чем должен был прийти и рассказать; я подумываю, нельзя ли их обоих обвинить в тайном сговоре.

Барбара сидела в совершенном изумлении, не имея ни малейшего представления, к чему клонит мисс Корни.

— Ты помнишь эту девчонку, дочь Маунт-Северна? Я и сейчас еще вижу, как она входит в концертный зал в своем белом платье, бриллиантах, с волосами, струящимися по плечам, как юная принцесса из сказки — все это прекрасно для нее, но не для нас.

— А что с ней? — с трудом выговорила Барбара.

— Арчибальд женился на ней.

Хотя Барбара и поняла, что за ней пристально наблюдает мисс Корни, хотя она и попыталась сохранить спокойствие, лицо ее сделалось мертвенно-бледным. Правда, она, так же, как и мисс Карлайл, не сразу смогла в это поверить.

— Это неправда, Корнелия.

— Чистейшая правда. Их вчера обвенчал в Кастрл-Марлинге капеллан лорда Маунт-Северна. Если бы мне стало об этом известно, и если бы я смогла вчера оказаться там, я бы, возможно, попыталась развести их, пусть даже и после церковной церемонии; я должна была бы постараться сделать это. Однако, — добавила прямодушная мисс Корни, — вчерашний день — это одно дело, а сегодняшней — совершенно другое, и теперь-то уж ничего не поделаешь.

— Извините, я отлучусь на минутку, — задыхаясь, произнесла Барбара. — Я забыла отдать распоряжения слугам, о которых просила мама.

Распоряжения слугам! Она буквально взлетела вверх по лестнице в свою комнату, где и рухнула на пол от нестерпимой муки. Теперь прошлое стало абсолютно ясным для нее: пелена спала с ее глаз. Теперь-то она поняла, что питала ложные надежды в своей любви к Арчибальду Карлайлу, похожей на идолопоклонство: ему самому она всегда была безразлична. Еще прошлой ночью она несколько часов лежала без сна, предаваясь сладостным мечтаниям, а это была ночь после его бракосочетания! С пронзительным воплем отчаяния она воздела руки к небу и закрыла глаза: она понимала, что с этой минуты солнечный свет уходит из ее жизни. Крик оказался громче, чем она рассчитывала, и одна из служанок, проходившая мимо дверей, тихонько открыла ее и заглянула вовнутрь. Она увидела Барбару, лежавшую на полу в ужасной муке, причем не физической, а душевной. Служанка сочла момент неподходящим для вторжения и быстро затворила дверь.

Щелчок защелки вернул Барбару к действительности, к необходимости соблюдения внешних приличий в настоящий момент. Она встала, выпила стакан воды, механически разгладила волосы и лоб, сморщенный от боли, и приняла спокойный вид.

— Женился на другой, женился на другой! — стонала она, спускаясь по лестнице, — и эта другая — ОНА! Ах, где вы, твердость духа и лицемерие! Помогите мне хотя бы не выдать своих чувств перед его сестрой!

Когда она вошла в комнату, на ее лице даже появилась улыбка. Мисс Карлайл снова разразилась причитаниями, словно стараясь получить компенсацию за несколько минут вынужденного молчания.

— Если бы я знала об этом, я попыталась бы выдвинуть против него обвинение в невменяемости; это так же верно, как то, что мы живем в этом городе, о чем я и сказала Диллу. Лучше бы уже запереть его, как безобидного помешанного, чем позволить остаться на свободе и совершить такое безумство. Я и подумать не могла, что он женится: я предостерегала его от этого шага еще тогда, когда он пешком под стол ходил.

— Это неравный брак, — сказала Барбара.

— Это как Красавица и Чудовище из детской сказки. Она — знатная красавица, воспитанная для роскоши, драгоценных камней, празднеств и светской жизни, и он... скучный увалень-юрист, как чудовище из сказки.

Не будь Барбара столь несчастной в этот момент, она бы просто расхохоталась. Мисс Карлайл продолжала:

— Я приняла решение. Завтра я отправлюсь в Ист-Линн и выдворю этих пятерых расфуфыренных слуг. Я была там в субботу и обнаружила трех дамочек, наряженных в красивые муслиновые платья, с бантами персикового цвета на чепцах, и мужчин в полосатых жакетах, корчащих из себя ливрейных лакеев. Если бы я только знала, что это были слуги Арчибальда, а не семейства Кэрю!

Барбара ничего не ответила.

— Я поеду туда и всех их рассчитаю, после чего перееду вместе со слугами в Ист-Линн, а собственный дом сдам в аренду. При ее аристократических замашках расходы на содержание двух домов будут непомерно велики. Я представляю, что за дом будет у Арчибальда в Ист-Линне, если им будет распоряжаться эта невежественная девчонка, с ее ужимками, драгоценностями и завитыми локонами.

— А ей это понравится?

— Если и не понравится, ей придется смириться с этим, — ответила мисс Карлайл. — А теперь, когда я рассказала тебе новости, Барбара, я возвращаюсь домой. Для меня это почти равносильно рассказу о том, что он умер.

— Вы уверены, что вами не движет ревность? — спросила Барбара под влиянием какого-то неясного порыва.

— Возможно, — резко ответила мисс Карлайл. — Если бы ты воспитала мальчишку так же, как я Арчибальда, и не любила бы больше никого на целом свете, ты бы тоже почувствовала ревность, увидев, как он с презрительным равнодушием отказывается от тебя, чтобы прижать к груди молодую жену, которая значит для него больше, чем ты.

Глава 14

ГРАФ ПОТРЯСЕН

Лорд Маунт-Северн узнал об этом браке из газет. Его потрясение было почти столь же сильным, как у мисс Корни, и он в тот же день понесся в Англию, так и не получив письмо своей жены, в котором она давала свою версию того, что произошло. Он встретил м-ра Карлайла и леди Изабель в Лондоне, в одном из отелей Уэст-Энда, где они остановились на день-другой, прежде чем двинуться дальше. Изабель была одна, когда сообщили о приходе графа.

— Что это значит, Изабель? — начал он, не теряя времени на приветствие. — Ты вышла замуж?

— Да, — ответила она, покраснев. — Несколько дней назад.

— И за кого! За юриста Карлайла. Как это могло случиться?

Изабель ответила не сразу, поскольку ей самой надо было подумать о том, как это случилось, чтобы дать графу четкий и ясный ответ.

— Он сделал мне предложение, — сказала она, — и я ответила согласием. Он приехал в Кастл-Марлинг на Пасху и предложил мне выйти за него замуж. Я страшно удивилась.

Граф пристально посмотрел на нее.

— Почему мне об этом не сообщили, Изабель?

— Я не знала, что вам об этом неизвестно. Мистер Карлайл написал вам, так же как и леди Маунт-Северн.

Лорд Маунт-Северн чувствовал себя человеком, который ничегошеньки не понимает, и выглядел точно так же.

— Я думаю, это произошло, — подумал он вслух, — вследствие того, что твой отец позволил этому джентльмену ежедневно бывать с визитами в Ист-Линне. Вот ты и влюбилась в него.

— А вот и нет, — ответила она весело. — Я и не думала влюбляться в мистера Карлайла.

— Так ты не любишь его? — отрывисто спросил граф.

— Нет, — робко прошептала она. — Но он мне нравится, очень нравится. И он так добр ко мне!

Граф погладил подбородок и задумался. Изабель опровергала единственное заключение относительно мотивов этого поспешного брака, которое пришло ему на ум.

— Если ты не любишь мистера Карлайла, как ты можешь столь четко различать понятия «нравиться» и «любить»? Не можешь же ты любить другого?

Этот вопрос попал точно в цель, и Изабель густо покраснела.

— Со временем я полюблю своего мужа, — только и смогла ответить она, низко опустив голову и нервно поигрывая цепочкой от часов.

— Бедное дитя! — невольно воскликнул граф.

Но он был из тех людей, которые любят во всем докапываться до самой сути.

— Кто еще гостил в Кастл-Марлинге с тех пор, как я уехал? — внезапно спросил он.

— Приехала миссис Ливайсон.

— Я имел в виду джентльменов — молодых мужчин.

— Только Фрэнсис Ливайсон, — ответила она.

— Фрэнсис Ливайсон. Ты же не можешь быть настолько глупой, чтобы влюбиться в него?

Вопрос был настолько точен, внезапен, и, кроме того, застенчивость Изабель была столь велика, что она выдала себя своим замешательством, и у графа отпали все вопросы. В его строгих глазах, прикованных к ее опущенному, пылающему лицу, появилась жалость.

— Изабель, — серьезно начал он. — Капитан Ливайсон — нехороший человек; если ты думала иначе, перестань обольщаться и держи его на расстоянии. Прерви свое знакомство с ним и не поощряй ни малейшей близости с этим субъектом.

— Я уже прервала его, — сказала Изабель, — и более не возобновлю. Но леди Маунт-Северн, должно быть, высокого мнения о нем: иначе она не приглашала бы его.

— Она также невысокого мнения об этом человеке, как и всякий, кто знаком с Фрэнсисом Ливайсоном, — выразительно сказал граф. — Он ее кузен, один из тех праздных, пустоголовых льстецов, которых ей доставляет удовольствие собирать вокруг себя. Ради бога, хоть ты будь умнее, Изабель! Впрочем, это отнюдь не объясняет твоего загадочного брака с Карлайлом, скорее наоборот: делает его еще более необъяснимым. Как же это он сумел уговорить тебя?

Прежде, чем Изабель успела ответить, вошел м-р Карлайл. Он протянул графу руку, но тот, казалось, не заметил ее.

— Изабель, — сказал он. — Я очень сожалею, что мне приходится просить тебя покинуть комнату, ибо я полагаю, что здесь это единственная гостиная, но я хотел бы сказать несколько слов мистеру Карлайлу.

Она оставила их, после чего граф повернулся к м-ру Карлайлу и заговорил суровым и надменным тоном.

— Как мог свершиться этот брак, сэр? Или у вас настолько мало чести, что вы способны, воспользовавшись моим отсутствием, влезть в нашу семью и тайно жениться на леди Изабель Вейн?

М-р Карлайл был удивлен, но не смущен. Он выпрямился в полный рост, своим бесстрашием ни на йоту не уступая графу, а благородством осанки даже превосходя его.

— Милорд, я не понял вас.

— Однако я говорю достаточно прямо. Как же еще называть то, что вы, пользуясь отсутствием опекуна, склонили молоденькую девушку к неравному браку?

— Ничего тайного в моих отношениях с леди Изабель Вейн не было, равно как не будет ничего бесчестного в моем отношении к леди Изабель Карлайл. Вашу светлость неправильно проинформировали.

— Меня вообще не проинформировали, — ответил граф. — Мне было дозволено узнать об этом из газет, мне — единственному родственнику леди Изабель!

— Когда я сделал предложение леди Изабель...

— Месяц назад, — саркастически перебил граф.

— Месяц назад, — спокойно повторил м-р Карлайл, — после того, как Изабель ответила согласием, я сразу же написал вам. Если бы я не узнал, что вы не получили этого письма, поскольку говорите, что вам стало известно обо всем из газет, то продолжал бы считать, что это вы не проявили достаточной вежливости, поскольку не удостоили меня ответом.

— Каково было содержание этого письма?

— Я сообщил о том, что случилось, указав средства обеспечить семью и присовокупив, что мы оба, Изабель и я, хотели бы, чтобы свадебная церемония состоялась как можно раньше.

— И куда же, скажите на милость, вы адресовали письмо?

— Леди Маунт-Северн не могла дать мне адрес. Она сказала, что, если я доверю письмо ей, она перешлет его вам, поскольку со дня на день ожидает известий от вас. Я отдал ей письмо и больше ничего об этом не слышал, если не считать записки, переданной в письме Изабель ко мне, в которой ее светлость сообщила, что, поскольку вы не ответили, возражений с вашей стороны не имеется.

— Это правда? — воскликнул граф.

— Милорд, — холодно ответил м-р Карлайл. — Какие бы недостатки вы ни обнаружили во мне, я, по крайней мере, честный человек. До настоящего момента я даже не подозревал, что вам ничего не было известно о намечающемся бракосочетании.

— Если так, я прошу прощения, мистер Карлайл. Но как вообще все это случилось? Почему такая неприличная спешка? Вы сделали предложение на Пасху, как сообщила мне Изабель, и обвенчались через три недели.

— Да я бы женился на ней и увез ее в тот же день, если бы это было возможно, — ответил м-р Карлайл. — Я заботился единственно о ее счастье и благополучии.

— Да уж! — неприятливо заметил граф. — Не соизволите ли представить мне факты и ознакомить с вашими мотивами?

— Должен предупредить, что факты могут вам не понравиться, лорд Маунт-Северн.

— Позвольте мне судить об этом самому, — слезал граф.

— Я приехал в Кастл-Марлинг по делу в страстную пятницу. На следующий день я прибыл к вам с визитом: это было естественно, поскольку я получил приглашение от вас и леди Изабель; более того — если бы я не приехал, это было бы просто невежливо. Я нашел Изабель несчастной и обиженной, вовсе не нашедшей у вас счастливого дома.

— Что вы такое говорите, сэр? — перебил граф. — Несчастной и обиженной?

— Да, обиженной, вплоть до избиения, милорд.

Граф стоял, словно окаменевший, и молча смотрел на м-ра Карлайла.

— Должен оговориться, что я узнал об этом из болтовни вашего маленького сына; сама Изабель, разумеется, не рассказала бы мне об этом, но не стала отрицать того, что рассказал ребенок. Короче говоря, сердце ее было разбито, дух сломлен, и она не могла что-либо отрицать. Я был возмущен до глубины души, мною овладело непреодолимое желание освободить ее от такой злосчастной жизни и увезти туда, где она может найти любовь и, я надеюсь, счастье. Достичь этого можно было только одним способом, и я рискнул. Я предложил ей стать моей женой и вернуться в ее дом в Ист-Линне.

Граф начал постепенно выходить из оцепенения.

— В таком случае... следует ли мне понимать, что в тот день, приехав с визитом в мой дом, вы не собирались делать предложение Изабель?

— Ни в коей мере. Это было внезапное решение, возникшее именно при тех обстоятельствах, о которых шла речь.

Граф продолжал мерить шагами комнату, по-прежнему озадаченный и явно встревоженный.

— Могу ли я узнать, любите вы ее или нет? — внезапно спросил он.

М-р Карлайл задумался, прежде чем ответить, и покраснел.

— Речь идет о таких чувствах, которые мужчина редко признает перед другим мужчиной, лорд Маунт-Северн, но я отвечу вам. Да, я люблю ее, страстно и искренно. Я полюбил ее еще в Ист-Линне, но я так и носил бы эту любовь в себе до конца своих дней, если бы не этот неожиданный визит в Кастл-Марлинг. Раньше идея о том, чтобы сделать ее своей женой, казалась невыполнимой, поскольку я считал, что она гораздо выше меня по происхождению.

— Как это и было на самом деле, — сказал граф.

— Браки между сельскими стряпчими и дочерьми лордов случались и ранее, — заметил м-р Карлайл. — Я лишь продолжил этот список.

— Но вы, я полагаю, не можете обеспечить ей жизнь, достойную дочери лорда?

— Ее домом будет Ист-Линн. Наше жилище будет тихим и менее многолюдным, нежели дом ее отца. Я сразу объяснил это Изабель, и она могла бы отказаться, если бы захотела; леди Маунт-Северн я также все рассказал. Ист-Линн достанется нашему старшему сыну, если у нас будут дети. У меня прибыльная профессия, хороший доход: если бы я завтра умер, Изабель достался бы Ист-Линн и около трех тысяч годового дохода. Я все это написал в письме, которое, видимо, не дошло до адресата.

Граф ответил не сразу, поглощенный собственными мыслями.

— Я надеюсь, ваша светлость понимает, что в моих отношениях с леди Изабель не было ничего «тайного».

Лорд Маунт-Северн протянул свою руку.

— Вы, вероятно, заметили, мистер Карлайл, что я не подал вам руки, когда вошел; возможно, сейчас вы не подадите мне своей, хотя я почел бы за честь пожать ее. Когда я не прав, я способен это признать, и сейчас должен заявить, что вы вели себя исключительно благородно и великодушно.

М-р Карлайл улыбнулся и пожал руку графа. Последний задержал ее в своей и сказал шепотом:

— Я, разумеется, прекрасно понимаю, что, говоря о жестоком обращении с Изабель, вы имели в виду мою жену. Об этом известно кому-либо кроме вас?

— Будьте уверены, что мы с Изабель не обмолвимся ни словом: мы выбросим это из своей памяти. Давайте считать, что вы ничего не слышали: это было и прошло.

— Изабель, — сказал граф, прощаясь с ними вечером, поскольку провел остаток дня с молодоженами. — Когда я пришел сюда сегодня утром, я почти готов был ударить твоего мужа, а ухожу, искренне уважая его. Будь ему хорошей, верной женой, поскольку он заслуживает этого.

— Разумеется, — удивленно ответила она.

Лорд Маунт-Северн отправился в Кастл-Марлинг, где у него состоялся бурный разговор с женой, настолько бурный, что достиг ушей домочадцев. Он снова уехал в тот же день, в гневе, и отправился в Маунт-Северн.

— У него будет время остыть до того времени, когда мы встретимся в Лондоне, — прокомментировала его отъезд миледи.

Глава 15

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Мисс Карлайл сдержала свое слово. Она оставила свой дом и переехала в Ист-Линн вместе с Питером и двумя своими служанками. Несмотря на горестные возражения м-ра Дилла, она отослала слуг, нанятых мистером Карлайлом, всех, за исключением одного; она могла бы оставить и одну из служанок, если бы не эпизод с муслиновыми платьями и чепцами с бантиками персикового цвета, поскольку у нее хватало здравого смысла, чтобы понять: в Ист-Линне потребуется больше слуг, чем в ее доме.

В пятницу вечером, примерно через месяц после свадьбы, м-р Карлайл и его жена приехали домой. Их уже ждали; мисс Карлайл прошла через холл, чтобы встретить их, и остановилась на верхних ступеньках, между колоннами крыльца. Появилась элегантная коляска, запряженная четверкой почтовых лошадей, завидев которую, мисс Карлайл поджала губы. Сама она была одета в нарядное платье из черного шелка и новый чепец. За прошедший месяц гнев ее поостыл, и весьма развитое у нее чувство здравого смысла подсказало, что мудрее всего будет попытаться извлечь максимальные выгоды из сложившейся ситуации. М-р Карлайл поднялся по ступенькам вместе с Изабель.

— Ты здесь, Корнелия! Это очень мило с твоей стороны. Как поживаешь? Изабель, познакомься с моей сестрой.

Леди Изабель протянула руку, и мисс Карлайл снизошла до пожатия кончиков ее пальцев.

— Рада видеть вас, мэм, — отрывисто сказала она.

М-р Карлайл оставил дам и вернулся забрать кое-какие мелкие вещи из экипажа. Мисс Карлайл прошествовала в гостиную, где уже стоял поднос с ужином.

— Не хотите ли подняться наверх и переодеться перед ужином, мэм? — так же отрывисто обратилась она к леди Изабель.

— Спасибо. Я пройду в свою комнату. Но ужинать я не хочу, поскольку мы пообедали.

— Чего же вы хотите? — спросила мисс Корни.

— Немного чая, пожалуйста. Я очень хочу пить.

— Чай! — резко ответила мисс Корни. — И так поздно. Я даже не знаю, есть ли у них кипяток. Да вы ночью глаз не сомкнете, мэм, если будете пить чай в одиннадцать часов.

— В таком случае, не беспокойтесь, — ответила леди Изабель. — Это не имеет значения. Не хочу причинять вам неудобства.

Мисс Карлайл удалилась по одному ей известному делу и в холле встретила с Марвел. Они не обронили ни слова, но недружелюбно оглядели друг друга. Марвел выглядела очень элегантной в платье с пятью оборками, в вуали и с зонтиком.

Пока проходила эта дуэль взглядов, леди Изабель села и разрыдалась. Ее бил озноб: это так не походило на возвращение в ее родной Ист-Линн. Вошел м-р Карлайл и обнаружил плачущую жену.

— Изабель! — изумленно воскликнул он, бросаясь к ней. — Дорогая моя, что тебя огорчило?

— Думаю, я просто устала, — тихо ответила она, — и возвращение в этот дом заставило меня вспомнить о папе. Я хотела бы пройти в мои покои, Арчибалд, но я не знаю, где они.

М-р Карлайл также не знал этого, но в комнату снова влетела мисс Карлайл и сказала:

— Самые лучшие комнаты — по соседству с библиотекой. Мне подняться с миледи?

М-р Карлайл предпочел подняться сам и подал руку Изабель. Она опустила вуаль, проходя мимо мисс Карлайл.

Камин не был зажжен, и комната казалась холодной и неудобной.

— Похоже, дом весьма запущен, — заметил м-р Карлайл. — Думаю, слуги неправильно поняли мое письмо и ждали нас не ранее завтрашнего вечера.

— Арчибалд, — сказала она, снимая шляпку. — Я чувствую себя такой усталой и подавленной! Можно, я сразу переоденусь и больше не буду спускаться сегодня?

Он посмотрел на нее и улыбнулся.

— Можно ли тебе не спускаться. Разве ты забыла, что наконец-то находишься в своем доме? Я верю, что он станет счастливым домом для тебя; я все сделаю для этого.

Она прильнула к нему и снова разрыдалась. Он принялся ласково успокаивать ее, время от времени нежно целуя ее лицо. Да, у этого человека было сердце; он всей душой собирался лелеять доставшийся ему цветок, но увя: это у него могло и не получиться без освобождения от тирании сестры. Изабель не любила его, она прекрасно понимала это, но не переставала надеяться, что полюбит, ибо он, несомненно, того заслуживал.

Раздался голос Марвел; Изабель отвернулась, налила немного воды и стала брызгать себе на лицо и глаза. Она не боялась, что Марвел, которая отдавала распоряжения относительно какого-то чемодана, заметит ее огорчение.

— Чего ты хочешь, Изабель? — спросил м-р Карлайл. — Может быть, чаю?

— Нет, спасибо, — ответила она, вспомнив замечание мисс Карлайл.

— Но ты ведь должна чем-то подкрепиться. В экипаже ты говорила, что хочешь пить.

— Воды вполне достаточно... я имею в виду, что вода будет лучше всего. Марвел может принести ее.

М-р Карлайл вышел из комнаты, и служанка раздела свою хозяйку во внезапно наступившей тишине, причем слова о том, как она обижена, готовы были сорваться с ее языка. Марвел считала, что ни с одной горничной так дурно не обращались, как с ней. Ее злость накапливалась с самого бракосочетания, поскольку во время свадебного путешествия у нее не было компании в лице камердинера, какового, по ее мнению, полагалось иметь джентльмену. Это было уже плохо, а теперь она приезжает и обнаруживает, что в доме вообще нет старшей прислуги: ни экономки, ни управляющего, вообще никого, по ее выражению. Кроме того, она только что не поладила с мисс Карлайл. Марвел принялась надменно вопрошать в холле, кто отнесет наверх небольшой сверток, в котором, кстати, ничего не было, кроме несессера ее госпожи, и мисс Карлайл сказала, чтобы она отнесла его сама. Если бы Марвел не знала, кем была эта дама, она от возмущения запустила бы ей в голову этим злосчастным несессером.

— Что-нибудь еще, миледи?

— Нет, — ответила леди Изабель. — Можешь идти.

Изабель, закутавшись в халат и надев теплые тапочки, села читать книгу, а Марвел удалилась, пожелав ей спокойной ночи. М-р Карлайл тем временем разыскал свою сестру, которая, обнаружив, что никто, кроме нее, ужинать не будет, как раз угощалась крылышком. Она предпочла пораньше пообедать.

— Корнелия, — начал он. — Я не понимаю, что происходит. Я не вижу никого из моих слуг, зато вижу твоих. Где мои слуги?

— Отправились восвояси, — решительно и бесцеремонно заявила мисс Карлайл.

— Отправились восвояси? — переспросил м-р Карлайл. — Но почему? Насколько мне известно, это были прекрасные слуги.

— Да уж, прекрасные! Нарядились субботним утром в желтые муслиновые платья и нарядные чепчики с отделкой персикового цвета. Не лезь ты больше в домашние дела, Арчибальд, ибо тебя снова обманут. Отрежь-ка мне кусочек языка.

— Но чем же они провинились? — спросил он снова, выполнив ее просьбу.

— Арчибальд Карлайл, как ты мог сделать такую глупость? Если уж тебе хотелось жениться, разве вокруг недостаточно молодых леди твоего круга?

— Хватит, — перебил он ее. — Я в письме написал тебе все о моих мотивах и действиях, Корнелия; я не скрыл ничего из того, что ты должна знать. Я не расположен продолжать дискуссию по этому вопросу, за что и прошу меня извинить. Вернемся к слугам? Где они?

— Я отослала их. Потому что они были совершенно излишними, — торопливо добавила она, прежде чем он успел ее перебить. — У нас уже четверо слуг в доме, и миледи привезла весьма утонченную горничную, как я вижу. Значит, у нас уже пять слуг. Я говорю «у нас», поскольку переехала сюда жить.

М-р Карлайл почувствовал, что потерпел полное поражение. Он всегда подчинялся воле мисс Корни, но ему казалось, что им с женой будет лучше без нее.

— А как же твой дом? — воскликнул он.

— Я сдала его в аренду: жильцы въехали сегодня. Ты не можешь выгнать меня из Ист-Линна на улицу или в меблированные комнаты, Арчибальд. Расходов будет достаточно и без затрат на содержание двух домов, и большинство людей на твоём месте сразу ухватились бы за такую возможность. Хозяйкой будет твоя жена: я не собираюсь отнимать её привилегии, однако могу избавить её от забот по ведению хозяйства, а также выполнять функции экономки. Она будет рада этому при её неопытности: рискну предположить, что она за всю свою жизнь не сделала ни одного распоряжения по хозяйству.

В этом был определённый смысл; к тому же, всё было так правдоподобно изложено, что мистеру Карлайлу даже подумалось: «Может быть, это и к лучшему?» Он привык доверять суждениям своей сестры: все мы рабы своих привычек, не так ли? Однако он всё ещё колебался.

— Разумеется, в Ист-Линне достаточно места и для тебя, Корнелия, однако...

— Более чем достаточно, — вставила мисс Корни. — Думаю, что даже дом вдвое меньше этого позволил бы нам всем разместиться в нём и всё равно остался бы достаточно просторным, даже для леди Изабель.

— Ист-Линн принадлежит мне, — сказал м-р Карлайл.

— Тем хуже для тебя, — парировала мисс Корнелия.

— Что же касается слуг, — продолжал м-р Карлайл. — То их будет столько, сколько я сочту необходимым. Я не могу обеспечить своей жене блестящей жизни, но дать ей достаточный комфорт я в состоянии. Один человек потребуется для лошадей и колясок...

Мисс Корни чуть не лишилась чувств.

— О чём ты говоришь, ради всего святого!

— Я купил в городе красивую коляску и пару пони для неё. Тот экипаж, в котором мы приехали, подарил лорд Маунт-Северн. Пока для него достаточно почтовых лошадей, однако...

— Ах, Арчибальд, ты грешник!

— Грешник? — эхом отозвался м-р Карлайл.

— Мотовство до добра не доведёт. Я учила тебя этому, когда ты был ещё ребёнком. Бережливость — добродетель, расточительство — грех.

— Возможно, это и грех, если ты не можешь себе позволить этого. Разумные затраты — это не расточительство и не грех. Я никогда не стану жить не по средствам, этого можешь не опасаться, Корнелия.

— Ты бы ещё сказал, что пустой карман лучше полного, — сердито ответила мисс Карлайл. — Это ты купил роскошное фортепиано, которое недавно привезли?

— Это был мой подарок Изабель.

Мисс Корни простонала:

— Сколько же оно стоило?

— Цена не имеет значения. Старое пианино никуда не годилось, и я купил хороший инструмент.

— Сколько оно стоило? — повторила мисс Карлайл.

— Сто двадцать гиней, — ответил он, поскольку привычка подчиняться её воле глубоко укоренилась в нём.

Мисс Карлайл воздела руки к небу и закатила глаза. В этот момент появился Питер с горячей водой, которую велел принести его хозяин. М-р Карлайл встал и посмотрел на буфет.

— Где у нас вино, Питер?

Слуга поставил на стол портвейн и шерри. М-р Карлайл выпил стакан, а затем принялся разбавлять вино водой.

— Приготовить немного для тебя, Корнелия? — спросил он.

— Я сама управлюсь, если мне захочется. А это для кого?

— Для Изабель.

Он вышел из комнаты и отнес разбавленное вино жене. Она, казалось, утонула в кресле, закутавшись с головой. Когда она встала, он заметил, что лицо её покраснело и выглядит взволнованным, глаза блестят, и она дрожит всем телом.

— Что случилось? — спросил он.

— Я разнервничалась после ухода Марвел, — прошептала она, прильнув к нему, словно ища защиты. — Я не смогла найти звонок, и мне стало еще хуже. Я снова села в кресло и накрылась с головой, надеясь, что кто-нибудь придет.

— Я разговаривал с Корнелией. Но отчего ты разнервничалась?

— Ах, это такая глупость. Мне на ум пришли страшные вещи: это иногда бывает со мной. Не сердись на меня, Арчибальд. В этой комнате умер папа.

— Сердиться на тебя, дорогая?! — с глубокой нежностью произнес он.

— Я вспомнила жуткие рассказы слуг о летучих мышах. Ты, наверное, ничего не слышал об этом. Вот я и подумала: «А что, если они и сейчас здесь, за шторами?» Я боялась даже посмотреть на кровать: мне казалось, я увижу... Ты смеешься!

Да, он улыбался, поскольку знал, что подобные страхи лучше всего излечиваются шуткой. Он заставил ее выпить разбавленного вина, а затем показал, где находится звонок, даже позвонив для убедительности. Звонок был перенесен во время ремонта дома.

— Завтра ты переберешься в другие комнаты, Изабель.

— Нет, позволь мне остаться в этих. Мне будет приятно сознавать, что здесь когда-то жил папа. Я больше не стану нервничать.

Но ее действия противоречили словам. Когда м-р Карлайл подошел к двери и открыл ее, она прижалась к нему и съежилась от страха.

— Ты скоро придешь, Арчибальд? — прошептала она.

— Не позднее чем через час, — ответил он, крепко обняв ее, словно пытаясь защитить от чего-то. В конце коридора появилась Марвел, вызванная ранее упомянутым звонком.

— Будьте любезны передать мисс Карлайл, что сегодня я более не спущусь к ней, — сказал он.

— Слушаюсь, сэр.

М-р Карлайл закрыл дверь, посмотрел на свою жену и рассмеялся.

«Как он добр ко мне!» — подумала она.

Утро принесло новые неприятности леди Изабель Карлайл. Прежде всего, вообразите компанию, в которой она завтракала. Мисс Карлайл спустилась в неопишемом наряде, о котором мы уже рассказывали нашему читателю, и уселась за стол, прямая, словно аршин проглотила. Следующим спустился м-р Карлайл, а затем появилась леди Изабель в элегантном полутраурном платье с ниспадающими черными лентами.

— Доброе утро, мэм. Надеюсь, вы хорошо спали? — приветствовала ее мисс Карлайл.

— Вполне, благодарю вас, — ответила Изабель, садясь напротив м-ра Карлайла.

Мисс Карлайл указала на место во главе стола.

— Вот ваше место, мэм. Но, если хотите, я разолью кофе сама, чтобы вы не беспокоились.

— Я буду вам очень признательна, — ответила леди Изабель.

Мисс Карлайл с мрачным и строгим видом приступила к выполнению своих обязанностей.

Завтрак был почти закончен, когда появился Питер, и сказал, что пришел мясник и спрашивает, какие будут заказы. Мисс Карлайл посмотрела на леди Изабель, ожидая, разумеется, что та отдаст соответствующие распоряжения. Изабель молчала, будучи в полной растерянности: ей никогда в жизни не приходилось этого делать. Она не имела ни малейшего представления о ведении домашнего хозяйства и не знала, заказывать ли несколько фунтов мяса, или же целую корову. Ее раздражало присутствие мисс Корни, мрачной, как туча: наедине с мужем Изабель просто спросила бы: «Что мне заказать, Арчибальд? Скажи мне, пожалуйста». Тем временем Питер ждал распоряжений.

— Ну... что-нибудь, что можно жарить и варить, пожалуйста, — запинаясь, выговорила леди Изабель.

Она говорила очень тихо: растерянность даже храбрецов делает трусами. М-р Карлайл повторил те же самые слова, ибо не лучше нее разбирался в домашнем хозяйстве.

— Что-нибудь, что можно жарить и варить, Питер, так и скажи мяснику.

Этого мисс Корни не могла вынести, и она заговорила.

— Отдаете ли вы себе отчет, леди Изабель, что подобный заказ только собьет мясника с толка? Может быть, мне отдать распоряжения на сегодня? Вскоре придет и торговец рыбой.

— Ах, если бы вы оказали мне эту любезность! — с облегчением воскликнула леди Изабель. — Мне это непривычно, но я научусь. Думаю, что я полная невежда во всем, что касается ведения домашнего хозяйства.

Вместо ответа, мисс Корни величавой походкой вышла из комнаты. Изабель поднялась со стула, как птичка, выпущенная из клетки, и подошла к мужу.

— Ты закончил, Арчибальд?

— Думаю, что закончил, дорогая. Ах, вот же еще кофе. Ну вот, теперь все!

— Пойдем погуляем в парке.

Он поднялся, весело обхватил ее тонкую талию и посмотрел на нее.

— Ты с таким же успехом могла бы попросить меня о путешествии на Луну. Уже десятый час, и я целый месяц не показывался в конторе.

Слезы навернулись ей на глаза.

— Ах, как бы я хотела, чтобы ты остался со мной, чтобы ты был со мной всегда! Без тебя Ист-Линн не будет Ист-Линном.

— Я постараюсь бывать с тобой как можно больше, моя единственная, — прошептал он. — Проводи меня через парк.

Она сбегала за шляпкой, перчатками и зонтиком. М-р Карлайл дождался ее в холле, и они вышли вместе. Ему показалось, что это — хороший случай поговорить о его сестре.

— Она хочет остаться с нами, — сказал он. — Я даже не знаю, какое решение принять. С одной стороны, она освободила бы тебя от бремени домашних забот, с другой — мне кажется, мы были бы счастливее вдвоем.

Сердце Изабель упало при мысли о том, что суровая мисс Корни останется ее постоянным стражем, но, будучи натурой утонченной и тактичной, даже чрезмерно уважительной к чувствам других людей, она не произнесла ни слова возражения. Пусть это решает он и мисс Карлайл — таков был ее ответ.

— Изабель, — сказал он серьезно и искренно, — я хотел бы, чтобы все было так, как ты этого захочешь, я хотел бы организовать все наилучшим образом для тебя, и я это сделаю. Теперь главная цель моей жизни — твое счастье.

Он говорил от всей души, Изабель знала это, и ей подумалось, что, если у нее будет такой надежный и любящий защитник, мисс Карлайл не сможет нарушить ее покой.

— Пусть остается, Арчибальд: она не стеснит нас.

— Во всяком случае, можно попробовать пожить так месяц-другой и посмотреть, что из этого выйдет, — проговорил он в задумчивости.

Они подошли к воротам парка.

— Как бы я хотела пойти с тобой, быть твоим клерком! — воскликнула она, не желая выпускать его руку. — Как мне теперь идти одной назад: это так далеко!

Он рассмеялся и покачал головой, сказав, что она хочет подкупить его, дабы он проводил ее назад, но это, увы, невозможно. После этого он попрощался и ушел.

Изабель вернулась назад и принялась бродить по комнатам: они казались пустынными, совсем не такими, как при жизни ее отца. В ее туалетной комнате Марвел распаковывала какой-то сверток. Она поднялась при появлении леди Изабель.

— Не уделите ли вы мне минутку, миледи?

— В чем дело?

И тут Марвел выложила ей все. Ее не устраивал столь малочисленный штат слуг, и она, с позволения миледи, хотела бы уехать в этот же день. Она даже не распаковывала свои вещи.

— Со слугами вышла какая-то ошибка, Марвел, но она будет в ближайшее время исправлена. К тому же, я говорила тебе еще до свадьбы, что у м-ра Карлайла слуг будет не слишком много.

— Миледи, с этим я, возможно, и смирилась бы, но я не могу оставаться под одной крышей с... — «этим чучелом», хотелось ей сказать, но она вовремя вспомнила, о ком говорит, — мисс Карлайл. Я боюсь, миледи, что мы не сойдемся с ней характерами и начнем ссориться; я не могу остаться, миледи, ни за какие коврижки. И если вы сочтете необходимым удержать мое жалованье за последний квартал, мне придется смириться с этим. Итак, надеюсь, после того, как я приведу в порядок вещи вашей светлости, вы позволите мне уехать.

Леди Изабель не снизила до уговоров, однако задумалась, как она будет управляться без горничной. Она придвинула к себе конторку и осведомилась, отпирая ее:

— Сколько тебе причитается?

— До конца квартала? — быстро спросила Марвел.

— Нет, — холодно ответила леди Изабель. — По сегодняшний день включительно.

— У меня не было времени подсчитать, миледи.

Леди Изабель взяла карандаш и бумагу, составила расчет и выложила золотые и серебряные монеты на столик.

— Здесь больше, чем ты заслуживаешь, Марвел, — заметила она. — И больше, чем тебе заплатили бы в большинстве мест. Тебе следовало бы сообщить мне об этом заранее.

Марвел расплакалась и принялась извиняться. Она бы ни за что не оставила такую добрую хозяйку, если бы не значительные неудобства. Она также выразила надежду, что миледи не откажется дать ей рекомендацию. Леди Изабель вышла, не дослушав ее, и в тот же день Марвел укатила, причем перед отъездом Джойс ей заявила, что она должна стыдиться за свое поведение.

— Я ничего не могла поделать, — ответила Марвел. — И мне очень жаль оставлять ее, потому что служить у такой приятной молодой леди — одно удовольствие.

— А я бы нашла, что мне сделать, — последовало замечание Джойс, — и не оставила бы хорошую хозяйку столь бессовестным образом.

— Может быть, ты бы это и сумела, — надменно ответила Марвел, — но у меня тонкие чувства, и я не люблю, когда об меня вытирают ноги. Я не могу оставаться в одном доме с этой громадной особой, которая вполне могла бы заменить собой одно из тех здоровенных чучел, которые таскают на карнавалах в заморских странах.

Итак, Марвел уехала. И когда леди Изабель отправилась в свою комнату, чтобы переодеться к обеду, и ней вошла Джойс.

— Мне непривычны обязанности горничной, — сказала она, — но мисс Карлайл послала меня, миледи, помочь вам, чем сумею, если вы позволите.

Изабель подумала, что это очень мило со стороны мисс Карлайл.

— Если вы доверите мне ключи, я могла бы присматривать за вашими вещами до того времени, когда вы обзаведетесь горничной, — снова заговорила Джойс.

— Я и не знаю, где ключи, — ответила Изабель. — У меня их никогда не бывает.

Джойс сделала, что могла, и леди Изабель спустилась вниз. Было уже почти шесть часов — время обеда, и она прогулялась до ворот парка в надежде встретить м-ра Карлайла. Выйдя за ворота, она посмотрела, не поднимается ли он по дороге, но, поскольку его не было видно, вернулась в парк и присела под раскидистым деревом, в стороне от дороги. Погода была замечательно теплая для конца мая. Через полчаса м-р Карлайл, торопившийся домой, прошел сквозь ворота и ступил на траву. Под деревом мирно спала его жена, прислонившись головой к стволу. Шляпка и зонтик лежали у ног, шарф упал, и вся она, с полураскрытыми губами, раскрасневшимся личиком и чудесными волосами, разметавшимися по плечам, походила на прекрасного ребенка. Это было прелестное зрелище, и сердце его учащенно забило при мысли о том, что она принадлежит ему. Его губы тронула улыбка. Глаза ее открылись, и она не сразу вспомнила, где находится. Затем она вскочила на ноги.

— Ах, Арчибальд! Я заснула?

— Да, и тебя могли бы украсть. Я бы этого не вынес, Изабель.

— Я даже не заметила, как заснула. Я слушала, не идешь ли ты.

— Что ты делала сегодня? — спросил он, взяв ее под руку и отправляясь к дому.

— Право же, не знаю, — вздохнула она. — Попробовала, как звучит новое пианино, смотрела на часы, торопя время до твоего прихода. Прибыли коляски и пони, Арчибальд.

— Я знаю, дорогая. Ты много гуляла?

— Нет, я ждала тебя.

И она рассказала ему про Марвел. Он забеспокоился и заявил, что ей нужно как можно быстрее найти замену. Изабель припомнила молодую женщину, которая ушла от леди Маунт-Северн еще в то время, когда она сама жила в Кастл-Марлинге; у этой горничной было хрупкое здоровье, а работу у леди Маунт-Северн никак нельзя было назвать легкой.

— Напиши ей, — сказал м-р Карлайл.

— Ты опоздал к обеду более, чем на полчаса, — громко пожаловалась мисс Корни брату, встретив их в холле. — Я уж думала, вы потерялись, мэм, — добавила она, обращаясь к Изабель.

И зачем, скажите на милость, она вставляла это неприятное обращение «мэм» в каждое предложение? Оно никак не подходило к Изабель, особенно принимая во внимание ее юность и возраст самой мисс Корни. М-р Карлайл хмурился всякий раз, как слышал это, а Джойс не сомневалась, что мисс Корни делала это, когда была «не в духе». М-р Карлайл ответил, что не мог уйти раньше, и поднялся в свою комнату. Изабель заторопилась вслед за ним, возможно, опасаясь дальнейших проявлений неудовольствия со стороны мисс Карлайл, но дверь была закрыта, и она, не освоившись еще с ролью жены, не решилась открыть ее. Когда он вышел, она стояла, прислонившись к дверному косяку.

— Изабель! Ты здесь?

— Я жду тебя. Ты готов?

— Почти.

Он пригласил ее в комнату, привлек к себе и прижал к сердцу.

На следующий день произошла ссора. М-р Карлайл распорядился подать коляску с пони, чтобы ехать в церковь, но сестра перебила его.

— Арчибальд, как ты можешь? Я не позволю этого.

— Что ты не позволишь? — осведомился м-р Карлайл.

— Выводить домашнюю скотину в воскресенье. Я религиозная женщина, мэм, — добавила она, резко повернувшись к Изабель, — и не одобряю поездки в воскресенье. Уж я-то учила катехизис, леди Изабель.

Изабель чувствовала себя неловко. Она знала, что прогулка до церкви Св. Джеда и обратно в такую жару выбьет ее из колеи на целый день, но она не хотела бросать вызов предрассудкам мисс Карлайл. В этот момент Изабель стояла у окна с мужем, а мисс Карлайл сидела с библией за столиком в глубине комнаты.

— Арчибальд, может быть, если мы пойдем медленно, я выдержу, — тихо прошептала она.

Он улыбнулся, кивнул и прошептал в ответ:

— Будь готова к половине одиннадцатого.

— Так что, она пойдет пешком? — с вызовом спросила мисс Корни, когда Изабель вышла из комнаты.

— Нет, она не выдержит пешеходную прогулку в такую жару, и я, разумеется, не позволю ей даже попытаться идти пешком. Мы выедем пораньше. Джон запряжет лошадей и будет в церкви до начала службы.

— Она что, сделана из стекла и может расплавиться? — едко спросила мисс Корни.

— Она — хрупкий, нежный цветок, который я пригрел на груди и поклялся любить и лелеять перед Создателем; с его помощью я выполняю эту клятву.

Он произнес эти слова твердо, почти так же, как мисс Корни, и вышел из комнаты. Мисс Карлайл подняла руку и прижала ее к виску, словно ее мучила головная боль.

Вскоре подъехал экипаж, маленький и прелестный; Изабель также была готова, и они медленно поехали по пыльной дороге и вскоре догнали мисс Корни, шагавшую на солнцепеке с огромным зонтом над головой. Она даже не обернулась, чтобы посмотреть на них.

Снова, как и год назад, прихожане церкви Св. Джеда были взбудоражены ожиданием великолепного убранства новобрачной, и снова они были разочарованы, поскольку Изабель все еще носила траур по отцу. Она была в легком газовом платье черного цвета, а ее белая шляпка была усеяна черными цветами. Впервые в своей жизни м-р Карлайл сел на постоянное место для владельца Ист-Линна, которое раньше занимал бедный граф. Мисс Корни села на свое место, не присоединившись к ним.

В церкви была также и Барбара с родителями. Лицо ее было серого, мертвенного оттенка; она прекрасно знала это, но ничего не могла с собой поделать. Она не отрывала глаз от другого, неповторимо прелестного лица с милыми, чистыми глазами, находившегося под защитой и покровительством того, о ком она сама так долго мечтала. Нельзя сказать, что в этот день служба пошла Барбаре на пользу.

После службы Карлайлы прошли в западный угол церковного двора, где стояло надгробие лорда Маунт-Северна. Изабель из-под опущенной вуали взглянула на надпись.

— Не здесь и не сейчас, дорогая, — прошептал он, прижав к себе ее руку, так как почувствовал беззвучные рыдания. — Постарайся успокоиться.

— Казалось, вчера еще он был в церкви со мной, а теперь...

М-р Карлайл внезапно повернулся так, что они оказались спиной к изгороди и возможным зрителям в лице задержавшихся прихожан, которые могли оказаться на дороге.

— Хорошо бы установить ограду вокруг могилы, — заговорила она вскоре, справившись с рыданиями.

— Я тоже подумал об этом и предложил лорду Маунт-Северну, но он не согласился со мной. Я распорядюсь сделать ограду.

— У тебя со мной сплошные расходы, — сказала она.

М-р Карлайл быстро взглянул на нее со смутным страхом, что его сестра могла что-то сказать о расходах в ее присутствии.

— Расходы, от которых я не отказался бы ни за что на свете. И ты знаешь это, Изабель.

— А мне даже нечем тебе отплатить, — вздохнула она.

Это его немало позабавило; он посмотрел ей в лицо, и выражение его глаз заставило ее улыбнуться.

— А вот и Джон с коляской, — воскликнула она. — Поедем, Арчибальд.

У ворот несколько дам разговаривали со священником; Барбара Хэйр находилась среди них. Она видела, как м-р Карлайл посадил жену в коляску и уехал. Губы Барбары побелели, когда она ответила на его приветствие.

— Сегодня так жарко, — выдавила из себя Барбара, когда присутствующие обратили внимание на ее бледность.

— Ах, тебе следовало ехать домой в фаэтоне с мистером и миссис Хэйр, как они и предлагали тебе.

— Я хотела прогуляться, — ответила бедняжка.

— Какая красивая девушка! — сказала мужу леди Изабель. — Как ее зовут?

— Барбара Хэйр.

Глава 16

ПРИЗНАНИЕ БАРБАРЫ ХЭЙР

В Ист-Линн потянулись экипажи соседей, приезжавших поздравить м-ра Карлайла и леди Изабель Карлайл.

Некоторые прибыли с помпой: с гербами на экипажах и расшитыми чехлами на козлах для кучеров, с лакеями в нарядных ливреях, чулках и париках, несущими жезлы с золотыми набалдашниками. Некоторые прибыли на четверках лошадей, а иные — даже в сопровождении верховых. В некоторых местностях и по сей день принято выезжать на торжественные визиты с целой кавалькадой, скачущей впереди экипажа; некоторым нравится подобный шик. М-р Карлайл предпочел бы поселиться в Ист-Линне без почестей такого рода, но женитьба на леди Изабель сделала его весьма значительной персоной в графстве. В числе прочих нанесли визит и Хэйры. Для такого случая выкатили большой старомодный экипаж желтого цвета, запрягли толстых, лоснящихся длиннохвостых лошадей; покой этой колесницы нарушался только в особо торжественных случаях.

В момент их приезда Изабель говорила в своей туалетной комнате с Джойс. Она привязалась к девушке и хотела, чтобы та продолжала выполнять обязанности ее служанки, поскольку та горничная, которой Изабель написала, была нездорова и не могла приехать.

Лицо Джойс осветилось искренней радостью.

— О, миледи, вы так добры! Я с радостью приму ваше предложение. Я буду стараться изо всех сил, и смогу красиво уложить ваши волосы, если вы мне это позволите: я практиковалась день и ночь на своих собственных!

Изабель рассмеялась:

— А вдруг мисс Карлайл не захочет отпустить тебя?

— Думаю, она не будет против, миледи. День или два назад она как раз говорила, что я, кажется, вас устраиваю, и она не будет возражать, если вы захотите взять меня в горничные, при условии, что я по-прежнему буду шить ее платья. С этим я легко справлюсь, поскольку у вас служить нетрудно. Видите ли, миледи, я делаю такие наряды, которые ей нравятся.

— Ты и чепцы для нее шьешь? — с плохо скрываемой иронией спросила леди Изабель.

Джойс улыбнулась:

— Да, миледи: но мне разрешается шить их только по ее собственным фасонам.

— Джойс, если ты станешь моей горничной, тебе самой нужно будет носить чепцы покрасивее.

— Я знаю это, миледи. По крайней мере, они должны отличаться от теперешних. Но мисс Карлайл очень строга на этот счет: она позволяет слугам носить только муслиновые чепцы. Если вы не возражаете, миледи, я буду носить простые однотонные чепцы белого цвета, аккуратные и скромные, с белой гофрированной ленточкой.

— Лучше и не придумать. Я не хочу, чтобы ты была расфуфыренной, как Марвел.

— О, миледи! Я никогда не буду такой, — Джойс вздрогнула.

Она считала, что у нее есть веские причины опасаться излишней утонченности. Она хотела сказать еще что-то, когда в дверь комнаты постучали. Джойс открыла и увидела одну из служанок, девушку из Вест-Линна, недавно принятую на службу.

Изабель услышала следующий разговор:

— Миледи здесь?

— Да.

— Приехали посетители. Питер велел мне пойти и сказать тебе. Послушай, Джойс: это Хэйры. И она тоже приехала! У нее на шляпке внутри голубые вьюнки, а снаружи — белое перо, длинное, как метелка для камина у Марты. Я видела, как она выходила из коляски.

— О ком ты говоришь? — резко спросила Джойс.

— О мисс Барбаре, о ком же еще? Нет, ты только представь: явилась сюда с поздравлениями по случаю бракосочетания! Миледи надо остерегаться, как бы ей не подали чашу с ядом. Жаль,

нет хозяина: я шиллинга не пожалела бы, чтобы увидеть, как эта троица будет разговаривать между собой.

Джойс отослала девушку, закрыла дверь и повернулась к своей хозяйке, не подозревая, что та слышала этот разговор, который служанки вели почти шепотом.

— В гостиной ждут посетители, миледи. Сьюзен говорит, это судья Хэйр, миссис Хэйр и мисс Барбара.

Изабель спустилась вниз, думая о таинственных словах Сьюзен. Судья, в новом парике соломенного цвета, показался ей очень упрямым и важным на вид, миссис Хэйр — бледной, хрупкой и изысканной, а Барбара — очень красивой. Визит был довольно долгим. Изабель почувствовала искреннее расположение к доброй и сострадательной миссис Хэйр, которая засобиравшись уезжать, когда появилась мисс Карлайл. Мисс Корни попросила их остаться, так как, по ее словам, хотела что-то показать Барбаре. Судья вежливо отказался: в пять часов он ждал одного из своих коллег к обеду, а на часах была уже половина пятого. Впрочем, Барбара могла остаться, сказал он.

Барбара залилась румянцем, но все же приняла предложение мисс Карлайл провести остаток дня в Ист-Линне. Приближалось время обеда, и Изабель отправилась наверх переодеться. Джойс, которая уже ожидала ее, снова заговорила о своей службе.

— Миледи, я переговорила с мисс Карлайл, и она не возражает против моего перехода к вам, но говорит, что я сначала должна ознакомить вас с некоторыми неприятными фактами моей биографии; мне и самой эта мысль уже приходила в голову. Мисс Карлайл, возможно, не самая приятная особа в общении, но очень прямая и справедливая.

— Что это за факты? — спросила леди Изабель, присаживаясь, чтобы дать Джойс причесать свои волосы.

— Миледи, я постараюсь изложить все как можно короче. Мой отец служил клерком в конторе мистера Карлайла — разумеется, покойного мистера Карлайла. Моя мать умерла, когда мне было восемь лет, и отец впоследствии женился вторично на сестре жены мистера Кейна...

— Учителя музыки?

— Да, миледи. Она была гувернанткой, как, впрочем, и миссис Кейн; они обе были очень аристократичными во всем, что касалось образованности и хороших манер. Все в Вест-Линне считали, что, снизойдя до брака с моим отцом, она уронила собственное достоинство. Но он был весьма привлекательным и умным мужчиной, хотя и самоучкой. Как бы то ни было, они поженились, и к концу года родилась Эфи...

— Кто? — перебила леди Изабель.

— Моя единокровная сестра, Эфи. Еще через год умерла и ее мать, после чего ее захотела взять на воспитание тетка матери. Я осталась с отцом, ходила в дневную школу, а когда подросла, стала учиться шить шляпки и платья. Мы жили в чудесном коттедже, миледи, который стоял в лесу. Он был собственностью моего отца. Став взрослой, я стала шить для местных дам и продолжала заботиться об отце, поскольку женщина, выполнявшая домашнюю работу, приходила всего на несколько часов в день. Так прошло несколько лет, а затем Эфи вернулась домой. Тетка умерла, ничего не оставив ей. Эфи просто испугала нас. У нее были изысканные манеры, нарядные платья, она была веселой, легкомысленной и занималась только чтением книг, которые брала в библиотеке. Отцу это не нравилось: мы были простыми работающими людьми, а она хотела быть леди — вот вам результат воспитания, не соответствующего положению. Мы часто ссорились главным образом из-за ее платьев. Потом она познакомилась с молодым Ричардом Хэйром.

Леди Изабель подняла голову и посмотрела на нее.

— Единственным сыном судьи Хэйра, родным братом Барбары, — продолжала Джойс, понизив голос, словно Барбара, находившаяся в гостиной, могла ее услышать.

— О, она была очень ветреной, поощряла его ухаживания, и вскоре он влюбился в нее по уши. Он был таким простаком, что она посмеивалась над ним за глаза. Она заигрывала и с другими кавалерами, которые приходили по вечерам, когда в доме никого не было. Мой отец два вечера в неделю, отработав днем в конторе мистера Карлайла, подрабатывал секретарем в литературном обществе. Он также любил охоту и, придя домой в обычные дни, когда не подрабатывал, любил побродить по лесу с ружьем. Я редко приходила раньше девяти, Эфи часто оставалась одна и пользовалась случаем, чтобы пригласить кого-либо из своих дыхателей.

— А что, у нее их было много? — шутливо спросила леди Изабель, которую, казалось, эта история немало позабавила.

— Главным поклонником, миледи, был Ричард Хэйр. Но она также умудрилась познакомиться еще с одним человеком, нездешним, который приезжал к ней издалека. На мой взгляд, в этом не было ничего серьезного; мистер Ричард был ее главным поклонником. И так продолжалось до тех пор, пока... он не убил нашего отца.

— Кто? — воскликнула пораженная леди Изабель.

— Ричард Хэйр, миледи. Отец заявил Эфи, что она не должна более принимать мистера Ричарда, поскольку известно: если джентльмен втайне ухаживает за бедной девушкой, у него вовсе не женитьба на уме. Отец вмешался бы более решительно, если бы не был хорошего мнения о мистере Ричарде и не считал, что тот не способен причинить вреда Эфи. Увы, он не знал, какая она ветреная. Но однажды он услышал в Вест-Линне разговор, в котором неприличным образом связывались имена Эфи и мистера Ричарда. Вечером того же дня, в моем присутствии, он сказал Эфи, что так больше не может продолжаться и она не должна поощрять его ухаживаний. И на следующий вечер, миледи, Ричард Хэйр застрелил моего отца.

— Какой ужас!

— Я не знаю, было ли это сделано с умыслом или же ружье выстрелило в завязавшейся потасовке: все думают, что это было предумышленное убийство. Мне, миледи, никогда не забыть той сцены, которую я увидела, вернувшись домой от судьи Хэйра, в доме которого работала в тот день. Отец лежал на полу мертвый, а в доме было полно людей. Эфи ничего не могла сказать о том, что произошло: она вышла прогуляться по лесной тропинке, за домом, и ничего не слышала, а вернувшись, обнаружила тело отца, над которым склонился мистер Локсли. Он сказал, что услышал выстрел и, подойдя к дому, видел, как Ричард Хэйр отшвырнул в сторону ружье и бросился бежать прочь от коттеджа, причем его ботинки были забрызганы кровью.

— Ах, Джойс, я не люблю слушать про такие ужасы. Что же сделали с Ричардом Хэйром?

— Он скрылся, миледи. Убежал в ту же ночь, и с тех пор о нем ничего неслышно. Ему вынесли обвинение в убийстве, и собственный отец первым передаст его в руки правосудия. Какое ужасное несчастье свалилось на семью Хэйров, таких прекрасных, уважаемых людей: оно понемногу убивает миссис Хэйр. Эфи...

— Что это за имя, Джойс?

— Миледи, при крещении она получила прекрасное имя: Афродита. Поэтому мы с отцом называли ее не иначе, как Эфи. Но я еще не все рассказала вам, миледи. Как только закончилось следствие, она последовала за Ричардом Хэйром.

Леди Изабель невольно воскликнула.

— Да, миледи, — сказала Джойс, отвернувшись от своей хозяйки, чтобы та не видела ее увлажнившихся глаз и щек, покрасневших от стыда. — С тех пор о них ничего не слышно: скорее всего, они оба уехали из Англии — в Австралию или в Америку, кто знает! От пережитого мною стыда и горя в связи со смертью отца я заболела. Это была нервная лихорадка, и она продолжалась довольно долго. Мисс Карлайл взяла меня в свой дом и выходила меня вместе со своими слугами. Она ведь добрая в глубине души, просто у нее не самые лучшие манеры, и она считает себя умнее других людей. После этой болезни я осталась у мисс Карлайл в качестве старшей служанки и на других людей больше не работала.

— Как давно это случилось?

— В сентябре будет четыре года, миледи. Коттедж с тех пор стоит пустой, поскольку в нем никто не хочет жить: говорят, в нем пахнет убийством. И продать его я не могу, потому что у Эфи на него такие же права, как и у меня. Я иногда прихожу туда, открываю окна и проветриваю дом. Именно это я должна была рассказать вам, миледи, прежде чем вы примете решение взять меня на службу: не всякая дама захочет взять девушку, сестра которой так опозорила себя.

Леди Изабель сказала то, что думала: она по-прежнему хотела взять Джойс в горничные. После этого она откинулась в кресле и задумалась.

— Какое платье, миледи?

— Джойс, о чем это вы сплетничали возле двери, ты и Сьюзен? — внезапно спросила леди Изабель. — Что-то насчет чаши с ядом, которую мне может дать мисс Хэйр. Ты должна сказать Сьюзен, что шептаться нужно потише.

Джойс улыбнулась, хотя и смутилась.

— Конечно, это чепуха, миледи. Люди считают, что мисс Барбара была очень привязана к мистеру Карлайлу, можно сказать, любила его, и многим казалось, что это была бы неплохая пара. Но, мне кажется, она, даже при всей ее любви, не смогла бы сделать его счастливым.

Внезапно кровь прилила к лицу леди Изабель, и она почувствовала нечто похожее на ревность. Нет такой женщины, которой было бы приятно услышать, что другая женщина привязана к ее мужу, даже если это было в прошлом: где гарантия, что это чувство осталось неразделенным?

Леди Изабель спустилась к обеду в платье из дорогих черных кружев, расшитом черным янтарем; низкий лиф и рукава платья были отделаны белыми кружевами, такими же дорогими, как и черные. Она выглядела неопишимо прекрасной, и Барбара отвела от нее глаза, почувствовав невыносимую зависть: к ее красоте, ее наряду, даже к мягкому и изящному платочку с графской короной, напоминающей, чьей дочерью она была. Барбара и сама выглядела недурно в своем светло-голубом платье и с раскрасневшимися от волнения щеками. На шее у нее была надета золотая цепочка, подаренная ей мистером Карлайлом — она не смогла отказаться от нее.

Так они и стояли у окна вдвоем, когда м-р Карлайл, поднимавшийся по аллее, увидел их и поклонился. Леди Изабель заметила, как алые щеки соседки сделались малиновыми.

— Как поживаешь, Барбара? — воскликнул он, пожимая руку гостье. — Наконец-то ты нанесла нам визит, хотя и подзадержалась с ним! А как твои дела, моя дорогая? — прошептал он, наклонившись к жене, но не поцеловав ее.

Вы спросите, понравилось бы ей, если бы он сделал это при посторонних? Нет. Но Изабель находилась в таком состоянии духа, что заметила отсутствие поцелуя.

После обеда мисс Карлайл вызвала Барбару прогуляться. Возможно, чтобы показать красоты парка, редкие растения в оранжерее, подумает наш читатель. Вовсе нет! Она спешила показать запас овощей, грядки со спаржей и огурцами, которые, по мнению мисс Карлайл, стоили сотен акров цветов. Барбара пошла с большой неохотой: она предпочла бы остаться в обществе м-ра Карлайла, и ничего не могла с собой поделаться, хотя он и был женат на другой. Изабель осталась в доме: Барбара была гостьей мисс Карлайл.

— Ну и как она вам? — внезапно спросила Барбара, имея в виду леди Изабель.

— Лучше, чем я думала, — признала мисс Карлайл. — Я ожидала, что она будет манерной и претенциозной, и должна сказать, что этого за ней не водится. Она, кажется, целиком поглощена Арчибальдом и ждет его домой, словно кошка, караулящая мышь. Она скучает без него.

Барбара сорвала розу с куста, мимо которого они проходили, и разорвала ее, лепесток за лепестком.

— Скучает. Чем же она занимается?

— А ничем, — резко ответила мисс Карлайл. — Немножко поет, немножко играет, немножко читает, принимает посетителей: так и убивает время. После завтрака уговаривает Арчибальда прогуляться по парку, хотя ему не следовало бы поддаваться на уговоры и опаздывать в контору. Затем она, видите ли, провожает его до ворот парка, задерживая еще больше, ибо один он прошел бы это расстояние вдвое быстрее. Как-то утром шел дождь, так она все равно пошла. Я сказала, что она испортит платье. «Ах, это не страшно», — ответила она; Арчибальд набросил на нее шаль, и они ушли. Для нее, видите ли, не страшно испортить платье! А вечером она снова отправилась встречать его. Она бы и сегодня это сделала, если бы ты не приехала. Для него сейчас она стоит на первом месте, а бизнес — только на втором.

Барбара из последних сил пыталась казаться спокойной.

— Ну, я думаю, это естественно.

— А я думаю, это абсурд, — последовал ответ мисс Карлайл. — Я почти не бываю с ними, особенно вечером. Они вместе идут гулять, или же она поет ему. Он трясется над ней, словно она сделана из золота. Впрочем, она, кажется, для него дороже, чем все золотые монеты на свете. Послушай-ка, что я увидела вчера вечером. Они приказали запрячь почтовых лошадей в закрытую коляску и отправились с ответными визитами, причем вернулись не раньше семи, опоздав к обеду. У Арчибальда сильно разболелась голова, что с ним бывает очень редко; он отправился в соседнюю комнату и прилег на диване. Она отнесла ему чашку чая и не вернулась, причем ее собственный чай остался на столе и совершенно остыл. Я открыла дверь, чтобы сказать ей об

этом, и что же я увидела? Ее батистовый платочек, смоченный одеколоном, лежит у него на лбу, а сама миледи стоит на коленях, склонившись над ним, а он обнимает ее одной рукой. Ну скажи на милость, Барбара: имеет ли смысл так носиться с мужчиной? До его женитьбы я, бывало, смешаю для него александрийский лист с солью и уложу спать пораньше, чтобы боль прошла во сне.

Барбара не ответила, однако отвернулась от мисс Карлайл, чтобы та не видела ее лица. Они наткнулись на садовника, и мисс Карлайл затеяла с ним спор, довольно оживленный: она хотела, чтобы он сделал что-то с клумбой, а он утверждал, что м-р Карлайл отдал другие распоряжения на этот счет. В конце концов, Барбара устала от их препирательств и вернулась в дом.

Изабель с мужем были в соседней комнате, возле пианино, и у Барбары появилась возможность услышать, наконец, этот дивный голос. Она поступила так же, как мисс Карлайл: толкнула дверь и заглянула в соседнюю комнату. Уже смеркалось, но она разглядела Изабель, сидевшую за пианино, и м-ра Карлайла, стоявшего за ее спиной. Она пела балладу из оперы «Девушка богемы»: «Когда другие губы...»

— Почему ты так любишь эту песню, Арчибальд? — спросила она, закончив.

— Не знаю. Пока я не услышал ее от тебя, она мне так не нравилась.

— Может быть, они уже вернулись? Не пройти ли нам в соседнюю комнату?

— Спой мне сначала этот перевод с немецкого, «Напрасно все тебе я рассказал». Это — настоящая музыка.

— Да, несомненно. Знаешь, Арчибальд, твой вкус очень схож с папиным. Он, так же, как и ты, любил такие спокойные, поэтичные песни. Впрочем, и я тоже, — рассмеявшись, добавила она, — если говорить честно. Миссис Вейн кривилась и затыкала уши, когда папа просил меня спеть одну из них. Папа платил ей той же монетой, ибо выходил из комнаты, когда она начинала петь эти громкие итальянские песни. Это было в то время, когда она гостила у нас в Лондоне.

Она замолчала, а потом начала песню; она спела ее изумительно, негромким, мелодичным и искренним голосом. Последние аккорды растаяли в наступившей тишине.

— Ну вот, Арчибальд! Я спела тебе не меньше десяти песен, — сказала она, запрокинув голову и глядя на него. — Ты должен заплатить мне.

Он заплатил ей несколькими страстными поцелуями. Барбара отвернулась, прижалась головой к оконному стеклу, и у нее вырвался низкий стон. Вскоре под руку с мужем вошла Изабель.

— Вы здесь одни, мисс Хэйр? Простите, бога ради! Я думала, Вы гуляете с мисс Карлайл.

— Барбара, а где Корнелия?

— Я только что пришла, — ответила Барбара. — Думаю, она идет следом.

Так и было на самом деле. Она вошла и сердито спросила м-ра Карлайла:

— Арчибальд, что ты там говорил Блэйру о клумбе с геранью? Он говорит, ты распорядился сделать ее овальной. Мы же решили, что она будет прямоугольной.

— Изабель хочет, чтобы она была овальной, — ответил он.

— Но прямоугольная будет смотреться лучше, — повторила мисс Карлайл.

— Да полно тебе, Корнелия. Блэйр делает то, что ему сказано. Я хочу, чтобы она была овальной.

— Он полнейший неумеха, этот Блэйр, к тому же, упрямый, как мул, — воскликнула мисс Карлайл.

— Что ты такое говоришь, Корнелия? Я считаю его очень воспитанным и исполнительным работником.

— Ну конечно! — сказала, как отрезала, мисс Карлайл. — Ты не видишь ничьих недостатков. В некоторых вопросах ты всегда был простофилей. Арчибальд.

М-р Карлайл добродушно рассмеялся: у него был ровный, спокойный характер, и он всю жизнь выслушивал сомнительные комплименты своей сестры. Изабель же подобные речи не нравились: она день ото дня все сильнее привязывалась к мужу.

— Хорошо, что не все так считают, — воскликнул он, посмотрев на свою жену и Барбару, когда все собрались пить чай.

Когда часы пробили десять, изумленная Барбара вскочила с места.

— Я и не знала, что уже так поздно. Не приехал ли кто-нибудь за мной?

— Сейчас мы это выясним — ответила леди Изабель.

М-р Карлайл позвонил, но, как выяснилось, никто не приезжал за мисс Хэйр.

— Боюсь, что мне придется потревожить Питера, — воскликнула Барбара. — Мама, должно быть, устала и отдыхает, а папа, скорее всего, позабыл обо мне. Так, глядишь, и в дом не попадешь, когда запрут двери! — весело добавила она.

— Как уже случилось однажды, — многозначительно сказал мистер Карлайл.

Он намекал на тот вечер, когда Барбара встречалась в роще со своим несчастным братом, а м-р Хэйр, ничего не ведая об этой встрече, чуть не запер дверь у нее перед носом. Она позднее рассказала об этом м-ру Карлайлу, но сейчас упоминание об этом эпизоде вызвало у нее резкую душевную боль; тень пробежала по ее лицу.

— Ах, Арчибальд! — невольно воскликнула она. — Не вспоминай об этом, пожалуйста.

Это волнение не ускользнуло от внимания Изабель.

— Питер может проводить меня? — продолжала Барбара.

— Лучше я это сделаю, — сказал м-р Карлайл. — Уже поздно.

При этих словах сердце Барбары учащенно забилось; оно не успокоилось ни тогда, когда она одевалась, ни когда она прощалась с леди Изабель и мисс Карлайл; когда же она вышла с ним на воздух и взяла его под руку, оно просто затрепетало. Все было как раньше, только он, увы, теперь был женат на другой!

Стоял чудесный, теплый июньский вечер, луны не было, но летние сумерки были достаточно светлыми и без нее. Они вышли на дорогу, миновав парк, перешли через нее и остановились у ступенек перелаза, за которым началась тропинка через поля; по ней можно было выйти к дому Хэйров.

— Ты хочешь сегодня пойти через поля, Барбара? Трава довольно влажная, и, к тому же, это — самый длинный путь.

— Да, но дорога такая пыльная!

— Ну что же, как хочешь. Идти через поля всего минуты на три дольше, чем по дороге.

«Он торопится домой, к ней! — с горечью подумала Барбара. — Или я выскажу ему все, или сердце мое разорвется».

М-р Карлайл перебрался через перелаз, помог сделать то же самое Барбаре, и она снова взяла его под руку. Он купил ей новый зонтик взамен пострадавшего ранее его предшественника — маленький и элегантный, из синего шелка и белых кружев; теперь он больше не фехтовал с изгородью. Барбара снова вспомнила ту ночь, со словами, сказанными тогда, с ее обманчивыми надеждами. Она вспомнила и постигшее ее горькое разочарование. Бывают моменты в жизни женщины, когда она забывает об элементарных правилах приличия и закатывает сцену. Это бывает не часто; с холодными, скрытными натурами, контролирующими свои чувства, порывы и настроение, такое может вообще не произойти. Барбару Хэйр нельзя было отнести к особам, хорошо владеющим собой. Ее любовь, ревность, боль, не отпускавшая ее со дня женитьбы Арчибальда, острое чувство унижения, заставляли ее буквально кипеть. Вечер, который она провела в их обществе, их счастье, нежности, которыми он осыпал свою жену, довели ее до нервного возбуждения, когда все смешалось в ее бедной головке. Ей казалось, что ее подвергли пожизненному тюремному заключению, лишили всех радостей жизни; жизнь, настоящая жизнь, была у них, а для нее там не было места: она была ему безразлична. Чуть больше самообладания — и она бы не произнесла тех слов, которые станут ее кошмаром, заставляя краснеть каждый раз, когда она вспоминала их. Не следует забывать (если это может служить хоть каким-то оправданием) и того, что она была очень близка с мистером Карлайлом. Помимо того, что она любила его, они еще и выросли в тесном общении друг с другом, почти как брат и сестра. М-р Карлайл шагал, ничего не подозревая о буре в ее душе; более того: он не знал, что сам вызвал эту бурю, и говорил на самые общие, нейтральные темы, чем весьма раздражал ее.

— Когда твой отец планирует начать сенокос, Барбара?

Ответа не последовало; Барбара изо всех сил старалась успокоиться. М-р Карлайл спросил ее еще раз:

— Барбара, я спросил, когда твой отец начнет сенокос?

И снова он не получил ответа. Барбара просто не могла отвечать. Она судорожно сглотнула, лицо ее задергалось, и у нее вырвались конвульсивные рыдания или, по крайней мере, нечто похожее на них. М-р Карлайл повернулся к ней.

— Барбара, ты больна? Что с тобой?

Она продолжала рыдать: страсть и обида не давали ей успокоиться. У нее началась сильная истерика. М-р Карлайл наполовину донес, наполовину дотащил ее до второго перелаза, где и усадил, осторожно поддерживая. Старая корова и два теленка, заинтересовавшись, что означает этот шум в столь позднее время, подошли и уставились на них. Барбара мужественно боролась со своими эмоциями, пока истерические рыдания не прекратились, хотя внутри у нее все кипело по-прежнему. Она оттолкнула его руку и встала, прислонившись спиной к ступеням перелаза. М-р Карлайл хотел сбегать к пруду за водой, да вот беда: ему было нечем зачерпнуть ее, кроме собственной шляпы.

— Тебе лучше, Барбара? Отчего же это случилось?

— Отчего это случилось! — она не выдержала. — И это ты спрашиваешь меня?

М-р Карлайл не мог выговорить ни слова от удивления, но, по некоторым необъяснимым законам сострадания, смутное и не слишком приятное подозрение об истинных причинах возникло у него в голове.

— Я не понимаю тебя, Барбара. Мне очень жаль, если я каким-то образом обидел тебя.

— «Очень жаль», ну конечно! Какое тебе дело до меня? Если даже я умру, — она топнула ножкой. — У тебя ведь есть жена: а что такое я в твоей жизни?

— Тише! — перебил он ее, оглядываясь по сторонам, заботясь о ней более, чем она сама.

— Ну, конечно, тише! Какое тебе дело до моего несчастья? Лучше бы мне лежать в могиле, Арчибальд Карлайл, чем жить так, как я живу. Моя боль просто невыносима.

— Я не могу притворяться, будто не понимаю тебя, — сказал он, чувствуя досаду и раздражение. — Однако, Барбара, дорогая моя, я никогда не давал тебе оснований полагать, будто я... относился к тебе лучше, чем...

— Не давал мне оснований! — она чуть не задохнулась. — Да ведь ты постоянно бывал у нас в доме, как будто моя тень; ты подарил мне вот это, — воскликнула она, распахнув накидку и показывая ему медальон. — Ты был мне ближе брата!

— погоди, Барбара. Вот именно — я был тебе как брат, и только! Мне и в голову не приходило стать для тебя кем-то еще, — прямо ответил он.

— Да, брат, и не более того! — снова возвысила она голос; казалось, еще немного — и она снова сорвется на крик. — Какое тебе дело до моих чувств, до того, что я полюбила тебя?

— Тише, Барбара! — умоляюще произнес он. — Постарайся рассуждать спокойно и разумно. Если я дал тебе повод думать, будто испытываю к тебе более нежные чувства, мне остается только выразить глубочайшее сожаление по этому поводу и заверить тебя, что я сделал это невольно.

Она стала понемногу приходить в себя. Эмоции схлынули, и лицо ее осталось бледным и безжизненным. Она посмотрела на него.

— Если бы она не встала между нами, ты полюбил бы меня?

— Я не знаю. Откуда мне знать? Разве я не сказал тебе, Барбара, что я думал о тебе только как о друге, о сестре. Я не могу сказать, что случилось бы потом.

— Мне было бы легче вынести это, если бы о моей любви никто не знал. Весь Вест-Линн сплетничал о нас, а сейчас этим людям остается только жалеть меня. Лучше бы ты убил меня, Арчибальд.

— Я могу только выразить тебе мое искреннее сочувствие, — повторил он, — и надеяться, что ты скоро забудешь об этом. Давай не будем вспоминать об этом разговоре. Пусть память о нем исчезнет, как эта ночь, а мы останемся друзьями — словно брат и сестра. Поверь мне, — добавил он, — это признание несколько не уронило тебя в моих глазах.

Он сделал движение, собираясь перебраться через перелаз, но она не пошевелилась: она молча плакала, и слезы стекали по ее мертвенно-бледному лицу. В этот момент в разговор вмешалось третье лицо.

— Это Вы, мисс Барбара?

Барбара вздрогнула так, словно в нее выстрелили. На другой стороне перелаза стояла Уилсон, их старшая горничная. Как долго могла она пробыть там? Служанка стала объяснять, что м-р Хэйр отослал куда-то Джаспера, и миссис Хэйр, решив, что не стоит больше ждать его возвращения, послала ее за мисс Барбарой. М-р Карлайл перебрался через перелаз и помог сделать то же самое Барбаре.

— Вам не нужно идти дальше, — сказала она ему тихим голосом.

— Я провожу тебя домой, — ответил он и предложил ей руку.

Барбара оперлась на нее. Они продолжили свой путь молча. Подойдя к задней калитке, выходявшей на огород, Уилсон прошла вперед. М-р Карлайл взял Барбару за руки.

— Спокойной ночи, Барбара. Да благословит тебя господь.

У нее было время подумать, и сейчас, немного успокоившись, она понимала, сколь глупой и бессмысленной была эта вспышка. М-р Карлайл заметил, какой бледной и подавленной она выглядела.

— Мне кажется, я сошла с ума. Нужно быть сумасшедшей, чтобы такого наговорить. Забудьте обо всем.

— Я сказал тебе, что именно так и сделаю.

— Вы не расскажете об этом... вашей жене? — спросила она задыхаясь.

— Барбара!

— Спасибо вам. Спокойной ночи.

Но он не выпустил ее руки.

— Я верю, Барбара, что скоро ты найдешь кого-то, более достойного твоей любви, чем я.

— Никогда, — порывисто воскликнула она. — Я не могу так просто полюбить и разлюбить. Пройдут годы, я состарюсь, но по-прежнему буду Барбарой Хэйр.

М-р Карлайл удалился в задумчивости. Это признание было для него огорчительным, хотя, возможно, и лестным одновременно, поскольку он любил эту красивую девушку. Любил по-своему, не так, как она его, и не так, как он — свою жену.

Сейчас он спрашивал свою совесть, не было ли его отношение к ней чуть теплее тех чувств, которые мы дарим своим сестрам, и решил, что в этом могла быть доля истины. Однако он не мог и представить себе, к чему это может привести.

— Всем сердцем надеюсь, что она скоро найдет кого-нибудь и забудет обо мне, — подумал он наконец. — Что же касается того, чтобы жить и умереть Барбарой Хэйр, так это все вздор, сентиментальная чепуха, которой девушки...

— Арчибальд!

В этот момент он проходил мимо последнего дерева, того, что стояло ближе всех к дому, и именно оттуда его окликнул кто-то, чье лицо нельзя было разглядеть в темноте.

— Это ты, моя единственная?

— Я вышла встретить тебя. Ты задержался.

— Действительно, — он привлек ее к себе и зашагал рядом с ней. — У второго перелаза мы встретили одну из служанок Хэйров, но я проводил их до самого дома.

— Ты был очень дружен с Хэйрами?

— Да. Они состоят в родстве с Корнелией.

— Как ты считаешь: Барбара — красивая девушка?

— Очень.

— В таком случае, если вы были так близки, не любил ли ты ее?

М-р Карлайл рассмеялся; это был очень многозначительный смех, если вспомнить о недавнем разговоре с Барбарой.

— Так как же, Арчибальд?

Эти слова были произнесены тихо, но, как ему показалось, с волнением, и он изумленно посмотрел на нее.

— О чем ты, Изабель?

— Ты не любил ее?

— Любить ее?! С чего ты взяла, Изабель? Я никого не любил, кроме одной женщины, и на ней, одной-единственной, я и женился.

Глава 17

СМЕРТЬ ИЛИ ЖИЗНЬ

Наступил следующий год. Изабель была бы совершенно счастлива, если бы не мисс Карлайл; достопочтенная дама по-прежнему оставалась в Ист-Линне и отравляла жизнь его обитателей. Внешне она признавала леди Изабель хозяйкой, но на самом деле она хозяйничала в поместье, а Изабель была немногим более марионетки. Все ее порывы сдерживались, все ее пожелания встречали отпор, а все ее действия молчаливо осуждались властной мисс Карлайл. Бедняжка Изабель, с ее изысканными манерами, робким и чувствительным характером, не имела ни малейших шансов против энергичной дамы, в раздражающей зависимости от которой она находилась в своем собственном доме. М-р Карлайл ни о чем не подозревал. Бывая дома лишь утром и вечером, чаще всего наедине с женой, и будучи все более поглощен делами, навалившимися на него в конторе, он ничего не замечал. Однажды обе дамы сделали распоряжения по дому, противоречащие одно другому, чем вызвали полнейшее смятение среди слуг; мисс Карлайл немедленно отменила свое, но сделала это чрезвычайно невежливо, Изабель намекнула мужу, что они были бы счастливее вдвоем: она сделала это краснея, с бьющимся сердцем, словно совершая несправедливость по отношению к мисс Карлайл. Он предложил сестре вернуться в ее дом. Она обвинила его в том, что он действует по наущению Изабель, и он подтвердил это с присущей ему прямоотой. Мисс Карлайл бросилась к Изабель и потребовала объяснить, в чем состоит ее провинность и почему это дом вдруг стал настолько мал, что в нем не было места для нее. Изабель, у которой не хватало духа обидеть кого бы то ни было, даже врага, разумеется, принесла свои извинения и попросила мужа забыть о том, что она говорила. Он выполнил эту просьбу, будучи по натуре человеком легким и не особенно мнительным, но если бы у него было хотя бы малейшее представление об истинном положении дел, он, не теряя ни секунды, освободил бы свою жену от рабства, в которое ввергла ее мисс Корни. Не проходило и дня, чтобы мисс Карлайл, посредством намеков и инсинуаций, не попыталась внушить леди Изабель мысль о том, как неудачно женился м-р Карлайл, какие разорительные для него расходы повлекла за собой эта женитьба.

У Изабель сердце сжималось от таких речей, и она постепенно проникалась убеждением, что для м-ра Карлайла брак с нею был настоящим кошмаром, во всяком случае, с материальной точки зрения. На рождество их приехал навестить лорд Маунт-Северн со своим маленьким сыном, и Изабель, стараясь казаться беззаботной, спросила его, не считает ли он, что брак с нею был для м-ра Карлайла разорительным, толкнув его на расходы и на поддержание такого стиля жизни, который в противном случае он счел бы для себя непозволительной роскошью. Увы, ответ лорда Маунт-Северна ее не успокоил: он ответил положительно и добавил, что Изабель должна быть благодарна мужу за его щедрость. Она вздыхала, слушая его, и с тех пор решила смириться с присутствием мисс Карлайл. Эта дама вносила большой вклад в ведение домашнего хозяйства и будет делать это впредь с таким же усердием, как в своем собственном доме. Она жила в Ист-Линне вовсе не для того, чтобы сократить собственные расходы, и поэтому избавиться от нее становилось еще труднее. Тратила ли она свои деньги в Ист-Линне или же нет — это не имело большого значения, поскольку все, что у нее было, должно было со временем достаться Арчибальду.

Робкая и чувствительная от природы настолько, что это почти невозможно себе представить, получившая в своем уединении более простое и спокойное воспитание, чем то, которое выпадает на долю большинства дочерей лордов, к тому же совершенно неопытная, Изабель не могла защитить себя в этом мире, не говоря уже о том, чтобы противостоять мисс Карлайл. Нищенское положение, в котором она осталась после смерти отца, отсутствие жилища, за исключением того, которое ей из милости выделили в Кастл-Марлинге, даже банкнота в сто фунтов, которую ей оставил м-р Карлайл — все это было для нее глубоко унижительным; по этой причине она вовсе не презирала ту относительно скромную жизнь, которую смог обеспечить для нее м-р Карлайл, а, наоборот, была ему искренне благодарна. Но она с горечью в сердце выслушивала постоянные

речи о том, что он несет бремя непосильных расходов, что брак с нею разрушил его карьеру. Ах, если бы у нее хватило мужества на откровенный разговор с мужем! Он мог бы одним ласковым словом разрушить эти страхи, камнем лежавшие на ее сердце, и наполнить его радостным сознанием того, что эти проблемы существовали только в воображении его недалекой сестры. Но Изабель не могла решиться на это: когда мисс Корни принималась ворчать, она или молча слушала ее, или прятала пылающее лицо в ладонях, но никогда не возражала.

Однажды в феврале, после довольно долгой вспышки гнева мисс Корни, не направленной против Изабель, а вызванной какой-то провинностью слуг, наступила гнетущая тишина. Ее внезапно нарушила Изабель, апатичная и грустная, обращаясь не столько к мисс Карлайл, сколько к самой себе.

— Скорее бы вечер!

— Почему Вы так ждете вечера?

— Потому что вернется Арчибальд.

Мисс Карлайл недовольно проворчала:

— Вы что-то выглядите уставшей, леди Изабель.

— Я и в самом деле устала.

— И неудивительно. Я бы тоже смертельно уставала, если бы целыми днями бездельничала.

Думаю, я бы тогда просто умерла.

— Да ведь делать нечего, — ответила леди Изабель.

— Дела всегда найдутся, если поискать. Чем бездельничать, лучше помогли бы мне с этими новыми салфетками для стола.

— Мне делать салфетки для стола! — воскликнула леди Изабель.

— Почему бы и нет, мэм? — огрызнулась мисс Корни.

— Я не умею делать этого, — кротко ответила Изабель.

— И никто не умеет, пока не попробует. По мне уж лучше шить или чинить башмаки, чем сидеть сложа руки. Такое безделье — просто грех.

— Я неважно себя чувствую, — словно извиняясь, проговорила бедняжка Изабель. — Мне это просто не по силам.

— Тогда поехали бы покататься и подышали бы свежим воздухом. Сидеть в доме и хандрить — это не пойдет на пользу, если вам нездоровится.

— Но после того, как на прошлой неделе пони перепугали меня, когда понесли, Арчибальд разрешает мне выезжать только тогда, когда он сам правит лошадьми.

— Джон мог бы править, — заявила мисс Корни из духа противоречия. — Что касается опыта по этой части, он у него не меньше, чем у вашего мужа, мэм.

— Но именно Джон правил в тот раз, когда лошади испугались.

— Если пони испугались один раз, это не означает, что то же самое произойдет снова. Вот что я вам посоветую: позвоните и прикажите Джону подать коляску.

Изабель покачала головой и решительно отказалась.

— Нет. Арчибальд велел не выезжать без него в открытой коляске. Он так заботится обо мне, и он знает, что, если пони понесут, мне будет гораздо спокойнее с ним, чем со слугой.

— Мне кажется, вы сделались немного мнительны в последнее время, леди Изабель.

— Пожалуй, — робко ответила Изабель. — Мне станет лучше, когда родится ребенок. К тому же, тогда мне не придется скучать, поскольку у меня будет множество дел.

— Как, впрочем, у всех нас, я полагаю, — с тяжелым вздохом ответила мисс Корни. — Ну скажите на милость, Арчибальд появился! С чего бы это ему быть дома в такое время?

— Арчибальд!

Изабель в радостном изумлении бросилась из комнаты и, встретив Арчибальда в холле, в восторге бросилась ему на шею.

— Ах, Арчибальд, дорогой, мне кажется, снова светит солнце. Зачем ты вернулся домой?

— Чтобы покатать тебя, дорогая, — прошептал он, после чего вернулся с ней в комнату и позвонил.

— Почему ты не сказал мне об этом утром?

— Я не был уверен, что смогу вырваться. Питер, пусть немедленно подадут коляску с пони.

— Ну и куда же вы поедете? — воскликнула мисс Карлайл, когда Изабель вышла из комнаты, чтобы переодеться.

— Просто покататься.

— Покататься?! — повторила мисс Корни, словно не веря своим ушам.

— Покатать Изабель. Я не могу доверять это Джону, во всяком случае, в ближайшее время.

— Так-то ты занимаешься делами, — едко заметила мисс Корни, когда к ней вернулся дар речи. — Бросаешь контору в середине дня!

— В данный момент здоровье Изабель для меня важнее, чем бизнес, — добродушно ответил он. — Тебя послушать, Корнелия, так в конторе нет ни Дилла, чтобы заменить меня, ни многочисленных клерков.

— Джон правит лошадьми лучше тебя.

— Не хуже. Но дело не в этом.

Спустилась сияющая Изабель; вся ее апатия мгновенно улетучилась. М-р Карлайл посадил ее в коляску и уехал, причем мисс Корни посмотрела им вслед таким взглядом, от которого бы скис удой целой молочной фермы.

Таких мелких эпизодов было множество. Поэтому нетрудно догадаться, что жизнь Изабель нельзя было назвать счастливой. Но мисс Корни никогда не обрушивалась на нее с упреками при м-ре Карлайле; ему самому крепко доставалось, когда он оставался наедине с сестрой, но он настолько привык к этому за свою жизнь, что не придавал ни малейшего значения ее воркотне. Ему и в голову не приходило, что та же участь может постигнуть Изабель.

Однажды утром, в начале апреля, серый рассвет застал Джойс сидящей у камина в просторной комнате леди Изабель Карлайл; она до боли стиснула пальцы и по щекам ее катились слезы. Джойс была напугана: она знала на собственном опыте, как несладко болеть, но такой болезни она еще не видела и надеялась, что ей не придется еще раз увидеть нечто подобное. В соседней комнате лежала леди Изабель, которая находилась на волосок от смерти. Дверь из коридора тихо приотворилась, и вошла мисс Карлайл. Возможно, ей никогда за всю ее жизнь не приходилось ходить так тихо. На ней была утепленная накидка, закрывавшая голову. Она робко села в кресло, и Джойс заметила, что лицо ее было таким же серым, как это хмурое утро.

— Джойс, — прошептала она. — Это опасно?

— Ах, мэм, надеюсь, что нет. Но видеть эти страдания — уже мучительно; каково же тогда переносить их?

— Это наше общее проклятие, Джойс, и нам с тобой остается только радоваться, что мы предпочли избежать его. Джойс, — добавила она после паузы, — я так надеюсь, что это не опасно: я не хочу, чтобы она умерла.

Мисс Карлайл говорила тихо и как бы испуганно. Боялась ли она, что, если ее бедная юная невестка умрет, этот груз останется на ее совести и на всю жизнь? Тяжелый груз, от которого не освободиться, горестный шепот совести, напоминающий, что она, если бы захотела, могла сделать недолгое замужество Изабель более счастливым, однако, наоборот, сознательно ожесточилась против бедняжки всем сердцем. Очень даже может быть, ибо она в этом сумеречном свете выглядела встревоженной и напуганной.

— Если это опасно, Джойс...

— Почему Вы думаете, что есть опасность, мэм? — перебила ее Джойс. — Другие люди разве не болеют так же?

— Остается только надеяться, что нет, — ответила мисс Карлайл. — И потом, почему отправили курьера в Линборо за доктором Мартином?

Джойс вскочила, охваченная ужасом.

— Курьера за доктором Мартином? Ах, мэм, кто послал его? Когда он уехал?

— Я знаю только, что он поехал. Мистер Уэйнрайт переговорил с твоим хозяином, после чего тот вышел из своей комнаты и велел Джону галопом мчаться на телеграф в Вест-Линн. Где же были твои уши, если ты не слышала стук копыт? Я-то слышала это и не на шутку перепугалась. Я пошла в комнату мистера Карлайла спросить, что случилось, а он сказал, что и сам не знает, но надеется, что ничего страшного. А затем он снова закрыл дверь, прямо у меня перед носом, вместо того, чтобы поговорить со мной, как полагается доброму христианину.

Джойс не ответила, поскольку была сама не своя от страха, и наступила тишина, нарушаемая лишь звуками, доносившимися из соседней комнаты. Мисс Карлайл встала; человеку мнительному в этот момент показалось бы, будто она дрожит.

— Я больше не могу, Джойс; я выйду. Если нужно будет кофе или еще что-нибудь, скажи: все принесут прямо сюда.

— Я скажу, что нужно, через несколько минут, — ответила Джойс, которая и в самом деле дрожала. — Вы не собираетесь входить, мэм? — испуганно воскликнула она, когда мисс Карлайл на цыпочках двинулась к двери в глубине комнаты, поскольку понимала, что общество мисс Корни будет не слишком приятным для леди Изабель. — Они хотят, чтобы в комнате не было посторонних: меня отослали оттуда.

— Нет, — ответила мисс Корни. — Я ничем не могу помочь, и мне лучше не путаться под ногами.

— То же самое мистер Уэйнрайт сказал и мне, — пробормотала Джойс.

Мисс Карлайл вышла в коридор и удалилась. Джойс осталась сидеть. Время, казалось, тянется бесконечно. А затем она услышала, как приехал доктор Мартин и прошел в соседнюю комнату. Спустя некоторое время оттуда вышел м-р Уэйнрайт и прошел через комнату, в которой сидела Джойс. Ее язык, казалось, прилип к небу, и он ушел прежде, чем она смогла выдать из себя зловещие слова: «Есть ли опасность?».

М-р Уэйнрайт проследовал в комнату, где его должен был ожидать м-р Карлайл. Последний ходил взад-вперед по комнате: он начал делать это еще ночью. Его лицо, обычно бледное, горело.

— Я совсем извелся, Уэйнрайт. Доктор Мартин уже двадцать минут как приехал. Что он говорит?

— Ну, он может сказать то же самое, что я уже говорил. Симптомы критические, но он надеется, что она выдержит. Остается только ждать.

М-р Карлайл возобновил свой утомительный поход.

— Я предлагаю послать за Литтлом. При таких затяжных...

Его речь была прервана криком м-ра Карлайла, исполненным ужаса и отчаяния одновременно, поскольку преподобный Литтл был священником в церкви Св. Джеда, и, казалось, начали оправдываться худшие из его опасений.

— Не для вашей жены! — торопливо добавил хирург. — Я говорю о ребенке. Если он не выживет, возможно, вам и леди Изабель будет легче от того, что ребенок успеет принять крещение.

— Благодарю, благодарю вас! — сказал м-р Карлайл с невыразимым облегчением, схватив его за руку. — Я пошлю за Литтлом.

— Вы поспешили с выводами, полагая, что отлетает душа вашей жены. — Даст Бог, она будет жить и сможет подарить вам других детей, если этот ребенок умрет.

— Дай Бог! — подумал про себя м-р Карлайл.

— Карлайл, — добавил хирург задумчиво, положив руку на плечо м-ра Карлайла, плечо, которого еле достигала его голова. — Мне приходится иногда бывать возле умирающих, когда к ним, готовым испустить дух, призывают священника, и мне всегда хочется спросить, какую пользу может принести в смертный час другой человек, даже священник, если счета несчастного не были приведены в порядок.

К полудню состояние Изабель не улучшилось. Преподобный м-р Литтл, м-р Карлайл и мисс Карлайл собрались в туалетной комнате, вокруг стола, на котором стояла роскошная фарфоровая чаша с водой, приготовленная для крещения. Джойс, бледное лицо которой подергивалось от волнения, вошла в комнату, неся в руках нечто, похожее на сверток из фланели. Увы, судьба жены беспокоила м-ра Карлайла немного больше, нежели участь этого комочка.

— Джойс, — прошептал он, — все в порядке?

— Думаю, да, сэр.

Началась служба. Священник взял ребенка.

— Как вы его назовете? — спросил он.

М-р Карлайл никогда не задумывался над этим, однако ответил достаточно быстро.

— Уильям.

Он знал, как любила и чтит это имя леди Изабель. Священник окунул пальцы в воду. Но тут вмешалась Джойс, смущенно глядя на хозяина.

— Это девочка, сэр. Прошу прощения: мне казалось, что я сказала Вам об этом, но я страшно волнуюсь.

Наступила пауза, а потом снова заговорил священник.

— Дайте имя ребенку.

— Изабель Люси, — сказал м-р Карлайл.

При этом мисс Корни как-то странно, презрительно фыркнула. Возможно, она ожидала, что он произнесет ее имя, но он предпочел назвать ребенка в честь своей жены и матери.

М-ра Карлайла пустили к жене только вечером. Его ресницы увлажнились, когда он посмотрел на нее; она почувствовала его волнение, и легкая улыбка тронула ее губы.

— Боюсь, я плохо справилась с этим, Арчибальд, но возблагодарим Всевышнего за то, что все закончилось. Тот, кто не испытал этого, не поймет, как велика эта благодарность.

— Я думаю, поймет, — прошептал он. — Думаю, до сегодняшнего дня я не знал, что такое быть по-настоящему благодарным.

— За что? За то, что ребенок в безопасности?

— За то, что ты в безопасности и со мной, дорогая, — прошептал он, прижавшись к ее щеке. — До сегодняшнего дня я не знал, что такое молитва — молитва, идущая из самой глубины страдающего сердца.

— Ты уже написал обо всем лорду Маунт-Северну? — спросила она, спустя некоторое время.

— Сегодня, после обеда, — ответил он.

— Почему ты дал ребенку мое имя — Изабель?

— Ты считаешь, я мог бы придумать имя покрасивее? Лично я так не думаю.

— Почему ты не хочешь взять стул и сесть рядом со мной?

Он улыбнулся и покачал головой.

— Как бы я хотел сделать это! Но мне разрешили побыть с тобой только четыре минуты, и Уэйнрайт стоит на посту за дверью, с часами в руках.

Хирург и в самом деле был неумолим: разговор закончился, едва начавшись.

Глава 18

БОЛТУШКА УИЛСОН

Ребенок выжил. Поскольку жизнь его, казалось, была вне опасности, для него нужно было подыскать няню. Изабель еще не окрепла: температура не спадала, и она все еще была очень слабой. Однажды, когда она сидела в кресле в своей комнате, вошла мисс Карлайл.

— И кто бы, вы думали, просится на место няни? — спросила она леди Изабель.

— Право же, не знаю.

— Не кто иная, как Уилсон, служанка миссис Хэйр. Она проработала у них три года и пять месяцев, а теперь уходит, поскольку поссорилась с Барбарой. Вы поговорите с ней?

— Вы думаете, она подойдет? Она хорошая служанка?

— Да, вроде бы, неплохая, — ответила мисс Карлайл. — Спокойная и респектабельная. Но язык у нее такой длинный, что дотянется отсюда до Линборо.

— Ребенку это не повредит, — сказала леди Изабель. — Однако, проработав столько времени горничной, она, возможно, не умеет ухаживать за младенцами.

— Умеет. Прежде, чем наняться к миссис Хэйр, она была старшей горничной у эсквайра Пиннера в течение пяти лет.

— Я поговорю с ней, — сказала леди Изабель.

Мисс Карлайл вышла за служанкой, но, вернувшись, сначала вошла одна.

— Пожалуйста, леди Изабель, не нанимайте ее сразу. Если она вам понравится, пусть придет за ответом попозже, а я тем временем побываю у миссис Хэйр и разузнаю все о причине ее ухода. Она, вероятно, будет все валить на Барбару, но, прежде, чем взять ее на работу, не мешает выслушать и другую сторону.

С этим трудно было не согласиться.

Вошла Уилсон, высокая, приятной наружности женщина с черными глазами. Леди Изабель поинтересовалась, почему она уходит от мисс Хэйр.

— Миледи, всему виной — характер Барбары. В последнее время, примерно в течение года, ей ничем не угодить: она сделалась почти такой же властной, как и сам господин судья. Я неоднократно предупреждала ее, что уйду, а вчера вечером мы снова разругались; вот я и ушла сегодня утром.

— Вы ушли окончательно?

— Да, миледи. Вчера вечером мисс Барбара так обидела меня, что я заявила: ухожу сразу после завтрака. Так я и сделала. Я бы с удовольствием поступила на службу к вам, миледи, если бы вы дали мне шанс.

— Вы были старшей горничной у миссис Хэйр.

— Да, миледи.

— Тогда, возможно, это место не так уж подходит вам. Здесь старшая горничная — Джойс, и вы, в некотором смысле, будете ей подчиняться. Я очень доверяю Джойс, поэтому, в случае моей болезни или отсутствия, она будет распоряжаться в детской.

— Я ничего не имею против этого, — ответила Уилсон. — Мы все любим Джойс.

Еще несколько вопросов — и леди Изабель попросила ее прийти за ответом вечером. Мисс Карлайл отправилась к Хэйрам, чтобы разузнать все об этой истории, и миссис Хэйр заявила, что не имеет ничего против Уилсон, если не считать ее скоропалительного ухода, в котором главным образом была повинна Барбара. Поэтому решено было принять Уилсон на работу: на следующее утро она должна была приступить к исполнению своих обязанностей.

На следующий день, после полудня, Изабель прилегла на диване в своей комнате. Казалось, она спит, однако на самом деле наша героиня была в том состоянии то ли полусна, то ли полубреда, прекрасно известном людям, у которых бывает слабость и жар. Вдруг она окончательно проснулась, потому что в соседней комнате произнесли ее имя. Там сидели Джойс и Уилсон, одна с шитьем, другая — со спящим младенцем на коленях; дверь между комнатами была приоткрыта.

— Она выглядит такой больной, — заметила Уилсон.

— Кто? — спросила Джойс.

— Ее светлость. Создается впечатление, будто она никогда не поправится.

— Ну, сейчас-то она уже выздоравливает. Если бы ты видела ее неделю назад, сейчас бы она вообще не показалась тебе больной.

— Боже мой! Кое-кто снова приободрился бы, если бы что-нибудь случилось!

— Глупости! — раздраженно ответила Джойс.

— Можешь сколько угодно говорить, что это глупости, Джойс, но это истинная правда, — продолжала Уилсон. — Тогда бы она точно его сцапала; второй раз она его не упустит. Она влюблена в него по уши.

— Это все разговоры и фантазии, — сказала Джойс, — Вест-Линн просто не может без сплетен. Мистеру Карлайлу она никогда не нравилась.

— Ты не все знаешь. Я-то кое-что видела, Джойс. Он целовал ее.

— Чуть какая! — заметила Джойс. — Это ничего не значит.

— Я этого и не говорю. Но он подарил ей цепочку и медальон, который она носит.

— Кто? — резко ответила Джойс, которая хотела сменить тему разговора. — Ничего не хочу об этом слышать.

— Ну кто же еще? Конечно, мисс Барбара. Она почти не снимает его с тех пор; думаю, она даже спит в нем.

— Ну и глупо! — эхом отозвалась Джойс.

— Перед тем, как уехать на свадьбу с леди Изабель — новость о ней была как гром среди ясного неба — он вечером предыдущего дня провожал мисс Барбару, которая была в гостях у мисс Карлайл. Стояла прекрасная ночь, вставала луна, и было светло, почти как днем. Он по пути умудрился сломать ее зонтик, а когда они подошли к нашей калитке, между ними произошла любовная сцена.

— А ты что, присутствовала при ней? — саркастически поинтересовалась Джойс.

— Да... невольно. Этот сквалыга судья не разрешает приводить кавалеров в дом; на этом открытом огороде, где не растет ничего выше цветной капусты, ни с кем тайком не увидишься, поэтому, если к кому-то приходит поклонник, мы можем разве что поболтать с полчаса перед домом. Я ожидала кое-кого в этот вечер — ну и мерзавцем же он оказался, женившись через три месяца на буфетчице из «Оленьей головы» — в этой самой рощице. Тут появились м-р Карлайл и Барбара. Она пригласила его в дом, но он отказался, и они остались снаружи. Она что-то говорила о медальоне и просила у него прядь волос; мне было не очень хорошо слышно, а подкрасться поближе я побоялась: они могли заметить меня. Это была настоящая любовная сцена: я слышала достаточно, чтобы не сомневаться в этом. Барбара Хэйр в этот вечер была уверена, что станет миссис Карлайл в один прекрасный день.

— Ну что ты мелишь? Ты же сама только что говорила, что на следующий день он уехал на свадьбу!

— И тем не менее! Когда он ушел, она в экстазе подняла лицо к небу, воздела руки и сказала, что, когда она станет его женой, он поймет, как она его любит. Можешь не сомневаться, Джойс; у них это было не первое свидание. Я думаю, когда он встретился с миледи, он не мог устоять перед ее титулом и красотой, и старая любовь была забыта. Мужчины вообще непостоянны, особенно те, которые хороши собой, как мистер Карлайл.

— Мистера Карлайла нельзя упрекнуть в непостоянстве.

— Тогда я тебе еще кое-что расскажу. Через два или три дня явилась мисс Корни с известием о его женитьбе. Я была в комнате хозяйки, а она — этажом ниже. Окна были открыты, я высунулась наружу и слышала все. Мисс Барбара извинилась, поднялась наверх и бросилась в свою комнату, а я вышла в коридор. Вскоре я услышала шум, что-то вроде вопля или стона, и тихонько приоткрыла дверь, так как боялась, что она упадет в обморок. Мне было жаль ее до боли сердечной. Она лежала на полу, заломив руки, бледная, словно в предсмертной агонии. Я, наверное, отдала бы трехмесячную зарплату, чтобы подойти и утешить ее, но не решилась побеспокоить человека в таком горе. Я снова вышла и прикрыла за собой дверь. Она меня не заметила.

— Она вела себя как дурочка, — сказала Джойс. — Страдать из-за того, кто тебя не любит!

— Откуда тебе знать, Джойс, что он ее не любит. Ты такая же упрямая, как господин судья! Не перебивай меня, ради Бога. Они явились сюда поздравить молодоженов всей семьей; хозяйин, хозяйка и она. Прикатили с шиком, на экипаже для парадных выездов. Ну, да ты это помнишь, если у тебя осталась хоть какая-то память. Мисс Барбара осталась в Ист-Линне на весь день.

— Это я помню.

— Вечером меня послали проводить ее домой, поскольку Джаспера не было. Я пошла через поля, потому что на дороге можно было задохнуться от пыли, и, как ты думаешь, на кого я наткнулась у предпоследнего перелаза?

Джойс подняла глаза.

— Наверное, на змею.

— На мисс Барбару и мистера Карлайла. Что там случилось, никто, кроме них, не знает. Она прислонилась спиной к ступеням перелаза и плакала, точнее сказать, рыдала так, словно у нее разрывалось сердце. Казалось, она упрекает его; видимо, между ними произошло объяснение, и я слышала, как он сказал ей, что впредь они могут быть не более чем братом и сестрой. Вскоре я заговорила, поскольку боялась, что они заметят меня сами, и мистер Карлайл перебрался через перелаз. Мисс Барбара сказала ему, что дальше он может не идти, но он подал ей руку и проводил до нашей задней калитки. Я пошла открывать дверь, но успела заметить, как он склонился к ней, держа ее руки в своих. Говорю тебе: мы не знаем, что было между ними.

— Как бы то ни было, она полнейшая дура, если по-прежнему любит его! — возмущенно воскликнула Джойс.

— Конечно, однако она его любит. Она частенько подкрадывается к калитке в то время, когда он должен пройти мимо, и тайком наблюдает за ним. Она сделалась такой раздражительной только из-за своего горя и ревности к леди Изабель. Уверяю тебя, Джойс; за последний год она изменилась до неузнаваемости. Если мистеру Карлайлу надоест миледи, и...

— Уилсон, — резко перебила ее Джойс. — Не забывайся, Бога ради!

— А что я такого сказала? Ничего, кроме правды. Все мужчины ужасно неверные, а мужа — еще похлеще, чем просто воздыхатели, и я, мне кажется, ничего дурного не сказала. Однако, возвращаясь к нашему спору, хочу, заметить: если бы что-то случилось с миледи, мисс Барбара наверняка заняла бы ее место.

— С ней ничего не случится, — спокойно ответила Джойс.

— Я тоже надеюсь на это, хотя бы ради этой милой невинной малышки, что лежит у меня на коленях, — продолжила гнуть свое Уилсон. — Доброй мачехи из нее не получилось бы, это ясно: если ты ненавидишь первую жену своего мужа, нельзя полюбить ее детей. Она бы настраивала мистера Карлайла против них...

— Послушай-ка, Уилсон, — перебила ее Джойс решительным тоном, не предвещавшим ничего доброго собеседнице, — если ты собираешься и дальше обсуждать эту тему в Ист-Линне, я вынуждена буду сказать хозяйке, что ты не подходишь для этого места.

— Ну, конечно!

— И ты знаешь, что, если я решила что-то сделать, я это сделаю, — продолжила Джойс. — Мисс Карлайл говорит, что у тебя самый длинный язык в Вест-Линне, но ты должна бы понимать, что болтать об этом не годится, независимо от того, чей хлеб ты ешь: мистера Хэйра или мистера Карлайла. И еще, Уилсон: сдается мне, ты привыкла шпионить в доме миссис Хэйр, и не дай тебе Бог делать то же самое здесь!

— Ну, ты всегда была такой пуританкой, Джойс, — воскликнула Уилсон, добродушно рассмеявшись. — Но теперь, когда я выговорилась, я умолкаю, и не считай меня дурочкой, способной разболтать это остальным слугам.

Нетрудно представить себе, какое впечатление этот разговор произвел на леди Изабель. Она слышала все, до последнего слова. Конечно, легко сказать: «Не стоит придавать значения сплетням слуг». Тут все зависит от того, на какую тему сплетничают. Это бы не произвело на нее такого впечатления, если бы она пребывала в добром здравии, но у нее была слабость, жар, полубредовое состояние; неудивительно, что Изабель тут же вообразила, будто Арчибальд Карлайл никогда не любил ее, а женился на ней только из честолюбия, причем сердце его на самом деле принадлежало Барбаре Хэйр. Она чрезвычайно разволновалась: ревность, жар, да и любовь тоже сыграли с ней злую шутку. Время шло к обеду, и когда м-р Карлайл пришел

проведать ее, он просто поразился: ее бледные щеки покрыл нездоровый румянец, а глаза лихорадочно блестили.

— Изабель! Тебе стало хуже! — воскликнул он, бросившись к ней.

Она привстала и нервно сжала его в своих объятиях.

— Ах, Арчибальд, Арчибальд! — пролепетала она. — Не женись на ней! Мне тогда и на том свете не будет покоя!

М-р Карлайл так поразился, что подумал, будто у нее в результате слабости и болезни начались галлюцинации. Он попытался успокоить ее, но она не могла успокоиться. Она разрыдалась и снова начала бессвязно говорить:

— Она будет плохо относиться к моему ребенку, она заставит тебя разлюбить наше дитя и забыть обо мне, Арчибальд, ты не должен жениться на ней.

— Тебе, наверное, что-то приснилось, Изабель, — попытался он успокоить ее. — Ты спала, и все еще не можешь окончательно проснуться. Не шевелись, успокойся, и память вернется к тебе. Подожди, моя милая, обопричь на меня.

— От одной мысли о том, что она может стать твоей женой, мне делается так больно, что жить не хочется, — продолжала повторять она. — Обещай мне, что не женишься на ней, Арчибальд, обещай мне!

— Я пообещаю тебе все, что возможно выполнить, — ответил он, ошеломленный ее словами, — но я не знаю, что ты имеешь в виду. Я ни на ком не могу жениться, Изабель: моя жена — ты.

— А если я умру? Я ведь могу умереть, ты знаешь, и многие считают, что я умру. Не позволяй ей захватить мое место.

— Ну, конечно, я не позволю ей, о ком бы ты ни говорила. Что тебе приснилось? Кто так беспокоит тебя?

— Ты еще спрашиваешь, Арчибальд? Разве ты никого не любил до того, как женился на мне? Может быть, ты продолжал любить ее и все еще любишь и теперь?

М-ра Карлайла не на шутку обеспокоили ее слова. Он сменил свой шутливый тон на серьезный и искренний:

— О ком ты говоришь, Изабель?

— О Барбаре Хэйр.

Он нахмурил брови, не на шутку рассердившись. Кто мог вбить ей в голову эту глупость? Он встал с дивана и выпрямился во весь рост, спокойный, величавый, почти мрачный в своей серьезности.

— Изабель, я не знаю, что ты вообразила обо мне и Барбаре Хэйр. Я никогда не любил Барбару Хэйр. Я никогда не питал ни малейших чувств к ней: ни до, ни после нашей свадьбы. Скажи мне, с чего ты это взяла?

— Однако она любила тебя.

Он ответил не сразу, ибо прекрасно знал об этом; однако, принимая во внимание все обстоятельства, особенно то, как он узнал об этом, м-р Карлайл не мог, не уронив своего достоинства, признать это даже перед женой.

— Если это так, Изабель, то она была гораздо глупее, чем я полагал. Женщина может любить безответно, так же, как и быть любимой без взаимности с ее стороны. Если она любила меня, мне нечего сказать, кроме того, что я об этом и не подозревал. Поверь мне: ты с таким же успехом можешь ревновать к Корнелии.

Изабель вздохнула. Это был вздох облегчения, и дыхание бедняжки сделалось ровнее.

М-р Карлайл склонился к ней и проговорил нежно, хотя и обиженно:

— Мог ли я подумать, что ничего не достиг за этот год? Как еще может мужчина доказать женщине, что любит ее искренне и всем сердцем?

Она со слезами раскаяния подняла на него глаза и взяла его руку в свои.

— Не сердись на меня, Арчибальд: я не переживала бы так сильно, если бы ты был мне менее дорог.

Он снова улыбнулся, нежно, как умел он один, и наклонился ниже.

— А теперь скажи мне, с чего ты это взяла?

Она чуть было не рассказала ему все: о нескольких словах, которые обронили Сьюзен и Джойс год назад, о только что услышанном разговоре; однако теперь, когда она успокоилась, ей подумалось, что глупо было придавать этому такое значение, что слушать разговоры слуг было для нее унижительно, и она промолчала.

— Тебя кто-то пытался настроить против меня? — снова спросил он.

— Нет, Арчибальд! Да и кто бы осмелился так поступить?

— Тогда тебе что-то снилось, и ты не смогла забыть это, проснувшись?

— Мне иногда снятся странные вещи, особенно, когда у меня жар. Порой я брежу, Арчибальд, и не могу отличить реальность от фантазии.

Ответ был уклончивым, хотя и верно отражал ее физическое состояние, однако, м-р Карлайл удовлетворился этим ответом, потому что он казался единственным объяснением той загадки, с которой он столкнулся.

— Постарайся больше не придавать значения подобным снам, — сказал он. — Относись к ним как к тому, что они есть на самом деле — игра воображения, неприятная для тебя и несправедливая по отношению ко мне. Меня связывают с тобой как узы брака, так и самая нежная любовь; Барбара Хэйр не может встать между нами.

Ответь, читатель: есть ли на свете, да и будет ли когда-нибудь страсть более причудливая, обманчивая и в то же время сильная, чем ревность? М-р Карлайл и думать забыл об этом происшествии, считая его следствием сна и не сомневаясь, что она забудет его, как сон. Увы! Полностью поверив мужу в тот момент и даже чувствуя стыд за свои подозрения, впоследствии леди Изабель почувствовала, что страх возвращается, что она больше верит рассказу Уилсон, чем словам мужа. Шекспир называл ревность желто-зеленым чувством, мне же кажется, что ее можно назвать черно-белой, ибо ревнивцу, несомненно, белое кажется черным, а черное — белым.

Самые немыслимые подозрения кажутся истиной, самые невероятные вещи кажутся вполне реальными. Изабель ни словом не обмолвилась об этом своему супругу, а поселившееся в ее душе чувство — вы поймете ее, если у вас когда-то хватило глупости вкусить этого сомнительного яства — заставило ее еще больше привязаться к нему, желать его любви еще сильнее.

Несомненно лишь одно: образ Барбары Хэйр стал для нее настоящим кошмаром.

Глава 19

КАПИТАН ТОРН В ВЕСТ-ЛИННЕ

— Барбара, какой ясный день!

— День чудесный, мама.

— Думаю, мне не повредит прогулка.

— Ну, конечно же, мама, — ответила Барбара. — Если бы ты больше бывала на воздухе, это пошло бы тебе на пользу; нельзя упускать ни один погожий денек.

— У меня не хватает духа на это, дорогая, — вздохнула миссис Хэйр. — Первые солнечные весенние дни, так же, как и первые теплые дни лета, поднимают мне настроение. Думаю, сегодня мне следует прогуляться. Папа сейчас в саду. Пойди спроси, не будет ли он против.

Барбара чуть не бросилась бежать, но задержалась на минутку.

— Мама, ты уже три недели говоришь о том, чтобы купить новые платья и прочие необходимые вещи. Почему бы не сделать это сегодня?

— Ну, я не знаю, — проговорила миссис Хэйр со свойственной ей нерешительностью.

— Да-да, мама: лучшего случая не представится.

И Барбара умчалась.

Судья Хэйр был в саду перед домом, где строго отчитывал слугу по имени Бенджамен за то, что бедняга неточно исполнил какое-то из его распоряжений. Бенджамен служил в поместье Гроув кучером и конюхом, а в свободное время занимался садом. Он был женат и ночевал дома, хотя и столовался в доме м-ра Хэйра; он являлся на работу рано утром и уходил поздно вечером. Судья, одетый в халат, с париком на голове, к моменту появления Барбары уже разошелся не на шутку. Барбара, единственная из трех детей почтенного судьи, не боялась отца: она тоже благоговела перед ним, но не так, как все остальные.

— Папа.

— Что тебе? — спросил судья, величественно повернувшись к дочери.

— Мама считает, что ей неплохо было бы прогуляться в такой чудесный денек. Можно ли нам взять экипаж?

Судья сделал паузу, прежде чем ответить, и посмотрел на небо.

— И куда она хочет отправиться?

— Мы хотели поехать за покупками. Ну, пожалуйста, папа. Не дальше Вест-Линна, — поспешно добавила Барбара, заметив, как помрачнел грозный родитель. — Мы не поедем в Линборо.

— И твоя мама, конечно же, полагает, что я отвезу ее! — воскликнул судья Хэйр. — Терпеть не могу эти магазины! В прошлый раз я прождал вас полтора часа.

— Нас может отвезти Бенджамен, папа.

М-р Хэйр важно прошествовал по траве к окну гостиной, распахнул его и обратился к своей жене. Барбара подошла поближе и скромненько встала рядом с ним.

— Ты хочешь сегодня съездить за покупками, Энн?

— Не обязательно сегодня, — робко ответила она. — Можно и в любой другой день. Тебе самому нужен экипаж?

— Не знаю, — ответил судья.

Дело в том, что он и не думал об этом; однако ему хотелось, чтобы каждый план, каждое дело предлагались им одним и полностью зависели от его воли.

— День настолько чудесный, что я подумала: грех упускать такую возможность, — сказала миссис Хэйр. — К тому же, Барбаре нужно купить летние платья.

— Она все время покупает платья, — проворчал судья.

— Ах, папа, я...

— Помолчите, юная леди. У тебя их и так вдвое больше, чем необходимо.

— Ричард, может быть, я смогу сходить туда и обратно пешком, если ты не можешь дать мне коляску, — кротко сказала миссис Хэйр.

— Ну да, после чего сляжешь на неделю. Что еще? Какое безрассудство: тебе идти в Вест-Линн и обратно пешком!

Судья закрыл окно и отправился обратно к Бенджамену, оставив миссис Хэйр и Барбару в неведении относительно того, что им делать: ехать или нет. Барбара пошла к матери, в дом.

— Барбара, дорогая, куда это папа собрался?

— Я думаю, никуда он не едет, — независимо ответила мисс Барбара.

— Ах, дитя мое!

— Ладно, не буду. Только он всегда всем противоречит. Мама, я думаю, ты можешь дойти до Вест-Линна пешком, а обратно мы вернемся одним из наемных экипажей Коука.

Миссис Хэйр покачала головой.

— Я не сомневаюсь, что смогу дойти пешком, но я не могу и думать об этом, если твой отец не позволит.

Барбара посмотрела в окно: Бенджамен собрал и унес свой садовый инвентарь. Затем он двинулся по узенькой дорожке, которая вела на задний двор, где находились конюшни. Барбара пробежала через холл и перехватила его.

— Папа ничего не говорил о коляске?

— Говорил, мисс. Я должен отвезти Вас и хозяйку в Вест-Линн. Он велел мне собираться немедленно.

Барбара провальсировала обратно.

— Мама, все в порядке: Бенджамен пошел готовить коляску. Ты хочешь поесть? Я прикажу принести поднос с завтраком.

— Как хочешь, милая, — ответила ее добрая, ласковая мать. — Не знаю почему, но я так рада сегодня выехать на прогулку: наверное, потому, что прекрасная погода.

Бенджамен приготовил коляску, выехал с заднего двора и поставил экипаж у ворот.

М-р Хэйр все еще был в саду, когда миссис Хэйр и Барбара двинулись по дорожке к воротам.

— Спасибо, Ричард, — сказала миссис Хэйр, проходя мимо, и ее нежное лицо осветилось ласковой улыбкой.

— Не опаздывайте к обеду. Да, и еще: не позволяй Барбаре тратить слишком много денег, — ответил судья, не затрудняя себя проводами семейства до коляски.

Коляска, или фаэтон, как ее называли, была несколько старомодной конструкции, что в сельской местности случается сплошь и рядом, с небольшими козлами для кучера и широким сиденьем, на котором Барбара без труда помещалась между мистером и миссис Хэйр. Впрочем, обычно м-р Хэйр правил сам, предпочитая не брать слуг. В этот день откидной верх экипажа был опущен, поскольку дождя не было; кроме того, у фаэтона было две пары оглоблей, так что запрягать можно было и пару, и одну лошадь. Впрочем, пара запрягалась чрезвычайно редко, разве что при дальних поездках; обычно по очереди использовали одну из двух черных упряжных лошадей, поскольку у судьи была только эта пара, если не считать одной лошади для верховой езды.

Бенджамен тщательно укрыл пледом колени своей хозяйки — слуги не любили м-ра Хэйра, но готовы были отдать жизнь за нее — взобрался на козлы и повез их к торговцу тканями.

Это был отличный магазин, расположенный чуть дальше конторы м-ра Карлайла, и вскоре миссис Хэйр и Барбара с головой ушли в то занятие, к которому столь равнодушны все женщины. Они пробыли там с час, когда миссис Хэйр обнаружила, что при ней нет ее сумочки.

— Я, должно быть, оставила ее в экипаже, Барбара. Не принесешь ли ты ее, милая? В ней образец шелка.

Барбара вышла из магазина. Повозка, Бенджамен и старая лоснящаяся лошадь в мирной дремоте ожидали их возвращения. Сумки не было видно, и Барбара обратилась к слуге.

— Найди сумочку мамы, Бенджамен. Она должна быть где-то в коляске.

Бенджамен спустился со своего сиденья на козлах и принялся за поиски, а Барбара ждала, без малейшего интереса разглядывая улицу. Лучи ярко светившего солнца упали на толстую, под стать якорной цепи, золотую цепочку джентльмена, бесцельно фланировавшего вдоль улицы, заставив засверкать ее звенья, пересекавшие жилет, равно как и висевшие на ней печатку и ключ. Солнечный свет коснулся и золотых запонок его сорочки, которые засверкали с такой же готовностью, как и цепочка, а когда он неожиданно поднял свою белую руку, на которой в этот

момент не было перчатки, чтобы погладить усы — что характерно для людей тщеславных — на его пальце ослепительно сверкнул перстень с бриллиантом. Барбаре невольно вспомнилось, как ее брат Ричард описывал некоего джентльмена с его сверкающими драгоценными украшениями.

Барбара продолжала наблюдать за приближавшимся незнакомцем. Это был видный мужчина, лет двадцати семи — двадцати восьми, высокий, худощавый, хорошо сложенный, с черными волосами и глазами того же цвета. У него было чрезвычайно веселое и довольное выражение лица; сняв одну из лайковых перчаток светло-желтого цвета, он беспечно помахивал ею, в задумчивости что-то тихонько насвистывая себе под нос. Если бы солнечный свет не был столь ярким, Барбара не заметила бы этих драгоценностей или же не связала бы их в уме с другими украшениями из истории, рассказанной ее злосчастливым братом.

— Привет, Торн. Ты ли это? Иди сюда?

Голос принадлежал Отуэю Бетелу, который обращался не к кому иному, как к джентльмену с внушительным арсеналом драгоценностей. Однако последний, впав в глубокую задумчивость, не услышал этих слов, и Бетел позвал снова, уже громче:

— Капитан Торн!

Теперь его услышали. Капитан Торн кивнул и, резко повернув, направился через улицу. Барбара стояла сама не своя; в голове у нее все смешалось в этот момент: сон и явь, реальность и вымысел.

— Вот сумочка, мисс Барбара. Она лежала между складками пледа.

Бенджамен протянул ее Барбаре, но она не заметила: для нее сейчас ничего не существовало, кроме одного. У нее не было ни малейшего сомнения в том, что перед ней — настоящий убийца Хэллиджона. Он полностью отвечал описанию Ричарда: высокий, темный, тщеславный, красивый, нежные руки, драгоценности, имя, наконец, — капитан Торн! Щеки Барбары побелели, и у нее защемило сердце.

— Ваша сумочка, мисс Барбара.

Но Барбара уже умчалась, оставив и Бенджамена, и сумочку. Она заметила неподалеку м-ра Уэйнрайта, хирурга, и устремилась к нему.

— Мистер Уэйнрайт, — начала она, от волнения позабыв о правилах хорошего тона. — Вы видите этого джентльмена, разговаривающего с Отуэем Бетелем? Кто он?

М-ру Уэйнрайту пришлось сначала водрузить на нос очки, дабы ответить на этот вопрос, так как он был близорук.

— Вот этот? Это некий капитан Торн. По-моему, он гостит у Гербертов.

— Откуда он приехал? Где он живет? — взволнованно повторила Барбара.

— Мне, признаться, ничего не известно о нем. Я видел его сегодня утром с молодым Смитом, и тот рассказал мне, что он приятель Гербертов. Вы неважно выглядите, мисс Барбара.

Она ничего не ответила. Капитан Торн и м-р Бетел прошли мимо них по противоположной стороне улицы, и последний поздоровался с ней, но она была в таком смятении, что не ответила на приветствие. М-р Уэйнрайт попрощался с ней, и Барбара побрела обратно. Миссис Хэйр как раз выходила из дверей магазина.

— Что ты так долго, милая? Сумка не нашлась?

— Я разговаривала с мистером Уэйнрайтом, — ответила Барбара, машинально взяв сумочку из рук Бенджамена и передавая ее матери: все ее внимание было поглощено медленно удалявшимся незнакомцем.

— Ты выглядишь, бледной, дитя мое. Тебе нездоровится?

— Да, мама. Давай на сегодня закончим с покупками, — сказала она, направляясь к прилавку, ей не терпелось «закончить с этим» и скорее оказаться дома, где у нее была бы возможность подумать. Миссис Хэйр не могла понять, что на нее нашло: живейший интерес к покупкам, который она проявляла ранее, исчез, и ее дочь сидела рассеянная и ушедшая в себя.

— Ну же, дорогая, выбирай. Какой из этих двух отрезков шелка тебе больше нравится?

— Оба... любой. Возьми, какой захочешь, мама.

— Барбара, да что с тобой случилось?

— Я так устала, — сказала Барбара, принужденно рассмеявшись и пытаясь проявить хоть какую-то заинтересованность. — Зеленый мне не нравится. Я возьму другой отрез.

Когда они приехали домой, Барбара перед обедом на пять минут уединилась в своей комнате. Она пришла к выводу, что самым лучшим решением будет рассказать обо всем Арчибальду Карлайлу. Но как ей увидаться с ним? Дело не терпело отлагательства. Пожалуй, ей следует отправиться в Ист-Линн в тот же вечер, но что сказать дома? Так и не придумав ничего, она спустилась обедать. Во время обеда миссис Хэйр заговорила о шелке, который она приобрела для накидки. Ей хотелось сшить ее так же, как сшили новую накидку мисс Карлайл: последняя, когда посещала Хэйров, чтобы разузнать об Уилсон, предложила ей этот фасон, и теперь миссис Хэйр собиралась послать за ним кого-нибудь из слуг.

— Ах, мама, давай схожу я! — вырвалось у Барбары с такой страстью, что судья прекратил резать мясо и строго спросил, какая муха ее укусила.

Барбара пролепетала что-то в свое оправдание.

— Это же вполне естественно, Ричард, — улыбнулась миссис Хэйр. — Я думаю, Барбара надеется увидеть малыша. Все молодые люди любят детей.

Барбара залилась пунцовым румянцем, но ничего не возразила. Она не могла проглотить свой обед: все ее мысли были заняты бедным Ричардом; она поковырялась в тарелке, а затем попросила слуг унести ее, почти не притронувшись к пище.

— А все из-за купленных нарядов, — заявил судья Хэйр. — Ни о чем другом она сейчас думать не в состоянии.

Никто не возражал против того, чтобы Барбара отправилась в Ист-Линн, где она появилась, когда у его обитателей закончился обед, и спросила мисс Карлайл.

— Мисс Карлайл нет дома, мисс. Она уехала, а миледи еще не принимает.

Положение было безвыходным, и Барбаре пришлось сказать, что она хочет видеть м-ра Карлайла. Питер проводил ее в гостиную, где вскоре появился м-р Карлайл.

— Простите, Бога ради, за беспокойство, — начала Барбара; лицо ее пылало, поскольку ей по-прежнему было стыдно за тот вечерний разговор, который состоялся между ними двенадцать месяцев назад. С этого злосчастного вечера Барбара ни разу не дала воли своим чувствам по отношению к м-ру Карлайлу: она обращалась с ним со спокойным и вежливым равнодушием, чаще называя его мистером Карлайлом, нежели Арчибальдом.

— Присаживайся, Барбара.

— Я спрашивала мисс Карлайл, — продолжала она, — поскольку маме нужен фасон накидки, который она ей обещала, но, сказать по правде, я хотела видеть вас. Вы помните лейтенанта Торна, которого Ричард считал настоящим преступником?

— Да.

— Я полагаю, он сейчас в Вест-Линне.

Эта новость вызвала живейший интерес м-ра Карлайла.

— Вот как! Тот самый Торн?

— Думаю, тот самый. Сегодня мы с мамой делали покупки, и я вышла за ее сумкой, которую она оставила в коляске. Пока Бенджамен искал ее, я заметила шедшего по улице незнакомца: высокий, приятной наружности темноволосый мужчина с бросающимися в глаза золотой цепочкой и запонками. Его украшения буквально сверкали на солнце, особенно перстень с бриллиантом, поскольку он поднял руку к своему лицу. Меня словно осенило: «Он так подходит под описание, которое Ричард дал человеку по имени Торн». Я не знаю, почему эта странная идея пришла мне в голову, но, как бы то ни было, это случилось, хотя я не полагала, будто это и в самом деле именно тот человек. И вдруг его окликнули с противоположной стороны улицы; это был Отуэй Бетел, и он назвал его капитаном Торном!

— Это и в самом деле весьма любопытно, Барбара. Я и не знал, что в Вест-Линн кто-то приехал.

— Я увидела мистера Уэйнрайта и спросила его, кто это был. Он ответил, что это некий капитан Торн, приятель Гербертов. Тот, кто был лейтенантом Торном четыре-пять лет назад, сейчас вполне может быть капитаном Торном.

М-р Карлайл кивнул, и наступило молчание.

— Можно ли что-то сделать? — спросила Барбара.

М-р Карлайл провел рукой по лбу: он имел обыкновение делать так, находясь в глубокой задумчивости.

— Трудно сказать, что тут можно предпринять, Барбара. Твое описание этого человека совпадает с тем, которое дал ему Ричард. Он выглядел как джентльмен?

— Несомненно. Мне показалось, что он выглядит как настоящий аристократ.

М-р Карлайл снова согласно кивнул. Он вспомнил, как описывал этого человека Ричард: «Настоящий аристократ, с головы до пят».

— Разумеется, Барбара, прежде всего надо попытаться установить, тот ли это человек, — заметил он. — Если мы убедимся в том, что это он, будем думать, что предпринять дальше. Я разумею, что смогу, и сообщу об этом тебе.

Барбара встала. М-р Карлайл проводил ее через холл, а затем прошелся рядом с ней через парк, задумавшись над этим делом и не замечая того, что ревнивые глаза леди Изабель наблюдают за ними из окна ее комнаты.

— Ты говоришь, он хороший знакомый Отуэя Бетела?

— Я не знаю, приятели они или нет. Отуэй Бетел разговаривал с ним, как со своим знакомым.

— Это, должно быть, очень взволновало миссис Хэйр?

— Вы забываете, что мы ничего не говорили маме о Торне, — ответила Барбара. — Неизвестность, в конце концов, свела бы ее в могилу. Ричард лишь рассказал ей, что он не виновен, что преступление совершил приезжий, и она не расспрашивала меня о подробностях: она свято верит, что Ричард сказал правду.

— И в самом деле, я забыл об этом, — ответил м-р Карлайл. — Надо бы выяснить, кто знал того Торна: убедиться, что это один и тот же человек, уже было бы большим успехом.

Он прошел с Барбарой до самых ворот парка, обменялся рукопожатием и попрощался с ней. Не успела она уйти, как он увидел, что к нему с противоположной стороны приближаются два джентльмена, в одном из которых он узнал Тома Герберта, а во втором — интуиция подсказала ему — капитана Торна. Он подождал, пока они подойдут.

— Какая удача, что мы встретили тебя, — воскликнул м-р Том Герберт, довольно бесцеремонный джентльмен, второй сын одного из коллег м-ра Хэйра. — Угости нас, ради Бога, глотком твоего сидра, Карлайл. Мы пошли к Бьючемпу, но у них никого не оказалось дома, а меня мучает жажда. Познакомьтесь: капитан Торн, мистер Карлайл.

М-р Карлайл пригласил их в дом и приказал принести освежающие напитки. Молодой Герберт развалился в кресле и закурил сигару.

— Вот тебе и табак, Торн! — воскликнул он. — Угощайся.

Капитан Торн посмотрел на м-ра Карлайла. Он явно казался лучше воспитанным, чем Том Герберт.

— Закуривай и ты, Карлайл, — сказал Герберт, протягивая свой портсигар. — Ах да, я и забыл, что ты куришь раз в год. Ну да что с тебя взять. Как здоровье леди Изабель?

— Ей все еще нездоровится.

— Неужели? Клянусь Юпитером! Передай ей мои соболезнования, Карлайл. Послушай-ка: а она не почувствует дым? — спросил он, и на его лице отразилось живейшее беспокойство.

М-р Карлайл успокоил его на этот счет, после чего повернулся к капитану Торну.

— Вы уже осмотрели окрестности?

Капитан Торн улыбнулся.

— Я только вчера приехал в Вест-Линн.

— Так вы здесь не бывали раньше? — продолжал м-р Карлайл, сочтя недостаточным этот уклончивый ответ.

— Нет.

— Ты знаешь, он и мой брат Джек служат в одном полку, — бесцеремонно вставил Том Герберт. — Джек пригласил его на рыбалку, вот Торн и приехал. Но нам никто не сообщил о его приезде. Джек о нем и думать забыл, укатил в какую-то экспедицию в Ирландию, Бог его знает, куда. Чертовски жаль, что так случилось. Торн говорит, что снова уедет.

Далее разговор коснулся рыбалки, и приезжий, увлекшись спором, упомянул один пруд, который называли Нижним, с его знаменитыми угрями. М-р Карлайл внимательно посмотрел на него и небрежно спросил:

— Который вы имеете в виду? У нас здесь два пруда находятся недалеко друг от друга, и оба называются Нижними.

— Тот, который расположен примерно в трех милях отсюда, в поместье эсквайра Торна, если я не ошибаюсь.

М-р Карлайл улыбнулся.

— Мне кажется, что вы все-таки бывали в наших краях, капитан Торн. Эсквайр Торн умер, поместье перешло к мужу его дочери, а этот самый Нижний пруд наполнили три года назад.

— Мне о нем рассказывал приятель, — безразличным тоном ответил капитан Торн, явно не желая развивать эту тему.

М-р Карлайл постепенно перевел разговор на Свейнсон, местечко, из которого, как подозревал Ричард Хэйр, приезжал капитан Торн. Теперешний Торн сказал, что знает это место «немножко», поскольку когда-то «останавливался там ненадолго». Это почти убедило м-ра Карлайла в обоснованности подозрений Барбары. Описание совпадало, насколько он мог судить, до мельчайших деталей. У этого человека было два перстня: с алмазом — первоклассным, между прочим — на одной руке, и перстень-печатка — на другой; у него также были чрезвычайно изящные руки, а его носовой платок из тончайшего батиста источал не менее тонкий аромат духов: признак щегольства, который в том, прежнем капитане Торне, так раздражал Ричарда. М-р Карлайл на минутку вышел из комнаты и вызвал Джойс.

— Миледи спрашивала вас, сэр, — сказала она.

— Скажите ей, что я поднимусь наверх, как только уйдут эти джентльмены. И еще, Джойс, — добавил он. — Под каким-нибудь предлогом войдите в комнату, можете что-нибудь принести. Я хочу, чтобы вы взглянули на этого приезжего, который там сидит с молодым Гербертом. Присмотритесь к нему повнимательнее: возможно, вы видели его раньше.

М-р Карлайл вернулся в комнату, немало удивив Джойс. Однако вскоре она принесла воды и задержалась ненадолго, якобы для того, чтобы получше расставить посуду на столе. Когда гости ушли, м-р Карлайл позвал Джойс, прежде чем подняться в комнату жены.

— Ну как? — спросил он. — Вы узнали его?

— Нет, сэр. Мне показалось, я никогда не видела его ранее.

— Постарайтесь вспомнить, Джойс. Вы никогда не видели его в прошлом?

Джойс, казалось, пришла в замешательство, однако по-прежнему ответила отрицательно.

— Подумайте: не тот ли это человек, который приезжал к Эфи из Свейнсона?

Лицо Джойс покрылось пунцовым румянцем.

— Ах, сэр! — только и смогла произнести она.

— Имя то же самое: Торн. Я подумал, что это, может быть, тот же самый человек, — заметил м-р Карлайл.

— Сэр, я, право же, не могу сказать. Я и видела-то капитана Торна всего один раз, и я не знаю... не знаю, — Джойс говорила медленно, выбирая слова, — смогла бы я вообще узнать его. Я не думала об этом, когда смотрела на того джентльмена; во всяком случае, наружность его не показалась мне знакомой.

Итак, Джойс ни подтвердила, ни опровергла его подозрений. На следующий день он нашел Отуэя Бетела.

— Ты хорошо знаком с этим капитаном Торном, который гостит у Гербертов? — поинтересовался он.

— Да уж! — насмешливо ответил Бетел. — Если пара часов, проведенных в его обществе, означают близкое знакомство. Больше я его не видел.

— Ты уверен? — настойчиво спросил м-р Карлайл.

— Уверен ли! — повторил Бетел. — Послушай, к чему ты клонишь? Я позавчера вечером заглянул к Гербертам, и Том оставил меня на весь вечер. К ним только что приехал Торн. Недурно мы провели вечерок за сигарами и холодным пуншем!

— Бетел, — сказал м-р Карлайл, переходя к делу, — не тот ли это Торн, который ухаживал за Эфи Хэллиджон. Ну же, скажи, не бойся.

Бетел на мгновение утратил дар речи, как казалось, от изумления.

— Какая чудовищная ложь! — выговорил он наконец. — Это такой же Торн, как... Какой Торн? — прервал он себя на полуслове.

— Ты увливаешь, Бетел. Торн, который был замешан, или, по крайней мере, о ком говорили, что он замешан в деле Хэллиджона. Это он?

— Да ты дурак, Карлайл, чего ранее никогда за тобою не замечал, — свирепо ответил м-р Бетел. — Я уже говорил тебе, что знать не знаю ни о каком Торне, у которого что-то там было с Эфи, и я не понимаю, почему ты мне не веришь! Я в жизни своей не встречал ни одного Торна до позавчерашнего вечера, в чем могу присягнуть, если потребуется.

С этими словами Бетел удалился, а м-р Карлайл посмотрел ему вслед, обдумывая услышанное. Ему показалось, что упоминание имени Торна, о котором говорил Ричард Хэйр, вызвало у Бетела какие-то неприятные воспоминания, от которых он и пришел в такое раздражение. М-р Карлайл помнил, что и при первом их разговоре о Торне его реакция была такой же, как и в этот раз. А ведь Бетел был в целом человеком необидчивым, скорее покладистым, нежели принципиальным. М-р Карлайл был уверен, что за этим кроется какая-то тайна, связанная с этим делом, но он мог лишь догадываться, какая именно. Разговор с Бетелом несколько не помог ему выяснить, был ли этот Торн тем самым человеком. Он отправился обратно в контору и по пути встретил Тома Герберта.

— Долго ли собирается пробыть у вас капитан Торн? — спросил он, остановившись.

— Он уехал. Я только что проводил его на поезд, — ответил Том Герберт. — Без Джека ему здесь показалось скучновато, поэтому он уехал раньше, пообещав навестить нас, когда вернется Джек.

Возвращаясь домой к обеду, м-р Карлайл зашел в поместье Хэйров якобы для того, чтобы навестить миссис Хэйр.

Барбара, сама не своя от нетерпения, вышла проводить его, когда он уходил.

— Что вы узнали? — взволнованно спросила она.

— Ничего утешительного, — ответил м-р Карлайл. — Он уехал.

— Уехал?! — повторила Барбара.

М-р Карлайл рассказал ей все: о его встрече с ними после ухода Барбары, о разговоре с Томом Гербертом и Бетелом.

— Может быть, он уехал неспроста, опасаясь последствий? — поинтересовалась Барбара.

— Вряд ли. Иначе зачем он приезжал?

— Вы не выдали себя каким-нибудь неосторожным словом, дав ему почувствовать, что он под подозрением?

— Ни единым словом. Из тебя получился бы плохой адвокат, Барбара.

— Кто он?

— Офицер на службе Ее Величества, в полку Джона Герберта. Больше мне ничего не удалось выяснить. Том сказал, что он из хорошей семьи. Но мне все-таки кажется, что это — тот самый человек.

— Больше ничего нельзя сделать?

— При теперешнем положении дел — ничего, — подвел итог м-р Карлайл, выходя через калитку. — Нам остается только терпеливо ждать и надеяться, что время даст всему свое объяснение.

Барбара прижалась лбом к холодному металлу калитки, прислушиваясь к его удалявшимся шагам.

— Ну, конечно, ждать, — прошептала она, — жить с этой страшной мукой, может быть, годы, кто знает: может быть, всю жизнь, а бедный Ричард будет влачить свои дни в нищете, в изгнании!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1 ОТЪЕЗД

Прошло несколько лет.

— Я бы посоветовал полностью сменить обстановку, мистер Карлайл. Скажем, какое-нибудь местечко во Франции или Бельгии, на побережье. Морские ванны иногда творят чудеса.

— Вы считаете, ей это пойдет на пользу, если она уедет так далеко от дома?

— Да, я так считаю. В случае хронических или острых недугов, тех, с которыми можно бороться, я ни во что не ставлю перемену обстановки или воздуха; находится ли пациент дома или уезжает, это не имеет значения: ему нужно пройти определенный курс лечения, хирургический или лекарственный, что можно с одинаковым успехом сделать в горах Швейцарии или в долине Девоншира. Но в подобных случаях затяжных недомоганий, когда можно лишь по крупицам восстанавливать силы, перемена воздуха и обстановки имеет огромное значение.

— Я предложу ей эту поездку, — сказал м-р Карлайл.

— Я только что сделал это, — ответил доктор Мартин, поскольку именно с ним разговаривал м-р Карлайл. — Она не хочет ехать; иного я и не ожидал, поскольку больные с большой неохотой уезжают из дома. Однако ей это просто необходимо.

Они говорили не о ком ином, как о леди Изабель. В семье Карлайлов к этому времени было уже три ребенка: Изабель, Уильям и Арчибальд, причем последнему было только двенадцать месяцев. Примерно месяц назад у леди Изабель случился приступ болезни; она выздоровела, точнее сказать, преодолела недуг, но была по-прежнему очень слаба. Тщетно боролся с этой слабостью м-р Уэйнрайт: казалось, ее состояние скорее ухудшается, чем наоборот; пришлось вызывать доктора Мартина из Линборо. Он мог порекомендовать — как уже знает читатель — только перемену обстановки и воздуха. Леди Изабель не желала воспользоваться этим советом, особенно уезжать так далеко, «на побережье Франции». Возможно, она так никогда и не поехала бы, если бы не одно обстоятельство, заставившее ее решиться на это. Миссис Дьюси — читатель, возможно, еще не забыл это имя — вместе со своим мужем, почтенным Огастэсом Дьюси, оказалась в несколько стесненных финансовых обстоятельствах и решила некоторое время пожить на континенте, где жизнь была дешевле, чем в Англии. Восемнадцать месяцев она прожила в Париже, под предлогом необходимости дать образование дочерям — чрезвычайно удобный предлог, сослуживший добрую службу многим и многим людям! За время ее отсутствия Изабель получила два или три письма, а на днях пришло еще одно, в котором сообщалось, что они собираются провести месяц-другой в Булонь-сюр-Мер. Доктор Мартин и доктор Уэйнрайт заявили, что теперь у леди Изабель нет причин отказываться от поездки, поскольку общество миссис Дьюси скрасит одиночество, страх перед которым служил ей предлогом для того, чтобы не ехать.

— Подумать только: ехать в Булонь-сюр-Мер! — протестовала леди Изабель. — Говорят, это шумное и вульгарное место.

М-р Карлайл тоже возражал против Булонь-сюр-Мер, будучи невысокого мнения об этом городе. Это было не то место, в которое он хотел бы отправить жену, особенно учитывая то, что сам он не мог сопровождать ее. Поэтому решено было ехать в Трувиль, приятное, тихое местечко на водах возле Арфлера, в те дни мало известное широкой публике. Впрочем, его леди Изабель, возможно, сочла бы скучным. Доктор Мартин настаивал на поездке в Булонь.

— Ну и что с того, что Булонь — шумное и вульгарное место? — говорил он. — По крайней мере, леди Изабель будет не так скучно. В Трувиле она умрет от тоски, так что пусть уж едет в Булонь к миссис Дьюси.

М-р Карлайл в конце концов уступил. Леди Изабель, видя, что ее сопротивление не находит поддержки, согласилась ехать, и все начали спешно готовиться к отъезду.

Наша героиня выглядела очень больной, черты ее бледного лица заострились, а глаза, ее чудесные грустные глаза, казалось, стали больше и потемнели, руки сделались горячими и влажными. Несмотря на теплую погоду, она все время куталась в шаль и часами сидела, не вставая, как все люди, испытывающие большую слабость; она или любовалась умиротворяющим пейзажем, или смотрела, как играют ее дети. Раз в день она выезжала в закрытом экипаже. Во время этой болезни к ней вернулась прежняя тревога, касавшаяся отношений ее мужа с Барбарой Хэйр. За последние несколько лет она несколько приутихла, так как у нее не было причин для беспокойства, однако леди Изабель была в том состоянии, когда воображение преувеличивает обиды, прошлые и настоящие. Она снова и снова задавала себе тревожный вопрос: любил ли ее м-р Карлайл на самом деле или же, привлеченный ее титулом и красотой, женился на ней, хотя на самом деле любил Барбару? Его нежность к ней, столь заметная в первый год их брака, сменилась отношением более спокойным и сдержанным. Разве не приходит к этому каждый мужчина, которого церковь сочетала узами брака с женщиной? И дело тут вовсе не в том, что его любовь исчезла; просто время и сила привычки делают свое дело. Взять хотя бы детей с их игрушками: мальчика с новым барабаном или же девочку с куклой. Разве они не целуют, не обнимают и не сжимают в руках новые игрушки, не желая расставаться с ними ни на минуту? Разве не бросают все другие дела или не занимаются ими с крайней неохотой, что бы это ни было: уроки чтения, спорт, повседневные дела, даже пудинг за обедом, когда есть новая игрушка? Но подождите немного. Пройдет некоторое время, и барабан (если его еще не сломали) отправляется в темный чулан, кукла — обратно в свою кроватку, после чего о них даже не вспоминают. Скажите детям, чтобы они взяли игрушки, еще недавно столь дорогие для них, и поигрались с ними вечером; они пойдут неохотно (если вообще не откажутся), поскольку те уже надоели им. Нельзя ругать детей за их неверность прежним любимцам: такова их природа, ведь они — люди. А разве дело обстоит иначе с выросшими детьми? Разве все мы, мужчины и женщины, не становимся безразличными к тем игрушкам, которыми обладаем? Милые девушки! Когда тот, кто скоро станет вашим мужем и господином, уверяет вас, что всегда будет любить столь же пылко, можете поверить ему, но не упрекайте, когда наступит разочарование. Он вовсе не обманывает вас сознательно, он просто забывает, что мужчине свойственно меняться. Пройдет время — и его отношение к вам сделается более спокойным, что может вам показаться, особенно если вы чрезмерно строги, безразличием или даже холодностью. Однако вам лучше смириться с этим, поскольку теперь уже ничего и никогда не изменить. Никогда, увы, ибо навсегда миновала юность, ранняя любовь и чувство новизны.

Леди Изабель не могла понять причин ровного, спокойного отношения к ней мужа, пришедшего на смену страстной любви, и в своей ревности склонна была объяснять это тем, что он не может забыть Барбару. Ей хотелось маленьких нежностей; она была бы счастлива, если бы он стоял, взявшись за спинку ее стула, когда она пела, привлек ее к себе и осыпал ее лицо поцелуями, как в то время, когда она переступила порог дома в качестве его жены. Мы помним, что леди Изабель не любила м-ра Карлайла, однако его нежность, его трогательная забота о ней в начале их совместной жизни заставили ее преисполниться благодарностью и искренне постараться полюбить его — но, увы, только постараться. Ее усилия были тщетны. Любовь никогда не приходит, если стараешься полюбить: эта капризная страсть вспыхивает внезапно и помимо нашей воли. Возможно, она считала, что смогла полюбить, ибо высоко ценила его, уважала и восхищалась им. Когда она сравнивала его с другими мужчинами и видела, как он превосходит их всех, какой он добрый и благородный, какими ничтожными все кажутся рядом с ним, сердце ее переполнялось гордостью, потому что она была его женой: даже принцесса по крови сочла бы за честь, если бы ее выбрал такой мужчина, как Арчибальд Карлайл. Пусть же в его сердце останется крошечный уголок для Барбары Хэйр! Нет: этого Изабель не могла стерпеть. В тот день, когда окончательно решено было ехать, леди Изабель сидела в гостиной со своими детьми, всеми тремя: даже самый младший устроился рядом, на ковре. Изабель была изящной, красивой девочкой четырех лет от роду, Уильям был точной копией матери, а Арчибальд больше походил на м-ра Карлайла.

— Идите же ко мне, родные мои, — воскликнула она.

Изабель и Уильям подбежали к ней, и она обняла их. Маленький Арчи бил по ковру пятками, сидя чуть поодаль. Все дети смотрели на мать.

— Хотят ли мои маленькие поехать с мамой далеко-далеко, на корабле, за море?

Изабель, унаследовавшая тонкую и чувствительную натуру матери, лишь улыбнулась и покраснела. Уильям захлопал в ладоши:

— Да, на корабле! И Арчи тоже, мама?

— И Арчи, и все остальные, — ответила леди Изабель. — И Джойс, и Уилсон, и...

Мисс Карлайл, сидевшая возле окна, резко повернулась, чтобы прервать всеобщее ликование. Мисс Корни, хотя и не противилась отъезду, внутренне не одобряла его. «Зачем людям менять воздух? — думала она. — Мне вот никогда не хотелось сменить обстановку. Эти новомодные идеи докторов, которые всем и каждому рекомендуют сменить воздух при любой болезни! Осталось только при порезанном пальце назначать то же самое. Если бы леди Изабель постаралась, она бы и дома быстро пришла в себя».

— Дети не поедут к морю, — сказала она. — Им этого лечения не назначали.

— Но они должны ехать со мной, — ответила леди Изабель. — Конечно, им этого не назначали, но почему они не могут поехать?

— Почему? — едко ответила мисс Корни. — Из-за расходов, конечно же. Я скажу вам, леди Изабель, что со всеми этими расходами ваш муж скоро разорится. Даже ваша поездка с Джойс и Интером влетит в копеечку, не говоря уже о том, чтобы брать с собой целый фургон детей и нянек.

У леди Изабель оборвалось сердце.

— Кроме того, вы едете, чтобы укрепить здоровье. И как же вы собираетесь сделать это, если вам придется заботиться о детях? — продолжала мисс Корни. — Люди, едущие за границу в поисках развлечений, и больные, надеющиеся укрепить здоровье, не получают ни того, ни другого, если не оставят свои заботы дома.

Леди Изабель встала, не без труда подняла с ковра маленького Арчибальда, посадила к себе на колени и прижалась щекой к его маленькому личику.

— Хочет ли мой малыш, чтобы мама уехала и оставила его? — спросила она, и слезы закапали на его светлые кудри. — Ах, я не могу оставить их! — добавила она, умоляюще глядя на мисс Карлайл. — Я не поправлюсь, если вы пошлете меня одну. Я буду тосковать по детям.

— Одну, леди Изабель? А муж для вас никто?

— Да ведь он только отвезет меня, но не останется со мной.

— Ну вы же не хотите, чтобы его бизнес пошел прахом, — огрызнулась мисс Корни. — Разве он может его бросить? С этими чудовищными расходами ему нужно работать много, как никогда. И прежде, чем тащить детей на воды, не мешает сесть и посчитать, сколько это будет стоить. Разумеется, леди Изабель, я просто высказываю свое мнение; вы — жена Арчибальда, единственная хозяйка в этом доме, и вольны поступать, как вам заблагорассудится.

Как ей заблагорассудится! Леди Изабель смиренно поникла головой, прижимая к себе детей; она потеряла дар речи, и сердце ее готово было разорваться от боли. Джойс, которая тоже находилась в комнате, услышала кое-что и догадалась, что произошло. Вечером того же дня Джойс увидела, что м-р Карлайл несет маленькую Изабель в детскую, посадив на плечо, и подумала, что ей представилась хорошая возможность поговорить с ним.

— Миледи хочет взять детей во Францию, сэр.

— Вот как? — ответил м-р Карлайл.

— И я боюсь, что она будет несчастна, если они не поедут, сэр.

— А почему бы им и не поехать? — осведомился м-р Карлайл.

Он вернулся в гостиную, где в одиночестве сидела его жена.

— Изабель, ты хотела взять детей с собой?

— Ах, я так мечтала об этом! — ответила она, и лихорадочный румянец внезапной надежды окрасил ее бледные щеки. — Не могут ли они поехать, Арчибальд?

— Ну конечно, могут. Для них так же полезно будет сменить обстановку, как и для тебя. Почему ты колеблешься?

— Расходы... — прошептала она робко, покраснев еще сильнее.

Он улыбнулся и посмотрел ей в глаза.

— О расходах не беспокойся, Изабель: о них позабочусь я. Ты вообще не вспоминай слово «расходы», пока я не попрошу тебя об этом.

— Это не намного увеличит стоимость поездки, — ответила она со сверкающими от счастья глазами. — А я поправлюсь гораздо быстрее, если они будут со мной.

— Тогда ты тем более должна взять их с собой, хотя бы на край света. Почему ты должна беспокоиться о чем-то еще, кроме собственного покоя и благополучия?

Она взяла его за руку с любовью и благодарностью, поскольку все в его голосе свидетельствовало о любви и нежности к ней; в этот момент были забыты все страхи, порожденные ревностью. Она даже забыла о том, что он относился к ней спокойнее, чем в прежние годы.

— Арчибальд! Ведь правда же, ты любишь меня так же, как и раньше?

Он не понял, почему она так говорит, однако привлек ее к себе, как прежде, и нежно поцеловал.

— Ты мне дороже, намного дороже, чем раньше, Изабель!

Услышав его решение мисс Карлайл буквально разразилась градом упреков, уверяя, что м-р Карлайл будет горько раскаиваться в этом, поскольку лишает свою жену малейших шансов на выздоровление. М-р Карлайл буквально разрывался между стремлением угодить Изабель и заботой о ее же благе. Он не доверял ни своему суждению, ни суждению Изабель; пришлось обратиться к врачам. Но мисс Корни опередила его: она постаралась внушить медикам, что дети будут постоянным источником беспокойства для леди Изабель, и те наложили свое вето на поездку детей. Так что, в конце концов, леди Изабель пришлось смириться.

— Джойс, — сказала она своей горничной. — Я оставлю вас дома: мне придется взять Уилсон.

— О, миледи, чем я провинилась?

— Вы все делали так, как надо, Джойс, но вы должны остаться с детьми. Если уж я не могу взять их с собой, лучше всего будет оставить их с вами. Я оставлю детей на ваше попечение, а не мисс Карлайл, — сказала она, понизив голос. — Если бы здесь оставалась Уилсон, я не смогла бы сделать этого.

— Миледи, я поступлю так, как вы считаете нужным. Я хотела бы заботиться и о вас, и детях, но понимаю, что это невозможно.

— Меня посылают набраться здоровья и сил, но я могу умереть, Джойс. Вы обещаете, если я не вернусь, не покидать моих детей?

У Джойс мороз пошел по коже, она чуть не разрыдалась, но сумела сдержаться и заговорила спокойным голосом:

— Миледи, я надеюсь, вы снова вернетесь к нам, как и ранее. Я надеюсь, вы будете думать так же и не станете падать духом.

— Я искренне надеюсь на это, — с горячностью ответила леди Изабель. — Однако, кто знает: я очень больна. Джойс, пообещайте мне, что, если случится худшее, вы останетесь с детьми.

— Я сделаю это, миледи, если мне позволят.

— И будьте добры к ним, любите их и защищайте от... от любого зла, которое им могут причинить, — добавила она, думая о мисс Карлайл, — и разговаривайте с ними иногда об их бедной матери, которой больше нет.

— Ну конечно, конечно, миледи.

Когда леди Изабель вышла из комнаты, Джойс села в кресло-качалку и разрыдалась.

Глава 2

ФРЭНСИС ЛИВАЙСОН

М-р Карлайл и леди Изабель, вместе с Уилсон и Питером, прибыли в Булонь и отправились в гостиницу. Следует заметить, что Питер был переведен к ним от мисс Карлайл, когда впервые определялись обязанности прислуги в Ист-Линне. Когда они осведомились, где живет миссис Дьюсси, их ожидало первое разочарование: им вручили письмо от нее, пришедшее утром, в котором сообщалось, что, к сожалению, некоторые семейные обстоятельства не позволят ей посетить Булонь; вместо этого она отправлялась куда-то в Германию, на лечебные ванны.

— Я должна была предвидеть это, — заметила Изабель. — Она всегда была чрезвычайно непостоянной женщиной.

М-р Карлайл предложил все-таки отправиться в Трувиль, но Изабель сказала, что останется, раз уж приехала в Булонь. Он отправился на поиски квартиры, так как Изабель не хотела оставаться в шумной гостинице, нашел вполне подходящие комнаты неподалеку от порта, где они и поселились. Он подумал, что путешествие пошло ей на пользу, так как она выглядела лучше, чем до отъезда, и сама говорила, что сил у нее прибавилось. М-р Карлайл пробыл с ней три дня вместо обещанного одного, поскольку его радовали признаки улучшения ее самочувствия, равно как и сценки оживленной городской жизни.

— Я не буду заводить здесь новых знакомств, — сказала она ему, когда они присели на пирсе, до которого она дошла, почти совершенно не устав, и принялись рассматривать толпы веселых и праздных отдыхающих.

— Конечно, не стоит делать этого без разбора, — ответил он, — но ты можешь встретить кого-нибудь из знакомых. Кто только не приезжает сюда: и уважаемые люди по самым серьезным причинам, и те, кто является полной противоположностью им. Некоторые из прохожих наверняка приехали сюда потому, что запустили воздушного змея в Англии.

— Воздушного змея? — переспросила Изабель.

— Я имею в виду фиктивные векселя, счета и перспективы продленных платежных акцептов, — ответил м-р Карлайл. — И хорошо еще, если на их совести нет чего-либо посерьезнее. Чем недостойнее человек вел себя на родине, тем важнее он держится за границу, раньше всех заявившись в консульство, чтобы сообщить о своем приезде. Послушать этих хвастунов, так в Англии они были миллионерами и вели безгрешную жизнь под стать святым.

— Ты никогда не жил в подобных городах на континенте, Арчибальд. Откуда же тебе все это известно?

— Я много общался с теми, кто в них жил. А вот и Бакстон! — неожиданно воскликнул он. — И он меня заметил. Посмотри-ка, Изабель: он не знает, подойти или повернуться и удрать.

— Кто? Где он? — спросила Изабель, не зная, о ком из многочисленных прохожих идет речь.

— Да вот этот полный, хорошо одетый человек со светлыми волосами и целой связкой печаток на цепочке от часов. Кажется, он решил пройти мимо. Не волнуйтесь, милейший: здесь, на булонской пристани, вы в безопасности. Но если вас изловят по другую сторону пролива... А вот и его жена. Полюбуйся ее шелками, цепочками, браслетами, которыми она обвешалась. Все это они, без сомнения, мошенническим способом выманили у доверчивых торговцев. Здесь они разумеется, разыгрывают из себя важных персон. Это настоящая комедия — наблюдать сценки из жизни этих англо-французских городков, зная, кто есть кто, и видеть, как пыжались некоторые из их обитателей. Ты устала, Изабель?

— Немного. Я хотела бы вернуться.

М-р Карлайл встал, подал руку жене, и они неторопливо пошли вдоль пристани. Многие оглядывались на них, любясь его высокой, благородной фигурой, ее молодой красотой, изысканностью, которая отличала их обоих. На следующее утро прилив начался в восемь часов, и м-р Карлайл отплыл на пароходе, направлявшемся в Фолкстоун. Спешно проглотив завтрак, который приготовила ему Уилсон, он зашел попрощаться с женой, которая еще не встала.

— До свидания, любимая, — сказал он, наклонившись, чтобы поцеловать ее. — Береги себя.

- Поцелуй за меня наших малышей, Арчибальд.
- Что? — спросил он. — Я должен спешить.
- Не влюбись в Барбару Хэйр, пока меня не будет.

Она говорила полушутя-полусерьезно, но если бы он знал, как стучало ее сердце! М-р Карлайл воспринял это как шутку и удалился, рассмеявшись. Если бы он понял, что она не шутит, его это удивило бы почти так же, как просьба не ездить в Англии на одnogорбом верблюде-дромадере.

Изабель вскоре встала и, чувствуя беспокойство, долго не могла справиться с завтраком. Она думала, как ей прожить следующие несколько недель. Она со времени своего приезда успела принять две морские ванны, которые ей не понравились, поскольку вызвали слабость и дрожь; поэтому ей казалось нежелательным принимать их и далее. Стояло прекрасное утро, и она решила отправиться на пирс, где они были прошлым вечером. Она не могла опереться на руку м-ра Карлайла, но путь был не слишком дальний, тем более, что в конце его можно было отдохнуть. Она пришла туда в сопровождении Питера, села и велела слуге вернуться за ней через час. Она стала наблюдать за гуляющими, которые в этот ранний час двигались поодиночке или небольшими группами, не слившись еще в шумную толпу. Вот прошел подагрик в специальной обуви, за ним — три молодые леди с гувернанткой, а вот — двое молодых шумных кутил в охотничьих куртках и очках, которые нагло уставились на леди Изабель; впрочем, было в ней нечто такое, что заставило их отвести взгляд и притихнуть. Спустя некоторое время появился еще один прохожий, высокий и красивый джентльмен. Взгляд ее упал на незнакомца, и... Что заставило ее затрепетать всем телом, а сердце — учащенно забиться? Чья фигура двигалась к ней, внося смятение в ее заскучавшую душу? Она принадлежала тому, кого она, как вскоре выяснится, никогда не могла полностью забыть. По пирсу медленно шел капитан Ливайсон, приближаясь к тому месту, где сидела она. Он взглянул на нее, не дерзко, как те двое юнцов, а с нескрываемым восхищением.

«Какая милая девушка! — подумал он. — Кто бы это мог быть?»

Внезапно он вспомнил, кто это; капитан Ливайсон снял шляпу и протянул к ней руку, ослепив своей обворожительной улыбкой.

— Ну конечно же, я не ошибся. Разве я не имею честь снова встретиться с леди Изабель Вейн?

Она подала ему руку, ответив что-то невпопад, поскольку была в полном смятении.

— Прошу прощения: я должен был сказать «леди Изабель Карлайл». С тех пор, как мы расстались, прошло немало времени, и я, от внезапной радости снова видеть вас, назвал как в прежние времена.

Она снова села, и яркий румянец волнения погас на ее щеках. Разглядывая ее, капитан Ливайсон подумал, что он не видел лица красивее с того самого времени, когда в последний раз встретился с ней.

— Что привело вас сюда? — спросил он, присаживаясь рядом.

— Я болела, — объяснила она, — и мне настоятельно рекомендовали морской воздух. Мы не приехали бы сюда, если бы не миссис Дьюси, с которой мы собирались встретиться здесь. М-р Карлайл уехал только сегодня утром.

— Миссис Дьюси укатила в Эмс. Я вижу их иногда. Они обосновались в Париже. Вы и в самом деле выглядите больной! — внезапно добавил он с искренним сочувствием. — Это меня тревожит. Могу ли я что-то сделать для вас?

Она и сама знала, что выглядит очень больной, что румянец, вызванный волнением от внезапной встречи с ним, сходит с ее щек, оставляя их пепельно-бледными. Она была раздосадована и даже сердита на себя за то, что могла так разволноваться, встретив его. До этого момента она и не подозревала, что все еще испытывает какие-то чувства к капитану Ливайсону.

— Возможно, я предприняла слишком раннюю прогулку, — сказала она, как бы извиняясь за свой вид. — Думаю, мне нужно вернуться. Я встречу моего слугу по дороге. До свидания, капитан Ливайсон.

— Однако, непохоже, чтобы вы были в состоянии идти в одиночку, — возразил он. — Разрешите мне проводить вас домой.

Взяв ее под руку, причем сделав это как нечто само собой разумеющееся, как множество раз в прошлом, он повел ее по пирсу. Леди Изабель, не найдя себе места от беспокойства,

чувствовала, что не следует вот так запросто идти под руку с ним; однако, с другой стороны, он был отчасти ее родственником, пусть даже дальним, и она не смогла найти повод отказать ему.

— Вы в последнее время не виделись с леди Маунт-Северн? — осведомился он.

— Я видела ее этой весной в Лондоне, когда была там с мистером Карлайлом. Мы не виделись со дня моей свадьбы; переписки мы также не ведем. Впрочем, лорд Маунт-Северн несколько раз навещал нас в Ист-Линне. Я слышала, они по-прежнему живут в городе?

— Да, насколько мне известно. Я не видел их, впрочем, как и саму Англию, уже десять месяцев. Жил я в Париже, а сюда приехал вчера.

— Весьма длительный отпуск, — заметила она.

— Да, я же оставил военную службу. Дело в том, леди Изабель, — вам-то я могу это рассказать, — что мои дела в настоящее время не особенно хороши. Мой старый дядюшка повел себя самым свинским образом: он снова женился.

— Я слышала о том, что сэр Питер вступил в брак.

— Ведь ему, дурню старому, уже семьдесят три года. Это, разумеется, меняет мои виды на богатое наследство, поскольку он может обзавестись собственным сыном; неудивительно, что на меня набросились мои кредиторы. Они позволяли мне множить долги, пока я был наследником титула и поместий, но, как только газеты сообщили о женитьбе сэра Питера, мои акции резко упали, мне перестали давать в кредит и потребовали уплаты долгов. Я оставил службу и уехал за границу.

— Скрылись от кредиторов?

— А что мне оставалось делать? Мой дядя отказался заплатить, равно как и увеличить мое денежное содержание.

— Каковы же теперь ваши перспективы? — снова спросила леди Изабель.

— Перспективы! Видите этого мальчишку в лохмотьях, швыряющего камешки в воду? Спросите его, каковы его перспективы; он посмотрит вам прямо в глаза и скажет: «Никаких». То же самое верно и по отношению ко мне.

— Ну, вы все-таки имеете шансы стать наследником сэра Питера.

— Да, я могу стать им, а могу и не стать. Когда эти старые идиоты обзаводятся молодыми женами...

— Вы поссорились с сэром Питером? — перебила его леди Изабель.

— Я бы разругался с ним, как он того заслуживает, если бы в этом был хоть малейший смысл; он ведь может приостановить выплату моего денежного содержания. Видите ли, леди Изабель: защита собственных интересов — вот девиз большинства людей в наши дни.

— Долго ли вы собираетесь пробыть в Булони?

— Право же, не знаю. Как понравится. Беспутная парижская жизнь, с этими ночными бдениями в душных комнатах, изматывает; вот я и приехал, чтобы освежиться морскими ваннами. Не слишком ли быстро я иду?

— Когда вы заговорили о женитьбе сэра Питера, вы весьма заметно ускорили шаг. И я ничего не имею против, — весело добавила она, — ибо это позволило мне почувствовать, как я окрепла. Неделию назад даже вдвое более медленная ходьба была мне не под силу.

Он рассыпался в извинениях. Вскоре они подошли к дому, в котором она жила, и капитан Ливайсон вошел вместе с ней, без приглашения. Возможно, он полагал, что родственники могут обойтись без лишних церемоний, и просидел, таким образом, с четверть часа, развлекая ее своей беззаботной болтовней. Поднявшись, наконец, чтобы откланяться, он осведомился, чем она собирается заняться во второй половине дня.

— Прилягу отдохнуть, — ответила леди Изабель. — У меня еще не хватает сил пробыть на ногах целый день.

— Вы должны позволить мне сопровождать вас, если надумаете прогуляться, — заметил он. — Я рад, что оказался здесь, поскольку полагаю, что вам не подобает выходить в сопровождении одного лишь слуги. Когда придет мистер Карлайл, он будет благодарен мне за мои старания.

Ей просто нечего было на это возразить. Он, конечно же, говорил это с искренним желанием помочь ей, просто и естественно, как мог бы сказать то же самое любой знакомый. Леди Изабель умела прекрасно владеть собой; если прежние чувства не окончательно умерли в ней, она должна

подавить их: даже мысль об этом заставила ее покраснеть от стыда. Итак, она встретится с капитаном Ливайсоном и вынесет его общество так же, как общество какого-либо незнакомца, совершенно безразличного ей.

Увы, она избрала совершенно неправильный образ действий. Через несколько дней состояние леди Изабель чудесным образом изменилось к лучшему. Вскоре она уже была в состоянии совершать утренние прогулки на песчаный морской берег, где сидела, наслаждаясь морским воздухом и любуясь волнами, то наступавшими на сушу во время прилива, то вновь отступавшими с отливом. Она не завела новых знакомств и виделась только с капитаном Ливайсоном. Он часто присоединялся к ней на берегу, иногда приводил ее к морю и почти всегда сопровождал на обратном пути. Ей не нравилось, когда он брал ее под руку: совесть шептала ей, что лучше было бы не позволять этого. Однажды она решилась сказать шутливым тоном, ибо не могла сделать этого каким-либо иным образом, что теперь, окрепнув, она более не нуждается в его сопровождении, поскольку теперь может ходить, не опираясь на чью-либо руку. Он был просто ошеломлен и хотел знать, отчего он более не может делать этого: ведь с ней по-прежнему не было ее мужа, рука которого служила бы ей опорой во время прогулок. Ей нечего было ответить на это, и, за неимением достаточных оснований для отказа, она, как обычно, позволила ему взять себя под руку. По вечерам он неизменно сопровождал ее на пирс, где они сидели в сторонке, не смешиваясь с шумной толпой, и разговаривал с ней, стараясь быть как можно обаятельнее — а ведь обаяние такого человека, как Фрэнсис Ливайсон, так опасно для женского слуха в чудесном вечернем полумраке.

Проводив ее, он прощался с ней возле двери ее дома; по вечерам она никогда не приглашала его войти, и он не входил без приглашения, как иногда делал это по утрам. Ну что она могла поделаться с этим? Читатель может сказать, что ей следовало бы оставаться дома, избегая его общества. Но пребывание в четырех стенах отнюдь не способствовало бы укреплению ее здоровья, а ведь именно для этого она приехала в Булонь и хотела окрепнуть как можно скорее, поскольку искренне желала вернуться домой, к мужу и детям.

М-р Карлайл должен был вернуться в Булонь две недели после своего отъезда. Сколь чудесным образом изменилась за это время леди Изабель! Она боялась анализировать свои чувства, но к ней вернулась свежесть ощущений, свойственная юности. Небо, казалось, приобрело голубизну сапфира, поля и покачивающиеся на ветру деревья были ярко-зелеными, как изумруд, а цветы благоухали тоньше и изысканнее любых духов. Она прекрасно понимала, что небо, покрытые травой луга, деревья с их нежной листвой и яркие цветы были такими же, как всегда, что солнечный воздух отнюдь не обладал какими-то новыми восхитительными свойствами, способными вызывать такое чувство окрыленности и восторга; она знала, что это ее сердце полно какого-то нового, дотоле, неведомого счастья. Неудивительно, что она боялась до конца разобраться в своих чувствах. Они, сменив ее прежнюю апатичную вялость, быстро вернули ее лицу здоровый вид. Они отправились встречать м-ра Карлайла с капитаном Ливайсоном, и м-р Карлайл, по пути в таможню увидев ее стоящей за натянутым канатом на пристани, еле узнал свою жену. Черты ее лица утратили прежнюю заостренность, на щеках играл розовый румянец, а глаза светились от радости снова видеть его.

— Как ты добилась, этого дорогая? — с восторгом воскликнул он, выйдя из таможни и радостно взяв ее за руки. — Ты выглядишь почти здоровой!

— Да, мне намного лучше, Арчибалд, но сейчас я раскраснелась от жары. Мы уже давно ждем здесь, на солнце. Как же долго не было парохода!

— Дул сильный встречный ветер, — ответил м-р Карлайл, гадая, что это за щеголь стоит рядом с его женой. Лицо его казалось знакомым, но он тщетно силился вспомнить, где они встречались.

— Капитан Ливайсон, — сказала леди Изабель. — В одном из моих писем я писала тебе, что он тоже отдыхает здесь. Ты разве забыл?

И в самом деле, м-р Карлайл запомнил об этом.

— И я чрезвычайно рад, что нахожусь здесь, — заговорил Фрэнсис Ливайсон, — поскольку имею возможность иногда сопровождать леди Изабель во время прогулок. Сейчас она окрепла, но раньше не могла выходить одна.

— Чрезвычайно обязан вам, — тепло ответил м-р Карлайл.

Леди Изабель взяла мужа под руку, а капитан Ливайсон пошел рядом с мистером Карлайлом.

— Сказать по правде, — заявил он, понизив голос так, что его мог слышать только м-р Карлайл, — я был просто в шоке, когда впервые увидел леди Изабель. Казалось, дни ее сочтены. Поэтому я посчитал своим долгом служить ей всем, что в моих силах.

— Я уверен, что она чрезвычайно признательна вам за ваше внимание, — ответил м-р Карлайл. — Что же касается изменений, происшедших с ней, это кажется просто чудом. Я рассчитывал на улучшение, судя по ее письмам, но это не просто улучшение: она выглядит здоровой. Ты слышишь, Изабель? Не иначе как случилось чудо, ибо вряд ли за эти две недели ты могла обрести прежний румянец. Да, здешний воздух целителен чрезвычайно!

Румянец, о котором он говорил, сделался пунцовым. Она знала — и не могла не понимать этого, сколько бы ни старалась, — что вовсе не морской воздух обновил ее лицо и душу. Она сжала руку мужа и обратилась с безмолвной молитвой к Всевышнему, умоляя его дать ей силы противостоять искушению.

— Ты ни слова не сказал о детях, — воскликнула леди Изабель, когда они с мужем пришли в их квартиру и остались вдвоем, поскольку Фрэнсис Ливайсон, не получив приглашения, откланялся. — Они просили поцеловать меня, да? И маленький Арчи тоже?

М-р Карлайл рассмеялся: он был всего-навсего отцом, а не матерью. Да и как мог годовалый Арчи передавать приветы и поцелуи!

— Если бы ты был в отъезде, как я, он передал бы их для тебя. Я бы заставила его тысячу раз поцеловать меня, сказав, что все эти поцелуи предназначаются для папы.

— Я заберу целую тысячу для него, — ответил м-р Карлайл, прижав ее к сердцу. — Любимая, как я счастлив видеть тебя!

На следующий день, в воскресенье, они пригласили к обеду Фрэнсиса Ливайсона; в первый раз он был зван в их дом. После обеда, когда леди Изабель оставила мужчин, он разоткровенничался с мистером Карлайлом, изложив ему все свои запутанные дела и многочисленные проблемы.

— Эта заграничная ссылка становится невыносимой, — сказал он в завершение. — Парижская жизнь чертовски беспорядочна. Как вы полагаете, есть ли у меня шанс вернуться в Англию?

— Ни малейшего, — последовал спокойный ответ, — если вы не удовлетворите, хотя бы частично, те иски, о которых рассказывали мне. Не поможет ли вам сэр Питер?

— Думаю, поможет, если ему все толково изложить, но как мне сделать это? Я написал ему уже несколько писем, но пока не получил ответа ни на одно. Потом пришло послание от леди Ливайсон, в равной степени краткое и холодное, в котором сообщалось, что сэр Питер болен, и в настоящее время его нельзя беспокоить обсуждением деловых вопросов.

— Ну, эта болезнь не может быть серьезной, — заметил м-р Карлайл. — Неделю назад он проезжал через Вест-Линн в открытой коляске.

— Он, черт возьми, просто обязан помочь мне, — проворчал капитан Ливайсон. — Пока леди Ливайсон не подарила ему наследника, таковым являюсь я. К тому же, насколько мне известно, она не ждет ребенка.

— Вы должны попытаться увидеться с ним.

— Я знаю, однако это невозможно при теперешних обстоятельствах. Теперь, когда тучи сгустились над моей головой, я не могу и носа показать в Англии, не рискуя угодить в долговую тюрьму. Я многое могу вынести, но сама мысль о заключении повергает меня в трепет. Я считаю это очень странным, так как люди, пережившие его, говорят, что это совсем не страшно, когда привыкнешь.

— Кто-то мог бы встретиться с ним вместо вас.

— Но кто же? Я разругался со своими адвокатами, Шарпом и Стилом из Линкольнз-Инн.

— Воспользуйтесь услугами практикующих юристов — вставил м-р Карлайл.

— Ну уж нет. Была б моя воля, я бы выслал их всех в Антарктиду. Они со мной поступают самым бесчестным образом с тех пор, как мой дядюшка женился. Если я когда-либо стану владельцем поместий Ливайсонов, они себе локти кусать будут; ни один из них не отказался бы получить хотя бы крошку от такого лакомого куска.

— Хотите, я увижусь с сэром Питером Ливайсоном?

— Вы не шутите? — спросил капитан Ливайсон, темные глаза которого загорелись от радости.

— Если вам будет угодно; разумеется, как ваш знакомый, а не как поверенный: на это я не согласился бы. Я немного знаю сэра Питера, поскольку мой отец был хорошо знаком с ним, и буду рад помочь вам чем смогу, в благодарность за вашу заботу о моей жене. Не могу обещать увидеться с ним ранее чем через две-три недели, — снова заговорил м-р Карлайл, — поскольку сейчас мы ужасно заняты. В противном случае я бы находился здесь, подле моей жены.

Фрэнсис Ливайсон искренне поблагодарил его; перспектива вернуться в Англию, хотя и весьма отдаленная, привела его в настоящее ликование.

Всё то время, как мужчины разговаривали, леди Изабель сидела у окна в соседней комнате, безразлично разглядывая толпы местных жителей, которые шли в порт и возвращались из него в своих воскресных нарядах. Она смотрела, но не видела их, пытаясь разобраться в своих чувствах, что, увы, было не слишком приятно. Она прекрасно понимала что в душе ее растет слишком горячая привязанность к Фрэнсису Ливайсону; это происходило помимо ее воли: подавить это чувство было так же невозможно, как перестать чувствовать себя живой. В этот внутренний диалог вплетался и суровый голос совести, наполняя ее душу леденящим ужасом. Она отдала бы все, что имела, за способность перебороть себя, пожертвовала бы половиной оставшихся ей лет жизни, чтобы раз и навсегда изгнать этого человека из своей судьбы.

Читатель, пойми слово «ужас» правильно и не вообрази, Бога ради, будто леди Изабель Карлайл испытывала ужас в общепринятом смысле этого слова. Она не боялась за себя: вряд ли кто-либо мог сравниться с ней строгостью принципов и безупречностью поведения; для нее так же невозможно было забыть о своем долге жены, дворянки и христианки, как для солнца — встать на западе. Нет, ею овладел совершенно иной страх, дотоле неведомый нашей героине: она боялась, что дальнейшее общение с Фрэнсисом Ливайсоном, особенно наедине, может усилить ее чувства к нему до такой степени, что она сделается скрытной и несчастной на всю оставшуюся жизнь; однако, более всего тяготило ее горькое чувство вины перед мужем.

— Арчибальд, я хотела бы попросить тебя об одном одолжении, — робко начала она, когда капитан Ливайсон ушел, и они остались одни. — Обещай, что не откажешь мне.

— В чем дело?

— Но ты еще не пообещал.

— Я обещаю, Изабель, если это в моих силах.

— Останься со мной на все оставшееся время, что я должна пробыть здесь.

М-р Карлайл удивленно посмотрел на нее.

— Моя дорогая, откуда у тебя такое странное желание? Сейчас мне просто невозможно вырваться. Несколькими неделями позже я мог бы провести все это время с тобой. Сейчас же я еле выкроил эти два-три дня.

— И ты уезжаешь завтра!

— Обстоятельства сильнее нас.

— Тогда возьми меня с собой.

М-р Карлайл улыбнулся.

— Нет, Изабель, ибо я вижу, какую пользу тебе принесла перемена обстановки. Я снял эту квартиру на шесть недель, и ты, вне всяких сомнений, должна оставаться здесь как минимум до конца этого времени.

Она мучительно покраснела.

— Я не могу оставаться здесь без тебя, Арчибальд.

— Но почему? — улыбнулся м-р Карлайл.

— Почему! Я так скучаю без тебя, — вот лучшее, что она могла придумать, однако голос ее дрожал, ибо она понимала, что ее все равно не послушают.

Увы, так и случилось. М-р Карлайл отбыл на следующий день, поручив ее заботам Фрэнсиса Ливайсона. Ему даже и в голову не пришло, что поступать так было весьма неосмотрительно. Да и откуда было взяться подобным мыслям? Сам будучи благородным и честным, он считал таковым и капитана Ливайсона; что же касается жены, так он оставил бы ее на необитаемом острове наедине с ним или же с любым другим человеком, ибо его доверие к ней было безграничным.

Глава 3

БЕГСТВО ОТ ОПАСНОСТИ

Леди Изабель сидела на одной из скамеек кладбища Петит Камп, находившегося под крепостным валом в верхней части города. Прошло дней десять со времени отъезда м-ра Карлайла, и она еще более окрепла, да настолько, что это было просто невероятно. Она пешком дошла до кладбища, где побродила, вчитываясь в надписи на могилах захороненных там соотечественников, и теперь присела отдохнуть, прежде чем идти обратно. Надобно признать, что она утомилась, но немногим более чем устали бы на ее месте многие вполне здоровые дамы. В этой прогулке, как, впрочем, и в большинстве прочих, ее сопровождал капитан Ливайсон: избавиться от него она была просто не в состоянии. Она перепробовала множество уловок: выходила в неурочное время, всякий раз шла другим путем, но он неизменно разыскивал ее. Возможно, он даже следил за ней. Она не принимала более решительных мер и не запрещала ему присоединяться к ней: он мог спросить о причинах такой немилости, а Изабель менее всего хотелось подобных расспросов в ее теперешнем состоянии духа. Она рассуждала примерно так:

«Это продлится недолго. Скоро я уеду и покину его, надеюсь, навсегда».

Тем временем, однако, она чувствовала, что это длительное общение с ним приносит свои плоды: щеки ее покрывались румянцем при его приближении, а сердце билось от восторга. Она пыталась сдерживаться, но с таким же успехом можно было пытаться остановить бриз, который надувал паруса проплывающих мимо берега кораблей.

Стоял тихий вечер, довольно прохладный для июля, ничто не нарушало тишины, если не считать жужжания насекомых, и леди Изабель со своим спутником также хранили молчание, лишь сердце ее бешено стучало от переполнявшего ее счастья. Если бы не упреки совести, чувство вины, одним словом, если бы не ее замужество, она согласна была бы сидеть вот так всю жизнь, не проронив ни звука. Чувствовал ли он то же самое? Несколько месяцев спустя он говорил ей, что это было именно так, но кто может сказать, не лукавил ли он!

— Помните ли Вы, леди Изабель, тот вечер, такой же, как сегодня, который мы все провели в Ричмонде? — внезапно спросил он. — Ваш отец, миссис Вейн, Вы, я и другие?

— Да, я помню его. Мы провели замечательный день; с нами тогда еще были обе мисс Челлонер. Вы везли домой миссис Вейн, я ехала с папой. Вы правили просто безрассудно, как мне помнится, и миссис Вейн заявила, вернувшись домой, что никогда больше не поедет с вами.

— До следующего раза, она имела в виду. Эмма Вейн была самой капризной, тщеславной и привередливой женщиной, и не сделалась лучше, став Эммой Маунт-Северн. Она просто пустая кокетка, и ничего более. Я специально правил так, чтобы напугать ее и рассчитаться.

— Что она сделала Вам?

— Вывела из себя, навязав свое общество, когда я хотел посадить с собой другую даму.

— Бланш Челлонер.

— Бланш Челлонер! — насмешливо повторил он. — Она была мне совершенно безразлична.

Изабель вспомнилось, что тогда он казался весьма увлеченным Бланш Челлонер, очень миленькой девушкой семнадцати лет.

— Миссис Вейн обвиняла Вас в том, что Бланш вам нравилась.

— Ну, она говорила, что я увлекся еще кое-кем, кроме Бланш Челлонер, — сказал он многозначительно, — и, в данном случае, она попала точно в цель. Нет, леди Изабель, не Бланш Челлонер хотел я везти в тот день домой. Разве тогда вы сами не могли догадаться? — спросил он, поворачиваясь к ней.

Его голос и взгляд говорили красноречивее любых слов, и леди Изабель отвернулась, почувствовав, как горячий румянец заливает ее щеки.

— Прошлого не вернуть, — продолжал он, — но как же глупо мы оба распорядились нашими судьбами. Ведь мы же созданы для того, чтобы любить друг друга. Мне иногда казалось, вы понимали, что я чувствовал к вам.

Она молчала ранее, но теперь попросила его прекратить подобные речи.

— Я должен это сказать, леди Изабель: всего несколько слов, а потом я никогда не заговорю об этом. Я бы открылся вам, если бы посмел сделать это, но меня удерживала неопределенность моего положения, долги, неспособность содержать жену; и вот, вместо того, чтобы обратиться к сэру Питеру, как я надеялся поступить, с просьбой обеспечить мне положение, достаточное для того, чтобы посвататься к дочери лорда Маунт-Северна, я задушил всякую надежду в своей душе и позволил вам ускользнуть...

— Я не желаю слушать это, капитан Ливайсон, — сердито воскликнула, она, поднимаясь.

Он взял ее за руку и усадил на прежнее место.

— Еще мгновение, умоляю вас. Многие годы я хотел рассказать вам о том, почему потерял вас. Я до сих пор не оправился от этой потери, с лихвой заплатив за свою провинность. Я даже не подозревал, как страстно люблю вас, пока вы не стали женой другого человека. Изабель, я по-прежнему всей душой люблю вас.

— Как вы смеете вести такие речи?

Она говорила холодным и высокомерным тоном, как ей и подобало в подобной ситуации. Однако что-то в глубине души нашептывало ей, что при других обстоятельствах такое признание наполнило бы ее истинным блаженством.

— То, что я сказал, не может никому принести вреда, — снова обратился к ней капитан Ливайсон. — Увы, время ушло, ибо ни вы, ни я не можем забыть, что вы замужем. Каждый из нас выбрал собственный путь в жизни, по которому и должен идти. Между нами — непреодолимая пропасть, но виноват в этом я сам. Я должен был признаться в своих чувствах и не позволить вам удовольствоваться браком с мистером Карлайлом.

— Удовольствоваться?! — с негодованием воскликнула она и резко ответила. — Мистер Карлайл мой супруг, которого я высоко ценю, уважаю и люблю. Я вышла за него замуж по собственной воле и никогда не жалела об этом: день ото дня я все сильнее привязывалась к нему. Посмотрите, какой благородной душой и какой статью обладает этот человек! Вы — ничто в сравнении с ним. Вы забываетесь, Фрэнсис Ливайсон.

— Нет, это не так, — ответил он, кусая губы.

— Вы не имеете права разговаривать со мной подобным образом, — воскликнула она, не на шутку рассердившись. — Кто, кроме вас, посмел бы так оскорбить меня или воспользоваться моей временной беспомощностью? Решились бы вы на нечто подобное, если бы мистер Карлайл находился где-нибудь поблизости? До свидания, сэра.

Она пошла прочь настолько быстро, насколько позволяли ей ее уставшие ноги. Капитан Ливайсон догнал ее и взял под руку, хотя она и противилась этому.

— Простите меня, Бога ради, и забудьте все, что я наговорил сегодня. Позвольте мне, как и прежде, быть добрым другом, заботливым братом, готовым служить вам всем сердцем в отсутствие мистера Карлайла.

— Именно это я и позволяла вам — присматривать за мной в качестве... родственника, я бы сказала, — холодно ответила она, отстраняясь от него. — Только на таких условиях я смогла бы выносить ваше общество, в котором постоянно находилась. И вот как вы отплатили за это! Мой муж поблагодарил вас за заботу обо мне; если бы он мог читать в вашей лицемерной душе, он предложил бы вам благодарность иного рода, как мне кажется.

— Умоляю вас простить меня, леди Изабель. Я ведь признал свою вину; ну что еще мне сделать? Я больше не оскорблю вас подобной несдержанностью, однако бывают моменты, когда наши самые заветные чувства, пренебрегая условностями и даже здравым смыслом, вырываются наружу. Разрешите, я помогу вам преодолеть этот крутой подъем, — добавил он, ибо как раз в этот момент они шли по крутой мостовой Гранд-Ру. — Вы еще недостаточно сильны, чтобы идти самостоятельно после этой продолжительной вечерней прогулки.

— Об этом вы должны были думать раньше, — ответила она не без сарказма. — Нет, я ведь уже отказала вам в этом.

Итак, ему пришлось убрать руку, уже протянутую к ней, и она пошла самостоятельно, надеясь лишь на собственные силы в то время как он шагал рядом. Подойдя к двери своей квартиры, она холодно попрощалась с ним, после чего он направился в свой отель.

Леди Изабель пронеслась мимо Питера и взбежала вверх по лестнице, испугав Уилсон, которая завладела гостиной, дабы покрасоваться у окна в нарядном чепце, покуда ее хозяйки не было дома.

— Мою конторку, Уилсон, и немедленно, — воскликнула Изабель, срывая перчатки, шляпу и шаль. — Скажите Питеру, чтобы он был готов отнести письмо на почту, причем идти ему нужно будет быстро, чтобы успеть раньше, чем они закончат прием почты в Англию.

Радостное сердцебиение и чувство грешного счастья, которое она испытала, когда Фрэнсис Ливайсон говорил о своей любви, яснее ясного свидетельствовали о том, что для нее было бы разумнее совершенно избегать его общества и его опасной софистики; ей хотелось покинуть то место, где находился он, уехать от него за море. Поэтому она быстро написала письмо мужу, призывая его срочно приехать к ней, поскольку она просто не могла более оставаться в этом городе. Она могла бы и сама пуститься в дорогу, не дожидаясь приезда м-ра Карлайла, если бы не боялась, что у нее не хватит денег на это путешествие после того, как она оплатит квартиру и прочие расходы.

М-р Карлайл призадумался, получив это письмо и почувствовав, что это был настоящий крик души. Он написал в ответ, что приедет к ней в следующую субботу, и они спокойно обсудят, возвращаться ли ей в Англию с ним или же побыть в Булони еще некоторое время. Твердо решив не встречаться более с капитаном Ливайсоном, Изабель в оставшиеся до приезда мужа дни совершала прогулки лишь в коляске. Он один раз явился с визитом, и его даже проводили в гостиную, однако леди Изабель, которая в тот момент находилась в своей комнате, велела передать через Питера, что «миледи передает наилучшие пожелания, но, к сожалению, не принимает сегодня».

В воскресенье утром — поскольку он не смог выбраться раньше — приехал м-р Карлайл. Он сделал все возможное, чтобы убедить ее не возвращаться домой, пока не закончатся шесть недель; он едва не заявил, что не возьмет ее с собой, и она принялась горячо упрашивать его, разволновавшись не на шутку.

— Изабель, — сказал он, — расскажи мне о мотивах твоего решения, ибо, как мне кажется, у тебя есть серьезная причина просить меня об отъезде. Пребывание здесь явно идет тебе на пользу, а твои рассказы о том, что тебе «скучно», звучат неубедительно. Расскажи мне, в чем дело.

Внезапно у нее возникло желание и в самом деле рассказать ему правду. Точнее, не говорить ему о том, что она любила Фрэнсиса Ливайсона, или же о том, что он говорил с ней о своих чувствах; она слишком дорожила своим мужем, чтобы доставить ему такую неприятность, последствия которой, к тому же, трудно было предвидеть. Нет! Она хотела признаться, что когда-то у нее было мимолетное увлечение Фрэнсисом Ливайсоном и она предпочла бы не оставаться в его обществе. Ах, если бы она поступила именно таким образом! Почему она не сказала этого своему доброму, великодушному, рассудительному супругу? Рассказать всю правду о своих чувствах, конечно же, было бы неразумно, однако она могла бы во многом признаться ему. Он еще больше лелеял бы ее за это и защитил бы от беды, окружив самой нежной заботой.

Почему же все-таки она не решилась? Она уже собиралась сделать это, когда м-р Карлайл, вынув письмо из своего бумажника, вручил его леди Изабель. Боже всевышний, от каких мелочей зависят иной раз наши судьбы! Она отвлеклась, пока открывала конверт, и не произнесла ни слова. Сие послание просила передать мисс Корни, вручив его брату перед отъездом, дабы избежать почтовых расходов. М-р Карлайл чуть не опустил его в почтовый ящик в Фолкстоуне. Письмо было таким же сухим и чопорным, как и его автор. Дети были здоровы, дела в доме шли нормально, и мисс Карлайл выражала надежду на то, что состояние леди Изабель улучшается. Письмо занимало три страницы, но не содержало никаких известий, кроме вышеперечисленных, и завершалось следующей фразой: «Я бы продолжила свое послание, но только что пришла Барбара Хэйр, которая сегодня гостит у нас».

Барбара Хэйр проводит целый день в Ист-Линне! Этого было вполне достаточно для того, чтобы она снова замкнулась в себе, хотя минуту назад готова была раскрыть сердце своему супругу.

Она принялась умолять его позволить ей вернуться к детям, разлуку с которыми она была не в силах переносить, и в конце концов просто разрыдалась.

— Ну что же, Изабель, — сказал м-р Карлайл, — если тебе так сильно этого хочется, ты, разумеется, вернешься домой со мною вместе.

Что тут началось! Она, как ребенок, вырвавшийся из смертельно надоевшей школы, смеялась, танцевала от избытка чувств, осыпала мужа поцелуями и восторженными словами благодарности. М-р Карлайл пришел к заключению, что причиной такой бурной радости была ее любовь к нему, что она говорила истинную правду, без устали повторяя, будто разлука с ним для нее была просто невыносима.

— Изабель, — сказал он, нежно улыбнувшись ей, — помнишь: в первые дни после нашей свадьбы ты говорила, что еще не любишь меня, но любовь придет. Я думаю, это время наступило.

Она покраснела так, что готова была расплакаться от стыда; щеки ее буквально пылали. М-р Карлайл снова неверно истолковал причину лестным для себя образом и прижал ее к сердцу.

Еще день — и широкое море будет отделять ее от того человека! Одна мысль об этом заставила Изабель вознести в сердце своем благодарную молитву. Она понимала, что расстаться с ним — то же самое, что лишиться солнечного света, что по ту сторону пролива ей какое-то время будет немного тоскливо; тем не менее, она горячо возблагодарила Всевышнего.

Читатель, не подвергай сомнению принципы бедной леди Изабель, ее нравственность, стремление поступить так, как должно, неприятие зла; ее помыслы и намерения были высокими и чистыми.

Капитан Ливайсон навестил м-ра Карлайла и осведомился, было ли у того время увидеться с сэром Питером. Нет, м-р Карлайл был слишком занят, чтобы думать об этом, однако вскоре у него будет больше свободного времени и он не преминет выполнить свое обещание.

Именно так ответил честный мужчина человеку бесчестному, даже и не подозревая об истинной сути своего собеседника. Жаль, что дурных людей нельзя просто взять иной раз и вывернуть наизнанку, дабы все остальные были настороже!

После обеда начинался прилив, и было объявлено, что пароход на Фолкстоун отходит в час пополудни, Карлайлы вместе со слугами заблаговременно отправились на корабль, и капитан Ливайсон попрощался с ними, когда они ступили на борт судна, Леди Изабель села в кресло на палубе, м-р Карлайл стоял рядом; вот, наконец, отдали швартовы, и пароход медленно двинулся к выходу из гавани. Фрэнсис Ливайсон, стоя на берегу, неотрывно смотрел на нее. Это был наглый, беспринципный человек, и не было никакого сомнения в том, что в каких бы возвышенных и чистых чувствах он ни признавался леди Изабель, все они были выдуманы им для того, чтобы достичь своей цели. Однако он остался ни с чем. Когда он скрылся из виду, чувство облегчения буквально пронзило ее, заставив вздрогнуть всем телом и непроизвольно сжать руку м-ра Карлайла.

— Тебе не холодно, Изабель? — спросил он, склонившись к ней.

— О нет! Мне очень хорошо; я так счастлива!

— Но ведь ты дрожала.

— От мысли о том, что бы я делала, если бы ты уехал и оставил меня здесь, совершенно одну. Арчибальд, — продолжала она страстным шепотом. — Никогда более не позволяй мне уезжать, всегда будь со мной.

Он улыбнулся, глядя на ее глаза, полные мольбы, и ответил искренне, с неподдельной любовью и нежностью.

— Всегда, всегда, Изабель. Для меня быть с тобой в разлуке — еще большая боль, чем для тебя.

Ну как ей было не поверить?

Глава 4

СЛОМАННАЯ ЛОДЫЖКА

Итак, леди Изабель вернулась домой, физически здоровая, радостная от встречи с детьми и полная счастливого ощущения безопасности. Но постепенно в ее душу закралось тоскливое чувство, словно все ее близкие люди умерли, оставив ее одну на этом свете. Это была тяжелая депрессия, пустота в сердце, столь болезненно дававшая знать о себе. Она изо всех сил пыталась не думать об этом дурном человеке, но, как ни старалась, в мечтах снова и снова возвращалась к нему. Слишком часто она ловила себя на мысли о том, что, если бы только смогла увидеть его еще раз, ненадолго — на один час, на один день, — душа ее успокоилась бы. Она не позволяла себе подолгу предаваться подобным раздумьям — читатель, знающий нашу героиню, не станет в этом сомневаться — но они постоянно возвращались помимо ее воли. Образ Фрэнсиса Ливайсона всегда был с ней: днем он заполнял ее мысли, а ночью — приходил в ее сны. Ах, эти сны, после которых было больно просыпаться, больно прежде всего потому, что они являли собой разительный контраст с действительностью, и в равной мере болезненно для ее совести, заставлявшей Изабель считать несправедливыми такие сновидения. Она бы многое отдала, чтобы не видеть их, никогда не встречаться с ним во сне и даже никогда не думать о нем. Но как она могла избежать этого? Да никак, ибо, когда наш разум (или воображение, если читателю больше нравится это слово) целиком поглощен подобным предметом размышлений, особенно если к ним примешивается несчастье, сны неизменно вторят тем мыслям, которые посещают бодрствующий рассудок. Бедная леди Изабель просыпалась в раскаянии, встревоженная и возбужденная, мечтающая о том, чтобы с корнем вырвать эту ужасную болезнь, и в то же время понимая, что лишь время, величайший целитель, может помочь ей в этом.

Однажды утром м-р Карлайл сел верхом на лошадь и отправился в Ливайсон-Парк. Он справился, примет ли его сэр Питер, но сначала нашего героя препроводили к леди Ливайсон, молодой и хорошенькой женщине, довольно кричаще одетой, которая осведомилась, по какому делу он приехал.

— Мое дело, мадам, касается только сэра Питера.

— Но сэр Питер недостаточно хорошо себя чувствует для того, чтобы заниматься делами. Они расстраивают его и выводят из душевного равновесия.

— Тем не менее, он сам назначил мне встречу на двенадцать часов, которые, как мне кажется, только что пробили.

Леди Ливайсон прикусила губу и холодно поклонилась, в этот момент вошел слуга, чтобы проводить м-ра Карлайла к сэру Питеру. Оба джентльмена немедленно приступили к делу, которое привело в этот дом м-ра Карлайла, заговорив о Фрэнсисе Ливайсоне, его долгах и недостойном поведении. Сэр Питер, старый джентльмен в бархатной ермолке, особенно упирал на последнее.

— Я бы сегодня же уплатил все его долги и позволил ему встать на ноги, но я же знаю, что мне придется делать это снова и снова, как и раньше, до конца дней моих, — воскликнул сэр Питер. — Его дед был моим единственным братом, отец — почтительным и любимым племянником; он же — прямая противоположность им. Он совершенно беспутный малый, мистер Карлайл.

— Его рассказ вызвал мое сочувствие, вот я и пообещал встретиться с вами и замолвить словечко за него, — ответил м-р Карлайл. — О личных достоинствах и недостатках капитана Ливайсона мне ничего не было известно.

— И чем меньше вы знаете, тем лучше, — проворчал сэр Питер. — Я полагаю, он хочет, чтобы я выручил его и позволил начать все заново.

— Что-то в этом роде, как я понял.

— Но как сделать это? Я здесь, дома, а он там, за морем. Дела его чрезвычайно запутаны, и никому до конца не разобраться в них без его собственных объяснений. Кредиторы клянутся, что некоторые задолженности, на которые я выделял деньги, до сих пор не погашены. Пусть приезжает, если хочет, чтобы что-то было сделано.

— Куда же ему ехать. Он может находиться в Англии лишь нелегально.

— Только не сюда, — поспешно ответил сэра Питер. — Леди Ливайсон не позволит ему и дня остаться здесь.

— Он мог бы остановиться в Ист-Линне, — великодушно предложил м-р Карлайл. — Никому и в голову не придет искать его там. Было бы очень прискорбно, если бы вы, на самом деле желая помочь ему, не имели возможности встретиться.

— Вы заботитесь о нем более, чем он того заслуживает, мистер Карлайл. Могу ли я поинтересоваться, собираетесь ли вы выступить в качестве его поверенного?

— Нет.

Они обменялись еще несколькими фразами, и решено было немедленно послать за капитаном Ливайсоном. Выйдя от сэра Питера, м-р Карлайл встретил леди Ливайсон.

— Вы думаете, я не понимаю, что у вас с моим мужем шел разговор о его внучатом племяннике? — заметила она.

— Именно о нем, — ответил м-р Карлайл.

— Я очень плохого мнения о нем, м-р Карлайл, однако я не хочу, чтобы вы составили неверное представление обо мне. Фрэнсис Ливайсон — племянник моего мужа, его предполагаемый наследник, поэтому может показаться странным, что я так решительно настроена против него. Два или три года назад, до моего замужества и даже до знакомства с сэром Питером, мне пришлось иметь дело с Фрэнсисом Ливайсоном. Он был знаком с моими друзьями, в доме которых я и встретила с ним. Он вел себя постыднейшим образом, отплатив черной неблагодарностью за их гостеприимство; мне также стали известны другие подробности и факты, касающиеся его поведения. Одним словом, я считаю его низким и презренным человеком, по природе и его наклонностям, который останется таковым до конца дней своих.

— Я и в самом деле очень мало знаю о нем. Могу ли я спросить, в чем конкретно выражалось его бесчестное поведение в том случае, о котором вы упомянули?

— Он разорил их, разорил, мистер Карлайл. Это были простые сельские люди, ни о чем не подозревавшие, не ведавшие о пороках и мошенничестве. Фрэнсис Ливайсон убедил их подписать какие-то счета, «в качестве простой формальности», чтобы «мне дали денег взаймы на месяц-другой», как он выразился, и они поверили ему. Эти люди не были богаты: они жили в достатке на доходы от своего небольшого поместья, однако лишних денег у них не было, и когда пришло время платить — а именно так все и случилось, — они разорились и вынуждены были оставить собственный дом. Он сделал это специально, я уверена в этом, прекрасно зная о всех последствиях. Я могла бы рассказать вам еще кое-что. Возможно, сэра Питер сообщил вам, что я не желаю принимать капитана Ливайсона здесь. Это соответствует действительности. Я не желаю видеть этого человека из-за его характера, а вовсе не вследствие мелкой, ничтожной неприязни из-за наследства сэра Питера, о чем, как я слышала, поговаривают. Я потеряю всякое самоуважение, если впущу Фрэнсиса Ливайсона в свой дом. Сэра Питер может сколько угодно помогать ему и вытаскивать из переделок, в которые он попадает; я же не потерплю его присутствия здесь.

— Сэра Питер уже сказал, что вы отказались принять его. Однако ему необходимо приехать в Англию, чтобы привести в порядок свои дела и увидеться с сэром Питером.

— Приехать в Англию?! — перебила его леди Ливайсон. — Но как он может приехать при теперешнем положении дел? Если, он, конечно, не приедет под чужим именем.

— Ну, разумеется, — ответил м-р Карлайл. — Это единственная возможность. Я предложил ему возможность остановиться в Ист-Линне: он, как Вам, должно быть, известно, приходится родственником леди Изабель.

— Смотрите, чтобы он не отплатил неблагодарностью за ваше гостеприимство, — ответила леди Ливайсон. — Это было бы очень похоже на него.

М-р Карлайл рассмеялся.

— Не могу представить, какой вред он мог бы причинить мне, даже если бы хотел. Он не сможет отпугнуть моих клиентов или побить моих детей, а уж о моем кармане я могу прекрасно позаботиться. К тому же, он пробудет у нас всего лишь несколько дней.

Леди Ливайсон улыбнулась в ответ и пожала руку м-ра Карлайла.

— Возможно, у вас в доме нет места его выходкам, но будьте уверены: тем, где оно есть, он обязательно сделает какую-нибудь гадость.

М-р Карлайл посетил Ливайсон-Парк в пятницу утром и, вернувшись в свою контору, написал обо всем капитану Ливайсону в Булонь и попросил его приехать. Однако м-р Карлайл, как и большинство людей, поглощенных работой, иногда упускал из вида мелочи, а посему совершенно забыл предупредить домочадцев о приезде гостя. На следующий вечер, в субботу, они с леди Изабель обедали у соседей, и разговор пошел о семействе Дьюси, его проблемах и затруднениях. Это заставило м-ра Карлайла вспомнить о Булони, о капитане Ливайсоне и его злоключениях; тут же он вспомнил, что еще не рассказал жене о предполагавшемся приезде Фрэнсиса Ливайсона. Он постарался не забыть об этом и заговорил о его приезде, как только они отправились домой в экипаже.

— Изабель, — начал он. — Надеюсь, комнаты для гостей у нас всегда наготове, потому что ко мне должны приехать.

— Ну конечно. Во всяком случае, их могут быстро приготовить.

— Да, но завтра уже воскресенье, а я не сомневаюсь, что он приедет именно в этот день. Извини, что я забыл предупредить тебя об этом вчера.

— Кто приезжает?

— Капитан Ливайсон.

— Кто?! — переспросила Изабель с ужасом.

— Капитан Ливайсон. Сэр Питер согласен увидиться с ним для того, чтобы заплатить по его долговым обязательствам, но леди Ливайсон отказывается принимать его у них в поместье. Вот я и предложил ему остановиться на несколько дней в Ист-Линне.

Сердце леди Изабель чуть не выскочило из груди. У нее закружилась голова, и она, казалось, готова была лишиться чувств; сначала она почувствовала себя так, словно серая земная твердь, расступившись, приоткрыла ей дорогу в рай, а затем пришло ясное осознание того, что нельзя больше допустить ее встречи с Фрэнсисом Ливайсоном. М-р Карлайл продолжал рассказывать о проблемах этого человека, о своем разговоре с сэром Питером и леди Ливайсон, но Изабель, казалось, ничего не слышала. Она думала лишь об одном: как ей предотвратить этот визит.

— Арчибальд, — наконец заговорила она, — я не хочу, чтобы Фрэнсис Ливайсон останавливался в Ист-Линне.

— Ну, это же всего на несколько дней: может быть, всего на день или на два. Сэр Питер настроен оплатить все эти иски, и, как только станет известно его решение, наш бывший капитан сможет спокойно разгуливать по владениям Ее Величества, без малейшего риска подвергнуться чьим-то нападениям, и отправится, куда пожелает.

— Может быть, и так, — с ноткой раздражения в голосе перебила его леди Изабель, — но с какой стати он должен приехать в наш дом?

— Я сам пригласил его. Я не мог и подумать, что ты будешь недовольна его приездом. В чем дело?

— Я не люблю Фрэнсиса Ливайсона, — прошептала она. — Точнее, не хочу, чтобы он останавливался в Ист-Линне.

— Дорогая моя, теперь уже, я боюсь, ничего не поделаешь: он, скорее всего, уже в пути и приедет завтра. Я ведь не могу выгнать его, после того, как сам же пригласил. Если бы я знал, что тебе это будет неприятно, я не предложил бы ему приехать.

— Завтра! — воскликнула она, расслышав, казалось, только это слово из всего сказанного. — Он приезжает завтра?

— Воскресенье — выходной, и он, конечно же, воспользуется этим, чтобы приехать. Чем он провинился перед тобой? В Булони ты не говорила, что он тебе неприятен.

— Ничем, — нерешительно ответила она, чувствуя, что бастионы ее сопротивления рушатся один за другим.

— Леди Ливайсон, кажется, весьма дурного мнения о нем, — снова заговорил м-р Карлайл. — Она говорит, что знала его в прошлом. Она упомянула один-два проступка, характеризующих его не с лучшей стороны, если это правда; однако она может быть предубеждена против него.

— Это предубеждение, — сказала леди Изабель. — По крайней мере, так говорил Фрэнсис Ливайсон в Булони. Они, кажется, недолюбливают друг друга.

— Как бы то ни было, его злодеяния, равно как и благие дела, не могут оказать никакого влияния на нас за то короткое время, которое он, по всей вероятности, проведет в нашем доме. Я думаю, у тебя, Изабель, также возникло предубеждение против него.

Она не стала развеивать его заблуждение, а лишь в отчаянии сцепила ладони, чувствуя, что это злой рок снова толкает их друг к другу. Как она могла забыть этого человека, если судьба снова вела его к ней? Внезапно она повернулась к мужу и прижалась щекой к его плечу. Он подумал, что она устала. Он обнял ее за талию, положил ее голову поудобнее и ласково склонился к ней. Ей снова, как и ранее, пришло в голову рассказать ему частицу правды. Разве не давала эта рука надежную защиту, разве не служил он ей верной опорой? Так отчего же она не доверилась ему, искренне, как ребенок? Да просто потому, что не хватило мужества. Один или два раза она готова была заговорить, но эти слова так и не слетели с ее губ, а затем экипаж остановился, ибо благополучно прибыл в Ист-Линн, и возможность была упущена.

О, сколько раз в последующие годы вспоминала леди Изабель эту полуночную поездку с мужем, и предавалась запоздалым сожалениям о том, что вовремя не раскрыла мужу глаза на этого опасного человека!

Утро следующего дня выдалось дождливым, но к полудню небо прояснилось. Однако во второй половине дня, когда они были в церкви, опять пошел дождь.

— Корнелия, — тихо сказал м-р Карлайл, подойдя поближе к сестре после окончания службы, — дождь усиливается: тебе лучше было бы вернуться с нами вместе на коляске, запряженной пони. Джон может пройти пешком.

Кто угодно согласился бы на подобное предложение, но не она. Даже если бы шел проливной дождь, мисс Карлайл отправилась бы в церковь и обратно только пешком; так она и тронулась в обратный путь со своим большим зонтом. Вскоре м-р Карлайл и Изабель проехали мимо нее, упорно шагавшей по пешеходной дорожке, причем некоторые слуги шли за ней следом. Вовсе не для того, чтобы помочь мисс Карлайл: она отказалась бы от подобной помощи с еще большим негодованием, нежели от коляски.

Эту бесстрашную особу можно было видеть шагающей пешком, невзирая на любую погоду: она с равным успехом перевозмогала летнюю жару и зимний снегопад, легкий дождичек и яростный ливень; огромный зонтик (способный, пожалуй, укрыть стог сена средних размеров) почти неизменно сопровождал ее в этих походах, ибо мисс Корни была из тех здравомыслящих натур, которые хотя во всеоружии встречать любые случайности и действуют по принципу: «В хорошую погоду бери с собой зонтик, в дождь — делай как знаешь». В ясные дни она шла через поля, в дождливые — по дороге, опасаясь испачкать нижние юбки мокрой травой.

Повозка, которой правил м-р Карлайл, проехала через ворота и катила по аллее, когда до четы Карлайлов донеслись горестные крики, и они увидели, как к ним вниз по склону несется маленькая Изабель, рыдая от неподдельного горя. М-р Карлайл выскочил из коляски ей навстречу.

— Ах, папа, папа! Скорее, Бога ради, скорее. Я думаю, она умерла.

Он взял ребенка на руки, чтобы успокоить ее.

— Тише, малышка, ты можешь напугать маму. Ну, не дрожи так. Расскажи мне, в чем дело.

И вот что поведала Изабель. Она была непослушной в этот день, как сама призналась, и выбежала под дождь, чтобы подразнить Джойс, которая не разрешала ей этого; она пустилась по мокрой траве парка, вниз по склону, преследуемая встревоженной Джойс, которая поскользнулась и теперь лежала без движения, с побелевшим лицом, там, где заканчивался склон.

— Возьми ее, Изабель, — сказал м-р Карлайл, посадив испуганного ребенка, раскаивающегося в своем проступке, рядом с женой. — Она говорит, Джойс упала на спуске. Нет, тебе не нужно идти со мной: сначала я пойду посмотрю, что случилось.

Джойс лежала на том же месте, где упала. Но теперь ее глаза были открыты, и, даже если она и теряла сознание, что следовало из рассказа маленькой Изабель, теперь оно вернулось к ней.

— Ох, хозяин, не двигайте меня. Я боюсь, у меня сломана нога.

Он, тем не менее, попытался осторожно поднять ее, однако она вскрикнула от боли, и он понял, что придется подождать, пока подоспеет помощь.

— Как это произошло?

— Мисс Изабель выбежала под дождь, сэр, и я бросилась за ней, чтобы вернуть ее домой. Но склоны сейчас скользкие, вот я и полетела вниз и на какое-то время потеряла сознание.

М-р Карлайл отправил Джона за доктором Уэйнрайтом на той же коляске с пони, и с помощью слуг, вскоре вернувшихся из церкви, Джойс была перенесена в дом, где ее, не раздевая, положили на кровать. С ней остались м-р Карлайл и леди Изабель. Там же находилась и мисс Карлайл, хлопотавшая и суетившаяся, подготавливая то, что могло, по ее мнению, потребоваться, и предлагавшая Джойс сердечные капли, которые последняя была не в состоянии выпить. Ее настроение, где-то посередине между сочувствием и гневом, было весьма взрывоопасным; в целом, она скорее мешала при данных обстоятельствах, чем приносила пользу. В комнату прокралась маленькая Изабель и отозвала свою мать от постели больной.

— Мама, — шепотом сказала она. — Там, внизу, какой-то незнакомый джентльмен. Он приехал в почтовой карете. У него чемодан, и он спрашивает тебя и папу.

Леди Изабель подурнело: неужели он действительно приехал?

— Кто это, Изабель? — сказала она, скорее для того, чтобы хоть как-то ответить: она слишком хорошо знала, кто это.

— Не знаю. Он не нравится мне, мама. Он крепко прижал меня к себе, и взгляд у него был какой-то странный.

— Обойди кровать и скажи папе, что внизу ждет приезжий, — сказала леди Изабель.

— Мама, — вздрогнув, спросила девочка, прежде чем тронуться с места, — Джойс умрет?

— Нет, милая: я надеюсь, не умрет.

— Ты же знаешь, что тогда я буду виновата в этом. Ах, мама, мне так жалко. Что я могу сделать?

— Тише! Если ты будешь плакать, Джойс станет хуже. Иди к папе и тихонько расскажи ему о приезде джентльмена.

— А Джойс простит меня?

— Она уже простила тебя, Изабель, я в этом уверена. Однако в будущем ты должна слушаться ее во всем. А теперь, милая, иди к папе.

Незнакомец, разумеется, был капитаном Ливайсоном. М-р Карлайл спустился вниз, чтобы встретить и занять гостя, а леди Изабель осталась наверху, сославшись на происшествие со служанкой. М-р Уэйнрайт сообщил, что это был простой перелом лодыжки. Джойс еще легко отделалась, заметил он, однако ей придется три-четыре недели пролежать, не вставая.

— Джойс, — прошептала Изабель. — Я буду все время приходить к тебе и читать вслух библию. Правда-правда, я знаю, что мама разрешит мне, и тебе не придется скучать. А еще у меня есть эта чудесная новая книжка сказок, с картинками; они тебе понравятся: там есть одна про принцессу, которую заперли в замке, и ей было нечего есть.

Легкая улыбка тронула губы Джойс, и она сжала маленькую трепетную ручку.

В тот же вечер Изабель и Уильям играли в той же комнате, где сидели м-р Карлайл и его гость.

— Чудесные дети, — заметил Фрэнсис Ливайсон. — У них такие красивые лица!

— Я думаю, они очень похожи на свою мать, — ответил м-р Карлайл. — Она была чудесным ребенком.

— Вы знали леди Изабель ребенком? — с удивлением осведомился Фрэнсис Ливайсон.

— Я часто видел ее. Ей случалось жить здесь с леди Маунт-Северн.

— Да, кстати, тогда это поместье было собственностью Маунт-Северна. Что за безрассудный человек он был! Молодая леди, идите-ка сюда, — продолжал он, протянув руку и притянув к себе Изабель. — Когда я приехал и увидел вас в первый раз, вы убежали и не сказали мне своего имени.

— Я убежала сказать маме о вашем приезде. Она была с Джойс.

— Джойс? Кто такая Джойс.

— Горничная леди Изабель, — вмешался м-р Карлайл. — Та, с которой произошел несчастный случай. Мы чрезвычайно дорожим этой служанкой.

— Необычное имя, — заметил капитан Ливайсон. — Джойс... Джойс! Никогда не слышал такого. Это имя или фамилия?

— Ее окрестили Джойс при рождении. Не такое уж редкое имя. Ее зовут Джойс Хэллиджон. Она уже несколько лет служит у нас.

В этот момент маленькая Изабель, тщетно пытавшаяся вырваться из рук капитана Ливайсона, расплакалась. М-р Карлайл спросил, что случилось.

— Я не хочу, чтобы он держал меня, — ответила мисс Изабель, забыв о приличиях.

Капитан Ливайсон рассмеялся и прижал ее еще крепче. Но м-р Карлайл встал, спокойно забрал ребенка и посадил себе на колени. Она спрятала свое лицо у него на груди и обвила его шею своей маленькой ручкой.

— Папа, он не нравится мне, — тихо прошептала она. — Я боюсь его. Не позволяй ему брать меня.

М-р Карлайл в ответ прижал ее к себе.

— Вы не привыкли обращаться с детьми, капитан Ливайсон, — заметил он. — Это очень своеобразные создания, капризные и чувствительные.

— Они, должно быть, причиняют массу хлопот, — последовал ответ. — Должно быть, с вашей служанкой случилось что-то серьезное. Я полагаю, она на некоторое время будет прикована к постели.

— Доктор говорит, на несколько недель. И ей нельзя вставать.

Капитан Ливайсон поднялся, весело схватил Уильяма и закружил его. В отличие от своей сестры, мальчик радостно смеялся и казался очень довольным.

Глава 5

СОН МИССИС ХЭЙР

Утро следующего дня выдалось ясным, теплым и безоблачным; солнечный свет струился в окна спальни миссис Хэйр. Она лежала в постели, на ее блеклых щеках играл румянец, а нежные глаза блестели, словно у нее был жар. Достопочтенный судья, в ночном колпаке с маленькой легкомысленной кисточкой, восседал на стуле, завязывая тесемки кальсон на коленях, прежде чем втиснуть ноги в панталоны — да простят автора старые девы, которым случится прочитать этот пассаж, за некоторые излишние подробности мужского туалета. После того, как панталоны благополучно облекли ноги нашего джентльмена и обрели надежную поддержку посредством застегнутых подтяжек, судья сбросил ночной колпак на постель и подошел к умывальнику, у которого в течение нескольких минут поплескался, умывая лицо и руки: брился он только после завтрака. М-р и миссис Хэйр относились к тем старомодным людям, которые даже не ведали, что такое туалетная комната: спальня их была очень просторной, и они за всю жизнь ни разу не воспользовались туалетной комнатой и даже не ощутили потребности в этом. Судья растер лицо так, что оно буквально запылало, водрузил утренний парик, облачился в халат и повернулся к супруге, лежавшей в постели.

— Что ты хочешь на завтрак?

— Спасибо, Ричард: не думаю, что смогу сейчас что-нибудь съесть. С удовольствием выпила бы чаю, поскольку меня мучает жажда.

— Чепуха, — отвечал судья, имея в виду отсутствие аппетита. — Съешь вареное яйцо.

Миссис Хэйр улыбнулась ему и покачала головой.

— Ты так добр, Ричард, но я не могу есть сегодня утром. Разве что Барбара попросит принести мне крошечный кусочек поджаренного хлеба.

— Я глубоко убежден, что ты просто вбила себе в голову, что ты больна, Анна, — воскликнул судья. — Если бы ты встала, стряхнула это чувство и спустилась бы вниз, ты бы с удовольствием съела завтрак и зарядилась энергией на целый день. А ты лежишь здесь, не хочешь ничего, кроме чая, а после встанешь, слабая, дрожащая и ни на что негодная.

— Но я ведь уже не одну неделю завтракаю в постели, Ричард, — робко возразила бедная миссис Хэйр. — Думаю, я ни разу не вставала к завтраку... с самой весны.

— Да, и до этого ты чувствовала себя гораздо лучше.

— Но я, право же, не в силах встать сегодня утром. Не мог бы ты открыть это окно, прежде чем пойдешь вниз: мне нужен свежий воздух.

— Так тебе будет слишком свежо, — ответил м-р Хэйр, открывая дальнейшее окно. Если бы жена попросила его открыть именно его, он открыл бы другое, ибо для него собственное мнение и желания были важнее всего. Вслед за этим он прошествовал вниз.

Через минуту-другую в комнату впорхнула Барбара, свежая и веселая, как это утро, в платье из розового муслина с лентами и короткими кружевными рукавами, таком же милым, как и его обладательница. Она склонилась к матери, чтобы поцеловать ее. За последние годы Барбара сделалась более доброй и нежной, боль ее потери прошла, а все то, что было хорошего в ее любви, казалось, смягчило и улучшило ее характер.

— Мама, ты больна? Ты ведь так хорошо чувствовала себя в последнее время, в том числе и вчера вечером. Папа говорит...

— Барбара, дорогая, — перебила ее миссис Хэйр, обведя взглядом комнату и заговорив шепотом. — Я снова видела ужасный сон.

— Ах, мама, ну как ты можешь! — воскликнула Барбара с досадой в голосе! — Как ты можешь позволить какому-то дурацкому сну так расстроить тебя, что ты чувствуешь себя больной? Ты вполне здравомыслящий человек, но что касается этого, так здравый смысл, похоже, изменяет тебе.

— Дитя мое, ну скажи, что я могу с этим поделать? — ответила миссис Хэйр; она взяла Барбару за руку и снова привлекла к себе. — Я же не сама вызываю эти сны и ничего не могу поделать:

после них я чувствую недомогание, слабость и жар. Вчера вечером, например, я прекрасно себя чувствовала; я легла спать в прекрасном настроении и полном душевном равновесии: за весь день я даже ни разу не подумала о бедном Ричарде. И, тем не менее, я увидела сон. Ничто, казалось, не могло вызвать его: ни мои мысли, ни какие-либо внешние обстоятельства. И что же? Вот он: тут как тут. Ну как мне избежать этого, спрашивается?

— Ведь ты же так давно не видела этих неприятных сновидений. Когда это случилось в последний раз, мама?

— Так давно, Барбара, что я почти забыла об этом ужасе. Думаю, я не видела ни одного кошмара с той самой тайной встречи с Ричардом несколько лет назад.

— Это был очень страшный сон, мама?

— О, да, дитя! Мне снилось, что настоящий убийца приехал в Вест-Линн, что он был здесь, с нами, и мы...

В этот момент дверь спальни распахнулась, и в нее просунулось лицо достопочтенного судьи, суровое и раздраженное сверх обычного. Миссис Хэйр была так испугана, что ее дрожь передалась даже подушке, а Барбара отпрянула от кровати. Только бы он не услышал, о чем они разговаривали!

— Ты собираешься готовить завтрак сегодня, Барбара? Или ты полагаешь, что этим займусь я?

— Она уже идет, Ричард, — сказала миссис Хэйр голосом еще больше слабым, чем обычно.

Судья развернулся и прогрохотал вниз по лестнице.

— Барбара, не слышал ли твой отец, как я упомянула Ричарда?

— Нет-нет, мама, это невозможно: дверь была закрыта. Я сама принесу тебе завтрак, и ты сможешь рассказать мне этот сон.

Барбара устремила взгляд за мистером Хэйром, налила ему кофе, убедилась, что он поглощен пирогом с куропаткой, и отнесла матери ее чай и гренок.

— Ну же, расскажи мне сон, мама.

— Но твой завтрак остынет, дитя.

— Ах, это не имеет значения. Ты видела Ричарда?

— Нет, скорее не его, хотя весь сон пронизывала старая и неотступная боль оттого, что он где-то вдали и не может вернуться. Помнишь, Барбара, Ричард уверял нас во время того короткого ночного визита, что он не совершал убийства, что это сделал другой человек?

— Да, я помню это, — ответила Барбара.

— Барбара, я убеждена, что он говорил правду: я безоговорочно верю ему.

— Так же, как и я, мама.

— Может быть, ты помнишь, я спросила его, не совершил ли преступление Отуэй Бетел, поскольку у меня всегда были какие-то смутные подозрения на его счет; Ричард же сказал, что это был не Бетел, а кто-то приезжий. И вот, Барбара, я видела во сне, будто незнакомец приехал в Вест-Линн, явился в этот дом, и мы разговаривали с ним так же, как могли бы говорить с любым другим гостем. Имей в виду: мы, казалось, знали, что это сделал именно он; однако, он отрицал это и хотел всю вину взвалить на Ричарда, и я видела, в самом деле видела, Барбара, как он шептался с Отуэем Бетелем. Но я не могу описать тот ужас, который пронизывал меня насквозь и который ты, казалось, также испытывала, перед тем, что он сможет доказать свою очевидную невиновность и погубить свою жертву, Ричарда. Наверное, от страха и ужаса я и проснулась.

— Как выглядел этот незнакомец? — тихо спросила Барбара.

— Ну, я не могу точно описать его. Я забыла его наружность, как только проснулась. Он был одет как джентльмен, и мы с ним говорили как люди одного круга.

Барбара сразу вспомнила о капитане Торне; однако его имя никогда не упоминалось при миссис Хэйр, и теперь она также не собиралась делать этого. Она так задумалась, что мисс Хэйр пришлось обратиться к ней дважды.

— Ты слышишь, Барбара? Не думаешь ли ты, что этот сон, ничем, казалось бы, не вызванный, предвещает что-то недоброе? Можешь быть уверена: снова всплывут какие-то обстоятельства, связанные с этим злосчастным убийством.

— Ты знаешь, мама, я не верю в сны, — ответила Барбара. — Я думаю, когда люди говорят: «Этот сон означает то-то и то-то», я считаю это полнейшей чепухой. Жаль, что ты не можешь вспомнить, как выглядел этот человек из твоего сна.

— Мне и самой жаль, — ответила миссис Хэйр, отламывая кусочек от своего гренка. — Я помню лишь, что он выглядел как джентльмен.

— Он был высок? Черноволос?

Миссис Хэйр покачала головой.

— Я же говорю тебе, милая, что забыла, и поэтому не могу сказать, светлые или темные у него были волосы. Мне кажется, он был довольно высок; однако, он сидел, а Отуэй Бетел стоял у него за спиной. Я почему-то чувствовала, что Ричард прячется за дверью и дрожит от страха, что этот человек выйдет и увидит его там; я и сама дрожала вместе с ним. Ах, Барбара, это был такой ужасный сон!

— Лучше бы ты не видела подобных сновидений, мама: они так тебя расстраивают.

— А почему ты спрашиваешь, был ли он высок и черноволос?

Барбара ответила уклончиво. Нельзя было говорить миссис Хэйр, что она подозревает какого-то конкретного человека: это бы слишком взволновало ее.

— Сон был такой явственный, такой реальный, что я, даже проснувшись, в течение нескольких минут была уверена, что убийца действительно был в Вест-Линне, — снова заговорила миссис Хэйр. — Я и сейчас еще чувствую, что он здесь, или же приезжает сюда, точнее, это какое-то смутное ощущение, ты понимаешь, Барбара? Конечно же, здравый смысл подсказывает мне, что нет никаких оснований полагать, будто дело действительно обстоит именно так. Ах, Барбара, Барбара, — добавила она, словно причитая, в своем страдании склонив голову на руки дочери, — когда же закончится эта мука? Тянется год за годом, а Ричард по-прежнему остается приговоренным изгнанником!

Барбара не ответила: в данном случае ей было нечем утешить мать. Вместо этого она поцеловала бледный лоб миссис Хэйр.

— Дитя мое, я не могу больше лишь слышать о Ричарде. Я всем сердцем хочу видеть его, — продолжала несчастная дама. — Следующей весной исполнится семь лет с того дня, когда он тайком пришел сюда, чтобы увидеться с нами. Семь лет, и за все это время я ни разу не видела его родного лица, не имела ни единой весточки о нем; я даже не знаю, жив ли он еще. Приходилось ли хоть одной матери испытывать такие страдания?

— Мамочка, успокойся, тебе вредно волноваться: ты можешь заболеть.

— Я уже больна, Барбара.

— Да, однако горести и волнения могут ухудшить твоё состояние. Говорят, на седьмой год всегда что-то меняется: возможно, что-то изменится в отношении Ричарда. Кто знает: возможно, он будет оправдан. Не отчаивайся.

— Дитя, я не отчаиваюсь! Я иногда чувствую подавленность, но она еще не переросла в отчаяние. Я верю, искренне верю, что Господь прольет свет истины на это дело; как же я могу отчаиваться, если верю в Него?

Наступила пауза, нарушила которую Барбара.

— Принести еще чаю, мама?

— Нет, моя дорогая. Ты распорядись, чтобы его принесли сюда, а сама останься внизу и позавтракай. Представь, что может вообразить папа, если ты этого не сделаешь! И следи за выражением лица. Я всегда боюсь, что, увидев нас грустными, он может предположить, что мы думаем о Ричарде.

— Ну и что с того, что он догадается? Всякий человек волен думать о чем угодно.

— Тише, Барбара, тише! — повторила миссис Хэйр шепотом. — Ты же знаешь, что он поклялся предать Ричарда в руки правосудия; ты знаешь, как решительно он настроен и как глубоко убежден в виновности Ричарда. Если он услышит, что мы толкуем о его невиновности, он может перерыть всю землю из конца в конец, чтобы отдать его под суд. Твой папа такой...

— Упрямый, как осел, — едко встала Барбара, хотя подобные слова не следует произносить молодым леди, и надула свои вишневые губки.

— Барбара! — протестующе заявила миссис Хэйр. — Я хотела сказать, такой справедливый.

— Тогда, если он способен обыскать всю страну, чтобы предать смерти собственного сына, я скажу, что он — скорее жестокий и бессердечный, чем справедливый, — дерзко ответила Барбара, хотя глаза ее и увлажнились. Она тщательно вытерла их, прежде чем войти в столовую.

Хэйры обычно обедали в четыре, когда у них не было гостей; в тот день все шло своим чередом, и они сели за стол, как обычно. Миссис Хэйр немного оправилась; солнечный свет и повседневные заботы отвлекли ее от мыслей о ночном кошмаре и вернули обычное расположение духа. Судья рассказал о происшествии с Джойс, о котором они еще не слышали, поскольку никуда не выходили в течение дня и не принимали гостей. Миссис Хэйр преисполнилась живейшего сочувствия: Джойс любили буквально все в Вест-Линне. Уже убрали скатерть, судья посидел еще немножко за своим портвейном, поскольку собирался выкурить послеобеденную трубочку со своим коллегой по магистрату, судьей мистером Гербертом.

— Ты вернешься к чаю, папа? — спросила Барбара.

— А что вам до этого, юная леди?

— Ничего, — ответила мисс Барбара. — Просто, если ты собираешься придти к чаю, нам следовало бы подождать тебя и не начинать чаепития, пока ты не вернешься.

— По-моему, ты говорил, Ричард, что собираешься провести вечер с мистером Гербертом, — заметила миссис Хэйр.

— Именно так, — ответствовал судья. — Но Барбара обожает слушать саму себя.

Почтенный джентльмен удалился, наконец, важно шествуя по дорожке из гравия. Барбара закружилась по просторной комнате, что-то весело напевая, словно его уход принес ей некое облегчение. Возможно, это и в самом деле было так.

— Теперь, мама, ты можешь пить чай, когда захочешь, не дожидаясь семи часов, — сказала она.

— Да, милая. Барбара...

— Что, мама?

— Меня так расстроило это несчастье с Джойс. Я хотела бы, сегодня вечером прогуляться в Ист-Линн и справиться о ее здоровье, а если возможно, то и увидеться с ней. Это было бы воистину по-соседски.

Сердце Барбары учащенно забилось. Любовь ее была истинной и непреходящей, невзирая на время и происшедшие перемены. Необходимость целиком похоронить это чувство в себе лишь добавила ему силы и глубины. Ну кто бы мог заподозрить, видя, как спокойна, а порою даже весела Барбара, что сердце ее по-прежнему полно одним человеком, которому, казалось бы, там не может быть места. Известие о том, что она может скоро увидеться с ним, заставило ее затрепетать каждой жилкой.

— Ты говоришь, прогуляться, мама? Не будет ли это слишком тяжело для тебя?

— Я чувствую в себе достаточно сил. С тех пор, как я приучила себя побольше гулять, мне это дается легче, а сегодня мы, к тому же, еще никуда не выходили. В котором часу мы отправимся, Барбара?

— Если бы мы пришли туда... ну, скажем, к семи, они, я думаю, как раз закончили бы обедать.

— Хорошо, — с готовностью ответила миссис Хэйр, которая всегда радовалась, когда кто-нибудь принимал решение за нее. — Однако, мне хотелось бы выпить немного чаю, прежде чем мы выйдем.

Барбара распорядилась относительно чаепития, по окончании которого они вышли в Ист-Линн. Стоял чудесный вечер. В теплом воздухе резвилась мошкара. Миссис Хэйр наслаждалась прогулкой, но, прежде чем они достигли Ист-Линна, она почувствовала, что силы оставляют ее. Обычно она не отваживалась столь далеко ходить пешком, и, возможно, жар и возбуждение, которое она испытала после ночного кошмара, отняли у нее часть сил. Когда они входили в парк, она оперлась рукой о железную калитку и замерла, прислонившись к ней.

— Я переоценила свои силы, Барбара.

— Обопрись на меня, мама. Сейчас мы доберемся до скамеек, и ты сможешь отдохнуть, прежде чем идти к дому. Вероятно, ты так утомилась из-за жары.

Они подошли к скамейкам, стоявшим под раскидистыми деревьями, с которых открывался вид на ворота и дорогу, а дом еще не был виден, и миссис Хэйр присела отдохнуть. Еще через минуту их уединение было нарушено: к ним подошли м-р Карлайл с женой и сестрой, которые, прогуливаясь среди цветов со своим гостем, Фрэнсисом Ливайсоном, заметили Барбару и миссис Хэйр, Дети, за исключением самого младшего, также были вместе с ними. Леди Изабель тепло приветствовала миссис Хэйр: она искренне привязалась к доброй и несчастной женщине.

— Хороша же я, Арчибальд: пришла справиться о здоровье больной, когда сама вынуждена остановиться на полпути, будучи ничуть не крепче Джойс! — воскликнула миссис Хэйр, когда м-р Карлайл взял ее под руку. — Мне очень хотелось узнать о самочувствии бедняжки.

— Теперь, раз уж вы пришли, вам придется провести весь вечер с нами, — воскликнула леди Изабель. — Это позволит восстановить силы, а чай немного освежит Вас.

— Ах, спасибо, но мы уже выпили чаю, — ответила миссис Хэйр.

— Ну, это же не означает, что вы не можете выпить еще немножко, — рассмеялась Изабель. — Право же, вы казались такой усталой, что вам поневоле придется пробить нашей пленницей часок-другой.

— Боюсь, вы правы, — ответила миссис Хэйр.

— Кто это? — пробормотал капитан Ливайсон, рассматривая гостей издали. — Чертовски миленькая девушка, кто бы она ни была. Пожалуй, подойду: они выглядят приличными людьми.

Он приблизился к гостям, и их представили друг другу.

— Капитан Ливайсон; миссис Хэйр, мисс Хэйр.

Обменявшись несколькими дежурными любезностями, капитан Ливайсон снова исчез, вызвавшись бежать наперегонки с маленьким Уильямом Карлайлом.

— Как плохо выглядит твоя мама! — сказал м-р Карлайл Барбаре, когда миссис Хэйр, увлеченная беседой с леди Изабель и мисс Карлайл, отошла достаточно далеко и не могла слышать его слов. — Она в последнее время выглядела намного лучше.

— Ее утомила прогулка. Я тоже опасалась, что она окажется слишком продолжительной для нее; именно поэтому она и выглядит такой бледной, — ответила Барбара. — Как вы думаете, мистер Карлайл: что снова расстроило ее?

Он вопросительно посмотрел на нее.

— Сегодня утром папа сказал, спустившись из спальни, что маме нездоровится, что у нее снова жар, и она выглядит обеспокоенной. Не успел он закончить, как я подумала, не видела ли мама снова какой-нибудь глупый сон. — Вы же помните, какой разбитой она всегда была после этих кошмаров. Я взбежала наверх, и, конечно же, мама сказала, что ей снова что-то приснилось.

— Я-то думал, что она уже давно не боится снов, что она призвала на помощь здравый смысл и убедилась, что они ничего не означают, даже если иногда она видит что-то, так или иначе относящееся к этой... зловещей тайне.

— Когда мама страдает после одного из подобных кошмаров, с ней так же бесполезно спорить, как с фонарным столбом, — ответила Барбара. — Я попробовала сделать это сегодня утром, я просила ее призвать на помощь здравый смысл, как вы совершенно справедливо заметили. И что же она ответила?! Что ничего не может поделать с собой! Она даже не думала о Ричарде, то есть ничем не способствовала тому, чтобы ей привиделся этот кошмар, столь потрясший ее. Она конечно, права, говоря о том, что не в силах воспрепятствовать сновидениям.

М-р Карлайл ответил не сразу. Он поднял детский мячик, лежавший на дорожке, и стал легонько подбрасывать его на ладони.

— Очень странно, — заметил он наконец, — что у нас нет никаких известий от Ричарда.

— Очень, очень странно. И я знаю, что мама очень переживает из-за этого. Ее выдали несколько слов, которые она обронила сегодня утром. Сама я в сны не верю, — продолжала Барбара, — но не могу отрицать того, что те, которые видит мама, каким-то странным образом связаны с этим делом. Особенно, тот, который она видела прошлой ночью.

— Что это был за сон? — спросил м-р Карлайл.

— Ей приснилось, что настоящий убийца приехал в Вест-Линн. Он был в нашем доме в качестве гостя, сказала она, или же просто с утренним визитом, и мы разговаривали с ним об убийстве. Он отрицал свою вину, пытался свалить все на Ричарда; он повернулся и прошептал что-то Отуэю Бетелу, который стоял за его спиной. Это ведь тоже очень странно, — добавила Барбара, очень серьезно, подняв на него голубые глаза.

— Что тебе кажется странным? Ты говоришь загадками, Барбара.

— То, что в ее снах всегда фигурирует Отуэй Бетел. До той встречи с Ричардом мы даже и не подозревали, что Бетел был где-то поблизости в момент преступления, и, тем не менее, он всегда играл важную роль в этих снах. Ричард уверял маму, что Бетел не имеет никакого отношения к убийству и вообще не мог быть хоть как-то причастен к нему, но я не думаю, что ему удалось

поколебать уверенность мамы в противном: она верит, что он каким-то образом связан с этой тайной, хотя и не является преступником. Вы знаете, Арчибальд, мама уверяет, что не видела подобных кошмаров со времени встречи с Ричардом, и теперь Отуэй Бетел снова появился в этом сне. Определенно, это очень странно.

Увлечись разговором и позабыв о прошлом, Барбара снова, как в добрые старые времена, назвала его Арчибальдом; мистером Карлайлом она называла его лишь в минуты натужной пристойности, точнее сказать — холодности.

— А кто же был убийцей во сне твоей мамы? — продолжал м-р Карлайл серьезно, словно тема их разговора не была такой, над которой обычно подшучивают.

— Она не запомнила этого. Разве что... он казался джентльменом, и мы обращались с ним соответственно. И это весьма примечательно. Мы же никогда не говорили ей о том, что подозреваем капитана Торна: Ричард лишь сказал, что это сделал кто-то «другой», но ни единым словом не намекнул на то, кем мог быть этот «кто-то» и в каких сферах он вращался. Мне кажется, для мамы было бы более естественным вообразить, что это был какой-то безвестный человек низкого происхождения: понятие «джентльмен» редко ассоциируется с убийством, и, тем не менее, ей приснилось, что это был именно джентльмен.

— Похоже, ты понемногу начинаешь верить в сны, Барбара: ты говоришь об этом так серьезно.

— Нет, я переживаю вовсе не из-за снов, а из-за моего дорогого брата, Ричарда. Если бы в моих силах было пролить свет на эту тайну, я бы ни перед чем не остановилась, пошла бы босиком на край света, лишь бы узнать правду. Если этот Торн когда-нибудь снова приедет в Вест-Линн, я буду молиться и надеяться, и сделаю все, что в моих силах, чтобы уличить его.

— Похоже, что этот самый Торн не слишком торопится осчастливить Вест-Линн своим...

М-р Карлайл замолчал, поскольку Барбара торопливо схватила его за руку, призывая к осторожности. Разговаривая, они прошли через весь парк и вышли к декоративным лужайкам, оказавшись на уединенной тропинке, по обе стороны которой возвышались огромные камни, служившие искусной имитацией скал. Оседлав верхушку одной «скалы», прямо над ними сидел Фрэнсис Ливайсон. Он смотрел в противоположную сторону и, казалось, был целиком поглощен детским хлыстиком, наматывая кожаное кнутовище на рукоятку. Он не обернулся на звук их шагов. Они пошли быстрее и направили свои стопы к ушедшим вперед дамам.

— Не мог ли он услышать, о чем мы разговаривали? — шепотом спросила Барбара.

М-р Карлайл с улыбкой посмотрел на девушку, щеки которой зарделись от волнения. Барбара была явно встревожена. Он бы попытался утешить ее, если бы не та сцена, которая имела место несколько лет назад.

— Я думаю, он слышал кое-что, Барбара, если, конечно, не витал в облаках; возможно, он не прислушивался. А если он даже и слышал, что с того? Это не имеет никакого значения.

— Вы же знаете: я говорила о капитане Торне... о том, что он — убийца.

— Ты же не говорила о Ричарде и его действиях, так что не беспокойся: Ливайсон ничего не знает обо всей этой истории, для него все это ничего не значит; если он и слышал имя Торна или даже понял, о чем идет речь, это не представляет для него никакого интереса. Как говорится в пословице, в одно ухо влетело — из другого вылетело. Успокойся, Барбара.

Говоря это, он посмотрел на Барбару таким взглядом, который кому-то мог бы показаться нежным, и леди Изабель стояла слишком близко от них, чтобы не заметить его. Ей не следовало ревновать, ибо этот взгляд еще не означал какого-либо вероломства по отношению к ней; однако, она отметила его, равно как и то, что они отделились от остальных. Неудивительно, что она сделала поспешный вывод, будто они сделали это намеренно, скрывшись из виду, чтобы несколько минут побыть наедине. Барбара выглядела столь привлекательной в этот вечер, что желание м-ра Карлайла, как и любого другого мужчины, ускользнуть с ней от посторонних глаз могло показаться вполне естественным.

Это элегантно, воздушное летнее платье, эти ярко-синие глаза, тонкие черты и изумительный цвет лица! Она развязала ленточки своей красивой белой шляпки и теребила их, скорее в задумчивости, нежели от беспокойства.

— Барбара, милая, как же мы доберемся домой? — спросила миссис Хэйр. — Боюсь, что не смогу идти пешком. Надо было сказать Бенджамену, чтобы он приехал за нами на фаэтоне.

— Я могу послать за ним, — сказал м-р Карлайл.

— Но это не очень хорошо с моей стороны, Арчибальд — так бесцеремонно заявиться к тебе и леди Изабель, а кроме того — беспокоить ваших слуг.

— Да уж, это чрезвычайно плохо, — с шутовой серьезностью ответил м-р Карлайл. — Что же касается слуг, так можете не сомневаться: тот, кто поедет, никогда не оправится от перенесенных тягот. Вы всегда больше заботились о других, чем о себе, дорогая миссис Хэйр.

— А ты, Арчибальд, всегда был добрым, всех выручал и сам себе находил новые заботы. Ах, леди Изабель, если бы я была моложе, я бы позавидовала вам: мало у кого есть такой хороший муж.

Возможно, эти слова напомнили леди Изабель, что кое-кто, будучи молодым, может и в самом деле завидовать ей. Щеки Изабель густо покраснели. М-р Карлайл подал руку миссис Хэйр.

— Если вы немного отдохнули, вам, я думаю, будет гораздо удобнее на диване, а посему позвольте сопроводить вас в дом.

— А с этой стороны Вы можете опереться на мою руку, — воскликнула мисс Карлайл, также поместив свою внушительную фигуру рядом с миссис Хэйр. — Вдвоем мы лихо доставим вас в гостиную, да так, что ваши ноги едва ли коснутся земли.

Миссис Хэйр рассмеялась и ответила, что, по ее мнению, достаточно будет руки м-ра Карлайла. Она оперлась на нее и, когда все уже поворачивали к дому, заметила джентльмена, проходившего по дороге мимо ворот парка.

— Барбара, — воскликнула она, — Том Герберт как раз идет к нашему дому: он может зайти и попросить их прислать фаэтон, если ты его попросишь: тем самым мы избавим от хлопот слуг м-ра Карлайла. Поторопись, дитя мое, ты быстренько догонишь его.

Барбара пустилась к воротам, не раздумывая, прежде чем кто-либо успел остановить ее. М-ру Карлайлу было уже поздно повторять, что лучше послать слугу, поскольку Барбара уже приближалась к м-ру Тому Герберту. Последний, увидев, что она бежит за ним, подождал ее у ворот.

— Не будете ли вы проходить мимо нашего дома? — спросила Барбара, только теперь заметив, что тут же стоит и Отуэй Бетел, которого не было видно из аллеи.

— Да. А в чем дело? — ответил Том Герберт, который отнюдь не славился чрезмерной вежливостью, будучи грубоватым от природы и «слишком скорым» в силу привычки.

— Мама была бы весьма обязана вам, если бы вы заглянули к нам и передали, чтобы Бенджамен приехал за нами на фаэтоне. Мама пришла сюда пешком, намереваясь таким же образом проделать и обратный путь, однако она чувствует себя слишком усталой для этого.

— Хорошо, я зайду и все передам. К которому часу?

Барбара не получала никаких инструкций на сей счет, и могла назвать время по своему усмотрению.

— К десяти часам. Тогда мы вернемся домой раньше папы.

— Это уж точно, — ответил Том Герберт. — Они с моим папашей и еще парой-тройкой стариканов напустили столько дыма, что в комнате буквально ничего не видно; они и после ужина, конечно же, продолжают это приятное занятие. Послушайте, мисс Барбара, как насчет парочки пикников?

— Сколько угодно!

— Мои сестры хотят организовать несколько вылазок на пикник через недельку-другую. Вы же знаете: Джек вернулся.

— Вот как? — удивленно спросила Барбара.

— Да. Вчера пришло письмо, а сегодня он и сам прикатил с офицером из своего полка. Джек поклялся, что, если девицы не обеспечат им интересную программу развлечений, он больше никогда не соблаговолит провести свой отпуск дома. Посему, будьте готовы повеселиться. Честь имею.

— До свидания, мисс Хэйр, — сказал Отуэй Бетел.

Прощаясь с ними, Барбара услышала шаги, приближавшиеся с той же стороны, откуда пришел Том Герберт и Отуэй Бетел. К ней, держа друг друга под руку, подходили два джентльмена, в одном из которых она узнала «Джека», или, точнее, майора Герберта. Он остановился и протянул ей руку.

— Мы не виделись уже несколько лет, но я не забыл красивое личико мисс Барбары, — воскликнул он. — Тогда это было лицо молоденькой девушки, а теперь оно принадлежит величавой молодой даме.

Барбара рассмеялась.

— Ваш брат сообщил мне, что вы приехали в Вест-Линн, но я и не подозревала, что вы находитесь столь близко. Он спрашивал, готова ли я принять участие в нескольких пик...

Голос Барбары задрожал, и густой румянец, верный признак смятения, окрасил ее щеки. Боже, чье это было лицо, кто стоял прямо напротив нее, рядом с Джоном Гербертом?! Она видела это лицо всего один раз, однако оно огненными скрижалями запечатлелось в ее памяти. Майор Герберт продолжал что-то говорить, однако Барбара на мгновение утратила всякое самообладание: она ничего не слышала и не могла отвечать; она могла лишь смотреть на это лицо как зачарованная, причем сама в этот момент выглядела настоящей простушкой с глазами, полными тревоги, и пепельно-бледными губами. Ею овладело странное чувство нереальности всего происходящего. Существовал ли этот человек напротив нее в реальной действительности, или же это было видение, возникшее в ее мозгу от мыслей о сне, который видела ее мать, или же в результате недавнего разговора с мистером Карлайлом?

Майор Герберт, возможно, решил, что Барбара, на слушавшая, а целиком поглощенная его товарищем, ожидала, что их представят друг другу.

— Капитан Торн; мисс Хэйр.

Барбара словно очнулась: она понемногу приходила в себя и поняла, что они могли счесть ее поведение несколько странным для молодой дамы.

— Я... я смотрела на капитана Торна, поскольку его лицо показалось мне знакомым, — запинаясь, произнесла она.

— Лет пять назад я приезжал на пару дней в Вест-Линн, — ответил он.

— Ах... да, — сказала Барбара. — Надолго ли вы приехали в этот раз?

— У нас отпуск на несколько недель. Но я не могу сказать, останемся ли мы здесь в продолжение всего отпуска.

Барбара попрощалась с ними и пустилась обратно в Ист-Линн, причем все буквально смешалось у нее в голове. Она взбежала по ступенькам, ведущим в холл, и направилась к стоявшим в дальнем конце его мисс Карлайл, ее матери, м-ру Карлайлу и маленькой Изабель. Леди Изабель с ними не было. Миссис Хэйр как раз собиралась подняться к Джойс. Барбара украдкой прикоснулась к руке м-ра Карлайла, и он отошел от дам, чтобы переговорить с ней, причем она отошла к двери одной из гостиных, жестом пригласив его присоединиться к ней.

— Ах, Арчибальд, я должна переговорить с вами наедине! Не могли бы вы уделить мне минутку?

Он кивнул и вышел с ней, совершенно не скрываясь. Да и с чего бы он стал делать это? Ему нечего было скрывать. К несчастью, леди Изабель, на минутку зашедшая в эту комнату, прежде чем присоединиться к миссис Хэйр, увидела, как Барбара прикоснулась к руке ее мужа, отметила ее волнение и прекрасно расслышала то, что Барбара сказала м-ру Карлайлу. Она подошла к одному из окон холла и увидела, как они уголок парка, причем ее муж отослал в дом маленькую Изабель. Никогда еще, за все годы своего замужества, не чувствовала леди Изабель такой ревности, как в этот вечер.

— Я... я чувствую... я не знаю, бодрствую я или вижу сон, — начала Барбара, подняв руку ко лбу. — Извините меня за то, что я так бесцеремонно вызвала вас.

— Какую страшную тайну ты хочешь мне открыть? — шутливо спросил м-р Карлайл.

— Мы говорили о сне, который так потряс маму. Она рассказывала, что у нее сложилось впечатление, будто убийца был в Вест-Линне, причем, вопреки здравому смыслу, она не могла убедить себя в том, что это не имеет места в действительности. И вот... только что...

— Барбара, в чем дело, наконец? — спросил м-р Карлайл, почувствовав, что она не может найти слов от волнения.

— Я только что видела его, — ответила она.

— Видела его? — эхом отозвался м-р Карлайл, неотрывно глядя на нее и начиная понемногу сомневаться в том, что она находится в здравом уме.

— Помните, что я сказала в конце нашего разговора? Я сказала, что, если этот Торн снова приедет в Вест-Линн, я не остановлюсь ни перед чем, чтобы уличить его. Он здесь, Арчибальд. Когда я отправилась к воротам парка, чтобы поговорить там с Томом Гербертом, я встретила там же его брата, майора Герберта, и капитана Торна вместе с ним. Бетел тоже был там. Вы все еще удивляетесь тому, что я сама не знаю, бодрствую я или вижу сон? У них отпуск в несколько недель, и они собираются провести его здесь.

— Удивительное совпадение, — воскликнул м-р Карлайл.

— Это не может не убедить меня в том, что Торн виновен в убийстве, — взволнованно продолжала Барбара. — Сон мамы, после которого она была твердо уверена в том, что убийца Хэллиджона был в Вест-Линне.

В этом месте крытая дорожка, по которой они шли, делала резкий поворот, миновав его, они столкнулись с капитаном Ливайсоном, который, казалось, бесцельно слонялся там, спрятав руки под полы фрака. И снова Барбара почувствовала раздражение, подумав, многое ли из сказанного он услышал, и ощутила внутреннюю неприязнь к этому человеку. Он фамильярно поприветствовал их и вознамерился присоединиться к ним, но никто не умел осадить таких самонадеянных типов лучше м-ра Карлайла, оставаясь в то же время спокойным и корректным.

— Я вскоре присоединюсь к вам, капитан Ливайсон, — сказал он, сделав приветственный жест, после чего свернул вместе с Барбарой к открытым лужайкам парка.

— Как вы относитесь к капитану Ливайсону? — отрывисто спросила она, когда они отошли достаточно далеко для того, чтобы не быть услышанными.

— Не могу сказать, что он мне нравится, — ответил м-р Карлайл. — Он не из тех людей, которые кажутся приятнее при более близком знакомстве.

— Мне кажется, он специально оказался у нас на пути, чтобы подслушать, о чем мы разговариваем.

— Нет, нет, Барбара. Ему-то какой интерес в этом?

Барбара не стала спорить и вернулась к теме, более близкой ее сердцу.

— Как нам вести себя по отношению к Торну?

— Ну, этого я не знаю, — ответил м-р Карлайл. — Не могу же я просто подойти к этому человеку и бесцеремонно обвинить его в убийстве Хэллиджона. Прежде всего, Барбара, у нас нет полной уверенности в том, что это именно тот человек, о котором говорил Ричард.

— Ах, Арчибальд, ну как Вы можете сомневаться? Тот поразительный факт, что он появился здесь именно в этот момент, после маминого сна, не может не убедить нас в этом.

— Не вполне, — улыбнулся м-р Карлайл. — Мы можем лишь осторожно начать действовать и попытаться выяснить, тот ли это человек.

— И это некому сделать, кроме вас, — с тоской в голосе проговорила Барбара. — Как самонадеянно и глупо я хвасталась, утверждая, что ни перед чем не остановлюсь для его разоблачения, если он приедет в Вест-Линн. Так вот: не успела я сказать это, как он появился, и что же, спрашивается, я могу сделать? Да ничего.

Они пошли обратно в дом, поскольку обсуждать больше было нечего. Капитан Ливайсон вернулся раньше них и увидел, что леди Изабель стоит у окна холла. Да, она стояла и смотрела в окно, находясь во власти своих ни на чем не основанных подозрений.

— Кто эта мисс Хэйр? — цинично поинтересовался он. — Похоже, они прекрасно понимают друг друга: уже дважды за сегодняшний вечер я вижу, как они о чем-то секретничают.

— Вы обращались ко мне, сэр? — резко и надменно спросила леди Изабель.

— Я вовсе не хотел обидеть вас: я говорил о мистере Карлайле и мисс Хэйр, — ответил он тихим голосом.

Капитан Ливайсон знал, что она прекрасно слышала его слова, хотя и переспросила.

Глава 6

НЕПРИЯТНОСТИ КАПИТАНА ТОРНА «ИЗ-ЗА ВЕКСЕЛЯ»

Говоря о несчастьях, случившихся в прошлом, мы иногда говорим или слышим: «Обстоятельства были против». Все могло бы повернуться совсем иначе, говорим мы, если бы обстоятельства были более благоприятными, но увы: они были против, они были решительно против. Так вот: если вообще о каком-либо человеке можно сказать, что сопутствующие обстоятельства оказали на него губительное воздействие, то этим человеком в данной ситуации была леди Изабель.

Одновременно с приходом бывшего капитана Ливайсона в Ист-Линн, ее ревность к Барбаре Хэйр вспыхнула с новой силой, сильнее, чем когда-либо ранее. Барбара в своем страстном желании открыть новые обстоятельства, которые помогли бы снять с ее брата ужасное обвинение, искренне веря в то, что Фредерик Торн, капитан на службе Ее Величества, был именно тем человеком, который, как утверждал Ричард, совершил преступление, была в состоянии возбуждения, граничившего с безумием. Она слишком остро чувствовала справедливость своих собственных слов о том, что была бессильна, что ничего не могла сделать сама. Встав утром после ночи, в течение которой она скорее предавалась беспокойным размышлениям, нежели спала, Барбара подумала: «Ах, если бы мне сегодня удалось хоть что-то выяснить наверняка!». Ей часто приходилось бывать у Гербертов: иногда по приглашению, а иногда и без него, запросто, ибо она была очень дружна с сестрами Герберт; вот и теперь они вовлекли ее во все увеселительные мероприятия, организованные для их брата, приехавшего домой в отпуск. Она, конечно же, встречалась у них с капитаном Торном, и ей иногда удавалось по крохам разузнать кое-что о его прошлом. Эта обрывочная информация тут же доставлялась м-ру Карлайлу. Она не появлялась у него в конторе, возможно, страшаясь того, что капитан Торн может прослышать о ее частых визитах к м-ру Карлайлу и что-то заподозрить — ибо кому же, если не ему, было знать о том, что обвинение Ричарда было ошибочным? Поэтому она предпочитала отправляться в Ист-Линн или встречать м-ра Карлайла по дороге в контору или на обратном пути домой. Увы, она могла рассказать ему очень немного: однажды вечером она сообщила ему, что Торн действительно бывал в Вест-Линне и раньше, хотя ей и не удалось точно выяснить, когда именно; в другой раз она явилась прямо в Ист-Линн, чрезвычайно взволнованная, якобы с визитом к леди Изабель. Надо признать, что визит получился весьма беспокойным, ибо она целый вечер пыталась дать понять м-ру Карлайлу, что хочет переговорить с ним наедине. Он пошел проводить ее и прошел с ней до самых ворот парка, причем оба о чем-то оживленно разговаривали, что не укрылось от ревнивого взора леди Изабель. Все эти усилия были предприняты Барбарой, дабы сообщить, что капитан Торн проговорился о «неприятностях», которые у него были когда-то, хотя и не пояснил, какие именно. В следующий раз ей удалось выяснить, что он хорошо знал Свейсон. Большую часть этих сведений, если не все, м-ру Карлайлу удалось узнать самому; тем не менее, он всегда с живым интересом встречал Барбару. Ричард Хэйр был родственником мисс Карлайл, и доказательство его невиновности было бы для Карлайлов почти столь же радостным событием, как и для Хэйров. В невиновности Ричарда м-р Карлайл практически не сомневался, и все больше убеждался в виновности капитана Торна. Последний таинственно говорил о каком-то эпизоде из своего прошлого, если вообще его удавалось разговорить, и с этим явно была связана какая-то тайна, о которой он предпочитал не распространяться.

Но каким же подлецом оказался Фрэнсис Ливайсон! Даже тех немногих встреч м-ра Карлайла и Барбары, свидетельницей которых оказалась леди Изабель, было вполне достаточно, чтобы пробудить ее ревность и гнев и нарушить душевное равновесие; Фрэнсис Ливайсон, будьте уверены, позаботился о том, чтобы ей стало известно о тех встречах, которые она не видела. Ему доставляло удовольствие — он мог признаться в этом самому себе — следить за действиями м-ра Карлайла и Барбары. Через поля вела тропинка с живой изгородью, и, когда ничего не подозревавший м-р Карлайл шел на работу (он ехал верхом разве что в одном случае из пятидесяти, утверждая, что ходьба на работу и обратно позволяет ему сохранять здоровье),

капитан Ливайсон, как змея, крался за изгородью, наблюдая за всеми действиями м-ра Карлайла, за его встречами с Барбарой, если таковые происходили; он видел, как м-р Карлайл иногда сворачивал в рощу. Возможно, он даже видел, как Барбара выбегала из дома, чтобы встретиться с ним. Обо всем этом, в значительно приукрашенном изложении, узнавала леди Изабель; вполне естественно, что ею овладела лихорадочная ревность. Вряд ли есть необходимость объяснять, что Барбара ничего не подозревала о чувствах леди Изабель: ей и в голову не приходило, что та может ревновать к ней. Если бы кто-нибудь рассказал ей об этом, она бы рассмеялась ему в лицо. Счастливая жена м-ра Карлайла, с ее завидным положением любимой супруги — и вдруг ревнует к ней, к женщине, которую он никогда не одарил ни восхищенным взглядом, ни единым словом любви! Да уж: Барбару было бы нелегко в этом убедить.

Насколько же эти домыслы не соответствовали действительности! Эти встречи м-ра Карлайла и Барбары, отнюдь не наполненные нежностями и словами любви, скорее причиняли ей боль, поскольку сама тема их разговоров была мучительна для нее. Барбара вовсе не наводила удовольствия в этих встречах: наоборот, она страдала, и, если бы не жизненная важность этих разговоров для судьбы Ричарда, вообще попыталась бы не встречаться с ним. Бедная Барбара, несмотря на то, что не сумела совладать со своими чувствами несколько лет назад, все-таки думала и чувствовала, как настоящая леди, и ей приходилось преодолевать собственную гордость, заставляя себя тайком встречаться с Арчибальдом Карлайлом. Но Барбара, в своей любви к брату, подавляла всякие мысли о собственном благе и упрямо шла вперед ради Ричарда.

Однажды утром м-р Карлайл сидел в своем личном кабинете в конторе, когда вошел м-р Дилл.

— Некий джентльмен желает видеть Вас, мистер Арчибальд.

— Вы же знаете, Дилл, что в данный момент я слишком занят, чтобы принимать кого-нибудь.

— Именно это я и сказал ему, сэр, а он заявил, что подождет. Это капитан Торн, который гостит у Джона Герберта.

Глаза м-ра Карлайла встретились с глазами почтенного джентльмена, и на их лицах появилось какое-то особое выражение. М-р Карлайл посмотрел на бумаги, которые изучал, как бы пытаясь поточнее рассчитать свое время. Затем он снова поднял глаза на своего клерка и сказал:

— Хорошо, Дилл, я приму его. Просите.

Дело оказалось довольно простым. У капитана Фредерика Торна были некоторые неприятности «с векселем», которые, увы, иногда случаются и с прочими доблестными капитанами; он пришел за советом к м-ру Карлайлу.

М-р Карлайл не знал, как ему поступить. Этот капитан Торн был приятным, обаятельным человеком, который еще более выигрывал при близком знакомстве; человеком, которому м-р Карлайл с удовольствием бы помог, чисто по-дружески и даже отбросив, профессиональный интерес, выпутаться из неприятностей. Однако, если он был, как они подозревали, тем самым негодяем, который совершил это преступление, м-р Карлайл приказал бы пошире распахнуть дверь своей конторы, чтобы тот поскорее покинул ее.

— Вы не можете посоветовать, что мне следует предпринять? — спросил тот, почувствовав нерешительность м-ра Карлайла.

— Я, разумеется, мог бы дать Вам совет, но — Вы должны извинить меня за прямоту, капитан Торн — я предпочитаю знать, кто является моим клиентом, прежде чем взяться за его дело, или вообще принять его в качестве клиента.

— Я в состоянии заплатить Вам, — ответил капитан Торн. — У меня нет проблем с наличностью; вот только этот вексель...

М-р Карлайл сначала раздраженно прикусил губу, а потом рассмеялся.

— Вы сделали вполне логичный вывод из того, что я сказал Вам, — заметил он, — но, уверяю, я думал вовсе не о Вашем кошельке. Мой отец взял за правило никогда не вести дела незнакомых людей: если он не был уверен в порядочности человека и правоте его дела, он не брался за него; я также руководствуюсь теми же принципами. Благодаря им, мы добились такого положения и состояния дел, которого редко удается достичь поверенным. И сейчас, называя Вас незнакомцем, я отнюдь не выражаю тем самым сомнение в Вашей порядочности, а лишь придерживаюсь своей повседневной практики.

— У моей семьи обширные связи, — капитан Торн попробовал подойти к делу иначе.

— Простите меня: семья здесь ни при чем. Если даже бедный батрак, если нищий из работного дома придет ко мне за советом, я с удовольствием дам его, при условии, что это честный человек, совесть которого чиста. Повторяю еще раз: Вы не должны обижаться на мои слова, ибо я не пытаюсь бросить тень на Вас; я лишь говорю, что плохо знаю Вас и свойства Вашей натуры.

«Странные речи из уст юриста, к которому пришел потенциальный клиент», — именно так подумал капитан Торн, можете не сомневаться. Однако, м-р Карлайл говорил столь вежливым тоном, вел себя столь любезно, одним словом, истинно по-джентльменски, что обидеться на него было просто невозможно.

— Ну как же мне убедить Вас в том, что я порядочный человек? Я служу своему Отечеству с шестнадцати лет, и ни один из офицеров нашего полка не имел причин жаловаться на то, что я — плохой товарищ. Для большинства людей мое положение офицера и джентльмена само по себе могло бы служить достаточной гарантией. Справьтесь обо мне у Джона Герберта. Вы же дружны с семейством Гербертов, а ведь они не отказали мне в крове.

— Действительно, — ответил м-р Карлайл, чувствуя, что не может более возражать, и ясно понимая, что все люди считаются невиновными, пока не доказано обратное.

— Во всяком случае, я проконсультирую Вас относительно того, что нужно предпринять в данный момент, — добавил он, — хотя, если это дело будет продолжаться, я не могу поручиться, что буду вести его, поскольку в данный момент я очень занят.

Капитан Торн изложил суть своей проблемы, и м-р Карлайл порекомендовал ему, что предпринять в данной ситуации.

— Вы, случаем, не приезжали в Вест-Линн лет десять назад? — внезапно спросил он, когда их разговор подходил к концу. — Однажды, будучи в моем доме, Вы отрицали это, но я по некоторым замечаниям, вырвавшимся у Вас, пришел к заключению, что Вы бывали здесь.

— Да, я приезжал сюда, — ответил капитан Торн доверительным тоном. — Я могу Вам в этом признаться конфиденциально, однако мне не хотелось бы, чтобы это стало широко известно. Я жил тогда не в самом Вест-Линне, а неподалеку от него. Дело в том, что, когда я был еще беспечным юнцом, я останавливался в нескольких милях отсюда и попал в одну переделку, связанную с... одним словом, это была любовная интрижка. Я тогда повел себя не лучшим образом, и теперь не хотел бы, чтобы в графстве распространилось известие о моем приезде.

При этих словах сердце м-ра Карлайла учащенно забилось, ибо он сразу вспомнил о Ричарде Хэйре. Признание в «любовной интрижке», казалось, подтверждало его подозрения.

— Да уж, — многозначительно сказал он. — Девушку звали Эфи Хэллиджон.

— Эфи... как Вы сказали? — повторил капитан Торн, широко раскрыв глаза и не сводя их с м-ра Карлайла.

— Эфи Хэллиджон.

Капитан Торн все так же смотрел на м-ра Карлайла, причем разговор этот, казалось, забавлял его.

— Вы ошибаетесь, — заметил он. — Эфи Хэллиджон? Никогда раньше не слышал этого имени.

— Вы разве ничего не слышали об ужасной трагедии, разыгравшейся в этих местах примерно в то же время, — тихо и выразительно ответил м-р Карлайл. — Отец Эфи Хэллиджон...

— Одну минутку! — торопливо перебил Торн. — Это же неправда, что я никогда не слышал этого имени. Эфи Хэллиджон? Это же та девушка, о которой мне рассказывал Том Герберт: она — что же с ней случилось? — исчезла, а отец ее был убит.

— Убит в своем собственном коттедже, чуть ли не на глазах у Эфи; убит... убит...

М-р Карлайл спохватился; он говорил более эмоционально, чем обычно.

— Хэллиджон много лет честно проработал у моего отца, — уже более спокойно закончил он.

— А преступление совершил молодой Хэйр, сын судьи Хэйра и брат этой милой девушки, Барбары. Теперь, когда Вы заговорили об этом, я припоминаю, что мне рассказывали. В мой первый вечер у Гербертов я видел там судью Хэйра и его коллег, которые дымили двенадцатью трубками одновременно; в тот вечер я также встретился с мисс Барбарой у ворот Вашего парка, и Том рассказал мне об убийстве. Ужасное несчастье для Хэйров. Полагаю, именно по этой причине молодая дама все еще не замужем: с ее состоянием и наружностью ей давно бы уже пора сменить фамилию.

— Нет, причина вовсе не в этом, — ответил м-р Карлайл.

— А в чем же тогда?

М-р Карлайл слегка покраснел.

— Я знаю множество молодых людей, которые почти бы за счастье стать ее супругом, даже несмотря на это убийство. Вы недооцениваете мисс Хэйр.

— Нет, что Вы! Она мне очень нравится, — ответил капитан Торн. — А об этой девушке, Эфи, с тех пор ничего не было слышно, не так ли?

— Ничего, — сказал м-р Карлайл. — Вы хорошо знали ее? — вкрадчиво добавил он.

— Я вообще не был знаком с ней, если Вы имеете в виду Эфи Хэллиджон. С чего Вы взяли, что я знал ее? Я даже не слышал о ней, пока Том Герберт не позабавил меня этой историей.

М-р Карлайл всей душой желал бы знать, говорит его собеседник правду или же лжет.

— Эфи охотно дарила свою благосклонность — я имею в виду улыбки и болтовню, — поскольку была девушкой тщеславной и неосторожной. Среди прочих кавалеров, удостоивавшихся иногда быть обласканными ее вниманием, находился и некий джентльмен по имени Торн. Не Вы ли это были.

Капитан Торн погладил усы с таким видом, который, казалось, свидетельствовал о том, что он может похвастаться подобным счастьем или же, во всяком случае, был бы не против сделать это.

— Честное слово, — ответил он, глупо улыбаясь. — Вы оказываете мне слишком большую честь. Я не могу похвастаться тем, что пользовался расположением мисс Эфи.

— Значит, это не она была той... особой, о которой Вы говорили, из-за которой Вам, если я правильно Вас понял, пришлось уехать отсюда? — снова заговорил м-р Карлайл, вперив взгляд в своего собеседника, пытаясь уловить тончайшие нюансы интонации и выражения его лица.

— Нет, конечно же. Это была замужняя дама, что еще хуже, поверьте; молодая, хорошенькая, тщеславная и безрассудная, точно соответствующая Вашему описанию Эфи. Спустя некоторое время все уладилось, она и ее муж — глупый сельский йомен¹² — помирились; я же продолжал стыдиться этой истории, особенно сильно — с тех пор, как поумнел. Именно поэтому я не хочу, чтобы кто-либо упоминал о моем участии в ней или ворошил прошлое с тем, чтобы причинить мне вред.

С этими словами капитан Торн встал и удалился, слишком поспешно, пожалуй. Был ли он тем самым человеком? М-р Карлайл по-прежнему оставался во власти сомнений.

Сразу после его ухода появился м-р Дилл, закрыл дверь, подошел к своему хозяину и заговорил, понизив голос.

— Мистер Арчибалд, не приходило ли Вам в голову, что джентльмен, только что покинувший комнату, может быть тем самым лейтенантом Торном, о котором Вы мне когда-то говорили, ну, тем, который когда-то мчался верхом в Вест-Линн из Свейсона, чтобы поволочиться за Эфи Хэллиджон?

— Еще как приходило! — ответил м-р Карлайл. — Дилл, я бы немедленно отдал пятьсот фунтов из собственного кармана, если бы кто-нибудь смог внушить мне абсолютную уверенность в том, что это именно он.

— Я видел его несколько раз за то время, что он гостит у Гербертов, — продолжал пожилой джентльмен, и у меня возникли сомнения в том, что он — тот самый человек. И вот что любопытно! Вчера сюда приезжал доктор Безэнт из Свейсона, и, прогуливаясь с ним, мы встретили капитана Торна. Они узнали друг друга и даже раскланялись, правда, всего лишь как просто знакомые.

— Вы знаете этого джентльмена? — спросил я Безэнта.

— Да, — ответил он, — это мистер Фредерик.

— Мистер Фредерик плюс еще кое-что, — сказал я. — Его имя — Торн.

— Это я знаю, — ответил Безэнт, — но, будучи в Свейсоне несколько лет назад, он предпочитал опускать «Торна», и весь город знал его как «м-ра Фредерика».

— Что он делал там. Безэнт? — осведомился я.

¹² Йомен — крестьянин.

— Валял дурака и наживал себе неприятности, — последовал ответ. — Ничего особенно серьезного: обычные переделки, в которые попадают молодые люди.

— Часто ли он совершал дальние прогулки верхом? — таков был мой следующий вопрос.

— Что было — то было, — ответил Безэнт. — Никто больше него не любил носиться галопом по пересеченной местности. Я еще говаривал ему, что этак он, пожалуй, лишит свою лошадь хвоста.

— Так что Вы думаете, мистер Арчибальд? — продолжал старый клерк. — Насколько мне удалось выяснить, это было примерно в то же время, когда разыгралась трагедия в доме Хэллиджона.

— Что думаю? — ответил м-р Карлайл. — Что же мне еще думать? Это именно тот человек. Теперь я в этом совершенно уверен.

Глава 7

ТАИНСТВЕННЫЙ КЛОЧОК БУМАГИ

Неделя шла за неделей; одна, другая, третья, — и время, казалось, скорее повернуло вспять, нежели шло вперед, если это не будет сказано слишком по-ирландски. Дела Фрэнсиса Ливайсона, точнее, их устройство, никак не продвигались, ибо его кредиторы продолжали упорствовать. Трижды он отправлялся в Ливайсон-Парк в закрытом экипаже м-ра Карлайла, надежно защищенном от любопытных взглядов зевак; однако сэр Питер, казалось, сделался так же упрям, как и кредиторы. Он выяснил, что капитан Ливайсон обманывал его, поскольку использовал на собственные нужды известные суммы, переданные сэром Питером для уплаты по некоторым искам. Сэр Питер был не особенно расположен прощать этот обман и поклялся, что пока ничего более не предпримет. Выслушав его, капитан Ливайсон заметил, что ему теперь остается лишь вернуться на континент. Пожалуй, это будет лучшим местом для него, ибо там уже собралось множество бездельников: таков был язвительный ответ сэра Питера. Он был настроен чрезвычайно решительно, поскольку, после того, как Френсис Ливайсон поднялся, чтобы откланяться, он достал из бумажника несколько банкнот на сумму в 100 фунтов, сказал, что эта сумма покроет его расходы на проезд в Англию, и добавил, что денежное содержание Фрэнсиса останется прежним.

— Ну, как Вы поладили с сэром Питером? — поинтересовался м-р Карлайл за обедом, когда его гость вернулся в Ист-Линн.

— Так себе, — ответил Френсис Ливайсон. — Мы недалеко продвинулись. Эти бывалые стариканы любят все делать неспешно.

Лживый ответ лживого человека! Просто в его планы пока не входил отъезд из Ист-Линна, а скажи он правду — и у него не было бы предложения остаться.

Настроение леди Изабель за это время отнюдь не улучшилось, да и как могло быть иначе, когда ревность ее не утихала из-за частых встреч Барбары с мистером Карлайлом, а Френсис Ливайсон искусно подогревал ее своими измышлениями и комментариями! Недовольная собой и всеми вокруг, Изабель жила в постоянном возбуждении; в душе ее нарастало недовольство мужем. В тот же самый день, когда Френсис Ливайсон посетил сэра Питера, Изабель заметила оживленно беседовавших м-ра Карлайла и Барбару, проезжая по Вест-Линну на коляске, запряженной пони. Они были так увлечены разговором, что даже не заметили ее, хотя она проехала довольно близко от тротуара.

На следующее утро, когда Хэйры завтракали, они увидели, что к дому приближается почтальон. Барбара подбежала к окну, и почтальон приблизился к ней.

— Одно лишь письмо, мисс. Для Вас.

— От кого оно? — начал судья, когда Барбара села на место.

Даже если письмо предназначалось не ему, м-р Хэйр все равно хотел знать его содержание; впрочем, таков он был во всем.

— От Анны, папа, — ответила Барбара, положив письмо на стол рядом с собой.

— Почему бы тебе не открыть его и не прочесть?

— Именно это я и собираюсь сделать. Вот только налью немного чаю маме.

Барбара передала чай матери и снова взяла письмо. Когда она вскрыла конверт, на колени к ней упал маленький свернутый листок. К счастью, судья Хэйр, уткнувшийся в чашку с кофе, не заметил этого, чего нельзя было сказать о миссис Хэйр.

— Барбара, ты что-то уронила.

Барбара также заметила это, и теперь украдкой сжала в ладони это «что-то» почти виноватым движением. Она не знала, что сказать, и вместо ответа склонилась над письмом. Миссис Хэйр заговорила снова.

— Милая, что-то упало тебе на колени.

— Вы что, не слышите Вашу маму, юная леди? — подхватил судья. — Что ты там уронила?

Барбара встала с зардевшимся лицом и встряхнула складки своего красивого платья из муслина — почему-то все платья казались красивыми на Барбаре.

— Ничего нет, папа, я ничего не вижу.

Садясь на свое место, она многозначительно посмотрела на мать, и та замолчала. Затем она прочла письмо сестры и положила его раскрытым на стол, чтобы всякий, кто захочет, мог сделать то же самое. Судья сразу же его схватил, позаботившись прежде всего о самом себе. Прочитав письмо, он швырнул его на стол и недовольно проворчал:

— Ничего интересного. Вот так всегда с письмами Анны. Как корреспондент она звезд с неба не хватает. Можно подумать, кому-то интересно читать о «коротком пальтишке» ее малыша. Пожалуй, я выпью еще чашку кофе, Барбара.

Наконец, судья позавтракал и вышел в сад. Миссис Хэйр повернулась к Барбаре.

— Моя дорогая, почему ты так таинственно посмотрела на меня? И что это упало тебе на колени? Похоже, оно выпало из письма Анны.

— Да, мама, это было в письме Анны. Ты же знаешь, какой папа дотошный: все ему нужно видеть, обо всем ему нужно знать! Поэтому, если Анна хочет мне что-то сообщить по секрету, она пишет это на отдельном листке и вкладывает его в свое письмо. Я думаю, что выпал именно такой клочок бумаги.

— Дитя, я не могу позволить тебе намекать, будто папа не имеет права заглядывать в твои письма.

— Ну конечно же, мама. Однако, если у него есть хоть крупица здравого смысла, он мог бы сообразить, что нам с Анной хочется поведать друг другу какие-то маленькие, сугубо личные новости, которые ему знать совсем не обязательно.

Говоря это, Барбара достала клочок бумаги и начала разворачивать его. Миссис Хэйр наблюдала за ее движениями и выражением лица, которое внезапно побагровело, а затем сделалось мертвенно-бледным. Барбара скомкала листок в ладони.

— Ах, мама, — только и смогла выговорить она.

Нежные щеки миссис Хэйр также покраснели от волнения.

Что, Барбара? Плохие новости?

— Мама, это... это о Ричарде, — прошептала Барбара, посмотрев на дверь и окно, словно желая убедиться, что никто не может видеть или слышать их. — Я и подумать не могла о нем: мне казалось, Анна хочет что-то сообщить о своих собственных делах. Боже праведный! Какая удача, какое счастье, что папа не увидел, как упал листок, а ты не стала упорствовать в своих расспросах! Если бы он...

— Барбара, ты истомила меня, — перебила ее миссис Хэйр, которая также побледнела. — Что может Анна знать о Ричарде?

Барбара разгладила листок и показала его матери. «Я получила странную записку от Р. Там не было ни даты, ни подписи, но я узнала его почерк. Он просит меня передать вам, держа все в совершенной тайне, что скоро вновь навестит вас ночью. После новолуния по вечерам следите за роццей».

Миссис Хэйр спрятала лицо в ладонях.

— Хвала Господу за его милосердие! — прошептала она.

Ах, мама, но он ведь ужасно рискует.

— Но знать, что он жив, жив! Что же касается риска, так его я не страшусь, Барбара. Господь в милосердии своем защитил его в прошлый раз — защитит и в этот. Он не оставит своей милостью угнетенных и невинных. Уничтожь этот листок, дитя.

— Сначала его должен увидеть Арчибальд Карлайл, мама. После этого я его уничтожу.

— Тогда разыщи его сегодня. Я не успокоюсь, пока письмо не будет уничтожено.

Презрев досужие сплетни, молясь о том, чтобы не попасться на глаза грозному судье, Барбара в тот же день отправилась в контору м-ра Карлайла. Увы, она не застала его там: он уехал по делу в Линборо, и м-р Дилл не был уверен в том, что он вернется в этот день в контору, во всяком случае — до вечера. Сразу же после обеда Барбара заняла свой наблюдательный пост у калитки, надеясь увидеть его, но время шло, а он не появлялся. Она почти не сомневалась, что он вернулся домой, не заезжая в Вест-Линн. Что же ей было делать? Идти в Вест-Линн — подсказывал ей внутренний голос. Барбара была чрезвычайно взволнована. Ей казалось, что провидение

специально позаботилось о приезде Ричарда, чтобы он мог встретить Торна. Ей представлялось само собой разумеющимся, что они должны встретиться лицом к лицу или, по крайней мере, Ричард должен воспользоваться этой возможностью увидеть Торна, хотя она и не знала, как это устроить. Во всем, что касалось планов и практических действий, она целиком полагалась на м-ра Карлайла; ему нужно было немедленно сообщить эту новость, поскольку прошло уже три-четыре дня с новолуния, и Ричард мог появиться со дня на день.

— Мама, — сказала она, вернувшись домой, когда увидела, что судья отправился в «Оленью Голову», где они порой собирались с некоторыми из его коллег и прочими джентльменами, чтобы поболтать и выкурить по трубочке, — я схожу в Ист-Линн, если ты не возражаешь. Я должна видеть мистера Карлайла.

— Ну что же я могу иметь против, моя дорогая? Я сама с нетерпением жду вашей встречи. Как жаль, что его не было сегодня в конторе. Смотри же: ничего не забудь. И спроси его, что нам следует делать.

Барбара пустилась в путь и пришла в Ист-Линн, когда было уже семь часов.

— Мистер Карлайл не освободился?

— Мистер Карлайл еще не вернулся домой, мисс. Миледи и мисс Карлайл не садятся обедать без него.

Это было большим разочарованием для Барбары. Слуга пригласил ее в дом, но она отказалась войти и отправилась восвояси, будучи не в том настроении, когда наносят визиты. Леди Изабель в это время стояла у окна, ожидая мужа и гадая, что же задержало его; она видела, как Барбара подошла к дому, а затем вновь удалилась. Вскоре в гостиную вошел слуга, который встретил Барбару в дверях.

— Это была мисс Хэйр?

— Да, миледи, — ответил он. — Она хотела видеть хозяина. Я сказал ей, что Ваша милость в доме, но она не захотела войти.

Больше Изабель ничего не сказала. Она заметила, что глаза Френсиса Ливайсона неотрывно смотрят на нее с предельным сочувствием, которое он мог позволить себе выразить взглядом. Она до боли стиснула руки и отвернулась к окну.

Барбара медленно шла по аллее, когда появился м-р Карлайл, шагавший ей навстречу. Леди Изабель видела, как их руки соприкоснулись в приветствии.

— Ах, как я счастлива, что увидела Вас! — невольно воскликнула Барбара. — Вы знаете, я сегодня была у Вас в конторе и только что спрашивала Вас здесь, дома. У нас потрясающие новости.

— Да? Что такое? Что-то о Торне?

— Нет, о Ричарде, — ответила Барбара, доставая листок бумаги из складок платья. — Сегодня утром я получила от Анны вот это.

М-р Карлайл взял письмо, и, пока он читал, Барбара смотрела на него; никому из них и в голову не приходило, что за ними из окон дома следят ревнивые очи Изабель и недобрые глаза капитана Ливайсона. Впрочем, мисс Карлайл тоже наблюдала за ними.

— Арчибальд, мне кажется, само провидение направляет его сюда в этот момент. Мы наконец-то сможем узнать, оправданы ли наши подозрения относительно капитана Торна. Вы должны постараться сделать так, чтобы Ричард увидел его. Зачем он едет сюда в этот раз?

— За деньгами, — предположил м-р Карлайл. — Миссис Хэйр знает об этом?

— К сожалению, знает. Я развернула листок при ней, даже и не подозревая, что он имеет какое-то отношение к Ричарду. Жаль, что я не сумела скрыть от нее эту новость до его появления здесь: боюсь, она заболит от ожидания и беспокойства. Я сама не своя от страха, — продолжала она. — У меня не будет ни единой минуты покоя, пока он не появится здесь и снова не исчезнет. Бедный Ричард! Бездомный бродяга, к тому же, невиновный!

— Он вел себя так, словно был виновен, Барбара. А такое поведение иногда создает не меньшие проблемы.

— Вы же не верите, что он виновен? — пылко воскликнула она.

— Нет. Я почти не сомневаюсь в виновности Торна.

— Ах, если бы ее можно было доказать! — повторила Барбара. — Чтобы Ричард был публично оправдан. Как бы сделать так, чтобы он увидел Торна.

— Не знаю. Мне надо подумать. Как только он появится, сообщи мне, Барбара.

— Ну разумеется. Возможно, ему нужны совсем не деньги; может быть, он просто хочет увидеть маму. Он всегда был так привязан к ней!

— Сейчас я должен оставить тебя, — сказал м-р Карлайл, взяв ее за руку на прощание. Затем, задумавшись о чем-то, он повернулся и прошел несколько шагов, не выпуская ее руки из своей. Возможно, он и сам не осознавал этого, чего нельзя было сказать о ней.

— Ты знаешь, Барбара, если ему все-таки нужны деньги, а миссис Хэйр будет не в состоянии раздобыть их так быстро, я могу дать ему денег, так же как и в прошлый раз.

— Спасибо, спасибо, Арчибальд. Мама не сомневалась в том, что ты выручишь нас.

Она с благодарностью подняла на него глаза: если бы она постоянно не следила за собой, к этому выражению могло бы подмешаться иное, более теплое чувство. М-р Карлайл вежливо поклонился и пустился к дому столь быстро, словно в его статном теле был скрыт паровой двигатель. Несколько минут в своей комнате — и он вошел в гостиную, извиняясь за то, что заставил себя ждать: он должен был, вернувшись из Линборо, зайти в контору, чтобы сделать некоторые распоряжения клеркам.

Леди Изабель поджала губы и не проронила ни звука в ответ. Ничего не подозревавший м-р Карлайл не заметил этого недоброго знака.

— Зачем приходила Барбара Хэйр? — требовательно спросила мисс Карлайл во время обеда.

— Она приходила по делу, — ответил он таким тоном, по которому любой человек, кроме его сестры, догадался бы, что не следует продолжать разговор на эту тему. — Не хочешь ли еще рыбы, Изабель?

— Что это вы читали с ней? — продолжала не привыкшая отступать мисс Корпи. — Это было похоже на записку.

— А вот это уже будет разглашением тайны, — попытался отшутиться м-р Карлайл. — Я, знаешь ли, не могу подвести молодых леди, которые решаются показать мне любовные письма.

— Что за ерунда, Арчибальд, — изрекла она. — Ты что, не можешь просто сказать, чего хочет Барбара, не делая из этого тайны? Она в последнее время зачастила к тебе.

М-р Арчибальд бросил на нее быстрый взгляд; он, казалось, о чем-то предупреждал ее. И она невольно вернулась мыслями к прошлому с его, казалось бы, давно минувшими страхами.

— Арчибальд, Арчибальд, — только и выговорила она, словно не в силах найти других слов от ужаса. — Это... это... уж не отголоски ли той давней истории?

Слова «той давней истории», конечно же, относились к Ричарду Хэйру: эта тема была источником неутраченной боли для Карлайлов, и Арчибальд правильно понял их. К несчастью, леди Изабель полагала, что всякая «давняя история» может быть только историей прошлой любви ее мужа и Барбары Хэйр.

— Ты весьма обяжешь меня, Корнелия, если сосредоточишься на обеде, — мрачно ответил м-р Карлайл, а затем добавил, уже почти шутливо. — Я же говорю тебе: не следует ждать, что я выдам секреты юной леди, которые она решила поведать мне как профессионалу. Как Вы считаете, капитан Ливайсон?

Капитан Ливайсон поклонился с насмешливой улыбкой, которую не могла не заметить леди Изабель. Мисс Карлайл склонилась над тарелкой и послушно, как ягненок, принялась за еду. Вечером бедное сердце леди Изабель не выдержало, и она заговорила об этом, оставшись наедине с мужем.

— Что нужно от тебя этой Барбаре Хэйр?

— Это — личное дело, Изабель. Она приносит мне записки от своей матери.

— Меня нельзя посвящать в это дело?

Он ответил не сразу, размышляя о том, можно ли ей все рассказать. Однако он не мог поведать кому-либо, даже своей жене, о том, что они подозревают капитана Торна: это было бы просто нечестно; и уж тем более он не мог говорить о предстоящем визите Ричарда. Об этом он не рассказал бы никому, разве что мисс Корни, если бы она пристала с расспросами; впрочем, она умела хранить секреты.

— Тебе не станет легче, если ты узнаешь обо всем, Изабель. Ты же знаешь, что у семейства Хэйров есть мрачная тайна. Именно с ней и связаны эти визиты Барбары.

Она не поверила ни единому слову. Она вообразила, что он не может ответить ей, боясь оскорбить ее чувства своим признанием, и ее гнев перерос в безрассудство. М-р Карлайл, со своей стороны, и подумать не мог, что она ревнует: ему казалось, что все уже давно прошло. Он был абсолютно честным и верным мужем, он не дал ей ни малейшего повода для ревности; ему, человеку практичному и здравомыслящему, и в голову не приходило, что ревность все еще терзает ее сердце.

На следующее утро леди Изабель казалась унылой и задумчивой. Капитан Ливайсон «по-дружески» проводил м-ра Карлайла до ворот, а затем пошел за ним, прячась за изгородью. Вернувшись к леди Изабель, он поведал ей о «пылком» свидании с Барбарой, которая дожидалась м-ра Карлайла у ворот поместья Хэйров. Она сидела, мрачно «переваривая» это известие, когда ей принесли записку, оказавшуюся приглашением на обед к миссис Джефферсон в следующий вторник для м-ра Карлайла, леди Изабель Карлайл и мисс Карлайл. Она раздраженно придвинула к себе конторку, повинувшись первому порыву — ответить сразу же, но сначала передала приглашение мисс Карлайл.

— Вы пойдете? — спросила мисс Карлайл.

— Да, — ответила леди Изабель. — И мне, и мистеру Карлайлу нужно как-то развеяться, — добавила она слегка насмешливо, — так почему бы не сделать этого хотя бы на один вечер!

Казалось, эта злосчастная ревность, это недоверие к мужу изменили саму натуру леди Изабель.

— Вы оставите капитана Ливайсона одного? — осведомилась мисс Карлайл.

Леди Изабель склонилась над конторкой и ничего не ответила.

— Так как же быть с ним, я Вас спрашиваю? — не отставала от нее мисс Карлайл.

— Он может остаться здесь и пообедать в одиночестве. А Вы примете это приглашение? Что мне написать?

— Нет, я не пойду, — сказала мисс Карлайл.

— В таком случае, с капитаном Ливайсоном не будет никаких проблем, — холодно заметила леди Изабель.

— Я не хочу оставаться с ним; мне не нравится его общество! — воскликнула мисс Карлайл. — Я бы пошла к миссис Джефферсон, если бы мне для этого не нужно было заказывать новое платье.

— Ну, это несложно, — сказала леди Изабель. — Мне тоже потребуется новое платье.

— Вам?! — воскликнула мисс Карлайл. — Да у Вас их дюжины!

— Я не уверена, что наберется хотя бы одна дюжина, не говоря уже о нескольких, — парировала Изабель, рассерженная этим замечанием и вообще постоянными упреками мисс Карлайл, которые в последнее время ей стало все труднее выдерживать. Недаром говорится, что мелкие неприятности куда серьезнее испытывают характер, чем большие.

Леди Изабель написала ответ, сложила, запечатала это послание, а затем позвонила. Когда слуга, получив письмо, выходил из комнаты, она попросила послать к ней Уилсон.

— Скажи мне, Уилсон: портниха придет сегодня примерять платье мисс Изабель?

Уилсон молчала, в нерешительности переводя взгляд с леди Изабель на мисс Карлайл. Последняя подняла голову и резко сказала:

— Портниха не придет. Я отменила заказ на платье, поскольку оно Изабель не нужно.

— Нет, оно ей нужно, — ответила леди Изабель таким недовольным тоном, каким еще никогда не разговаривала с мисс Карлайл. — Я и сама могу судить о том, что нужно моим собственным детям.

— Ей новое платье нужно ничуть не больше, чем этому столу, или Вам, если уж на то пошло, — продолжала с поистине стоическим упорством мисс Карлайл. — У нее их полным-полно, а если перелицевать то, которое сделано из шелка в полоску, оно будет как новенькое.

Уилсон, пятась, вышла из комнаты и прикрыла за собой дверь, но ее хозяйка успела заметить сочувственный взгляд. Сердце ее разрывалось от возмущения и отчаяния: казалось, ей просто негде укрыться. Подумать только: ее жалеют собственные слуги!

Она снова открыла конторку и набросала высокомерную и повелительную записку, в которой потребовала, чтобы портниха незамедлительно явилась в Ист-Линн. Мисс Корни даже застонала от злости.

— Вы еще пожалеете о том, что не послушали меня, мэм, когда разорите своего мужа. Он сейчас работает, как лошадь, и я боюсь, что он, даже несмотря на свой рабский труд, вряд ли сможет свести концы с концами.

Леди Изабель, будучи очень чувствительной, поневоле начала думать, не тратят ли они, в самом деле, больше того, что может позволить себе м-р Карлайл, ибо знала, что их расходы были весьма значительными. Ей внушалось одно и то же с первого дня их брака. В этот момент она и думать забыла про новые платья для себя и дочери; в своем глубоком горе она чувствовала себя несчастной и сломленной.

Тем временем Уилсон бросилась в комнату Джойс и занялась своим любимым делом, принявшись красочно расписывать, как мисс Карлайл запретила миледи сшить новые платья для себя и мисс Изабель. Джойс, которая в первый раз встала в этот день, сидела у окна и смотрела на капитана Ливайсона.

— Он красивый мужчина, как я погляжу, — заметила она.

Прошло еще несколько дней.

Глава 8

РИЧАРД ХЭЙР В ОКОШКЕ МИСТЕРА ДИЛЛА

Вечер понедельника выдался теплым. Яркая луна и сверкающие ночные звезды освещали одинокого путника, который шел по дороге, опустив голову и стараясь держаться в тени деревьев, как человек, который хочет остаться незамеченным. Он был похож на батрака в своем холщовом халате и подбитых гвоздями ботинках; большущие черные бакенбарды полностью закрывали нижнюю часть его лица, а широкополая фетровая шляпа была надвинута ниже бровей. Он подошел к поместью Ричарда Хэйра, перемахнул через изгородь в поле, предварительно посмотрев налево и направо, а затем перебрался через стену в сад и затаился под могучими деревьями.

В этот вечер, то ли из чувства противоречия, то ли повинувшись какой-то недоброй интуиции, судья Хэйр остался дома, что с ним случилось разве что раз в полгода, да и то если приходили друзья. Похоже, чаще всего нашей жизнью управляют именно законы противоречия, прямо как в детской игре, в которой ее участники приговаривают, держась за углы носового платка:

— Каждый по кругу идет, делай все наоборот: скажут «брось» — не отпускай, говорят «держи» — бросай!

То же самое происходит в игре под названием «жизнь». Когда мы хотим, чтобы люди крепко держали что-то, они тут же «отпускают», а когда просим отпустить, их пальцы сжимаются еще крепче.

Барбара, встревоженная и беспокойная, измотанная бесконечным ожиданием появления брата, отдала бы все на свете, чтобы ее отец ушел куда-нибудь. Увы: события развивались именно по законам противоречия: строгий и непреклонный судья восседал на стуле, придвинутом к окну, обозревая сад и рощу; парик его, как обычно, съехал набок, а во рту дымилась длинная трубка.

— Ты куда не идешь сегодня, Ричард? — осмелилась спросить миссис Хэйр.

— Нет.

— Мама, не велеть ли слугам закрыть ставни? — спустя некоторое время спросила Барбара.

— Закрывать ставни! — сказал судья. — Если Вам, юная леди, неприятен этот яркий лунный свет, можете проследовать в дальний конец комнаты, где имеется лампа.

Барбара в душе своей вознесла молитву, умоляя всевышнего даровать ей терпение ради безопасности Ричарда, и продолжала наблюдать за рощей. И вот последовал сигнал, уловить который могли только ее зоркие глаза: кто-то (или что-то) на мгновение вышел из-за деревьев и снова вернулся под их спасительную тень. Барбара побледнела, а губы ее мгновенно пересохли.

— Мне так жарко! — отрывисто сказала она, в смятении ища повод выйти. — Пойду прогуляюсь по саду.

Она скользнула наружу, предварительно набросив на плечи теплую шаль, чтобы не вызвать подозрений своего отца. В этот вечер на ней было платье из темного шелка. Она подошла к деревьям и замерла в нерешительности, не зная, стоять ей на месте или войти в рощу, но вот между стволами мелькнуло лицо Ричарда, и сердце ее сжалось от боли, когда увидела его, бледное, исхудавшее и настороженное. К тому же, волосы ее брата, по его собственному признанию, начали седеть.

— Ах, Ричард, милый, я не могу остаться и поговорить с тобой сейчас — сказала она тихим шепотом, похожим на плач. — Надо же случиться такому, что именно сегодня вечером папа остался дома!

— Могут ли я увидеться с мамой?

— Нет, конечно. Тебе придется подождать до завтрашнего вечера.

— Я не хотел бы ждать до завтра, Барбара. Опасность подстерегает меня на каждой пяди этой земли.

— Но тебе необходимо подождать, Ричард, ибо на то имеются веские причины. Человек, по вине которого все это случилось, Торн...

— Пропади он пропадом! — мрачно перебил ее Ричард.

— Он в Вест-Линне. По крайней мере, здесь находится некто по имени Торн, которого мы с мистером Карлайлом считаем именно тем человеком; мы хотим, чтобы ты посмотрел на него.

— Дайте мне встретиться с ним, — задыхаясь, выпалил Ричард, которого разволновало это известие. — Дайте мне увидаться с ним! Послушай, Барбара...

Барбара продолжала:

— Послушай, Ричард, мне нужно идти, поскольку папа может увидеть нас. Этот Торн — высокий мужчина, весьма привлекательный, и он обожает наряды и украшения, особенно бриллианты.

— Это он! — в волнении воскликнул Ричард.

— Мистер Карлайл постарается устроить вам встречу, — продолжала она, наклонившись, словно для того, чтобы зашнуровать туфельку. — Если он окажется именно тем человеком, это уже будет очень важно, хотя не исключено, что нам не удастся сразу предпринять что-либо для твоего оправдания. Ты уверен, что сможешь узнать его?

— Уверен ли я, что узнаю его?! — воскликнул Ричард Хэйр. — Узнаю ли я собственного отца? Узнаю ли я тебя? Да его облик начертан кровью на сердце моем. Где и когда могу я видеть его, Барбара?

— Я ничего не могу сказать тебе, пока не проконсультируюсь с мистером Карлайлом. Завтра приходи сюда пораньше; сразу, как только стемнеет: возможно, мистер Карлайл постарается привести его сюда. Если...

Окно распахнулось, и из него послышался громовой голос судьи Хэйра:

— Барбара, ты хочешь гулять, пока не простудишься? Иди домой, слышишь?

— Ах, Ричард, мне так жаль! — прошептала она, помедлив мгновение. — Но завтра вечером папа наверняка уйдет куда-нибудь: он не будет проводить дома два вечера подряд. Спокойной ночи, дорогой мой.

Теперь нельзя было медлить, и на следующий день Барбара, не обращая внимания на возможные сплетни, снова появилась в конторе м-ра Карлайла. Казалось, закон противоречия в этот день проявился с особой силой, ибо м-ра Карлайла не было на месте, а клерки не знали, когда ждать его: во всяком случае, не ранее, чем через несколько часов, полагали они.

— Мистер Дилл, — взмолилась Барбара, когда почтенный джентльмен подошел к двери, чтобы поприветствовать ее. — Я должна, понимаете, должна увидеть его.

— Я жду его ближе к вечеру, миссис Барбара. Не могу ли я чем-нибудь помочь Вам?

— Увы, нет, — вздохнула Барбара.

В этот момент по улице проезжал экипаж, в котором сидела леди Изабель с дочерью. Она заметила Барбару возле дверей и сразу поняла, что та пришла к ее мужу, ибо что же еще ей было делать там? Последовал еле заметный, высокомерный поклон Барбаре, дружеский кивок и улыбка м-ру Диллу — и экипаж покотился дальше. Барбара смогла увидаться с мистером Карлайлом лишь в четыре часа, когда и сообщила ему о приезде Ричарда.

М-р Карлайл терпеть не мог всяческую ложь и интриги; однако он считал, что при сложившихся обстоятельствах действует совершенно правильно, позволяя Ричарду Хэйру незаметно взглянуть на капитана Торна. Он спешно составил план. В этот вечер сам он должен был обедать у миссис Джефферсон; впрочем, от этого приглашения он решил отказаться. Велев Барбаре отправить Ричарда к нему в контору сразу же, как только он появится в роще, и попросив передать ему, чтобы он шел смело, поскольку никто не узнает его в этом гриме, он торопливо написал записку м-ру Торну с просьбой прийти к нему в контору к восьми часам, поскольку для него имелось срочное известие. Это не было вымыслом, ибо утром он и в самом деле получил важное сообщение касательно того дела, по которому капитан Торн консультировался с ним, и лишь срочный отъезд не позволил ему послать за ним раньше.

М-ра Карлайла ожидало еще множество дел, и он отправился в Ист-Линн только в пять часов; он не пошел бы домой так рано, если бы не должен был предупредить жену о том, что не сможет пойти на обед к Джефферсонам. М-р Карлайл был из тех людей, которые, не сомневаясь, жертвуют собственным удовольствием для дела и ради друзей.

Экипаж стоял у дверей, и леди Изабель, уже одетая, ожидала его в своей комнате.

— Ты не забыл, что Джефферсоны обедают в шесть? — спросила она вместо приветствия.

— Нет, Изабель, но я не мог прийти раньше. Я вообще не пришел бы так рано, если бы не должен был предупредить тебя, что не смогу пойти с тобой. Передай мои извинения миссис Джефферсон.

Наступила пауза, во время которой множество странных мыслей пронеслось в голове леди Изабель.

— Что случилось? — осведомилась она.

— Появилось срочное дело, которым я должен заняться сегодня вечером. Я только перекушу немножко и тут же вернусь в контору.

Было ли это предлогом, чтобы в ее отсутствие встретиться с Барбарой Хэйр? Эта идея прочно засела у нее в голове. На лице ее отразилась целая гамма чувств, причем наиболее отчетливо — негодование, и м-р Карлайл заметил это.

— Ты не должна сердиться, Изабель. Уверю тебя, что я не виноват. Это очень важное личное дело, которое нельзя ни отложить, ни перепоручить Диллу. Мне очень жаль, что так получилось.

Ты же никогда не возвращаешься в контору по вечерам, — заметила она, причем губы ее побелели.

— Действительно, поскольку обычно Дилл остается за меня, если появляется срочная работа. Но сегодня я должен заняться этим лично.

Еще одна пауза, которую сердитым голосом нарушила Изабель.

— Ты присоединишься к нам позже?

— Боюсь, что этого мне сделать не удастся.

Она закуталась в легкую шаль и сбежала вниз по лестнице. М-р Карлайл последовал за ней, чтобы посадить ее в экипаж. Когда он попрощался с ней, она не произнесла ни слова в ответ, упорно глядя прямо перед собой.

— В котором часу приехать за Вами? — осведомился лакей, когда она выходила из экипажа, благополучно приехав к миссис Джефферсон.

— Пораньше. В половине десятого.

Когда до восьми часов оставалось несколько минут. Ричард Хэйр, в своем холщовом халате, широкополой шляпе и накладных бакенбардах, нерешительно позвонил в контору м-ра Карлайла, который сразу же открыл дверь. В конторе больше никого не было.

— Входи же, Ричард, — сказал м-р Карлайл, крепко пожав Ричарду руку. — Ты много знакомых встретил по пути?

— Я даже не смотрел на тех, кто попадался мне навстречу, сэр, — ответил Ричард. — Мне казалось, что, если я буду смотреть на них, они тоже начнут меня разглядывать, и поэтому я все шел и шел, глядя прямо перед собой. Как изменился город! На углу, где раньше был магазин старого Моргана, теперь стоит новый каменный дом.

— Это новый полицейский участок: Вест-Линн, смею заверить тебя, застраивается величественными общественными зданиями. Ну, как твои дела, Ричард?

— Хуже некуда, — ответил Ричард Хэйр. — Да и как может быть иначе, мистер Карлайл, если я был несправедливо осужден, а теперь зарабатываю себе на жизнь рабским трудом!

— Можешь снять эту уродливую шляпу, Ричард. Здесь никого нет.

Ричард медленно стянул ее со своих бровей, открыв белое лицо, которым он был так похож на мать. Однако в тот же момент он вздрогнул и повернулся к двери.

— Вдруг кто-нибудь войдет сюда, сэр!

— Это невозможно, — ответил м-р Карлайл. — Наружная дверь заперта, а в конторе в этот час никого нет.

— Вы же знаете, сэр, что, если меня увидят и опознают, дело может закончиться виселицей. Барбара сказала мне, что Вы пригласили сюда этого проклятого Торна.

— Именно так, — ответил м-р Карлайл, отметив про себя обращение «сэр». Оно свидетельствовало о том, в каком общественном слое вращался теперь Ричард: он имел дело с людьми, которые часто употребляют это слово; оно стало привычным и для него.

— Исходя из твоего описания лейтенанта Торна, который убил Хэллиджона, мы склонны считать, что он и теперешний капитан Торн — одно и то же лицо, — продолжал м-р Карлайл. — Его личность полностью совпадает с твоим описанием; мне также удалось выяснить, что

несколько лет назад он довольно долго жил в Свейнсоне, где у него были какие-то неприятности. Он служит в одном полку с Джоном Гербертом, а сюда приехал погостить у него.

— Каким же идиотом он должен быть, чтобы приехать сюда! — воскликнул Ричард. — Именно сюда!

— Он, вне всяких сомнений, рассчитывает на то, что его здесь не знают. Насколько мне удалось выяснить, Ричард, его и в самом деле никто здесь не знал, кроме тебя и Эфи. Я отведу тебя в комнату мистера Дилла — возможно, ты помнишь маленькое окошко в ней, — откуда ты сможешь прекрасно разглядеть Торна, с которым я буду разговаривать. Ты уверен, что сможешь узнать его по проществу столь длительного времени?

— Я узнал бы его и через пятьдесят лет, даже если бы он был в таком же гриме, как у меня теперь. Мы не можем, — Ричард понизил голос, — забыть тех, кто заставил нас испытывать бешеную ревность.

— Что снова привело тебя в Вест-Линн, Ричард? У тебя есть какая-то цель?

— Что-то снесало меня, — ответил Ричард. — Не столько желание увидеть мать и Барбару, хотя я и жаждал встретиться с ними с тех пор, как заболел, сколько чувство, что я просто должен быть здесь. И я сказал себе, что рискну отправиться сюда, хотя бы на один день.

— Я думал, что тебе, возможно, потребуется какая-то помощь, как раньше.

— И это тоже, — сказал Ричард. — Мне нужно не так уж много. В результате болезни я влез в долги, и я был бы очень признателен матери, если бы она дала мне немного денег.

— Я уверен, что она выручит тебя, — ответил м-р Карлайл. — Ты получишь их сегодня вечером от меня. Что с тобой случилось?

— Все началось с того, что меня лягнула лошадь, сэр. Это было прошлой зимой, и я слег на шесть недель. А весной, выздоровев и вернувшись к работе, еще шесть недель провалялся из-за высокой температуры. С тех пор я так и не оправился.

— Почему же ты не написал или не послал мне свой адрес?

— Потому что не посмел, — робко ответил Ричард. — Мне никогда не избавиться от страха; не перед Вами, мистер Карлайл, а перед тем, что об этом станет кому-нибудь известно. Время идет, сэр. Вы уверены, что Торн придет?

— Он передал мне ответ на мою записку, в котором обещал прийти. А вот и он! — сказал м-р Карлайл, услышав звонок. — Теперь, Ричард, ступай, и не забудь шляпу.

Ричард послушно натянул шляпу так, что она касалась его носа. Так ему было спокойнее. М-р Карлайл провел его в кабинет м-ра Дилла, запер дверь, а ключ положил себе в карман. Принял ли он эту меру предосторожности для того, чтобы капитан Торн не смог войти в кабинет, или же для того, чтобы Ричард не смог из него выйти, знал только он один.

М-р Карлайл подошел к двери, открыл ее и впустил капитана Торна. Он провел его в комнату клерков, с ярким газовым освещением, где они несколько минут беседовали стоя, после чего он пригласил Торна сесть. Все это происходило прямо напротив заветного окошка.

— Я должен извиниться за опоздание, — заметил Торн. — Я задержался на полчаса, но у Гербертов обедали двое или трое друзей, и я никак не мог уйти раньше. Я надеюсь, мистер Карлайл, что Вы пришли сегодня вечером в контору не специально ради меня.

— Кто-то же должен заниматься делами, — несколько уклончиво ответил м-р Карлайл. — Я сегодня отсутствовал почти целый день. Утром мы получили из Лондона сообщение по Вашему делу, и, к сожалению, мне Вас нечем порадовать. Они не хотят ждать.

— Но... меня же не могут отдать под суд, мистер Карлайл?

— Нет, если Вы сказали мне правду. Но иногда закон говорит одно, а судья — другое, капитан Торн.

— Они же не арестуют меня здесь, не так ли? — растерянно спросил капитан Торн.

— Они бы, несомненно, так и поступили, но я велел написать и отправить им письмо, на которое они должны ответить, прежде чем прибегнуть к крайним мерам. Этот ответ придет послезавтра утром.

— И что же мне делать?

— Я думаю, не исключено, что их можно перехитрить. Но я не уверен, капитан Торн, что смогу по-прежнему заниматься этим делом.

— Я все же надеюсь и верю, что Вы доведете его до конца.

— Вы, надеюсь, не забыли: я с самого начала предупреждал Вас, что не могу за это поручиться, — ответил м-р Карлайл. — Завтра я свяжусь с Вами. Если я смогу заняться этим делом, Вам будет назначено время встречи на послезавтра, если же нет... думаю, Вы найдете стряпчего не хуже меня.

— А почему Вы не можете довести это дело до конца?

— Я не могу объяснять мотивы всех моих поступков. Я свяжусь с Вами завтра.

Говоря это, он встал, и капитан Торн последовал его примеру. М-р Карлайл задержал его еще на минуту, а затем проводил своего гостя и запер за ним дверь.

Вернувшись, м-р Карлайл выпустил Ричарда, который снял шляпу, когда вышел на свет из темной комнаты.

— Ну что, Ричард, это он?

— Нет, сэр. Совершенно не похож.

М-р Карлайл почувствовал какое-то странное облегчение; он был рад за капитана Торна. Ему не приходилось встречать людей, которые менее походили бы на убийцу, чем он. К тому же, Торн постепенно завоевывал все большее расположение м-ра Карлайла. Теперь он мог с чистым сердцем помочь Торну выпутаться из его затруднений.

— Если не считать высокого роста и почти одинакового цвета волос, они совершенно не похожи друг на друга, — продолжал Ричард. — Их лица, их фигуры отличаются так же, как свет и тьма. У того, другого, несмотря на красивые черты лица, в них иногда проглядывает что-то демоническое; у этого же выражение лица — самая привлекательная черта его наружности. У того, кто убил Хэллджона, это выглядело довольно странно, сэр.

— Что? — спросил м-р Карлайл, поскольку Ричард просто показал на свое лицо, не уточняя, что именно он имел в виду.

— Ну... я не могу точно сказать, что именно казалось необычным — брови или глаза: даже видя его перед собой, я не смог бы сделать этого, однако именно в них таилась некая странность. Ах, мистер Карлайл, еще когда Барбара сказала мне, что Торн здесь, я подумал: это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Можете не сомневаться: он не рискнет более появиться в Вест-Линне. Этот Торн похож на того злодея ничуть не более Вас.

— Тогда, если с этим все ясно, нам лучше идти, Ричард. Тебе нужно увидеться с матерью, и она, должно быть, ждет и беспокоится. Сколько денег тебе нужно?

— Хватит и двадцати пяти фунтов, но... — Ричард замолчал в нерешительности.

— Что? — спросил м-р Карлайл. — Ну говори же, Ричард.

— Но тридцать фунтов — это было бы лучше. С тридцатью фунтами мне было бы намного легче.

— Ты получишь тридцать, — сказал м-р Карлайл, отсчитывая банкноты. — Ты пойдешь в Гроув со мной или же в одиночку? Я должен сделать так, чтобы ты прибыл туда в целостности и сохранности.

Ричард подумал, что предпочел бы идти один: всякий прохожий мог заговорить с мистером Карлайлом. Последний осведомился, почему Ричард предпочитает для своих визитов лунные ночи.

— Они приятнее для ночных путешествий. К тому же, если бы я приходил в темные ночи, Барбара не могла бы заметить, как я подаю ей знаки из-под деревьев, — ответил Ричард.

Они пустились в путь и благополучно достигли дома судьи Хэйра. Шел уже десятый час.

— Я так обязан Вам, мистер Карлайл, — прошептал Ричард, когда они поднимались по тропинке.

— Я хотел бы помочь тебе по-настоящему, Ричард, и раскрыть эту тайну. Барбара ждет нас? Да, конечно: дверь открывается.

Ричард прокрался через холл в комнату своей матери. Барбара подошла к м-ру Карлайлу, стоявшему у крыльца, и шепотом заговорила с ним: голос ее дрожал от нетерпения.

— Ну что: это он? Тот самый Торн?

— Нет. Ричард говорит, что этот человек совершенно не похож на истинного убийцу.

— Вот как! — удивленно и разочарованно сказала Барбара. — Это не он! Бедный Ричард впустую потратил почти целый вечер.

— Ну, не совсем впустую, — заметил м-р Карлайл. — Теперь нам все ясно.

— Все ясно — повторила Барбара. — Как раз теперь наступила полная неопределенность.

— Я имею в виду капитана Торна. Мы подозревали только его, а нужно было искать совсем в другом месте.

Когда они вошли в гостиную, миссис Хэйр и Ричард рыдали, прильнув друг к другу. Миссис Хэйр схватила руку м-ра Карлайла.

— Ты был так добр! Я не знаю, что бы мы делали без тебя. И я хочу попросить тебя еще об одной услуге. Барбара ничего не говорила об этом?

— Я не могла говорить в холле, мама, опасаясь, что нас могут услышать слуги.

— Мистер Хэйр не вполне здоров, и мы ужасно боимся, что вследствие этого он вернется домой рано; если бы не это, мы бы чувствовали себя в полной безопасности до десяти часов, поскольку он отправился в «Оленью голову», а они, как тебе известно, никогда не расходятся раньше этого времени. От одной мысли о том, что он придет и увидит Ричарда, меня бросает в дрожь. Мы с Барбарой говорили об этом весь вечер и не смогли придумать ничего лучше следующего плана. Он состоит в том, что ты выручишь нас еще раз и останешься в саду возле калитки; если придет м-р Хэйр, ты остановишь его и займешь разговором. Барбара, которая будет ждать его прихода вместе с тобой, бросится в дом и предупредит нас, тогда Ричард сможет спрятаться в чулане, дверь которого выходит в холл, и ускользнуть, когда м-р Хэйр войдет в дом и проследует в эту комнату. Ты сделаешь это для нас, Арчибальд?

— Ну разумеется.

— Я не могу добровольно расстаться с сыном ранее, чем пробьет десять часов, — прошептала она, с искренней благодарностью пожимая руки м-ра Карлайла. — Ты не знаешь, что это такое, Арчибальд, когда почти утраченный тобой сын появляется дома не более чем на час, в первый раз за семь лет. В десять часов мы простимся с ним.

М-р Карлайл и Барбара, в точном соответствии с пожеланиями миссис Хэйр, стали прогуливаться по садовой дорожке, держась поближе к калитке. Когда они пошли на второй круг своего дозора, м-р Карлайл предложил ей опереться на его руку, движимый одной лишь вежливостью. Барбара взяла его под руку, и они продолжили свою прогулку, судья не появлялся.

Ровно в половине десятого экипаж леди Изабель подкатил к дому миссис Джефферсон, и она сразу же вышла к нему, сославшись на головную боль и извинившись за ранний отъезд. Ехать до Ист-Линна было недалеко: всего две мили, большей частью — по проселочной дороге. Можно было выехать и на большак, но таким образом путь удлинился, хотя и незначительно. Внезапно на дорогу вышел джентльмен и помахал кучеру, чтобы тот остановил экипаж. Даже при ярком лунном свете леди Изабель не сразу узнала его, поскольку на нем была уродливая меховая шапка с опущенными ушами и завязанными под подбородком тесемками. Это был Фрэнсис Ливайсон. Она открыла окошко экипажа.

— Я подумал, не Ваш ли это экипаж. Как Вы рано возвращаетесь! Вас утомили радушные хозяйева?

«Да он же знал, во сколько возвращается миледи, — подумал Джон, — он же узнал об этом у меня. Сдается мне, он чертовски неискренний малый.

— Я вышел прогуляться и немного устал, — продолжил он. — Проявите же милосердие и подвезите меня домой!

Она согласилась, хотя и без особой охоты, поскольку отказать было бы просто невежливо. Лакей соскочил с запяток, чтобы открыть дверь экипажа, и Фрэнсис Ливайсон сел рядом с леди Изабель.

— Поезжай по большаку, — высунувшись, сказал он кучеру, и последний прикоснулся к полям своей шляпы. Этот путь лежал мимо поместья м-ра Хэйра.

— Я не узнала Вас, — начала она, отодвинувшись в угол. — Что это за уродливая шапка на Вас? Это походит на грим.

Тем временем он снял «эту уродливую шапку» и принялся вертеть ее на пальце.

— Грим? Ну что Вы: в окрестностях Ист-Линна у меня кредиторов не имеется.

И снова он сказал неправду, ибо прекрасно знал, что надел эту шляпу именно для того, чтобы остаться неузнанным.

— Мистер Карлайл дома? — осведомилась она.

— Нет. — После небольшой паузы он добавил: — Я полагаю, что он нашел себе более приятное занятие.

Он сказал это таким тоном, что кровь прилила к лицу леди Изабель. Ей хотелось сохранить гордое молчание, но бедняжку снедала ревность, и она не выдержала.

— Какое занятие?

— Только что, проходя мимо дома Хэйров, я заметил некоего джентльмена и юную леди, которые прогуливались под руку, наслаждаясь свиданием под луной. Это были Ваш муж и мисс Хэйр.

Леди Изабель едва не заскрежетала зубами: сбылись ее наихудшие опасения, весь вечер не дававшие покоя нашей героине. Подумать только: этот ненавистный ей человек — ибо сейчас, в своей слепой ярости она ненавидела его — так обманул ее, отпросился под фальшивым предлогом, прибегнув к низкой и подлой лжи, для того, чтобы провести время в обществе Барбары Хэйр! Трудно сказать, какая вспышка ярости могла бы последовать, если бы она была в экипаже одна. Она откинулась назад, задыхаясь от гнева, но все-таки сумев скрыть свои чувства от капитана Ливайсона. Когда они проезжали мимо поместья судьи Хэйра, леди Изабель наклонилась к окну, чтобы в нетерпении взглянуть на сад. И там, в ярком лунном свете, даже слишком ярком и безжалостном, она увидела, как ее муж и Барбара медленно прогуливаются под руку, прильнув друг к другу. Задыхаясь от рыданий, которые она не могла более сдерживать, леди Изабель снова откинулась назад, и дерзкий негодяй, сидевший рядом с ней, впервые осмелился обнять ее, привлечь к себе и прошептать, что уж он-то по-прежнему любит ее. В эту ночь она была просто вне себя: в противном случае леди Изабель даже не стала бы его слушать.

Ревнивая женщина просто безумна, оскорбленная женщина — безумна вдвойне; несчастная леди Изабель считала, что м-р Карлайл попрал самые святыя чувства, которые только могут существовать между мужем и женой.

— Отомстите этому негодяю, Изабель. Он не стоит вас. Оставьте Вашу теперешнюю жизнь, полную горестей, и вкусите заслуженного вами счастья.

Она горько разрыдалась, то ли от обиды на мужа, то ли от этих бесстыдных речей. Увы! Фрэнсис Ливайсон принялся утешать ее посредством нежной и опасной софистики, столь присущей его коварной натуре.

Глава 9

ИСКУПЛЕНИЯ НЕ БУДЕТ

Минуты летели одна за другой. Без четверти десять, десять часов, четверть одиннадцатого — а Ричард по-прежнему находился у матери, а м-р Карлайл и Барбара все так же терпеливо мерили шагами садовую дорожку. В половине одиннадцатого, наконец, появился Ричард, простившийся с матерью. Последовало печальное прощание с плачущей Барбарой, свидетелем которого стал м-р Карлайл, затем он сам крепко пожал руку Ричарда, и тот исчез между деревьями, пустившись назад тем же путем, каким пришел.

— Спокойной ночи, Барбара, — сказал м-р Карлайл.

— Вы разве не зайдете попрощаться с мамой?

— Не сейчас: уже поздно. Передай ей, как я рад, что все так удачно получилось.

Он стремительно зашагал домой, а Барбара расплакалась, прислонившись к калитке. Ни единый прохожий не появился в этот поздний час; судья тоже задерживался. Что же случилось с ним? О чем они там думали в этой «Оленьей голове», когда задерживали достопочтенных пожилых судей, которым следовало бы рано приходить домой и укладываться в постель, подавая тем самым добрый пример всем законопослушным гражданам? На следующий день Барбара узнала, что судью Хэйра сманили, в компании еще нескольких джентльменов, из старой доброй таверны, в дом приятеля, где они предались развлечениям в виде ужина, трубок и виста со ставками по шесть пенни, от коковых смогли оторваться лишь в первом часу ночи. Впрочем, нет худа без добра, как говорится, Барбара не смогла бы сказать, сколько времени она провела у калитки: может быть, минут десять. Никто не звал ее, ибо миссис Хэйр предавалась своему горю, забыв и думать о Барбаре, а судья еще не появился. Барбара чрезвычайно удивилась, когда услышала быстрые шаги и увидела, что это вернулся м-р Карлайл.

— Поспешай не торопясь, Барбара, — воскликнул он, подходя к ней. — Я уже прошел половину пути домой, и мне пришлось вернуться. Входя в вашу гостиную, я оставил на буфете небольшой сверток, в котором был пергаментный сверток. Ты не могла бы принести его?

Барбара сбегала в дом и принесла сверток, после чего м-р Карлайл, быстро попрощавшись, удалился. Она снова прислонилась к калитке, и снова слезы хлынули из ее глаз: сердце ее разрывалось от жалости к Ричарду и от разочарования, которое принес этот вечер, ибо капитан Торн оказался совершенно другим человеком. По-прежнему никто не проходил по дороге, отец ее не появлялся, и Барбара все так же стояла у калитки. Но... кто это затаился в тени от изгороди и наблюдал за нею? Барбара до боли в глазах всматривалась в таинственную фигуру, а сердце ее, казалось, выпрыгнет из груди. Ну, конечно же: это был ее брат! Но зачем он вернулся?

Это и в самом деле был Ричард Хэйр. Убедившись, что Барбара не уходит, а значит, отец его еще не вернулся, он рискнул покинуть свое убежище и приблизиться к ней. Он вел себя как-то странно, почти задыхаясь и дрожа всем телом.

— Барбара! Барбара! — сказал он отрывисто. — Я видел Торна.

Барбара подумала, что он сошел с ума.

— Я знаю, что ты видел его, — сказала она медленно, подыскивая слова. — Но это был другой Торн.

— Не этого, — выдохнул Ричард. — Не того джентльмена, которого я видел сегодня вечером в конторе мистера Карлайла. Я видел того самого парня. Почему ты так смотришь на меня, Барбара?

Барбара и в самом деле пристально вглядывалась в его лицо, ибо ей не без оснований казалось, что он говорит странные вещи.

— Уйдя отсюда, я перешел на Бин-Лейн, более тихую, чем эта дорога, — продолжал Ричард. — Подойдя к стоящей там группе деревьев — ты, должно быть, помнишь ее — я увидел, что кто-то идет по дороге. Я спрятался за стволами, в тени от изгороди, поскольку не хотел, чтобы меня видели, даже в этом гриме. Он прошел по проезжей части, направляясь к Вест-Линну, и я разглядел его. Еще до того, как он поравнялся со мной, я узнал его: это был Торн.

Барбара молчала, пытаясь осмыслить то, что услышала.

— Кровь во мне буквально закипела. Я хотел наброситься на него и обвинить в убийстве Хэллиджона, — продолжал Ричард, все так же возбужденно. — Но я сдержался, а может быть, мне просто не хватило мужества. Ты же знаешь: меня часто упрекали в трусости, Барбара, — добавил он, и в голосе его появилась горечь. — В схватке победил бы Торн: он выше и сильнее меня. Он вообще мог бы убить меня, ибо человек, совершивший одно убийство, не задумываясь пойдет на второе.

— Ричард, не мог ли ты ошибиться? — попыталась она разубедить его. — Ты же говорил о Торне, и, конечно же, думал о нем, и твое воображение...

— Замолчи, Барбара, — он перебил ее с мукой в голосе. — Воображение, ну как же! Разве я не говорил тебе, что он вырезан на сердце моем? — он прикоснулся к груди. — Что я, ребенок или полоумный какой-то, чтобы мне в каждом темном месте мерещился Торн или же возникали видения того, чего нет в действительности? Он снял шляпу, словно ему стало жарко от быстрой ходьбы — а он и в самом деле шел быстро — и нес ее в руке вместе с каким-то маленьким свертком. Свободной рукой он отбрасывал волосы со лба — очень необычным движением, вот так, — добавил Ричард, сняв шляпу и показав, как именно это выглядело. — Я бы узнал его по одному этому жесту, поскольку у него еще тогда была такая привычка. А его белая рука, на которой красовался перстень с бриллиантом! Барбара, он буквально сверкал в лунном свете.

Он говорил так серьезно, с такой убежденностью, что Барбара поверила ему.

— Я прекрасно разглядел его лицо, до самой последней черточки: он почти не изменился, разве что немного осунулся. Барбара, можешь не сомневаться. Клянусь, что это был Торн.

Ей передалось волнение брата; теперь, поверив этому известию, она больше не рассуждала, а действовала под влиянием порыва, не задумываясь о последствиях.

— Ричард, мы должны сообщить об этом мистеру Карлайлу. Он только что ушел, и мы можем еще догнать его, если постараемся.

Забыв о том, какое странное впечатление это может в столь поздний час произвести на случайно встреченного знакомого, о том, какие могут быть последствия, если судья Хэйр вернется и не застанет ее дома, Барбара бегом пустилась по дороге; Ричард последовал за ней, с опаской посматривая по сторонам. К счастью, на Барбаре была шляпка и накидка, которую она надела перед прогулкой с мистером Карлайлом. Судьба благоволила к ним, не послав в этот час навстречу им случайных прохожих. Барбаре удалось догнать м-ра Карлайла еще до того, как он вошел в ворота Ист-Линна.

— Барбара! — воскликнул он, чрезвычайно удивленный. — Барбара! — Арчибальд! Арчибальд, — задыхаясь, проговорила она. — Не думайте, что я сошла с ума: переговорите с Ричардом. Он только что видел настоящего Торна.

М-р Карлайл, потрясенный и недоумевающий, пошел за ней. Они перебрались через изгородь по перелазу, который находился почти напротив ворот, и там, за изгородью, Ричард повторил свою историю. М-р Карлайл не усомнился в ней, как Барбара: возможно, его сразу убедили волнение и серьезность Ричарда.

— Я уверен, что сейчас в округе нет никого по имени Торн, за исключением того джентльмена, которого ты сегодня видел у меня, Ричард, — заметил м-р Карлайл после некоторого размышления. — Это очень странно.

— Возможно, он находится здесь под вымышленным именем, — ответил Ричард. — Тут нет никакой ошибки: я встретил того самого Торна.

— Как он был одет? Как джентльмен?

— Хотел бы я поглядеть на него в каком-либо ином облачении! — сказал Ричард. — На нем был черный вечерний костюм и что-то вроде легкого пальто. Он приспустил его на плечах, и я хорошо разглядел его одежду. Похоже, она была сделана из шерсти альпака. Я узнал бы его, как уже говорил Барбаре, по этому движению руки, — Ричард повторил его, — когда он отбрасывал волосы со лба: это была тонкая белая рука, вернувшаяся из прошлого, и все тот же перстень со сверкающим бриллиантом.

М-р Карлайл молчал, так же, как и Барбара, Впрочем, оба в эти мгновения напряженно размышляли.

— Ричард, — заметил м-р Карлайл, — я советую тебе на день-другой остаться в окрестностях и поискать этого человека. Ты можешь снова наткнуться на него и, проследив за ним, узнать, где он остановился; если это возможно, желательно было бы узнать, кто это на самом деле.

— Но это опасно, — возразил Ричард.

— У страха глаза велики. Я уверен, что в этом гриме тебя и днем никто не узнает. Прошло уже столько лет, что люди и думать забыли о тебе, Ричард.

Но страхи Ричарда было нелегко развеять. Он тщательно описал этого человека м-ру Карлайлу и Барбаре, после чего заявил, что они сами должны поискать его. М-ру Карлайлу нелегко было убедить Ричарда сообщить ему хотя бы адрес в Лондоне, по которому можно было бы написать в том случае, если бы потребовалось его присутствие. После этого Ричард снова простился с ними и пустился в путь, который лежал мимо Ист-Линна.

— Теперь я провожу тебя домой, Барбара, — сказал м-р Карлайл.

— Право же, не стоит делать этого: уже поздно, и Вы очень устали. Сюда я пришла одна, поскольку Ричард отстал по дороге.

— Ну, тут уж ничего не поделаешь. Однако можешь не сомневаться: я не позволю тебе возвращаться одной. Подумать только! Разрешить тебе в одиночку идти по большой дороге в одиннадцать часов вечера!

Он предложил ей свою руку, и они пустились в путь.

— Леди Изабель удивится столь позднему возвращению! — заметила Барбара.

— Думаю, леди Изабель еще не вернулась домой. Я же вполне могу припоздниться один раз, в виде исключения.

— А что же сказать мне, если папа уже вернулся домой? — сказала Барбара, обращаясь скорее к самой себе, после чего оба погрузились в свои собственные мысли.

— Огромное Вам спасибо, — сказала она, когда они дошли до калитки, и м-р Карлайл наконец отправился домой.

Барбара прокралась в дом, и обнаружила, что все тихо: ее отец еще не вернулся.

Когда м-р Карлайл вошел в комнату к леди Изабель, она сидела за столом и что-то писала. Он задал ей несколько вопросов касательно ее вечернего визита, на которые получил весьма односложные ответы, после чего спросил, ложится ли она спать.

— Спокойной ночи. Мне еще не хочется спать.

— Я сразу улягусь, Изабель, поскольку смертельно устал.

— Можешь идти, — ответила она.

Он наклонился к ней, чтобы поцеловать ее, но она поспешно отвернула от него свое лицо. Предположив, что она обижена, поскольку он не пошел с ней к миссис Джефферсон, м-р Карлайл положил руку на ее плечо и добродушно улыбнулся.

— Ты глупышка, если сердиться на меня. Я не смог поехать с тобой не по своей вине. Поговорим утром: сейчас я слишком устал. Не засиживайся слишком поздно.

Она снова склонилась над письмом и не ответила ему. М-р Карлайл прошел в спальню и закрыл дверь. Спустя некоторое время леди Изабель тихонько поднялась наверх, в комнату Джойс. Джойс, только что заснувшая, внезапно пробудилась и увидела свою госпожу, стоявшую со свечой в руке; она потерла глаза, пытаясь прийти в себя, и приподнялась на кровати.

— Миледи! Вам нездоровится?

— Да! Я больная и несчастная, — ответила леди Изабель; надо признать, она действительно выглядела больной, поскольку была смертельно бледной. — Джойс, ты должна пообещать мне остаться в Ист-Линне с моими детьми, если что-то случится со мной.

Служанка изумленно смотрела на нее, не в силах выговорить ни слова от удивления.

— Джойс, ты уже однажды обещала мне это. Что бы ни случилось, ты останешься с моими детьми, когда меня здесь не будет.

— Я останусь с ними. Но что может случиться с Вами, миледи? Вы внезапно заболели?

— До свидания, Джойс, — прошептала леди Изабель и выскользнула из комнаты так же тихо, как и вошла в нее.

Джойс, поворочавшись с час в полнейшем недоумении, снова заснула. Джойс была не единственным человеком, сон которого прервался в эту богатую событиями ночь. М-р Карлайл проснулся и увидел, что жена его еще не ложилась. На его часах было уже пятнадцать минут

четвертого. Он встал и подошел к комнате Изабель. Она была темной и, видимо, пустой, поскольку из-за двери не доносилось ни звука.

— Изабель.

Ему ответило лишь эхо Собственного голоса. Он зажег свечу, накинул на себя кое-что из одежды и отправился искать ее. М-р Карлайл боялся, что ей внезапно стало плохо, или же ее сморил сон в какой-нибудь из многочисленных комнат дома. Однако поиски не дали результатов, и он постучал в комнату своей сестры. Мисс Карлайл, обладавшая чутким сном, сразу приподнялась в постели.

— Кто там? — спросила она.

— Это я, Корнелия, — ответил м-р Карлайл.

— Ты?! — резко ответила мисс Корни. — Что тебе нужно, скажи на милость? Входи.

М-р Карлайл открыл дверь, за которой его встретил пристальный взгляд сестры. Голову ее венчал внушительный ночной чепец, по меньшей мере в фут высоты.

— Кому-то нездоровится? — спросила она.

— Думаю, что-то неладно с Изабель. Я не могу найти ее.

— Не можешь найти! — эхом отозвалась мисс Корни. — А который час? Разве она не в постели?

— Сейчас три часа. Она не ложилась. Ее нет нигде: ни в гостиных, ни в детской.

— Тогда вот что я скажу тебе, Арчибальд: она отправилась провести Джойс. Может быть, бедняжке снова нездоровится сегодня.

М-р Карлайл, услышав это, немедленно повернулся, чтобы идти в комнату Джойс, но сестра окликнула его.

— Если что-то неладно с Джойс, приди и скажи мне, Арчибальд. Я поднимусь и проведу ее. Она, как-никак, была моей служанкой до того, как сделалась горничной твоей жены.

Он подошел к спальне Джойс и открыл дверь, ожидая увидеть освещенную комнату и в ней — свою жену, сидящую у постели больной. Однако, единственным источником света была мерцавшая в его руке свеча. Но где же была его жена? Может быть, Джойс знает? Он вошел в комнату и позвал ее. Джойс вскочила в страхе, который сменился изумлением, когда она увидела своего хозяина. Он спросил, не заходила ли леди Изабель. Джойс ответила не сразу. Ей снилась леди Изабель, и она не сразу смогла отличить сон от яви.

— Что Вы сказали, сэр? Миледи стало плохо?

— Я спрашиваю, не приходила ли она сюда. Я не могу найти ее.

— Да, приходила, — ответила Джойс, которая наконец окончательно проснулась. — Она пришла сюда и разбудила меня. Это было около двенадцати, так как я слышала бой часов. Она не пробыла здесь и минуты, сэр.

— Разбудила? — переспросил м-р Карлайл. — Чего она хотела? Зачем приходила сюда?

Нет ничего быстрее мысли, а воображение бывает еще быстрее, и сейчас Джойс дала ему полную волю. Мрачные и таинственные слова хозяйки не шли у нее из головы. Уже три часа, а она еще не ложилась, и ее не было в доме! В широко раскрытых глазах Джойс читался невыразимый ужас. Набросив фланелевый халат, который лежал на стуле возле кровати, забыв о своих больных ногах и о своем хозяине, она соскочила на пол. Все прочие соображения отступили перед ужасным страхом, который овладел ею. Поплотнее запахнувшись в халат одной рукой, другой она вцепилась в м-ра Карлайла.

— Ах, хозяин! Ах, хозяин! Она покончила с собой! Теперь мне все понятно.

— Джойс! — строго перебил ее м-р Карлайл.

— Она покончила с собой, хозяин, и это так же верно, как то, что мы оба живем в этом доме, — упорствовала Джойс, лицо которой сделалось мертвенно-бледным от волнения. — Теперь я понимаю то, чего раньше не могла понять. Она пришла сюда — лицо у нее было прямо как у трупа — и потребовала, чтобы я пообещала остаться с ее детьми, когда самой ее здесь не будет. Я спросила, не больна ли она, и леди Изабель ответила: «Да, больна и несчастна». Ах, сэр! Пусть Господь даст Вам силы выдержать это ужасное испытание!

М-р Карлайл был просто ошеломлен. Он не поверил ни единому слову, но не рассердился на Джойс, полагая, что у нее помутился рассудок.

— Да — да, это именно так, сэр, хотя Вы, возможно, и не поверили моим словам, — продолжала Джойс, в отчаянии заламывая руки. — Миледи была ужасно несчастна, и она просто не выдержала.

— Джойс, в себе ли Вы?! — довольно строго осведомился м-р Карлайл. — Что Вы имеете в виду, заявляя, что миледи была несчастна?

Прежде чем Джойс успела ответить, к ним присоединилась мисс Карлайл, явившаяся в черных чулках, шали и высоченном чепце, уже упоминавшемся в нашем повествовании, Услышав голоса в комнате Джойс, которая находилась над ее собственной, и сгорая от любопытства, она поднялась наверх, поскольку не желала упустить что-либо интересное.

— Ну, что здесь происходит? — воскликнула она. — Вы нашли леди Изабель?

— Она не нашлась, и теперь мы увидим ее разве что в саване, — ответила Джойс, которая в своем горестном возбуждении, казалось, утратила как спокойно-почтительное отношение к хозяевам, так и элементарный здравый смысл. — И я рада, мэм, что Вы поднялись сюда, так как я хотела сказать кое-что своему хозяину и предпочла бы сделать это в Вашем присутствии. Интересно, что Вы почувствуете, когда мертвую миледи принесут в этот дом? Мой хозяин любил ее, как и положено супругу, но Вы... Вы отравили всю ее жизнь. Да, мэм, это именно так!

— Чуть какая-то! — воскликнула мисс Карлайл, испуганно глядя на Джойс. — Что происходит? Где миледи?

— Она ушла и унесла с собой жизнь, которая принадлежала не ей, — рыдая, сказала Джойс. — И вот что я вам скажу: ее довели до этого. Ей, бедняжке, с тех самых пор, как она появилась в Ист-Линне, никогда не позволялось проявить свою собственную волю: в своем доме она была менее свободна, чем любой из слуг. Вы обрывали ее, мэм, Вы огрызались и заставляли ее чувствовать себя рабой Ваших прихотей и настроения. Все эти годы ей перечили и становились поперек дороги, ее только что не били — Вы знаете это, мэм, — и она молча сносила все это, как ангел, как воплощенное терпение, ни разу, насколько мне известно, не пожаловавшись хозяину: он может сказать, так ли это или же нет. Мы все любили и жалели ее, и сердце моего хозяина истекло бы кровью, если бы он узнал, с чем ей приходилось мириться день за днем, год за годом.

Язык мисс Карлайл словно прирос к небу. Ее брат, пораженный этой лавиной слов, тщетно пытался осмыслить то, что услышал.

— Что Вы такое говорите, Джойс, — тихо сказал он. — Я не понимаю Вас.

— Я сотни раз порывалась сказать это Вам, сэр, но теперь, когда случилось самое страшное, Вы должны услышать это. С того самого вечера, когда леди Изабель приехала сюда Вашей женой, ее попрекали теми расходами, в которые она Вас ввела. Ей отказывалось в любой мелочи и говорилось, что она разорит своего мужа. Ей хотелось сшить новое платье для вчерашнего вечера, а Вы, мэм, запретили ей сделать это, самым бессердечным образом. Она заказала новое платье для мисс Изабель, а Вы отменили этот заказ. Вы заявили, что хозяин трудится, как лошадь, чтобы заработать денег на ее излишества, хотя прекрасно знали, что она вовсе не была расточительной и как никто знала пределы разумного. Я видела, мэм, как она приходила после Ваших упреков со слезами на глазах, безвольно сцепив руки на груди, как человек, жизнь которого просто невыносима. Такую нежную и утонченную леди было несложно довести до отчаяния, а я точно знаю, что именно так с ней и поступали.

М-р Карлайл повернулся к сестре.

— Неужели это правда? — взволнованно спросил он.

Она не ответила. Лицо ее, казалось, приобрело зеленоватый оттенок, то ли окрашенное отблеском восковой свечи, то ли затененное ночным чепцом, и, возможно, в" первый раз в своей жизни, мисс Карлайл не нашлась, что ответить.

— Да простит тебя Господь, Корнелия! — прошептал он, выходя из комнаты.

Выйдя от Джойс, м-р Карлайл спустился в свою комнату. Его здравый смысл начисто отвергал саму мысль о том, что его жена могла наложить на себя руки: она была совершенно не похожа на человека, способного совершить такой страшный грех. Скорее всего, она бродила по парку. К этому времени пробудился весь дом, и слуги уже были на ногах. Джойс — ей передалась какая-то сверхъестественная сила, поскольку она еще не ходила, хотя уже и ставила ноги на пол — буквально сползла вниз по лестнице и вошла в комнату леди Изабель. М-р Карлайл спешно

одевался, чтобы отправиться на поиски в парк, когда к нему, хромая, вошла Джойс и протянула письмо. В эту ночь она не особенно церемонилась.

— Я нашла это в ящике трельяжа, сэр. Написано почерком миледи.

Он взял записку и прочел, кому она была адресована: «Арчибальду Карлайлу». Даже такой выдержанный человек, как м-р Карлайл, умеющий контролировать свои эмоции, не был абсолютным стоиком, и пальцы его дрожали, когда он распечатывал письмо. «Когда пройдет несколько лет, и мои дети спросят, где их мать и почему она оставила их, скажи им, что ты, их отец, довел ее до этого. Если они спросят, какая она, можешь рассказать им, если хочешь, но не забудь добавить, что ты оскорбил и предал ее, доведя до глубочайшего отчаяния, прежде чем она покинула их». Почерк жены поплыл перед глазами м-ра Карлайла. Он не мог понять ничего, кроме постыдного факта ее бегства, и в душу его уже начало закрадываться ужасное подозрение относительно того, с кем она сбежала. Каким образом он оскорбил ее? Как довел ее до этого? Она пошла на этот шаг явно не из-за тех обид, которые чинила ей Корнелия, но чем же, скажите, провинился он? Он снова, на этот раз медленнее, перечитал письмо. Увы, у него не было ключа к разгадке этой тайны!

В этот момент до его слуха донеслись голоса слуг, которые судачили в коридоре, причем длинный язык Уилсон солировал в этом разноголосом хоре, Они говорили о том, что капитана Ливайсона не было в его комнате и, судя по всему, он даже не ложился в постель. Джойс сидела на краешке стула, поскольку была не в силах стоять, и смотрела на побелевшее лицо своего хозяина: она никогда не видела его таким взволнованным. Джойс даже в голову не приходило, что произошло в действительности, о какой ужасной правде поведало это письмо. Он направился к двери, держа его в руках, затем повернулся, заколебавшись, и остановился, словно не зная, что предпринять. Возможно, так и было в действительности. Затем он достал свой бумажник, положил туда письмо, а затем вернул его в карман, причем руки его дрожали, так же, как и пепельно-серые губы.

— Не говори о нем никому, — сказал он Джойс, имея в виду письмо. — Это касается только меня.

— Сэр, там написано, что ее уже нет в живых?

— Она не умерла! — ответил он. — Случилось нечто гораздо хуже, — добавил он про себя.

— А это кто у нас? — воскликнула Джойс.

В комнату скользнула маленькая Изабель, в белой ночной рубашке, с испуганным личиком. Ее разбудил поднявшийся в доме шум.

— Что случилось? — спросила она. — Где мама?

— Дитя, ты можешь простудиться, — сказала Джойс. — Иди и ложись в постель.

— Но я хочу к маме.

— Утром, дорогая, — уклончиво ответила Джойс. — Ну скажите, сэр: разве мисс Изабель не должна лечь в постель?

М-р Карлайл не ответил на этот вопрос; скорее всего, он даже не расслышал его. Однако он коснулся плеча Изабель, чтобы привлечь внимание Джойс к ребенку.

— Джойс, впредь называй ее мисс Люси.

Он вышел из комнаты, оставив онемевшую от изумления Джойс. Она слышала, как он вышел, хлопнув дверью холла. Изабель — нет, мы должны называть ее «мисс Люси» — выбежала из комнаты, возле двери которой болтали не подозревавшие о ее присутствии слуги. Вскоре она снова вернулась в комнату и вывела Джойс из оцепенения.

— Джойс, это правда?

— Что, моя дорогая?

— Они говорят, что капитан Ливайсон увез маму.

Джойс упала в кресло с криком, который через мгновение перешел в долгий, низкий стон душевной муки.

— Зачем он увез ее? Чтобы убить? Я думала, только похитители увозят людей. Дитя, дитя, ступай в постель.

— Ах, Джойс, я хочу видеть маму! Когда она вернется?

Джойс спрятала лицо в ладонях, чтобы ребенок, лишившийся матери, не видел ее волнения. В этот момент в комнату на цыпочках вошла мисс Карлайл и робко присела на низкий стульчик.

Лицо ее, позеленевшее в эту ночь от горя, раскаяния и ужаса, было почти таким же темным, как ее чулки. Она стала тихо причитать:

— Да сжалится Господь над этим обещанным домом!

Судья Хэйр свернул к своей калитке уже в первом часу ночи; вид у него был весьма довольный, а настроение — самое радужное, поскольку он выиграл девять ставок по шесть пенсов, а эль у его приятеля оказался просто превосходным. Благополучно добравшись до спальни, он поведал миссис Хэйр о фаэтоне, запряженном четверкой лошадей, который на бешеной скорости пронесся мимо по направлению от Ист-Линна, когда он закрывал калитку. Хотел бы он знать, кто и куда мчался в этот полночный час!

Глава 10

ПРЕКРАСНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Со времени описанных событий прошел почти год. Леди Изабель Карлайл провела его на континенте, привычном убежище беглецов, подобных ей, то переезжая из одного города в другой вместе со своим спутником, то живя на одном месте в полном одиночестве. В общей сложности половину этого времени он провел без нее, главным образом, в Париже, где он бывал по своим делам и ради собственного удовольствия. Вы спросите, как жила леди Изабель? Именно так, как и следовало ожидать: с ней случилось то, что происходит, когда знатная женщина с высокими принципами падает со своего пьедестала. С той самой злосчастной ночи, когда она покинула свой дом, леди Изабель не знала ни единой минуты счастья или хотя бы покоя. Она как в омут бросилась в минуту ослепления, и вместо райского сада, обещанного ей сладкоголосым искусителем, на который, впрочем, она едва взглянула, так как не это было ее побудительным мотивом, оказалась в мрачной бездне, из которой ей никогда, никогда не суждено было вырваться. Уже в час своего бегства она поняла, что натворила: чувство вины не казалось таким страшным на расстоянии, но вблизи ужаснуло беспросветной чернотой, в которую погрузило ее душу, горьким раскаянием и непреходящей болью.

Ах, читательницы — леди, жены, матери, — поверьте мне! Если Вы когда-нибудь поддадитесь искушению покинуть свой дом, таким же будет и ваше пробуждение. Какие бы испытания ни выпали на вашу долю в семейной жизни, даже если они кажутся невыносимыми в минуты душевной слабости, решитесь выдержать их, падите на колени и молитесь Всевышнему, чтобы он ниспослал вам сил для этого; молитесь о терпении, о силе противостоять демону, который будет искушать вас к бегству: лучше терпеть до самой смерти, чем поплатиться добрым именем и чистой совестью, ибо можете не сомневаться: в противном случае, если вы поддадитесь искушению, жизнь станет для вас хуже смерти.

Бедняжка! Бедная леди Изабель! Она пожертвовала мужем, детьми, репутацией, своим домом — всем, что является наиболее важным для женщины, не выполнила свой долг перед Богом, сознательно нарушила его заповеди ради такой ничтожной цели, как бегство с Фрэнсисом Ливайсоном. Но, как только она почувствовала, что обратной дороги нет, пришло раскаяние. Даже в первые дни после своего отъезда, в мимолетные мгновения страсти, когда, казалось бы, голос совести должен был умолкнуть хотя бы на мгновение, он все равно жалил ее душу; она знала, что в будущем, с этим мужчиной или без него, ее ждет лишь темная пучина жестокого возмездия. Возможно, не ко всем согрешившим женам сразу же приходит раскаяние, как к леди Изабель Карлайл — разумеется, мы имеем в виду женщин, занимающих в этой жизни достаточно высокое положение. Леди Изабель была наделена чрезвычайной щепетильностью, природным сознанием того, что есть добро, а что — зло: о подобных натурах и не подумаешь, что они способны согрешить, так что, если бы не прискорбное заблуждение, подогревавшееся капитаном Ливайсоном, будто ее муж любит Барбару Хэйр и они вдвоем обманывают ее, она никогда не позволила бы себе забыть свой долг. Раскаяние поселилось в ее душе как огненный призрак, чтобы, являясь вновь и вновь, заставлять ее страдать всеми фибрами души до конца дней своих. Насмешки, которые обрушил на нее свет, всеобщее пренебрежение, которое отныне стало ее уделом, ибо она заслужила его, не могли не сказаться на ее сломленном духе. Однажды июльским утром, месяцев десять — десять с половиной спустя, леди Изабель вышла к завтраку. Они в это время жили в Гренобле, где остановились, будучи в Савоие проездом из Швейцарии, по прихоти капитана Ливайсона. Он снял меблированную квартиру неподалеку от Плас Гренет. Это был старый, продуваемый всеми ветрами дом, в котором было множество дверей, окон, дымоходов и шкафов; он заявил, что останется в этом доме. Леди Изабель, протестовала; она хотела ехать дальше, туда, где до них быстрее доходили бы известия из Англии. Однако теперь ее воля ничего не значила. Сейчас она казалась бледной тенью прежней Изабель. Читатель, помнишь ли ты, какой больной она выглядела, когда предприняла поездку на курорт вместе с мистером Карлайлом? Тебе следовало бы посмотреть на нее теперь: несчастье меняет человека

куда сильнее болезни. Лицо ее было бледным и изможденным, руки стали сухими и тонкими, глаза ее, с черными тенями вокруг, запали, как озера, иссушенные зноем, имя которому — тревога. Человек, не знавший ее, мог бы счесть это признаком недуга; сама она прекрасно понимала, что виной всему — ее разбитое сердце. Время было довольно поздним для завтрака, но для чего, скажите на милость, ей было рано вставать: для того, чтобы убить еще один нескончаемый день? Она вяло присела за стол, когда слуга капитана Ливайсона, француз, которого он нанял в Париже, внес в комнату два письма.

— Газеты есть, Пьер? — спросила она.

— Нет, миледи.

А ведь у этой хитрой бестии в кармане лежал номер «Таймс»! Впрочем, он всего-навсего выполнял указания своего хозяина. С недавнего времени капитан Ливайсон приказал не давать газет леди Изабель, пока он лично не просмотрит их. Читатель очень скоро поймет, для чего он это сделал.

Пьер проследовал в комнату капитана Ливайсона, а леди Изабель взяла письма и взглянула на обратный адрес. Ей было известно, что м-р Карлайл, не мешкая, подал на развод, и теперь со дня на день ожидалось известие о том, что он его получил. Она с нетерпением ждала этого известия, в надежде, что капитан Ливайсон окажет ей ту единственную услугу, которая была в его власти, женившись на ней прежде, чем родится ее ребенок; откуда ей было знать, что он вовсе не собирается даровать ей это утешение — так же, как и прочим до нее! Она уже успела с болью почувствовать, что пожертвовала собой ради подлеца, но еще не узнала всей меры его подлости. В комнату ленивой походкой вошел капитан Ливайсон, в халате, небрежно накинутом на плечи; он был небрит и даже не умылся: самые завязтые щеголи, блистающие в свете, бывают последними неряхами в собственном доме. Он вяло поздоровался с ней, и она ответила ему столь же безразличным тоном.

— Пьер говорит, что пришли какие-то письма, — начал он. — Какой сегодня чудесный теплый день.

— Два письма, — коротко и враждебно ответила она, ибо, если кто-то думает, что нежных признаний и пылких речей, с которых начинаются подобные союзы, хватает на десять месяцев, он допускает вопиющую ошибку. Они давно уже обменивались отнюдь не медоточивыми речами. Кто не верит, может проверить это на собственном опыте.

— Два письма, — продолжала она. — И оба написаны одним и тем же почерком, твоего стряпчего, кажется.

При этих словах он вскинул голову и схватил письма, после чего прошествовал к дальнему окну, где вскрыл и прочел одно из них:

Сэр, настоящим сообщаем, что судебное дело «Карлайл против Карлайла» завершено: было объявлено о разводе, возражений не последовало. Согласно Вашей просьбе, мы спешим уведомить Вас об этом скорейшим образом.

*Остаемся искренне Ваши,
Мосс и Грэб.*

Ф. Ливайсону, эсквайру.

Итак, все закончилось, и было объявлено, что леди Изабель навсегда утратила какое-либо право претендовать на фамилию Карлайл. Капитан Ливайсон сложил письмо и надежно спрятал его во внутренний карман.

— Есть какие-нибудь новости? — спросила она.

— Новости!

— Я имею в виду развод.

— Ну как же! — последовал ответ капитана Ливайсона, словно подразумевавший, что развод был делом еще весьма нескорым, после чего он вскрыл другое письмо.

Сэр, уже отправив наше последнее письмо, датированное нынешним днем, мы получили известие о кончине сэра Питера Ливайсона, Вашего внучатого дядюшки. Он скончался сегодня, пополудни, в Лондоне, куда приехал для консультаций с врачами. Мы имеем честь поздравить Вас с наследованием титула и поместий, а также спешим уведомить, что, если Вы не сочтете возможным немедленно приехать в Англию, мы незамедлительно отправим Вам все необходимые документы, если Вам будет угодно потребовать их.

За сим остаемся искренне Ваши, Мосс и Грэб.

Сэру Фрэнсису Ливайсону, баронету

Впрочем, снаружи это письмо было подписано так же, как и первое: «Ф. Ливайсону, эсквайру» — несомненно, для пущей уверенности в его благополучной доставке.

— Наконец-то! Спасибо вам, свиньи! — любезно заметил наш джентльмен, швырнув письмо на стол.

— Мне дали развод! — взволнованно воскликнула леди Изабель.

Он уселся за стол, не ответив ей.

— Можно мне прочесть письмо?

— Иначе для чего бы я положил его? — осведомился он.

— Несколько дней назад ты положил раскрытое письмо на стол, а когда я взяла его, обругал меня. Вы помните это, капитан Ливайсон?

— Не употребляй более этого отвратительного обращения ко мне. Я слишком долго носил это звание, но теперь у меня есть другое, получше.

— Какое же, скажите на милость?

— Можешь посмотреть.

Леди Изабель взяла письмо и прочла его. Сэр Фрэнсис выпил свой кофе и позвонил, взяв колокольчик, стоявший на столе — кстати сказать, слуг во Франции, как правило, вызывают только таким образом. Появился Пьер.

— Приготовь мне смену одежды, — сказал Фрэнсис по-французски. — Я через час выезжаю в Англию.

— Это был очень хорошо, — ответил Пьер и удалился.

Леди Изабель подождала, пока он уйдет, а потом заговорила; при этом на щеках ее появился легкий румянец волнения.

— Ты же не собираешься на самом деле оставить меня?

— Я не могу поступить иначе, — ответил он. — Теперь, когда я получил титул, меня ждет множество неотложных дел.

— Мосс и Грэб пишут, что могут выполнить все формальности. Если бы твой приезд был необходим, они бы не предложили этого.

— Да уж, они только и мечтают, как бы набить свои карманы! Я просто должен ехать в Англию. Кроме того, я не хочу, чтобы старика хоронили без меня.

— Тогда я поеду с тобой, — продолжала настаивать она.

— Не говори чепухи, Изабель. Разве ты можешь ехать день и ночь в твоём теперешнем состоянии? К тому же, твой приезд в Англию сейчас был бы нежелателен.

Она замолчала на мгновение, поняв, что его возражения не лишены оснований, после чего заговорила снова.

— Если ты уедешь в Англию, то можешь не успеть вернуться.

— Успеть к чему?

— Ах, ну как ты можешь спрашивать? — с упреком ответила она. — Ты же прекрасно знаешь. Успеть обвенчаться со мной, когда я получу развод.

— Ну что же, мне придется рискнуть, — холодно заметил он.

— Рискнуть! Рисковать законностью рождения ребенка? Да ты в первую очередь должен позаботиться о нем. Для меня это будет ужаснее всего, если...

— Не горячись, Изабель. Ну сколько я могу просить тебя об этом? Разве я виноват в том, что меня внезапно вызывают в Англию?

— Неужели тебе не жалко своего ребенка? — взволнованно продолжала она. — Если ты позволишь случиться такому несчастью, его ничем после не исправить. На него всю жизнь будут показывать пальцем.

— Ты бы лучше написала лордам-законникам, чтобы ускорить развод, — едко ответил он. — Не я виноват в этом промедлении.

— Никакого промедления не было: скорее наоборот. Теперь известие о разводе может прийти с минуты на минуту.

— Ты напрасно тревожишься, Изабель. Я вернусь вовремя.

С этими словами он вышел из комнаты, оставив в ней Изабель, лицо которой превратилось в окаменевшую маску отчаяния.

Лишь через час она спохватилась и позвонила слугам, чтобы те убрали посуду. В комнату вошла горничная, которая невольно отметила, какой больной выглядит «миледи».

— Где Пьер? — осведомилась последняя.

— Пьер готовится к отъезду в Англию вместе с месье.

Едва за ней закрылась дверь, как в комнате появился сэр Фрэнсис Ливайсон, облаченный в дорожный костюм.

— До свидания, Изабель, — сказала он, не усугубляя и без того тяжелое прощание излишними церемониями.

Леди Изабель, потерявшая от волнения всякий контроль над собой, закрыла дверь на задвижку и, то ли прислонясь к двери, то ли опустившись на колени возле его ног, с мольбой воздела к нему руки.

— Фрэнсис, неужели я ничего более не значу для тебя?

— Ну как ты можешь говорить такие глупости, Изабель? Конечно же, значишь, — продолжал он слегка раздраженно, хотя и нежно, взяв ее за руки, чтобы помочь подняться.

— Нет. Я не встану, пока ты не согласишься подождать еще день-два. Ты же знаешь, что французский священник-протестант готов обвенчать нас, как только придет известие о разводе: если я по-прежнему дорога тебе, ты подождешь.

— Я не могу ждать, — ответил он на этот раз решительно. — И настаивать на этом просто бесполезно.

— Ты хочешь сказать, что не станешь ждать?

— Ну, если тебе так больше нравится, я не стану; право же, Изабель, ты ведешь себя, как ребенок! Я вернусь вовремя.

— Не думай, что я настаиваю на этом ради себя, — задыхаясь, сказала она, волнуясь все сильнее. — Ты же знаешь, что это не так. Мне все равно, что станет со мной. Нет! Не уходи, пока не выслушаешь меня. Ах, Фрэнсис, после всего, чем я пожертвовала ради тебя...

— Встань, Изабель, — перебил он ее.

— Ради ребенка, ради ребенка! Подумать только, он всю жизнь проживет с низко опущенной головой, ни на минуту не забывая, что рожден в грехе. Фрэнсис! Фрэнсис! Если тебе не жалко меня, пожалей хотя бы его!

— Я думаю, ты просто потеряла голову, Изабель. У нас еще месяц в запасе, и я обещаю тебе вернуться раньше, чем он закончится. Нет, даже раньше, чем пройдет половина месяца: мне хватит недели на устройство всех моих дел в Лондоне. Дай мне пройти: я дал обещание и сдержу его.

Она не пошевелилась, оставшись стоять на том же месте с воздетыми в мольбе руками. Его терпение истощилось, и он проворным движением сумел отворить дверь. Она схватила его за руку.

— Не ради меня, — задыхаясь, проговорила она; ее пересохшие губы перекошились и побелели.

— Какая чушь: «не ради тебя». Именно ради тебя я сдержу свое обещание. Я просто обязан ехать. Ну же, Изабель: до свидания. Береги себя.

Он вырвался из ее рук и вышел. Менее чем через минуту он покинул дом в сопровождении Пьера. У нашей несчастной героини появилось чувство, переросшее в уверенность, что она видела

его в последний раз перед долгой, слишком долгой разлукой. Она не ошиблась. Эта разлука растянется на недели и даже месяцы.

Глава 11

ВЗАИМНЫЕ ЛЮБЕЗНОСТИ

Наступил декабрь. Альпы покрылись снегом; Гренобль сделался холодным, белым, слякостным и грязным. Водосточные канавы, тянувшиеся вдоль некоторых улиц, стали еще чернее, чем обычно, приводя в уныние и без того невеселых прохожих. В спальне французского дома, похожей на сарай, со множеством окон, дверей и сквозняков, с огромным камином и широченным дымоходом, в котором могли поместиться четыре-пять английских дымоходов, возле огня дрожала леди Изабель Вейн. На ней были чепец и толстая шерстяная шаль, совершенно не спасавшие от холода; она непрерывно дрожала, хотя и придвинулась к огню так близко, что ее нижние юбки, казалось, вот-вот загорятся. Служанке приходилось частенько вскакивать и становиться между ней и огнем. Леди Изабель, казалось, не обращала на это ни малейшего внимания; она сидела, не шевелясь, с лицом, похожим на каменную маску отчаяния. Она стала вот так сидеть и смотреть на огонь с тех пор, как начала выздоравливать. Она долго болела; в конце концов, болезнь отступила, оставив после себя легкий жар. Впрочем, слуги шептались о том, что «миледи» скоро поправится, как только начнет вставать. Пока она могла лишь сидеть в продуваемой всеми ветрами комнате, и ее, казалось, совершенно не волновало, выйдет ли она когда-нибудь оттуда.

В этот день она рано пообедала — обед был легким, ибо у нее был плохой аппетит — и задремала в кресле, когда снизу донесся шум, словно во двор въехал экипаж. Она мгновенно пробудилась. Уж не он ли приехал?

— Кто там? — спросила она няню.

— Миледи, это месье, и Пьер вместе с ним. Я ведь просила миледи не беспокоиться, говорила, что месье, конечно же, придет; теперь миледи видит, что я права.

На лице леди Изабель появилось необычное выражение, говорившее о твердой решимости. Пожалуй, можно было сказать, что она не слишком беспокоилась о том, кто приехал, или же, во всяком случае, уже перестала беспокоиться.

— Терпение и спокойствие! — тихо прошептала она. — Да не оставят они меня теперь, когда пришло время!

— Месье прекрасно выглядит! — возвестила служанка, устроившаяся у окна, которое выходило во двор. — Он вышел из экипажа, встряхивается и разминает ноги.

— Можешь идти, Сюзанна, — сказала леди Изабель.

— А если малыш проснется, миледи?

— Я позвоню.

Девушка вышла, прикрыв за собою дверь; леди Изабель сидела и смотрела на нее, пытаясь обрести спокойствие. Еще мгновение — и дверь распахнулась. Сэр Фрэнсис Ливайсон вошел в комнату и направился к ней, чтобы поздороваться. Она остановила его жестом и тихим, спокойным голосом попросила не приближаться, поскольку малейшее волнение могло вызвать у нее обморок. Он уселся напротив нее и принялся объяснять, что не мог вырваться раньше, пошевеливая поленья носком ботинка.

— Зачем же ты приехал теперь? — спокойно осведомилась она.

— Зачем я приехал? — повторил он. — Разве такой благодарности заслуживает человек, путешествующий в такую холодную погоду. Я-то думал, ты рада будешь приветствовать меня.

— Сэр Фрэнсис, — ответила она, говоря с почти неестественным спокойствием, которое сохраняла на протяжении всего разговора, хотя по тому, как часто менялось выражение ее лица, как дрожали ее руки, которые она иногда прижимала к груди, чтобы унять сердцебиение, можно было понять, каких усилий ей это стоило. — Сэр Фрэнсис, у меня есть причина радоваться Вашему приезду: мы должны обговорить кое-что, и в этой связи я ему рада. Я собиралась послать Вам письмо, как только ко мне вернутся силы, но Ваш визит избавил меня от необходимости писать. Я собираюсь общаться с Вами откровенно, ничего не скрывая и не обманывая Вас, и прошу ответить мне тем же.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь «общаться»? — осведомился он, уложив, наконец, поленья так, как ему хотелось.

— Говорить и действовать. Давай хотя бы сегодня говорить чистую правду, если уж мы не делали этого раньше.

— Я не понимаю тебя.

— Чистую, неприкрашенную правду, — продолжила она, вперив в него решительный взгляд. — Только ее и ничего более.

— Готов всем сердцем, — ответил сэр Фрэнсис. — Но учти, что ты сама захотела этого.

— Уезжая в июле, ты торжественно поклялся вернуться вовремя для того, чтобы обвенчаться со мной. Ты знаешь, что я имею в виду, говоря «вовремя», однако...

— Ну, конечно же, я так и собирался поступить, — перебил он ее. — Но едва я приехал в Лондон, как на меня навалилось множество дел, бросить которые я просто не мог. Даже сейчас я могу остаться с тобой лишь на пару дней, ибо должен спешить обратно.

— Ты уже говоришь неправду, — заявила она, спокойно выслушав его. — Это слова лжеца, а не правдивого человека. Ты не собирался возвращаться для того, чтобы обвенчаться со мной; в противном случае ты мог бы сделать это до своего отъезда.

— Ну что ты выдумываешь! — воскликнул Фрэнсис Ливайсон.

— Спустя некоторое время после твоего отъезда, — спокойно продолжила она, — одна из служанок прибирала в твоём платяном шкафу, и она принесла мне письмо, которое обнаружила в одном из карманов. Я увидела дату и поняла, что это одно из двух писем, полученных тобой в день отъезда. В нем сообщалось о разводе.

Она говорила так спокойно и бесстрастно, что сэр Фрэнсис был приятно поражен. Тем легче ему будет сбросить надоевшую маску. Однако же он был человеком раздражительным, поэтому известие о том, что нашлось письмо, что лживость всех его благородных обещаний предстала во всей наготе, отнюдь не улучшило его настроение. Леди Изабель, между тем, продолжила:

— Лучше было бы не лгать мне, а сказать, сколь напрасны мои надежды на лучшую долю еще не родившегося ребенка.

— Я так не считаю, — ответил он. — Ты была так взвинчена, что не прислушалась бы ни к каким доводам.

Сердце ее забилось учащенно, однако она справилась с волнением.

— Вы считаете, мне не подобало даже надеяться на то, чтобы стать женой сэра Фрэнсиса Ливайсона?

Он встал и снова потревожил покой поленьев в камине, на этот раз — каблуком своего ботинка.

— Ну, Изабель, ты должна понимать, что это было бы чудовищной жертвой в моем положении — жениться на разведенной женщине.

На ее исхудавших щеках заиграл лихорадочный румянец, однако голос звучал по-прежнему спокойно.

— Когда я желала этой «жертвы», я делала это не для себя, о чем и сказала тебе. Однако ее не принесли и теперь, ребенок рожден в грехе и позоре. Можешь посмотреть на него.

Сэр Фрэнсис полуобернулся и увидел детскую колыбельку, стоявшую возле кровати. Он даже не соизволил подойти и взглянуть на свое дитя.

— Сейчас я представляю древний и почитаемый род баронетов Ливайсон, и женитьба на тебе так оскорбила бы мою семью, что...

— Ни слова больше, — перебила его леди Изабель, — не утруждайте себя поисками ненужных оправданий. Даже если бы Вы предприняли это путешествие с целью жениться на мне, даже если бы предложили мне это и привели бы сюда священника, все Ваши усилия были бы напрасными. Зло, причиненное ребенку, не исправить, а что касается меня, я не могу представить ничего ужаснее, нежели необходимость провести остаток своих дней в Вашем обществе.

— Ну что же, если Вы решили отомстить мне таким образом, с этим ничего не поделаешь, — спокойно заметил он, внутренне поздравляя себя с тем, что избавился от, казалось бы, неизбежных хлопот. — Однажды Вы уже подняли большой шум касательно «возмещения» с моей стороны.

Она покачала головой.

— Никакое возмещение, которое Вы в силах предложить, и вообще ничто на всем белом свете уже не снимет с меня греха. Мне придется всю жизнь страдать от его последствий.

— Ах, греха! — язвительно воскликнул он. — Об этом надо было думать раньше.

— Да, — грустно ответила она. — Пусть небо предостережет тех, кто столкнется с подобным искушением.

— Если Вы говорите это в качестве упрёка в мой адрес, так это совершенно ни к месту, — парировал сэр Фрэнсис, который, находясь в дурном расположении духа, не контролировал своих слов и нимало не заботился о чувствах своих собеседников. — Это самое искушение, как Вы называете его, было вызвано не столько моими уговорами, сколько Вашей ревностью и злостью на мужа.

— Именно так, — ответила она.

— И я знаю, что Вы пошли по ложному следу, Изабель — если это послужит для Вас хоть каким-то утешением. Если уж мы оба коснулись этой деликатной темы, не имеет смысла что-то сглаживать.

— Я не понимаю, что Вы имеете в виду, — сказала она, закутавшись в шаль, словно от внезапного холода. — Как это «по ложному следу»?

— В том, что касалось Вашего мужа и этой барышни Хэйр. Вы стали жертвой слепой ревности, слепой и безрассудной.

— Продолжайте.

— Вот я и говорю, что, на мой взгляд, Вы пошли по ложному пути. Не думаю, чтобы Карлайл хотя бы в мыслях позволил себе нечто подобное тому, что Вы вообразили.

— Что Вы имеете в виду? — задыхаясь, спросила она.

— Да, у них была тайна, но вовсе не любовная. Это какой-то деловой секрет, и все их разговоры велись только о деле, все ее визиты были вызваны только им, и ничем более.

Лицо ее покраснелось еще сильнее. Теперь он говорил спокойно, совершенно благодушным тоном; он всегда изъяснялся именно таким образом, будучи разозлен, и чем спокойнее были его слова, тем сильнее они ранили. Право же: он не должен был говорить этого.

— Что это была за тайна? — тихо спросила она.

— Увы, я не могу всего объяснить, ибо они не поделились своим секретом со мной, как, впрочем, и с Вами. Хотя лучше бы они сделали это, если учесть, что из этого вышло или, по крайней мере, выходит. У семейства Хэйров есть какая-то постыдная тайна, и мистер Карлайл принимал участие в этом деле ради миссис Хэйр. Она не могла встречаться с ним лично, и поэтому посылала дочь. Вот и все, что мне известно.

— Как Вы узнали это?

— У меня были основания так думать.

— Какие основания? Прошу Вас: скажите мне.

— Мне иногда удавалось кое-что подслушать, и я сделал некоторые выводы.

— Мне Вы говорили совсем иное, сэр Фрэнсис, — заметила она, возмущенно глядя на него.

Сэр Фрэнсис рассмеялся.

— В любви и на войне все средства хороши.

Она не сразу нашлась, что ответить, и на несколько мгновений воцарилась тишина, которую нарушил сэр Фрэнсис. Он показал большим пальцем левой руки на колыбель, стоявшую у него за спиной, и осведомился:

— Как Вы назвали эту юную особу?

— Тем именем, которое должно принадлежать ей по праву наследования: Фрэнсис Ливайсон, — ледяным голосом ответила она.

— Итак, сколько же ему сейчас?

— Он родился тридцать первого августа.

Сэр Фрэнсис вскинул руки и потянулся так, словно лень окончательно одолела его; затем он подошел к колыбели и приподнял покрывало.

— На кого он похож, Изабель? Красивый, как я?

— Если бы он был похож на тебя — характером — я молила бы Всевышнего, чтобы он умер, прежде чем начнет думать и говорить, — не выдержала Изабель, но тут же постаралась овладеть собой, вспомнив о своем решении, и снова обрела внешнее спокойствие.

— Что еще? — парировал сэр Фрэнсис. — Ты уже видишь, в каком я настроении, и можешь не сомневаться, Изабель, что, если ты хочешь обидеть меня, я тоже не стану тебя жалеть.

Она не ответила. Сэр Фрэнсис снова укрыл спящего ребенка, вернулся к камину и остановился спиной к нему.

— Ты не знаешь, готова ли комната для меня? — спросил он спустя некоторое время.

— Нет, — спокойно ответила она. — Теперь эта квартира — моя: она была переписана на мое имя, и для Вас в ней больше нет места. Не будете ли Вы так любезны — мне, к сожалению, нездоровится — передать несессер для письменных принадлежностей?

Сэр Фрэнсис подошел к столу, находившемуся в дальнем конце этой комнаты, величиной с амбар, взял несессер и принес его леди Изабель. Она взяла ключи с этажерки возле своего локтя, открыла его и достала из него несколько банкнот.

— Я получила это от Вас месяц назад, — сказала она. — Они пришли по почте.

— И ты даже не поблагодарила за них, — ответил он шутливым упреком.

— Сорок фунтов. Не так ли?

— Да, кажется.

— Позвольте вернуть их Вам. Пересчитайте деньги.

— Вернуть их мне? Но зачем? — изумленно спросил сэр Фрэнсис.

— Я больше не хочу иметь никаких дел с Вами. Пожалуйста, возьмите банкноты и не заставляйте меня так долго держать их: у меня заболит рука.

Сэр Фрэнсис взял деньги и положил их на этажерку рядом с ней.

— Если Вы желаете, чтобы между нами все было кончено, пусть будет так, — заявил он. — Должен признаться, что я считаю это самым мудрым решением, раз уж до того дошло, поскольку жить как кошка с собакой не слишком приятно. Помните: это было Ваше решение. Но Вы же не полагаете, что я оставлю Вас умирать от голода? Раз в полгода Вам будет перечисляться определенная сумма, о размере которой мы договоримся, и...

— Прекратите, ради Бога! — взволнованно воскликнула она. — За кого Вы меня принимаете?

— За кого я Вас принимаю! Ну как Вы будете жить? Состояния у Вас нет, и Вы нуждаетесь в чьей-то поддержке.

— Я не приму помощи от Вас. Если все отвернутся от меня, если мне не помогут чужие люди или если я не смогу заработать себе на хлеб, я скорее обращусь к мужу, чем к Вам. Надеюсь, теперь Вы понимаете, что эта тема исчерпана?

— К Вашему супругу? — саркастически осведомился сэр Фрэнсис. — Это благородный человек!

Щеки ее побагровели.

— Я должна была сказать «к бывшему мужу». А Вам не следовало бы указывать на эту ошибку.

— Если Вы ничего не примете для себя, Вы должны сделать это для ребенка. Он-то, во всяком случае, должен быть обеспечен мной. Вы будете получать на него несколько сотен фунтов в год.

Она выставила руки вперед, словно отталкивая своего собеседника.

— Ни фартинга: ни теперь, ни после. Если Вы попробуете прислать ему деньги, я брошу их в ближайшую реку. За кого Вы меня принимаете? Что я такое, по-вашему? — повторила она, встав, не в силах вынести чувство горькой обиды. — Хотя Вы и поставили меня вне общества, я, тем не менее, все еще дочь лорда Маунт-Северна.

— Ну, предположим, в том, что Вы оказались вне общества, такая же доля Вашей вины, как и...

— Знаю. Разве я уже не говорила об этом? — резко перебила она его, после чего снова села, крепко сцепив дрожащие руки, стараясь успокоиться.

— Ну что же, если Вы продолжаете упорствовать в этом странном решении, я ничего не могу с этим поделать, — резюмировал сэр Фрэнсис. — Если Вы когда-либо передумаете, Вам достаточно обратиться к моим банкирам...

Леди Изабель гордо выпрямилась.

— Пожалуйста, заберите эти деньги, — перебила она его, не дав закончить.

Он достал бумажник и положил в него банкноты.

— Что до Вашей одежды — той, которую Вы оставили здесь, когда уезжали в Англию — Вы окажете мне любезность, если распорядитесь, чтобы Пьер забрал ее после обеда. Вот, пожалуй, и все, сэр Фрэнсис: теперь мы расстанемся.

- Смертельными врагами? — ответил он. — Не так ли?
- Чужими людьми, — исправила она. — До свидания.
- Ну что ж, Вы даже не подадите мне руки, Изабель?
- Я предпочитаю не делать этого.

Итак, они расстались, Сэр Фрэнсис вышел из комнаты, но дом покинул не сразу. Он проследовал в дальние покои и, вызвав к себе слуг — их осталось всего двое — заплатил каждому жалованье за год вперед, чтобы им «не пришлось беспокоить миледи», как он выразился. Затем он навестил владельца дома, которому, с аналогичным замечанием заплатил за квартиру, также за год вперед. После этого он заказал обед в отеле и вечером того же дня пустился в обратный путь вместе с Пьером, возблагодарив свою счастливую звезду за то, что с такой легкостью избавился от этой обузы. А что же леди Изабель? Она провела вечер в одиночестве, все так же сидя у огня и не обращая внимания на искры. Служанка принялась увещевать ее лечь, сказав, что миледи слишком засиделась, и это не пойдет ей на пользу. Однако миледи отослала ее в соседнюю комнату вместе с ее увещеваниями.

Никогда еще не испытывала она такого горького раскаяния, как в этот вечер, никогда еще настоящее и будущее не рисовались ей в таких мрачных тонах. Она вспомнила факты, голые факты, и просто ужаснулась. Она добровольно покинула своего мужа, своих детей, свой дом; она пожертвовала своим положением и добрым именем, она сознательно обидела Господа. И что же, спрашивается, она получила взамен? Кем она стала? Несчастной изгнанницей, которую жалеют мужчины и которой сторонятся женщины; несчастным, лишенным друзей созданием, которому впредь нужно будет зарабатывать пропитание для себя и еще одной жизни, полностью зависимой от нее, зарабатывать на одежду, кров для них обоих и даже на поленья для камина. У нее были кое-какие драгоценности, довольно дорогие, подарки отца и матери, которые она захватила с собой, уезжая из Ист-Линна. Она не взяла ничего из того, что подарил ей м-р Карлайл, и теперь собиралась, продав то, что имела, жить на эти деньги, которых, при строгой экономии, могло хватить, согласно ее подсчетам, на год-полтора. По истечении этого срока ей нужно будет изыскивать другие средства. Поручить ребенка заботам няни и, скрыв свое настоящее имя, устроиться гувернанткой во французскую или немецкую семью — примерно таким ей виделось ее будущее.

В день бегства у нее в голове была смутная идея мести, доводившая ее до отчаяния, — мести м-ру Карлайлу за его предполагаемые провинности. Но принесла ли эта месть хоть какое-то облегчение для нее? Чем яснее она осознавала свое безрассудство и истинную сущность Фрэнсиса Ливайсона, тем меньшей казалась ей обида, причиненная мужем. У нее возникло подозрение — нет, она знала это наверняка — что она сама сделала из мухи слона, и, задолго до того, как о ее поступке перестали судачить, а м-р Карлайл оформил развод, она стала сожалеть о своем неверном шаге и мечтать — хотя и осознавала тщетность своих мечтаний — о том, чтобы снова стать его женой. Она вспомнила его благородство, и теперь, когда это больше не должно было бы ее интересовать, он казался ей благородным вдвойне. Она вспомнила, как счастливы они были вместе, если не считать той пытки, которой она сама себя подвергла, ревнуя к Барбаре Хэйр, и, что было тяжелее всего, ее уважение, восхищение и привязанность к нему вернулись с учетверенной силой. Мы никогда не ценим того, что имеем. Здоровье, достаток, счастье, спокойная совесть: дорожим ли мы этими благами, когда они есть у нас? Однако, потеряв их, мы с удивлением вспоминаем свое неблагодарное безразличие. Мы не понимаем, насколько близок нам был друг, пока не лишимся его, а лишившись, испытываем невыносимое горе. Она потеряла м-ра Карлайла по собственной вине, она сама отказалась от него, и вот теперь ей придется провести остаток своих дней в тяжких трудах и неизбывной тоске по мужу и детям. Намек, который в этот день обронил сэр Фрэнсис касательно того, что ее подозрения были ложными, что ее ревность была необоснованной, отнюдь не уменьшил раскаяние Изабель. Она не знала, прав он или ошибается, однако долго думала над тем, что он сказал: возможно, сэр Фрэнсис заявил это, чтобы задеть ее, ибо она знала, что он, при его характере, вполне способен на такой поступок. Однако, если это было правдой, то она вела себя глупейшим образом, ослепленная ревностью.

Ее изматывающая болезнь, убежденность в полнейшей ничтожности сэра Фрэнсиса Ливайсона, наконец, ужасное положение, в котором она оказалась, заставили леди Изабель предаться размышлениям. Нет, отнюдь не тем так называемым размышлениям, которые могут

прийти в голову нам, все еще живущим в этом суетном мире, а тем, которые почти неизбежно посещают человека, чья роль в нем сыграна и у которого не осталось ни малейшего интереса к тому, что с ним случится в будущем. Ее угнетало сознание собственной грешности: нет, не того единственного греха, новость о котором стала достоянием сплетников, а всей ее долгой грешной жизни, греховной прежде всего своим полнейшим безразличием. Когда ее посещали мысли о будущем и о необходимости как-то подготовиться к нему — ибо, как ни странно, они порой приходят в голову даже самым никчемным людям — она преспокойно откладывала эти планы, возможно, до того времени, когда ее постигнет запоздалое раскаяние. Однако теперь она начала осознавать истину все яснее день ото дня. Вот и в эту ночь, склонив тяжелую голову, она предалась тем же самым мыслям. Бессильной рукой она потянулась за Библией, в которую заглядывала редко, разве что когда это полагалось доброй христианке, да и то скорее по необходимости, нежели с каким-либо иным чувством. Открыв хорошо знакомую главу, она прочла несколько стихов в ее начале; в последнее время она часто перечитывала их, поскольку у нее появилась надежда, что и ее встревоженный дух удостоится благой вести: «И я не осуждаю тебя: иди же, и не греши более». Ей предстояло многое исправить: целую жизнь, в которой было место лишь безразличию, заблуждениям и грехам. Сможет ли ее будущее, наполненное раскаянием, искупить прошлое. Она отыскивала другие слова, хотя и не знала, к чему они относятся: «Кто бы ни последовал за мной, пусть несет свой крест день за днем». Какой же крест придется нести ей! Но она должна сделать это, и она это сделает, если Господь благословит ее — впрочем, что же это: она уже просит о благословении? Отныне она будет поднимать этот крест ежедневно, ежечасно, и нести, насколько хватит сил; она заслужила эту тяжесть, эту острую боль, и не ей стараться избежать этой ноши. В эту ночь перед ней промелькнуло мгновенное видение, далекое-далекое, неясное видение, в котором стыд, угрызения совести и печаль, владевшие разбитым сердцем бедняжки, сменяются наконец чем-то, напоминающим покой.

Она позвонила Сюзанне, и та явилась, сонная и сердитая. Миледи, конечно же, не знала, что часы на Нотр-Дам уже пробили полночь, и — Господи, крахмал, растворенный для миледи, стал уже холодным как лед и ни на что не годным! Не иначе, миледи намеревалась свести себя в могилу. На что миледи ответствовала, что в данный момент ей хотелось всего-навсего лечь в постель, если Сюзанна поможет ей раздеться. Чем последняя и занялась, принявшись попутно сплетничать, ибо ее любопытство, как, впрочем, и второй служанки, в этот день было возбуждено куда сильнее обычного.

Какая, должно быть, жалость, что месье должен был сразу же уехать! Долгие мили ехать по этим замерзшим, никуда не годным дорогам, затем нести в вагоне за пронзительно кричащим паровозом, опасным к тому же, а потом еще плыть через это противное море! Сама она, когда служила в одной семье в Париже, взяла однажды выходной и отправилась в воскресную увеселительную поездку в Дьепп, где ей предложили совершить морскую прогулку, и эти злобные Парки, свивающие нить судьбы, сделали так, что она, бедная дурочка, согласилась. Ах, госпожа! Ей никогда не забыть этой прогулки, ибо она испортила самый лучший ужин, который ей когда-либо приходилось отведать. Будь это хоть рубленая свинина со стаканчиком бордо, или же любые иные яства, которые могут прийти на ум миледи — при одном воспоминании о трех ужасных часах, проведенных в море, с его качкой, у нее улетучился всякий аппетит: казалось, она до сих пор слышит свои стоны; кроме того — о ужас! — посмотрели бы Вы, во что превратилось ее чудесное зеленое платье и отделка шляпки, когда она ступила на берег. И месье перенес все это, не считая дороги, лишь для того, чтобы пробыть здесь всего один час и отправиться обратно. Полина сказала, что он не иначе как получил плохие известия из дому на последнем почтамте по пути сюда и, конечно же, скоро снова приедет. Когда миледи ждет его обратно?

Миледи вместо ответа попросила ее не тараторить, и Сюзанна в горьком разочаровании пожалала плечами. Бедняжка успела похвастаться Полине, что уж она-то наверняка все разузнает, в то время как Полина, погрязшая в низших сферах, среди кастрюль и шкафов, конечно же, не может рассчитывать на подобную информацию, разве что из чужих уст.

Когда леди Изабель улеглась наконец, она спала куда спокойнее, нежели обычно в последнее время, и ей приснился сон. Она снова была в Ист-Линне — точнее, не снова: она, казалось, никуда не уезжала — и прогуливалась среди цветочных клумб с мистером Карлайлом, а дети, все трое, играли на лужайке. Он держал ее под руку и что-то рассказывал ей: что именно, она не смогла

припомнить, проснувшись, однако речь шла о конторе и старом м-ре Дилле, и м-р Карлайл весело смеялся, когда рассказывал это. Плач Арчибальда прервал их разговор, она повернулась, чтобы спросить, в чем дело, и... проснулась. Увы: это и в самом деле был плач, плач ее последнего ребенка, несчастного создания, лежавшего в колыбели рядом с ней. Однако, пусть на одно короткое мгновение, она забыла свои теперешние обстоятельства: она поверила, что на самом деле оказалась в своем счастливом доме в Ист-Линне, гордая мать и достойная жена. И, когда воспоминание пронзило ее нестерпимой болью, она испустила вопль муки и непреходящего отчаяния.

Глава 12

НАВЕКИ ОДНА

Леди Изабель Вейн поджидал сюрприз, каковой случился ветреным мартовским днем, когда путешественник, прибывший в Гренобль, осведомился у привратника, как проехать к лучшему отелю в городе, причем сделал это на таком французском, который исходит только из уст англичан.

— Отель? Так-так... — ответил привратник, вежливо, но с врожденным безразличием, — почти в непосредственной близости друг от друга находятся два хороших отеля, и месье с одинаковым комфортом может расположиться в любом из них: «Trois Dauphirs» или «Ambassadeurs».

«Месье» наугад выбрал Hotel «Ambassadeurs», куда его и проводили. Вскоре после своего прибытия он поинтересовался, как ему попасть на Плас Гренет и, отказавшись от провожатого, предпочел отправиться туда в одиночку. Выйдя на искомую площадь, он свернул к апартаментам леди Изабель Вейн.

Леди Изабель сидела там же, где читатель видел ее в последний раз в декабре, на том же самом месте, наслаждаясь теплом камина и привлекая к себе искры огня, которые, казалось, не утратили к ней прежнего расположения: одному Господу известно, почему ее платье не загоралось. Оглядев помещение, внимательный читатель подумал бы, что всего лишь одна ночь минула со времени описанных ранее событий, ибо комната имела тот же самый вид: все было по-прежнему, вплоть до детской колыбели в дальнем углу, частично скрытой пологом, с мирно спящим в ней ребенком.

Выздоровление леди Изабель затянулось, что часто бывает, когда больны одновременно и душа, и тело. Она сидела в кресле, когда вошла Сюзанна и возвестила, что «английский месье», приехавший в город, чтобы увидеться с миледи, ждет внизу, в гостиной. Леди Изабель вздрогнула. Английский джентльмен, приехавший к ней?!

— Англичанин, без сомнения, — ответила Сюзанна, ибо она с трудом понимала его французский.

Кому это вдруг захотелось увидеть ее, покинувшую свет и всеми позабытую?

— Сюзанна, — воскликнула она, ибо внезапная мысль посетила ее, — это не сэр Фрэн... это не месье?

— Ничего похожего на месье, — благодушно ответила Сюзанна. — Это высокий, бравый английский джентльмен, гордый и благородный, похожий на принца.

Леди Изабель затрепетала каждой жилкой; сердце ее билось так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из тела, и ей сделалось дурно от волнения.

«Высокий, бравый, благородный» — к кому же еще подходило это описание, как не к м-ру Карлайлу? Странно, что такая невероятная идея пришла ей в голову: этого никогда не случилось бы, если бы она не была так взволнована. Она встала, неверной походкой пересекла комнату и собралась спускаться по лестнице, когда терпение Сюзанны наконец лопнуло, и она заговорила.

— Миледи не в себе? Подумать только: спускаться по лестнице, рискуя упасть! Миледи же знает, что нижняя ступенька свинцовая, и ни одна голова не в состоянии выдержать удара об нее и остаться головой в прежнем смысле слова; разве что ее соберут в больнице! Так что пусть уж миледи сидит на своем месте, а она приведет месье сюда. Какое это имеет значение? Он уже не молодой *petit maitre*¹³. Ему уж никак не меньше пятидесяти: волосы его успели красиво поседеть.

Тем самым был снят вопрос, не пожаловал ли к ней м-р Карлайл, и сердце бедняжки немного успокоилось.

В следующее мгновение она уже горько смеялась в душе над своей невероятной глупостью. Вообразить, будто к ней приехал м-р Карлайл! К ней! Возможно, это Фрэнсис Ливайсон послал какого-нибудь поверенного по вопросу, касающемуся денег: такой была ее следующая мысль. В этом случае она, конечно же, не должна принимать его.

¹³ petit maitre — маленький хозяин (фр.)

— Спустись к этому джентльмену и спроси, как его зовут, Сюзанна. А также узнай, откуда он приехал.

Сюзанна удалилась, но вскоре вернулась в сопровождении вышеуказанного джентльмена. Она ли пригласила его, или же он решил прийти без приглашения — как бы то ни было, он вошел в комнату. Леди Изабель взглянула на него и закрыла руками пылающие от стыда щеки. Это был не кто иной, как лорд Маунт-Северн.

— Как Вы узнали, где я? — спросила она, задыхаясь, после того, как оба с трудом выдавили из себя по нескольку слов.

— Явился к сэру Фрэнсису Ливайсону и потребовал Ваш адрес. Некоторые события, происшедшие в последнее время, позволяют предположить, что вы расстались, и я решил, что настало время узнать, как он поступил с Вами.

— Мы живем порознь с июля, — перебила она его, подняв к нему свое безжизненное, побледневшее лицо.

— Не думайте обо мне хуже, чем я есть на самом деле. Он был здесь в декабре. Мы имели нелिцеприятный разговор, после которого расстались навсегда.

— Вы что-нибудь слышали о нем в последнее время?

— Ничего. Я не знаю, что делается в свете у меня на родине: газет у меня нет, переписки я не веду, а у него едва достало бы дерзости снова написать мне.

— В таком случае, некоторые новости, которые я привез, не будут для Вас потрясением, — ответил лорд Маунт-Северн.

— Самым большим потрясением для меня было бы известие, что мне когда-либо еще придется увидеться с ним, — сказала она.

— Он женился.

— Да сжалится Господь над его бедной женой! — вот и все, что он услышал от нее в ответ.

— Он женился на Элис Челлонер.

Она удивленно подняла голову.

— На Элис? Не на Бланш?

— Говорят, что он поступил недостойно по отношению к ней. Он много времени проводил с Бланш, заронив тем самым надежду в ее сердце, а затем внезапно сделал предложение ее младшей сестре. Сам я не знаю никаких подробностей. Это невероятно, и я ничего не слышал об этом, пока однажды вечером, в клубе, не прочел объявление о том, что венчание состоится на следующий день, в церкви Святого Георгия. На следующее утро я был там раньше него.

— Не для того же, чтобы расстроить свадьбу? — спросила она, чуть дыша.

— Разумеется, нет. Да и не в моей власти было предпринимать нечто подобное. Я приехал, чтобы потребовать ответа на мой вопрос — что он сделал с Вами, и где Вы находитесь теперь? Он дал мне этот адрес, но сказал, что не имеет никаких известий от Вас с декабря.

Наступила длительная пауза. Граф то задумывался о чем-то, то принимался рассматривать комнату. Изабель сидела, опустив голову.

— Для чего Вы разыскали меня? — в конце концов не выдержала она. — Я этого не стою. Я и так уж достаточно опозорила Ваше имя.

— Равно как имя Вашего мужа и Ваших детей, — строго ответил он, ибо не в его правилах было замалчивать чьи-либо провинности. — Тем не менее, мне, как Вашему ближайшему кровному родственнику, надлежит присматривать за Вами теперь, когда Вы остались одна, и позаботиться — по мере моих сил — о том, чтобы Вы не пали еще ниже.

Пожалуй, он мог бы пощадить ее и не наносить этого последнего удара. Однако она вряд ли до конца поняла, что он имеет в виду.

— У Вас нет ни шиллинга, — продолжал он. — Как Вы намереваетесь жить дальше?

— У меня еще осталось немного денег. Когда...

— Его денег? — резко и высокомерно прервал ее граф.

— Нет, — с негодованием ответила она. — Я продаю свои безделушки. Раньше, чем этот источник средств истощится, я постараюсь начать каким-то образом зарабатывать на жизнь: возможно, давая уроки.

— Безделушки! — повторил лорд Маунт-Северн. — Мистер Карлайл сказал мне, что Вы ничего не взяли с собой из Ист-Линна.

— Ничего из того, что он подарил мне. То, о чем я говорю, принадлежало мне до замужества. Итак, Вы видели мистера Карлайла? — запинаясь спросила она.

— Видел ли я его! — возмущенным эхом отозвался граф. — После того, как член моей семьи нанес ему такой жестокий удар, как я мог не поспешить в Ист-Линн, чтобы выразить свое сочувствие! У меня была еще одна цель — попытаться выяснить, что было побудительным мотивом такого поступка, поскольку, когда я узнал эту черную весть, то подумал, что Вы не иначе как лишились рассудка. Кому же мне было доверять, если не Вам! Но я ничего не выяснил. Карлайл был в таком же неведении, как и я. Как Вы могли нанести ему такой удар?

Голова ее опускалась все ниже и ниже, а румянец стыда все ярче разгорался на щеках. Это, должно быть, и в самом деле было ужасным ударом: она чувствовала это всем сердцем. Лорд Маунт-Северн не мог не заметить ее раскаяния.

— Изабель, — сказал он несколько более мягким тоном — надо отметить, что он впервые назвал ее просто по имени. — Я вижу, что Вы пожинаете горькие плоды. Расскажите мне, как это случилось. Какой демон-искуситель заставил Вас продаться этому негодяю?

— Он дурной человек, — воскликнула она. — Низкий, бессердечный, подлый человек!!

— Ведь я еще в начале Вашего замужества предостерегал Вас от встреч с ним; я просил прекратить какие бы то ни было отношения с ним и не пускать его в Ваш дом.

— Не я виной тому, что он явился в Ист-Линн, — прошептала она. — Его пригласил мистер Карлайл.

— Я знаю. Пригласил, ничего не подозревая, полагая, что его жена — достойная, заслуживающая доверия женщина, — сурово заметил он.

Изабель не ответила, ибо ничем не могла возразить. Она сидела с опущенными глазами, пристыженная справедливыми упреками.

— Да если вообще когда-либо у женщины был хороший муж в полном смысле слова, то это был Ваш супруг, мистер Карлайл. Если хоть один мужчина по-настоящему любил свою жену, то этот мужчина — он с его чувством к Вам. Ну как же Вы могли так вознаградить его за это?

Она в смущении обернула краями шали свои ничего не чувствующие пальцы.

— Я прочел записку, которую Вы оставили мужу. Он показал ее мне, единственному, как я полагаю, человеку, который видел ее, не считая самого Карлайла. Он ничего не мог понять, равно как и я. После Вашего отъезда ему было высказано предположение, что его сестра отравила Ваше существование в Ист-Линне, и он обижался на Вас — если это предположение верно — за то, что Вы не рассказали ему обо всем, дабы он мог навести порядок в своем доме. Однако же совершенно невозможно, чтобы присутствие мисс Карлайл в Ист-Линне могло быть единственной причиной того, что Вы опозорили всех нас и погубили себя.

— Давайте не будем больше говорить об этом, — тихо сказала леди Изабель. — Прошлого не исправить.

— Но я должен говорить об этих вещах. Я затем и приехал, чтобы обсудить это, — настаивал граф. — Не мог же я сделать это, пока здесь находился этот человек. Когда в жизни женщины происходят подобные необъяснимые события, отцовский долг состоит в том, чтобы разобраться в мотивах, причинах и действиях, пусть даже, как в данном случае, уже ничего нельзя исправить. Ваш отец ушел от нас, но его место занял я, и этого больше некому сделать.

Не в силах больше сдерживаться, она молча заплакала. Граф заговорил снова.

— Если бы не эта странная записка, я предположил бы, что Вы действовали только под влиянием безумного увлечения этим негодяем Ливайсоном: ее содержание рисует это дело в несколько ином свете. Что Вы имели в виду, утверждая, что Вас толкнул на это Ваш супруг?

— Он знает, — чуть слышно ответила она.

— Он не знает, — строго ответил граф. — Нет на земле человека более честного и достойного, чем Карлайл. Когда он сказал, чуть живой от горя, что не может даже представить, что Вы имеете в виду, я готов был побиться об заклад на свое графство, что он не лжет. Я и сейчас готов это сделать.

— Я полагала, — начала она тихим, дрожащим голосом, поскольку знала, что лорд Маунт-Северн всегда добьется ответа на свой вопрос; кроме того, она была слишком слаба душой и телом, чтобы сопротивляться, — я полагала, что любовь его больше не принадлежит мне, что он бросил меня ради другой.

Граф изумленно посмотрел на нее.

— Что Вы имеете в виду, говоря «бросил»? Он же был с Вами.

— Иногда оставляют сердцем, — прошептала она.

— Вздор! — едко ответил его светлость. — Я и Карлайл пришли к выводу, что Вы были движимы ревностью, под влиянием которой и написали эту записку. Я спросил Карлайла, как мужчина мужчину — Вы слышите, Изабель? — дал ли он Вам основания для подозрений, и он ответил мне, как перед Богом. Он никогда не давал никаких оснований для ревности, он был верен Вам в мыслях, словах и делах; он никогда, насколько мог припомнить, даже не посмотрел на другую женщину с желанием с того самого часа, как сделал Вас своей женой: все его помыслы были только о Вас. Не всякий муж смог бы сказать то же самое, — сказал лорд Маунт-Северн, значительно кашлянув.

У нее бешено забилося сердце. Она все сильнее убеждалась в том, что это правда, что ее ревность была совершенно необоснованной.

— В конце концов, я счел, что Ваше письмо — не что иное, как отговорка, — продолжал граф, — лживый предлог для того, чтобы скрыть настоящие мотивы Вашего поступка. Так я и сказал Карлайлу.

Я спросил его, как он мог не заметить тайного сговора между Вами и этим... этим животным, притом, что этот негодяй жил в вашем доме. Он ответил, что у него никогда не возникало ни малейшего подозрения. Он безусловно доверял Вам, настолько, что отпустил бы в кругосветное путешествие с любым мужчиной.

Она до боли стиснула руки, однако ее сердечная боль не утихла.

— Карлайл сказал, что был чрезвычайно занят в то время, когда у вас гостил этот человек. Кроме повседневной работы в конторе, у него много времени отнимало секретное дело для кого-то из соседей, по которому ему часто приходилось встречаться с ними после работы. Это были очень старые знакомые, родственники Карлайлов, и он так же хотел сохранить все в секрете, как и они. На это я заметил, что при этом он мог не замечать того, что творилось в его доме. Я помню, он сказал мне, что в вечер этой... катастрофы он должен был ехать с Вами на званый обед, но в связи с этим секретным делом возникли весьма срочные обстоятельства, потребовавшие от него встречи с двумя джентльменами в его конторе, причем встречи секретной, о которой его клерки ничего не должны были знать.

— Он не... упоминал фамилию этого семейства? — побелевшими губами спросила леди Изабель.

— Да, он сказал, однако, я не припомню. Рэббит¹⁴? Что-то похожее.

— Не Хэйр¹⁵?

— Да-да, именно Хэйр. Он сказал, что Вы, судя по всему, рассердились на него за то, что он не сопровождал Вас на обед; почувствовав это, он собирался приехать попозже, однако не смог этого сделать. Когда закончилась встреча в конторе, его снова задержали в доме Хэйров по такому же неотложному делу.

— Важное дело! — эхом отозвалась она, дав на одно мгновение волю прежним чувствам. — Он прогуливался при лунном свете в их саду с Барбарой — мисс Хэйр. Я видела их из своего экипажа.

— И Вы приревновали! — с насмешливым упреком воскликнул лорд Маунт-Северн, который почувствовал ее настроение. — Послушайте! — прошептал он, наклонившись к ней. — В то время как Вы полагали, насколько можно судить по Вашему теперешнему тону, что они прогуливались, наслаждаясь обществом друг друга, они, да будет Вам известно — во всяком случае, Карлайл — они стояли на страже. В доме — для того, чтобы ненадолго встретиться со своей бедной матерью — находился некто, кому угрожает виселица, к которой его первым препроводил бы собственный отец. Карлайл и эта молодая дама несли стражу на случай появления отца. Этой ночью, впервые за семь лет, бедный сын посетил родительский дом, чтобы на полчаса увидеться с матерью и сестрой. Карлайл, вне себя от горя и волнения, вызванного Вашим поступком, почтил меня своим доверием, рассказав, что не позволило ему быть на званом обеде.

¹⁴ rabbit — кролик (англ.)

¹⁵ игра слов: *rabbit* — кролик, *hare* — заяц (англ.)

Лицо ее сделалось пунцовым от стыда за ее прискорбный проступок. И ничего нельзя было исправить!

— Но он постоянно бывал в обществе Барбары Хэйр, — пролепетала она, ища хоть какое-то оправдание.

— Ей нужно было видаться с ним в связи с этим делом. Мать не могла сделать это сама, поскольку все нужно было хранить в тайне от отца. Таким образом, Вы истолковали деловые встречи как любовные свидания! — продолжал лорд Маунт-Северн с едкой иронией. — Я был более высокого мнения о Вашем здравом смысле. Но разве этого было достаточно, чтобы толкнуть Вас на такой шаг? Разумеется, нет. Вы, должно быть, поддались на уговоры этого бесчестного человека.

— Это все в прошлом, — всхлипнула она.

— Карлайл был всецело верен Вам. Не многие женщины имели такой шанс на счастье в семейной жизни, который был у Вас. Он — честный и порядочный человек, прирожденный джентльмен, из тех, кем должна гордиться взрастившая его Англия. Чем больше я узнаю его, тем больше восхищаюсь этим человеком, его исключительным благородством. Вы знаете, как он повел себя в том, что касалось возмещения ущерба?

Она покачала головой.

— Он не хотел требовать возмещения ущерба, если не считать пустяковой суммы, получения которой требует закон, однако присяжные, исполнившись сочувствия, назначили беспрецедентно высокую сумму. Поскольку ответчик стал баронетом, деньги были уплачены, и Карлайл тут же передал их на нужды больницы графства.

Он придерживается, казалось бы, устаревшего мнения, что деньги не могут искупить позора жены.

— Давайте не станем больше говорить на эту тему, — взмолилась несчастная. — Я вела себя безнравственно, как сумасшедшая, и последствия этого поступка мне придется нести всю жизнь. Больше мне нечего сказать.

— Где Вы собираетесь обосноваться в будущем? — осведомился граф.

— Не могу сказать. Из этого города я уеду, как только окрепну.

— Конечно, Вам будет неприятно встречаться с его обитателями. Ведь Вы жили здесь с ним, не так ли?

— Они полагают, что я его жена, — прошептала она. — Так же думают и слуги.

— Ну что же, пожалуй. Сколько у Вас слуг?

— Двое. Я еще недостаточно окрепла, чтобы управляться самой, поэтому мне приходится держать двоих слуг, — продолжала она, как бы извиняясь за расточительность при таких стесненных обстоятельствах.

— Как только ребенок начнет ходить, я смогу обойтись одной служанкой.

Граф посмотрел на нее, как громом пораженный.

— Ребенок! — воскликнул он с таким изумлением и горечью, что у нее защемило сердце. — Изабель! У Вас ребенок?

Она закрыла лицо ладонями. Лорд Маунт-Северн встал и начал мерить комнату широкими шагами.

— Я этого не знал! Я не знал этого! Подлый, бессердечный мерзавец! Он должен был жениться на Вас до его рождения. Ведь развод уже был получен? — добавил он, резко остановившись.

— Да.

— Трус, подлец! Пусть же ни один честный человек не подаст ему руки! Пусть Его королева откажется принимать его! Вы, дочь графа! О, Изабель! Как же низко Вы пали!

Леди Изабель истерически разрыдалась и встала, с мольбой протягивая к нему руки.

— Пощадите меня! Пощадите! Вы терзаете мое сердце с того самого момента, как появились здесь. Клянусь, я больше не в силах это выдерживать.

Граф и в самом деле вел себя менее сдержанно, чем намеревался. Он постарался взять себя в руки.

— Право же, право, садитесь, Изабель, — сказал он, усаживая ее в кресло. — Перейдем к тому, ради чего я, собственно, приехал сюда. Какая сумма потребуется Вам для того, чтобы жить в покое, которого Вы теперь, конечно же, жаждете, но, в то же время, и в достатке?

— Я ничего не приму, — ответила она. — Я сама стану зарабатывать на жизнь.

При этих словах спокойствие изменило графу, и он резко сказал:

— Абсурд, Изабель! Не добавляйте к Вашим прежним ошибкам грех романтизма. Зарабатывать на жизнь — ну конечно же! Я предоставлю то, что Вам потребуется для нормальной жизни. И никаких возражений: я же говорил Вам, что действую за Вашего отца. Вы полагаете, он оставил бы Вас, чтобы его дочь голодала или в поте лица зарабатывала свой хлеб?

Упоминание об отце задело сокровенные струны в ее душе, и слезы буквально хлынули из глаз.

— Я полагала, что смогу заработать уроками, — рыдая, сказала она.

— И сколько же Вы полагаете зарабатывать таким образом?

— Немного, — ответила она упавшим голосом. — Может быть, сто фунтов в год: я неплохо пою и музицирую. Думаю, эта сумма обеспечила бы нас, даже если бы я работала только днем.

— Да уж, вот это было бы «обеспечение»! Вы будете получать столько же раз в три месяца.

— Нет-нет! Я не заслуживаю этого. Я не могу это принять. Я потеряла право просить о помощи.

— Только не у меня. Итак, не имеет смысла волноваться понапрасну, поскольку я уже принял решение. Я никогда по своей воле не откажусь выполнить мой долг, а в данном случае я считаю это моим священным долгом. По возвращении я немедленно распоряжусь, чтобы Вам выделили четыреста фунтов в год, с получением ежеквартально.

— Ну хотя бы половину, — повторила она, сама прекрасно понимая, сколь бесполезно спорить с лордом Маунт-Северном, когда речь идет о такой возвышенной материи, как «долг».

— Я назвал сумму, Изабель, и не урежу ее. Начиная с сегодняшнего дня, Вам каждые три месяца будет выплачиваться по сто фунтов. Не считая вот этого, — продолжил он, выкладывая на стол несколько банкнот.

— Ну право же, у меня имеется некоторая наличность, — взмолилась она, густо покраснев от такой незаслуженной, по ее мнению, доброты, ибо никто в целом свете не был о ней более низкого мнения, чем она сама. — Бога ради, заберите деньги: Вы слишком добры ко мне.

— Я не знаю, что Вы называете наличностью, — ответил граф, — однако же Вы только что сообщили мне, что продаете свои «безделушки», чтобы иметь средства на жизнь. Возьмите же банкноты, Изабель: это всего лишь небольшая сумма на первое время. У Вас есть долги!

— О, нет!

— И не делайте их, пожалуйста, — посоветовал граф, поднявшись, чтобы откланяться. — Вы могли бы посылать мне весточку время от времени, Изабель.

— Что говорят обо мне в свете? — прошептала она, набравшись смелости. Она часто задавала себе этот вопрос.

Лорд Маунт-Северн ответил не сразу, возможно, удивившись, что она может спрашивать об этом.

— То же самое, что Вы сказали бы в давно минувшие дни о человеке, пошедшем по такому пути. А Вы чего ожидали?

И в самом деле, чего? Она стояла неподвижно, с бешено стучавшим сердцем и лицом, которое было сама покорность. Граф, прощаясь, взял ее руку в свою, затем повернулся и удалился.

Лорд Маунт-Северн, при всей своей строгости и бескомпромиссности, был, однако, человеком весьма добрым и совестливым. С того самого момента, как ему стало известно о роковом шаге, который сделала леди Изабель, он более, чем когда-либо, осуждал поведение своей жены, которая, как он полагал, навязала Изабель м-ру Карлайлу. Короче говоря, он считал свою жену основной, хотя и отдаленной причиной этого несчастья. Нельзя сказать, чтобы он недооценивал вину самой леди Изабель: скорее наоборот. Именно поэтому, не меньше, нежели в силу кровного родства, он считал своим долгом позаботиться о ней в дни ее позора и несчастья.

Сюзанна проводила его к двери и долго смотрела ему вслед, думая, что за «бравый месье англичанин» навел их, и какое, должно быть, удовольствие получила миледи от встречи с другом, нарушившей монотонность ее грустного и одинокого существования. Сюзанна не

сомневалась, что этот визит не иначе как подвигнет миледи на то, чтобы извлечь на свет божий ее чудесные платья, и что первые слова, которые она услышит, явившись перед своей хозяйкой, будут, конечно же, касаться этой животрепещущей темы.

Граф Маунт-Северн вернулся в Hotel des Ambassadeurs, отобедал и, переночевав в этом гостеприимном месте, покинул его на следующее утро, чтобы вернуться к шумным удовольствиям цивилизованной жизни. А леди Изабель осталась одна в своей комнате, одна-одинешенька навеки.

Глава 13

ОПЛОШНОСТИ БАРБАРЫ

Вообразите себе солнечный летний день пополудни. Точнее сказать, вечер, ибо яркие солнечные лучи уже отнюдь не отвесно падали на внушительных размеров сад судьи Хэйра, и уже наступило время чаепития, семь часов. М-р и миссис Хэйр сидели за столом вместе с Барбарой; казалось, вся жизнь этого семейства представляет из себя нескончаемую трапезу: если не завтрак — так ленч, если не ленч — так обед, а если не обед — так чаепитие.

Барбара сидела заплаканная, поскольку судья в этот момент бранил ее, а бедная миссис Хэйр, соглашаясь с супругом (как, впрочем, она поступила бы даже в том случае, если бы он предложил поджечь дом и самой сгореть живьем) и в то же время сочувствуя дочери, беспокойно ерзала в кресле.

Барбара нанесла смертельную обиду, из тех, которые ей приходилось периодически наносить в течение последних нескольких лет: она отвергла выгодное брачное предложение, по каковому поводу и разбушевался достопочтенный господин судья. В целом, для м-ра Хэйра не имело ни малейшего значения, завянут ли его дочери иссохшими старыми девами или же пронесутся по жизни вечно суетящимися матронами. Он также, в общем-то, не хотел отдавать Барбару из родительского дома, равно как и не считал ее обузой: напротив, если бы не было Барбары, в кого ему было метать громы и молнии? Деньги здесь тоже были ни при чем: независимо от того, выйдет Барбара замуж или останется одинокой, она располагала значительным состоянием. Итак, ни одной из обычных, приходящих на ум причин, нельзя было объяснить гнев судьи Хэйра на Барбару, отвергавшую предложения руки и сердца. Не мне судить, сможет ли этот мир обойтись без сплетен: для меня достаточно того, что Вест-Линн не мог обойтись без этого, так же, как и без того, чтобы вмешиваться во все и всяческие дела, кроме своих собственных. Вест-Линн дивился тому, что Барбара Хэйр предпочитает оставаться Барбарой Хэйр. Из всех местных барышень именно она, с ее красотой, прекрасными манерами и хорошим состоянием, казалось, давно уже должна была бы выскочить замуж. И, тем не менее, она по-прежнему оставалась Барбарой Хэйр. Сплетники объединили свои усилия, чтобы разузнать, почему ее не сватают. Да-да: они считали, что ее не сватают, ибо она была не из тех, кто рассказывает об отвергнутых предложениях. Итак, решено было, что единственной причиной является это злосчастное преступление, которое приписывали ее брату. К несчастью, эта чушь стала известна судье Хэйру. Судья был чрезвычайно чувствителен во всем, что касалось этого злосчастливого дела, и ожесточен против своего бедного сына до последней крайности. Речи о том, что Барбара оставалась одна, поскольку никто не желает жениться на ней из-за брата, были как нож острый для м-ра Хэйра, поскольку этот позор как бы ложился и на него. О, как хотел бы он дать пинка всему Вест-Линну, чтобы досужие сплетники, свалившись в ближайший пруд, самый заросший и грязный из всех, побарахтались там и остудили свои языки; как он хотел сцапать Ричарда, чтобы передать его на милость суда присяжных графства, как, наконец, желал бы он тотчас выдать Барбару замуж, чтобы опровергнуть хотя бы эту часть зловерных слухов! Поэтому нетрудно вообразить, в какую ярость впадал судья, когда Барбара отказывала одному претенденту за другим (таких уже набралось четыре).

— Ты делаешь это специально, чтобы позлить меня, — громовым голосом возвестил судья, стукнув по столу так, что чайные чашки жалобно задребезжали.

— Это не так, папа, — всхлипывая, ответила Барбара.

— Тогда почему же?

Барбара хранила молчание.

— Разумеется, ты не можешь ответить: тебе нечего возразить. Ну чем, Бога ради, не хорош майор Торн? Отвечай же!

— Мне он не нравится, — запинаясь, сказала Барбара.

— Он тебе не нравится! Ты говоришь неправду. Когда бы он ни бывал здесь, тебе это доставляло удовольствие.

— Он мне нравится как знакомый, папа, но не в качестве мужа.

— Не в качестве мужа! — повторил доведенный до белого каления м-р Хэйр. — Ну, клянусь всем святым, эта девица утрачивает остатки разума! Не как муж! А кто тебя просит любить его как мужа, пока он не стал таковым? Ты когда-нибудь слыхивала о том, что молодой леди должно, или желательно, или хотя бы просто пристало ни с того ни с сего симпатизировать джентльмену «как мужу?»

Барбара почувствовала замешательство.

— Весь приход судачит о том, что Барбара Хэйр не может выйти замуж, что никто не берет ее из-за... из-за этого проклятого пятна, которое поставил на нашей репутации... не хочу даже называть его, иначе я просто за себя не ручаюсь! Не считаешь ли ты, что такое расчудесное положение дел — самый настоящий позор для семьи?

— Но это же неправда, — сказала Барбара. — Мне делают предложения.

— Какой прок от этих предложений, если ты говоришь «нет?» — продолжал бушевать судья. — Разве так приход узнает о том, что они делают предложения? Ты — неблагодарная, взбалмошная, своевольная дочь, и никогда уже не изменишься.

При этих словах слезы рекой хлынули из глаз Барбары. Судья позвонил слугам и велел убрать чайные принадлежности, после чего снова вернулся к этой теме, продолжив страдания бедной дочери. Таков уж был судья Хэйр. Дайте ему почувствовать ваше огорчение (а ему нечасто удавалось на самом деле огорчить кого-либо), и он будет наносить удар за ударом, без устали, как кузнец, орудующий молотом. И вот, когда словесная буря достигла наивысшей точки, когда язык и руки, которыми бурно жестикулировал судья, в унисон заиграли гневную мелодию, вошел м-р Карлайл.

Он не слишком изменился. Прошедшие год и девять месяцев лишь слегка посеребрили его виски. Исчезла также прежняя беззаботность и легкость в обращении. Но в целом он оставался все тем же цепким деловым человеком, приятным, умным собеседником, и большинству людей были незаметны перемены, происшедшие в нем. Барбара встала, чтобы выйти.

— Нет, — сказал судья Хэйр, величественно встав между ней и дверью. — Вот так всегда: ты пытаешься ускользнуть, когда я говорю с тобой. Ты никуда не уйдешь. Сядь на место. Я расскажу о твоём непозволительном поведении мистеру Карлайлу: может быть, хотя бы в этом случае тебе станет стыдно.

Барбара села на место с пунцовыми от стыда щеками. М-р Карлайл вопросительно посмотрел на нее, словно спрашивая, что так огорчило ее. Достопочтенный судья изложил суть дела в своей напыщенной манере.

— Вы знаете, Карлайл, какой ужасный удар нанесла нам судьба, покрыв позором нашу семью. Ну, поскольку нашим прихожанам недостаточно судачить только об этом происшествии, они принялись за Барбару. Они говорят, что этот позор и унижение сказались и на ней, что никто теперь не предложит ей руку и сердце. Казалось бы, чем нести это пятно и позволять судачить о себе всему приходу, ей следовало бы выйти за первого человека, который посватается, будь это хоть приходской сторож, как поступила бы на ее месте любая другая девушка. И что же мы видим? Вы изумитесь, когда узнаете факты. Ей делают предложения одно за другим, одно за другим, — повторил судья, хлопнув себя по колену, — а она всем отказывает. Сегодня ей сделал предложение майор Торн, а эта юная особа дала ему от ворот поворот, как всегда не посоветовавшись ни с матерью, ни со мной, и даже не смягчив своего отказа дежурным извинением. Не иначе как ей хочется, чтобы ее привели в чувство, продержав недельку взаперти, на хлебе и воде.

М-р Карлайл взглянул на Барбару. Она безропотно принимала свое наказание, опустив мокрые от слез ресницы. Судья же так распалился, что нахлобучил соломенный парик задом наперед в финале своей обвинительной речи.

— Ну, что Вы на это скажете? — резко спросил он.

— Возможно, семейная жизнь не обладает большой притягательностью для Барбары, — полусутоливо заметил м-р Карлайл.

— Для нее ничто не кажется особо притягательным из того, чему следовало бы казаться таковым, — проворчал судья Хэйр. — Она все делает наперекор. Кстати, — поспешно заговорил

судья, оставив этот спорный вопрос, поскольку припомнил еще кое-что, — вчера вечером в «Оленьей Голове» судачили и о Ваших матримониальных планах, Карлайл.

М-р Карлайл заметно покраснел; впрочем, ни голосом, ни поведением он не выдал своего внутреннего волнения.

— Вот как? — небрежно заметил он.

— А Вы хитрец, Карлайл, хитрец: помните, как хитро Вы устроили свой первый... — судья Хэйр хотел сказать «брак», но ему внезапно пришло в голову, что при теперешних обстоятельствах это будет не самая приятная тема для м-ра Карлайла. Поэтому он оборвал себя на полуслове, кашлянул и продолжил. — Вы бываете у сэра Джона Доубида, однако не для того, чтобы увидеться с сэром Джоном, а чтобы поухаживать за мисс Доубид.

— Так вот о чем судачат в «Оленьей Голове», — добродушно заметил м-р Карлайл. — Ну что ж: мисс Доубид выходит замуж, а я составляю финансовые распоряжения на этот счет.

— Речь не о ней: она выходит за молодого Сомерсета, о чем все знают. Речь идет о другой дочери, Луизе. Чудная девушка, Карлайл.

— Весьма, — только и ответил м-р Карлайл.

Судья, притомившись, то ли от сидения в доме, то ли от бесплодных попыток выведать что-либо у м-ра Карлайла, встал, поправил парик перед зеркалом, висевшим над камином, и отправился в «Оленью Голову», которую посещал каждый вечер.

Барбара, смотревшая, как он удаляется по дорожке, увидела, как он встретился с каким-то прохожим. Сначала ей не удалось разглядеть, кто это: видна была лишь рука да плечо в вельветовом костюме, но когда собеседники поменялись местами во время разговора, она увидела, что это был Локсли, главный свидетель (вовсе не из мести, а потому, что у него не было другого выхода) против ее брата Ричарда на процессе по убийству Хэллиджона.

— Что это случилось с папой? — воскликнула Барбара. — Локсли, должно быть, чем-то рассердил его. Папа уже почти вне себя, мамочка: лицо его побагровело, и он размахивает руками.

— Ах, дорогая Барбара! — только и смогла ответить бедная миссис Хэйр. Ее пугали приступы ярости супруга.

Последний вошел в комнату, закрыл дверь и встал посреди комнаты, переводя взгляд с миссис Хэйр на Барбару и обратно.

— О чем это, черт побери, шепчутся все в городе? — спросил он тоном, в котором чувствовалась плохо сдерживаемая ярость, однако не без примеси страха.

— Что это за слухи? — спросил м-р Карлайл, ибо судья ждал ответа, а миссис Хэйр, казалось, не могла произнести ни слова.

Барбара тоже не собиралась нарушать молчания: она опасалась, что эти слова судьи могут относиться к ней, к ее только что пережитым горестям.

— Слухи о том, что он... он... был здесь, переодетый батраком, посмел появиться в том месте, где его поджидает виселица.

Лицо миссис Хэйр сделалось мертвенно-бледным. М-р Карлайл поднялся и быстро встал перед ней, чтобы эта бледность не была замечена. Барбара молча сцепила руки и повернулась к окну.

— О ком Вы говорите? — спросил м-р Карлайл небрежным тоном, словно это был самый обычный вопрос. Он-то прекрасно знал, о ком шла речь, но пытался оттянуть время ради миссис Хэйр.

— О ком я говорю! — воскликнул сердито достойный господин судья почти вне себя от ярости. — О ком же мне говорить, как не об этом ублюдке Дике. Кто же еще закончит свои дни, как преступник?

— О, Ричард, — рыдая, произнесла миссис Хэйр и опустилась в свое кресло. — Помилосердствуй! Это же наш сын.

— Он никогда не был истинным сыном Хэйра, — разбушевался судья, — он всегда был дитя порока, трусости, злобы и безволия. Если он осмелился показать нос в Вест-Линне, я пушу по его следу всю полицию Англии, чтобы его доставили сюда подобающим для него образом, раз уж ему хочется побывать здесь. Когда Локсли рассказал мне об этом только что, я уже поднял руку, чтобы ударить его: такой возмутительной ложью мне это показалось. Известно ли Вам, я Вас спрашиваю,

что-нибудь о его пребывании здесь? — спросил судья решительным, грозным голосом, обращаясь к своей жене.

Невозможно представить, как вывернулась бы из этой щекотливой ситуации миссис Хэйр, что она стала бы говорить, если бы не вмешался м-р Карлайл.

— Вы пугаете миссис Хэйр, сэр. Разве Вы не видите, что от одного известия подобного рода ей становится дурно от волнения. Однако же позвольте мне осведомиться, что такое мог поведать Вам Локсли?

— Я встретил его у калитки, — ответил судья, переключив свое внимание на м-ра Карлайла. — Он проходил мимо, когда я подошел к ней. «О, господин судья! — начал он. — Рад, что встретил Вас. По городу идут недобрые слухи о том, что здесь видели Ричарда. На Вашем месте, сэр, я бы попытался как-то замять их, поскольку полиция может припомнить дела давно минувшие, о которых ей лучше было бы не вспоминать». Говорю Вам, Карлайл, я хотел сбить его с ног. Я спросил, как достает у него дерзости повторять мне в лицо подобную злостную клевету. Он сразу же заявил, что об этом говорят прихожане, а не он лично, и я вытянул из него все, что он слышал.

— И что же это было? — перебил м-р Карлайл, несколько более эмоционально, нежели обычно.

— Ну, говорят, что он показывался здесь с год назад, переодетый батраком — право же, отъявленные дураки! Если, конечно, это не он был таким дураком, что в самом деле поступил подобным образом.

— Ну конечно! — повторил м-р Карлайл. — Он не такой дурак, сэр. Мистер Хэйр, пусть в Вест-Линне болтают, что им будет угодно, Вы же не верьте ни единому слову. Лично я не верю слухам. Бедный Ричард, где бы он ни был...

— Я не позволю жалеть его в моем присутствии, взорвался судья. — Бедный Ричард, в самом деле! Злодей Ричард, с Вашего позволения!

— Я собирался заметить, что, где бы он ни находился, где-нибудь в лесной американской глуши, или на поисках золота в Калифорнии, или же в скитаниях по Объединенному Королевству, вряд ли приходится опасаться, что он оставит безопасное убежище, дабы рискнуть появиться в Вест-Линне. На Вашем месте, сэр, я бы просто посмеялся над Локсли и его словами.

— Но зачем обитателям Вест-Линна выдумывать подобную ложь?

— А! В том-то и дело, что, смею сказать, наши земляки не смогли бы ответить на этот вопрос, даже если бы им заплатили за это. Но, кажется, в этот раз они сочинили какую-то неубедительную историю. Раз уж им непременно нужно было состряпать небылицу о том, что Ричарда видели в Вест-Линне, зачем относить это событие на год назад? Чем плох, скажем, сегодняшней день или вчерашний? Я, случись мне еще раз выслушать нечто подобное, воспринял бы это с молчаливым презрением, которого заслуживают подобные слухи.

Молчаливое презрение было не совсем по части нашего грозного г-на судьи: то ли дело шум и ярость! Однако же он высоко ценил мнение м-ра Карлайла и, проворчав невразумительное согласие с его точкой зрения, снова собрался в «Оленью Голову».

— О, Арчибалд! — воскликнула миссис Хэйр, когда ее муж прошел половину пути до калитки. — Хвала Всевышнему, что Вы оказались здесь! Я бы обязательно выдала себя.

Барбара, смотревшая в окно, повернулась к ним.

— С какой стати, однако, Локсли сказал это папе? — вырвалось у нее.

— Не сомневаюсь, что Локсли говорил из лучших побуждений, — сказал м-р Карлайл. — Он не враг Ричарду и, возможно, полагал, что положит конец этим слухам, рассказав о них мистеру Хэйру. Я тоже слышал подобные разговоры.

Барбара похолодела.

— Как же это могли узнать? — выдохнула она.

— Я теряюсь в догадках, — сказал м-р Карлайл. — Мне рассказал об этом Том Герберт. Он встретил меня вчера и спросил: «Что это за слухи о Дике Хэйре»? «Какие слухи?» — поинтересовался я. «Ну, о том, что Дик некоторое время назад побывал в Вест-Линне, переодетый батраком». Короче говоря, то же самое Локсли сообщил мистеру Хэйру. Я посмеялся над Томом Гербертом, — продолжал м-р Карлайл, — обратил все в шутку, и он сам уже смеялся над этими слухами, когда мы расставались.

— Не будет ли это способствовать поимке Ричарда? — прошептала пересохшими губами миссис Хэйр.

— Нет-нет, — успокаивающе заметил м-р Карлайл. — Если бы об этом стало известно сразу после того, как он побывал здесь, это было бы весьма неприятным обстоятельством, но с той поры минуло почти два года. Не тревожьтесь, дорогая миссис Хэйр, ибо для этого, поверьте мне, нет никаких оснований.

— Но как же об этом стало известно, Арчибальд? — не унималась она. — Даже спустя столь продолжительное время!

— Уверяю Вас, что не могу даже представить, как это случилось. Если бы кто-то в Вест-Линне увидел и опознал Ричарда, об этом заговорили бы сразу же. Пусть это не тревожит Вас более: слухи утихнут.

Миссис Хэйр глубоко вздохнула, встала и отправилась в свою комнату. Барбара и м-р Карлайл остались вдвоем.

— Ах, если бы нашелся настоящий убийца! — выдохнула она, стиснув руки. — Это ужасно — испытывать подобные страхи. Теперь несколько дней мама будет сама не своя.

— И я желал бы поимки настоящего убийцы, однако до этого, кажется, еще весьма и весьма далеко, — заметил м-р Карлайл.

Барбара сидела в задумчивости. Казалось, она хочет что-то сказать м-ру Карлайлу, но волнение не позволяет ей решиться на это. Наконец она заговорила тихим и нерешительным голосом.

— Вы помните, как Ричард в ту последнюю ночь описал человека, встреченного им... настоящего Торна?

— Да.

— Не показалось ли Вам тогда... не приходило ли Вам в голову... что описание очень подходит к одному человеку?

— Каким образом, Барбара? — спросил он после небольшой паузы. — Оно соответствовало описанию, которое Ричард неизменно давал этому человеку, Торну.

— Ричард упоминал характерное движение, которым тот отбрасывал волосы со лба — вот так. Не показалось ли это Вам знакомым, особенно в сочетании с белой рукой и перстнем с бриллиантом?

— У многих людей есть такая привычка — отбрасывать назад волосы: думаю, я и сам делаю это иногда. Что ты имеешь в виду? Ты кого-то подозреваешь?

— А Вы? — ответила она вопросом на вопрос.

— Я — нет. С тех пор, как мы отбросили кандидатуру капитана Торна, я более никого конкретно не подозреваю.

Этот ответ заставил Барбару сдержаться и не высказывать своих собственных подозрений, еще неясных, но наводивших на размышления. Ей казалось порой, что м-ра Карлайла могут посетить те же самые сомнения, но теперь она увидела, что ошибалась. Ужасное личное несчастье, происшедшее с мистером Карлайлом в ту самую ночь, когда Ричард заявил, что видел Торна, удержало Барбару от обсуждения этой темы как в то время, так и позднее. О Ричарде не было никаких известий, и в этом деле по-прежнему налицо была полная неопределенность.

— Я начинаю терять надежду на то, что это преступление когда-либо будет раскрыто, — заметила она. — Что станет с бедным Ричардом?

— Мы получили шах и мат, когда выяснилось, что Торн не был тем самым Торном, — сказал м-р Карлайл.

— Это было бы именно так, если бы Ричард не увидел того, другого.

— Я не могу для себя решить, не было ли это, в конечном итоге, игрой воображения. Право, это настолько невероятно, что он встретил этого человека под луной, и больше никто его не видел, ни до, ни после этого, Ричард неотступно думал о Торне, образ которого занимал все его воображение, и фантазия могла сыграть с ним злую шутку, заставив увидеть этого злодея в самом обычном прохожем.

— Никогда! — воскликнула Барбара. — Я лично верю в это так же свято, как в Бога. В тот момент Вы тоже не сомневались, что Ричард видел Торна.

— Да, его убежденность произвела на меня сильное впечатление. Но у меня тогда не было времени осмыслить все факты. Ни в то время, ни позже, в Вест-Линне, не было никого, к кому подходило бы описание, которое дал Ричард, за исключением капитана Торна.

— В Вест-Линне — да, — сказала Барбара.

— Нам остается лишь ждать и надеяться, что время само все разъяснит, — сказал в заключение м-р Карлайл.

— Ах, — вздохнула Барбара, — но это же такое томительное, томительное ожидание!

— Как это ты умудрилось вызвать родительское неудовольствие? — снова заговорил он, уже веселее.

Она заметно покраснела и ничего не ответила.

— Майор Торн, о котором упомянул твой папа — наш старый знакомый, как я полагаю?

Барбара кивнула.

— Весьма приятный человек, Барбара. Многие девушки гордились бы, если бы он выбрал их.

— Да, он очень приятный человек, — спокойно ответила Барбара таким тоном, который яснее ясного говорил о нежелании обсуждать эту тему.

Капитан Торн, который посетил Гербертов в те, ныне минувшие, дни, просто обезумел, увидев Барбару. Уже тогда, если бы ему позволили его личные обстоятельства, он умолял бы ее стать его женой. Однако недавно он получил наследство, равно как и повышение по службе. Он сразу же написал Барбаре и ее отцу. Барбара отказала ему, как вы знаете, и можно было не сомневаться, что г-н судья долго не даст ей забыть об этом.

— Сделайте все, чтобы развеять эти слухи о Ричарде, — сказала она м-ру Карлайлу.

— В этом можешь не сомневаться. Чем меньше произносят имя Ричарда в Вест-Линне, тем лучше. Но я ума не приложу, как они возникли.

Наступила тишина, которую первой нарушила Барбара. Она заговорила, не глядя на м-ра Карлайла:

— А что касается другого слуха? Он верен?

— Какой слух?

— Что Вы женитесь на Луизе Доубид.

— Это неправда. Я не собираюсь на ком-либо жениться. Нет, скажу более: я вообще ни на ком не собираюсь жениться; я останусь в моем теперешнем положении.

Барбара удивленно подняла на него глаза.

— Ты, кажется, удивлена, Барбара. Да. Она... та, что была моей женой, еще жива.

— Что с того, — наивно спросила Барбара.

Он ответил не сразу. Возвышаясь над столом, за которым сидела Барбара, и глядя на нее сверху вниз, он тихо сказал:

— И тот, кто отринет жену свою и женится на другой, виновен будет в измене.

И прежде, чем Барбара смогла ответить — если бы, конечно, она нашлась, что отвечать — и прежде, чем она пришла в себя от изумления, он взял свою шапку и вышел.

Глава 14

КРУШЕНИЕ ПОЕЗДА

Теперь вернемся ненадолго к леди Изабель. Она постепенно окрепла и к концу лета занялась приготовлениями к отъезду из Гренобля, сама еще не зная, где поселится и что станет делать. Она сделалась несчастной и беспокойной, и ее совершенно не волновало, что станет с ней в будущем. Более всего ей хотелось попасть в самый отдаленный уголок земли, где не ступала нога цивилизованного человека. Но где искать его? Она занялась поисками, выехав вместе с ребенком и молодой крестьянкой, которую наняла в качестве няни; Сюзанна, у которой в Гренобле был кавалер, наотрез отказалась уехать из города. Весь свой багаж, за исключением самых необходимых вещей, леди Изабель отправила на хранение в Париж до тех пор, пока он ей не потребуется. Они выехали из Гренобля в чудесное утро, казалось, благополучно прибыли поездом в местечко под названием Каммер, когда день уже клонился к закату, и леди Изабель предложила остановиться там на денек-другой. Во Франции крушения поездов случаются реже, нежели у нас, но, если уж они происходят, это бывают настоящие катастрофы, о которых долго помнят.

Поезд уже подъезжал к станции, когда пассажиры почувствовали удар, и раздался такой треск, словно наступил конец света; паровоз, вагоны и пассажиры сплошной бесформенной грудой лежали у крутой железнодорожной насыпи, а подступающая темнота лишь добавила ужасной неразберихи.

Вагон, в котором вместе с ребенком и бонной ехала леди Изабель, оказался под грудой обломков: их извлекли оттуда в числе самых последних пассажиров. Бонна и ребенок были уже мертвы. Леди Изабель была жива и даже находилась в сознании, однако она так сильно пострадала, что спешно доставленные к месту происшествия врачи оставили ее, с тем, чтобы оказать помощь другим пострадавшим, чье положение представлялось менее безнадежным — она услышала, что не переживет ампутации, а больше ничего сделать нельзя; она умрет независимо от того, сделают ей операцию или же нет. У нее была изуродована нога и нижняя часть лица. Она не была готова умереть вот так: смерть в ужасных страданиях оказалась вовсе не тем абстрактным освобождением от несчастий, которым представлялась в те мгновения, когда она желала ее. Она была не в силах пошевелиться, но боли еще не чувствовала из-за шока, и на короткое время разум ее сделался сверхъестественно ясным и сильным. К носилкам, на которых она лежала, подошла сестра милосердия и предложила ей воды, которую Изабель жадно выпила.

— Могу ли я что-либо еще сделать для Вас? — спросила сестра.

— Со мной в вагоне были ребенок и его няня. Скажите мне: их нашли? Мой ребенок мертв? — спросила Изабель.

Сестра отошла, чтобы навести справки, но едва ли она могла надеяться что-нибудь узнать в этом шуме и неразберихе. Бедный малыш был мертв, но не изуродован. Его принесли в железнодорожное депо и положили недалеко от леди Изабель. Сестра бережно взяла его на руки.

— Это был Ваш ребенок? — сказала она, повернувшись к леди Изабель. — Сейчас он маленьким ангелом предстал перед лицом Отца Небесного.

Изабель прижала к груди лицо несчастного ребенка, и первым ее чувством была благодарность за то, что он так рано был избавлен от будущих несчастий и страданий. Она была убеждена, что и сама умрет в течение нескольких ближайших часов, а может быть, и раньше; ею начало овладевать вялое, апатичное безразличие ко всему в реальной жизни, которое приходит с приближением смерти. Она жестом попросила сестру убрать ребенка, тихо сказав ей:

— Именно этого я и желала ему.

— Вы не хотите что-либо передать своим друзьям, сделать какие-то распоряжения? Если Вы доверитесь мне, я выполню Вашу волю. Пока Ваш разум ясен, не мешало бы выполнить свой долг по отношению к тем, кого Вы оставляете в этом мире, — сестра слышала, что врач говорил о состоянии леди Изабель.

— Все, кто знал меня, будут в восторге от того, что меня нет более, — сказала Изабель. — Моя смерть будет единственным возмещением, которое я могу предложить за те горести и тот позор, которые я навлекла на всех людей, которые, по несчастью, были мне близки. Как Вы понимаете, я была великой грешницей.

— Постарайтесь принять смерть как справедливое воздаяние за Ваши грехи, постарайтесь в эти последние мгновения совершить акт веры и послушания, соединив свою собственную волю с волей Всевышнего, который послал это страдание, и тогда оно из наказания превратится в благословение. Наши печали — дары всемогущего Господа в не меньшей мере, чем наши радости.

— Так я и поступлю: я несу свой крест, — чуть слышно ответила леди Изабель, так как боль понемногу давала знать о себе.

— Может быть, мне написать письмо кому-нибудь? — спросила сестра. — Скажите мне, сразу, пока Вы еще в состоянии думать об этом.

— У Вас есть бумага и письменные принадлежности? Тогда напишите — направьте письмо графу Маунт... нет, подождите, — остановилась она, поняв, насколько нежелательно было предавать гласности свои личные дела, даже в таком удаленном месте, как это. К тому же, из-за повреждений лица ей было чрезвычайно трудно говорить. — Не могу ли я сама написать пару строк. Думаю, я справлюсь, если Вы подержите бумагу: мои руки не повреждены, и я все еще достаточно ясно мыслю.

Сострадательная сестра выполнила ее просьбу, и леди Изабель сумела набросать несколько слов лежа, написав адрес лондонской резиденции графа. Она сообщала, что умирает от смертельных ранений, полученных в железнодорожной катастрофе, что ребенок ее погиб вместе со своей няней. Она благодарила лорда Маунт-Северна за его доброту к ней и добавляла, что счастлива умереть, избавив его самого и всех ее близких от позора, который навлекла на них. «Отправляйтесь к мистеру Карлайлу, — продолжала она, и скажите, что я нижайше прошу его простить меня, а также прошу его детей простить меня, когда они будут достаточно большими, чтобы узнать, какое преступление я совершила против них; скажите ему, что я раскаиваюсь, и нет слов, чтобы выразить всю горечь моего раскаяния». Она дошла до этого места, когда мучительная боль, усиливающаяся с каждой минутой, стала просто невыносима. Собрав все силы, каракулями, которые могли бы принадлежать человеку, подписывающему свое признание на дыбе, она написала: «Прости. Изабель», и прошептала:

— Отправьте это не раньше, чем я умру, и добавьте несколько слов от себя в подтверждение моей смерти.

Когда некоторое время спустя хирурги подошли к леди Изабель, чтобы более детально осмотреть ее раны, она уже потеряла сознание, и они сочли ее мертвой, о чем сказали сестре, которая, преклонив колени возле бедняжки, молилась за отлетающую человеческую душу. Закончив, она отошла к другим страждущим, которые нуждались в ней. Она не подходила более к леди Изабель, которую считала уже мертвой, и отправила письмо, приписав несколько слов от себя, как пожелала Изабель. Всех погибших похоронили, отслужив по ним мессу. Уцелевших отправили в больницу, сделав для них все, что было в человеческих силах, не обделив никого ни утешением, ни профессиональной медицинской помощью. Леди Изабель пришла в себя и обнаружила, что находится на койке в больничной палате. Долгое время она не могла вспомнить, что с ней случилось, равно как и осознать, что выжила. Хирурги при более внимательном осмотре убедились, что жизнь еще теплилась в ее изувеченном теле. Раны, конечно, были ужасные, но не безнадежные, хотя шансы на выздоровление были весьма призрачными. Прибегнуть к операции при такой малой вероятности успеха было бы просто жестоко, и они применили другие средства и, честь и хвала их искусству, преуспели. Леди Изабель по-прежнему находилась на кромке между берегом жизни и бескрайним океаном смерти, на волне, колебавшейся в нерешительности, пока прилив не направил ее к спасительной суше. Ее выписали из больницы только через три месяца. Перемена, происшедшая с ней за эти три месяца, была сродни самой смерти: никто теперь не узнал бы в этом бледном, худом, сломленном и искалеченном создании прежнюю леди Изабель Вейн.

Письмо было доставлено адресату точно в срок. В это время в доме находилась графиня, приехавшая на несколько дней. Она совсем уже было покинула городскую резиденцию по

окончании светского сезона¹⁶, но снова приехала в город, то ли по делу, то ли ради собственного удовольствия. С ней был лорд Вейн, однако сам граф находился в Шотландии. Она завтракала, когда почтальон принес письмо и получил восемь пенсов за доставку. Адрес, написанный странным почерком, его вид, свидетельствующий о том, что оно пришло из-за границы — все это вызвало ее живейшее любопытство: в глубине души она была уверена, что наткнулась на какой-то маленький секрет супруга, в чем, увы, заблуждалась.

— Я вскрою его, — воскликнула она.

— Но ведь оно же адресовано папе! — воскликнул лорд Вейн, полностью разделявший отцовские представления о чести.

— Но это же такое необычное письмо! Возможно, требуется немедленный ответ, или же в нем содержится какое-то ходатайство. Займись своим завтраком, пожалуйста.

Леди Маунт-Северн вскрыла письмо и не без трудностей прочла его. Содержание потрясло даже ее.

— Какой ужас! — невольно воскликнула она.

— Ужас? — спросил лорд Вейн, оторвавшись от завтрака.

— Леди Изабель... Изабель Вейн... ты не забыл ее?

— Забыл ее! — эхом отозвался он. — Мама, что за память у меня должна быть, чтобы я уже забыл ее.

— Она мертва. Погибла в железнодорожной катастрофе, во Франции.

Его большие глаза, такие же искренние и честные, как в детстве, наполнились слезами, и он мучительно покраснел. От волнения он не сумел выговорить ни слова.

— Но как бы это ни было ужасно, тем лучше для нее, — продолжала графиня, — поскольку что ожидало бы ее в будущем.

— Ах, не говорите так! — взорвался молодой виконт. — Она погибла в железнодорожной катастрофе, а Вы говорите, что это лучше для нее!

— Так и есть, — ответила графиня. — Не будь таким высокопарным, Уильям. Ты уже достаточно взрослый, чтобы знать, какое несчастье она причинила самой себе и каким позором покрыла всех, кто так или иначе связан с ней. Да никто даже не взглянул бы на нее теперь.

— Я взглянул бы, — упрямо ответил мальчик.

Леди Маунт-Северн насмешливо улыбнулась.

— Да, взглянул бы! Никого на свете я не любил так, как Изабель.

— Ну, это все в прошлом. Ты не мог бы по-прежнему любить ее после того бесчестия, которому она подверглась.

— Кое-кто совершил гораздо большее бесчестье, чем она, и, будь я мужчиной, я бы пристрелил его, — горячо воскликнул виконт.

— Ты же ничего не знаешь об этом.

— Не знаю! — повторил он не слишком смиренно. Впрочем, леди Маунт-Северн не воспитала его в смирении.

— Могу ли я прочесть письмо, мама? — спросил он после некоторой паузы.

— Читай, если сможешь, — ответила она, бросив письмо на стол. — Она продиктовала его, умирая.

Лорд Вейн отошел с письмом к окну и углубился в чтение, в то время как графиня продолжила завтрак яйцом с ветчиной. Вскоре он подошел к столу и положил на него сложенное письмо.

— Вы сегодня отправите его папе? — поинтересовался он.

— Я переправлю письмо, но к чему спешить? К тому же, я не знаю точно, где может находиться твой отец. Я сообщу в газеты о ее смерти и сделаю это с удовольствием: с нашей семьи смыто позорное пятно.

— Мама, я полагаю, что Вы — самая недобрая женщина из когда-либо живших на этом свете.

— Я дам лишнее тому подтверждение, если не возражаешь, — едко ответила графиня, покрасневшая от злости, — прервав твои каникулы и сегодня же отправив обратно в школу.

Через несколько дней после вышеописанного разговора м-р Карлайл, как обычно, вышел из Ист-Линна и отправился к себе в контору. Не успел он сесть за свой стол, как вошел м-р Дилл и

¹⁶ В Лондоне — период с мая по июль

встретил вопросительный взгляд м-ра Карлайла, который не привык, чтобы кто-нибудь беспокоил его до тех пор, пока он не прочтет полученные письма; лишь после этого он звонил м-ру Диллу. Письма и свежий номер «Таймс» лежали перед ним на столе, как обычно. Пожилой джентльмен подошел так тихо и робко, что это еще более усилило любопытство м-ра Карлайла.

— Простите Бога ради, сэ: позволю себе поинтересоваться, известна ли Вам некая новость, касающаяся Вас?

— Да, я слышал об этом, — ответил м-р Карлайл.

— Тогда, сэ, тысяча извинений. Я подумал, что Вы, возможно, еще не слышали об этом, и я смогу как-то подготовить Вас, прежде чем Вы внезапно прочтете это в газете.

— Подготовите меня? — повторил м-р Карлайл, когда м-р Дилл повернулся, чтобы уйти. — Что это на Вас нашло, Дилл? Вы что, боитесь, что я сделаюсь нервным или же что я упаду в обморок из-за потери ста фунтов? В самом худшем случае, наши убытки не превысят этой суммы.

Старый джентльмен снова повернулся к нему.

— Как я понял, Вы говорите о банкротстве Кента и Грина. Дело не в этом, мистер Арчибальд. Мы не понесем больших убытков; к тому же, как говорят, дивиденды будут выплачены.

— Тогда в чем же дело?

— Так Вы еще не знаете, сэ! Как я рад, что успел вовремя. Мне думается, Вас лучше было бы как-то подготовить.

— Если Вы еще в своем уме, Вы сейчас же объясните мне суть дела и дадите, наконец, заняться письмами, — воскликнул м-р Карлайл, весьма удивленный словами и поведением своего обычно немногословного и уравновешенного клерка.

Старый Дилл положил руку на номер «Таймс».

— Это здесь, м-р Арчибальд, в колонке некрологов, в самом верху. Соберитесь с силами, прежде чем прочесть это.

Он быстро вышел, шаркая ногами, а м-р Карлайл не менее быстро развернул газету. Как и сказал старый Дилл, это был самый первый некролог:

В Каммере, во Франции, 18 числа сего месяца, скончалась Изабель Мэри, единственная дочь Уильяма, покойного графа Маунт-Северна.

Появились первые клиенты. Звонок м-ра Карлайла безмолвствовал; прошел час или два, и старый Дилл, заявлявший всем, что м-р Карлайл занят, робко вошел в его кабинет. М-р Карлайл сидел, даже не прикоснувшись к письмам.

— Пара клиентов настоятельно требует встречи с Вами, мистер Арчибальд. Что им сказать?

М-р Карлайл посмотрел на него невидящим взглядом, словно мысли его были где-то далеко, в ином мире, а затем отодвинул от себя газету и снова предстал спокойным и собранным деловым человеком.

Как ни странно, лорд Маунт-Северн узнал о смерти леди Изабель из газет, так же, как в свое время и о ее замужестве. Вслед за этим он получил письмо, которое с опозданием переслала ему леди Маунт-Северн. Однако в отличие от своей супруги, он не принял это известие на веру, зная, сколь часто подобные сообщения из других стран грешат неточностями и ошибками, и счел своим долгом навести справки. Он немедленно послал письмо городским властям Каммера, в котором просил, насколько позволял его французский, сообщить подробности и подтвердить или опровергнуть известие о смерти Изабель. Через некоторое время он получил ответ, рассеявший последние сомнения. Он, наводя справки о леди Изабель, написал ее правильное имя и титул, «госпожа Изабель Вейн», и, поскольку среди уцелевших в катастрофе людей не смогли найти никого с таким именем, власти сочли само собой разумеющимся, что сна умерла. Чиновник отписал графу, что ребенок и няня, о которых он упоминал, погибли сразу; две дамы, ехавшие в том же купе, также умерли вскоре, и одна из них, без сомнения, была матерью погибшего ребенка. Ее похоронили должным образом: на эти незначительные расходы вполне хватило денег, найденных при ней. Нетрудно догадаться, что дама, о которой шла речь, была одной из тех, кто ехал в том же купе, что и леди Изабель.

Таким образом, леди Изабель невольно сообщила о собственной смерти лорду Маунт-Северну и всему остальному миру. Сама она впервые узнала, что ее считают мертвой из того же

номера «Таймс», который прочли м-р Карлайл и лорд Маунт-Северн. Английский путешественник, попавший в больницу в числе прочих, пострадавших, получал английские газеты и иногда давал их почитать леди Изабель. Выехав из Гренобля, она путешествовала под чужим именем, поскольку считала свое собственное слишком известным и не хотела, чтобы ее случайно узнали попутчики; чиновники и не подозревали, что тихая и нелюдимая мадам Вайи, медленно выздоравливающая в городской больнице, была та самая «г-жа Изабель Вейн», о которой писал знатный английский вельможа. Леди Изабель в одно мгновение поняла, что причиной всему было написанное ею самой письмо. Она спрашивала себя, стоит ли ей теперь выводить из заблуждения лорда Маунт-Северна, как, впрочем, и всех остальных. Никто даже представить себе не мог, как она жаждала быть незаметной, никому не известной и позабытой всеми. Понять ее могли бы лишь те люди, которые, подобно ей, отгородились от всего мира. Теперь ей нужно было содержать лишь себя одну, а на это она, конечно же, могла без особого труда заработать достаточно денег или же просто голодать — ей, впрочем, было все равно. Теперь у нее больше не было необходимости принимать помощь лорда Маунт-Северна, и она преисполнилась решимости сделать так, чтобы все продолжали считать ее мертвой, и до конца дней своих оставаться простой мадам Вайн.

Итак, все сочли, что несчастная жизнь леди Изабель оборвалась. Лорд Маунт-Северн переслал ее письмо м-ру Карлайлу вместе с подтверждением, полученным от французских властей. В свете эта новость произвела сенсацию.

— Умерла бедная, заблудшая леди Изабель, — говорили о ней, — никто не бранил бедняжку, несмотря на ее злосчастную судьбу, — а затем о ней забыли.

Итак, все было закончено. Леди Изабель Вейн оказалась совершенно забытой всеми.

Глава 15

НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ В ИСТ-ЛИННЕ

Однажды днем, пополудни, сквозь аллею, ведущую к Ист-Линну, прошествовала некая леди или, во всяком случае, женщина, одетая, как леди: в платье с оборками, модную шаль и белую вуаль. Это была очень хорошенькая женщина, высокая и изящная. Шла она мелкими шажками, кокетливо наклонив головку. В целом, глядя на нее, можно было бы сказать, что это особа очень неглупая и столь же тщеславная. Она смело подошла к парадному входу и столь же смело позвонила, опустив при этом вуаль.

Дверь открыл один из слуг, но не Питер, как обычно, и, увидев перед собой такую нарядную даму, вежливо поклонился.

— Здесь живет мисс Хэллиджон, насколько мне известно. Она дома?

— Кто, мэм?

— Мисс Хэллиджон, мисс Джойс Хэллиджон, — несколько резко повторила наша леди с явными признаками нетерпения. — Я хотела бы увидеть ее.

Это несколько озадачило слугу. Он-то полагал, что посетительница пришла к его хозяевам, и собирался провести ее, по крайней мере, в гостиную, а это, как выяснилось, была всего-навсего гостя Джойс. Он провел ее в малую гостиную и поднялся в детскую, где находились Джойс и Уилсон, да-да, все те же Джойс и Уилсон, поскольку в штате слуг никаких изменений не произошло. Джойс осталась старшей служанкой; она немного руководила другими слугами, присматривала за Люси и по-прежнему шила платья мисс Карлайл. Уилсон все так же служила няней. Мисс Карлайл пару раз попыталась завести разговор о том, что держать двух служанок слишком накладно, однако м-р Карлайл наотрез отказался даже обсуждать эту тему, не подчинившись, как когда-то, воле своей сестры.

— Мисс Джойс, Вас спрашивает какая-то дама, — сказал слуга. — Я проводил ее в серую гостиную.

— Дама? Ко мне? — переспросила Джойс. — Кто же это? Возможно, кто-то пришел к детям?

— Я полагаю, она пришла к Вам. Она спрашивала мисс Хэллиджон.

Джойс удивленно взглянула на него, но все-таки отложила свою работу и прошла в серую гостиную. При ее появлении тщеславная модница-гостя подняла свою белую вуаль.

— Ну, как поживаешь, Джойс?

Джойс, и без того обычно бледная, побледнела еще более от ужаса. Неужели перед ней стояла Эфи, грешная, заблудшая Эфи? Да, это была она. Эфи протянула ей руку с «полнейшим бесстыдством», как выразилась бы Уилсон. Джойс не нашла в себе сил коснуться этой руки своей собственной.

— Прости, Эфи, но я не могу взять твою руку, так же, как и приветствовать твое появление здесь. Зачем ты пришла, скажи на милость?

— Если ты будешь задаваться, мне, пожалуй, и в самом деле лучше было бы не приходиться, нахально, однако, добродушно сказала Эфи, всегда говорившая с Джойс именно таким тоном. — Не отвалится твоя рука. Я не ядовитая.

— Тебя все в округе считают куда хуже любого яда, Эфи, — ответила Джойс скорее горько, нежели зло. — Где Ричард Хэйр?

Эфи вскинула голову.

— Кто? — спросила она.

— Ричард Хэйр. Мой вопрос был достаточно прост.

— Откуда мне знать, где он? Это очень похоже на тебя: вот так нагло упоминать его при мне. Почему бы тебе не спросить, где находится дьявол и как он поживает? Если бы мне пришлось выбирать из них двоих, я бы предпочла познакомиться с сатаной.

— Так ты бросила Ричарда Хэйра! Давно?

— Я бросила... что ты говоришь? — не выдержала Эфи, чьи губы начали недобро подрагивать от еле сдерживаемой ярости. — Может быть, ты снизойдешь до объяснений? Я не понимаю тебя.

— Когда ты сбежала отсюда, Эфи, разве ты не отправилась вместе с Ричардом Хэйром?

— Вот что я тебе скажу, Джойс, — выпалила Эфи с возмущенным лицом. — Я в свое время многое тебе прощала, однако у человеческой природы есть предел терпенья, и вот этого я не потерплю! С той самой страшной ночи я в глаза не видела Ричарда Хэйра, хотя мне хотелось увидаться с ним, чтобы помочь повесить мерзавца!

Джойс ничего не ответила. Убеждение в том, что Эфи была с Ричардом, давно и крепко укоренилось в ее сознании, как, впрочем, и у всех остальных жителей Вест-Линна, а такую многолетнюю уверенность очень трудно поколебать. Правда ли с ней Эфи? Она знала, что ее сестра солжет, не задумываясь, чтобы оправдаться.

— Эфи, — наконец заговорила она. — Правильно ли я тебя поняла? Разве ты не сбежала отсюда с Ричардом Хэйром? Разве ты не жила с ним?

— Да нет же! — взорвалась Эфи, глаза которой горели от злости. — Жить с ним?! С убийцей нашего отца! Стыдись, Джойс Хэллджон, только человек, который сам порочен, мог бы предположить такое.

— Я искренне прошу простить меня, если я была несправедлива к тебе, Эфи. Не только я, но все в Вест-Линне были уверены, что ты — с ним, и мысль об этом неотступно преследовала меня.

— Да вы тут все просто людоеды какие-то, в таком случае! — с негодованием ответила Эфи.

— Все так считали, кроме мистера Карлайла, — продолжала Джойс. — Он мне говорил два или три раза, что не верит в это.

— У мистера Карлайла больше здравого смысла, чем у всего Вест-Линна, — удовлетворенно заметила Эфи. — Жить с Ричардом Хэйром! Да я бы лучше жила с бритым наголо краснокожим индейцем, у которого по всему телу татуировка вместо одежды, а также шестнадцать жен.

— Но куда же ты, в таком случае, отправилась? Почему ты вообще уехала?

— Это не имеет значения. Вы же не полагаете, что я стала бы жить в этом коттедже, с его призраками, ночными кошмарами и всей этой чертовщиной, населяющей те места, где произошли убийства?

— Что же ты делала все это время? Где ты была?

— Я же сказала, что это не имеет значения, — повторила Эфи. — Мне кажется, Вест-Линн был не настолько добр ко мне, дабы я лезла из кожи вон, чтобы удовлетворить любопытство его обитателей. Сначала я поскиталась, конечно, но потом обосновалась прочно, не хуже тебя.

— Ты замужем? — спросила Джойс, отметив про себя слово «обосновалась».

— Ни за какие коврижки, — ответила Эфи. — Я слишком дорожу своей свободой. Нет, возможно, меня удалось бы убедить выйти замуж, если бы появилась какая-то из ряда вон выходящая партия; однако для того, чтобы я дала согласие, это должна быть действительно необыкновенная партия. Я, так же, как и ты, служу горничной у одной дамы.

— Вот как! — с облегчением сказала Джойс. — Ты довольна? Это хорошее место?

— Сносное. Платят недурно, хотя работы очень много, а моя леди — настоящая мегера. Мне было очень хорошо с прежней хозяйкой: я была чем-то вроде компаньонки и служила там, пока она не умерла. Представь себе: она заставляла меня молиться вместе с ней и читать Библию днем и ночью.

— Мне приятно это слышать! — воскликнула Джойс. — Должно быть, это пошло тебе на пользу.

— Несомненно, — согласилась Эфи, и Джойс не сумела распознать иронический тон. — Обычно сначала она читала одну главу, потом — я, а после этого мы молились. Не правда ли, это очень благотворно действует на человека?

— Просто замечательно, Эфи, Я уверена, что тебе это пошло на пользу.

— Да уж, без сомнения. Она оставила мне тридцать фунтов, когда умерла, что значительно превышало мое жалованье. Лично мне более всего нравились псалмы, поскольку они короче и действуют умиротворяющим образом.

— Да, они так успокаивают! — эхом отозвалась Джойс. — Эфи, я снова буду любить тебя и гордиться тобой, как в то время, когда ты появилась в нашей семье.

Эфи звонко рассмеялась.

— Ты, как, впрочем, и все остальные мои земляки, всегда думала обо мне слишком плохо. И все равно я никак не пойму, с чего ты взяла, будто я сбежала с этим Диком Хэйром, — добавила она, не в силах забыть обиду.

— Ну, сама посуди, — ответила Джойс. — Вы оба исчезли.

— Но не вместе!

— Почти. С разницей в несколько дней. К тому же, у тебя не было ни денег, ни друзей.

— Откуда тебе знать, что у меня было, а чего не было? Но я бы лучше умерла с голоду на могиле отца, чем воспользовалась средствами Хэйра, — продолжала Эфи, снова распаляясь. — Как вы могли сомневаться в этом!

— Если бы ты написала мне хоть одну строчку, Эфи! Тогда это дело представилось бы в совершенно ином свете. Твое молчание способствовало тому, что я составила неверное суждение о тебе.

— Да уж, неверное суждение! Ведь мне же никогда не нравился Дик Хэйр. Он же был просто полуразмазня.

— Ты поощряла его визиты к нам.

— Ну... это я не отрицаю. Он говорил со мной о браке, а для того, чтобы стать настоящей дамой, можно смириться и с полным размазней. Если бы я знала, кем он окажется на самом деле, я бы сразу же послала его ко всем чертям. Где он, кстати? Его еще не вздернули, иначе я бы услышала об этом.

— Его не видели здесь с того самого дня, Эфи.

— И ничего не слышно о нем?

— Ничего. Большинство людей считает, что он в Австралии или же какой-то другой стране.

— Самое подходящее место для него: чем дальше от дома — тем лучше. Надеюсь, он получит по заслугам. Лично я сходила бы посмотреть на его повешение.

— Ты так же настроена против него, как судья Хэйр. Будь его воля, он бы отдал на растерзание собственного сына.

— Упрямый старый верблюд! — нелестно отозвалась Эфи об общественных и личных качествах достопочтенного г-на судьи. — Я не защищаю Дика Хэйра — для этого я его слишком ненавижу, но, возможно, если бы отец обращался с ним иначе, он бы вырос другим человеком. Впрочем, давай поговорим о чем-нибудь другом: от этой темы у меня всегда мурашки по телу. Кто тут всем заправляет?

— Мисс Карлайл.

— Ну, конечно. Я могла бы и сама догадаться. Все такая же свирепая?

— Она мало изменилась.

— И не изменится до могилы. Послушай, Джойс, я не хочу встречаться с ней: она может наброситься на меня, как она частенько это делала в прошлом. Мы с Корни Карлайл всегда недолюбливали друг друга.

— Тебе нечего опасаться встречи с ней. Она уехала на неделю в Линборо, погостить.

— Вот это хорошая новость на черный день! Тогда кто же здесь распоряжается?

— Я, — ответила Джойс. — Хозяин очень редко вмешивается.

— Он не собирается жениться? — продолжала Эфи.

— Откуда мне знать? Сейчас, похоже, нет. Несколько месяцев, а может быть, недель, назад возник слух, будто он женится на мисс Луизе Доубид, но вскоре об этом перестали говорить.

— Луиза Доубид! Одна из дочек этого старого уродливого баронета?

— Да. Однако сэр Джон Доубид вовсе не уродлив.

— Не уродлив! Да у него же нос длинный, как дымовая труба на литейном заводе. Ну, как бы то ни было, м-р Карлайл, должно быть, сыт семейной жизнью по самое горло.

— Леди Изабель умерла, — поспешно проговорила Джойс.

— Так же, как и королева Анна. К чему рассказывать мне то, что всем известно?

— Я напомнила тебе о ее смерти, чтобы ты не говорила о ней дурно, — сказала Джойс. — Какие бы провинности ни числились за леди Изабель, они умерли вместе с ней.

— Умерли или нет, память о них жива, — воскликнула Эфи, — и ты с таким же успехом можешь запретить солнцу светить, как людям — высказывать свое мнение. Хорошо, что Ист-Линн избавился от такой дряни!

Джойс подняла руку.

— Эфи, замолчи. Ты не имеешь права судить о леди Изабель, не зная фактов.

— Да я все факты знаю наизусть, — невозмутимо ответила Эфи. — Можешь не сомневаться: мы без устали судачили о них у леди Маунт-Северн.

Джойс удивленно взглянула на нее.

— Какое ты имеешь отношение к леди Маунт-Северн?

— Ну, здравствуйте. Я служу у нее.

— У леди Маунт-Северн?

— Почему бы и нет? Вот уже два года. Впрочем, надолго я там не останусь; она слишком ядовитая особа, на мой взгляд. Это случилось вскоре после того, как я устроилась на это место; у нее гостила кузина, некая мисс Ливайсон, и они только об этом и говорили.

— Но не в твоём же присутствии?

— Я все слышала, — сказала Эфи, многозначительно кивнув. — Слышала все до последнего слова.

— Ты, должно быть, подслушивала возле двери.

— Возможно, — невозмутимо ответила Эфи. — Мне хотелось знать подробности, а когда я решусь узнать что-либо, я не остановлюсь на полпути из-за каких-то пустяков. Расскажи мне о ней, Джойс.

Джойс покачала головой.

— Что тут рассказывать. Она была одной из самых прекрасных леди и одной из самых добрых хозяек...

— О, я понимаю, — с невыразимым презрением перебила ее Эфи. — Она для тебя была сущим ангелом.

— Да, почти. Пока этот гад ползучий не повстречался на ее пути.

— Следи за своими манерами! — рассмеялась Эфи. — Ругаться — невежливо.

— Я буду проклинать его всю жизнь, — сердито ответила Джойс. — Если это приблизит час расплаты, которой ему — попомни мои слова — не избежать.

— Леди Маунт-Северн во всем винит ее.

— А лорд Маунт-Северн придерживается другой точки зрения, — в сердцах ответила Джойс.

— Да, об этом я могла бы кое-что рассказать. Он считает, что в этом отчасти виновата леди Маунт-Северн. Ведь сэр Фрэнсис — ее кузен. Она была хороша собой?

— Чудо как хороша.

— Красивее меня? — воскликнула тщеславная Эфи, оглядывая себя в зеркале.

— Ах, Эфи: какие ты глупости говоришь!

— Большое спасибо. Конечно, я не могу сравниться с ней, потому что она была леди Изабель, а я — просто Эфи Хэллиджон. Всякий считает, что может осуждать меня за глаза, но иногда даже ангелочки-леди грешат: они, видишь ли, не все абсолютно безупречны. Какой-то странный поступок для ангела: оставить своих детей.

— Эфи, ты разве не понимаешь, что мне этот раз говор чрезвычайно неприятен? — гневно воскликнула Джойс.

— Пожалуй, это и в самом деле неприятная тема, — спокойно ответила Эфи. — Она не должна была поступать таким образом, чтобы после об этом не судачили. Она вскоре надоела ему, несмотря на свою красоту: ему, как говорят, и другие тоже надоедали. Теперь он женат.

— Да, — с возмущением заговорила Джойс, — непонятно только, как молодая леди, наделенная хоть малой толикой утонченности и добродетели, может выйти замуж за человека с такой скандальной репутацией.

— Леди не слишком строги к подобного рода вещам, — рассмеялась Эфи, которую забавляло искреннее порицание, написанное на лице Джойс. — Конечно, если мужчина хорош собой, как он.

— Ты видела его у леди Маунт-Северн?

— Нет. Я видела его, но не там. С того самого случая с Карлайлами он не смеет и носа показать у них: милорд сразу же выкинет его за дверь. Какой, должно быть, ужас — это железнодорожная катастрофа!

Джойс зябко повела плечами.

— Да, это была ужасная смерть.

— И, я скажу, вполне заслуженная, — продолжала Эфи, заметив, вероятно, что подобная манера вести разговор раздражает Джойс.

И тут Джойс не выдержала.

— Послушай, Эфи: я любила свою хозяйку, и я по-прежнему люблю ее, несмотря на то, что случилось. Если ты собираешься говорить о ней дурно, тебе придется сделать это в каком-нибудь другом месте, но не в доме м-ра Карлайла, где ее так почитали.

— Будь по-твоему, — равнодушно ответила Эфи. — Она уже отправилась к праотцам, так что не имеет смысла спорить об этом. Мистер Карлайл дома?

— Он придет к обеду. Думаю, ты не отказалась бы выпить чаю вместе со мной и Уилсон в детской.

— Я как раз подумала, что ты могла бы чем-нибудь попотчевать меня, — воскликнула Эфи. — Я собираюсь пробыть в этих краях до завтра: миледи отпустила меня на два дня, поскольку собиралась ехать к своей старой бабушке, ужасной особе, к которой она не может взять горничную; вот я и подумала, что поеду взглянуть еще разок на эти места. Ну что ты смотришь на меня так озадаченно, будто ты боялась, что я попрошу о великом одолжении: позволить мне переночевать здесь. Я остановлюсь в «Маунт-Северн Армз».

— Я вовсе не об этом думала, Эфи. Снимай свою шляпку.

— В детской полно детворы?

— Там всего один ребенок. Мисс Люси и мастер¹⁷ Уильям сейчас с гувернанткой.

Уилсон встретила Эфи высокомерно-снисходительно, памятуя об истории с Ричардом Хэйром. Однако Джойс объяснила ей, что она заблуждается, что ее сестра в глаза не видела Ричарда и была так же решительно настроена против него, как и все остальные. При этом известии Уилсон сразу сделалась сердечной и разговорчивой, придя в восторг от перспективы вдоволь поболтать в этот вечер. Рассказ Эфи о себе и о том, что произошло с ней за время ее отсутствия, не назовешь абсолютно полным, но это было намного лучше того, что ожидала услышать Джойс, и она была просто на седьмом небе. Когда м-р Карлайл вернулся домой, она разыскала его и рассказала ему обо всем: о возвращении Эфи, о ее службе у леди Маунт-Северн и, главное, о том, что она в глаза не видела Ричарда Хэйра.

— Вот! Вы помните, что я говорил, Джойс? — заметил он. — Я не верил, что Эфи сбежала с Ричардом.

— То же самое я сказала Эфи, сэ, и она ответила, что у Вас больше здравого смысла, чем у всех обитателей Вест-Линна, вместе взятых.

М-р Карлайл рассмеялся.

— Она была просто вне себя, когда я рассказала ей, что думают о ней люди, — продолжала Джойс. — Она едва не потеряла голову, как это бывало с ней раньше.

— Она образумилась, Джойс?

— Я думаю, да, сэ, — насколько это вообще возможно для нее. Прежде, чем поступить к леди Маунт-Северн, она служила у пожилой леди, которой читала Библию и вместе с которой денно и нощно молилась.

— Эфи молилась! — улыбка тронула губы м-ра Карлайла. — Надеюсь, это были искренние молитвы.

— Я подумала, сэ, что, поскольку она, кажется, взялась за ум, и, к тому же, служит у леди Маунт-Северн, Вы, возможно, позволите ей сегодня переночевать здесь. Это было бы лучше для нее, чем отправиться в гостиницу, что она собирается сделать.

— Ну, разумеется, — ответил м-р Карлайл. — Пусть остается.

Когда Джойс вернулась в детскую, Эфи и Уилсон уже болтали без умолку, буквально наперегонки, словно стараясь выяснить, чей же язычок способен быстрее поворачиваться во рту. К несчастью для Эфи, ее последняя фраза достигла ушей Джойс:

— Это так же верно, как то, что ты сейчас сидишь здесь, Уилсон. Она буквально замучила меня своей религией. Я всегда выбирала самые короткие псалмы, а когда она спрашивала, почему, я

¹⁷ Мастер — обращение к мальчику или юноше, старшему сыну в семье

отвечала, будто делаю это для того, чтобы запомнить их. Есть один псалм, состоящий всего из двух стихов. Так я выбирала его настолько часто, насколько мне хватало смелости. А затем еще надо было бухнуться на колени и воздеть руки к небу! Как мне хотелось, чтобы моя хозяйка отправилась ко всем чертям вместе со своими молитвами!

Джойс застонала от злости, и ей вспомнились слова, только что сказанные мистером Карлайлом относительно искренности молитв ее сестры.

Вечером, после того, как м-р Карлайл пообедал, он вызвал к себе Эфи.

— Итак, Эфи! Ты жива и вернулась в Вест-Линн. Присаживайся.

— По мне, сэр, так пусть бы он вообще провалился в тартарары, этот Вест-Линн, — бойко ответила Эфи. — Кучка злобных сплетников, если они могли сказать, что я сбежала с Ричардом Хэйром.

— Тебе вообще не нужно было исчезать, Эфи.

— Ну, это мое дело, сэр, и я предпочла уехать. Я не могла оставаться в коттедже после того, что произошло.

— В этом деле есть какая-то тайна, Эфи, — заметил м-р Карлайл, — загадка, до сути которой я не могу добраться. Возможно, ты могла бы мне помочь.

— Какая тайна, сэр? — спросила Эфи.

М-р Карлайл наклонился вперед, положив руки на стол, за которым, на другом его конце, сидела Эфи.

— Кто совершил это убийство? — серьезно и даже несколько повелительно спросил он.

Эфи изумленно смотрела на него несколько мгновений, прежде чем ответить. Она была явно удивлена этим вопросом.

— Кто совершил убийство, сэр? — наконец выговорила она. — Ричард Хэйр. Это всем известно.

— Ты видела, как это случилось?

— Нет, — ответила Эфи. — Если бы я видела это, я умерла бы от ужаса. Ричард поссорился с моим отцом и в ярости застрелил его из ружья.

— Ты, так же, как и все остальные, полагаешь, что все произошло именно так. Я же не думаю, что твоего отца убил Ричард Хэйр.

— Это был не Ричард Хэйр? — после короткой паузы воскликнула Эфи. — Кто же это сделал, сэр? Я?

— Не говори ерунды, Эфи.

— Я знаю, что он сделал это, — продолжала Эфи. — Действительно, я не видела, как это случилось, но тем не менее, я знаю это. Я просто знаю это, сэр.

— Ты не можешь знать этого, Эфи.

— Но я знаю, сэр. Я бы не настаивала на этом, если бы не знала. Если бы Ричард Хэйр был здесь и клялся до посинения, что это был не он, я бы все равно смогла заставить его признаться во всем.

— Каким образом?

— Об этом я предпочла бы не рассказывать, сэр. Но Вы можете верить мне, ибо я говорю чистую правду.

— В тот вечер, Эфи, там был еще один из твоих знакомых. Лейтенант Торн.

Эфи залилась густым румянцем, который свидетельствовал о явном смущении. М-р Карлайл говорил повелительно, и она поняла, что с ним шутки плохи.

— Да, сэр. Молодой человек, который приезжал верхом, чтобы повидаться со мной. Он тут совершенно ни при чем.

— Откуда он приезжал?

— Он остановился с друзьями в Свейнсоне. Это было полное ничтожество, сэр.

— Его имя? — спросил м-р Карлайл.

— Торн, — ответила Эфи.

— Я имею в виду настоящее, а не вымышленное имя.

— О нет! — ответила Эфи. — Это было его настоящее имя.

М-р Карлайл сделал паузу и посмотрел на нее.

— Эфи, у меня есть основания предполагать, что Торн — вымышленное имя. Так вот: мне хотелось бы знать его настоящее имя, и ты весьма обяжешь меня, если сообщишь его. Итак?

— Я не знаю никакого другого имени, сэра, и я уверена, что его звали именно так, — продолжала упорствовать Эфи. — Тогда он был лейтенантом Торном, а позднее — капитаном Торном.

— Вы встречались с ним после этого?

— Изредка.

— Где он теперь?

— Теперь! О Господи, я теперь ничего не знаю о нем, — сказала Эфи. — Я уже давно не видела его и ничего не слышала о нем. Кажется, что-то такое говорили о том, будто он со своим полком отправился в Индию.

— В каком полку он служит?

— Вот этого я не знаю, — сказала Эфи. — Разве не все полки одинаковы, сэра? Ведь они же все являются частью единой армии, не так ли, сэра?

— Эфи, я должен найти этого капитана Торна. Тебе известно что-либо о его семье?

Эфи покачала головой.

— Думаю, у него не было семьи. Он никогда не упоминал ни братьев, ни сестер.

— И ты по-прежнему настаиваешь, что его имя — Торн?

— Я настаиваю потому, что его звали именно так, и я в этом уверена.

— Эфи, сказать тебе, почему я хочу найти его? Я полагаю, что это он, а вовсе не Ричард Хэйр убил твоего отца.

Глаза Эфи раскрылись так же широко, как и ее ротик. Ее бросало то в жар, то в холод, и она, не выдержав, закричала:

— Это ложь! Простите меня, сэра, но, кто бы ни сказал Вам об этом, он солгал. Торн имеет к этому не большее отношение, чем я сама. Я готова поклясться в этом!

— Говорю тебе, Эфи: я считаю, что это сделал именно Торн. Тебя же там не было, и ты не можешь твердо знать, кто на самом деле совершил убийство.

— Нет, я могу и знаю, — сказала Эфи, истерически разрыдавшись. — Торн был со мной, когда это случилось, так что он не может быть убийцей. Это был Ричард Хэйр, негодяй! Сэр, разве я не говорила, что готова поклясться?

— Торн был с тобой?! В момент убийства? — переспросил м-р Карлайл.

— Да, именно так! — взвизгнула Эфи, почти вне себя от гнева. — Кто бы ни пытался свалить все на него, оправдав Ричарда Хэйра, этот человек — подлый, вероломный негодяй. Это был Ричард Хэйр и никто другой. Надеюсь, его еще повесят за это.

— Ты говоришь мне правду, Эфи? — серьезно спросил ее м-р Карлайл.

— Правду ли я говорю! — эхом отозвалась Эфи, всплеснув руками. — Могу ли я лгать, когда дело касается смерти моего отца? Если бы это сделал Торн, разве я стала бы защищать его или сваливать все на Ричарда Хэйра? Нет и нет!

М-р Карлайл почувствовал себя сбитым с толку. Не было никаких сомнений в том, что Эфи говорила искренне. Он заговорил снова, когда Эфи уже поднялась, чтобы уйти.

— В этот вечер в лесу был Локсли как, впрочем, и Отуэй Бетел. Может быть, преступник — кто-нибудь из них?

— Нет, сэра, — твердо ответила Эфи. — Преступление совершил Ричард Хэйр, и я повторю это даже на смертном одре, потому что знаю точно, хотя предпочту не говорить, откуда. Я еще успею сделать это, когда его поймают.

С этими словами она вышла из комнаты, оставив в ней озадаченного м-ра Карлайла. Должен ли он поверить Эфи или же по-прежнему исходить из того, что когда-то поведал Ричард Хэйр?

Глава 16

НОЧНОЕ ВТОРЖЕНИЕ В ИСТ-ЛИНН

Однажды холодным январским вечером м-р Карлайл и его сестра сидели в одной из уютных гостиных Ист-Линна. Контраст между обстановкой в помещении и тем, что творилось снаружи, был просто разительным. Яркий огонь, красивый ковер, на котором играли его отблески, чрезвычайное удобство мебели и комнаты в целом: все это, освещенное ярким светом люстры, было воплощением домашнего уюта, хотя, возможно, и не заслуживало названия «роскошь». В это время снаружи густо валили снежные хлопья размером с монету в одну крону и почти столь же тяжелые; снег шел так плотно, что уже в одном ярде ничего не было видно. М-р Карлайл приехал домой на повозке, запряженной пони, и его так засыпало снегом за время этой короткой поездки, что Люси, увидевшая, как он входит в холл, закричала, весело рассмеявшись, что ее папа превратился в снеговика. Теперь был уже поздний вечер, дети улеглись спать, гувернантка была у себя — мисс Карлайл нечасто приглашала ее по вечерам — и в доме было очень тихо. М-р Карлайл углубился в чтение ежемесячного журнала, в то время как мисс Карлайл, сидя по другую сторону камина, ворчала, жаловалась, сопела и кашляла. Мисс Карлайл была одной из тех чрезвычайно волевых дам, которые никогда не снизойдут до того, чтобы заболеть. Конечно, если бы у нее случилась скарлатина или паралич, ей пришлось бы капитулировать, однако мелкие хвори, такие, как головная боль, грипп, болезненное горло, присущие обычным людям, обходили ее стороной. Нетрудно представить охватившее мисс Карлайл раздражение, когда у нее заложило нос, что-то заболело в груди, а голос почти исчез; короче говоря, она в первый раз простудилась, подобно простым смертным!

— А все этот эль! — простонала она.

— Эль? — эхом отозвался м-р Карлайл, отрываясь от журнала.

— Да, эль, — резко ответила она. — Боже мой, Арчибальд; не надо смотреть на меня так, будто я сказала, что всему виной была луна.

— Но как ты могла простудиться от эля? Разве что выпив изрядное количество после того, как пропотела?

Мисс Карлайл воздела руки с сочувственным презрением к его невежеству.

— Ты до конца своих дней останешься ребенком, лишенным здравого смысла, Арчибальд. Когда это я выпивала изрядное количество эля? Скажи на милость, разве в двух последних бочонках постоянно не подтекали краны?

— И что же? — сказал он.

— Итак, я-то знала, что дело прежде всего в том, что они плохо пригнаны, так как слуги ничего не могут сделать, как следует. Именно поэтому, когда Питер подошел ко мне сегодня после завтрака и сказал, что лучше начать новый бочонок, поскольку прежний вчера закончился, я сказала ему: «Очень хорошо, я займусь этим сама». Вот я и спустилась из этих теплых комнат в подвал, в котором холодно, как в леднике, где и пробыла не менее двадцати минут.

— Неужели так долго нужно возиться, чтобы вставить кран?

— Нет, это делается гораздо быстрее, когда все в порядке, но если приходится беспокоиться из-за кранов, отвергая один за другим... — раздраженно ответила мисс Карлайл. — К тому же, там был такой беспорядок! Я вызвала кухарку прямо туда и устроила ей хорошую взбучку. Если окорока переворачивали три дня, как она говорит, я готова съесть их сырыми! Вот так я и простудилась, должно быть.

М-р Карлайл воздержался от замечаний: если бы он сказал, что в ее вмешательстве не было ни малейшей нужды, что Питер прекрасно справляется со своими обязанностями, она бы набросилась на него с упреками. Он снова погрузился в чтение журнала, в то время как мисс Карлайл продолжала ерзать и ворчать; она то придвигала кресло к камину, то отодвигала его, яростно встряхивала руками и ногами: короче говоря, повторяла все ужимки дамы средних лет, которой овладело внезапное беспокойство.

— Который час? — воскликнула она спустя некоторое время.

М-р Карлайл взглянул на часы.

— Ровно девять, Корнелия.

— Тогда мне, пожалуй, пора ложиться. Выпью чашку отвара из арроурута¹⁸ или овсянки или какое иное пойло подобного рода, когда лягу в постель. Подумать только: никогда в жизни я не нуждалась в этой дряни.

— Так и сделай, — сказал м-р Карлайл. — Возможно, тебе станет легче.

— Я знаю одно верное средство против простуды: сложить крест-накрест нижнюю фланелевую юбку или же любой большой кусок фланели, который попадет под руку, и повязать поверх ночного чепца. Испробую его.

— Именно так и я поступил бы на твоём месте, — сказал м-р Карлайл, подавляя готовый вырваться непочтительный смешок.

Она посидела еще минут пять, после чего удалилась, пожелав ему спокойной ночи. Он возобновил чтение. Ему оставалось дочитать всего одну-две страницы до конца статьи; сделав это, он бросил журнал на стол, поднялся и потянулся, словно устав сидеть. Он разворошил поленья в камине, отчего огонь вспыхнул веселее, и задержался на коврике возле камина.

— Интересно, идет ли еще снег? — воскликнул он, обращаясь к самому себе.

Подойдя к окну, выходящему в парк, он отдернул тяжелую штору темно-красного цвета. Снаружи было темно и мрачно; впрочем, о погоде судить было трудно, и м-р Карлайл открыл окно и наполовину свесился из него.

Снегопад еще более усилился. Но вовсе не это заставило м-ра Карлайла вздрогнуть от удивления, а, возможно, и более неприятного чувства: он почувствовал, как чья-то рука коснулась его собственной и прямо перед ним, почти касаясь его, из тьмы возникло человеческое лицо.

— Ради всего святого, впустите меня, мистер Карлайл! Я вижу, что Вы одни. Я смертельно устал прятаться, к тому же за мной гонятся.

Голос показался знакомым, м-р Карлайл машинально отодвинулся от окна, чтобы впустить ночного пришельца. Он был похож на снеговика, так же, как м-р Карлайл чуть ранее в тот же самый вечер. Да и как могло быть иначе, если человек этот несколько часов простоял под снегопадом: его шляпа, его одежда, брови, большущие бакенбарды — все было белым.

— Заприте дверь, сэр, — таковы были первые слова Ричарда Хэйра, ибо, как уже догадался сообразительный читатель, это был именно он.

М-р Карлайл затворил окно, задернул шторы и быстро повернулся, чтобы запереть обе двери, так как, помимо входной, была еще одна, которая вела в смежную комнату. Тем временем Ричард стянул с себя свой мокрый рабочий халат, который уже упоминался в нашем повествовании, шляпу и накладные черные бакенбарды, с которых он рукой стряхнул снег.

— Ричард, — сказал м-р Карлайл. — Я просто поражен! Не уверен, что ты поступил правильно, явившись сюда.

— Я в одночасье собрался и уехал из Лондона, — ответил Ричард, который в прямом смысле слова дрожал от холода. — Меня преследуют, мистер Карлайл; честное слово, по моим следам идет полиция, которую натравил на меня подонок Торн.

М-р Карлайл повернулся к буфету и налил стакан брэнди.

— Выпей, Ричард: это тебя согреет.

— Лучше бы горячей воды, сэр.

— Ну как же мне распорядиться касательно воды в столь поздний час? Выпей пока это. Боже мой, как ты дрожишь!

— Да уж. Несколько часов под таким снегом заставят дрожать самого стойкого человека, сэр. А в некоторых местах снег такой глубокий, что приходится буквально плестись по-черепашьи. Однако послушайте, что я Вам расскажу. Пару недель назад я разговаривал с одним знакомым извозчиком на стоянке кэбов, когда почувствовал, что начинается дождь. В это время мимо проходили какой-то джентльмен и дама, на которых я не обратил внимания.

«Клянусь Иовом! — воскликнул он. — Этак нам может влететь! Давай-ка возьмем извозчика, дорогая». При этом мой знакомый раскрыл дверцу кэба, и в него села премилая молодая

¹⁸ Крахмал из подземных побегов или корневищ растений

девушка. Я повернулся, чтобы взглянуть на ее спутника, и чудом устоял на ногах. Мистер Карлайл, это был тот человек, Торн.

— Неужели?

— Тогда, в ту лунную ночь, Вы подумали, что я обознался, однако при свете дня я не мог обознаться. Мы посмотрели прямо в лицо друг другу. Он смертельно побледнел, как, наверное, и Ваш покорный слуга.

— Он был хорошо одет?

— Чрезвычайно! У него, без сомнения, высокое положение: он явно возвращается в высшем свете. Кэб тронулся, и я пристроился сзади. Извозчик, думая, будто это мальчишки, уже повернулся и занес кнут, но я подал ему знак, и он снова отвернулся. Мы проехали не далее чем до конца улицы. Я соскочил на тротуар раньше Торна и снова взглянул на него, причем он опять побледнел. Я запомнил дом, полагая, что он там живет, и, и...

— Почему же ты не обратился в полицию, чтобы его взяли под стражу?

Ричард покачал головой.

— А доказательства его вины? У меня их нет, во всяком случае, достаточно убедительных. Нет, я должен ждать. Теперь же он постарается погубить мою жизнь, чтобы обезопасить себя: возможно, он даже даст показания, что видел, как я совершил это убийство. Как бы то ни было, я хотел узнать его настоящее имя, и тем же вечером я отправился к этому дому и заговорил с одним из слуг, стоявшим возле двери. «Здесь живет капитан Торн?» — спросил я его.

— Здесь живет мистер Уэстбли, — ответил он. — Я не знаю никакого капитана Торна.

«Значит, вот как его зовут!» — подумал я. — Это такой молодой человек, весьма щеголеватый, с хорошенькой женой?

— Не знаю, что ты называешь словом «молодой», — рассмеялся он, — но моему хозяину уже стукнуло шестьдесят, и жена его ничуть не моложе, чем он сам.

Это, признаться, меня озадачило.

— Может быть, у него есть сыновья? — спросил я.

— Ни единого, — ответил слуга. — Никого, кроме них самих.

И тогда я рассказал ему, что в этот день к ним приезжал некий джентльмен с дамой, и мне бы хотелось узнать его имя. Увы, мистер Карлайл: я не смог узнать ничего определенного. Слуга сказал, что в тот день приезжало множество людей с визитами, так как его хозяин оправился от продолжительной болезни.

— Это все, Ричард?

— Все! Хотел бы я, чтобы на этом все закончилось. Я продолжал искать его в самой аристократической части города. Я чуть не сошел с ума...

— Тебе не показалось удивительным, что ты никогда ранее не сталкивался с ним, при том, что он живет в Лондоне и занимает такое высокое положение?

— Нет, сэр, и я скажу Вам, почему. Я боялся показываться на лучших улицах города, опасаясь встретить кого-нибудь из знакомых, которые могли узнать меня; поэтому я обычно бывал в конюшнях и прочих подобных, довольно уединенных местах. В тот день я просто отправился в Вест-Энд по делу.

— Ну что же, продолжай.

— Через неделю я снова встретился с ним. Дело было вечером. Он выходил из театра, когда я подошел и встал перед ним. «Чего ты хочешь, парень? — спросил он. — Ты уже не первый раз вот так разглядываешь меня». «Я хочу узнать твое имя, — сказал я ему. — Пока мне этого достаточно». Тут он рассвирепел и пригрозил, что, если еще раз увидит меня поблизости, то отдаст под стражу. «И запомни: людей не берут под стражу лишь за то, что они за кем-то наблюдают, — многозначительно добавил он. — Я знаю, кто ты, и держись от меня подальше, если не хочешь неприятностей». Сказав это, он сел в личный экипаж и уехал. Я успел заметить, что на экипаже был какой-то большущий герб.

— Когда это случилось?

— Неделю назад. Ну, я, конечно, не утихомирился. Говорю же Вам, что я был словно безумный и по-прежнему пытался разузнать его имя и положение. Я встретился с ним еще раз, когда он быстро шел под руку с каким-то джентльменом. Когда я снова увидел его, с тем же джентльменом, по его лицу было видно, что он просто взбешен. Он, казалось, немного

поколебался, а затем — словно подчиняясь внезапному порыву — вдруг подозвал полисмена, указал на меня и что-то быстро сказал ему. Меня это, признаться, испугало, и я предпочел ускользнуть. Через два часа, будучи уже в другой части города, я оглянулся и увидел, что за мной идет тот же самый полисмен. Я бросился бежать, пересек улицу, чуть не угодив под проезжающий экипаж, по каким-то переулкам и проходным дворам выскочил на другую улицу, вспрыгнул прямо на козлы рядом с извозчиком, проезжавшим мимо с пассажиром, и был таков. Я добрался до своей комнаты никем не замеченным, как мне показалось, однако случайно выглянув на улицу, я снова увидел того же полисмена прямо напротив дома. Я был голоден, когда вернулся домой, однако при виде его весь мой голод мгновенно улетучился. Я открыл коробку, в которой храню свой грим, надел его и вышел через черный ход. С тех пор я почти непрерывно шел пешком, лишь изредка садясь в попутные экипажи.

— Но знаешь ли ты, Ричард, что сейчас Вест-Линн — самое неудачное место, в котором ты мог бы появиться. Здесь стало известно о твоих прежних визитах в гриме сельскохозяйственного рабочего.

— Кто же, черт возьми, выдал меня? — вырвалось у Ричарда.

— Этого я не могу сказать. Ума не приложу, кто мог бы это сделать. Однако такой слух распространился, и об этом стало известно твоему отцу. Теперь опасность того, что люди узнают тебя в этом обличье, гораздо больше, нежели раньше.

— А что мне оставалось делать? Я вынужден был сначала прийти сюда, чтобы добыть немного денег. Обоснуюсь в каком-нибудь другом городе, подальше от Лондона, может быть, в Ливерпуле или Манчестере, и попытаюсь найти работу. Но мне требуются деньги на первое время, пока я не устроюсь. Сейчас у меня нет ни пенни, — добавил он, вывернув карманы брюк. — Последние три пенса я истратил днем, купив хлеба с сыром и полпинты пива. Я простоял здесь, за окном, более часа, сэр.

— Неужели?

— Подходя к Вест-Линну, я начал составлять план действий. В такую ночь бесполезно пытаться привлечь внимание Барбары, за жилье мне платить нечем, вот я и завернул сюда, в надежде, если повезет, встретить Вас. Шторы были задернуты неплотно, и сквозь небольшой просвет я увидел Вас и мисс Карлайл. Я видел, как она вышла, как Вы подошли к окну, вот тогда я и заговорил. Мистер Карлайл, — добавил он после паузы, — неужели я теперь так и буду жить до конца дней своих?

— Я всем сердцем сочувствую тебе, Ричард, — искренне ответил м-р Карлайл. — Я хотел бы помочь твоему горю.

Не успел он продолжить, как кто-то попытался открыть дверь комнаты, а потом тихонько постучал. М-р Карлайл положил руку на плечо насмерть перепуганного Ричарда.

— Успокойся, Ричард. Сюда некому прийти, кроме Питера.

Однако в ответ на вопрос м-ра Карлайла, кто потревожил его, раздался голос Джойс, а не Питера.

— Мисс Карлайл забыла свой носовой платок, сэр, и послала меня за ним.

— Я не могу впустить Вас: я занят, — твердо и решительно ответил м-р Карлайл.

— Кто это был? — дрожащими губами спросил Ричард, когда звук шагов Джойс стал удаляться.

— Это была Джойс.

— Она по-прежнему служит у Вас? Кстати, нет ли каких-либо известий от Эфи?

— Эфи приезжала сюда, собственной персоной, два или три месяца назад.

— Вот как? — сказал Ричард, отвлекшись на минуту от мыслей об опасности, грозившей ему. — Чем она занимается?

— Она служит горничной. Ричард, я спрашивал Эфи о Торне. Она торжественно поклялась, что убийство совершил не Торн, и что он вообще не мог этого сделать, поскольку был с ней в то время, когда произошло убийство.

— Это неправда, — сказал Ричард. — Его убил Торн.

— Ричард, ну как ты можешь это утверждать, если не видел, как это случилось?

— Я знаю, что ни один человек не бежал бы сломя голову, с такими явными признаками страха и вины, если бы не был замешан в чем-то дурном, — решительно ответил Ричард. — Кто же это сделал, как не он!

— Эфи заявляет, что он был с ней, — повторил м-р Карлайл.

— Послушайте, сэр: Вы же умный человек, а я, как люди говорят, неумен, однако я вижу факты и делаю из них свои выводы ничуть не хуже, чем они. Если Торн не убивал Хэллиджона, с чего бы он стал преследовать меня? Что ему за дело было бы до Вашего покорного слуги? И с какой бы это стати ему бледнеть всякий раз, как наши глаза встретятся? Совершал он убийство или же нет, он должен твердо знать, что я — не убийца, поскольку чуть не налетел на меня, когда выскочил из коттеджа.

Рассуждал Ричард, надобно признать, вполне разумно.

— Кроме того, — продолжал он. — На дознании Эфи поклялась, что была одна в то время, когда это случилось. Она, по ее словам, в одиночестве прогуливалась по лесу за коттеджем и узнала обо всем уже после того, как это случилось. Как же она могла поклясться, что была одна, если находилась в обществе Торна?

М-р Карлайл совершенно позабыл об этом во время разговора с Эфи; в противном случае он, разумеется, не преминул бы указать ей на это противоречие и поинтересоваться, как она может его объяснить. Тем не менее, она говорила с полной уверенностью и серьезностью. Итак, в этом деле обнаружилось противоречия, которые он не мог разрешить.

— Теперь, когда я превозмог свое увлечение Эфи, мне ясно видны ее недостатки, мистер Карлайл. Она так же будет настаивать на этой лжи, как...

Его прервал громовой стук в дверь, достаточный для того, чтобы разбудить весь дом. Никогда еще ни один слуга правосудия, разыскивающий беглого преступника, не производил большего шума. Ричард Хэйр, с лицом белым, как мел, округлившимися от ужаса глазами и волосами, вставшими дыбом — речь, разумеется, идет о его собственной светлой шевелюре, а не о парике, скрывавшем ее — напялил на себя свой рабочий халат весьма странным образом, так, что поля его оказались выше ушей, а рукава болтались, с трудом натянул шляпу и накладные бакенбарды, затем начал в замешательстве искать глазами какой-нибудь шкаф или хотя бы мышиную нору, в которую мог бы забиться; не найдя оных, он бросился к камину и уже поставил ногу на каминную решетку. Было совершенно очевидно, что бедняга намеревался влезть вверх по дымоходу, совершенно не приняв во внимание тот факт, что контакт с огнем не пойдет на пользу ни его брюкам, ни, тем более, тому, что находилось в них. М-р Карлайл оттащил его от камина, взяв за плечо своей твердой рукой; во время этой сцены чей-то сердитый голос изливался сквозь замочную скважину.

— Ричард, будь мужчиной, не поддавайся этой слабости и страху. Разве я не сказал тебе, что в моем доме ты находишься в безопасности?

— Возможно, это полисмен из Лондона; не исключено, что их там целая дюжина, — задыхаясь, выговорил бедный Ричард. — Они могли следить за мной все это время.

— Чепуха. Сядь и успокойся. Это всего-навсего Корнелия, и она не менее моего заинтересована в том, чтобы защитить тебя от опасности.

— Неужели? — с облегчением воскликнул Ричард. — Не могли бы Вы все-таки не впускать ее? — добавил он, причем зубы его выбивали мелкую дробь.

— Увы, если она твердо решила войти, я не в состоянии удержать ее, — невозмутимо ответил м-р Карлайл. — Ты же помнишь ее в былые годы, Ричард. Так вот: она не изменилась.

Зная что разговаривать с сестрой через дверь не имеет смысла, когда она пребывает в таком воинственно-решительном состоянии духа, м-р Карлайл открыл дверь, выскользнул в коридор и прикрыл ее за собой. За дверью его поджидала разъяренная сестра.

Однако мы немного отвлечемся и поведаем читателю, что же привело ее туда. Она прошла в спальню вместе со своей простудой, велела принести свой овсяной отвар и принялась священнодействовать, готовясь ко сну. Сняв свой дневной чепец и водрузив на его место ночной, о великолепии которого наш читатель уже наслышан, она решила прибегнуть к целительным свойствам фланели. Подыскав подходящий кусок, площадью примерно в три ярда, она попыталась обмотаться им, но процесс оказался длительным и сложным, ее навыки — несовершенными, а сама фланель — весьма несговорчивой материей. Результат был столь

впечатляющим, что заслуживал быть помещенным в Британский музей в виде живописного полотна, отражающего сие великолепие. На голове ее возвышалась высоченная пирамида конической формы, а два непослушных уголка фланели обрамляли ее лоб, удивительно напоминая собою судейский парик.

Во время описанной церемонии, но до того, как было закончено сооружение фланелевого шедевра — иначе она не услышала бы того, что сумела услышать — ей вдруг показалось, что из комнаты, которая находилась под ней и которую она только что покинула, доносятся голоса. Слух у нее, надобно сказать, был просто замечательный, как, впрочем, и остроота остальных четырех чувств. Все слуги, кроме Джойс и Питера, были убеждены, что она не иначе как «подслушивает», но это утверждение было совершенно несправедливым. Сначала она подумала, что ее брат читает вслух, но вскоре изменила свое мнение.

— Кто это пришел к нему, скажите на милость? — громко сказала она.

Соорудив, наконец, свой головной убор, она позвонила. На зов хозяйки явилась Джойс.

— С кем твой хозяин, Джойс?

— Он один, мэм.

— А я говорю, что нет. Я слышу, как он разговаривает.

— Думаю, у него никого не может быть, — не согласилась Джойс — а стены этого дома слишком хорошо сложены, мэм, для того, чтобы сюда проникали звуки из комнаты этажом ниже.

— Что ты в этом понимаешь! — воскликнула мисс Карлайл. — Когда говорят в той комнате, сюда долетает некий отзвук, который приучилось улавливать мое ухо. Иди же и посмотри, кто это. Я, по-моему, оставила на столе носовой платок; можешь захватить его.

Джойс пошла вниз, а мисс Карлайл сначала сняла платье, потом шелковую нижнюю юбку, и уже дошла до фланелевой юбки, когда вернулась Джойс.

— Действительно, мэм, кто-то разговаривает с хозяином. Я не смогла войти, так как дверь была закрыта, а м-р Карлайл сказал, что он занят.

У мисс Карлайл появилась пища для размышлений. Она, будучи уверена, что гостей в доме нет, перебрала в уме всех домочадцев и пришла к выводу, что это должна быть гувернантка мисс Мэннинг, которая осмелилась уединиться с мистером Карлайлом. Она имела несчастье быть хорошенькой, и мисс Карлайл была все время начеку, стараясь держать ее подальше от брата, ибо ясно представляла себе, какие она бы могла иметь виды на него, как, впрочем, любая неимущая гувернантка на ее месте. Ну, конечно же, это была мисс Мэннинг; она прокралась в комнату, полагая, что мисс Карлайл благополучно почивает. Ну, сейчас она выведет эту дамочку на чистую воду! И что это нашло на Арчибальда? С какой стати ему запирает дверь?

Оглядевшись в поисках чего-нибудь из одежды, чтобы набросить себе на плечи, она обнаружила нечто, весьма походившее на зеленую суконную скатерть, завернулась в нее и величественной поступью отправилась вниз. В таком виде она и предстала перед вышедшим из комнаты мистером Карлайлом.

— Кто у тебя в комнате? — отрывисто спросила она.

— Ко мне пришли по делу, — быстро ответил он. — Корнелия, тебе нельзя входить.

Она чуть не рассмеялась. Не входить, подумать только!

— В самом деле, лучше бы тебе не делать этого. Вернись к себе, Бога ради. Ты простудишься еще сильнее, если будешь стоять здесь.

— Не стыдно тебе, хотела бы я знать? — неспешно продолжала она. — Ты, женатый человек, отец! Я бы скорее поверила в свой порок, чем в твой, Арчибальд.

Мистер Карлайл непонимающе посмотрел на нее.

— Так и знай: она должна выйти. А завтра утром я выставлю ее из этого дома. Ишь ты, какие хитрецы: уединяются за закрытой дверью, как только вообразят, что избавились от меня! Отойди, Арчибальд. Я все равно войду.

Мистеру Карлайлу, как никогда в жизни, хотелось расхохотаться. Что же касается мисс Карлайл, то она в сей момент увидела, как гувернантка вышла из серой гостиной, взглянула на часы в холле и удалилась.

— Так она — там? Я полагала, что она с тобой.

— Мисс Мэннинг заперлась со мной! Что ты вообразила, Корнелия? Я думаю, простуда лишила тебя рассудка.

— Ну, я все равно войду. Говорю тебе, Арчибальд: я увижу, кто там, внутри.

— Если ты так настаиваешь, входи. Однако должен предупредить, что в этой комнате тебя ждет нечто скорее трагическое, чем комическое. Там не женщина, а мужчина, мужчина который влез в окно, как затравленный зверь; мужчина, который объявлен вне закона и опасается, что по его следу идет полиция. Ты не догадываешься, кто это?

Теперь пришла очередь мисс Карлайл изумленно смотреть на него. Ее пересохшие губы раскрылись, словно она хотела что-то сказать, и снова сомкнулись.

— Это Ричард Хэйр, твой родственник. Ему больше некуда было прийти этой непогожей ночью.

Она ничего не ответила. Последовала продолжительная пауза, после которой она двинулась к двери.

— Ты же не покажешься в... в таком виде?

— Не покажусь в таком виде перед Ричардом Хэйром? Перед тем, кого по десять раз на дню лупила, когда он был ребенком? Церемониться с ним?! Он, смею сказать, должен выглядеть не лучше меня. Но это чистое безумие с его стороны — прийти сюда.

Он пропустил ее, попросив сразу же запереть дверь, когда она войдет, а сам прошел в смежную комнату, дверь из которой также вела в ту, где находился Ричард, и позвонил.

— Позовите Питера, — сказал он явившемуся лакею.

— Питер, накрой здесь ужин для двоих, — начал м-р Карлайл, когда пришел старый слуга. — У меня гость, пришедший по делу. Что у нас есть из еды?

— Говядина со специями, сэр, и немного домашнего пирога со свиной.

— Прекрасно, — сказал м-р Карлайл. — Поставь также кувшин с элем, ну, и все, что к нему потребуется. Затем слуги могут идти спать. Не исключено, что мы засидимся допоздна, так что посуду можно будет убрать утром. И вот еще что, Питер: никто из вас, ни под каким предлогом, не должен приближаться к этим комнатам, если я не позвоню, поскольку я буду слишком занят, чтобы меня беспокоили.

— Разумеется, сэр. Подавать ли ветчину?

— Ветчину?

— Прошу прощения, сэр. Я подумал, что это может быть мистер Дилл, а он так любит нашу ветчину.

— Да, ты всегда был чертовски догадлив, Питер, — улыбнулся м-р Карлайл. — Он и в самом деле любит ветчину, я знаю. Можешь подать и ее. И не забудь маленький чайник.

В результате маленькой хитрости м-ра Карлайла, Питер рассказал на кухне, что пришел м-р Дилл и нужно подать ужин на двоих.

— Но подумать только: старому джентльмену тащиться пешком в такую ночь! — вырвалось у него.

— И каково ему придется на обратном пути, когда дорога будет еще хуже, — подхватила одна из служанок.

Когда м-р Карлайл вошел в комнату, где находились его сестра и Ричард, они разве что успели обменяться изумленными взглядами. Ричард, без сомнения, видел немало причудливо одетых особ в той среде, в которой он жил в последнее время, но вряд ли ему посчастливилось встретить хоть одну даму, которая сумела бы превзойти мисс Карлайл. Два подобных чучела еще никогда не стояли друг напротив друга. Она: в черных туфлях, черных чулках, фланелевой нижней юбке, доходящей до икр; неопишуемая шаль, которая, помимо прочих достоинств, была отделана зубчатой бахромой, и уродливый головной убор, к которому невозможно подобрать сравнение! Он: в нижнем белье из бумазеи, на котором не хватало нескольких пуговиц, в рабочем халате с задранными фалдами и свисающими рукавами, в измятой шляпе, с густыми бакенбардами, трясущимися руками и бледным от ужаса лицом. Мне приходилось бывать на многих карнавалах за границей, но, смею уверить, я не встретила ни одной пары людей в карнавальных масках, которая могла бы сравниться с этими двумя оригиналами, если бы их привезли на триумфальной карнавальной колеснице.

— Пожалуйста, закройте дверь, мисс Корнелия, — начал бедный, дрожащий Ричард, когда его глаза вдоволь насладились открывшимся ему зрелищем.

— Дверь заперта, — резко сказала она. — Но что, скажи на милость, привело тебя сюда, Ричард? Ты с ума сошел, должно быть.

— В Лондоне за мой охотились служаки с Боу-стрит, — робко ответил он, произвольно назвав полицейских так, как делали это в его детские годы. — Мне пришлось удирать без каких бы то ни было вещей: даже без единой чистой рубашки.

— Это, должно быть, чрезвычайно вежливые полицейские, если они не охотились за тобой раньше — «утетила» его мисс Карлайл. — Не собираешься ли ты завтра показаться на улицах Вест-Линна и сплясать танец с волынкой?

— Нет, если это зависит от меня.

— А почему бы тебе не сделать этого, раз уж ты вообще явился в Вест-Линн? Все равно теперь об этом узнают. У нас прошел слух, что ты бывал здесь и раньше. Откуда берутся такие слухи, хотела бы я знать?

— Я веду ужасную жизнь, — воскликнул Ричард. — Я бы еще смирился с тяжелым физическим трудом, хотя это и нелегко для того, кто был воспитан как джентльмен. Но каково мне быть изгнанником, опозоренным, поставленным вне закона, не смеющим показаться среди своих земляков при свете дня, ежечасно страшась того, что вот-вот упадет нависший над ним дамоклов меч! Умереть кажется лишь немного худшим уделом, чем жить так дальше.

— Тебе некого винить: ты сам навлек на себя эти несчастья, — философски ответила мисс Карлайл, открывая дверь, чтобы впустить брата. — Ты, никого не слушая, продолжал ухлестывать за этой бесстыдной потаскушкой Эфи.

— Это не причинило бы мне никаких неприятностей, — сказал Ричард. — Я оказался вне закона из-за этого мерзавца, убившего Хэллиджона.

— Если бы его и в самом деле убил кто-то другой, вряд ли это удалось бы скрыть: все равно всплыли бы какие-то факты, — едко ответила мисс Карлайл. — Ты рассказываешь какую-то неправдоподобную историю о том, что это сделал некий Торн, однако же никто не видел его и ничего не слышал о нем ни тогда, ни после этого. Похоже, эта история придумана Вами, мистер Дик, чтобы обелить себя.

— Придумана! — задыхаясь, выговорил Ричард, так как ему, в его теперешнем состоянии, показалось жестоким даже сомневаться в его истории. — Это Торн натравил на меня полицейских. Я видел его три или четыре раза за последние две недели.

— А почему ты не отплатил ему той же монетой и не заявил на него в полицию? — спросил м-р Карлайл.

— Потому что от этого не было бы никакого толку. Где, спрашивается, доказательства, что он совершил это убийство, если не считать моего утверждения о том, что это, сделал он?

Мисс Карлайл потерла нос.

— Дик Хэйр, — сказала она.

— Что?

— Знаешь, ты всегда был таким дураком, которого свет не видывал.

— Да, мне все говорили об этом.

— Таким ты и останешься. Если бы меня обвинили в преступлении, которое, как я знала, совершил другой человек, разве я была бы такой идиоткой, чтобы при первой же возможности не отдать его под стражу? Если бы ты не был таким замерзшим и трясущимся от страха, я задала бы тебе трепку, можешь не сомневаться.

— Он в то время был в сговоре с Эфи, — не сдавался Ричард. — Лживый, подлый человек: это у него на лице написано. И он, должно быть, по-прежнему в сговоре с ней, если она утверждает, что он был с ней в момент убийства. М-р Карлайл сказал мне, что именно это она заявила недавно, когда была здесь. Он не был с ней, и это именно он, и никто иной, совершил это убийство.

— Да уж! — не выдержала мисс Карлайл, ибо эта тема не могла не волновать ее. — Эта кокотка посмела заявиться сюда. Она удачно выбрала время, и пусть она возблагодарит свою счастливую звезду, что меня не было дома. Арчибальд — он такой же дурень, как и ты, Дик Хэйр, в некоторых вопросах — позволил ей прожить здесь два дня. Тщеславная, невоспитанная потаскушка, которую привлекают только наряды и безрассудства!

— Эфи сказала, что она ничего сейчас не знает о Торне, Ричард, и так продолжается уже некоторое время, — вмешался м-р Карлайл, ничего не ответив на незаслуженный «комплимент» сестры. — Кажется, прошел слух, будто он вместе со своим полком отбыл за границу.

— Тем лучше для нее, сэр, если это правда, что она ничего не знает о нем, — прокомментировал Ричард. — Я же ручаюсь за то, что он не за границей, а в Англии.

— А где ты собирался остановиться сегодня? — внезапно спросила мисс Карлайл, обращаясь к Ричарду.

— Не знаю, — сокрушенно выдохнул он. — Даже если я улягусь в сугробе, и утром меня найдут замерзшим, это не будет иметь большого значения.

— Ты именно это собирался сделать? — поинтересовалась мисс Карлайл.

— Нет, — мягко ответил он. — Я хотел попросить у мистера Карлайла несколько шиллингов взаймы, и тогда я смог бы заплатить за постой. Я знаю безопасное местечко в двух или трех милях отсюда.

— Ричард, да я в такую ночь собаку на улицу не выгоню, чтобы она прошла две или три мили, — невольно вырвалось у м-ра Карлайла. — Ты должен остаться здесь.

— Я не представляю, как он поднимается в спальню, или же как для него приготовить комнату без того, чтобы о его присутствии стало известно слугам, — сказала, как отрезала, мисс Карлайл, и Ричард уронил на руки свою бедную голову, которая раскалывалась от боли.

Однако речи мисс Карлайл были куда более суровыми, чем ее сердце. Поверишь ли ты, любезный читатель, в то, что, прежде, чем сказать эти безжалостные слова, и даже до того, как м-р Карлайл коснулся этой темы, она уже всюду размышляла о том, как лучше всего устроить Ричарда на ночь.

— Одно я знаю наверняка, — снова заговорила она. — Тебе невозможно остаться здесь без того, чтобы это стало известно Джойс. Как я предполагаю, вы должны быть буквально на ножах с Джойс, поскольку она считает тебя убийцей своего отца.

— Позвольте мне вывести ее из этого заблуждения, — перебил ее Ричард, вставая, причем губы его дрожали. — Позвольте мне увидеться с ней и переубедить ее. М-р Карлайл, почему Вы не сделали этого?

— За моей спальней находится еще одна маленькая комната, — сказала мисс Карлайл, возвращаясь к практической стороне вопроса. — Он может лечь там. Однако же придется посвятить во все Джойс.

— Надо бы позвать ее, — сказал м-р Карлайл. — Сначала я поговорю с ней.

Он открыл дверь, вышел из комнаты, которую мисс Карлайл тут же заперла на ключ, позвал Джойс и жестом пригласил ее в соседнюю комнату. Он знал, что Джойс твердо убеждена в виновности Ричарда Хэйра. Ему предстояло с корнем вырвать эту убежденность, если он хотел, чтобы Ричард провел эту ночь в его доме.

— Джойс, — начал он. — Помните, насколько глубоко Вы были уверены в том, что Эфи сбежала с Ричардом Хэйром и живет с ним? Я неоднократно выражал свои сомнения по этому вопросу; дело в том, что я обладал точной информацией, хотя и считал необходимым никого не посвящать в то, что я знал. Теперь Вы уверены, что она была не с ним?

— Разумеется, сэр.

— Ну вот, видите, Джойс: к моему мнению имеет смысл прислушаться. Сейчас я попытаюсь поколебать Вашу уверенность по еще одному вопросу и, если я дам честное слово, что имею на то не менее веские основания, Вы мне поверите?

— Я совершенно уверена, сэр, что Вы не стали бы говорить ничего, кроме правды, и знаю, что Вашим суждениям можно доверять, — ответила Джойс.

— Тогда я должен сказать Вам: я не верю, что Вашего отца убил Ричард Хэйр.

— Но, сэр! — воскликнула Джойс, вне себя от изумления.

— Я считаю, что Ричард Хэйр так же невиновен в убийстве, как Вы или я, — многозначительно повторил он. — Уже много лет у меня есть основания придерживаться подобного мнения.

— Тогда кто же сделал это, сэр?

— Вторым кавалер Эфи. Этот щеголь Торн, и я в этом глубоко убежден.

— И Вы говорите, у Вас есть для этого основания? — после некоторой паузы спросила Джойс.

— Веские основания, и, как уже было сказано, я имею их много лет. И был бы рад, если бы Вы думали так же, как я.

— Но, сэр, если Ричард Хэйр был невиновен, зачем же он сбежал и скрывается с тех самых пор?

— Действительно, почему? Всему виной — его слабость и трусость; он боялся вернуться. Кроме того, он чувствовал, что ему не справиться с силой обстоятельств. Джойс, я хотел бы, чтобы Вы встретились с ним и выслушали его историю.

— Вероятность этого очень мала, сэр. Смеею предположить, что он никогда не решится вернуться сюда.

— Он здесь.

Джойс озадаченно посмотрела на него.

— Здесь, в этом доме, — повторил м-р Карлайл. — Он нашел здесь временный приют, и на те несколько часов, что он проведет здесь, мы должны дать ему кров и защиту, сделав все для того, чтобы его не обнаружили. Я счел за благо посвятить в это и Вас, Джойс. А теперь пойдёмте к нему.

Этот приглушенный — я имею в виду то, что он велся пониженными голосами — разговор был довольно бессвязным: Ричард говорил без умолку, Джойс забросала его вопросами, а язычок мисс Карлайл двигался с не меньшей скоростью, чем у них. Лишь м-р Карлайл молчал. Джойс не могла не поверить таким клятвенным заверениям, и также пришла к мнению, что виновен капитан Торн.

— Теперь о том, где ему постелить, — наконец вмешалась мисс Карлайл с нетерпением в голосе. — Где ему лечь, Джойс? Единственная комната, где он будет в безопасности — та, которая примыкает к моей.

— Он не сможет там лечь, мэм. Разве Вы не знаете, что ключ от нее потерялся на прошлой неделе, и мы не можем открыть ее.

— Тем лучше. Он будет в безопасности.

— Но как он попадет туда?

— Как? Ну, конечно же, через мою комнату. Разве дверь из моей комнаты также не открывается, дурочка ты такая!

— Ну, конечно, мэм: если Вы хотите чтобы он прошел через Вашу комнату, — это совсем другое дело.

— А почему бы и нет? Ты полагаешь я стесняюсь Дика Хэйра? Отнюдь, — раздраженно продолжала она. — Я только жалею, что он недостаточно молод для того, чтобы высечь его, как раньше, вот и все. А он заслуживает порки, будучи таким дураком буквально во всех отношениях и наделав столько глупостей. Я лягу в постель, задерну занавески, и то, что он пройдет через комнату, повредит мне ничуть не больше, чем мое присутствие в этот момент — ему. Церемониться с Диком Хэйром! Что еще, спрашивается?

Итак, поскольку по данному вопросу была достигнута полная ясность, Джойс отправилась стелить постель для Ричарда, а мисс Карлайл забралась в свою собственную. Тем временем м-р Карлайл накормил Ричарда сытным ужином и успокоил, как смог. Разомлев от хорошего угощения, теплого камина и стаканчика подогретого брэнди с водой, который завершал программу удовольствий, Ричард заснул прямо в своем кресле. Однако не прошло и пяти минут, как он вскочил, беспокойный и осунувшийся, словно отбиваясь от кого-то.

— Это был не я! — испуганно и взволнованно закричал он. — Не надо забирать меня, ибо это сделал не я. Это был другой: тот, кто...

— Ричард, Ричард! — успокаивающе произнес м-р Карлайл.

Ричард изумленно посмотрел на стол, на камин, на м-ра Карлайла: все вышеперечисленное несло успокоение, столь необходимое его истрадавшейся душе.

— Послушайте, сэр: мне приснилось, что они сцапали меня. Какие глупые вещи снятся иногда! В этот момент кто-то тихо постучал в дверь, и м-р Карлайл открыл ее. Это пришла Джойс.

— Комната готова, сэр, — прошептала она. — Слуги уже легли спать.

— Ну что же, пора, Ричард. Спокойной ночи.

Беглец прокрался наверх вслед за Джойс, которая провела его через комнату мисс Карлайл. Последней не было видно, хотя было слышно отчасти. Человек, ставящий истину выше

вежливости, квалифицировал бы эти звуки как храп. Джойс показала Ричарду его комнату, вручила свечу и притворила за ним дверь. Бедный, затравленный Ричард! Спокойной тебе ночи!

Глава 17

БАРБАРА УСПОКАИВАЕТСЯ

Наступило утро. Та же самая пасмурная погода, тот же самый густой снегопад за окнами. Мисс Карлайл позавтракала в постели: роскошь, которую она не позволяла себе уже много лет. Ричард Хэйр встал, но не выходил из своей комнаты, и Джойс принесла ему завтрак.

Ричард еще не закончил завтракать, когда вошел м-р Карлайл.

— Как тебе спалось, Ричард?

— Очень хорошо. Я ведь смертельно устал. Что мне делать дальше, мистер Карлайл? Чем быстрее я уберусь отсюда, тем лучше. Я не чувствую себя в безопасности.

— До вечера даже и не думай об этом. Я понимаю, что ты не можешь задерживаться здесь, разве что на несколько часов, так как об этом неизбежно проведуют слуги. Ты говорил, что отправишься в Ливерпуль или Манчестер?

— В любой большой город: мне все равно, в какой именно. Человек, которого преследуют, как меня, будет в большей безопасности в крупном городе, нежели в маленьком.

— Я склонен считать, что этот человек, Торн, просто попугал тебя. Если он действительно виновен, ему предпочтительнее было бы не поднимать лишнего шума. Для него не может быть ничего хуже твоего ареста.

— Тогда зачем же он преследует меня? Зачем направил полисмена следить за мной?

— Ему не понравилось то, что ты преследуешь его, и он хотел напугать тебя. Возможно, на следующий день этого полисмена уже и след простыл. В одном можешь не сомневаться, Ричард: если бы полисмен хотел арестовать тебя, он бы это сделал, а не удовольствовался бы тем, что ходил за тобой по всему городу. Кроме того, когда нанимают детектива для слежки, уж он-то позаботится о том, чтобы его не заметили; однако ты видел этого человека неоднократно.

— Да, в этом что-то есть, — заметил Ричард. — Поскольку для человека в его положении одно лишь подозрение в том, что он совершил такое преступление, навсегда уронит его в глазах людей, равных ему по знатности.

— Мне трудно поверить, Ричард, в то, что он возвращается в таких слоях общества, о которых ты говоришь, заметил м-р Карлайл.

— В этом нет ни малейшего сомнения. Однако, если бы не мое нежелание называть имя того, с кем я видел его, поскольку Вам это может быть неприятно... — простодушно продолжал Ричард.

М-р Карлайл посмотрел на него.

— Продолжай, Ричард.

— Я видел его с Фрэнсисом Ливайсоном, сэр, причем дважды. Один раз он разговаривал с ним у входа в помещение, где принимают ставки на тотализаторе, а второй раз они шли под руку. Это близкие друзья, что совершенно очевидно.

В этот момент с лестницы послышался громкий, возбужденный и сердитый голос. Ричард вскочил, словно в него выстрелили. Его дверь — не та, что вела в комнату мисс Карлайл — выходила в коридор, и голос приближался, словно его обладатель стремительно шел к ним.

— Карлайл, где же Вы? Идите же сюда, послушайте, что приключилось!

Первый раз в своей жизни м-р Карлайл утратил свое невозмутимое спокойствие и бросился к двери, чтобы не впустить незваного гостя, столь же стремительно, как это сделал бы Ричард. Он забыл, что ему вечером рассказывала Джойс о потерянном ключе от этой двери, которая была заперта. Что же касается Ричарда, то он натянул шляпу и бакенбарды, а теперь выбирал, куда бы юркнуть: под кровать или же в шкаф.

— Не волнуйся, Ричард, — прошептал м-р Карлайл. — Серьезной опасности нет. Я выйду и займу его разговором.

Однако, пройдя через спальню сестры, он обнаружил что достойная леди взяла инициативу на себя и свесилась через балюстраду: вторжение г-на судьи прервало ее утренний туалет. Она уже оделась, но еще не сняла свой ночной чепец; ей, впрочем, было все равно, увидят ли ее в нем, или без него.

— Что, скажите на милость, привело Вас сюда в такую погоду? — раздраженно спросила она.
— Мне нужно видеть Карлайла. У меня такие новости!
— Что-то об Анне или ее семье?
— К черту Анну, — ответил судья, который, без всякого сомнения, был чем-то разъярен. — Новости об этом мерзавце, которого я вынужден называть своим сыном. Мне сообщили, что он здесь.

М-р Карлайл сбежал по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, взял м-ра Хэйра под руку и увлек его в гостиную.

— Здравствуйте, господин судья. У Вас хватило смелости пуститься в путь по такому глубокому снегу? В чем дело? Вы, кажется, взволнованы.

— Взволнован! — взревел судья, кружась по комнате, попеременно подсакивая то на одной ноге, то на другой, словно на горячих углях. — Поглядел бы я на Вас, если бы Вы, подобно мне, лишились покоя из-за негодяя-сына. Почему бы людям не заняться собственными делами и не оставить меня в покое? Какая жалость, что его не вздернули, покончив со всем этим раз и навсегда.

— Но что случилось? — осведомился м-р Карлайл.

— Вот что, — резко ответил судья, швыряя на стол письмо. — Это пришло по почте, только что, с чертовски приятным известием.

М-р Карлайл взял письмо и прочитал его. Оно было отправлено м-ру Хэйру «доброжелателем» и сообщало о том, что преступник — сын почтенного джентльмена, возможно, уже появился в Вест-Линне или же появится в течение одного-двух дней; м-ру Хэйру рекомендовалось, «во избежание неприятностей», ускорить отъезд сына из родных мест.

— Но это анонимное письмо! — воскликнул м-р Карлайл.

— Разумеется! — отчеканил судья.

— Я бы швырнул анонимное письмо в огонь, вот и все, — сказал м-р Карлайл, презрительно скривив губы.

— Но кто написал его? — судья Хэйр снова заметался по комнате. — И в самом ли деле Дик в Вест-Линне: вот в чем вопрос!

— Ну, разве есть хоть какая-то вероятность его появления в Вест-Линне? — возразил м-р Карлайл. — Господин судья, позвольте ли Вы мне высказать мое мнение?

— Этот дурак в Вест-Линне! Сам бежит в объятья смерти. Клянусь Юпитером! Если он попадется мне, я задержу его и выпишу ордер на арест. Я покончу, наконец, с этой бесконечной пыткой.

— Я хотел сообщить Вам, что думаю по этому поводу, — спокойно вмешался м-р Карлайл. — Я боюсь, господин судья, что Вы сами навлекли на себя эти беспокойства.

— Сам? — негодуяюще вскричал судья. — Я? Это я убил Хэллиджона? Это я сбежал от слуг закона? Это я скрываюсь, одному Вельзевулу известно, где? Это я совершаю набеги в родной приход, переодетый батраком, чтобы нарушить покой собственного отца? Это я пишу анонимные письма? И приношу их сам себе? Это неслыханно, Карлайл!

— Вы не выслушали меня. Известно, что Вы решительно настроены против Ричарда...

— А если бы Ваш сын так обошелся с Вами, когда вырос, Вас бы это не расстроило? — взорвался судья Хэйр.

— Выслушайте же меня. Всем известно, что малейшее упоминание о нем беспокоит и раздражает Вас. Так вот: я считаю, господин судья, что некто, любящий совать свой нос в чужие дела, распускает эти слухи и пишет эти письма для того, чтобы позлить Вас. Кто знает: возможно, это делает кто-то из Вест-Линна, живущий по соседству с нами.

— Чепуха, — раздраженно ответил судья после некоторой паузы. — Это маловероятно: кто бы стал заниматься этим?

— Это весьма вероятно. И не сомневайтесь, что они позаботятся о том, чтобы мы не смогли узнать, кто это делает. Я бы бросил письмо в огонь и перестал даже думать о нем. Это единственное, чего они заслуживают. Если это кто-то из соседей, они, должно быть, вдоволь похихикали, глядя, как Вы пробираетесь сквозь снежные заносы сегодня утром! Они бы поняли, что Вы идете ко мне с этим письмом, чтобы посоветоваться со мной.

Судья — несмотря на свое упрямство, он легко поддавался убеждению других людей, особенно м-ра Карлайла — отпустил фалды сюртука, которые ранее взял в руки, стал спиной к камину и с такой силой опустил руки на стол, что тот, казалось, чуть не сломался.

— Если бы я так считал, — брызгая слюной, сказал он, — если бы я только вообразил нечто подобное, я бы собрал сегодня весь приход и привлек их всех к суду.

— Жаль, что Вы не додумались до этого, — сказал м-р Карлайл.

— Ну, этот злодей мог явиться сюда, а мог и не явиться, — продолжал судья. — Позвоню в полицейский участок и попрошу их быть настороже.

— Вы не сделаете ничего подобного, судья, — воскликнул м-р Карлайл почти взволнованно. — Вряд ли Ричард появится в Вест-Линне, однако, если даже он и сделал это, неужели Вы, отец, погубите его? Всяк живущий будет порицать Вас. Да, мистер Хэйр: это будет именно так. Я не стану, подобно другим людям, утаивать правду от Вас. Вы хвастались, что отдадите Ричарда в руки закона, если когда-либо ваши пути пере секутся, и о Вашей непомерной жестокости отзываются весьма нелестно, даю Вам мое честное слово! Однако никто не поверил, что Вы действительно сделаете это. В таком случае Вы лишились бы прежних друзей и никогда не обрели новых.

— Я поклялся, что сделаю это, — ответил судья.

— Вы не клялись, что понесетесь, высунув язык, в полицейский участок всякий раз, как получите какое-то презренное анонимное письмо или услышите какие-то глупые слухи, и заявите: «Мне стало известно, что сегодня сюда явится мой сын: подкараульте его». Чепуха, господин судья! Пусть полиция сама ищет его, без того, чтобы Вы натравливали ее на собственного сына.

Судья что-то проворчал, то ли соглашаясь, то ли наоборот, и м-р Карлайл продолжал:

— Вы показывали письмо миссис Хэйр или же упоминали о нем?

— Ну нет. У меня не было на это времени. Я подошел к воротам, чтобы посмотреть, глубокий ли снег лежит на дороге, когда появился почтальон; я прочел письмо прямо там, у ворот, потом зашел в дом, чтобы взять пальто и зонтик: миссис Хэйр поинтересовалась, куда это я так спешу, но я не ответил ей.

— Искренне рад слышать это, — сказал м-р Карлайл. — Подобная информация, без сомнения, была бы опасна для миссис Хэйр. Не обмолвитесь ни единым словом, господин судья: подумайте, сколько тревог уже выпало Вашей супруге!

— Это и ее вина отчасти. Почему она не выбросит из сердца этого непутевого мальчишку?

— Если бы она смогла сделать это, — сказал м-р Карлайл, — она воспротивилась бы человеческой природе. И еще об одном Вы, вероятно, не подумали, господин судья. Вы говорили о том, чтобы отдать сына в руки закона. Вы не подумали, что тем самым пожертвовали бы и жизнью Вашей жены?

— Чепуха! — сказал судья.

— Вы бы очень быстро поняли, что это отнюдь не «чепуха». Как только схватят Ричарда, с Вашей помощью или без нее, это сразу же убьет Вашу супругу.

М-р Хэйр взял письмо, лежавшее открытым на столе, сложил его и вернул на прежнее место, в конверт.

— Я полагаю, почерк Вам незнаком? — осведомился он у м-ра Карлайла.

— Насколько мне помнится, я никогда не видел его. Вы возвращаетесь домой?

— Нет. Я зайду к Бьючемпу, покажу ему вот это и послушаю, что он скажет. Это небольшой крюк.

— В таком случае, попросите его не распространяться об этом. Бьючемпу можно доверять, ибо он сочувствует Ричарду — да-да, господин судья — прямо спросите его об этом, если хотите, и он признается Вам. Должен сказать, что Ричарду сочувствует гораздо больше людей, чем Вам кажется. Но я бы не показывал письмо никому, кроме Бьючемпа, — добавил м-р Карлайл, — и ни с кем более не стал бы говорить о нем.

— Кто же мог написать его? — повторил судья. — На нем, как видите, лондонская почтовая марка.

— Это — слишком общее предположение, чтобы, исходя из него, добиться каких-нибудь результатов.

Судья Хэйр откланялся. М-р Карлайл проводил его взглядом, когда он с зонтом шел вниз по аллее, и снова поднялся к Ричарду.

— Я думал, что умру, — заговорил бедный Дик. — Честное слово, м-р Карлайл, мне казалось, что моя кровь превратилась в воду, и я вот-вот умру от страха. Он ушел? Я в безопасности?

— Да, все в порядке.

— Что он хотел? Что именно он слышал обо мне?

М-р Карлайл коротко рассказал ему о состоявшемся разговоре, и Ричард немедленно заявил, что письмо — дело рук Торна.

— Смогу ли я в этот раз увидеться с моей матерью? — с тревогой спросил он м-ра Карлайла.

— Я думаю, что было бы верхом неблагоразумия сообщать твоей матери, что ты находишься здесь или же находился недавно. Естественно, ей захочется узнать подробности, и, когда ей станет известно, что тебя преследуют, она не будет знать ни минуты покоя. В этот раз ты должен пожертвовать удовольствием встретиться с ней, Ричард.

— А Барбара?

— Барбара может придти и провести этот день с тобой. Вот только...

— Только что, сэр? — воскликнул Ричард, поскольку м-р Карлайл замолчал.

— Я подумал, каково ей будет идти сюда в такое непогожее утро.

— Да она бы пробилась через лавину, через горы снега, чтобы увидеть меня, — взволнованно воскликнул Ричард. — И сделала бы это с радостью.

— Она всегда была маленькой дурочкой, — вставила мисс Карлайл, распустив несколько петель из своего вязания.

— Я знаю, что она бы это сделала, — заметил м-р Карлайл. — Мы постараемся привезти ее сюда.

— Она же сможет позаботиться и о деньгах для меня ничуть не хуже, чем мама.

— Да, ибо теперь Барбара может получать свои собственные деньги, а я знаю, что она бы счастлива была поделиться ими с тобой. Корнелия, в качестве предлога для того, чтобы вызвать ее сюда, мне придется сказать, что ты больна и просишь Барбару составить тебе компанию на сегодняшний день. Ты позволишь мне сделать это?

— Можешь сказать, что я умерла, если хочешь, — ответила мисс Корни, пребывавшая в неважном расположении духа, что, впрочем, отнюдь не было редкостью.

М-р Карлайл велел запрячь повозку с пони и отправился к Хэйрам вместе с Джоном. Когда он приехал в Гроув, Барбара и миссис Хэйр, сидевшие в гостиной, немало удивились столь раннему визиту.

— Ты хочешь видеть м-ра Хэйра, Арчибальд? Он ушел в страшной спешке, даже не притронувшись к завтраку.

— Мне не нужен м-р Хэйр. Я приехал за Барбарой.

— За Барбарой? — эхом отозвалась миссис Хэйр.

— Корнелия неважно себя чувствует; у нее изрядная простуда, и она хотела бы, чтобы Барбара провела этот день в ее обществе.

— Ах, м-р Карлайл, я не могу сегодня оставить маму. Ей и самой нездоровится; к тому же, она будет скучать без меня.

— И я не могу отпустить ее в такой день, Арчибальд.

Пока м-р Карлайл раздумывал над тем, как бы ему найти способ переговорить с Барбарой наедине, в дверях гостиной появился слуга.

— Пришел посыльный от торговца рыбой, мэм. Его хозяин велел передать, что в ближайшее время рыбы ждать не приходится, так как в такую погоду к нам не могут пробиться поезда.

Миссис Хэйр встала и отправилась посоветоваться со служанкой, а м-р Карлайл поспешил воспользоваться представившейся возможностью.

— Барбара, — прошептал он. — Не противься. Ты должна ехать со мной. Это касается Ричарда.

Она озадаченно посмотрела на него, и кровь густо прилила к ее щекам. Миссис Хэйр вернулась на свое место.

— Ах, ну что за день, — сказала она, зябко передернув плечами. — Думаю, Корнелия сегодня не увидится с Барбарой.

— Но Корнелия ждет. Так же, как и повозка с пони, готовая отвезти Барбару, прежде чем я поеду в контору. Ни единая снежинка не упадет на нее, миссис Хэйр. Мы укроем ее в повозке теплой шалью, а зонт защитит ее шляпку и лицо. Одевайся, Барбара.

— Мама, если ты не очень расстроишься, немного побыв в одиночестве, я все-таки поеду, — сказала Барбара, почти дрожа от волнения.

— Но ты наверняка простудишься, дитя.

— Право же, нет. Я хорошенько укутаюсь.

— А я благополучно доставлю ее домой вечером, — добавил м-р Карлайл.

Через несколько минут они уже сидели в повозке. Барбаре не терпелось забросать своего спутника вопросами, но их мог услышать Джон, сидевший сзади. Когда они приехали в Ист-Линн, м-р Карлайл помог ей подняться по ступенькам и проводил в комнату для завтраков.

— Ты готова к сюрпризу, Барбара?

Она побледнела от ожидания и страха.

— Что-то случилось с Ричардом! — вырвалось у нее.

— Ничего такого, что могло бы разволновать тебя. Он здесь.

— Здесь? Где?

— Здесь, под этой крышей. Он провел здесь ночь.

— О, Арчибальд!

— Ты только вообрази, Барбара! Только я отворил окно, чтобы посмотреть, какая погода — это было вчера, в девять вечера — как в комнату буквально ворвался Ричард. Мы не могли отпустить его в такой снегопад, и он лег у нас спать, в комнате по соседству со спальней Корнелии.

— Она знает об этом?

— Ну конечно. Равно как и Джойс: нам пришлось и ей рассказать о его визите. Представь себе, как был напуган Ричард! Сегодня утром явился твой отец, позвал меня снизу и сказал, что ему известно о появлении Ричарда здесь. Он имел в виду Вест-Линн. Я думал, Ричард с ума сойдет от страха.

Покончив с объяснениями, он провел ее в комнату, где Ричард пребывал в обществе мисс Карлайл, продолжавшей вязать. Решено было, что эта комната станет общей гостиной на весь день, а горячий завтрак, который для Ричарда послужит и обедом, подадут в комнате мисс Карлайл в час пополудни, причем прислуживать будет только Джойс.

— А теперь я должен идти, — сказал м-р Карлайл через несколько минут. — Меня ждут в конторе, а бедных пони уже занесло снегом.

— Однако же, возвращайтесь пораньше, — сказал Ричард. — Я не смею долго оставаться здесь. Мне нужно идти не позднее шести или семи часов.

— Я вернусь к этому времени.

В этот день Ричард и Барбара говорили без умолку, разумеется, не без участия в разговоре мисс Карлайл. Барбара снова и снова просила рассказать подробности разговоров, пусть коротких, между Ричардом и Торном. Вновь и вновь она принималась гадать о настоящем имени этого человека.

— Ах, если бы ты спросил об этом у кого-нибудь из его знакомых! — воскликнула она.

— Я видел его в обществе одного человека, но у него спрашивать не имело смысла, так как они явно близкие друзья, да, к тому же, и одного поля ягоды, как я подозреваю. Оба, должно быть, большие шишки.

— Ах, Ричард, не пользуйся выражениями, которые не подобает употреблять джентльмену.

— Джентльмену! — горько рассмеялся Ричард.

— С кем ты видел Торна? — поинтересовалась Барбара.

— С сэром Фрэнсисом Ливайсоном, — ответил Ричард, взглянув на мисс Карлайл, которая зловеще поджала губы.

— С кем? — воскликнула ошеломленная Барбара. — Ты знаешь сэра Фрэнсиса Ливайсона?

— О да, его-то я знаю. Чуть ли не единственный человек в городе, которого я действительно знаю.

Барбара, казалось, впала в задумчивость, из которой вышла далеко не сразу.

— Они похожи друг на друга?

— Даже очень. Оба — негодяи.

— Я имела в виду наружность.

— Ничуть. Разве что рост: оба очень высокие.

И снова Барбара задумалась. Ее чем-то поразили эти слова Ричарда. Из задумчивости ее вывел детский голос, послышавшийся из соседней комнаты. Она вышла, и мисс Карлайл немедленно закрыла спасительную дверь. Это был Арчибальд Карлайл-младший. Джойс принесла поднос с ленчем, и Арчибальд вбежал следом за ней, прежде чем она успела запереть дверь. Барбара взяла его на руки, чтобы отнести в детскую.

— О, да ты тяжелый мальчик! — воскликнула она.

Арчи рассмеялся.

— То же самое говорит и Уилсон, — прошепелявил он, — если ей приходится нести меня.

— Я принесла Вам беглеца, Уилсон, — воскликнула Барбара.

— Ах, это Вы, мисс Барбара? Как поживаете, мисс? Да уж, он и в самом деле шалун; убежал, а я и не заметила: он теперь сам умеет открывать дверь.

— Не будете ли Вы любезны не выпускать его сегодня? — уже серьезно продолжала Барбара. — Мисс Карлайл неважно себя чувствует, и для нее лучше было бы избежать лишнего беспокойства.

Наступил вечер. Ричарду пора было отправляться в путь. Снегопад, прервавшийся в середине дня, возобновился с новой силой. Ричард получил некоторую сумму денег на первое время и обсудил свои планы с Карлайлами и Барбарой. М-р Карлайл настаивал на том, чтобы Ричард сообщил ему свой адрес, как только устроится, что тот и пообещал сделать. Настроение у Ричарда упало; он был почти так же убит горем, как Барбара, которая не могла сдержать слез, беззвучно падавших на ее красивое шелковое платье. С многочисленными предосторожностями, даже завернув в накидку мисс Карлайл, Ричарда провели вниз, в ту самую комнату, в которую он проник прошлым вечером. М-р Карлайл приоткрыл окно.

— До свидания, Барбара. Если ты когда-либо сможешь поведать маме об этом дне, скажи, что меня более всего опечалила невозможность встретиться с ней.

— Ах, Ричард, — разрыдалась она. — До свидания. Да пребудет с тобой Господь!

— До свидания, Ричард, — сказал м-р Карлайл. — Постарайся более не делать глупостей и не попадать в подобные переделки.

Последней Ричард пожал руку м-ра Карлайла, который вышел на минутку вместе с ним.

Барбара вернулась в ту комнату, которую недавно покинул Ричард, и разрыдалась. Она все еще плакала, когда вошла Джойс.

— Ему действительно тяжело, если он и в самом деле невиновен.

Барбара посмотрела на Джойс глазами, полными слез.

— Если! Джойс, Вы сомневаетесь в его невиновности?

— Теперь — нет, мисс. Никто не смог бы так торжественно клясться, говоря неправду. Самое важное теперь — найти этого капитана Торна и узнать, кто он такой.

— Джойс! — воскликнула Барбара в глубочайшем волнении, схватив Джойс за руку. — Я думала, что разгадала, кто это. Я скажу Вам, хотя никогда ранее не говорила об этом. Однако сегодня столько всего случилось, что я, кажется, умру, если не скажу кому-нибудь. Я думала, что это был сэр Фрэнсис Ливайсон.

Джойс широко раскрыла глаза от изумления.

— Мисс Барбара!

— Да-да! Я считала так с той самой ночи, когда убежала леди Изабель. В тот вечер мой бедный брат был в Вест-Линне; он приходил на несколько часов и встретил здесь Торна. Он был в вечернем костюме, и Ричард рассказал о характерном движении, которым он отбрасывал волосы со лба, причем перстень с бриллиантом сверкнул на его белой руке в лунном свете. Белая рука, перстень, это движение — он всегда так делал — все это напомнило мне о капитане Ливайсоне, и с того самого часа вплоть до сегодняшнего дня я полагала, что Ричард видел именно этого человека. Сегодня же Ричард говорит мне, что знает сэра Фрэнсиса Ливайсона, и этот человек — его близкий друг. Теперь я думаю, что Торн приехал в тот вечер ненадолго, чтобы помочь капитану Ливайсону выполнить то, что он задумал.

— Как это все странно! — вырвалось у Джойс.

— И я никогда не могла поделиться своими подозрениями с мистером Карлайлом. Мне не хотелось упоминать имя Фрэнсиса Ливайсона при нем.

Поговорив с Джойс, Барбара снова спустилась вниз.

— Мне нужно ехать домой, — сказала она м-ру Карлайлу. — Уже половина восьмого, и мама будет беспокоиться.

— Как пожелаешь, Барбара.

— Но нельзя ли мне пойти пешком? Мне так жаль гонять Ваших пони в такую непогоду.

М-р Карлайл рассмеялся.

— Кому, спрашивается, придется труднее в этот снегопад: тебе или пони?

Однако, выйдя наружу, Барбара увидела, что ее ждет экипаж, а не повозка с пони. Она вопросительно посмотрела на м-ра Карлайла.

— Ты что же, полагала, будто я позволю тебе сегодня вечером ехать домой в открытой повозке?

— Вы тоже поедете со мной?

— Думаю, так будет лучше, — он улыбнулся. — Я прослежу, чтобы ничего не случилось ни с тобой, ни с экипажем.

Барбара забилась в угол и беззвучно плакала. Она тяжело переживала то, что на долю ее брата выпали такие лишения, ибо знала, что он не из тех людей, которые стойко переносят удары судьбы. М-р Карлайл почувствовал ее настроение лишь тогда, когда они уже подъезжали к Гроув. Он наклонился к ней и взял ее руки в свои.

— Не печалься, Барбара. Может быть, у Ричарда будут еще и светлые дни.

Экипаж остановился.

— Можете ехать, — сказал он слугам, когда вышел. — Я вернусь пешком.

— Ах, — воскликнула Барбара. — Вы собираетесь провести этот вечер с нами! Мама будет так рада!

Но голос выдавал то, что она и сама радуется этому. Когда они шли по дорожке к дому, м-р Карлайл взял ее под руку. Однако Барбара ошиблась: миссис Хэйр уже легла, и ее, конечно же, не мог обрадовать визит м-ра Карлайла. Судья ушел, и она решила лечь спать, поскольку ей нездоровилось; к тому же, она чувствовала себя очень уставшей. Барбара прокралась к ней в комнату, но обнаружила ее спящей, и ей самой пришлось развлекать м-ра Карлайла.

Они стояли вместе перед трюмо, напротив ярко пылающего камина. Барбара перебирала в памяти события этого дня. О чем думал м-р Карлайл, знал лишь он один; глаза его под тяжелыми веками были устремлены на Барбару. Молчание затянулось, и Барбара, казалось, почувствовала, что он смотрит на нее, подняла на него свои глаза.

— Ты выйдешь за меня, Барбара?

Он сказал это совершенно спокойно и безразлично, так, словно предлагал ей стул. Но видели бы вы, как изменилось выражение ее лица! Оно осветилось неожиданной радостью, его залил яркий румянец волнения и счастья. Увы, через мгновение их сменили бледность и грусть.

Она отрицательно покачала головой.

— И все равно спасибо за то, что Вы сказали это, — сказала она.

— В чем препятствие, Барбара?

Она снова густо покраснела и не ответила ему.

М-р Карлайл обнял ее и наклонился к ней, так что их лица оказались рядом.

— Ну скажи мне, тихонько.

Она разрыдалась.

— Потому, что я когда-то женился на другой?

— Нет-нет. Это все из-за той ночи. — Вы, я думаю, тоже не забыли ее, а в моей памяти она запечатлелась огненными скрижалями. Как я могла так забыть! Если бы не то, что случилось тогда, Вы сейчас не сделали бы мне предложение.

— Барбара!

Она посмотрела на него: он говорил с болью в голосе.

— Знаешь ли ты, что я люблю тебя? Что мне не нужно никого во всем свете, кроме тебя? Нет, Барбара: давай не будем отказываться от счастья из-за каких-то химер, когда оно — рядом.

Она тихо плакала, опершись на его руку.

— Счастья? Это будет счастьем для Вас?

— Величайшим счастьем, — прошептал он.

Она поняла, что он говорит правду, и радостная улыбка озарила ее прекрасные черты. М-р Карлайл понял ее без слов.

— Ты по-прежнему любишь меня, Барбара?

— Нет, еще сильнее, — прошептала она.

М-р Карлайл привлек ее к себе. Сердце бедняжки наконец-то преисполнилось счастьем, и она готова была стоять вот так до бесконечности.

А что же Ричард? Он крался по обочине дороги, в глубоком снегу, лежавшем возле изгороди, поскольку чувствовал себя там в большей безопасности, нежели на проезжей части, когда его зонтик столкнулся с другим зонтом. Мисс Карлайл снабдила Ричарда этой вещью вовсе не для того, чтобы защитить его выдающуюся шляпу, а для того, чтобы прохожие не увидели его лица. Зонт, с которым он столкнулся, был настоящим аристократом: из шелка, с ручкой из слоновой кости; зонт Ричарда в сравнении с ним был просто плебеем, обтянутым хлопчатобумажной тканью и едва ли имеющим вообще какую-либо ручку. Владельцы этих плодов цивилизации шли, опустив головы, пока зонты их с треском не столкнулись прямо под газовым фонарем, после чего они уставились друг на друга.

— Ты что, парень: не видишь, куда идешь?

Дик подумал, что отдал бы все деньги, лежавшие у него в кармане, если бы земля под ним милосердно расступилась и поглотила его, поскольку перед ним, вглядываясь в его лицо, стоял грозный отец.

Испуганно вскрикнув, Ричард стремглав пустился наутек. Узнал ли судья Хэйр этот голос? Кто знает. Он увидел незнакомого простолюдина с черными бакенбардами, который явно испугался, увидев его, что было вовсе не удивительно, поскольку простые прихожане относились к нему с благоговейным страхом, ибо он был судьей, причем весьма суровым. И, тем не менее, он продолжал стоять и смотреть на беглеца, пока звук его шагов не затих вдали.

Глава 18

СМЕРТЬ НА СНЕГУ

Слезы текли по лицу миссис Хэйр. После ненастной ночи наступило ясное утро: солнце ярко светило на голубом небе, а глубокий снег покрыл землю. Миссис Хэйр сидела в своем кресле, радуясь погожему дню. Рядом с ней стоял м-р Карлайл. Слезы были радостными и горькими одновременно: горькими оттого, что ей придется расстаться с Барбарой, радостными — оттого, что она выходит за такого человека, как м-р Карлайл, достойного ее дочери во всех отношениях.

— Арчибальд, она была счастлива в этом доме. Сделаешь ли ты свой дом таким же счастливым для нее?

— Я сделаю все, что будет в моих силах.

— Ты будешь добр к ней, будешь заботиться о моей девочке?

— Всем сердцем, всеми силами! Дорогая миссис Хэйр, я думал, Вы слишком хорошо меня знаете, чтобы сомневаться во мне.

— Сомневаться в тебе! Я не сомневаюсь, я безоговорочно доверяю тебе, Арчибальд. Если бы весь мир лежал у ног Барбары, я бы молилась, чтобы она выбрала тебя.

Улыбка скользнула по губам м-ра Карлайла. Он-то знал, что Барбара так и поступила бы.

— Но, Арчибальд, как же быть с Корнелией? — снова заговорила миссис Хэйр. — Я вовсе не пытаюсь вмешиваться в твои дела или же в ваши с Барбарой планы, но мне все-таки думается, что женатым людям лучше жить одним.

— Корнелия покинет Ист-Линн, — сказал м-р Карлайл. — Я еще не говорил с ней, но теперь сделаю это. Я давно уже решил, что, если когда-либо снова женюсь, мы с женой будем жить одни. Говорят, она постоянно противоречила моей бывшей жене. Если бы я хоть заподозрил нечто подобное, она бы и дня не осталась в моем доме. Можете не сомневаться: Барбара не подвергнется такому риску.

— Как, однако, ты уговорил ее? — спросил г-н судья, который ранее уже дал свое милостивое согласие на брак, а теперь снова вошел в комнату в халате и утреннем парике. — Другие пытались сделать это, но Барбара даже слушать никого не стала.

— Должно быть, я просто околдовал ее, — ответил, улыбаясь, м-р Карлайл.

— Посмотрите на нее! Барбара, — воскликнул г-н судья, не слишком церемонясь, — что ты такого особенного нашла в Карлайле?

Вместо ответа она густо покраснела.

— Папа, — сказала она, — пришел Отуэй Бетел. Он хочет поговорить с тобой, но, как говорит Джаспер, не проходит в дом.

— Ну, я-то уж точно не выйду к нему в этакий холод. Ну же, мистер Отуэй, чего Вы боитесь? Входите.

Вошел Отуэй Бетел в своем обычном костюме для охоты. Казалось, его по какой-то причине смущает присутствие миссис Хэйр и Барбары.

— Полковник попросил меня зайти к Вам, господин судья, и спросить, не будете ли Вы возражать, если он встретится с Вами не в час, а в два часа пополудни, — заговорил он, кивнув м-ру Карлайлу. — К нему неожиданно приехал друг, который уезжает сегодня двухчасовым поездом.

— Мне это абсолютно безразлично, — ответил м-р Хэйр. — По мне, так два часа — ничуть не хуже, чем один час.

— Ну что же, прекрасно. Тогда я зайду к Герберту и Пиннеру и предупрежу их. Вы слышали о том, что найден труп?

— Какой труп? — воскликнул судья Хэйр.

— Какой-то парень, который заплутал прошлой ночью, или же просто прилег, поскольку слишком устал. Его нашли сегодня утром. Он замерз. Я только что видел его: он лежит в ложбине, в стороне от дороги, там, где она поворачивает к старому коттеджу Хэллиджона. Туда шло множество людей, вот и я завернул вместе с ними.

— Кто это? — осведомился судья Хэйр.

— Какой-то чужак. Я не узнал его лицо. Он одет в рабочий халат. Молодой парень с густыми темными бакенбардами.

— Ей-Богу, я не удивлюсь, если это тот самый малый, который вчера вечером чуть не сломал мой зонтик! — вырвалось у судьи. — Он был в рабочем халате, выглядел довольно молодым, а бакенбарды у него были густые, как у ирландца. Мне показалось, что у парня не все в порядке с головой. Он несся, очертя голову и выставив зонтик вперед, ничего не видел и буквально врезался в меня. Я, конечно, разбранил его, но он, едва лишь увидел меня, испуганно вскрикнул и пустился наутек. Мне это показалось странным. Может быть, это и есть тот самый человек, о котором Вы говорите, мистер Отуэй?

— Я бы этому не удивился, сэр.

М-р Карлайл взглянул на Барбару. Она сделалась мертвенно-бледной. Он понял, о чем она подумала: не мог ли этот бедняга оказаться Ричардом? Направляясь к двери, он успел шепнуть ей на ходу:

— Я пойду взгляну на него и все тебе расскажу. Мужайся, дорогая.

— Ты уходишь, Арчибальд? — сказала миссис Хэйр.

— Хочу взглянуть на этого человека, о котором рассказывает Бетел. Я, видите ли, любопытен, словно школьница.

Он быстро пересек сад, и Барбара увидела, как он вышел за ворота. Как ей вынести эту муку ожидания! Казалось, что-то нашептывало ей, что это был именно Ричард. Отуэй Бетел откланялся, и судья, сменив парик на более нарядный и надев пальто вместо халата, отправился следом за ним: ему тоже хотелось взглянуть на покойного. В таких городках, как Вест-Линн, малейшее происшествие является важным событием и вызывает всеобщее любопытство; то, что в большем городе не заметили бы вовсе, здесь превращается в настоящее чудо, на которое все сбегаются поглазеть.

М-р Карлайл вернулся первым. Барбара ждала, выйдя на крыльцо; даже если бы от этого зависела ее жизнь, она не смогла бы выйти ему навстречу: ее слишком страшило известие, которое он мог принести. Однако, подойдя поближе, он улыбнулся и весело помахал ей рукой, словно говоря: «Не бойся, все в порядке!» Барбаре стало немного легче, но сердце все еще болезненно сжималось в груди.

— Ложная тревога, Барбара, — прошептал он. — Это совершенный незнакомец, какой-то бедняк, не знавший дороги. Он совсем не похож на Ричарда, и бакенбарды у него — рыжие.

На мгновение ей показалось, что она вот-вот лишится чувств — так велико было облегчение.

— Однако Арчибальд, подумай: не с Ричардом ли все-таки столкнулся папа, о чем и рассказал нам.

— Почти наверняка. Об этом говорят и вопль ужаса, вырвавшийся у него, и то, что он пустился наутек.

— И папа не узнал его! Как легко он отделался!

— Этот бедняга умер, Арчибальд? — поинтересовалась миссис Хэйр, когда он вошел в гостиную.

— Увы. Похоже, он мертв уже несколько часов.

— Ты узнал его?

— Нет. Он не здешний.

В этот вечер мисс Карлайл стало легче. Она практически уже выглядела здоровой, и м-р Карлайл после обеда завел разговор о своей женитьбе.

— Корнелия, когда я женился на леди Изабель Вейн, ты сурово упрекала меня за то, что я держал тебя в неведении...

— Если бы ты не поступил так, а посоветовался со мной, как сделал бы любой добрый христианин, ход событий мог быть совершенно иным, и, возможно, удалось бы избежать того несчастья и позора, которые обрушились на этот дом! — яростно перебила его мисс Карлайл.

— Забудем о прошлом, — сказал он, — и подумаем о будущем. Я хотел заметить, что не собираюсь вторично вызвать твое недовольство той же самой провинностью. Я полагаю, ты так и не простила ее до конца.

— И не прощу, — в запальчивости воскликнула она. — Я не заслужила такого унижения!

— Поэтому я сообщаю тебе эту новость сразу же. Я собираюсь жениться во второй раз, Корнелия.

Мисс Карлайл вздрогнула. Очки упали у нее с носа, а коробка с вязаньем, стоявшая у нее на коленях со стуком свалилась на пол.

— Что ты сказал? — в ужасе переспросила она.

— Я собираюсь жениться.

— Ты?!

— Я. Что в этом удивительного?

— Ради элементарного здравого смысла, не будь ты таким дураком! Однажды ты уже поступил так: тебе что, оказалось этого недостаточно, если ты снова собираешься сунуть голову в хомут?

— Ну вот, Корнелия: и ты еще удивляешься, что я не обсуждаю с тобой такие вещи, когда ты встречаешь эту новость в штыки! Ты относишься ко мне так, словно я все еще ребенок. Право же, это очень глупо.

— Кто ведет себя, как ребенок, заслуживает и соответствующего обращения. Когда ты женился в первый раз, я считала тебя безумцем, а теперь полагаю, что ты — дважды безумец.

— Раз ты предпочла остаться одинокой сама, является ли это достаточным основанием для того, чтобы и меня обречь на то же самое? Возможно, ты и счастлива в одиночестве. Я же был бы счастливее с женой.

— Да, чтобы она могла сбежать и опозорить тебя так же, как предыдущая, — мисс Карлайл совершенно перестала сдерживаться, поскольку в приступе ярости даже не думала о том, что она говорит.

Лицо м-ра Карлайла вспыхнуло, но он все еще владел собой.

— Нет, — спокойно ответил он. — Я не страшусь того, что моя избранница поступит таким же образом.

Мисс Корни собрала свое вязание в коробку, которую он подобрал с пола. Руки ее дрожали, а лицо подергивалось, ибо эта новость был для нее не меньшим ударом, чем известие о его первом браке.

— И кого же, скажи на милость, ты выбрал? — отрывисто спросила она. — Все барышни в округе вздыхали по тебе.

— Кто бы это ни был, Корнелия, ты все равно будешь ворчать. Скажи я, что она принцесса по крови или дочь простого крестьянина — ты все равно отыщешь недостатки.

— Конечно. Я знаю, кто она. Эта зазнайка Луиза Доубид.

— Увы нет. У меня не было никаких планов в отношении Луизы Доубид, как, впрочем, и у нее. Я женюсь, чтобы быть счастливым, а Луиза Доубид не устраивает меня как жена.

— Ты и в первый раз рассуждал таким же образом.

— Да, так же.

— Ну ладно: ты можешь наконец раскрыть рот и сказать, кто это? — раздраженно ответила она.

— Это Барбара Хэйр.

— Кто? — взвизгнула мисс Карлайл.

— Ты же не глухая, Корнелия.

— Ну, ты и в самом деле идиот! — воскликнула она, воздев руки и закатив глаза.

— Благодарю тебя, — сказал он без малейших признаков раздражения.

— Так это и есть на самом деле, Арчибалд. Подумать только: как мне стерпеть то, что эта девица, давно пытавшаяся поймать тебя на крючок, все-таки сумела сделать это в конце концов!

— Она не пыталась поймать меня на крючок: если бы она делала это, ей, возможно, никогда не удалось бы стать миссис Карлайл. Каким бы мимолетным чувством ко мне она ни воспыкала в прежние дни, в последние годы она ничем не проявляла его. Более того: я совершенно уверен, что ей даже в голову не приходило, что я могу сделать ее своей второй женой, так же, как, скажем, тебе самой никогда не думалось, что я выберу для этого тебя. Другие совершенно очевидно пытались подцепить меня, но не Барбара.

— Она — маленькая тщеславная кокетка, столь же тщеславная, сколь и испорченная.

— Что еще ты имеешь против нее?

— Лично я женилась бы на девушке с незапятнанной репутацией — если бы мне нужно было жениться, — едко ответила мисс Корни.

— Незапятнанной?

— Да, это пятно. Это, что, спрашивается: честь — иметь такого брата, как Ричард?

— Это вовсе не запятнало Барбару. К тому же, не исключено, что придет то время, когда с Ричарда снимут обвинение.

Мисс Корни фыркнула.

— Возможно, свиньи могут летать, но я никогда не видела, чтобы они пытались сделать это.

— И еще, Корнелия: относительно твоего места жительства. Я полагаю, ты вернешься в свой дом.

Мисс Корни не поверила своим ушам.

— Вернусь в мой собственный дом! — воскликнула она. — И не подумаю. Что может помешать мне остаться в Ист-Линне?

М-р Карлайл покачал головой.

— Это невозможно, — тихо, но решительно сказал он.

— Кто это сказал? — резко спросила она.

— Я. Ты забыла ту ночь, когда она убежала? Что сказала тогда Джойс? Корнелия, независимо от того, правда это или нет, я не хочу подвергать такому риску другую женщину.

Она не ответила, лишь раскрыла рот и снова закрыла его. Мисс Карлайл не выносила напоминаний о том откровении Джойс. Лишь они могли усмирить эту неукротимую особу.

— Я не пытаюсь бросить тень на тебя, — поспешно добавил м-р Карлайл. — Ты была хозяйкой дома много лет, ты словно создана для этого, но две хозяйки в доме не уживутся, Корнелия. Такого еще никогда не случилось и не случится в будущем.

— Почему ты не поделился со мной этими соображениями, когда я впервые приехала в Ист-Линн — не выдержала она. — Ненавижу лицемерие!

— Тогда я так не думал. Я ничего не знал об этом, как и о многих других вещах. С тех пор я стал опытнее.

— Тебе не найти лучшей хозяйки дома, чем я, — обиженно сказала она.

— Мне это и не нужно. Жильцы выезжают из твоего дома в марте, не так ли?

— Да, — резко ответила мисс Корни. — Но раз уж мы перешли к деталям, позволь сказать, что ты бы поступил разумнее, переехав в мой дом, а я нашла бы себе что-нибудь поменьше — раз уж ты полагаешь, что я отравлю Барбару Хэйр, если останусь с ней под одной крышей. Ист-Линн — слишком большой и роскошный дом для тебя.

— Я так не считаю и поэтому не покину Ист-Линн.

— Ты понимаешь, что я, оставляя этот дом, заберу и свои деньги, мистер Арчибальд?

— Разумеется. Твой доход принадлежит тебе одной и пригодится для твоих собственных нужд. У меня нет ни права, ни желания пользоваться им.

— Однако должна сказать, что это будет большая дыра в твоём бюджете. Смотри, чтобы ты не обанкротился со своим Ист-Линном.

М-р Карлайл рассмеялся.

— Я позабочусь об этом, Корнелия. Если бы я не был достаточно обеспечен, я бы не жил в Ист-Линне. При всем моем расточительстве — как ты любишь это называть — я еще откладываю немалые суммы, и тебе это известно.

— Ты мог бы откладывать больше, если бы поменьше тратился, — не сдавалась мисс Карлайл.

— Я не собираюсь жить, как отшельник или как скряга.

— Нет, как здравомыслящий человек. Подумать только; ты снова приносишь себя в жертву! — горестно запричитала она. — И кому? Барбаре Хэйр! Этой расточительной, тщеславной выскочке.

М-р Карлайл спокойно выслушал нелестную характеристику Барбары. Поступить иначе просто не имело смысла. Вряд ли мисс Корни смогла бы относиться к ней лучше, ибо ее появление в Ист-Линне означало для мисс Карлайл уход из этого дома.

В этот момент прозвенел дверной звонок. Даже это вызвало гнев мисс Карлайл.

— Кого еще принесло на ночь глядя? — воскликнула она.

Вошел Питер.

— Майор Торн, сэр. Я провел его в гостиную.

М-р Карлайл был удивлен этим неожиданным визитом. Он прошел в гостиную, а мисс Карлайл тем временем вызвала Джойс. Как ни странно, ей и в голову не пришло взбунтоваться против этого решения. В глубине души она давно понимала, что если м-р Карлайл женится во второй раз, ее пребыванию в Ист-Линне придет конец. Ист-Линн принадлежал м-ру Карлайлу. Она имела возможность убедиться в том, что он в некоторых случаях умеет быть непреклонным, и тон, которым он говорил с ней, свидетельствовал о том, что тут был именно такой случай.

— Джойс, — начала она с присущей лишь ей одной бесцеремонностью, — твой хозяин вторично собирается совершить глупость, так что я уезжаю из Ист-Линна. Ты пойдешь ко мне старшей горничной, как раньше?

— Что, мэм? — в изумлении воскликнула Джойс. — Что собирается сделать хозяин?

— Сделать из себя дурака, — раздраженно повторила мисс Карлайл. — Он снова собирается связать себя узами брака, вот что! Итак, ты останешься здесь или уйдешь со мной?

— Я бы ушла с Вами, мэм, если бы не одно препятствие.

— Какое?

— Обещание, которое я дала леди Изабель. Она потребовала его у меня, когда думала, что умрет — обещание, что я останусь с ее детьми. В конце концов, не смерть разлучила ее с ними, но это почти одно и то же.

— Не совсем, — саркастически заметила мисс Карлайл. — Есть и другая сторона медали, на которую ты, возможно, не взглянула. Позволят ли тебе остаться здесь, когда в Ист-Линне появится новая хозяйка?

Джойс задумалась.

— Позвольте мне дать ответ чуть позже, — наконец ответила она.

— Ну и поездка! — говорил тем временем майор Торн м-ру Карлайлу. — Мне всегда не везет с погодой, когда я отправляюсь в путь. Ни дождь, ни град, ни гроза, ни жара — ничто не минует меня в дороге. Рельсы засыпало невероятно толстым слоем снега: на одной из станций нас задержали на два часа.

— Вы планируете погостить в Вест-Линне?

— Завтра же — в обратный путь. В этот раз я должен провести свой отпуск у матери. Может быть, я выделю из него недельку на Вест-Линн, но пока еще не уверен в этом. В Ирландию я должен вернуться через месяц. Боже мой, в какой дыре мы сейчас расквартированы! Сказать по правде, Карлайл, я приехал сюда из-за женщины.

— Вот как!

— Я влюблен в Барбару Хэйр. Маленькая негодница ответила отказом на мое письмо, но, как говорит Герберт, лучше всего свататься лично, собственной персоной. Вот за этим я и приехал.

М-р Карлайл задумался на мгновение и решил, что будет порядочнее рассказать майору об истинном положении дел, нежели заставить его получить еще один отказ от Барбары и узнать обо всем от знакомых.

— Вы не застрелите меня, майор, если я осмелюсь сказать, что повторное сватовство к Барбаре будет бесполезным?

— Она ведь свободна, не так ли? — поспешно спросил майор Торн. — Она не замужем?

— Не замужем пока. Но она выходит замуж.

— Ах, это мое вечное невезение! Кто же этот счастливчик?

— Вы должны обещать, что не вызовете его на дуэль, если я открою его имя.

— Карлайл! Уж не Вы ли?

— Ну, вот Вы сами и произнесли это имя.

Наступила недолгая тишина, которую нарушил м-р Карлайл.

— Это не должно раздражить нас, Торн. Не позволяйте этому случиться!

Майор протянул свою руку и пожал руку м-ра Карлайла.

— Нет, клянусь Иовом! Это все судьба. И, раз уж она не досталась мне, пусть она лучше будет принадлежать Вам, чем кому-либо еще. Вы были помолвлены, когда несколько месяцев назад я просил Барбару быть моей женой?

— Нет. Это случилось совсем недавно.

— Барбара сообщила Вам о моем предложении? — продолжал майор Торн, причем лицо его сделалось немного обиженным.

— Нет, конечно же: Вы не знаете Барбару, если полагаете, что она способна так поступить. Господин судья невольно проговорился об этом в приступе ярости.

— Его привело в ярость то, что я сватался к его дочери?

— Нет, он гневался на Барбару за то, что она отказала. Не за то, что отказала именно Вам, — добавил м-р Карлайл, исправившись. — Она отказывала всем и тем самым вызвала родительское неудовольствие.

— Вам она тоже отказала?

— Нет, — улыбнулся м-р Карлайл. — Она ответила согласием.

— Ну, конечно, я же говорил: судьба. Но она замечательная девушка, и я так жалею, что мне не посчастливилось стать ее избранником.

— Давайте сменим тему, — снова заговорил м-р Карлайл. — Я давно собирался задать Вам один вопрос, если нам доведется снова свидеться. В каком году Вы гостили в Свейнсоне?

Майор Торн назвал тот год, в который произошло убийство Хэллджона.

— Как я и думал, точнее — как знал, — сказал м-р Карлайл. — Вы, находясь здесь, не встречались со своим однофамильцем, неким Торном?

— Кажется, да. Но я не был с ним знаком лично и видел его всего один раз. Не думаю, что он жил в Свейнсоне. Я никогда не видел его в городе.

— Где Вы встретились с ним?

— В придорожной пивной, милях в двух от Свейнсона. Я катался верхом, когда разразилась ужасная гроза, и я укрылся от дождя в этом заведении. Не успел я войти, как еще один человек, прискакавший на лошади, вошел в помещение. Высокий, щеголеватый мужчина, аристократичный и изысканный. Когда он уехал — а он пустился в путь раньше меня, как только закончилась гроза, — я спросил, кто это был. Владелец пивной не знал этого, хотя, по его словам, часто видел его проезжающим мимо, но один из посетителей сказал, что это некто капитан Торн. Между прочим, этот же человек добавил, что он приехал издалека, откуда-то из-под Вест-Линна. Я хорошо это помню.

— Кто, капитан Торн?

— Нет, этот человек. Он, как мне казалось, ничего не знал о капитане Торне, кроме его имени.

Вечная история! Только обрывки информации, но ничего существенного, такого, за что можно было бы ухватиться или на основании чего можно было бы опознать человека. Неужели так будет всегда?

— Вы бы узнали его, если бы увидели снова? — заговорил м-р Карлайл, возвращаясь к действительности.

— Думаю, что узнал бы. Было у него в выражении лица что-то необычное, и я хорошо это помню.

— Если Вам случится встретиться с ним и узнать его настоящее имя — поскольку у меня есть основания считать, что Торн — имя вымышленное, — не окажете ли Вы мне любезность, сообщив об этом?

— С удовольствием, — ответил майор. — Хотя шансы на это невелики, поскольку меня загнали в эту злосчастную Ирландию, Подумать только: другие полки расквартированы в столице или где-нибудь поблизости от нее, но только не наш!

Когда майор Торн откланялся, а м-р Карлайл собирался вернуться в ту комнату, где оставил сестру, с ним заговорила Джойс.

— Сэр, — начала она, — мисс Карлайл говорит, что в Ист-Линне скоро кое-что изменится.

Эти слова неприятно удивили м-ра Карлайла.

— Мисс Карлайл несколько поторопилась с этим известием, — заметил он, не без некоторого высокомерного неудовольствия в голосе.

— Она сказала это не ради того, чтобы поставить в известность меня, сэр. Она, я полагаю, думала о собственных планах, так как хотела знать, не уйду ли я вместе с ней, или же все-таки останусь в Ист-Линне. Я не могла ответить ей, не переговорив с Вами, сэр.

— Итак? — сказал м-р Карлайл.

— Я дала обещание, сэр, моей... моей покойной хозяйке, что я останусь с ее детьми до тех пор, пока мне это будет позволено. Она просила меня об этом, когда была больна и полагала, что

умрет. Поэтому я хотела спросить Вас, сэр, не будете ли Вы, в связи с предстоящими переменами, возражать против моего пребывания здесь.

— Нет, — решительно ответил он. — Я также хотел бы, Джойс, чтобы Вы остались с детьми.

— Спасибо, сэр, — ответила Джойс и с просветленным лицом вышла из комнаты.

Глава 19

МИСТЕР ДИЛЛ НАДЕВАЕТ ВЫШИТУЮ СОРОЧКУ

Итак, наступило ясное июльское утро, которое привело в движение весь Вест-Линн. Вообще-то городок каждое утро приходил в движение, но отнюдь не такое бурное. Люди толпами сходились к церкви Св. Джеда, ибо день, с описания которого мы начали эту главу, был днем свадьбы м-ра Карлайла и Барбары Хэйр.

Мисс Карлайл предпочла сделать из себя что-то вроде мученицы. Она сказала, что не пойдет на пышную свадьбу в большую церковь: они и без нее сумеют связать себя узами брака. Она предложила детям и гувернантке провести день в ее обществе и упорно обращалась с детьми так, словно они тоже были мучениками, вынужденными смириться с появлением новой матери. Мисс Карлайл уже переехала в свой старый дом по соседству с конторой, где и устроилась со своими слугами. Питер смертельно обидел ее, поскольку предпочел остаться в Ист-Линне.

М-р Дилл совершил ужасный проступок в день свадьбы, и ему лишь чудом удалось избежать встряски, подобной той, которую он получил после первого бракосочетания м-ра Карлайла.

Около десяти утра он явился к мисс Карлайл: будучи человеком старой закваски и старомодных взглядов на жизнь, он полагал, что зайти и поздравить ее в такой знаменательный день будет признаком хорошего тона.

Мисс Карлайл восседала, сложив руки, в своей гостиной. Нечасто можно было застать ее бездействующей, как в этот день. Она взглянула на м-ра Дилла и, прежде чем он успел сказать хоть слово, заявила:

— Что, скажите на милость, с Вами случилось? Вы расфуфырены, как юный денди.

— Я иду на бракосочетание, мисс Корнелия. Разве Вы не знаете? Миссис Хэйр любезно пригласила меня на завтрак, а мистер Арчибальд настаивает на том, чтобы я был в церкви. Я не слишком нарядный?

Бедняга Дилл подразумевал белый жилет с золотыми пуговицами и вышитую сорочку. Мисс Корни с готовностью обрушила на эти несчастные предметы туалета свой гнев вперемешку с сарказмом.

— Нарядный! — повторила она. — Я даже не знаю, как это назвать. Я бы ни за какие коврижки так не вырядилась. Все оборванцы, шатающиеся на улице, пойдут за Вами следом, приняв за жениха. Подумать только: человеку Ваших лет одеться в вышитую сорочку! Я бы уж тогда украсила розетками фалды Вашего сюртука.

— Но мой сюртук совершенно неприглядный, мисс Корнелия, — робко возразил он.

— Неприглядный! А Вы чего хотели? — едко ответила мисс Корни. — Вы желаете, чтобы на нем была вышита гирлянда из золотых листьев и пурпурных цветов, а также вшит воротник на лебяжьем пуху? Это как раз подошло бы к Вашей сорочке и жакету. А я могла бы заказать платье из тарлатана¹⁹, украшенное душистым горошком, и в таком виде прошествовать через весь город.

— Ну, все люди любят приодеться понаряднее на свадьбу, мисс Корнелия. Гости тем самым как бы оказывают уважение хозяевам.

— А я и не говорю, что нужно идти на свадьбу в холстине. Но надо же иметь чувство меры! Вы помните, сколько Вам лет?

— Мне исполнилось шестьдесят, мисс Корни.

— Вот именно. И Вы считаете приличным для пожилого человека, шестидесяти лет от роду, быть таким расфуфыренным? На мой взгляд, это непозволительно. Да Вы станете посмешищем для всего прихода! Смотрите, чтобы мальчишки не привязали к Вам жестянку!

М-р Дилл решил сменить тему разговора. Сам он полагал, что отнюдь не переборщил с мерой нарядности, и приход вовсе не подвергнет его осмеянию; тем не менее, чрезвычайно уважая суждения мисс Корни, наш герой почувствовал некоторое беспокойство. Входя в комнату, он

¹⁹ Жестко накрахмаленная кисея

держал свои белые перчатки в руках, но теперь незаметно сунул их в карман, чтобы они, упаси Господи, также не вызвали неудовольствия хозяйки. Итак, он перешел к делу.

— Я пришел для того, чтобы поздравить Вас в этот знаменательный день, мисс Корнелия. Надеюсь, мистер Арчибальд, его жена и Вы, мэ-эм...

— Вот оно что! Можете не продолжать, — яростно перебила его мисс Корни. — Сегодня мне большегодились бы соболезнования. По мне — так уж лучше бы Арчибальд отправлялся на виселицу!

— Мисс Корни!

— Да-да! И нечего на меня смотреть так, будто я Вас душу. Чего ради, спрашивается, снова лезть в оковы брака? Как будто ему недостаточно было первой жены! Я всегда говорила: Арчибальд слаб головой.

Старина Дилл прекрасно знал, что м-р Карлайл вовсе не «слаб головой», но он решил, что не стоит говорить это в присутствии мисс Корни, особенно при ее теперешнем расположении духа.

— Насколько мне известно, мэ-эм, женитьба — это благое, равно как и почетное, состояние, и я уверен, что мистер Арчибальд...

— Да уж: весьма благое и почетное! — саркастически вскричала мисс Карлайл. — Именно таким был его предыдущий брак, верно?

— Что было, то прошло, мисс Корни, и не стоит вспоминать об этом. У него было несколько счастливых лет, прежде чем случилась эта беда. Надеюсь, его вознаградит за прошлые страдания его новая жена: девушки красивее и добрее мисс Барбары не сыскать, и я всем сердцем рад, что он женится на ней.

— Так уж и не сыскать! — отрывисто сказала мисс Карлайл.

— Да, мэ-эм, именно так. Если бы я был молод и хотел жениться, я тоже обратил бы свой взор на мисс Барбару. Не то чтобы она вышла за меня: я не это имел в виду, мисс Корни.

— Да уж надеюсь, — язвительно ответствовала мисс Корни. — Она ленивая, дерзкая, тщеславная вертихвостка, которую интересуется только собственное кукольное личико, да еще Арчибальд.

— Ах, мэ-эм, пусть это Вас не тревожит: хорошенькие молодые девушки знают о своей красоте, и с их тщеславием приходится мириться. Я знаю, что она будет ему хорошей, любящей женой; это у нее в характере, и она не поступит с ним так, как... та другая, бедняжка.

— Если бы я боялась, что она опозорит его, как та другая, то сей же час направилась бы в церковь и не дала бы им обвенчаться; а если и это не помогло бы, то я... я... задушила бы ее! — взвизгнула мисс Карлайл. — Нет, Вы только посмотрите, какая наглость!

Последняя фраза, произнесенная уже другим тоном, относилась к кому-то из прохожих. Мисс Карлайл вскочила со стула и подошла к окну. М-р Дилл тоже увидел зрелище, столь возмутившее нашу героиню.

В веселеньком летнем платье, красивом и блестящем, маленькой кокетливой шляпке с розовой отделкой, затенив лицо одним из тех трудно поддающихся описанию аксессуаров, который сейчас называют вуалью, из белой крапчатой сеточки, отделанной розовым рюшем, мимо проплыла Эфи Хэллиджон, самодовольная, глупенькая и хорошенькая, как всегда. Встретившись глазами с мистером Диллом, она отвесила ему веселый и грациозный поклон. Вежливый старый джентльмен ответил тем же, за что последовала немедленная кара от мисс Корни.

— Что это на Вас нашло?

— Ну, она поклонилась мне. Вы же видели.

— Да, я видела ее, эту бесстыдницу. И она видела меня, однако адресовалась к Вам. И Вы поклонились ей в ответ, в моем присутствии, вместо того, чтобы погрозить кулаком и осуждающе нахмуриться. Да Вам самому надо задать хорошенько!

— Но, мисс Корни, кто прошлое помянет — тому глаз вон, — взмолился бедняга. — Она была ветреной и глупой, это верно; однако теперь, когда выяснилось, что она не сбежала с Ричардом Хэйром, в чем ее подозревали, и ведет приличную жизнь, отчего же игнорировать Эфи?

— Даже если бы здесь стоял дьявол собственной персоной, с рогами и хвостом, у Вас и для него нашлось бы оправдание! — не выдержала мисс Корни. — Вы так же безнадежны, как и Арчибальд. Иметь дело с Эфи Хэллиджон, когда она одевается, флиртует и жеманничает, как мы

только что видели! Какая приличная служанка станет щеголять в таком платье и шляпке? Они такие же неприличные, как Ваша сорочка.

М-р Дилл робко кашлянул, не желая возвращаться к обсуждению своей сорочки.

— Она не совсем служанка, мисс Корни, она — горничная у леди, а они все — щеголихи. Я очень уважал ее отца, мэм: никогда в нашей конторе не было лучшего клерка, чем он.

— Может быть, Вы еще скажете, что и ее уважаете? Нет, мир определенно встал с ног на голову. Раньше хозяйки нанимали служанок для работы; теперь, похоже, они держат их ради забавы. Можете не сомневаться, что она идет в церковь полюбоваться на пышную свадьбу, вместо того, чтобы дома, в хлопчатобумажном платье и белом переднике, застилать постели. Миссис Латимер какая-то чудная хозяйка, если позволяет ей такое. Зачем тут пролетка? — резко добавила мисс Корни, когда к двери конторы подъехал одноконный экипаж.

— Пролетка? — сказал м-р Дилл, вытянув свою лысую голову. — Должно быть, приехала за мной. В таком случае я вынужден откланяться, мисс Корни.

— Пролетка для Вас! — воскликнула мисс Корни. — У Вас что, подагра, и Вы не можете дойти до церкви пешком?

— Я отправляюсь не в церковь, а в Гроув, мисс Корни. Я полагал, приехать на пролетке, мэм, будет приличнее.

— В таком наряде Вам без нее, конечно, не обойтись, — едко ответила она. — Отчего Вы не надели бальные туфли и шелковые чулки с розовыми стрелками!

М-р Дилл был рад, что может откланяться, но ему хотелось сказать при этом что-нибудь приятное, дабы показать ей, что он не таит зла за суровый прием.

— Посмотрите-ка: толпы людей стекаются в церковь. Сегодня она будет набита битком.

— Ну конечно, — ответствовала она. — Дурной пример заразителен.

«Боюсь, что мисс Корнелии этот брак нравится ничуть не больше, чем предыдущий, — сказал себе м-р Дилл, усаживаясь в пролетку. — Подумать только: такая разумная женщина, и вдруг ожесточилась на мистера Карлайла за то, что он женится! Это не похоже на нее. Кстати, — добавил он, подумав о другом, — не выгляжу ли я глупо в этой сорочке? Я и не думал наряжаться, чтобы выглядеть моложе — как говорит мисс Корни; я только хотел засвидетельствовать свое почтение мистеру Арчибальду и мисс Барбаре: ничто другое не заставило бы меня заплатить за нее двадцать пять шиллингов. Может быть, по этикету — или как там это называется — их не принято надевать утром? Мисс Корни в этом разбирается. И потом, не беспричинно же она так разозлилась из-за этой сорочки. Ну, теперь уж ничего не поделаешь: у меня нет времени на то, чтобы возвращаться домой и менять сорочку».

Церковь Св. Джеда была переполнена. Туда собрались буквально все, без исключения. Те, кому не хватило места в церкви, стояли во дворе и вдоль дороги. К надгробиям в этот день, увы, относились без должного уважения, попирая их стопами многочисленных зевак: по меньшей мере, двадцать пять мальчишек, чуть ли не один на другом, облепили ограду вокруг могилы лорда Маунт-Северна. Когда же приедут новобрачные? Уже пробило одиннадцать, а их все не было. Толпа на улице стала проявлять признаки нетерпения, равно как и более respectable публика в самой церкви. Еще бы: некоторые уже находились там в течение двух часов.

Чу! Послышался звук приближающихся экипажей. Да, подъезжал свадебный поезд, и церковный сторож вместе со служкой принялись расчищать место перед ограждением алтаря от тех зевак, на присутствие которых до настоящего момента они смотрели сквозь пальцы. Да, в появившейся процессии было на что посмотреть! Дамы и джентльмены принарядились по такому случаю и выглядели весьма импозантно.

Одним из первых в церковь вошел м-р Карлайл, спокойный и уравновешенный, джентльмен до кончика ногтей. Он выглядел величаво, впрочем, как всегда. В числе гостей были м-р и миссис Клизероу, то бишь Анна Хэйр со своим мужем, что удивило некоторых зевак, не ведавших об их приезде на свадьбу. Нежная, утонченная миссис Хэйр шла к церкви, опираясь на руку сэра Джона Доубида, причем ее милое, грустное лицо выглядело бледнее обычного.

— Она, должно быть, думает о своем непутевом сыне, — зашептались сплетники.

А кто же это? Шествует с таким видом, будто ему принадлежит вся церковь вместе с тем, что в ней находится? Величественный и важный муж, строгий и суровый, в новом парике соломенного

цвета и с белой розой в петлице? Конечно же, это судья Хэйр, и он привлекает наибольшее внимание своих земляков, которые даже вскакивают с мест, чтобы полюбоваться на него.

Барбара выглядела чудесно в своем подвенечном платье из белого шелка, с фатой, спадающей на плечи. Ее волнение выдавали нежные щеки, то красневшие, подобно розам, то белые, как скрывающая их вуаль. За ней мелкими шажками важно шествовали подружки невесты: Луиза Доубид, Августа и Кейт Герберт, а также Мэри Пиннер.

М-р Карлайл уже занял свое место у алтаря, и, когда к нему подошла Барбара, он приблизился к ней, взял ее за руку и поставил слева от себя. Мне кажется, это было несколько необычно; однако, м-р Карлайл уже венчался ранее, и ему лучше знать, что делать. Священник указал всем остальным их места, и служба, наконец, началась.

Несмотря на свое волнение — а оно, без сомнения, было настолько велико, что она не могла его скрыть, — Барбара держалась молодцом. Можете не сомневаться: всякая женщина, любящая того человека, с которым венчается, не может не испытывать сходные чувства.

— Берешь ли ты этого человека себе в мужа, дабы жить по заветам Господа в освященном Богом браке? — заговорил преподобный м-р Литтл. — Будешь ли ты слушаться его, служить ему, любить, почитать его и хранить ему верность, здоровому или больному, и, отринув всех прочих, блюсти себя только для него, пока вы оба будете живы?

— Да.

Ответ прозвучал ясно, твердо и выразительно, словно Барбара думала о той, которая не «хранила себя только для него», а теперь заявляла о своем решении никогда, с Божьей помощью, не предавать своего супруга.

Церемония была недолгой, и Барбара, с заветным кольцом на пальце, под руку с мистером Карлайлом, проследовала к его экипажу, который теперь принадлежал и ей, ибо разве он только что не поклялся разделить с ней все, чем владеет?

Увидев ее милое лицо, зеваки, столпившиеся во дворе, разразились приветственными возгласами и криками «Ура!», но экипаж вскоре выбрался из толпы, которая перенесла свое любопытство на прочие коляски, которые должны были последовать за ним. Все гости отправились обратно в Гроув, на завтрак. М-р Карлайл, нарушив молчание, внезапно повернулся к своей невесте и спросил ее с волнением, почти с болью в голосе:

— Барбара, ты выполнишь обет верности?

Она подняла на него свои голубые глаза, полные любви; от волнения у нее выступили слезы.

— Да, я буду верна тебе, в делах и в мыслях, пока смерть не разлучит нас, И да поможет мне Господь!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

ШТАЛЬКЕНБЕРГ

С тех пор минуло больше года.

В ту осень немецкие курорты на минеральных водах были переполнены. Они вообще постоянно переполнены в это время года, когда англичане стаями улетают за границу, подобно ласточкам, покидающим нашу старую добрую отчизну, чтобы снова вернуться туда в один прекрасный день.

Нам уже прискучила Франция, и теперь мы обратили свои взоры на Германию. В Шталькенберге в этом году людей было великое множество, разумеется, для городка таких размеров, который, казалось, мог бы легко разместиться в ореховой скорлупе и получил все, чем мог гордиться, включая свое собственное название, от местного вельможи, барона фон Шталькенберга.

Барон был дюжим стариком с седеющей бородой, седеющей шевелюрой и манерами ничуть не лучше, чем у диких кабанов, на которых он охотился. У него было четыре сына, таких же дюжих, как их отец, шевелюры которых обещали со временем поседеть не хуже отцовской. Все они носили титул графа фон Шталькенберг, и различали их только по именам: всех, кроме старшего сына, которого обычно называли молодым бароном. Двое сыновей служили офицерами, а младший и старший сын жили вместе с отцом в полуразвалившемся замке Шталькенберг, который находился примерно в миле от деревушки, называвшейся так же, как и замок. Молодой барон волен был жениться по своему усмотрению, чего нельзя было сказать о его братьях — разве что для них сыскались бы невесты, способные обеспечить себя и мужа. Так они были воспитаны, и это было осознанным убеждением, кредо, взбунтоваться против которого им даже в голову не приходило. Шталькенберг ничем не отличался от прочих подобных курортов славного германского Фатерлянда²⁰, у него были свои собственные липовые деревья, красивые пейзажи, свой курзал, балы, концерты, табльдоты, столы для карточной игры, где все время повторяют одну и ту же фразу, на которую, сказать по правде, даже не стоило бы тратить блаженный дар слуха: «Делайте свою игру, господа, делайте свою игру!»; он также имел собственные променады и, разумеется, воды. Последние рекламировались — а некоторые из них даже соответствовали своей репутации — как средство против всех известных человеку хворей, от апоплексии до приступа любовной горячки, при условии, что принимались в достаточном количестве.

Молодой барон фон Шталькенберг (которого, впрочем, именовали молодым лишь для того, чтобы как-то отличить от отца, ибо ему шел уже сорок первый год) был известен как славный малый и страстный любитель охоты: он был заклятым врагом диких кабанов и волков. Граф Отто фон Шталькенберг (на одиннадцать лет моложе брата) был известен разве что лихо закрученными усами, обжорством и непомерным пристрастием к пиву. Ходили слухи, что в замке Шталькенберг кормили не слишком сытно: ни старый барон, ни его наследник не тяготели к роскоши: поэтому граф Отто с готовностью усаживался за общий стол, как только кто-нибудь приглашал его. А это, надо сказать, случалось ежедневно, ибо «граф фон Шталькенберг» звучало звонко и само по себе, а то, что его отец восседал как владетельный господин в баронском замке неподалеку, лишь добавляло значимости владельцу титула, перед которым многие склонялись, словно идолопоклонники.

²⁰ Отечества (нем.)

В то время в отеле «Людвиг Бад», самом престижном в Шталькенберге, проживало семейство Кросби, состоявшее из м-ра и миссис Кросби, а также их единственной дочери, в сопровождении гувернантки и двух или трех слуг. Мне трудно сказать, что рассорило м-ра Кросби с Англией, но он никогда не бывал на родине. Годами он с семьей жил за границей, причем не на одном месте, а в постоянных путешествиях, переезжая с места на место по собственной прихоти и нигде не задерживаясь более, чем на год или два. Глава семейства был уважаемым, дородным мужчиной со спокойными манерами джентльмена, абсолютно непохожим на того, у кого есть причины опасаться законов своей собственной страны. Хочу подчеркнуть: я не говорю и даже не подразумеваю, что он боялся их; хорошо знавший его джентльмен утверждал много лет назад, что Кросби мог ехать домой и поселиться в особняке на Пикадилли не хуже самых богатых людей его округа. Однако, разорившись на одной аванюре, на чем-то вроде аферы с Красным морем, он не мог позволить себе жить так, как раньше, а потому предпочитал оставаться за границей.

Миссис Кросби была приятной, разговорчивой женщиной, большой любительницей повеселиться, а Элен Кросби была девушкой семнадцати лет, с замечательными манерами. Впрочем, на вид ей можно было дать и больше, поскольку ни наружностью, ни манерами она отнюдь не походила на ребенка. Кроме всего прочего, Элен была богатой наследницей, так как дядюшка оставил ей двадцать тысяч фунтов, а после смерти матери к ним должны были прибавиться еще десять тысяч. Граф Отто, прознав о тридцати тысячах фунтов, нацелил на богатую невесту свои геройские усы.

— Тридцать тысяч фунт и один красивая девочки! — размышлял он вслух на английском, поскольку был высокого мнения о своем владении этим языком. — Именно этого я и хотел.

Он навел справки, узнал, что слухи о ее богатстве соответствуют действительности, и с тех пор стал почти неразлучен с семейством Кросби. Им его общество было так же приятно, как ему — их, ибо разве он не был «граф фон Шталькенберг»? Прочие отдыхающие, с завистью поглядывая на эту идиллию, готовы были пожертвовать чем угодно ради подобного близкого знакомства со столь знатной особой. Трудно сказать, радовало ли это отличие м-ра Кросби так же, как «мадам» и «мадемуазель»: он был с графом вежлив и приветлив, миссис же Кросби держала супруга буквально под каблуком во всем, что касалось светской жизни. Однажды, в грохочущем экипаже, прикатил старый барон фон Шталькенберг. Подобной колесницы, такой формы и с такими серебряными украшениями, не видывали, пожалуй, со времен Адама. Она была гордостью предков барона, но в последнее время ее покой редко нарушался. Экипаж сопровождали несколько егерей в зеленых с серебром костюмах. Он остановился у дверей «Людвиг Бад», словно магнитом притянув к окнам всех обитателей отеля, желавших насладиться подобным зрелищем.

Старый вождь явился с официальным визитом к Кросби, и хозяин отеля, явившийся, чтобы лично показать своему «предводителю» его покои, низко кланялся на каждом шагу, приговаривая: «Вот комнаты для славного барона фон Шталькенберга».

Славный барон явился для того, чтобы пригласить семейство Кросби на пир в своем замке, который еще не видывал подобного торжества, и Отто получил «карт бланш» на приглашение в Шталькенберг прочих почтенных гостей Шталькенберга: англичан, французов, и местных жителей, которые были достаточно любезны с ним.

У м-ра Кросби голова пошла кругом. Да и как, скажите, о почтенный читатель, знающий наш национальный характер, было ей не закружиться? И Вы, конечно же, не удивитесь, узнав, что когда несколько дней спустя граф Отто фон Шталькенберг посватался к Элен, он не был отвергнут.

— Но ведь она так молода, — попытался было возразить жене м-р Кросби. — Если бы они подождали пару лет, я бы ничего не имел против.

— А граф тем временем достался бы кому-то еще? Нет-нет, мистер Кросби. Графы фон Шталькенберг на дороге не валяются!

— У него есть титул и родословная, зато у Элен имеются деньги.

Ну, значит, они будут квиты, — ответила миссис Кросби. — Я не могла даже мечтать о такой партии для нее. Ты только послушай: графиня фон Шталькенберг!

И почему он не сбреет эти ужасные усы? — проворчал м-р Кросби.

Не тревожься о мелочах. Элен — так просто без ума от них. Труднее всего будет с гувернанткой.

Что такое?

— Ну, я же, разумеется, наняла ее до Рождества и теперь должна заплатить, если не подыщу ей другого места, что и постараюсь сделать.

— Ах, с ней Элен было бы гораздо лучше, нежели в браке. Мне не нравится, когда девушки так рано выходят замуж, — продолжал горевать м-р Кросби. — Что, спрашивается, скажут об этом здешние англичане!

— Если ты не проговоришься о ее возрасте, никому и нужды не будет знать его, — воскликнула миссис Кросби. — Элен выглядит, как женщина, а не как ребенок. Что же касается англичан, так они теперь локти кусают, что не выпало такое счастье.

Все возражения м-ра Кросби получили достойный отпор, поэтому он замолчал, зная, что спорить дальше просто не имеет смысла.

Элен примерно в то же самое время вбежала в комнату своей гувернантки.

— Мадам, мадам! Вы только представьте себе: я выхожу замуж.

Мадам подняла свое бледное и грустное, ох какое бледное и грустное лицо!

— Да уж! — тихо ответила она.

— И мама говорит, что с сегодняшнего дня мои занятия прекращаются.

— Вы слишком молоды для замужества, Элен.

— Ах, не напоминайте мне об этом, мадам. То же самое твердит и папа.

— Ваш избранник — граф Отто? — спросила гувернантка.

Надобно заметить, что у нее было идеальное английское произношение, хотя барышня и называла ее «мадам».

— Конечно. Как будто я могла выйти за кого-то другого!

А теперь, уважаемый читатель, взгляните в гувернантку и скажите, знаете ли Вы ее. Вы скажете «Нет» и будете неправы, ибо это не кто иная, как леди Изабель Вейн. Однако же, как сильно она изменилась! Да, крушение поезда положило начало этим переменам, а горе и раскаяние довершили начатое. Теперь наша героиня слегка прихрамывает при ходьбе и сутулится, отчего выглядит меньше ростом. Шрам протянулся от подбородка, совершенно изменив нижнюю часть ее лица, у нее не хватает нескольких зубов, отчего она шепелявит, а седые пряди волос, почти белые, укрыты высоким чепцом. Она и сама постаралась изменить свою наружность, чтобы никто и никогда не смог узнать ее, для чего носит уродливые зеленые очки и широкую бархатную повязку на лбу. Да и платья у нее теперь такие же уродливые. Она никогда не надевает одежду, которая шла бы ей, а носит эти ужасные «свободные жакеты», которые, должно быть, изобрел кто-то, ненавидевший красивые женские формы. Ее шляпка своей несуразностью превосходит маскарадные головные уборы, которые носят чуть ли не на затылке, ибо она полностью закрывает лицо, и без того скрытое вуалью в тех случаях, когда она выходит на улицу. Впрочем, теперь она почти не беспокоилась, ибо миссис Дьюси и ее дочери, также находившиеся в Шталькенберге, не смогли узнать ее. Да и кто, скажите на милость, смог бы это сделать? Разве можно было обнаружить хоть какое-то сходство между этой серенькой, сломленной жизнью женщиной, с ужасными шрамами, и некогда прекрасной Леди Изабель, с ее румянцем, с ее красотой, черными локонами и гибкой фигурой? Даже м-р Карлайл не узнал бы ее. Однако, несмотря ни на что, она все еще была недурна собой, и люди удивлялись ее седым, несмотря на молодость, волосам.

У Кросби она служила почти два года. Оправившись после железнодорожной катастрофы, она поселилась в тихом городке неподалеку, где в то время жило семейство Кросби, и стала давать дневные уроки Элен.

Она представилась англичанкой, покойный муж которой был французом, ибо ей нужно было как-то объяснить свое пребывание во Франции. Рекомендаций у нее не было, однако она так понравилась им в качестве приходящей гувернантки, что они вскоре взяли ее в свой дом; впрочем, если бы леди Изабель знала, что они поедут в такое людное место, как немецкий курорт, в котором полно англичан, она, возможно, не торопилась бы принять это предложение. Впрочем, эта поездка тоже пошла ей на пользу, ибо после встречи с миссис Дьюси она могла отправляться куда угодно, не опасаясь быть узнанной.

Ах что же, спросите вы, творилось у нее в душе? Я не знаю, как описать этот внутренний жар, это тщетное стремление к недостижимому — к ее детям. Спросите любую мать, независимо от того, герцогиня она или торговка, о том, как она станет тосковать по своим детям, будучи разлученной с ними. Конечно, она может уехать на отдых на несколько недель: желание снова

увидеть милые лица, услышать их болтовню и почувствовать их поцелуи на своих щеках, как-то сдерживается, тем более, что могут часто приходиться письма с припиской «Мамочке с любовью»; однако, если неделя тянется за неделей, желание снова увидеть их делается просто нестерпимым.

Каково же тогда пришлось леди Изабель, которая годами испытывала это чувство? Приступы ностальгии, которые, говорят, случаются у швейцарцев, изгнанных из своей страны — ничто в сравнении с той сердечной болью, которая не отпускала леди Изабель. Своих детей она любила страстно, заботилась о них, и теперь, когда судьба разлучила ее с ними, она мучилась мыслью о том, что их воспитывают чужие люди. Воспитывают ли их порядочными, нравственными, глубоко верующими людьми? Не будет ли маленькая Изабель расти без ласки и внимания, как она в свое время, и не поступит ли в будущем так же, как ее несчастная мать? При мысли об этом невольный стон вырывался из ее груди.

В последнее время ее тоска еще более усилилась. Это была настоящая лихорадка, причем наихудшая ее разновидность, поразившая и душу, и тело. Ее бледные губы были вечно пересохшими, а горло бедняжки терзала та боль, которая хорошо известна всем людям, на душе у которых лежит такой ужасный груз. У нее не было никаких известий из Ист-Линна вот уже в течение трех лет, с того самого времени, когда лорд Маунт-Северн навестил ее в Гренобле. Ни одна английская газета не попала ей в руки. М-р Кросби иногда получал их, но гувернанткам газет не дают, да и что, спрашивала сама себя леди Изабель, могут написать в газетах об Ист-Линне? Она могла бы узнать новости от миссис Дьюсси, но не осмелилась сделать это: под каким предлогом могла бы она, мадам Вейн, поинтересоваться, что происходит в Ист-Линне? М-р Карлайл вместе с детьми мог бы уже давно покоиться в могиле, а она по-прежнему ничего не знала бы об этом. Ах, если бы она могла встретиться с детьми! Хоть на день, хоть на час: только бы взглянуть на них, только бы поцеловать их милые лица! Как ей жить без этого?! Впрочем, вскоре она получит известия о своих близких.

В это самое время в Шталькенберг приехала миссис Латимер, дама, жившая в Вест-Линне, в сопровождении одной особы, на три четверти горничной, и на четверть — компаньонкой, по имени Эфи Хэллджон. Нет, Эфи отнюдь не позволялось находиться в обществе миссис Латимер или же обедать с ней вместе, однако же, у нее было больше привилегий, чем у обычных горничных, и Эфи, никогда не отличавшаяся излишней скромностью, именовала себя не иначе как «компаньонкой». Миссис Латимер была доброй женщиной, искренне привязанной к Эфи, а последняя в столь выгодном для себя свете изложила хозяйке те давние события, касавшиеся убийства ее отца, что миссис Латимер преисполнилась к ней живейшего сочувствия.

Миссис Латимер и миссис Кросби, жившие в соседних комнатах, воспылали друг к другу необыкновенной дружеской привязанностью. Миссис Латимер не прожила в отеле и одной недели, когда обе дамы уже поклялись на всю жизнь стать друг для друга чем-то вроде настоящих сестер — возможно, каждая из них уже раз по пятьдесят давала подобные клятвы с другими подругами.

В этот вечер, когда Элен Кросби сообщила леди Изабель о своих матриональных планах, последняя отправилась на прогулку и в сгущающихся сумерках присела на скамейку в тихом месте парка, где она любила посидеть в одиночестве. По иронии судьбы, через несколько минут в том же самом месте оказалась Эфи, которой, признаться, было чрезвычайно скучно.

— Кто это? — спросила себя Эфи, когда ее взгляд упал на леди Изабель. — Ах, да: гувернантка семейства Кросби. Ее можно узнать за милую по этой старушечьей шляпке. Пойду-ка поболтаю с ней.

Итак, Эфи, никогда не страдавшая излишней застенчивостью, подошла и уселась рядом с леди Изабель.

— Добрый вечер, мадам Вайн, — воскликнула она.

— Добрый вечер, — вежливо ответила леди Изабель, не имевшая ни малейшего представления о том, с кем она разговаривает.

— Я полагаю, Вы не знаете меня, — продолжала Эфи. — Я компаньонка миссис Латимер, которая по вечерам бывает у миссис Кросби. Ну и скукотища в этом Шталькенберге!

— Вы так полагаете?

— Ну, для меня, во всяком случае. Я не говорю на немецком или французском, а большинство старших слуг в этом городе не говорит по-английски. Мне остается лишь ходить да таращиться по сторонам, словно сове. Мне так хотелось приехать сюда, а теперь я уж лучше бы вернулась в Вест-Линн, хоть это и тихий городишко.

Леди Изабель ни словами, ни жестами не поощряла незваную собеседницу, однако при словах Эфи ее сердце буквально подпрыгнуло в груди. Как она ни старалась, ей не удалось скрыть свой интерес.

— Так Вы из Вест-Линна?

— Да. Ужасное место! Миссис Латимер купила там дом вскоре после того, как нанялась к ней. По мне — так уж лучше бы она поселилась в Ботаническом заливе²¹[21].

— Отчего же Вам не нравится этот город?

— Потому что не нравится! — исчерпывающе ответила Эфи.

— А знаете ли Вы такое место, как Ист-Линн? — снова заговорила леди Изабель, у которой бешено стучало сердце и кружилась голова при мысли о том, как трудно будет задать те вопросы, которые буквально вертелись у нее на языке.

— Еще бы не знать, — ответила Эфи. — Моя родная сестра, миссис Хэллиджон, служит там старшей горничной. А Вы что, бывали там, мадам Вайн?

Леди Изабель задумалась, прежде чем ответить.

— Несколько лет назад я ненадолго останавливалась неподалеку от Ист-Линна, — сказала она. — Интересно, как поживают Карлайлы. Это была чудесная семья.

Эфи склонила голову набок.

— Вот оно что! Но с тех пор кое-что изменилось. Вы, я думаю, встречались с ними, когда там еще жила леди Изабель?

Еще одна пауза.

— Леди Изабель? Да, она была женой мистера Карлайла.

— Да уж: просто замечательной женой! — иронически ответила Эфи. — Да Вы должны знать эту историю: не в лесу же Вы жили все это время. Она сбежала, бросила и его, и детей.

— Дети живы?

— Живы, бедняжки. Но один ребенок вот-вот получит туберкулез. Джойс — это моя сестра — приходит в ярость, когда я говорю это. Она думает, что бедняжка снова окрепнет.

Леди Изабель вытерла платком свой вспотевший лоб.

— Кто же это? — тихо спросила она. — Изабель?

— Изабель? — переспросила Эфи. — Кто это?

— Старшая девочка: мисс Изабель Карлайл.

— Нет там никакой Изабель. Единственную дочь зовут Люси.

— Когда... когда я знала их, там была одна девочка и двое мальчиков. Я хорошо помню, что ее звали Изабель.

— Постойте! — сказала Эфи. — Что же это такое я слышала об этом? Мне, помнится, рассказывала Уилсон — она служит у них няней. Ну как же: в ту самую ночь, когда убежала его жена, мистер Карлайл велел впредь называть ребенка Люси, по второй части ее имени, полученного при крещении. Да и неудивительно, — с возмущением добавила она, — что он не мог более выносить звука этого имени или же позволить ребенку носить его.

— Неудивительно, — прошептала леди Изабель. — Так который же из детей болен?

— Уильям, старший из сыновей. Не то чтобы болен, однако он худой, как скелет, у него чересчур яркий румянец и какой-то неестественный блеск в глазах. Джойс говорит, что щеки у него не более румяные, чем у его матери, но мне-то лучше знать! У здоровых людей румянец никогда не бывает таким сильным.

— А Вы когда-нибудь видели леди Изабель? — тихо спросила наша героиня.

— Нет, — ответила Эфи. — Я сочла бы ниже своего достоинства познакомиться с ней. Мало чести, знаете ли, иметь дело с такими непорядочными особами, мадам Вайн.

— А там был еще малыш Арчибальд — так, кажется, его звали. Он здоров?

²¹ Название бухты в Новом Южном Уэльсе, служившей местом ссылки.

— Ах, этот сорванец? Здоровее не бывает. Вот уж кому чахотка явно не грозит. Вылитый мистер Карлайл. Однако же, мадам, — продолжала Эфи, бесцеремонно сменив тему разговора, — если Вы останавливались в Вест-Линне, возможно, Вам приходилось слышать не совсем лестные отзывы обо мне?

— Мне кажется, я слышала Ваше имя, хотя теперь моя память не удерживает подробностей.

— Мой отец был убит — возможно, Вы слышали об этом?

Да, что-то припоминаю.

— Его убил человек по имени Ричард Хэйр, который удрал сразу же, как только это случилось. Возможно, Вы знавали и Хэйров? Так вот: сразу после похорон я уехала из Вест-Линна, поскольку для меня было невыносимо оставаться там. И что же, Вы думаете, стали говорить обо мне? Будто я сбежала с Ричардом Хэйром. Я и не знала, что распространился такой слух, иначе вернулась бы и сказала все, что думаю о них. Скажите, мадам Вайи: возможно ли придумать более бесстыдное обвинение?

— А Вы не последовали за ним?

— Нет, клянусь, — с горячностью ответила Эфи. — Подумать только: жить с убийцей твоего отца! Если бы палач, мистер Кэлкрафт, прикончил несколько сплетников, это послужило бы хорошим уроком для всех остальных. Так я и сказала мистеру Карлайлу.

— Мистеру Карлайлу, — повторила леди Изабель, сама не ведая, что делает.

— Он, мне помнится, рассмеялся и сказал, что этим не заткнуть рты всем любителям посудачить. Лишь он один не думал обо мне дурно, не полагал, будто я убежала с Ричардом Хэйром. Впрочем, он всегда был благородным человеком.

— Вы, должно быть, поступили на службу?

— Да, и не раз. Я была компаньонкой одной пожилой леди, которая так высоко ценила меня, что даже отписала мне приличную сумму в своем завещании. Пару лет я служила у графини Маунт-Северен.

— Графиня Маунт-Северен! — эхом отозвалась удивленная леди Изабель. — Да ведь она же... состояла в родстве с женой м-ра Карлайла. По крайней мере, лорд Маунт-Северен был ее родственником.

— Ну конечно: это всем известно. Я как раз жила у них, когда случилась эта история. Как только ни называла графиня леди Изабель! Они целыми днями сидели и судачили об этом с мисс Ливайсон. Да уж, не сомневайтесь: мне все известно об этом. Что с Вами? У Вас болит голова?

«И голова, и сердце», — могла бы ответить ее собеседница.

Мисс Эфи продолжала.

— Итак, после подобных «лестных» для меня разговоров, я, как Вы сами понимаете, не спешила вернуться в Вест-Линн. И если бы я чуть меньше дорожила своим местом у миссис Латимер, то, пожалуй, скорее уволилась бы, нежели поехала туда. Однако я справилась со сплетниками. Хотела бы я посмотреть, как кто-то стал бы что-нибудь выдумывать обо мне теперь! Вы знаете эту чертову мисс Корни?

— Я встречалась с ней.

— Она по-прежнему качает головой и укоризненно смотрит на меня, когда мы встречаемся. Впрочем, она и с ангелом вела бы себя точно так же, старая упрямая какаду!

Она по-прежнему живет в Ист-Линне?

— Ну уж нет! Если бы она осталась там, между ней и миссис Карлайл разыгрывались бы настоящие сражения.

Казалось, кровь застыла в жилах леди Изабель.

— Миссис Карлайл? — спросила она, запинаясь. — Кто такая миссис Карлайл?

— Жена м-ра Карлайла. Кто же еще?

Кровь снова принялась бешено пульсировать в изувеченном теле Изабель.

— Я не знала, что он снова женился.

Да, уже месяцев пятнадцать, как он женат: свадьба была в прошлом году, двенадцатого июля. Я ходила в церковь, чтобы посмотреть на бракосочетание. Ну и давка же там была! Она в тот день прекрасно выглядела!

Леди Изабель положила руку на отчаянно бившееся в груди сердце. Если бы не свободный покррой ее платья, Эфи могла бы заметить, как вздымается ее грудь. Когда она снова заговорила, голос ее был почти спокоен.

— Он женился на Барбаре Хэйр?

— На ком же еще! — сказала Эфи. — Если люди не врут, между ними что-то было задолго до того, как он познакомился с леди Изабель. Я узнала это от Уилсон, а ей лучше знать, потому что она жила у Хэйров. И еще говорят — впрочем, в Вест-Линне можно верить одному слову из десяти — что, если бы леди Изабель не умерла, м-р Карлайл, с его принципами, никогда не женился бы снова. Кого из барышень не пророчили ему в жены: и Луизу Доубид, и Мэри Пиннер! Чуть ли какая! Можно было не сомневаться, что он выберет Барбару Хэйр. У них уже родился ребенок.

— Вот как!

— Чудесный мальчик трех или четырех месяцев. М-р Карлайл горд им чрезвычайно. Она же просто обожает своего мужа.

— Она добра с детьми от первого брака?

— Да, насколько мне известно. Впрочем, она с ними мало общается: Арчибальд еще не покинул детскую, а остальные двое большую часть времени проводят с гувернанткой.

— Так у них есть гувернантка?

— Чуть ли не первым делом после ночного бегства жены мистер Карлайл подыскал детям гувернантку, и с тех пор она живет в доме. Впрочем, вскоре она уходит: Джойс говорит, она собирается замуж.

— Вы много времени проводите в Ист-Линне?

Эфи покачала головой.

Нет, я нечасто бываю там, где на меня смотрят сверху вниз. Миссис Карлайл не слишком жалует меня. Она знает, что ее братец Ричард в свое время все отдал бы, чтобы жениться на мне, и ее это обижает. Да не такой уж лакомый кусок этот Ричард Хэйр, даже если бы он и не совершил преступления, — продолжала Эфи, причем речь ее слегка походила на слова лисы, глядевшей на виноград, до которого она не могла добраться. — У него, считай, никаких мозгов не было в голове, а те, что имелись, были зеленые, словно хвост у павлина. Подумайте, чего только не случается на свете: если бы не безумный поступок леди Изабель, которая сама отказалась от него, у мисс Барбары не было бы ни малейших шансов стать миссис Карлайл.

Леди Изабель мысленно застонала.

— Впрочем, есть один человек, который слова дурного не позволяет сказать о ней, и этот один человек — Джойс, — продолжала Эфи. — Она любила миледи Изабель почти так же сильно, как мистер Карлайл.

— А он любил ее?

— Да он обожал землю, по которой она ходила, до самой ее смерти. И вот как она отплатила ему за любовь. Впрочем, так бывает всегда: стоит только мужчине или женщине сделать идола из своего возлюбленного, как тот сразу же платит черной неблагодарностью.

В тот вечер, когда мистер Карлайл привел в дом новую жену, Джойс, которая прислуживала ей, вышла в туалетную комнату, оставив миссис Карлайл в спальне. «Джойс», — позвала она. «Да, миледи?» — ответила Джойс, невольно выдав, о ком она думает. Не знаю, понравилось ли это миссис Карлайл. Джойс говорит, что она чудом сдержалась.

— Интересно, — тихо спросила леди Изабель, — как в Ист-Линне восприняли известие о ее смерти?

— Об этом я ничего не знаю. Должно быть, они устроили празднество, звонили во все колокола, имеющиеся в городе, и угощали народ бараниной с луковым соусом. Я, во всяком случае, поступила бы именно так. Даже дикий зверь не бросает свих детенышей, она же оставила своих детей. Вы идете домой, мадам Вайн?

— Да, мне пора. Спокойной ночи.

Она не могла сидеть более: сердце ее готово было разорваться. И ведь она не смела ни слова сказать в свою защиту. Разве она не заслужила в тысячу раз больше того, что услышала минуту назад? Да эта девушка не сказала и половины того, что о ней, должно быть, говорят в свете.

Она легла спать, как обычно, но не могла уснуть. То, что она услышала, лишь усилило ее страстное желание увидеть своих детей. Подумать только: у детей появилась мачеха, к тому же,

один из них находится в смертельной опасности! Только бы оказаться рядом с ними, только бы снова увидеть их! Она бы охотно пожертвовала за такую возможность всей оставшейся жизнью.

Тело ее буквально горело. Ей стало жарко в постели; она поднялась и принялась ходить по комнате. Изабель боялась, что подобное состояние духа может сказаться и на ее брэнном теле, вплоть до помрачения рассудка. Одному Господу известно, что она может наговорить в бреду! Бешеный стук сердца отдавался у нее в висках; она снова упала на кровать и укрыла голову подушкой.

Вне всякого сомнения, именно известие о женитьбе м-ра Карлайла так разволновало ее. Она не молила небо о смерти, но хотела, чтобы смерть сама пришла к ней в этот миг. Невозможно сказать, чем бы все закончилось, но Дела странным образом переменялись благодаря одному из тех чудесных совпадений, которые, пусть изредка, дарит нам судьба.

После завтрака в комнате мадам Вайн появилась миссис Кросби и сообщила ей о предстоящем бракосочетании Элен. Затем она извинилась за то, что вынуждена отказаться от услуг мадам (что, собственно, и составляло цель ее визита), и сказала, что надеется устроить мадам на новое место. Не будет ли мадам возражать против работы в Англии? «Мадам» уже собиралась ответить, что она предпочитает отказаться, когда миссис Кросби сказала, что позовет миссис Латимер, которая сумеет лучше изложить суть дела. Вошла взволнованная миссис Латимер и обрушила на Изабель настоящую лавину слов.

— Ах, мадам, дорогая моя, — воскликнула она, — это будет для Вас большой удачей, если Вы попадете в эту семью. Они чудесные люди: он — всеми любим и уважаем, она — такая красивая и обаятельная! Лучше места и не найти. С Вами будут обращаться, как с леди, и обеспечат всем необходимым. Ученица всего одна — девочка; один из мальчиков приходит на час-другой, но это не слишком обременительно. Жалованье — семьдесят гиней. Карлайлы — мои друзья; живут они в чудесном месте, Ист-Линне.

Карлайлы! Ист-Линн! Поехать туда гувернанткой?! У леди Изабель перехватило дыхание.

— Они расстанутся со своей гувернанткой, — продолжала миссис Латимер, — и, когда я была у них, за день или два до отъезда в Германию, миссис Карлайл сказала мне: «Может быть, Вы сумеете подыскать подходящую гувернантку для Люси, хорошо владеющую французским и немецким». Она говорила полшутя, однако, мне кажется, ее обрадует известие о том, что я действительно нашла такого человека. Миссис Кросби говорит, что Вы изъясняетесь на французском, словно это Ваш родной язык, хорошо говорите и пишете на немецком, а музицируете просто превосходно. Думаю, Вы им подходите, и я не сомневаюсь, что смогу получить для Вас это место. Что Вы скажете на это?

Ну что она могла ответить? Бедняжка была в полном смятении.

— Мне хотелось бы подыскать Вам хорошее место, — вставила словечко миссис Кросби. — Мы были очень довольны Вами, и я хочу, чтобы Вы хорошо устроились в будущем. Если миссис Латимер настолько любезна, что предлагает свою помощь, мне лично это кажется возможностью, которую не стоит упускать.

— Итак, могу ли я написать миссис Карлайл? — спросила миссис Латимер.

Леди Изабель наконец овладела собой настолько, чтобы быть в состоянии понимать вопросы и отвечать на них.

— Не позволите ли Вы мне подумать до утра? Я не задумывалась о том, чтобы устроиться на работу в Англии.

Невозможно описать, что творилось в ее душе в тот день: то она решалась рискнуть и ехать, то с ужасом отказывалась даже думать об этом. То ей казалось, что само Провидение послало ей эту возможность увидеть своих детей, то внутренний голос шептал ей, что это — искушение, подброшенное врагом рода человеческого, и ее долг состоит в том, чтобы устоять против него. Потом она взглянула на эту ситуацию с другой стороны: каково ей будет видеть м-ра Карлайла мужем другой женщины, жить с ними в одном доме и видеть его знаки внимания, а может быть, и нежности по отношению к жене?

Это будет нелегко, однако у нее хватит сил смирить свое сердце, ибо разве она не собиралась, в горьком раскаянии, ежедневно поднимать и нести свой крест? Нет, ее личные чувства не могут служить препятствием в этом деле.

Наступил вечер, а она все еще не пришла к какому-либо решению. Она провела еще одну мучительную бессонную ночь в тоске по своим детям, подчинившей себе все ее душевные и физические силы. В конце концов, искушение оказалось слишком сильным: она не смогла отказаться от такой перспективы, представшей ее жадному взору, и наконец решилась.

Что может удержать меня? — спросила она себя.

— Страх перед разоблачением? Ну что же, если это случится, так тому и быть: не повесят же они меня! Когда они с позором выгонят меня из Ист-Линна, как солдата, который под барабанный бой уходит из своего полка, это будет таким унижением, которого я еще не испытала; однако я смогу выдержать это, как и все остальное, что мне положено выдержать, а затем просто забиться под какую-нибудь изгородь и умереть. Унижение! Нет, разве можно поставить его на одну чашу весов с возможностью видеть моих детей и быть с ними рядом.

Итак, миссис Латимер написала миссис Карлайл о том, что встретила гувернантку, подходящую по всем статьям. Это — некто мадам Вайн, англичанка по происхождению, но вдова француза: она протестантка, настоящая дама по умению вести себя, весьма сведущая в языках и музыке и компетентная во всех отношениях. Миссис Кросби, у которой она проработала два года, отзывается о ней как о настоящем сокровище, с которым ни за что не рассталась бы, если бы не предстоящий брак ее дочери с немецким дворянином весьма знатного рода. «Не обращайтесь на ее наружность, — продолжала миссис Кросби. — Выглядит она престранно: носит очки, чепцы и огромные шляпы; кроме того, у нее длинный шрам на подбородке и абсолютно седые волосы, хотя она никак не может быть старше тридцати. Еще она немного прихрамывает, но поймите: это настоящая дама, несмотря ни на что». Барбара смеялась, вслух читая это описание м-ру Карлайлу в Ист-Линне. Он тоже рассмеялся.

— Слава богу, что гувернанток выбирают не по наружности, — заметил он. — В противном случае шансы мадам Вайн были бы весьма невелики.

Они решили взять ее в свой дом, о чем и написали в Германию.

При этом известии настоящая буря чувств разыгралась в душе у леди Изабель. Первым делом она перевернула весь свой багаж, свою конторку, все, что принадлежало ей, дабы убедиться в том, что ни единый клочок бумаги, ни единая метка на белье не могли выдать ее прошлого. Большая часть ее багажа осталась в Париже, куда она отправила его на хранение, прежде чем покинуть Гренобль. Затем она занялась своим гардеробом, чтобы сделать его еще более непохожим на то, что носила раньше: ее чепцы, если не считать того, что они были достаточно простыми и плотно облегли лицо, могли бы, пожалуй, бросить вызов даже непревзойденным головным уборам мисс Карлайл. Два года она старалась изменить свой почерк и преуспела настолько, что никому бы и в голову не пришло вообразить, будто он видит нечто, написанное рукой леди Изабель. Однако, рука ее дрожала, когда она писала ответ миссис Карлайл. Подумать только: она — она! — пишет жене м-ра Карлайла в качестве подчиненной. Каково ей будет жить так — почти служанкой — там, где она когда-то была всеми боготворимой хозяйкой? Что же, ей придется вынести и это, и все остальное. Из глаз Изабель хлынули горячие слезы, когда она увидела подпись: «Барбара Карлайл».

Когда все было готово, она принялась ждать вызова, но его все не было. Наконец, пришло известие, что она поедет в Вест-Линн с миссис Латимер, которая собиралась вернуться домой не ранее октября. Леди Изабель оставалось лишь набраться терпения и сидеть сложа руки все оставшееся время. Но долгожданный день все-таки наступил: миссис Латимер, леди Изабель и Эфи покинули Шталькенберг. Миссис Латимер привыкла путешествовать неспешно, и бедной леди Изабель, сгоравшей от нетерпения, казалось, что этой поездке не будет конца.

— Вы, я полагаю, знаете о положении этих бедных детей, к которым едете, — сказала однажды миссис Латимер. — Вы не должны говорить с ними об их матери. Она бросила бедняжек.

— Да.

— Никогда не следует говорить с детьми о женщине, навлекшей на них такое бесчестие. Это не понравится мистеру Карлайлу. К тому же, им велено забыть ее и считать миссис Карлайл своей единственной матерью.

И с этим пришлось смириться нашей несчастной героине.

В Вест-Линн они приехали туманным вечером, почти в сумерках. Миссис Латимер, полагавшая, что гувернантка впервые приехала в Англию, любезно посадила ее в пролетку и объяснила кучеру, куда ехать.

— Оревуар, мадам, — сказала она. — Удачи Вам.

И вот она снова едет по петляющей дороге в Ист-Линн. Вот дом судьи Хэйра, другие давно знакомые места... И вот показался старый родной Ист-Линн, поскольку пролетка свернула в аллею парка. В окнах горели веселые огоньки, и сам дом казался светлым и радостным, в отличие от нашей героини. У нее защемило сердце от нетерпения, пересохло в горле, и когда пролетка прогрохотала по двору и остановилась у дверей, ей на мгновение показалось, что она ослепла. Подойдет ли м-р Карлайл к коляске, чтобы помочь ей спуститься? Теперь, от страха и волнения, она горько жалела, что решилась на такую авантюру.

Наконец, распахнулась дверь холла, и яркий сноп света вырвался наружу.

Глава 2

ПЕРЕМЕНЫ, ПЕРЕМЕНЫ...

Итак, распахнулись двери холла, и ступеньки осветились. На пороге стояли двое слуг. Один остался в холле, другой подошел к коляске. Он помог леди Изабель спуститься, после чего занялся ее багажом. Поднимаясь в холл, она узнала старого Питера; право же, странным казалось ей то, что нельзя сказать ему: «Как поживаете, Питер?», а вести себя с ним как с незнакомцем. Она не сразу нашла слова: что ей сказать или спросить, когда она входит в свой собственный дом?

— Миссис Карлайл дома? — тихо произнесла она.

— Да, мэм.

В этот момент появилась Джойс, которая вышла встретить ее.

— Вы мадам Вайн, я полагаю? — почтительно спросила она. — Пожалуйста сюда.

Однако, леди Изабель задержалась в холле, якобы для того, чтобы проследить за своими коробками, которые носил Стивен, на самом же деле — для того, чтобы сделать небольшую передышку, поскольку Джойс, возможно, собиралась провести ее к м-ру и миссис Карлайл.

Джойс, однако, всего-навсего проводила ее в серую гостиную; в камине весело пылал огонь.

— Это Ваша комната для занятий, мадам. Не желаете ли чего-нибудь из еды? Я распоряжусь, чтобы Вам принесли поесть, пока я буду показывать Вашу спальню.

— Чашку чая, — ответила леди Изабель.

— Чай и немного холодного мяса, — предложила Джойс, но леди Изабель перебила ее.

— Нет, только чай и маленький холодный гренок.

Джойс позвонила, отдала соответствующие распоряжения и повела леди Изабель наверх. Последняя шла с трепещущим сердцем мимо своих бывших покоев, вдоль коридора, к следующей лестнице. Двери ее старой спальни и туалетной комнаты были открыты, и она окинула их жадным взором. Никогда более эти комнаты не будут принадлежать ей: она сама, по доброй воле, без принуждения отказалась от них. Они выглядели такими же уютными, как и раньше, но теперь у них была другая хозяйка. Отблески огня играли на мебели. На туалетном столике сохранились те же инкрустации, которыми любовалась и она, а грани хрустальных флакончиков для духов поблескивали в свете камина. На софе лежали шаль и книга, а на кровати — шелковое платье, словно только что снятое. Нет: теперь это уже не ее комнаты; она последовала за Джойс, уже поднимавшейся по другой лестнице.

Ее спальня оказалась просторной и хорошо обставленной: именно ее занимала мисс Карлайл в то время, когда ее, Изабель, невестой привезли в Ист-Линн. Впрочем, позднее эта почтенная дама перебралась в другую комнату на нижнем этаже. Джойс поставила свечу и огляделась.

— Разжечь для Вас огонь на ночь, мадам? Возможно, это будет кстати после Вашей поездки.

— Нет, благодарю Вас.

Стивен, вместе с еще одним слугой, уже нес багаж. Джойс показала, куда поставить его и велела снять с коробок веревки. После этого он удалился, а Джойс повернулась к леди Изабель, все это время стоявшей словно статуя, даже не сняв шляпки.

— Могу ли я быть чем-нибудь полезной для Вас, мадам? — спросила она.

Леди Изабель сказала, что не нуждается в помощи. В эти первые минуты она — и это неудивительно — опасалась разоблачения, причем острый глаз Джойс был для нее страшнее всех прочих. Она хотела сейчас лишь одного — чтобы Джойс ушла.

— Если Вам что-то будет нужно, позвоните, пожалуйста, и к Вам поднимется Ханна, — сказала Джойс, прежде чем уйти. — Это служанка, которая отвечает за серую гостиную, и она все сделает для Вас. Итак, Джойс вышла из комнаты, после чего леди Изабель сняла шляпу. Вдруг дверь снова отворилась, и она поспешно водворила головной убор на прежнее место — почти так же, как Ричард Хэйр спешно напяливал свою шляпу и накладные бакенбарды. Это снова была Джойс.

— Вы найдете дорогу на первый этаж?

— Да, конечно, — ответила она. Еще бы ей не найти дорогу в этом доме!

Леди Изабель медленно разделась. Впрочем, что проку медлить? Рано или поздно, ей придется предстать перед ними. Хотя, по правде сказать, опасность разоблачения была невелика — так искусно загримировала ее рука судьбы и своя собственная. Она с трудом сохраняла спокойствие, ибо знала, что, если даст волю слезам, дело закончится истерикой. Снова в Ист-Линне! Неудивительно, что она испытывала ужасное, мучительное волнение. Сказать ли Вам, читатель, что сделала наша героиня? Она преклонила колени прямо у кровати и вознесла молитву Всевышнему, умоляя дать ей мужества и самообладания — ей, грешнице, покинувшей этот дом при столь скандальных обстоятельствах! Впрочем, я не могу поручиться за то, что подобное возвращение в эти стены было именно тем шагом, который может благословить Господь. И так, медлить более было бы неприлично, и она отправилась вниз, держа свечу в руке. В серой гостиной все было готово: поднос с чаем стоял на столе, маленький чайник сердито посвистывал на чайницу, стоявшую рядом, серебряная подставка с гренком, маслом и горячей сдобной булочкой, накрытой серебряной крышечкой. Эти предметы были для нее словно лица старых знакомых, она помнила все эти вещи: и подставку, и крышечку, и блюдце для масла, и чайный набор. Впрочем, она не могла припомнить медный чайничек. Возможно, его купили для гувернантки, когда таковая появилась в Ист-Линне. Она уже могла бы заметить по некоторым признакам, а зная прошлое — так знать наверняка, что в Ист-Линне к гувернанткам относились, как к настоящим дамам, по-доброму и без ненужной строгости. Да и как могло быть иначе, когда Ист-Линном владел м-р Карлайл?

Она заварила чай и принялась за угощение, хотя и без особого аппетита. Все смешалось у нее в голове. Она думала обо всем сразу: обедают ли сейчас м-р и миссис Карлайл, где сейчас находятся дети... Иногда она слышала, как звонит колокольчик, и слуги снуют туда и обратно по холлу. Закончив есть, она тоже позвонила.

Появилась опрятная, добродушная служанка, Ханна. Она, как уже говорила Джойс, отвечала за серую гостиную и была в распоряжении гувернантки. Она унесла посуду, и леди Изабель осталась одна. Она уже потеряла счет времени, когда раздался звук, от которого, казалось, готово было разорваться ее сердце, и она вскочила со стула, словно ее ударило током.

Собственно, это были всего-навсего детские голоса, от звука которых не вздрагивают обычные люди. Ее дети! Может быть, их ведут к ней? Она прижала руки к вздымающейся груди...

Нет, они просто прошли через холл, и голоса затихли. Возможно, они съели десерт, как делали это прежде, и теперь отправляются спать. Она взглянула на часы: половина восьмого. Кстати, у нее были новые часы. Все ее личные безделушки она продала или заменила новыми, чтобы эти вещи не узнали в Ист-Линне. У нее не осталось ничего, кроме миниатюрного портрета матери и маленького золотого крестика с семью изумрудами. Вы не забыли этот крестик, читатель? Фрэнсис Ливайсон случайно сломал его при их первой встрече. Еще тогда она сочла дурным знаком поломку крестика, который ей завещала беречь ее покойная мать, и с какой ужасной точностью последующие события подтвердили ее страхи! Она не смогла заставить себя расстаться с этими двумя вещами, упаковала их и спрятала на самом дне своего несессера, чтобы на них не мог упасть чей-то случайный взгляд. Вошел Питер.

— Моя хозяйка велела передать, мэм, что она очень хочет видеть Вас, если Вы не слишком устали. Не угодно ли вам будет пройти в гостиную?

В глазах у нее помутилось. Неужели наступил тот момент, когда она должна будет встретиться с мистером Карлайлом? Леди Изабель направилась к двери, которую услужливо открыл Питер. Проходя мимо него, она отвернулась, чтобы он не видел, как побледнели ее лицо и губы.

— Миссис Карлайл одна? — тихо спросила она, пытаясь выяснить, находится ли в гостиной и м-р Карлайл.

— Совершенно одна, мэм. Хозяин сегодня обедает в гостях. Мадам Вайн, не так ли? — добавил он, когда они пересекли холл и он взялся за ручку двери гостиной, чтобы доложить о ее приходе.

— Мадам Вин, — исправила она его, ибо Питер произнес это имя на английский манер, широко, а она сделала это так, как говорят французы.

— Мадам Вин, мэм, — объявил Питер, вводя ее в комнату.

Старая гостиная, просторная, с прекрасной мебелью и яркой люстрой! От внезапно нахлынувших воспоминаний у нее защемило сердце. Это уже не ее гостиная, которой она может гордиться, ибо она отринула ее так же, как и все остальное.

Барбара, сидевшая в кресле, казалось, ничуть не изменилась с того самого дня, когда леди Изабель впервые увидела ее в воротах церкви и спросила м-ра Карлайла об этой хорошенькой девушке. «Это Барбара Хэйр», — ответил он тогда.

Увы: тогда она была Барбарой Хэйр, а теперь сделалась Барбарой Карлайл, а она снова стала Изабель Вейн. О горе!

Барбара выглядела прекрасно, как никогда — или же наша героиня увидела ее такой. На ней было вечернее платье светло-голубого, небесного цвета — он шел ей как никакой другой, и она предпочитала его всем прочим: ее нежную шею украшала золотая цепочка, а руки — пара золотых браслетов. У нее были по-прежнему красивые черты лица, на щеках играл румянец, а роскошные золотые волосы рассыпались по плечам, разительно контрастируя с волосами женщины, стоявшей напротив. Барбара подошла к ней, радушно протянув руку для приветствия.

— Надеюсь, Вы не слишком устали после поездки?

Леди Изабель пролепетала что-то в ответ — она сама не знала, что именно — и отодвинула предложенный ей стул как можно дальше от безжалостной люстры.

— Вы не больны? — участливо спросила Барбара, заметив ее мертвенную бледность, несмотря на чепец и зеленые очки.

— Нет, — тихо ответила Изабель, — просто немного устала.

Может быть, Вы предпочитаете поговорить со мной завтра утром, а сейчас сразу же лечь в постель?

Нет: для леди Изабель разговор при свечах казался менее страшным, нежели при свете дня.

— Вы показались мне такой бледной. Я боялась, что Вы заболели.

— Я бледная от природы, но здоровье у меня крепкое.

— Миссис Латимер написала, что Вы нам непременно подойдете, — прямо сказала Барбара. — Надеюсь, именно так и будет, и Вам здесь понравится. Вы долго жили в Англии?

— В юности.

— Вы потеряли мужа и детей? Погодите-ка: прошу прощения, если я ошибаюсь, но миссис Латимер, мне кажется, упоминала и детей.

— Я лишилась их, — еле слышно ответила Изабель.

— Ах, это, наверное, такое горе, когда умирают дети! — воскликнула Барбара, стиснув от волнения руки. — Я бы ни за что на свете не рассталась со своим малышом. Я не вынесу разлуки с ним!

— Ужасное горе, которое трудно перенести, — внешне согласилась леди Изабель, но подумала, что смерть — не худшая из разлук: есть другая, куда более ужасная.

Миссис Карлайл заговорила о детях, попечение над которыми должна была принять Изабель.

— Вы, без сомнения, знаете что это не мои дети! Миссис Латимер рассказывала Вам о них. Это дети первой жены мистера Карлайла.

— И самого мистера Карлайла, — перебила ее леди Изабель.

Что, спрашивается, заставило ее сказать это? Она сама себе задала этот вопрос, как только слова слетели с языка. Щеки ее побагровели, и она вспомнила, что в Ист-Линне говорить необдуманно просто нельзя.

— Разумеется, — ответила Барбара, полагавшая, что мадам Вин задала вопрос. — Им, бедняжкам, несладко, поскольку мать бросила их. О, это просто ужасно!

— Она умерла, я слышала, — сказала леди Изабель в надежде избежать разговора на эту тему, но миссис Карлайл продолжала, словно не расслышав.

— Мистер Карлайл женился на леди Изабель Вейн, дочери покойного лорда Маунт-Северна, женщине очень изысканной и с прекрасной наружностью, но, как мне кажется, не слишком любившей своего мужа. Как бы то ни было, она от него сбежала.

— Грустная история, — сказала леди Изабель, понимая, что от нее ждут какой-то реакции. К тому же, она должна была играть свою роль.

— Грустная? Неблаговидная, если не сказать постыдная, — ответила миссис Карлайл, не в силах сдержать волнения. — Из всех мужчин, из всех мужей мистер Карлайл менее всего

заслужил подобное вознаграждение. Вы скажете то же самое, когда поближе познакомитесь с ним. И вообще все это очень странно, поскольку никто никогда не замечал, чтобы ей нравился кто-то другой. Она убежала с Фрэнсисом Ливайсоном — теперь он зовется сэр Фрэнсис. Он в то время гостил в Ист-Линне, но никто, даже сам мистер Карлайл, не замечал, чтобы их отношения были слишком близкими. Для него, как и для всех остальных, ее поведение остается загадкой.

Казалось, мадам Вин целиком поглощена тем, как бы поровнее закрепить очки на носу.

Барбара продолжала.

— Конечно, это бесчестье сказалось и на детях. Это позор, когда мать в разводе...

— Так она не умерла? — перебила ее леди Изабель.

— Она умерла, но от этого на них не перестанут показывать пальцами, особенно на девочку. Они в разговорах между собой иногда вспоминают мать, как рассказывает Уилсон, но я рекомендую Вам, мадам Вин, не позволять им делать этого. Лучше будет, если они смогут забыть ее.

— Разумеется, мистеру Карлайлу этого очень хотелось бы.

— Без всякого сомнения. Мистер Карлайл стер бы ее из памяти, если бы это было возможно. Но, к сожалению, она была матерью этих детей, и тут уж ничего не поделаешь. Надеюсь, Вы сможете привить девочке те принципы, которые удержат ее от подобных ошибок в будущем.

— Я постараюсь, — ответила леди Изабель куда более эмоционально, чем ранее. — Могу ли я спросить: Вы много времени проводите с детьми?

— Нет. Меня никогда не привлекали хлопоты, связанные с детьми. Когда подрастут мои собственные, детская и классная комнаты, я полагаю, будут для них самым подходящим местом. Я, мадам Вин, считаю, что многие матери придерживаются в своей семейной жизни неправильной системы. Есть среди них такие, которые погрязли в удовольствиях, совершенно позабыв о своих детях. О них я не говорю: может ли быть что-то более глупое и предосудительное! Но есть и другие, которые впадают в противоположную крайность. Они бывают счастливы лишь в обществе своих детей, и поэтому или пропадают в детской, или же берут детей в гостиную. Они их купают, одевают, кормят, превращая себя в рабов, а место няни — в синекуру. Дети — существа шумные, непослушные, своевольные: таковы они все; в результате у матери портится настроение, и она вместо поцелуев, которыми одаривала детей, пока они были совсем крошечными, начинает раздавать оплеухи. У такой матери нет ни времени, ни сил на самообразование, и с годами она теряет уважение своих детей. Усталая, задерганная мамаша, которая раздражается из-за малейшего шума, производимого детьми, ибо он действует на ее расшатанные нервы, вечно твердящая: «Ты не должен так делать: не шуми», дождется того, что ее просто перестанут слушаться. Вы не замечали этого?

— Случалось.

— В таких семьях обычно царит полнейший беспорядок. Дети носятся, сломя голову, муж, которому все это надоело, ищет покоя и уединения в других местах. Я могла бы назвать некоторых из соседей, людей нашего круга, у которых дела обстоят именно так. Мне подобная система кажется вредной, более того — просто пагубной.

— Несомненно, — ответила бедная леди Изабель, чувствуя некоторое удовлетворение оттого, что у нее все было иначе — когда у несчастной еще была семья и дети.

— Вот чего я никогда не доверю другому человеку — так это воспитание моих детей, — продолжала Барбара. — Пусть няня выполняет то, что ей положено делать — при условии, что на нее можно положиться. Пусть все беспокойство, шум и беготня, связанные с детьми, будут ее делом; короче говоря, ей и детям — место в детской. Но, надеюсь, я всегда смогу ежедневно собирать вокруг себя своих детей, в строго определенное удобное время, для высших целей — дать им понятие о христианском чувстве долга и морали, объяснить, как им должно поступать в жизни. Это — обязанности матери, по моему понятию; пусть она должным образом выполнит их, а няня может сделать все остальное. С материнских губ не должно слетать ничего, кроме слов ласкового убеждения, а это просто невозможно, когда она слишком много времени проводит со своими детьми.

Леди Изабель молча кивнула. Она вполне разделяла взгляды миссис Карлайл.

— Поселившись в Ист-Линне, я обнаружила, что мисс Мэннинг, гувернантка, делает все необходимое для воспитания детей, — снова заговорила Барбара. — Она собирала их ненадолго

каждое утро, всех, включая младшую девочку. Я видела, что она все делает правильно, потому не вмешивалась ни во что. С тех пор, как она ушла — прошел почти месяц — я занимаюсь этим сама. Нам было очень жаль расставаться с миссис Мэннинг: она полностью нас устраивала. Но она давно была помолвлена с морским офицером, и теперь они собираются пожениться. Вы будете полностью отвечать за девочку. Отдаете ли Вы себе отчет в том, что будете проводить с ней почти все свободное время, не считая занятий?

— Я с радостью возьмусь за это, — сказала леди Изабель, сердце которой затрепетало. — Дети хорошо себя чувствуют? У них крепкое здоровье?

— Да. Весной они переболели корью, и Уильям, старший из мальчиков, до сих пор еще покашливает. Мистер Уэйнрайт говорит, что это пройдет.

— Так он еще кашляет?

— Ночью и по утрам. На прошлой неделе они провели весь день на прогулке с мистером Карлайлом и немножко припозднились. День был туманный, и мальчик буквально зашелся от кашля. Мистер Карлайл так встревожился, что поднялся в детскую; он строжайше велел Джойс не выпускать его на улицу вечером, пока он не перестанет кашлять. С тех пор этого с ним практически не случается.

— А Вы не боитесь чахотки? — тихо спросила леди Изабель.

— Нет, я думаю, неизлечимых заболеваний у них нет, — ответила Барбара. — Я, так же, как и мистер Уэйнрайт, считаю, что кашель со временем пройдет. По отцовской линии они должны унаследовать крепкое здоровье, да и по материнской тоже, я думаю. Вы скажете, что их мать умерла молодой. Да, но не от болезни, а в результате несчастного случая. А сколько детей было у Вас? — несколько неожиданно спросила миссис Карлайл.

Во всяком случае, этот вопрос застал врасплох леди Изабель. Что ответить? Запинаясь от растерянности, она сказала правду.

— Трое. И... младенец. Он умер... еще грудным ребенком.

— Потерять четырех детей! — сочувственно воскликнула Барбара. От чего же они умерли?

И снова пауза.

— Кто от чего, — наконец последовал еле слышный ответ.

— Они умерли раньше Вашего мужа? В противном случае горе перенести было бы еще труднее.

— Младенец... умер после него, — запинаясь, сказала леди Изабель и вытерла капли пота, выступившие на лбу.

Барбара, заметившая волнение собеседницы, пожалела о своих расспросах: она полагала, гувернантке было больно вспоминать своих детей.

— Миссис Латимер писала нам, что Вы происходите из хорошей семьи и получили соответствующее воспитание, — наконец, снова заговорила Барбара. — Надеюсь Вы простите мне то, что я задаю подобные вопросы, — извиняющимся тоном добавила она. — Но это — наша первая беседа, в какой-то мере предварительная, поскольку в письме многого не расскажешь.

— Я — дворянка по происхождению и воспитанию.

— Несомненно. Ваша речь выдает благородное происхождение, — сказала Барбара. — Денежные затруднения! Вы, наверное, и представить себе не могли, что станете гувернанткой.

По губам леди Изабель скользнуло подобие улыбки. Она, единственное дитя лорда Маунт-Северна — и вдруг гувернантка!

— Увы, не могла, — ответила она.

— Боюсь, Ваш муж не оставил Вам достаточных средств. Миссис Латимер что-то писала мне об этом.

— Вместе с ним я потеряла буквально все, — ответила Изабель, и миссис Карлайл почувствовала, как ее голос предательски дрогнул от боли.

В этот момент в комнату вошла горничная.

— Няня говорит, что малыша уже раздели и ждут Вас, мэм, — сказала она своей хозяйке.

— Сегодня я побуду с ребенком, — ответила ей миссис Карлайл, которая уже встала с места, но вдруг заколебалась. — Скажите няне, чтобы она завернула его в шаль и принесла сюда. Ему пора ужинать, — добавила она с улыбкой, повернувшись к леди Изабель. — Почему бы не

принести его сюда, раз уж мистера Карлайла нет дома! Иногда я уезжаю в гости, и тогда малыша приходится кормить без меня.

— Так Вы сегодня остались дома не ради ребенка?

— Конечно, нет. Если нам с мистером Карлайлом нужно бывает ехать в гости, ребенок отходит на второй план. Я никогда не променяю мужа на ребенка, как бы сильно ни любила последнего.

Вошла няня, Уилсон. Она развернула шаль и положила ребенка на колени к миссис Карлайл. Прекрасный светловолосый младенец поднял головку, широко открыл большущие голубые глазки и засучил ручками и ножками в свете люстры, как не делал еще ни один младенец почти шести месяцев от роду — во всяком случае, так полагала Барбара. Малыш, в своем чистеньком белом халатике и ночном чепце с гофрированными оборочками, и в самом деле являл собой приятную для глаз картину. Увы: когда-то она сама сидела в этом кресле, с таким же прекрасным младенцем на коленях, но это было в далеком прошлом. Она уронила на руки свою пылающую голову, и у нее невольно вырвался вздох зависти.

Тем временем любопытная Уилсон буквально пожирала ее взглядом: она подумала, что ей никогда еще не приходилось видеть такого страшилища, как эта новая гувернантка. «Одни зеленые очки чего стоят, — сказала себе. — И чего ради, скажите на милость, она так подвязала горло? Лучше уж сразу нацепить мужской воротник и галстук! Если у нее квалификация под стать наружности, мисс Люси с таким же успехом могла бы отправляться в приходскую бесплатную школу для бедных».

— Мне остаться, мэм? — с притворной скромностью спросила Уилсон, завершив осмотр гувернантки.

— Нет, — ответила миссис Карлайл. — Я позвоню.

Малыш тем временем принялся за свой ужин, после которого, казалось бы, должен был заснуть крепким здоровым сном. Однако же, ужин вскоре закончился, а у молодого джентльмена сна не было ни в одном глазу. Он сел, радостно загугукал на люстру и потянулся к ней ручками, не обращая ни малейшего внимания на свою мать, пытавшуюся утихомирить его.

— Ты что, неслух, собираешься не спать всю ночь? — воскликнула Барбара, ласково глядя на него.

Юный повеса издал радостный крик, возможно, подтверждавший подобные намерения. Она внезапно прижала его к себе и покрыла маленькое личико поцелуями. Затем она встала и, держа ребенка на руках, подошла к мадам Вин.

— Приходилось ли Вам видеть более чудесного ребенка?

— Ребенок и в самом деле замечательный, — выдавила из себя Изабель, которая представила на его месте маленького Арчибальда в том же возрасте. — Но он не очень похож на Вас...

— Он — точная копия моего мужа. Когда Вы увидите мистера Карлайла... — Барбара замолчала, словно прислушиваясь к чему-то.

— Мистер Карлайл, должно быть, интересный мужчина? — сказала бедная Изабель, полагавшая, что в наступившей паузе от нее ждут каких-то замечаний.

— Он хорош собой, но это не главное. Это — благороднейший человек, глубоко уважаемый, почитаемый, я бы даже сказала — любимый буквально всеми. Лишь его жена не сумела оценить мистера Карлайла по достоинству. Как она могла оставить его, как она могла вообще взглянуть на другого, став женой мистера Карлайла — это остается загадкой для всех, кто знает его.

Горький стон готов был сорваться с уст леди Изабель.

— Ну, конечно же: это едет коляска с пони, — снова прислушавшись, воскликнула Барбара. — Как рано он сегодня возвращается! Да, я слышу звук колес.

Леди Изабель впоследствии сама не могла понять, как ей удалось скрыть свое волнение и не упасть в обморок. Вот кто-то вошел в холл, вот Барбара с ребенком на руках подошла к двери гостиной, и в дверях появилась рослая фигура того, кто когда-то был ее мужем. Он не сразу заметил ее присутствие, и поэтому сначала наклонился к жене и нежно поцеловал ее. Изабель, ревниво наблюдавшая за ними, увидела долгий и страстный ответный поцелуй Барбары, услышала ее жаркий шепот: «Любимый!» Такими же нежными поцелуями он покрыл щеки сына. Изабель закрыла лицо руками. Была ли она готова к этому? Она должна все выдержать, ибо и это было частью тяжелого креста, который ей придется нести всю жизнь. Мистер Карлайл наконец заметил ее.

— Мадам Вин, — представила гувернантку Барбара.

Он протянул ей руку и поздоровался столь же вежливо и сердечно, как раньше это сделала его жена. Ей не оставалось ничего иного, как вложить свою ладонь в его; мог ли подумать м-р Карлайл, что он тысячи раз нежно сжимал ее в своей руке с тех пор, как взял у алтаря в Кастл-Марлинге!

Она снова присела, не в силах стоять, чувствуя себя так, будто лишилась последней капли крови, которая, во всяком случае, отхлынула от ее лица. Мистер Карлайл принялся вежливо расспрашивать ее о том, как она доехала; она же, еле слышно отвечая, не смела поднять на него глаза.

— Ты сегодня рано вернулся, Арчибальд, — воскликнула Барбара. — Я не ждала тебя, полагая, что тебе не удастся вырваться. Я-то знаю, что такое ежегодный праздничный ужин для судей в «Оленьей Голове»: они всегда засиживаются допоздна.

— Они и сегодня не изменят традиции, — рассмеялся м-р Карлайл. — Я долго ждал возможности улизнуть, и мне это удалось, когда принесли трубки. Я давно намеревался сделать это. Когда они хватятся меня, Дилл, который собирается уйти не иначе как самым последним из этой компании, расскажет им о «внезапном вызове» и «важном деле», которое «никак нельзя было отложить».

Барбара также рассмеялась.

— И папа там?

— Ну, конечно же. Восседает во главе стола. Что за ужин без председателя, Барбара?

— Ничто, с точки зрения папы, — весело сказала Барбара. — Ты спросил его, как себя чувствует мама?

— Да, — ответил м-р Карлайл и вдруг замолчал.

— Ну же, — воскликнула Барбара. — Что он сказал?

— «Сидит как на иголках», — вот что он ответил мне, — ответил м-р Карлайл, лукаво взглянув на жену. — Больше мне ничего не удалось вытащить из него.

— Это так похоже на папу! Арчибальд, ты знаешь, о чем я думала сегодня?

— О многих глупых вещах, я полагаю, — ответил он, но голос его выдавал нежность, слишком очевидную для ревнивого уха леди Изабель.

— Нет, ты послушай. Ты же знаешь, что папа едет в Лондон со сквайром Пиннером, чтобы посмотреть на новые сельскохозяйственные приспособления — или как они там называются. Они там пробудут не менее трех дней, как ты думаешь?

— Да плюс еще три, — с лукавой усмешкой сказал м-р Карлайл. — Когда двое почтенных джентльменов с головой окунутся в лондонские удовольствия, никто не поручится за то, что они будут спешить домой. Особенно это касается сельских судей. Итак, Барбара?

— Я подумала, не сможем ли мы убедить маму погостить у нас, пока он не вернется. Это будет счастливой переменой в ее монотонной жизни.

— Хотел бы я, чтобы это тебе удалось, — с теплотой в голосе сказал м-р Карлайл. — Жизнь ее, с тех пор, как ты уехала, действительно сделалась однообразной, хотя она, при ее доброте и терпении, никогда сама не скажет об этом. Это счастливая мысль, Барбара, и мне остается лишь надеяться, что нам удастся осуществить эту идею. Мать миссис Карлайл больна и очень одинока, поскольку теперь ее дети не с ней, — добавил он из вежливости, обращаясь к мадам Вин.

Она лишь кивнула, не решаясь говорить. Мистер Карлайл внимательно взгляделся в лицо этой женщины, сидевшей с низко опущенной головой. Она казалась не слишком общительной, и он повернулся к сыну, который все так же резвился на руках у матери.

— А Вы, сэр, что здесь делаете, хотел бы я знать, в столь поздний час?

— И не спрашивай! — сказала Барбара. — Я велела принести его сюда, поскольку тебя не было, полагая, что он сразу же уснет. Ты только посмотри: у него глаза ничуть не более сонные, чем мои.

Она пыталась укачать его, говоря это, но юный джентльмен решительно воспротивился подобным действиям. Он издал протестующий крик и снова высвободил голову и ручку, после чего торжествующе и дерзновенно возопил во всю мощь полугодовалых легких.

— Бесполезно, Барбара: сегодня тебе его не убаюкать.

Он подбросил малыша своими сильными руками, поднял его к люстре, дал ему стукнуться лбом с его двойником в зеркале трюмо, чем привел маленького бунтаря в полный восторг. И, наконец, исцеловал милое личико, как это раньше делала Барбара, которая в этот момент позвонила.

Вы представляете, читатель, что творилось в душе у леди Изабель? Он так же подбрасывал, так же целовал ее детей, а она стояла рядом — любящая, гордая, счастливая мать — такая же, как Барбара. М-р Карлайл подошел к ней.

— А Вам, мадам, нравятся такие маленькие непоседы? Этот парень весьма неплох, не так ли?

— Даже очень хорош. Как его зовут? — ответила она просто для того, чтобы хоть что-то сказать.

— Артур.

— Артур Арчибальд — вставила Барбара. — Мне так хотелось, чтобы его звали просто Арчибальдом, но это имя уже занято. Это Вы, Уилсон? Не знаю, что Вы станете делать с ним, но он, похоже, и к полуночи не угомонится.

Уилсон позволила своему любопытству небольшую добавку в виде еще одного долгого взгляда на мадам Вин, приняла ребенка из рук м-ра Карлайла и удалилась. Мадам Вин тоже встала. Она тихим голосом извинилась и попросила разрешения удалиться, сославшись на усталость. Разумеется, радушные хозяева отпустили ее, напомнив, что она может позвонить, если ей захочется подкрепиться. Барбара тепло пожала ей руку на прощание, а м-р Карлайл прошел через всю комнату, чтобы открыть ей дверь, и проводил ее поклоном и вежливой улыбкой. Она сразу же отправилась в свою комнату. До отдыха ли ей было теперь? Изабель пыталась убедить свою истерзанную раскаянием душу, что этот крест, оказавшийся куда тяжелее, чем она могла представить, был ею самой возложен на свои плечи, и теперь она не может сбросить эту ношу. Что же, это верно, однако же, кому из нас захотелось бы влачить ее?

— Ну не чудно ли она выглядит? — спросила Барбара, оставшись с мистером Карлайлом. — Никак не могу понять, зачем она носит эти зеленые очки. Дело явно не в слабом зрении, и кроме того, они такие уродливые!

— Она мне напоминает... — задумчиво начал м-р Карлайл.

— Кого?

— Я имею в виду ее лицо, — продолжал он, думая о чем-то своем.

— Его не очень-то разглядишь, — ответила миссис Карлайл. — Так кого она тебе напоминает?

— Право же, не знаю. Не могу припомнить, — сказал он, поднимаясь. — Давай пить чай, Барбара.

Глава 3

СЕРДЕЧНАЯ ТОСКА

На следующее утро леди Изабель, прежде чем выйти из комнаты и проследовать в серую гостиную, долго стояла у двери и прислушивалась: одна мысль о встрече с мистером Карлайлом приводила ее в ужас. Прошлым вечером, когда он пристально вглядывался в ее лицо, ей показалось, что он ее узнал. Кроме того, он был мужем другой женщины, и для нее было бы неблагоприятно слишком часто видеться с ним, ибо теперь он ей стал дороже, чем когда-либо ранее.

Вдруг из дальней комнаты, детской, выбежал стройный розовощекий мальчик, благородной осанкой напоминающий отца, и припустился по коридору верхом на каминной щетке. Это был ее сын, Арчибальд: сходство с мистером Карлайлом было столь велико, что она узнала бы его и в том случае, если бы в ней не заговорил материнский голос. Сердце ее защемило от нежности; она схватила мальчугана вместе с его «лошадкой» и внесла в свою комнату.

— Мы должны познакомиться с тобой, — сказала она ему. — Я люблю таких маленьких мальчиков.

Она села в низкое кресло, держа малыша на коленях, и покрыла его лицо поцелуями; слезы хлынули у нее из глаз, слезы, которых она не смогла бы сдержать, даже если бы от этого зависела ее жизнь. Подняв глаза, она вдруг увидела Уилсон, бесцеремонно вошедшую в комнату. Леди Изабель едва не сделалось дурно; она чувствовала, что выдала себя. Что ей теперь оставалось? Придумать хоть какой-нибудь предлог. Как она могла настолько забыть себя?

— Он напомнил мне моих собственных детей, — сказала она Уилсон, стараясь овладеть собой и не показать слез.

Арчибальд, которого она уже выпустила из рук, стоял рядом, положив палец в рот, изумленно разглядывая ее очки.

— Когда потеряешь своих детей, начинаешь любить всех малышей!

Уилсон, почти столь же изумленная, как и Арчибальд, ибо ей подумалось, что новая гувернантка внезапно сошла с ума, проговорила что-то в ответ и переключила свое внимание на Арчи.

— Ах ты, непослушная маленькая обезьянка! Ты зачем убежал со щеткой Сарры? Вот что я Вам скажу, сэр: Вы сделали слишком дерзким и шумным для детской. Я расскажу об этом Вашей маме.

Она схватила ребенка и хорошенько встряхнула его. Леди Изабель бросилась к ней, воздев руки, с мольбой в голосе.

— Ах, не бейте, не бейте его! Я не могу видеть, как его бьют.

— Бьют! — эхом отозвалась Уилсон. — Хорошая трепка пошла бы ему на пользу, но он ее никогда не получает! Я могу лишь встряхнуть или шлепнуть его, а этого явно недостаточно. Вы не поверите, мадам, что за упрямец этот мальчишка — он переходит все границы! Двое других детей не натворили и четверти того, что сумел сделать он один. Подумайте только! Мне придется поставить засов на двери детской, на самом верху — и тогда он станет карабкаться по дверному косяку, чтобы отворить ее.

Последнюю фразу Уилсон адресовала гувернантке перед тем, как потащить Арчи в детскую. Леди Изабель рухнула в кресло в самом подавленном настроении. Подумать только: это ее дитя, и она даже не может сказать служанке: «Не смейте бить его!» Она спустилась в серую гостиную, где ее ожидали накрытый завтрак и двое других детей. Когда она вошла, Джойс вышла из комнаты. Грациозная девочка восьми лет и хрупкий мальчик, годом моложе, с красивыми чертами лица, как у нее когда-то, с ее ярким и нежным румянцем, с большими, кроткими карими глазами. Как же она истосковалась по ним! Однако сцена, происшедшая только что наверху, не должна была повториться. Она все-таки наклонилась и поцеловала их обоих по одному разу, совершенно бесстрастно на вид. Люси была от природы молчаливой, а Уильям любил поболтать.

— Вы наша новая гувернантка, — сказал он.

— Да. Мы должны стать хорошими друзьями.

— Почему бы и нет? — ответил мальчик. — Мы были хорошими друзьями с мисс Мэннинг. Я скоро начну учить латынь — как только пройдет мой кашель. Вы знаете латинский язык?

— Нет. Не настолько, чтобы преподавать его, — сказала она, тщательно избегая всяких ласковых обращений, готовых сорваться с губ.

— Папа сказал, что Вы почти наверняка не знаете латинского, поскольку это — редкость среди женщин. Он сказал, что ему придется попросить мистера Кейна позаниматься со мной.

— Мистера Кейна? — повторила леди Изабель, внезапно вспомнив это имя. — Учителя музыки?

— Откуда Вы знаете, что он был учителем музыки? — воскликнул пронцательный Уильям, и у леди Изабель кровь прилила к лицу от ее очередной оплошности. Еще больше заставили нашу героиню покраснеть ее собственные уклончивые слова о том, что она когда-то слышала про него от миссис Латимер.

— Он действительно учит музыке, но, поскольку на этом много не заработаешь, он еще преподает классические языки. Он учит нас музыке с тех пор, как уехала мисс Мэннинг: мама сказала, что мы не должны терять времени даром.

Мама! Это слово резало ей слух, ибо он применил его по отношению к Барбаре.

— Так кого же он учит? — поинтересовалась она.

— Нас обоих, — ответил Уильям, показывая на себя и на сестру.

— Вы всегда на завтрак пьете молоко с хлебом? — спросила она, заметив, что стоит на столе.

— Иногда оно нам надоедает, и тогда нам дают разбавленное молоко и хлеб с маслом или же мед; а потом мы снова завтракаем хлебом и молоком. Тетя Корнелия считает, что мы должны есть именно их: она говорит, что папа только этим и завтракал, когда был маленьким мальчиком.

Люси подняла голову.

— Папа дал мне яйцо, когда я завтракала с ним, — воскликнула она, — а тетя Корнелия сказала, что это не пойдет мне на пользу, а папа все равно дал мне его. Я раньше все время завтракала с ним.

— А почему ты сейчас не делаешь этого? — спросила леди Изабель.

— Не знаю. Мы перестали завтракать вместе, когда здесь появилась мама.

В глубине души, почти помимо собственной воли, она едва не назвала Барбару мачехой. Пыталась ли миссис Карлайл отдалить детей от их отца?

Когда завтрак был закончен, она задала им несколько вопросов об их занятиях, отдыхе, распорядке дня.

— Но это же не классная комната, — воскликнул Уильям, когда она спросила их об учебниках.

— Разве нет?

— Классная комната — наверху. А эта гостиная предназначена для приема пищи нами в течение дня, а также для Вашего вечернего отдыха.

В этот момент в холле послышался голос м-ра Карлайла, и Люси чуть не бросилась туда. Леди Изабель, опасаясь, что он тоже может войти, если покажется ребенок, поспешно удержала ее.

— Останься, Изабель.

— Ее зовут Люси, — сказал Уильям, вскинув на нее глаза. — Почему Вы называете ее Изабель?

— Я думала... мне показалось, я слышала, как ее называли Изабель, — запинаясь, ответила бедняжка, пришедшая в полное смятение от своих постоянных промахов.

— Меня зовут Изабель Люси, — вмешалась девочка. — Но я не знаю, кто бы мог сказать Вам об этом, так как меня никогда не называют Изабель, с тех пор, как... Сказать ли Вам? С тех пор, как ушла мама, — закончила она, понизив голос. — Та мама, которая была раньше.

— Она ушла? — воскликнула леди Изабель, взволнованная и сама не ведавшая, что говорит.

— Ее похитили, — прошептала Люси.

— Похитили? — удивленно переспросила Изабель.

— Да. Иначе бы она не ушла. У папы гостил один нехороший человек, и он украл ее. Уилсон говорит, она знала, что он похититель людей, еще до того, как он забрал маму. Ее звали Изабель. Папа сказал, чтобы меня впредь называли только Люси, а не Изабель.

— Откуда ты знаешь, что это сказал твой папа? — задумчиво спросила леди Изабель.

— Я сама слышала. Он сказал это Джойс, а Джойс передала слугам. Я и тетрадки подписываю только именем Люси. Я писала «Изабель Люси», но однажды папа заметил это, перечеркнул имя «Изабель» карандашом и велел показать тетрадь мисс Мэннинг. С тех пор она разрешала мне подписываться только как Люси. Я спросила ее, почему, и она ответила, что папа предпочитает это имя, и велела не задавать вопросов.

Она не могла остановить ребенка, но каждое слово буквально разрывало ее сердце.

— Леди Изабель была нашей самой-самой настоящей мамой, — продолжала Люси. — Эта мама не такая.

— Ты любишь эту маму так же, как ту? — чуть слышно спросила леди Изабель.

— Ах, я так любила маму! Я любила маму! — воскликнула Люси, ломая руки. — Но теперь все закончено. Уилсон говорит, что мы не должны больше любить ее. Так сказала тетя Корнелия. Уилсон говорит, что она не бросила бы нас, если бы любила.

— Уилсон так и сказала? — возмущенно спросила леди Изабель.

— Она сказала, что нечего было позволять похитить себя. Я боюсь, что он избил ее, потому что она потом умерла. Я лежу иногда ночью и думаю, бил ли он ее, и отчего она умерла. Наша новая мама появилась после ее смерти. Папа сказал, что она будет нашей мамой вместо леди Изабель, и мы должны полюбить ее.

— А ты любишь ее? — с горячностью спросила леди Изабель.

Люси покачала головой.

— Не так, как я любила мамочку.

В этот момент вошла Джойс, чтобы проводить их в классную комнату, и они последовали за ней. Подойдя к окну, леди Изабель увидела, что м-р Карлайл отправился в контору пешком, под руку с нежно прильнувшей к нему Барбарой, явно собиравшейся проводить его до ворот парка. Она так же прижималась к нему, так же провожала его в те давно минувшие дни...

В то же утро Барбара зашла в классную комнату, чтобы обсудить будущие занятия, равномерно распределить часы отдыха и учебы. Она говорила вежливо, но твердо, ясно давая понять, что она была и останется единственной хозяйкой в этом доме. Никогда еще леди Изабель не чувствовала так остро унижительность своего теперешнего положения, никогда еще не бывало так уязвлено ее самолюбие; однако, ей оставалось ЛИШЬ подчиниться.

Сколько раз в этот день порывалась она прижать к сердцу своих детей, и сколько раз ей пришлось подавить в себе это желание!

Перед чаепитием она вышла прогуляться с ними. Солнце, давно миновав зенит, все еще согревало землю ласковыми пологими лучами. Они выбрали тропинку в поле, тянувшуюся параллельно большаку и отделенную от него лишь невысокой изгородью. Это была именно та тропинка, которой пользовался капитан Ливайсон, отправляясь шпионить за мистером Карлайлом. И на кого бы, вы думали, они набрали, к вящему испугу леди Изабель? На мистера и миссис Карлайл, которые, возвращаясь пешком из Вест-Линна, выбрали ту же самую дорогу.

После неловкого приветствия все повернули домой: впереди шли м-р и миссис Карлайл, сзади — леди Изабель с детьми. Она замедлила шаги. Ее хотелось как можно более увеличить расстояние от них. Увы, все напрасно: подойдя к перелазу, м-р Карлайл помог перебраться жене и подождал остальных. Дети мгновенно перемахнули на другую сторону, не нуждаясь в чьей-либо помощи, и м-р Карлайл остался, чтобы помочь гувернантке.

— Спасибо, — задышавшись, проговорила она. — Я справлюсь сама.

Он стоял и ждал ее, словно не расслышав этих слов, и ей оставалось только перебраться через этот весьма неудобный перелаз: она все еще помнила его. Да и сама она действовала весьма неловко. Перед ней находилась протянутая рука м-ра Карлайла, и ей пришлось вложить в нее кончики своих пальцев; однако же она так волновалась, что запуталась в своих юбках и, попытавшись спрыгнуть, обязательно упала бы, если бы м-р Карлайл не подхватил ее на руки.

— Надеюсь, Вы не ушиблись? — заботливо спросил он.

— Прошу прощения, сэр. У меня запуталась нога. Благодарю Вас: я не ушиблась.

Он прошел вперед и взял под руку жену, которая ожидала его. Леди Изабель немного отстала, пытаясь унять сердцебиение.

Они пили чай в серой гостиной, когда у Уильяма начался приступ кашля, очень сильный и продолжительный. Леди Изабель встала с места, привлекла его к себе с нескрываемой нежностью

и... встретилась глазами с мистером Карлайлом, который, спускаясь по лестнице, услышал кашель и вошел в гостиную. Леди Изабель столь стремительно отпрянула от мальчика, словно ранее собиралась убить его.

— Вы, я вижу, от природы наделены любовью к детям, — сказал он, глядя на нее с доброй улыбкой.

Она сама не понимала, что пробормотала в ответ — вряд ли м-р Карлайл разобрал эти слова — и отступила в наименее освещенную часть комнаты.

— В чем дело? — спросила миссис Карлайл, заглянув в дверь. Она тоже спустилась по лестнице, переодевшись к обеду. М-р Карлайл к этому времени уже посадил сына к себе на колени.

— Меня беспокоит кашель Уильяма. Я снова вызову Уэйнрайта.

— Ничего страшного, — ответила Барбара. — Он пил чай и, должно быть, крошка попала ему в горло. Обед накрыт, Арчибальд.

М-р Карлайл опустил мальчика на пол, однако задержался на минутку, рассматривая его. Кашель прекратился, мальчик выглядел бледным и изможденным, румянец — в самом деле слишком яркий, как и говорила Эфи — сошел с его щек. Миссис Карлайл взяла мужа под руку и, когда они уже уходили, обернулась и сказала:

— Не могли бы Вы немного попозже подойти в гостиную с мисс Люси, мадам Вин? Мы хотели бы послушать, как Вы играет.

Мисс Люси! И такой приказной тон. Что же: Барбара была теперь миссис Карлайл — ничего не поделаешь! Она снова прижала к себе своего первого сына и прижалась к нему своим пылающим лицом.

— Ты кашляешь по ночам, дитя мое?

— Немножко, — ответил он. — Джойс оставляет возле кровати немного джема из черной смородины, и я ем его, когда начинается кашель.

— Он имеет в виду желе, — вмешалась Люси с набитым ртом. — Это желе из черной смородины.

— Да, желе, — сказал Уильям. — Ну, да это одно и то же.

— Кто-нибудь спит с тобой в комнате? — спросила она.

— Нет. У меня отдельная спальня.

Она задумалась: не позволят ли ей поставить в своей комнате маленькую кроватку для него, если она осмелится об этом попросить? Кто еще мог бы так заботиться о нем, как она? Пообщавшись с Уильямом, она поняла, что он умен не по годам — увы, это часто бывает при телесной слабости человека. У него был разум четырнадцатилетнего подростка, а не семилетнего мальчишки, о чем свидетельствовала его манера говорить.

«Все знает», «понимает больше, чем положено ребенку», — говорят о таких пожилые, опытные женщины, посмотрев на них, и добавляют: «Этот — не жилец».

— Ты не хотел бы спать в моей комнате? — спросила леди Изабель.

— Не знаю. А зачем мне спать у Вас?

— Я могла бы ухаживать за тобой, подавать тебе желе и вообще все, что потребуется, если ты начнешь кашлять. Я буду любить тебя, как любила бы твоя мама.

— Мама не любила нас, — воскликнул он. — Иначе бы она не бросила нас.

— Нет, любила, — закричала Люси почти сердито. — Об этом рассказывает Джойс, да и я сама помню. Она не виновата, что ее украли.

— Успокойся, Люси. Девчонки ничего не понимают. Мама...

— Дитя, — вмешалась леди Изабель, глаза которой наполнились слезами, — ваша мама любила вас всем сердцем, любила так, как ей уже никого не полюбить.

— Откуда Вам знать это, мадам Вин? — продолжал упорствовать Уильям. — Вас ведь не было здесь, и маму Вы не знали.

— Я уверена, что она должна была любить Вас, — только и осмелилась сказать мадам Вин. — Я не пробыла здесь и дня, а уже полюбила вас. Я уже очень-очень люблю вас.

Говоря это, она прижалась горячими губами к его щеке и оросила ее слезами, помимо воли бедняжки обильно хлынувшими из глаз.

— Почему Вы плачете? — спросил Уильям.

— Однажды, — тихо ответила она, — я потеряла родного маленького мальчика, такого же, как ты, и я так рада, что ты можешь заменить его. С тех самых пор мне некого любить.

— Как его звали? — воскликнул любопытный Уильям.

— Уильям.

Едва это имя сорвалось с ее губ, как она горько пожалела о сказанном.

— Уильям Вин, — задумчиво проговорил мальчик. — Он говорил по-французски или по-английски? Его папа был французом, не так ли?

— Он говорил по-английски. Однако же, ты не допил свой чай, — добавила она, чувствуя, что вопросы становятся опасными.

Надобно заметить, что у Барбары вошло в привычку, когда они были дома с мистером Карлайлом, оставлять его во время десерта и подниматься на несколько минут к своему малышу, прежде чем спуститься в гостиную. Спускаясь по лестнице в этот вечер, она увидела Люси, которая выглянула из серой гостиной.

— Нам можно войти, мама?

— Да. Попросим мадам Вин помузицировать.

Мадам Вин, когда уже не смела более медлить, подошла наконец к двери гостиной — в самый неподходящий момент, так как едва не столкнулась с мистером Карлайлом, шедшим из столовой. Увидев его, она задержалась; сначала она хотела даже незаметно удалиться, однако он оглянулся, как будто поджидал ее. Люси к этому времени уже вошла в гостиную.

— Мадам Вин, — начал он, понизив голос и придерживая дверь за ручку, — у Вас большой опыт по части детских болезней?

Она хотела ответить «Нет», ибо ее дети, пока она была с ними, отличались завидным здоровьем, однако же припомнила, что якобы потеряла четверых детей, и должна отвечать соответственно.

— Не то чтобы очень большой, сэ, но некоторый имеется.

— Не кажется ли Вам, что у Уильяма какой-то нехороший кашель?

— Думаю, он нуждается в уходе и постоянном наблюдении, особенно в ночное время. Мне хотелось бы, чтобы он спал в моей комнате, — добавила она, повинувшись внезапному порыву, дрожа всем телом. — Его кровать легко поместится в моей комнате, и я буду ухаживать за ним, сэ, как... как... лучше, чем это сделал бы кто-либо из слуг.

— Ни за что, — с теплотой ответил м-р Карлайл. — Мы ни за что не причиним Вам таких хлопот. Он не болен и не нуждается в ночной сиделке, а если бы нуждался, мы могли бы положить на наших слуг.

— Я так люблю детей! — осмелилась настаивать она. — Он мне уже очень полюбился, и я бы хотела денно и нощно заботиться о его здоровье. Для меня это будет удовольствием.

— Вы очень добры. Однако я уверен, что миссис Карлайл и слышать об этом не захочет. Это будет слишком обременительно для Вас.

Он сказал это достаточно решительно, после чего открыл дверь, пропуская ее в гостиную.

Более всего она боялась петь. Во время пения она не шепелявила, а потому опасалась, что ее голос или интонации могут узнать. Она решила не петь ни единой из песен, исполнявшихся в этом доме, более того — и другие исполнять лишь в половину диапазона своего голоса. Она помнила, в какое восхищение когда-то приводило мужа ее пение. Теперь для него пела Барбара.

Впрочем, в этот вечер она получила передышку. Прошло лишь несколько минут с ее появления в гостиной, когда вошел кто-то из слуг и сообщил о приезде судьи Хэйра, который вступил в комнату важной походкой, гордо неся на голове безупречно уложенный парик. При нем петь не имело смысла, ибо даже самая чудесная мелодия ничего не значила для него. М-р Карлайл и Барбара встали, чтобы поздороваться с ним.

— Ах, папа, как я рада видеть тебя! Ты нечасто бываешь у нас вечером. Садись в кресло. Познакомься: мадам Вин, — добавила она, когда судья проходил мимо гувернантки.

— Как поживаете, мадемуазель? Я нон парле Фронгсе, — сказал судья с таким видом, словно его так и подмывало добавить: «И слава Богу!».

Мадам Вин не смогла сдержать улыбки.

— В этом нет необходимости, сэ. Я англичанка, а не француженка.

— Прошу прощения, — сказал судья. — Мне сказали, сюда приезжает некая французская мадам. К тому же, Вы и выглядите по-французски, — добавил он, разглядывая ее зеленые очки и бесформенное платье.

— Я не принял бы Вас за англичанку, если бы Вы сами не сказали этого мне. Однако же, я рад этому известию. От французских гувернанток добра ждать не приходится. Я всегда говорил: держитесь от них подальше.

— Вы так полагаете? — спросила леди Изабель.

— Уж я-то знаю, — безапелляционно заметил г-н судья. — Когда наши девочки, Анна и Барбара, были маленькими, моей жене приспичило завести французскую гувернантку. Я с подозрением отнесся к этой идее. «Она превратит нас всех в католиков, — так прямо и заявил я, — и станет требовать лягушек на обед. «Однако миссис Хэйр вообразила, как и все прочие, что девочки должны выучить французский, и я дал согласие. Она пробыла у нас два года и несколько месяцев, а затем...

— Затем что, сэр?

— Ну, это разговор не для гостиной. В то время у нас почти постоянно жил мой брат, бывший капитан первого ранга, вот уже три года как списанный на берег по болезни. И мы... застали их вдвоем. Почти с того самого дня, как французская мадемуазель переступила порог нашего дома, и до того момента, когда я вышвырнул ее, они затеяли интрижку. Миссис Хэйр с тех пор терпеть не может этих двуличных французских гувернанток, а я так и сказал, что поделом ей было! Когда я услышал, что миссис Карлайл наняла французскую мадемуазель для детей, я сказал, что она нуждается в хорошем подзатыльнике.

— Но, папа, я же говорила тебе, что мадам Вин была англичанкой, а не француженкой.

Судья буркнул что-то в ответ и продолжал, обращаясь к мадам Вин.

— Я выложил брату все, что думал о нем. Можно сказать, мы рассорились на всю жизнь, ибо он так и не простил меня. Он вернулся на службу и даже сделал отличную карьеру, рано став адмиралом, однако вскоре умер и оставил все свои деньги Барбаре. Он был упрям, как осел.

— Видишь, папа, к чему ведут ссоры, — шутиливо сказала Барбара, однако строгому отцу это показалось дерзостью.

— Ну, теперь Вы в руках Карлайла, а не моих, иначе я сказал бы Вам, мэм, что думаю о подобных речах, — сурово ответил он Барбаре и снова повернулся к мадам Вин.

— Вы, должно быть, тоже видели этих непутевых французских гувернанточек?

— Не слишком часто. Мне с ними не приходилось иметь дела, так как я англичанка.

— Тем лучше для Вас, мадам, — с грубоватой прямоотой заявил г-н судья. — Однако же, вполне естественно, что я ошибся. Как было не принять Вас за француженку, если Вас называли на французский манер, да и жили Вы во Франции или же в каком-то заморском курорте на водах. Если бы я поселился во Франции и стал именовать себя «месье», то даже для самого Диккенса было бы простительно принять меня за какую-нибудь французскую лягушку.

Люси захлопала в ладошки и весело рассмеялась.

— Можете, смеяться, мисс Люси, а я скажу Вам, что Вы бы точно превратились в лягушку, а то и во что-нибудь похуже, если бы им удалось сделать из Вас мадемуазель. Если бы у Вашей матери не было в детстве французской гувернантки, она бы никогда... никогда.

— Никогда что? — спросила Люси, во все глаза глядя на судью Хэйра.

— Так не поступила бы. Все. Хватит об этом! Барбара, что за чушь ты втемяшила в голову своей матери?

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду, папа. Мы с Арчибальдом хотим, чтобы она погостила у нас, пока ты будешь в Лондоне, если ты говоришь об этом.

— И мы настроены весьма решительно, господин судья, — вставил м-р Карлайл, — даже если для этого нам придется совершить ночное нападение на Гроув и унести ее силой.

— Гроув! — проворчал судья Хэйр. — Вам и дела нет до того, что будут творить слуги в отсутствие хозяина и хозяйки. У Вас, молодых, соображение не лучше, чем у телят.

— Ах, папа, ну с чего ты это взял? — воскликнула Барбара. — Ничего в Гроуве не случится и без вас с мамой. Все наши слуги — добропорядочные люди, прослужившие у нас по многу лет.

— Если вы хотите, чтобы мама погостила у вас, почему бы вам не пригласить ее, когда я дома?

— Потому что она не оставит тебя, и ты сам это знаешь, папа. Если ты будешь дома, она никуда оттуда не двинется. Думаю, свет еще не видывал такой образцовой жены, как мама: если когда-то в будущем Арчибальд скажет, что я хотя бы наполовину могу сравниться с ней, он может считать себя счастливым.

Вышеуказанное замечание сопровождалось лукавым и независимым взглядом в сторону м-ра Карлайла, в котором, однако, сквозило ее истинное и глубокое чувство к нему. М-р Карлайл широко раскрыл глаза и улыбнулся, весело кивнув ей.

— Папа, ты всегда поступаешь по-своему, но ты должен уступить нам в этот раз. Мама очень хочет приехать к нам: она даже вздрогнула от внезапной радости, когда я предложила ей это сегодня, и у тебя должно хватить великодушия не возражать. С домом и со слугами все будет в порядке: это я возьму на себя.

— Да уж, все будет просто превосходно! — воскликнул судья Хэйр.

— Ей и в самом деле надо развеяться, — сказал м-р Карлайл. — Подумайте о том, что творится в душе у Вашей супруги.

— Конечно: она нервничает из-за этого мерзавца. Кто ее заставляет так тревожиться о нем?

— Она всегда была Вам хорошей, любящей женой, сэр.

— Да разве я говорил, что она была плохой женой?

— Тогда позвольте ей маленький праздник. Эта перемена пойдет ей на пользу. Вспомните, как миссис Хэйр любит Барбару!

— Намного сильнее, чем она того заслуживает, — едко ответил судья. — Уж больно дерзкой она сделалась теперь, когда полагает, что я уже больше не могу ее наказывать.

— Ну, я-то вполне могу это сделать, — мрачным голосом сказал м-р Карлайл. — Обещаю Вам, господин судья, что приструню ее.

— Знаю я вас! — воскликнул сердито г-н судья. — Ты скорее забалуешь ее до смерти, чем призовешь к порядку. Такой уж ты человек, Карлайл.

Тут господин судья решил подкрепиться стаканчиком эля, каковой и был ему незамедлительно подан. Леди Изабель, воспользовавшись паузой, подошла незаметно к миссис Карлайл и спросила, может ли она уйти, на что получила любезное согласие последней.

Вечер она провела в одиночестве, в серой гостиной. Это был ужасный вечер, в котором смешалось все: горе, ярость и горькое раскаяние: раскаяние из-за своего прошлого и ярость, вызванная неприятием теперешнего положения дел. В десятом часу она заставила себя подняться в свою комнату, намереваясь лечь спать.

Она уже входила к себе, когда увидела Сарру, помощницу Уилсон по детской, и ей в голову пришла внезапная мысль.

— В какой комнате спит мастер Карлайл, — спросила Изабель. — Она находится на этом этаже?

Девушка указала на соседнюю дверь.

— Это здесь, мэм.

Леди Изабель дождалась, пока Сарра спустится вниз по лестнице, после чего тихонько вошла в комнату. Маленькая белая кровать, прекрасное лицо Уильяма на подушке... Щеки его горели, руки разметались, словно от жара, однако же сон его был спокоен. Возле кровати стояло блюдо с желе из смородины. Рядом лежала чайная ложка и стоял стакан воды. Она опустилась на колени и положила голову на валик, подпиривший подушку, так что лицо ее оказалось рядом с лицом сына, и она почувствовала его дыхание. Глаза ее увлажнились; если бы не страх разбудить мальчика, она бы прижала его к груди. Он не может умереть!

— Боже праведный! Я увидела свет и подумала, что комната загорелась. До чего же я перепугалась!

Это была Уилсон, которая заметила свет, проходя мимо. Леди Изабель подскочила при звуках ее голоса, словно в нее выстрелили. Она опасалась Джойс и Уилсон еще более, нежели м-ра Карлайла.

— Я пришла посмотреть на мастера Уильяма, — сказала она, стараясь говорить как можно спокойнее. — Мистера Карлайла, кажется, беспокоит его кашель. Мальчик выглядит хрупким, и румянец у него какой-то слишком яркий.

— Ничего страшного, — ответила Уилсон. — Так же выглядела и его мать. Когда я увидела ее впервые, то готова была побиться об заклад, что на ней был толстенный слой румян.

— Спокойной ночи, — только и ответила леди Изабель, направляясь в свою комнату.

— Спокойной ночи, мадам, — ответила Уилсон, которая шла в детскую. — Не знаю, черт возьми, что и подумать об этой французской гувернантке! — продолжала она про себя. — Надеюсь, она не сумасшедшая.

Глава 4

...И ВСПОМНИШЬ ТЫ МЕНЯ

Миссис Хэйр сидела в серой гостиной, в платье из серой камки²², гармонировавшей цветом со стенами этой комнаты, и кружевном чепце, оттенявшем ее нежные черты лица. Когда судья уехал в Лондон вместе со сквайром Пиннером, Барбара отправилась в Гроув, и, торжествующая, вернулась в Ист-Линн в обществе матери. Этим вечером миссис Хэйр спустилась в серую гостиную. Мисс Карлайл обедала у них в этот день, и леди Изабель, сославшись на сильную головную боль, отклонила ее приглашение выпить чаю в большой гостиной, так как опасалась зорких глаз мисс Карлайл, вдвойне опасных при ярком свете люстры.

Барбара после десерта, как обычно, поднялась к своему малышу, а миссис Хэйр тем временем присоединилась к гувернантке в серой гостиной, так как полагала, что той, бедняжке, очень одиноко. Мисс Карлайл, презиравшая все и всяческие церемонии, осталась в столовой с мистером Карлайлом, возможно, собираясь прочесть ему лекцию о его очередной провинности.

Леди Изабель была одна: Люси отправилась на день рождения к кому-то из соседских детей, а Уильям был в детской. Миссис Хэйр, войдя в комнату, увидела, что Изабель сидит, грустно обхватив голову руками. Они еще не были знакомы как следует, если не считать того, что их представили друг другу.

— Мне так жаль, что Вам нездоровится сегодня, — ласково сказала миссис Хэйр.

— Благодарю Вас. У меня буквально раскалывается голова, — ответила Изабель, причем совершенно не покривила душой.

— Не одиноко Вам здесь, совершенно одной?

— Я привыкла к одиночеству.

Миссис Хэйр присела, сочувственно глядя на молодую, хотя и несколько странного вида женщину, сидевшую перед ней, на лице которой явственно читались признаки душевной муки.

— Вы знаете, что такое скорбь, — наклонившись к Изабель, мягко сказала миссис Хэйр.

— Ах, великая, невыносимая скорбь! — не выдержала леди Изабель, которую в этот вечер сверх обычного тяготило ее положение; сочувственный тон собеседницы сделал его почти нестерпимым.

— Дочь рассказала мне, что Вы потеряли Ваших детей, равно как и состояние, и положение в обществе. Я так сочувствую Вам! Мне хотелось бы как-нибудь утешить Вас.

Эти слова не уменьшили ее боль — скорее, наоборот: она не могла больше сдерживать себя, и слезы хлынули у нее из глаз.

— Не жалейте меня, не жалейте, дорогая миссис Хэйр. От этого мне еще тяжелее. Некоторые из нас, — добавила она, — рождены для того, чтобы страдать.

— Все мы рождены для этого! — воскликнула миссис Хэйр. — И у меня, сказать по правде, есть основания сказать то же самое. Ах, Вы не знаете, каков мой удел — какой ужасный груз лежит у меня на душе! Вот уже много лет, как я, по правде говоря, не знаю ни минуты безоблачного счастья.

— Далеко не всем выпадает такая воистину убийственная скорбь, — возразила леди Изабель.

— Можете не сомневаться: рано или поздно какая-то скорбь приходит к каждому. Даже к самой счастливой судьбе подмешиваются темные дни. Вне всякого сомнения, они распределяются не поровну между всеми людьми. Некоторые, как Вы заметили, словно рождены для нее, поскольку она преследует их всю жизнь; другим живется легче. Хотя трудно сказать, больше ли им повезло: вдруг все эти горести мы должны претерпеть для того, чтобы попасть в рай? Недаром же говорят: «Несчастья или ожесточают душу, или открывают ее для Всевышнего». Возможно, сердца наши так черствы, что лишь пожизненное горе может смягчить их. Дорогая моя, тихо добавила миссис Хэйр — по ее бледным щекам тоже катились слезы. — Блаженный

²² Камка — узорчатая шелковая ткань

отдых будет дарован уставшему, когда завершится полная трудностей жизнь; найдем же утешение в этой мысли!

— Да! — прошептала леди Изабель. — Это все, что мне остается.

— Вы еще слишком молоды, чтобы успеть так много пережить.

— Страдания измеряются не годами. Иногда за один час можно прожить целую жизнь. Однако же, мы сами навлекаем на себя горести, — продолжала она с отчаянием и смирением. — Наше счастье или горе целиком и полностью зависят от нашего поведения.

— Не всегда, — вздохнула миссис Хэйр. — Признаю, что часто горе приходит как наказание за проступки; хуже всего, однако, то, что последствия этого бывают одинаково тяжелыми и для виноватых, и для невинных. Из-за ошибок мужа страдает ни в чем не повинная жена, грехи родителей портят жизнь детям, дети разбивают сердца родителей. Я могу сказать, положила руку на сердце, что, хотя и осознаю свое несовершенство, не знаю, чем заслужила то горе, которое обрушилось на меня, чем я провинилась; однако же, несмотря на то, что я чуть не умерла, я не сомневаюсь, что в этом проявилась и милость Божья: нужно лишь Заставить свое слабое, мятежное сердце понять это. Вы, я уверена, также не заслужили того, что Вам пришлось пережить.

Миссис Хэйр не заметила, как покраснела от стыда и опустила ресницы ее собеседница.

— Вы потеряли своих малышей, — продолжала миссис Хэйр. — Это горе, огромное горе, признаю, но, поверьте мне, это ничто по сравнению с ужасной судьбой матери, дети которой выросли и стали такими людьми, что, право же, им лучше было бы умереть в младенчестве. Иногда я жалею, что все мои сокровища не в лучшем из миров, что они не ушли туда раньше меня. Страдание — удел каждого, уверяю Вас.

— Нет, не всех, — не согласилась леди Изабель. — Есть на свете и счастливые судьбы.

— Нет судьбы, на долю которой не выпадут страдания, — ответила миссис Хэйр. — Да, жизнь может казаться безоблачной, так может продолжаться года-годами, но, будьте уверены, рано или поздно что-то омрачит ее.

— Взять мистера и миссис Карлайл — чем может омрачиться их жизнь? — спросила леди Изабель, причем голос ее как-то странно зазвенел; миссис Хэйр заметила это, хотя и не поняла, почему это случилось.

— Миссис Карлайл повезло в жизни, — сказала она, и лицо ее озарилось нежной улыбкой. — Она страстно любит своего мужа, и он того заслуживает. Она и в самом деле счастлива, однако и ей не приходится надеяться на совершенно безоблачную жизнь. А мистер Карлайл уже достаточно страдал.

— Вот как!

— Вам, без сомнения, уже рассказали его историю. Его бросила первая жена, оставив свой дом и своих детей. Он держался мужественно, однако я знаю, что он принял это очень близко к сердцу. Он обожал ее всем сердцем. Это была его первая настоящая любовь.

— Ее. Разве не Барбару?

Леди Изабель спохватилась, как только имя «Барбара» сорвалось у нее с губ. Она была всего лишь мадам Вин, гувернанткой. Не сочтет ли это излишней фамильярностью ее собеседница?

Миссис Хэйр, целиком поглощенная разговором, казалось, не заметила этого.

— Барбару? — переспросила она. — Конечно же, нет. Если бы его первой любовью была Барбара, он выбрал бы ее. Тогда его сердце принадлежало леди Изабель.

— Но сейчас оно принадлежит его жене.

Миссис Хэйр чуть не рассмеялась.

— Ну конечно. Не хотите же Вы, чтобы оно было похоронено вместе с покойной женой, которая, к тому же, изменила ему? И вместе с тем, дорогая моя, эта бедная леди Изабель была милейшей женщиной. Я любила ее тогда, да и сейчас люблю — ничего не могу поделать с собой. Другие люди обвиняли ее, а я только жалела. Они так подходили друг другу: он, добрый и благородный, и она — такая красивая и обаятельная!

— И она оставила его, отказалась от него, при всем благородстве и любви к ней! — воскликнула бедная гувернантка и заломила руки, словно в отчаянии.

— Да. Не стоит говорить об этом более — это большая тема. Многие не понимали, как она могла оставить такого мужа, таких детей, и мы с дочерью — более всех. Один ее неверный шаг —

хотя мне почти страшно произнести это, чтобы не вообразили, будто я торжествую от того, что разрушило ее жизнь — сделал счастливой мою дочь, поскольку мне совершенно ясно, что Барбара никого не полюбила бы так, как мистера Карлайла.

— Вы думаете, это принесло ей несчастье? — воскликнула леди Изабель с горькой насмешкой в голосе.

Этот вопрос поразил миссис Хэйр.

— Не было еще ни одной женщины, совершившей подобный шаг и не навлекшей на себя тем самым жесточайшего несчастья, — ответила она. — Иначе и быть не может. Леди Изабель была натурой, способной на раскаяние, на горькие терзания. Утонченная, скромная, английская дворянка до мозга костей, она была такой женщиной, от которой никто не мог бы ожидать подобного поступка. Она убежала, как во сне, сама не ведая, что творит: вот о чем я думала множество раз. Я знаю, что она испытала глубочайшее горе и раскаяние.

— Откуда Вы узнали? Вы слышали об этом? — воскликнула леди Изабель голосом, который мог бы показаться подозрительно взволнованным для более внимательного человека, нежели миссис Хэйр. — Он что, говорил об этом — Фрэнсис Ливайсон? Вы слышали это от него?

Миссис Хэйр, кроткая миссис Хэйр, гордо выпрямилась, поскольку эти слова задели ее за живое. Еще мгновение — и к ней вернулись прежние доброта и кротость, ибо ей подумалось, что бедная гувернантка, сломленная горем, произнесла эти слова, не подумав.

— Я не знаю, что соблаговолил заявить сэр Фрэнсис Ливайсон, — сказала она, — однако можете не сомневаться, что ему ничего не будет дозволено заявлять мне или же кому-то еще из друзей мистера Карлайла — более того, любому честному и порядочному человеку. Я слышала это от лорда Маунт-Северна.

— От лорда Маунт-Северна! — повторила леди Изабель.

Она собиралась сказать еще что-то и даже раскрыла рот, но передумала.

— Он был здесь летом. Прогостил две недели. Леди Изабель была дочерью покойного графа — возможно, Вы не знали этого. Он — лорд Маунт-Северн — сказал мне по секрету, что он разыскал леди Изабель, когда этот человек, Ливайсон, оставил ее; он нашел леди Изабель, больную, бедную, с разбитым сердцем, в каком-то захолустном французском городишке, окончательно сломленную горем и раскаянием.

— Ну как же могло быть иначе? — резко спросила леди Изабель.

— Моя дорогая, ведь я же говорила Вам, что не могло. Одна лишь мысль о покинутых детях измучила бы ее. Там, за границей, у нее родился ребенок, в те поры еще младенец, как рассказывал лорд Маунт-Северн, однако мы знаем, что этот ребенок не мог принести ничего, кроме страданий и позора.

— Да, — сорвалось с трепещущих губ леди Изабель.

— Потом она погибла, и я считаю, что небо сжалилось над ней. Думаю, она была готова к смерти, и Бог простил ее. Лишившись всего, мы обращаемся к нему; надеюсь, и она нашла спасение.

— Как мистер Карлайл воспринял известие о ее смерти? — прошептала леди Изабель. Она часто задавала себе этот вопрос.

— Не могу сказать. Он внешне остался спокоен, не выказал ни горя, ни радости. Это слишком деликатная тема, чтобы кто-то мог спросить его об этом, а сам он, разумеется, ничего не говорил. После помолвки с Барбарой он сказал мне, что никогда не женился бы при жизни леди Изабель.

— Из-за... из-за... прежних чувств?

— Думаю, что нет. Из-за собственных принципов. Всю свою любовь он подарил его теперешней жене. Он, без сомнения, любит ее истинной, горячей, вечной любовью, хотя, возможно, в его раннем чувстве к леди Изабель было больше романтизма. Бедняжка! Она добровольно пожертвовала любящим мужем и счастливым домом.

Бедная Изабель едва не закричала от отчаяния.

— Я думаю, не собрались ли все остальные в гостиной? — улыбнувшись прервала затянувшуюся паузу миссис Хэйр. — Если так, меня уже ждут.

— Я схожу узнаю, — порывисто сказала леди Изабель, ибо ей хотелось хотя бы мгновение побыть одной, пусть даже на пути через холл.

Она вышла из комнаты и направилась к гостиной. Оттуда не доносилось ни звука, и она осторожно заглянула вовнутрь, приоткрыв дверь. Ни души. В камине пылал огонь, горела люстра, но никто не наслаждался теплом и светом. Из смежной комнаты доносились звуки рояля. Она услышала голос м-ра Карлайла. Она узнала начальные аккорды аккомпанемента той песни, которую он так любил в ее исполнении. Кто же собирался петь для него? Леди Изабель подкралась к приоткрытой двери. Барбара сидела за роялем, а м-р Карлайл стоял возле нее, облокотившись на спинку и склонившись к ней, возможно, для того, чтобы посмотреть в ноты. Точно так же когда-то кралась и подсматривала бедная Барбара, чтобы услышать ту же самую песню. Тогда она была его женой, она принимала его поцелуи по окончании песни. Теперь они поменялись местами. Барбара запела. Голос ее не обладал той же удивительной силой, что у леди Изабель, но все же был достаточно нежным и приятным.

*Другим губам, другим сердцам
Придет черед пропеть
Любви напев. Увы, не нам
Он будет душу греть!*

*Но в звуках сможешь уловить
Ты свет другого дня,
Когда и мы могли любить.
И вспомнишь ты меня!*

Свет другого дня! Увы... Вспомнил ли он ее? Мелькнула ли у него при этих словах мысль о ней, его первой и самой большой любви? Вспомнил ли он, хоть на мгновение, то время, когда она сидела на том же месте и пела эту ему песню?

И в самом деле, каким ужасным образом все переменялось. Но по чьей же воле это свершилось? Барбара стала любимой женой, хозяйкой Ист-Линна. А кем сделалась она? Даже не желанной гостьей, как когда-то Барбара, а преступницей, проникшей в дом. Тому, что она сделала, не было оправдания, и положение Изабель было весьма двусмысленным. Правильно ли было, даже оставаясь неузнаваемой, жить под одной крышей с Барбарой и мистером Карлайлом? Нет, это недостойно, однако, один проступок влечет за собой и другие.

Такие мысли проносились у нее в голове, когда она стояла и слушала эту песню, прижавшись виском к дверному косяку и словно окаменев.

Закончив песню, Барбара повернулась к мужу. Глаза ее сияли любовью. Он прикоснулся рукой к ее щеке, и леди Изабель не стала ждать поцелуя, который вероятнее всего, последовал за этим. Она повернулась и пошла обратно через гостиную, сцепив руки на груди и чудом сдерживая истерические рыдания. В этот момент в гостиную из холла вошла мисс Карлайл. Они еще не были представлены друг другу, и леди Изабель прошмыгнула мимо нее, сделав торопливый книксен. Мисс Карлайл что-то сказал ей, но Изабель ничего не ответила: она могла выдать себя, задержавшись хоть на мгновение.

Пришло воскресенье и принесло новые страдания. Снова, как в старые времена, она сидела на скамье для обитателей Ист-Линна, на виду у всего прихода, не посмев под каким-нибудь предлогом отказаться от посещения церкви. Она в первый раз оказалась в английской протестантской церкви с тех самых пор, как сидела на том же самом месте с мистером Карлайлом. Уже одного этого было достаточно, чтобы нарушить ее душевное равновесие. Она сидела с Люси, а Барбара заняла место рядом с мистером Карлайлом, которое раньше принадлежало ей. Барбара находилась там по праву его жены, а ее судьба навеки разлучила с ним!

Она почти не поднимала головы, скрыв глаза своими неизменными очками, а лицо — густой вуалью. Люси подумала, что гувернантка плачет: ей никогда еще не случалось видеть, чтобы кто-нибудь так тихо и неподвижно сидел в церкви. Увы, девочка ошиблась: слезы не приходят, чтобы смягчить муку слишком позднего раскаяния. Изабель сама не знала, как выдержала службу. Она не могла бы сказать, как сумеет высидеть на других службах, предстоящих каждое воскресенье. Прихожане, разумеется, всюду глазели на нее: ну и странную же гувернантку завели себе Карлайлы!

Когда служба закончилась, все вышли наружу. М-р и миссис Карлайл шли впереди, она смиренно следовала за ними вместе с Люси. Леди Изабель увидела надгробье, под которым покоились останки ее отца, и тоскливый вопль раздался в ее измученной душе: «Ах, если бы я лежала там же, рядом с ним! Ну зачем я вернулась в Ист-Линн?» Действительно, зачем? Могла ли она подумать, что ее крест, ее ноша окажется столь тяжелой?

Глава 5

ЧЛЕН ПАРЛАМЕНТА ОТ ВЕСТ-ЛИННА

Поскольку наша книга, читатель, не является монографией о Британской конституции, нам нет нужды рассказывать в ней, как и почему у Вест-Линна возникли трения с Палатой Общин. Парламент пригрозил лишить Вест-Линн прав избирательного округа, и весь город предался скорби по поводу прегрешений, навлекших на него такую кару. Впрочем, угроза выполнена не была, однако один из членов палаты был лишен депутатского мандата и с позором изгнан, в результате чего были объявлены новые выборы. Вест-Линн избрал почтенного м-ра Этли, сына одного из самых знатных людей в графстве, однако тот умер в середине своей первой парламентской сессии, поставив городок перед необходимостью новых выборов.

Предстояло решить, кто же будет следующим кандидатом. Обсуждению подверглись все мало-мальски заметные личности в радиусе десяти миль, не исключая членов суда графства. Г-н судья Хэйр? Нет, он был слишком упрям и стал бы проводить свою линию, а не воплощать волю избирателей Вест-Линна. Сквайр Пиннер? Он не произнес за всю жизнь ни единой речи, к тому же, если и разбирался в чем-то, так это в сортах репы и породах домашнего скота. Полковник Бетел? У него не было средств на избирательную кампанию. Сэр Джон Доубид? Он был староват.

— Лет эдак на двадцать, — смеясь, сказал он о себе. — Но мы просто олухи: талдычим о тех, кто не подходит, и не видим нужного человека, — продолжал сэр Джон. — Среди нас есть лишь один человек, способный стать членом парламента.

— Кто же это? — закричали присутствующие.

— Арчибальд Карлайл.

Наступила короткая пауза, вызванная стыдом за свою коллективную забывчивость, а затем раздался одобрителный шепот, перерастающий в радостные крики. Ну конечно: кто же еще, если не Арчибальд Карлайл!

— Ну, это если он согласится, — повысил голос сэр Джон. — Вы же знаете, что он может и отказаться.

Решено было действовать немедленно.

Делегация длиной примерно с пол-улицы — а если считать увязавшихся за ней ротозеев, так и во всю улицу — сразу же отправилась в контору м-ра Карлайла: он как раз собирался уходить, так как время было вечернее, и дома его ждал обед. Надобно заметить, что почтенное собрание засиделось допоздна, обсуждая сей животрепещущий вопрос, и те джентльмены, которые привыкли обедать пораньше, раз в жизни заставили свои желудки подождать с обедом, что судьям, — да воздастся им за их терпение — приходится делать сплошь и рядом.

М-ра Карлайла поразило это внезапное предложение.

— Избрать меня в члены парламента? — весело воскликнул он. — А вы уверены, что я не продам вас всех с потрохами?

— Мы доверимся Вам с радостью, Карлайл.

— Не уверен, что у меня хватит на это времени, — задумчиво проговорил м-р Карлайл.

— Послушайте, Карлайл, Вы же не далее как в прошлое Рождество признались мне, что хотели бы когда-нибудь стать членом парламента, — вмешался судья Герберт. — Вы же не станете этого отрицать.

— Когда-нибудь — да! — ответил м-р Карлайл. — Но я же не сказал, когда именно. Пока я об этом не думал.

— Вы должны позволить нам выдвинуть Вашу кандидатуру, Карлайл. Больше никто не годится для этого. Лучше уж свинью посадить в парламента, чем кого-нибудь из нас.

— Чрезвычайно лестное основание для того, чтобы предоставить эту честь мне, — рассмеялся м-р Карлайл.

— Вы же понимаете, что мы имеем в виду, Карлайл. Как ни старайся — во всем графстве не сыщешь более подходящего человека, Вы же сами знаете.

— Отнюдь, — ответил м-р Карлайл.

— Как бы то ни было, мы выбрали именно Вас. Завтра, как только Вы вступите в Вест-Линн, увидите, что все стены увешаны плакатами «Даешь Карлайла!»

— Надеюсь, Вы позволите мне подумать до завтра и повремените один день с развешиванием плакатов, — сказал м-р Карлайл, в шутовском голосе которого промелькнули серьезные нотки.

— Вас не смущают расходы?

Он лишь удивленно поднял брови. Как только этот вопрос сорвался с губ старого дуралея Пиннера, все почувствовали, насколько глупо это звучит. В самом деле, расходы бы ничего не значили, если бы он согласился.

— Ну, решайтесь же, Карлайл. Дайте слово баллотироваться.

— Если я на что-то решусь сейчас, это будет отказ, — ответил м-р Карлайл. — Нужно все серьезно обдумать. Подождите до завтра, и тогда я, может быть, соглашусь.

Больше им ничего не удалось добиться. Члены делегации вышли из конторы и, поскольку больше ничего нельзя было сделать, отправились по домам обедать. М-р Дилл, также присутствовавший при этой сцене, остался, удовлетворенно потирая руки и бросая восхищенные взгляды на м-ра Карлайла.

— В чем дело, Дилл? — спросил последний. — У Вас такой вид, будто Вам нравится это предложение, и Вы полагаете, что я его должен принять.

— Именно так Вы и поступите, мистер Арчибальд. Что же касается довольного вида Вашего покорного слуги, так все в Вест-Линне — мужчины, женщины, и дети — будут так радоваться, как и я.

— Откуда такая уверенность, Дилл?

— В чем, сэр? В том, что Вы станете нашим представителем в парламенте, или в том, что люди будут довольны?

— И в том, и в другом, — смеясь, ответил м-р Карлайл.

М-р Карлайл отправился домой пешком, чтобы по дороге хорошенько обдумать это предложение. Он действительно подумывал о том, чтобы когда-нибудь стать членом парламента, хотя и не представлял, когда конкретно это случится. Он не видел причин до конца дней своих ограничиваться нелегким адвокатским трудом. Материальной нужды в этом не было, так как его имущества, приносящего доход, в совокупности с состоянием Барбары, вполне хватило бы на поддержание их теперешнего образа жизни. Он отнюдь не собирался совершенно отойти от дел: его бизнес был как весьма почетным (при том, как он его вел), так и весьма доходным; к тому же, он любил его, и ничто на свете не заставило бы нашего героя стать бездельником. Однако у него не было нужды заниматься им ежеминутно. М-р Дилл мог руководить конторой не хуже его — а может быть, и лучше, если учесть его опыт. Дело вполне можно было оставить его попечению на то время, которое м-ру Карлайлу потребовалось бы проводить в Лондоне. Он хотел бы представлять Вест-Линн в парламенте, именно Вест-Линн, а не какой-либо иной город, пусть даже гораздо больше и значительнее; возможно, его время пришло, раз Вест-Линн нуждается в своем члене парламента. Он был уверен, что из него получился бы неплохой общественный деятель: он обладал прекрасными познаниями, говорил весьма убедительно, и, к тому же, был человеком искренним и честным. Несомненно, он близко к сердцу принимал нужды Вест-Линна и был уверен, что станет всей душой служить интересам своих избирателей, которые тоже знали это. Когда м-р Карлайл подходил к дому, он уже окончательно решил.

Это был чудесный весенний вечер, ибо со времени событий, описанных в предыдущей главе, прошло несколько месяцев. Уже зацвела сирень, изгороди и деревья покрылись молодой листвой, и все вокруг дышало надеждой. Даже сердце м-ра Карлайла ликовало при мысли об открывающейся перспективе: он был уверен, что жизнь общественного деятеля придется ему по вкусу. Однако же, даже в самые светлые мгновения, в моменты достижения цели или появления надежды, что-то обязательно омрачит радость.

Барбара наблюдала за ним из окна гостиной. Разумеется, это не она была той мрачной тенью, о которой мы только что говорили. Платье на ней было чудо как хорошо, а на свои светлые кудри она водрузила изящную кружевную шляпку, как будто ее роскошные волосы нуждались в подобном украшении! Когда вошел м-р Карлайл, она, вальсируя, приблизилась к нему и лукаво запрокинула голову, с любовью глядя на него своими ярко-синими глазами.

— Чего ты хочешь? — шутовски спросил он, спрятав руки за спину.

— Ну, если ты не хочешь поприветствовать меня, то я, пожалуй, целую неделю не позволю тебе поцеловать меня, Арчибальд.

Он рассмеялся.

— Ну, и кого ты больше накажешь?

Барбара надула губки, и слезы навернулись ей на глаза.

— Ты хочешь сказать, что для тебя это не будет наказанием, Арчибальд! Я тебе безразлична?

Он обхватил ее руками и прижал к себе, осыпая поцелуями.

— Ты и сама знаешь, безразлична ты мне или нет, ласково прошептал он.

Поверите ли Вы, читатель, что все это видела несчастная леди Изабель, вошедшая в комнату. Что тут особенного? Когда-то он так же приветствовал ее. Бледные щеки Изабель покрылись пунцовым румянцем, и она выскользнула из комнаты так же тихо, как и вошла в нее, незамеченная Барбарой и мистером Карлайлом. М-р Арчибальд подошел к окну, держа жену за талию.

— Барбара, как бы ты отнеслась к тому, чтобы несколько месяцев в году жить в Лондоне?

— В Лондоне? Мне и здесь хорошо. Но почему ты спрашиваешь? Ты же не собираешься жить в Лондоне?

— Ну, не знаю. Не весь год, конечно. Сегодня я получил одно предложение, Барбара.

Она взглянула на него, пытаясь понять, что он имеет в виду. Не шутит ли он? Что за предложение? Она выглядела такой озабоченной, что он улыбнулся.

— Как бы ты отнеслась к приставке «М. П.»²³ перед моим именем? Похоже, Вест-Линн хочет сделать меня своим представителем в Палате Общин.

Небольшая пауза, прежде чем она переварила эту новость; затем на ее щеках вспыхнул румянец, глаза буквально засветились от радости, и она сжала его руку.

— Ах, Арчибальд, как я рада! Я всегда знала, что тебя ценят, а теперь будут ценить еще больше. Все правильно: негоже было тебе остаться на всю жизнь просто частным лицом, сельским адвокатом.

— Я абсолютно доволен своей жизнью, Барбара, — серьезно ответил он. — Ибо слишком занят для того, чтобы испытывать недовольства.

— Я знаю, что даже если бы ты был простым тружеником, в поте лица зарабатывающим свой хлеб, и тогда ты был бы счастлив тем, что наилучшим образом исполняешь свой долг. Но скажи, Арчибальд: разве ты не можешь трудиться по-прежнему и в то же время представлять интересы Вест-Линна?

— Если бы не мог, я не принял бы эту честь. В общей сложности несколько месяцев в году я должен буду проводить в Лондоне, но Дилл — вполне надежная замена для меня, да и сам я могу время от времени приезжать на недельку-другую. Я могу, если пожелаю, приезжать каждую субботу и уезжать в понедельник. Конечно, такое положение дел будет иметь свои недостатки, равно как и преимущества.

— Какие же ты видишь недостатки? — перебила она его.

— Ну, — улыбнулся м-р Карлайл. — Прежде всего, я полагаю, ты не всегда сможешь быть со мной.

Руки ее безвольно упали; она даже слегка побледнела.

— Ах, Арчибальд!

— Если меня изберут, я должен буду сразу же отправиться в Лондон, а моей женошке сейчас не следовало бы пускаться в путешествия.

Барбара выглядела обескураженной, ибо ей нечего было возразить.

— И ты должен будешь оставаться в Лондоне до конца парламентской сессии, а я буду здесь. В разлуке с тобой! Арчибальд, — взволнованно добавила она, и глаза ее уже заблестели от слез, — я не смогу жить без тебя.

— Что же делать. Отказаться?

— Отказаться! Нет, конечно же. Я знаю, что мы видим все только в мрачном свете. Я вполне могу поехать с тобой на месяц или даже на два.

— Ты думаешь?

²³ Member of Parliament — член парламента

— Я уверена. И учти: не позволяй маме отговорить меня. Арчибальд, — продолжала она, склонив голову ему на грудь и с мольбой подняв к нему свое милое личико, — ведь ты бы тоже хотел, чтобы я была с тобой, разве не так?

Он склонился к ней.

— А ты как думаешь, милая?

И снова, в самый неподходящий момент, вошла леди Изабель. В этот раз Барбара услышала ее шаги и отпрянула от мужа. М-р Карлайл повернулся и увидел мадам Вин, которая робко подошла к ним.

Леди Изабель уже шесть месяцев жила в Ист-Линне, по-прежнему оставаясь неузнанной. Со временем мы привыкаем ко всему, в том числе к опасности, и наша героиня почти перестала опасаться разоблачения. С детьми она ладила прекрасно; они так же привязались к ней, как и она к ним; возможно, в них говорил скрытый голос крови.

А что же Уильям? Зимой ему стало легче, но с первыми весенними лучами он снова стал чахнуть. Он быстро утомлялся, у него часто кололо в боку и пропадал аппетит. Теперь м-р Уэйнрайт навещал его ежедневно. При свете дня мальчик выглядел неплохо, поскольку румянец изумительно яркого и красивого оттенка заставлял забыть все опасения, однако же, с наступлением сумерек болезнь его делалась заметной. Лицо становилось мертвенно-бледным, он делался настолько слаб, что даже говорил с трудом. Любимым его местом в эти часы был коврик возле камина в серой гостиной. Он вытягивался на нем во весь рост, подложив под голову подушку, и закрывал глаза.

— Дитя мое, — говорила ему леди Изабель. — Тебе будет лучше на диване.

— Нет, мне нравится здесь.

— А что если я придвину его вплотную к огню? Давай попробуем, Уильям.

Он уступил ей один или два раза, а затем вернулся на старое место и более не покидал его по вечерам. И в этот вечер он лежал там же, когда вошла Ханна с чайными принадлежностями. Она посмотрела минуту-другую на мальчика, полагая, что он спит — таким спокойным и расслабленным он выглядел, — а затем повернулась к мадам Вин.

— Бедное дитя! Этак он скоро сойдет в могилу.

Эти слова потрясли Изабель. Когда мы видим больного изо дня в день, мы частично перестаем замечать, насколько страшна болезнь; то же самое случилось и с леди Изабель. Когда она приехала в Ист-Линн, вид Уильяма если не встревожил, то, по крайней мере, насторожил ее. Зимнее улучшение состояния сына и вовсе развеяло все опасения, а весной оно ухудшалось постепенно, так что она даже не успела встревожиться, по-прежнему считая Уильяма всего лишь хрупким мальчиком, нуждавшимся в уходе.

— Ханна! — укоризненно воскликнула она.

— Мэм, разве Вы не видите этого сами? — ответила Ханна. — Тут все яснее ясного: если бы у бедного мальчугана была мать, она бы давно подняла тревогу. Мистер Карлайл, разумеется, не может заботиться о нем так же, как мать, а что касается старого Уэйнрайта, то он слеп, как летучая мышь.

Леди Изабель приняла этот упрек на свой счет: так что же, и она, его мать, тоже была слепа?

— Ничего страшного, Ханна. Он просто слабенький.

Однако же, она бодрилась на словах, а думала совсем другое. Можно сказать, что она саму себя хотела обмануть. Даже сейчас, когда она говорила это, сердце ее трепетало от страха, граничившего с уверенностью, что сын ее очень плох.

— Ты спишь, Уильям? — тихонько спросила она, склонившись над ним.

Ответа не последовало. Он даже не пошевелился.

— Он мог не спать, Ханна. Вам следует думать о том, что Вы говорите.

— Так ведь любому ясно, что он спит, мэм, раз лежит так неподвижно. Конечно же, я ничего не сказала бы при нем.

— Почему Вы вообразили, что у него критическое состояние?

— Ничего я не вообразила, — ответила Ханна. — Мне приходилось иметь дело с умирающими детьми.

В этот момент в комнату вошла Люси, и они прервали свой разговор. Когда Ханна вышла из комнаты, леди Изабель склонилась над Уильямом, тоскливым и жадным взором глядя на него.

Лицо его, с проступающими на нем голубыми жилками, было мертвенно-бледным, а ноздри шевелились при каждом вдохе, как у больного. Теперь, после прежней самоуспокоенности, она впала в другую крайность, ибо слова Ханны испугали ее не на шутку.

— Мадам Вин, почему Вы так смотрите на Уильяма? — спросила Люси, наблюдавшая за ней.

— Ханна считает, что он болен, — машинально ответила леди Изабель, которая пребывала в глубокой задумчивости, размышляя, не стоит ли поделиться своими опасениями с мистером Карлайлом. «Мистером Карлайлом», как, должно быть, уже заметил внимательный читатель, ибо ее ревнивое сердце не желало признавать прав миссис Карлайл на ее детей, хотя ей и приходилось мириться с существующим положением дел.

Леди Изабель вышла из комнаты. Она знала, что м-р Карлайл уже вернулся, и теперь она пересекла холл, тихонько постучала в дверь гостиной и так же тихонько вошла, как раз в тот момент, когда м-р Карлайл и Барбара прильнули друг к другу, никого не замечая вокруг. Выскользнув из комнаты, она принялась расхаживать взад и вперед по холлу, прижав руки к труди, в которой бешено стучало ее бедное сердце. Да как оно смело, это сердце, так возмущаться при виде знаков их любви? Кто она такая, чтобы ревновать? Разве сама она не подписала и не скрепила печатью свой отказ от этой любви, расчистив тем самым дорогу для Барбары? Она вернулась в серую гостиную, подошла к каминной доске, облокотилась на нее и закрыла глаза рукой. Она пробыла в таком положении несколько минут, и Люси отметила про себя, что гувернантка выглядит очень грустной. Девочка уже успела проголодаться и теперь бросала тоскливые взгляды на столик с чайными принадлежностями, не зная, долго ли заставит ее ждать мадам Вин.

— Мадам Вин, — наконец воскликнула она. — Вы разве не знаете, что чай уже готов?

Мадам Вин подняла на нее глаза. Потом взгляд ее упал на бледного мальчика, лежавшего у ее ног. Она положила руку на плечо Люси и сказала, немного помедлив:

— Ах, Люси, дорогая, на меня... на меня свалилось столько несчастий!

— Чай согреет Вас. К тому же, тут есть очень вкусное варенье, — попыталась утешить ее мисс Люси.

«Их нежности, сколь бы долгими они ни были при встрече, уже закончились, наверное, — подумала леди Изабель, слегка скривив губы, словно в насмешку. — Рискну зайти еще раз».

И она рискнула, лишь для того, чтобы увидеть, как он собирается поцеловать жену, голова которой лежала у него на груди. Однако в этот раз они услышали, как она вошла, и ей пришлось приблизиться, несмотря на свою бледность и угнетенное состояние духа.

— Не будете ли Вы добры, сэр, пойти взглянуть на Уильяма? — тихо сказала она м-ру Карлайлу.

— Конечно.

— Для чего? — вмешалась Барбара.

— Он выглядит очень больным. Боюсь, дела его обстоят гораздо хуже, чем мы полагали.

Они прошли в серую гостиную. М-р Карлайл дошел быстрее всех и уже стоял, молча глядя на Уильяма, когда вошли Барбара и леди Изабель.

— Что он делает на полу? — изумленно воскликнула Барбара. — Он не должен лежать на полу, мадам Вин.

— Он укладывается туда в сумерках, и я не могу поднять его. Я пытаюсь убедить его перейти на диван, но, увы, все бесполезно.

— Ничего с ним не сделается и на полу, — сказал м-р Карлайл.

Той мрачной тенью, о которой мы говорили выше, читатель, оказалось слабеющее здоровье сына.

Уильям открыл глаза.

— Кто здесь? Папа?

— Ты плохо себя чувствуешь, Уильям?

— Нет, хорошо. Просто я устал.

— Зачем же ты лежишь здесь?

— Мне здесь нравится. Папа, у меня умер мой чудесный белый кролик.

— Вот как? Может быть, ты встанешь и расскажешь мне об этом поподробнее?

— Я и сам еще ничего не знаю, — сказал Уильям, медленно поднимаясь. Блейр сказал об этом Люси только что, когда она выходила. Я не пошел, поскольку устал. Он сказал...

— Отчего ты устал? — перебил м-р Карлайл, взяв сына за руку.

— Просто так. Я всегда устаю!

— Ты рассказывал об этом мистеру Уэйнрайту?

— Нет. Зачем я буду говорить ему? И зачем он прописал мне это противное лекарство, этот рыбий жир?

— Оно укрепит твои силы, мой мальчик.

— Мне от него дурно. Мне всегда плохо после него, папа. Мадам Вин говорит, что мне нужно давать сливки. Вот это было бы здорово.

— Сливки? — повторил м-р Карлайл, взглянув на мадам Вин.

— Я знаю, что сливки чрезвычайно полезны в подобных случаях, — заметила она. — Я убеждена, что они просто незаменимы, и лучшего лекарства просто не придумать.

— Ну что же, можно попробовать, — сказал м-р Карлайл.

— Ради бога: Вы можете заказать все, что сочтете полезным для него, мадам Вин, — добавила миссис Карлайл. — У Вас большой опыт обращения с детьми, чем у меня. Джойс...

— Что говорит Уэйнрайт? — перебил ее м-р Карлайл, понизив голос.

— Я не всегда встречаюсь с ним, Арчибальд. Это делает мадам Вин, насколько мне известно.

— О боже! — воскликнула Люси. — Можем мы выпить чаю? Мне хочется хлеба с джемом.

М-р Карлайл повернулся к ней, улыбнулся и кивнул.

— Маленькие девочки должны уметь терпеть, мисс Люси. А ты хочешь хлеба с джемом, мой мальчик.

Уильям покачал головой.

— Я не хочу джема. Мне хочется пить.

М-р Карлайл долго и внимательно посмотрел на него, после чего вышел из комнаты. Леди Изабель последовала за ним. Больной сын занимал сейчас все ее мысли.

— Вы полагаете, он серьезно болен, сэр? — прошептала она.

— Во всяком случае, он так выглядит. Что сказал мистер Уэйнрайт?

— Мне он ничего не говорит. Я не спрашивала, что он думает на самом деле. До сегодняшнего вечера мне и в голову не приходило, что существует опасность.

— Он намного хуже выглядит сегодня?

— Не хуже, чем обычно. В последнее время он именно таким бывает по вечерам. Меня встревожило замечание Ханны: она полагает, что мальчик умирает. Что мы можем сделать, чтобы спасти его?

Говоря это, она от волнения стиснула руки: в этот момент, когда они говорили о благополучии ребенка, их ребенка, она почти забыла, что м-р Карлайл больше не был ее мужем; но только почти, ибо ей не дано было окончательно забыть свое ужасное настоящее. Никогда более в этом мире они не будут принадлежать ей: ни он, ни ребенок!

В горле у нее перехватило от отчаяния, она сделала робкий реверанс, прощаясь с мистером Карлайлом, и его последние слова еще долго звенели у нее в ушах:

— Я вызову к нему других врачей, мадам Вин.

Войдя в серую гостиную, она увидела, как Уильям прильнул к миссис Карлайл, упрашивая ее:

— Мама, я знаю, чего бы я съел, если бы ты разрешила.

— Что же?

— Немного сыра.

— Сыра! Сыр с чаем! — рассмеялась миссис Карлайл.

— Последние пару недель у него бывают странные капризы, — объяснила мадам Вин. — Это все от плохого аппетита; но если я разрешаю принести то, что он просит, Уильям едва притрагивается к пище.

— Я уверен, мама, что сейчас съел бы немного сыра, — сказал Уильям.

— Ну что же, сделай милость, — ответила миссис Карлайл.

Она уже повернулась, собираясь выйти из комнаты, когда у входной двери раздался звонок и нетерпеливый стук. Барбара спросила себя, кто бы это мог пожаловать к ним в обеденное время.

В холл величественно вплыла мисс Карлайл, с крепко сжатыми губами и грозным выражением лица.

Выяснилось, что мисс Корни в тот день случилось стоять у окна, зорко наблюдая за многочисленными прегрешениями, творившимися на улице — от флирта хорошенькой горничной из дома напротив с молодым булочником, до возни оборванных мальчишек в канаве — когда взгляд ее случайно упал на длинную цепочку людей, господ судей и прочих джентльменов, выходявших из конторы м-ра Карлайла. Их было так много, что мисс Карлайл невольно вспомнила о фокусниках, извлекающих цветы из шляпы: чем быстрее они выходили, тем больше, казалось, последует за ними.

— Что случилось, скажите на милость? — невольно воскликнула мисс Корни, расплющив нос о стекло в своем желании получше все разглядеть. Наконец, участники этой странной процессии разошлись в разные стороны. Любопытство мисс Карлайл оказалось сильнее аппетита, ибо она осталась у окна, несмотря на то, что обед был подан, как сообщили ей слуги. Вскоре появился м-р Карлайл, и она постучала в стекло костяшками пальцев. Он не услышал ее и скорой походкой пустился домой. Мисс Корни понемногу начинала сердиться.

Следом за мистером Карлайлом вышли клерки. Они тянулись один за другим; последним вышел Дилл. Он не торопился, как мистер Карлайл, и поэтому услышал сигнал мисс Карлайл, снова испытывавшей прочность оконного стекла.

— Что, скажите Бога ради, всем этим людям нужно в конторе? — начала она, когда м-р Дилл послушно явился на ее зов.

— Это была делегация, мисс Карлайл.

— Какая делегация?

— Делегация к мистеру Арчибальду, Они хотят, чтобы он стал новым членом.

— Членом чего? — воскликнула она, не поняв, о чем он говорит.

— Парламента, мисс Корни, вместо мистера Этли. Джентльмены уговаривали его баллотироваться.

— Уговаривать осла! — гневно воскликнула мисс Корни, поскольку эта новость не вызвала у нее особого удовольствия. — Арчибальд отправил их восвояси?

— Он не дал окончательного ответа, мэм. Он хочет все обдумать до завтра.

— Обдумать?! — взвизгнула она. — Не может же он быть таким дурнем, чтобы согласиться. Отправиться в парламент. Что же дальше, спрашивается?

— Почему бы и нет, мисс Корни? Я был бы горд за него.

Мисс Корни фыркнула.

— Вы вообще гордитесь скорее странными вещами, чем нормальными, Джон Дилл. Вспомните хотя бы Вашу чудесную сорочку. Как она поживает? Вы переложили ее лавандой для запаха?

— Ну, не то чтобы лавандой, мисс Корни. Она лежит в ящике, поскольку после того, что Вы сказали о ней, мне как-то не очень нравится надевать ее.

— Почему бы Вам не продать ее за полцены и не купить за эти деньги пару нормальных сорочек? — язвительно ответила она. — Это гораздо лучше, нежели хранить никчемную вещь как свидетельство собственной глупости. Может быть, и он теперь начнет получать сорочки с вышивкой, если станет членом Палаты Общин, погрязшей в праздности и безделии. По мне — так уж лучше полгода принудительных работ.

— Ах, мисс Корни! Я думаю, Вы не все поняли. Это великая честь, которую он заслужил, к тому же: он будет выше любого из нас, и он того стоит.

— Посадите его на флюгер! — не выдержала мисс Корни. — Ну вот что: можете идти. С меня достаточно.

Проскочив, как вихрь, мимо почтенного джентльмена, который мог оставаться или же уходить — как ему будет угодно — мисс Карлайл поднялась наверх, надела шаль и шляпку и снова спустилась вниз. Когда она шла через холл, ее слуга, немало удивленный, осмелился спросить:

— А как же Ваш обед, мэм?

— Что Вам за дело до моего обеда? — гневно ответила мисс Карлайл. — Сами-то Вы пообедали.

После этого она отправилась в путь и пришла в Ист-Линн вскоре после м-ра Карлайла.

— Где Арчибальд? — бесцеремонно спросила она, как только увидела Барбару.

— Он дома. А что случилось?

В этот момент появился м-р Карлайл, услышавший ее голос, и она обрушила на него всю мощь своего острого язычка.

— Что это болтают о твоём избрании в парламент от Вест-Линна?

— Этого хочет Вест-Линн, сказал м-р Карлайл. — Садись же, Корнелия.

— Это ты присядь, — едко ответила она, не шелохнувшись. — Я хотела бы, чтобы ты ответил на мои вопросы. Итак: ты отказался, конечно же?

— Наоборот. Я решил принять это предложение.

Мисс Корни распустила завязки своей шляпки и забросила их за спину.

— А ты подсчитал, во что это обойдется? — спросила она, почти замогильным голосом.

— Я подумал обо всем, Корнелия: и о времени, и о деньгах. Расходы будут весьма незначительными, если, конечно, не объявится еще один кандидат.

— Да, — сказала она. — А если объявится?

— Ну и что с того? Разве я не могу потратить несколько сотен на игрушку? — сказал он с добродушной улыбкой.

Мисс Карлайл разразилась душещипательными стонами.

— Думала ли я, что доживу до этого? Что услышу, как о деньгах говорят так, словно это грязь? А как же твой бизнес? — резко добавила она. — Что же, пусть все пойдет прахом, пока ты будешь все вечера торчать в этом чертовом Лондоне, под предлогом занятости в парламенте?

— Корнелия, — серьезно сказал он. — Даже если бы я умер, Дилл продолжал бы вести дело ничуть не хуже, чем оно ведется сейчас. Я могу уехать за границу лет на семь и, вернувшись, обнаружить, что дела идут все так же прекрасно, поскольку Дилл вполне в состоянии справиться с ними. И даже если бы мне пришлось оставить свое дело — а этого не случится, как я уже говорил тебе, — мое благосостояние от него не зависит.

Мисс Карлайл обернулась и едко спросила Барбару:

— Это ты его так настроила?

— Я думаю, он все решил еще до того, как переговорил со мной. Однако, — искренне добавила она, — я просила его принять это предложение.

— Вот как! А какой ты будешь жалкой и несчастной, когда он уедет в Лондон на несколько месяцев — об этом ты не подумала?

— А он не оставит меня здесь, — сказала Барбара, глаза которой увлажнились при одной мысли об этом, так что она невольно прижалась к мужу. — Он возьмет меня с собой.

Мисс Карлайл замолчала, переводя взгляд с Барбары на м-ра Карлайла и обратно.

— Вы это твердо решили?

— Ну конечно же, — рассмеялся м-р Карлайл, надеясь перевести разговор в шутливое русло и хоть немного улучшить настроение своей сестры. — Ты же не хочешь разлучить мужа и жену, Корнелия?

Корнелия не ответила; она принялась зловеще дрожащими пальцами завязывать тесемки шляпки.

— Ну, ты же не можешь уйти, Корнелия? Ты должна остаться обедать, раз уж пришла. Обед уже готов, а после него мы все обсудим.

— Нет уж, я сыта по горло, — сказала она, надевая перчатки. — Я дожидая до того дня, когда сын моего отца бросает его дело и превращается в ленивого и самодовольного парламентского хлыща!

— Ну же, Корнелия: останься и пообедай с нами! Думаю, мне удастся рассеять твоё предубеждение, если ты позволишь мне поговорить с тобой.

— Если ты хотел поговорить со мной, почему же ты не зашел ко мне, выйдя из конторы? — воскликнула мисс Корни, распаяясь все более — несомненно, не в последнюю очередь в силу вышеуказанной причины.

— Я не подумал об этом, — сказал м-р Карлайл. — Я собирался зайти и все рассказать тебе завтра утром.

— Да уж! — иронически заметила она. — До свидания!

И, несмотря на все их просьбы, она вышла из дома и величавой поступью двинулась вниз по аллее.

Прошло два или три дня, и в местных газетах появилось обращение м-ра Карлайла к обитателям Вест-Линна, а все подходящие стены и столбы украсились цветными плакатами: «Голосуйте за Карлайла!», «Даешь Карлайла!»

Глава 6

СЭР ФРЭНСИС ЛИВАЙСОН В ДОМАШНЕЙ ОБСТАНОВКЕ

Чудеса, как известно, никогда не кончаются, и удел человека — вечно удивляться. Но, возможно, еще никто так не удивлялся, как люди, хорошо знавшие сэра Фрэнсиса Ливайсона, когда разнеслась весть, что он превратился — из того, кем он был — в заядлого политика. Получил ли он предложение занять пост премьер-министра, или же его замучили угрызения совести, как некоего бравого капитана из песни? Увы: ни то, ни другое. Дело в том, что у сэра Фрэнсиса Ливайсона просто-напросто возникли финансовые затруднения, и ему нужно было какое-нибудь теплое местечко, синекура, позволяющая вкушать щедрые плоды жизни, ничего при этом не делая.

— Финансовые затруднения! — воскликнет читатель. — Как же так?

Право же, любезный читатель: в этом нет ничего удивительного, если человек с головой погружается в удовольствия, которые так любил сэр Фрэнсис. Когда он, наконец, получил желанное наследство, сумма, которую пришлось заплатить в счет его долгов, оказалась гораздо больше, нежели ему представлялось ранее. Сэр Питер не оставил Фрэнсису ни фартинга сверх того, что ему причиталось как наследнику титула, да и эти средства истощились, как только он начал проматывать их. Правда, вскоре он женился, но это не остановило его: напротив, расходы только увеличились, так как, не довольствуясь тем образом жизни, который подобал человеку его ранга, он вместе с женой тратил огромные деньги на содержание непомерно роскошного дома. Кроме того, со времени своей женитьбы он всем сердцем привязался к скачкам, тотализатору и азартным играм, если не считать петушиных боев, к которым он давно имел слабость.

Шло время; дела его ухудшились настолько, что так более не могло продолжаться, и сэр Фрэнсис спохватился. Все деньги ушли, до последнего шиллинга, вся собственность была продана, за исключением наследственной недвижимости, появились новые долги и кредиторы, так что сэр Фрэнсис Ливайсон, законный баронет, оказался в гораздо более затруднительном положении, чем когда-то малоизвестный наследник титула с весьма смутными перспективами — в положении, сходном с ранее описанным в главах, посвященных лорду Маунт-Северну. Однако, если граф был в состоянии растянуть свое падение на несколько лет, то Фрэнсис Ливайсон не продержался бы и нескольких месяцев, и он сам прекрасно понимал это.

Он должен был поправить свои дела. Но как это сделать? Он попытал счастья за карточным столом, но удача отвернулась от него; делал отчаянные ставки на скачках, в надежде встать на ноги хоть на какое-то время, но снова проиграл.

Тогда он начал подумывать о том, что ему остается лишь найти какое-нибудь теплое местечко в правительстве, на котором, как мы уже говорили, можно многое получить, ничего не делая. Любое место, где нужно трудиться, не подходило для него, как, впрочем, и он для него: сэр Фрэнсис был слишком пустоголовым для работы, требующей каких-то талантов.

Он подыскал неплохое место — или же, по крайней мере, место, которое могло оказаться неплохим: он стал ни более и ни менее как секретарем лорда Хэдтелота, бывшего одним из министров правительства. Если бы не родство с лордом Хэдтелотом, он ни за что не получил бы такое место: министр не без сомнений согласился попробовать Фрэнсиса на этой должности. Разумеется, непременным условием при этом было получение сэром Фрэнсисом места в парламенте и предоставление своего голоса в распоряжение министерства — кстати, весьма шаткого и, по мнению многих, доживающего последние дни.

Итак, перейдем от недавнего прошлого к настоящему.

В изысканной гостиной дома на Итон-сквер восседала молодая и красивая леди. Дело было пополудни, и яркий солнечный свет позволил бы Вам, читатель, вдоволь налюбоваться глазами, синими, как фиалки, каштановыми кудрями и нежным цветом лица. Однако же, ее красиво вылепленное природой лицо было сердитым, если не сказать угрюмым, а маленькая изящная ножка в крайнем нетерпении постукивала по ковру. Разумеется, перед нами предстала леди Ливайсон.

В последнее время ей приходилось расплачиваться за свое прошлое: все наши прошлые деяния, добрые и злые, рано или поздно вернуться к нам своими плодами. Если вы посеете пшеницу, она взойдет пшеницей, радуя глаз, если же посеять сорняки, они взойдут своими зловредными побегам, с которыми вам нужно будет бороться что есть сил. Таков непреложный закон мироздания, ни для кого не делающий исключений. Когда-то в прошлом — тому уже немало лет — Фрэнсис Ливайсон отдал свое сердце (или то, что заменяло его) Бланш Челлонер. Однажды он оставил ее ради леди Изабель, но сделал это из своих собственных соображений, поскольку она никогда не нравилась ему так, как Бланш. Они были тайно помолвлены. Сестра Бланш, Лидия Челлонер, которая была на два года старше ее, заподозрила неладное и попыталась заставить младшую сестру признаться во всем. Бланш, верная своему обещанию держать их союз в тайне, все отрицала, заявив даже, что ей «никогда не нравился капитан Ливайсон», более того — она его «недолюбливала».

— Тем лучше, — ответила тогда старшая мисс Челлонер, поскольку сама она ни во что не ставила капитана Ливайсона и считала его неподходящей партией.

Шли годы, и бедная Бланш Челлонер оставалась верна своей любви. Несмотря на то, что он был — и она не могла не видеть этого — совсем не таким, как ей хотелось бы, она любила только его. Она знала о его мотовстве, мирилась с тем, что он часто забывал о ней, и продолжала любить. Даже его бегство с леди Изабель Карлайл не уничтожило этой привязанности, хотя и поколебало ее на некоторое время. Когда он вернулся в Лондон, унаследовав титул, их дружба возобновилась. Правда, с его стороны это была холодная, неискренняя, какая-то «водянистая» дружба, но Бланш не сомневалась, что теперь, когда устранено последнее препятствие, он женится на ней.

Он же вел с ней двойную игру: наедине говорил с ней о любви и продолжал наносить визиты ее семье; возможно, он боялся вспышки с ее стороны, боялся, что она расскажет обо всем, если он разорвет отношения с ней, что отнюдь не пошло бы ему на пользу. Бланш призвала на помощь все свое мужество и переговорила с ним, настаивая на женитьбе. Ей еще и в голову не приходило, что он более не намеревается жениться на ней — если он вообще когда-либо собирался это сделать. Подлые люди всегда трусливы. Сэр Фрэнсис испугался этого объяснения и, совершенно забыв о чести, пробормотал какое-то неясное обещание жениться на ней в ближайшее же время.

Лидия Челлонер к этому времени успела побывать замужем и остаться хорошо обеспеченной вдовой. Теперь она была миссис Уэринг. Бланш жила у нее, ибо сестры были сиротами. Возраст Бланш — ей было уже под тридцать — начал понемногу сказываться на ее наружности; точнее, виной всему был не столько возраст, сколько обманутые надежды и сердечная мука. Ее волосы поредели, кожа высохла, а фигура утратила прежнюю округлость.

— Жениться на ней? Как же! — насмешливо говорил себе сэр Фрэнсис Ливайсон.

Как-то на Рождество к миссис Уэринг приехала младшая сестра, Алиса Челлонер, прелестная девушка двадцати лет от роду, обычно жившая за городом со своей теткой. Она была гораздо красивее Бланш, даже в лучшие годы последней, и Фрэнсис Ливайсон, не видевший ее с тех самых пор, когда она была еще ребенком, влюбился в нее — по крайней мере, сам он назвал бы это любовью. Любовь! Он стал ее тенью. Он шептал ей ласковые слова, он вскружил ей голову и сделал предложение, которое она приняла. Приготовления к свадьбе начались немедленно, ибо сэр Фрэнсис хотел обвенчаться как можно скорее — впрочем, как и сама Алиса.

А что же Бланш? Она была просто ошеломлена. Она впала в оцепенение, на смену которому пришло отчаяние. Бланш сумела настоять на встрече с сэром Фрэнсисом, как ни пытался он уклониться от этого разговора. Поверите ли, читатель: он насмешливо-обходительно выслушал ее возмущенное напоминание о том, что было между ними в прошлом. Любовь? Брак? Какая чепуха! Право же: у нее просто разыгралось воображение. В конце концов он заявил, что она не сможет никому доказать, будто их отношения были чем-то большим, нежели просто дружбой, или же что он когда-то намекал на возможность брака.

Увы, она не могла этого доказать. У нее не было ни единого, хотя бы коротенького, письма от него, ни единого друга или хотя бы врага, который мог бы подтвердить, что слышал, как он говорил ей о любви. Фрэнсис Ливайсон был слишком осторожен, чтобы оставить хоть какие-то свидетельства их связи. Более того: разве сама она не поклялась своей сестре Лидии, что между ней и Фрэнсисом Ливайсоном ничего не было? Кто теперь поверил бы ей, если бы она заявила

прямо противоположное и призналась, что лгала ранее? Нет: она чувствовала себя так, будто находится на тонущем корабле, и у нее нет никаких шансов на спасение.

Впрочем, один шанс еще оставался, и она решилась поговорить с Алисой. Жизнь внезапно и безжалостно раскрыла ей глаза на истинную сущность этого человека, и теперь ей было совершенно ясно, что он не годится в мужа для ее сестры. Она поняла, что такой союз не будет счастливым, и, если возможно, Алису нужно предостеречь от этого брака.

Спрашивая себя, вышла бы она сама за него, Бланш отвечала на этот вопрос положительно. Да, она бы вышла за него, она, но не юная, свежая, прелестная Алиса, которая не потратила лучшие годы своей жизни, ожидая этого негодяя.

Когда домочадцы легли спать и в доме все затихло, Бланш направилась в спальню к сестре. Алиса еще не раздевалась; она сидела в мягком кресле возле огня, положив ноги на каминную решетку, и читала любовное письмо от сэра Фрэнсиса.

— Алиса, я пришла, чтобы рассказать тебе одну историю, — спокойно сказала Бланш. — Ты выслушаешь меня?

— Погоди минутку, — ответила Алиса.

Она закончила чтение, отложила письмо в сторону.

— Что ты сказала, Бланш? Историю?

Бланш кивнула.

— Это случилось несколько лет назад. Девушка была молодой и хорошенькой, не слишком богатой — она принадлежала к нашему кругу. Ее полюбил некий джентльмен, также не слишком состоятельный, и добился взаимности. Жениться он не мог, ибо, как я уже сказала, был небогат. Они тайно любили друг друга в надежде на то, что наступят лучшие времена. Она отдала ему свои лучшие годы. Ах, Алиса, я не могу описать, как она любила его все эти годы, вплоть до настоящего времени. Несмотря на то, что люди говорили о нем дурно, она продолжала нежно и верно любить его; она льнула к нему, как лоза.

— Кто была эта юная леди? — перебила ее Алиса. — Это сказка о любви, или же все, о чем ты говоришь, произошло в действительности?

— Это случилось в действительности. Я знала ее. Все эти годы он поддерживал ее чувство, уверяя девушку, что он также любит ее. Спустя некоторое время он унаследовал состояние, и ничто больше не мешало им пожениться. Он в то время был за границей, но сразу же вернулся, получив известие о наследстве; их связь возобновилась, и ее бедное сердце снова воспрянуло к жизни. Однако до женитьбы дело так и не дошло. Он ничего не говорил о свадьбе, и она решилась сама спросить его. Теперь уже очень скоро, — ответил он, и она продолжала жить своей надеждой.

— Рассказывай, Бланш, — воскликнула Алиса, которую заинтересовала эта история, хотя она и не подозревала, что все это имеет отношение и к ней лично.

— Хорошо, я продолжаю. Поверишь ли, Алиса: вскоре после этого он встретил другую девушку, которая, как ему показалось, больше подходит для него. Он сделал ей предложение, забыв о чести, отрекшись от всего, что было между ними, даже от собственных слов и обещаний.

— Какой позор. Они поженились?

— Они собираются сделать это. Ты бы вышла за такого человека?

— Я? — ответила Алиса, которую возмутил этот вопрос. — Едва ли!

— Алиса, этот человек — сэр Фрэнсис Ливайсон.

Алиса Челлонер вздрогнула, и лицо ее побагровело.

— Как ты смеешь говорить это, Бланш? Это неправда. А кто же эта девушка, скажи на милость? Она, должно быть, клеветает на него.

— Нет, — спокойно ответила Бланш. — Эта девушка — я.

— Я знаю! — после неловкой паузы воскликнула Алиса, презрительно вскинув голову. — Он предупреждал меня, что может случиться нечто подобное: ты вообразила, будто он любил тебя, и злилась на него за то, что он выбрал меня.

— Алиса, сестра моя! Я позабыла о гордости и скрытности, присущей женщинам во всем, что касается их ошибок и самых сокровенных чувств. Я переступила через все это ради тебя. Клянусь небом: все, что я рассказала тебе сегодня — чистейшая правда. Я была помолвлена с Фрэнсисом Ливайсоном до тех пор, пока не появилась ты.

Далее произошла безобразная сцена. Бланш, которую неверие Алисы вывело из себя, рассказала все, что она знала или слышала об этом человеке: она упомянула и его подлое поведение по отношению к бедной леди Изабель Карлайл. Алиса разозлилась не на шутку. Она заявила, что не верит ни единому слову из рассказа Бланш о собственных несчастьях, а что касается прочих историй — что ей за дело до его прошлого?

На самом деле, Алиса Челлонер поверила сестре, ибо в словах ее звучало искреннее горе. Алиса не любила сэра Фрэнсиса всем сердцем, как Бланш, но ее, без сомнения, привлекала столь блестящая партия, и она не собиралась его уступать. Что же: если сердце Бланш разбито — значит, так суждено было случиться. Однако же, ей не стоило смешивать насмешки и колкости со своим нежеланием поверить Бланш, ей нельзя было открыто глумиться над горем сестры. Хорошо ли она поступила? Что посеешь, то и пожнешь, говорю я вам.

Она вышла за сэра Фрэнсиса Ливайсона, оставив Бланш с разбитым сердцем предаваться своему горю от этой несправедливости. И вот теперь, через три года после свадьбы, ее любовь к сэру Фрэнсису превратилась в презрение и ненависть.

Маленький мальчик, двух лет от роду, играл в той же комнате. Мать не обращала на него ни малейшего внимания, поглощенная своими собственными мыслями, видимо, не слишком приятными, ибо она хмурилась, и губы ее были сердито поджаты.

В комнату ленивой походкой, с выражением полнейшего безразличия на лице, вошел сэр Фрэнсис. Леди Ливайсон встала и обратилась к супругу, причем тон ее отнюдь не сулил приятного разговора.

— Мне нужны деньги, — сказала она.

— Мне тоже, — ответил он.

Она сердито топнула ножкой и высокомерно вскинула голову.

— И я получу их. Я сказала тебе об этом еще вчера. Ты что же, полагаешь, что я так и буду обходиться без карманных денег?

— Ты полагаешь, тебе стоит так злиться из-за этого? — язвительно ответил сэр Фрэнсис. — Ты вечно пристаешь ко мне с просьбами дать денег, и я отвечаю тебе, что у меня их нет, даже для себя самого. Ты с таким же успехом могла бы требовать их у нашего малыша.

— Лучше бы ему не родиться вообще! — яростно воскликнула она, — чем иметь такого отца!

Кровь, прихлынувшая к щекам сэра Фрэнсиса, яснее ясного свидетельствовала о том, что последнее замечание и, главное — презрительный тон, которым оно произнесено, заставят его дать немедленный отпор своей супруге, но в этот момент в комнату вошел слуга.

— Прошу прощения, сэр. Но этот Браун вломился в переднюю и...

— Я не могу принять его, — перебил его сэр Фрэнсис, пятясь в дальний конец комнаты с таким видом, словно он впал в ужас и потерял всякое присутствие духа. Леди Ливайсон презрительно скривила губы.

— Мы все-таки выпроводили его, сэр, с огромным трудом, но, пока мы препирались, в открытую дверь проник мистер Мередит. Он проследовал в библиотеку, сэр, и клянется, что не тронется с места, пока не увидит Вас, независимо от того, больны Вы или здоровы.

Сэр Фрэнсис замешкался на мгновение, вполголоса выругался и вышел из комнаты. Слуга последовал за ним, а леди Ливайсон схватила ребенка на руки и запричитала, уткнувшись лицом в теплую шейку малыша:

— Ах, Фрэнни, милый! Я бы бросила его, если бы посмела, но боюсь, что он не отдаст тебя.

Дело в том, что вот уже три дня как сэр Фрэнсис Ливайсон был «серьезно болен», ему был «прописан постельный режим», и его «нельзя было беспокоить». Во всяком случае, так, или почти так, сообщили лорду Хэдтелоту (точнее, в министерство, поскольку сей государственный муж тоже был в отъезде). На самом же деле сэр Фрэнсис Ливайсон был так же здоров, как Вы или я, однако не смел показываться из-за последствий одного из своих многочисленных долгов. В этот день все удалось уладить, во всяком случае, на некоторое время.

— Черт возьми, Ливайсон! — начал м-р Мередит, парламентский организатор в министерстве. — Что за шум поднялся из-за Вас! На вид Вы совершенно здоровы!

— Сегодня мне намного лучше, — кашлянув, ответил сэр Фрэнсис.

— Ну и времечко Вы сумели выбрать, чтобы уклоняться от работы! День за днем я бьюсь к Вам, словно в лихорадке, отчего впору и в самом деле заболеть, и не могу добиться, чтобы меня

приняли или хотя бы передали Вам записку. Сегодня мне оставалось бы только взорвать дом и войти до того, как обломки опустятся на землю. Кстати, Вы с супругой живете вместе?

— Что значит «вместе?» — проворчал сэр Фрэнсис.

— Вчера, когда меня в очередной раз не пустили в дом, она как раз садилась в экипаж, и я осведомился о Вас у нее. И миледи ответила, что она ничего не знает ни о сэре Фрэнсисе, ни о его болезни.

— У миледи частенько бывает дурное настроение, — раздраженно ответил сэр Фрэнсис. — Что за нужда у Вас во мне именно сейчас? Хэдтелота сейчас нет, и делать просто нечего.

— У нас в министерстве — возможно. Однако кое-где еще происходят интересные события. Место Этли освободилось.

— И что с того?

— Уже три или четыре дня, как Вы должны были быть там. Разумеется, Вы должны занять его место.

— С какой стати? — ответил сэр Фрэнсис. — Меня не устраивает место в парламенте от Вест-Линна.

— Не устраивает Вест-Линн! Это же самый подходящий городок! Он находится недалеко от Ваших владений.

— Ну да, если Вы считаете десять миль небольшим расстоянием. Я не буду баллотироваться в Вест-Линне. Вы слышите, Мередит?

— Сегодня утром приехал Хэдтелот, — сказал Мередит.

Это сообщение явно огорчило сэра Фрэнсиса.

— Хэдтелот! С чего это вдруг?

— Из-за Вас. Я же говорю, Ливайсон, что из-за Вас разгорелся настоящий сыр-бор. Хэдтелот полагал, что Вы уже давно там, и он вернулся в страшной ярости. Для нас любой голос в парламенте — на вес золота, а Вы, по его словам, упускаете Вест-Линн! Вы должны немедленно начать свою кампанию, Ливайсон.

— Нет.

— Тогда Вы лишитесь Вашей должности. Торнтон поедет в Вест-Линн и займет Ваше место.

— Хэдтелот послал Вас, чтобы сообщить мне это? — спросил сэр Фрэнсис.

— Именно так. И, что самое главное, он настроен весьма решительно. Можете не сомневаться: этот человек говорит именно то, что думает.

Сэр Фрэнсис задумался. Будь на то его воля, он бы скорее предпочел стать представителем одного весьма жаркого местечка под землей, нежели Вест-Линна. Однако же, уход от Хэдтелота и отказ от теплого места, на которое он рассчитывал, означали бы для него полнейший крах: ни более, ни менее как объявление вне закона или даже тюремное заключение. Для него место в парламенте имело жизненную важность, и он начал размышлять, сможет ли предложить Вест-Линну более близкое знакомство со своей малопочтенной персоной.

— Теперь уж, наверное, все и забыли об этом, — произвольно произнес он вслух то, к чему пришел в результате своих размышлений.

— Мне понятны Ваши сомнения, — воскликнул м-р Мередит, — относительно Вест-Линна как места Вашего небезызвестного приключения. Однако общественные интересы должно ставить выше личных чувств, и лучшее, что Вы сейчас можете сделать — это начать свою кампанию. Хэдтелот и так уже зол до крайности. Он говорит, что, если бы Вы сразу появились там, удалось бы проскользнуть вообще без соперника, а теперь таковой появился.

Сэр Фрэнсис насторожился.

— Соперник? А где мне взять средства на кампанию?

— Фи! Можно подумать, что это послужит препятствием! Вы слышали, с кем Вам предстоит сразиться?

— Нет, — безразлично ответил сэр Фрэнсис.

— С Карлайлом.

— Карлайл! — воскликнул он. — Боже праведный. Куда мне против него!

— Ну что же, есть альтернатива. Если не Вы — так Торнтон.

— У меня нет ни малейших шансов. Вест-Линн не выберет меня, если он также баллотируется. Да и вообще, я не уверен, что Вест-Линн стал бы голосовать за меня даже и без него.

— Чепуха! Вы же знаете, как мы заинтересованы в этом месте. Правительство протолкнуло на него Этли и может сделать то же самое с Вами. Итак: да или нет, Ливайсон?

— Да, — ответил сэр Фрэнсис.

Уже через час он отправился в путь.

В Вест-Линн? — спросите Вы. Нет. Сначала он направил свои стопы в Скотланд-Ярд. Менее чем через час после его появления там, начальник полиции в Вест-Линне получил, под грифом «Секретно», телеграмму следующего содержания из Центрального управления: «Находится ли Отуэй Бетел в Вест-Линне? Если нет, где он и когда вернется?»

Ответ последовал незамедлительно:

«Отуэй Бетел предположительно находится в Норвегии. Точное место — пребывание неизвестно».

Леди Ливайсон знала, что затевается. Когда сэр Фрэнсис из чистой вежливости сообщил ей, что на несколько дней уезжает из города, она яростно набросилась на него.

— Если бы у Вас оставалась хоть капля стыда, Вы бы скорее застрелились, чем отправиться туда и сделать то, что Вы собираетесь.

Можете не сомневаться в том, что их отношения обострились до предела, и что у нее уже давно были все основания презирать его. В противном случае она бы не разговаривала с мужем подобным образом.

Он грозно взглянул на нее.

— Я знаю, что Вы замышляете. Вы хотите выставить свою кандидатуру против мистера Карлайла. Каким же нужно обладать бесстыдством, каким сердцем, не ведающим стыда, чтобы сделать это! Любой человек, кроме Вас, сквозь землю провалился бы, увидев того, кому причинил столько зла!

— Придержите язык, — сказал сэр Фрэнсис.

— Я слишком долго придерживала его, потому что Вы были моим мужем. Я делала это, хотя едва не сходила с ума. Больше я этого делать не стану. Денно и ночью буду молиться лишь об одном — найти способ развестись с Вами — и я найду, уж будьте уверены!

— Лучше бы Вы отказались от меня ради Бланш, — насмешливо сказал сэр Фрэнсис. — То, что Вы за меня вышли, просто убило ее, и Вы это знали.

Она села, постукивая ножкой по ковру и пытаясь успокоиться.

— Осмелюсь дать Вам совет: не лучше ли Вам сначала сесть и поразмыслить, нужно ли наносить подобное оскорбление мистеру Карлайлу, — снова заговорила она.

— Да кто такой Карлайл для Вас? Вы с ним даже не знакомы!

— Я знаю, какой он пользуется репутацией. Это честный, благородный человек, которого любят его друзья и уважают все без исключения. Вы с ним являете разительный контраст. Спросите вдову вашего дядюшки, что в свете говорят о мистере Карлайле.

— Если бы моим противником был кто-нибудь другой, я не стал бы состязаться, — злобно ответил сэр Фрэнсис. — Меня подстегивает мысль о том, что именно он — мой оппонент. Я сражусь с ним и сокрушу его.

— Смотрите, как бы вас самих не сокрушили, — едко заметила Алиса Ливайсон. — Подлецам не всегда везет.

— Я рискну, — насмешливо ответил сэр Фрэнсис.

Глава 7

ПРОИСШЕСТВИЕ С ЗЕЛЕНЫМИ ОЧКАМИ

М-р Карлайл и Барбара завтракали, когда, к их немалому удивлению, к ним пожаловал м-р Дилл. Буквально следом за ним вошел судья Хэйр, за ним — сквайр Пиннер, а в арьергарде следовал полковник Бетел. Все четверо явились самостоятельно, не договариваясь друг с другом, и все четверо тяжело дышали, словно бежали наперегонки.

Сначала мистер Карлайл просто не мог понять, что привело их в его дом. Все четверо говорили одновременно в крайнем возбуждении, и одной ярости судьи Хэйра хватило бы для того, чтобы оглушить его слушателей. Однако же вскоре м-р Карлайл уловил суть дела.

— Другой кандидат? Оппонент? Ну что же, пусть, — добродушно воскликнул он. — Посмотрим, кто победит, в конце концов.

— Но Вы не знаете, кто это, мистер Арчибальд, — воскликнул старый Дилл. — Это...

— Состязаться с ним! — вскричал судья Хэйр. — Да он...

— Этого парня надо вздернуть, — вмешался полковник Бетел.

— Или же утопить, — предложил сквайр Пиннер.

Все это они выпалили одновременно и вынуждены были замолчать хотя бы на мгновение, чтобы затих шум, вызванный этим тройным словесным залпом. Барбаре оставалось лишь изумленно переводить взгляд с одного джентльмена на другого.

— Так кто же этот ужасный противник? — спросил м-р Карлайл.

Ответом ему было молчание. Все гости, люди достаточно деликатные, не горели желанием произнести имя этого человека при м-ре Карлайле. Первым заговорил, понизив голос, м-р Дилл.

— Мистер Арчибальд, этот кандидат — не кто иной, как... Ливайсон.

Лоб м-ра Карлайла побагровел; Барбара опустила голову, но глаза ее сердито сверкали.

— Сегодня рано утром Бенджамен проехал через город, чтобы немного прогнать лошадей, — запинаясь, сказал судья Хэйр. — По возвращении он рассказал мне, что на стенах появились плакаты «Даешь Ливайсона!», «Голосуйте за сэра Фрэнсиса Ливайсона!». Я чуть было не стукнул его. «Это так же верно, хозяин, как то, что я грешник, — сказал он. — Я кое с кем переговорил, и мне рассказали, что он прикатил вчера вечером». Вот такие новости приходится выслушивать перед завтраком уважаемому джентльмену!

— Он приехал последним поездом, — сказал м-р Дилл, — и остановился в «Оленьей Голове». Должно быть, наборщики трудились всю ночь, чтобы подготовить плакаты. С ним приехал агент или что-то в этом роде, а также еще один парень — говорят, от правительства.

— Они хвастаются, что поле боя всегда за ними после первой атаки, и подсчет голосов будет пустой формальностью! — добавил полковник Бетел, яростно пристукнув тростью. — Да он сумасшедший, если выставляет свою кандидатуру здесь!

— Это сделано специально для того, чтобы оскорбить мистера Карлайла, — робко вставил сквайр Пиннер.

— Вы имеете в виду, чтобы оскорбить нас всех, — резко ответил полковник Бетел. — Посмотрим, как он запоет, когда ему придется убираться отсюда.

— Ну, Карлайл, теперь-то Вам отступить некуда, — воскликнул судья Хэйр.

М-р Карлайл безмолвствовал.

— Вы же не позволите этой скотине запугать Вас? — громко спросил полковник Бетел.

— В десять часов в «Оленьей Голове» состоится собрание, — сказал м-р Карлайл, оставив без ответа последний вопрос. — Я буду там с Вами.

— Вы сказали, что он тоже в «Оленьей Голове»? — спросил сквайр Пиннер. — Я ничего об этом не слышал.

— Он находился там, — поправил его м-р Дилл. — Я полагаю, его уже выселили к этому времени. Я спросил у хозяина, о чем он думал, когда брал такого постояльца, и что, по его мнению, скажут на это господа судьи. Он поклялся мне, что через час этого парня и след простынет, а также добавил, что не пустил бы этого человека на порог, если бы знал, кто он такой.

Поговорив еще немного, гости удалились. М-р Карлайл спокойно сел и занялся своим завтраком. Барбара приблизилась к нему.

— Арчибальд, ты же не позволишь этому наглецу нарушить твои планы? Ты не откажешься от борьбы? — прошептала она.

— Думаю, что нет. Он в этом деле ведет себя дерзко и вызывающе, а для меня, я полагаю, лучше всего будет обращать на него не больше внимания, чем на грязь под ногами.

— Правильно, — ответила она, зардевшись от гордости за мужа.

Вскоре м-р Карлайл уже входил в Вест-Линн. Действительно, рядом с его плакатами висели и плакаты Ливайсона, этого труса, причинившего ему наибольшую боль, которую один мужчина может причинить другому. Этот человек, должно быть, и в самом деле не ведал стыда: м-р Карлайл подумал то же самое, что сказала сэру Фрэнсису его жена.

— Арчибальд, ты уже слышал? Это возмутительно! — воскликнула мисс Карлайл, которая налетела на брата, словно корабль под всеми парусами. Щеки ее пылали, глаза сверкали с той немалой высоты, которой достигала ее величественная фигура.

— Я знаю, Корнелия. А если бы не знал, меня просветили бы стены Вест-Линна.

— Он что, сошел с ума?

— Я полагаю, он просто не все продумал, — ответил м-р Карлайл.

— Теперь ты должен сражаться, — с пылающим лицом продолжала она. — Раньше я противилась этому, но теперь я снимаю все возражения. Ты мне будешь не брат, если спасешь перед ним.

— Я и не собираюсь этого делать.

— Хорошо. Иди своим путем, а он пусть ползет своим. Обращай на него не больше внимания, чем на гадюку. Арчибальд, ты должен сейчас же начать сбор голосов.

— Нет, — сказал м-р Карлайл. — Вот увидишь, Корнелия: меня изберут и без этого.

— Ну что же, мой равнодушный братец: если ты сам не снизойдешь до сбора голосов, это сделают за тебя. Я лично не пожалею тысячи фунтов на эль для избирателей.

— Не спеши, — рассмеялся м-р Карлайл. — Оставь тысячу фунтов при себе, Корнелия. Я не хочу, чтобы меня сняли под предлогом «подкупа и коррупции». А вот и сэр Джон Доубид несется к нам галопом, и лицо у него красное, как солнце в тумане.

— Пожалуй. Он тоже знает. Говорю тебе, Арчибальд: Вест-Линн буквально взбудоражен, а такого с ним давненько не случалось.

И мисс Карлайл была совершенно права. Обитатели городка преисполнились возбуждения и негодования. Люди буквально сплотились вокруг м-ра Карлайла: и горожане, и сельские жители.

Однако же в Вест-Линне было много сторонников правительства, и, что бы ни чувствовали его жители все вместе или поодиночке, множество голосов могли быть отданы сэру Фрэнсису Ливайсону.

В то утро Барбара проводила мужа до ворот парка. Возвращаясь в дом, она встретила мадам Вин с детьми. Уильям выглядел совершенно здоровым, как обычно по утрам.

— Мама, — воскликнула Люси, — Вы выглядите такой разгоряченной! Щеки так и пылают.

— Я сержусь, — ответила Барбара, улыбаясь при этом.

— Почему Вы сердитесь?

— Потому что у папы появился соперник, второй кандидат.

— Разве он не имеет права на это? — спросил Уильям. — Папа говорил, что это может сделать всякий.

— Всякий, кроме того, кто осмелился сделать это, — ответила Барбара, которую возмущение заставило забыть об осторожности. — Это подлый, презренный человек, которого сторонятся все порядочные люди. И у него хватило наглости выступить против твоего папы.

— Как его зовут, мама?

И тут Барбара спохватилась. Впрочем, если она не скажет имени, они скоро узнают его от других людей.

— Это сэр Фрэнсис Ливайсон.

И тут гувернантка вскрикнула: от боли? от ужаса? от удивления? Пожалуй, от всех этих чувств одновременно. Барбара повернулась к ней, но она уже наклонила голову, кашляя, и поднесла платок к мертвенно-бледному лицу.

— Вам плохо? — участливо спросила Барбара.

— О нет, благодарю Вас. Просто... пыль попала мне в рот, вот я и закашлялась.

Миссис Карлайл не сказала более ни слова, однако же призадумалась, ибо гувернантка еле выговорила эти слова дрожащим голосом, под стать ее трясущимся пепельно-бледным губам.

«Не может ли она знать Фрэнсиса Ливайсона? — подумала Барбара. — Не упоминание ли этого имени так взволновало ее?»

В этот день мадам Вин была страшно рассеянной во время занятий. Одним из первых узнал обо всем лорд Маунт-Северн. Однажды вечером он сидел в клубе и просматривал вечернюю газету, когда взгляд его упал на слова «Карлайл» и «Вест-Линн». Будучи наслышан о вероятном избрании м-ра Карлайла и всем сердцем желая ему успеха, граф, разумеется, прочитал эту заметку.

Потом он перечитал ее еще раз, и еще. Он протер глаза, затем протер очки и даже ущипнул себя, дабы убедиться, что не спит, так как он просто не мог поверить в то, что сэр Фрэнсис Ливайсон выставил свою кандидатуру против м-ра Карлайла и теперь активно вербует сторонников в Вест-Линне.

— Вы знаете что-нибудь об этом позорном известии — позорном, независимо от того, правдиво оно или ложно? — спросил он одного из своих близких друзей.

— Увы, это правда. Я узнал об этом час назад. Этот Ливайсон, должно быть, изрядный наглец.

— Наглец! — повторил возмущенный граф, все существо которого восстало против этого известия. — Как Вы просто об этом говорите! Да его надо вздернуть, как собаку!

Он отшвырнул газету, вышел из клуба, заехал домой за саквояжем, после чего со свистками и гудками — которые, разумеется, издавал локомотив, а не почтенный лорд — помчался в Вест-Линн, захватив с собой сына. Граф Маунт-Северн не собирался оставаться в стороне от этого дела.

В эти теплые весенние дни леди Изабель взяла за правило по утрам, после завтрака, отправляться с детьми на прогулку в парк. Они были на лужайке перед домом и в то утро, когда к дому по аллее поднялись два джентльмена — точнее, один джентльмен и красивый юноша, обещающий вырасти в джентльмена под стать первому. Леди Изабель чудом не упала в обморок, ибо оказалась лицом к лицу с лордом Маунт-Северном. Граф, остановившийся, чтобы поздороваться с детьми, приподнял шляпу, увидев незнакомую даму.

— Познакомьтесь: моя гувернантка, мадам Вин, — сказала Люси.

Мадам Вин молча присела в реверансе, отвернув голову и ловя воздух ртом.

— Твой папа дома, Люси? — взволнованно спросил граф.

— Да. Я думаю, он завтракает. Я так рада, что Вы приехали!

Лорд Маунт-Северн направился в дом, держа за руку Уильяма, который с готовностью предложил «отвести» его к своему папе. Лорд Вейн склонился к Люси и поцеловал ее. Пройдет совсем немного времени, какие-то несколько лет, и наша юная леди отнюдь не станет с такой готовностью подставлять ему свои розовые губки.

— Ты выросла и стала совсем большой девочкой, Люси. Ты не забыла наш уговор?

— Нет, — рассмеялась она.

— И не забудешь?

— Никогда, — ответила девочка, покачав головой. — Вот увидите.

— Люси будет моей женой, — воскликнул он, поворачиваясь к мадам Вин. — Мы договорились об этом и торжественно пообещали не нарушать нашего уговора. Я намереваюсь подождать, пока она подрастет. Она мне нравится больше всех на свете.

— Он мне тоже нравится, — сказала мисс Люси. — Так что все это — чистейшая правда.

Люси была ребенком, почти младенцем, а юный виконт был в том возрасте, когда подобным шутивным клятвам не придают особого значения, и, тем не менее, мадам Вин охватила дрожь. Она заговорила не как мадам Вин, а как бедная мать, злосчастная леди Изабель.

— Вы никогда не должны говорить подобных вещей, Люси. Это невозможно.

Лорд Вейн рассмеялся.

— Почему же? — спросил он.

— Ваши отец и мать не позволят этого.

— Отец позволит, я знаю. Он любит Люси. Что касается моей матери — не думает же она, что я всегда и во всем буду ее слушаться. Погуляй немножко, Люси: я хочу кое-что сказать мадам Вин.

Карлайл пристрелил этого парня? — продолжил он, когда Люси убежала. — Отец мой настолько непреклонный человек, особенно когда рассердится, что он, не желая осквернять свои губы этим именем, не только сам не справился ни о чем, когда мы приехали, но и мне не позволил, так что у меня буквально язык чесался по дороге сюда.

Она хотела ответить «Какого парня?», но слова замерли у нее на губах, ибо она прекрасно понимала, о ком идет речь.

— Я говорю об этом мерзавце Ливайсоне. Если бы Карлайл изрешетил его за это пулями, а затем бил бы до тех пор, пока он не скончается, тот получил бы по заслугам, и все стали бы рукоплескать Карлайлу. Ливайсон против Карлайла! Если бы я был мужчиной несколько лет назад, он получил бы пулю в сердце. Послушайте, — сказал он, понизив голос. — Вы знали леди Изабель?

— Да... то есть нет... знала.

Она не знала, как ответить, и едва ли слышала свои собственные слова.

— Вы знаете: она была матерью Люси, и я любил ее. Думаю, и Люси я люблю за то, что она — вылитая мать. А где Вы встречались с ней? Здесь?

— Я знала ее... понаслышке, — прошептала леди Изабель, в душе которой все всколыхнулось от воспоминаний.

— А, понаслышке! Так что же, Карлайл пристрелил этого мерзавца, или он еще жив? Клянусь Иовом! Подумать только, он снова прокрался в Вест-Линн!

— Боюсь, Вам лучше спросить кого-нибудь еще, — наконец выговорила она. — Я ничего не знаю об этом.

Она отвернулась, с бешено бьющимся сердцем, взяла за руку подбежавшую к ней Люси и удалилась. Лорд Вейн бегом бросился к дому.

Теперь началась нешуточная борьба — сбор голосов. Сэр Фрэнсис Ливайсон, его агент и еще один человек из Лондона, который оказался вовсе не большой шишкой из правительства, а закадычным другом нашего баронета, неким Дрейком, рыскали по городу, словно собаки, которым подпалили хвосты, ибо знали, какой репутацией пользуются в Вест-Линне. За ними шлялась лишь кучка оборванных молодых людей, весьма достойно замыкавшая это жалкое шествие. За оппонента сэра Фрэнсиса агитировала внушительная толпа: мелкопоместное дворянство, мировые судьи, лорд Маунт-Северн, наконец. Иногда, шагая под руку с графом, с ними обходил город и м-р Карлайл. Когда группы соперников оказывались поблизости друг от друга и вот-вот могли встретиться, бравый сэр Фрэнсис ретировался ближайшим переулком, а то и прятался за изгороди — одним словом, скрывался, где только мог, ибо даже при всей своей наглости не смел встретиться лицом к лицу с мистером Карлайлом и людьми, от которых ему нечего было ждать, кроме осуждения.

Как-то утром миссис Карлайл взяла с собой в Вест-Линн мисс Люси и ее гувернантку. Они отправились за покупками. Леди Изабель приходила в ужас от мысли о встрече с сэром Фрэнсисом, но что ей оставалось делать: она не могла сказать больно, ибо была совершенно здорова, равно как и заявить, что не пойдет, будучи всего-навсего гувернанткой. Итак, дамы пустились в путь. У ворот Гроува, поместья судьи Хэйра, они столкнулись с мисс Карлайл.

— Твоей матери нездоровится, Барбара.

— Вот как? — встревоженно воскликнула Барбара. — Я должна повидаться с ней.

— Она опять видела какой-то странный сон, — продолжала мисс Карлайл, не обращая внимания на гувернантку и мисс Люси. — Я поняла это, как только вошла, по одному ее виду: она дрожала и озиралась, словно по меньшей мере дюжина призраков готова была вот-вот появиться прямо из стен. Я отчитала ее за это, и ей нечего было возразить. Она лишь заявила, что Ричарду грозит какая-то опасность, или же будет грозить вскоре. Идите, полюбуйте на нее: по-прежнему дрожит, хотя я и сказала ей, что людям, которые верят в сны, место в сумасшедшем доме.

Барбара выглядела весьма огорченной. Она верила в сны не более самой мисс Карлайл, однако же не могла забыть, что некоторые из этих снов, как ни странно, и в самом деле верно предсказали опасность, грозившую Ричарду.

— Я зайду к маме, — сказала она. — Если Вы идете домой, Корнелия, мадам Вин может прогуляться с Вами и подождать меня в Вест-Линне.

— Можно, я пойду с Вами, мама? — попросила Люси.

Барбара машинально взяла ребенка за руку. Калитка закрылась за ними, а мисс Карлайл и леди Изабель направились в Вест-Линн. Однако, как только они завернули за угол, сильный порыв ветра подхватил вуаль леди Изабель, и она, подняв руки, чтобы не дать ей улететь, сбила свои зеленые очки, которые упали на землю и разбились.

— Как Вы умудрились это сделать? — вырвалось у мисс Карлайл.

И в самом деле, как? Она склонилась, чтобы взглянуть на них. Что же теперь делать? Вуаль оказалась на изгороди, очки разбились. Как ей теперь показать свое лицо, ничем более не закрытое? Оно в этот день было румяным, как в былые дни, глаза ее блестели, и мисс Карлайл изумленно уставилась на нее.

— Боже милостивый! — прошептала она. — Какое необыкновенное сходство!

Сердце леди Изабель оборвалось при этих словах. И было отчего. К тому же, словно всего случившегося было недостаточно, в нескольких шагах от них показался сэр Фрэнсис Ливайсон, шагавший прямо к нашим дамам.

Узнает ли он нашу героиню?

Глава 8

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЗЕЛЕНый ПРУД!

Мисс Карлайл и леди Изабель Вейн стояли на сильном ветру, в том месте, где дорога поворачивала к Вест-Линну. Леди Изабель, смущенная и растерянная, подбирала то, что осталось от ее разбитых очков, а мисс Карлайл, почти столь же обескураженная, изумленно смотрела на лицо, показавшееся ей столь знакомым. Впрочем, ее отвлекло внезапное появление сэра Фрэнсиса Ливайсона. Он уже подходил к ним, как обычно, в сопровождении м-ра Дрейка и местного сброда, следовавшего за ним. В первый раз после своего приезда в Вест-Линн он лицом к лицу столкнулся с мисс Карлайл, которая грозно и одновременно презрительно нахмурилась. Сэр Фрэнсис, оказавшись прямо перед ней, приподнял шляпу. Сделал ли он это из вежливости, от растерянности или же в насмешку — кто знает: мисс Карлайл восприняла это как издевку, и ее губы сделались почти такими же бледными, как у несчастной женщины, которая съежилась от страха за ее спиной.

— Следует ли мне воспринимать это как попытку оскорбить меня, Фрэнсис Ливайсон?

— Как Вам будет угодно, — ответил он, призвав на помощь всю свою наглость.

— Как Вы смеете здороваться со мной? Вы забыли, что я — мисс Карлайл.

— Ну, Вас трудно забыть, увидев хотя бы один раз.

Теперь уже не приходилось сомневаться, что он издевается над ней: его тон и выражение лица были просто оскорбительными. Оба спутника наблюдали эту сцену с явной неловкостью, не понимая, что все это означает. Леди Изабель закрыла свое лицо, как сумела, до смерти перепуганная одной мыслью, что он посмотрит на нее. Собравшиеся вокруг зеваки, среди которых было несколько батраков сквайра Пиннера, с интересом слушали разгоравшуюся перепалку.

— Ты, презренный червяк, полагаешь, что можешь безнаказанно оскорблять меня, как прочих жителей Вест-Линна? Это тебе с рук не сойдет, наглец ты этакий!

Конечно же, мисс Корни, говоря это, не имела в виду немедленное наказание незадачливого джентльмена, но собравшаяся к этому времени толпа, кажется, собиралась предпринять решительные меры, причем инициатива исходила именно от дюжих работников сквайра Пиннера. То ли их побудили к решительным действиям слова мисс Карлайл — которую, несмотря на некоторые изъяны характера, уважали в округе и почитали лишь немногим менее, чем ее брата, то ли сквайр Пиннер в их присутствии обронил словечко о том, что предлагал сделать с Ливайсоном, будучи в Ист-Линне, то ли они сами решились на это, могли бы сказать лишь они сами. Как бы то ни было, зловещий призыв «Окунуть его!» прозвучал из чьих-то уст, тут же подхваченный толпой.

— Окунуть! Окунуть его! Пруд как раз под рукой. Пусть получит то, что заслужил! За каким делом он, мерзавец, заявился в Вест-Линн тягаться с мистером Карлайлом? Помните, как он поступил с леди Изабель? А теперь он будет выставлять свою кандидатуру в Вест-Линне! Не нужен он нам такой: в Вест-Линне найдется человек получше. Нам такие мерзавцы не нужны. А ну-ка, ребята!

Лицо его побелело, и он затрясся всем телом: трусость часто бывает присуща подобным никчемным людям. Леди Изабель тоже затрепетала, услышав подобные разговоры. И так, в него вцепилось по меньшей мере пар двадцать сильных, огрубевших от работы рук, если не считать пришедшего с ним же сброда, внесшего свой вклад в правое дело пинками, подзатыльниками, тычками, улюлюканьем и бешеной пляской вокруг жертвы. Его протащили сквозь дыру в изгороди, в которую и ребенок не протиснулся бы в спокойном расположении духа, но кто из нас не знает, что спокойствие и возбуждение — суть вещи весьма несхожие между собой! Изгородь изрядно пострадала, что, думается, не вызвало бы в данном случае никаких возражений у судьи Хэйра, которому она принадлежала.

М-р Дрейк и г-н адвокат — ибо второй спутник Фрэнсиса Ливайсона занимался именно этим почтенным бизнесом — были не в силах предотвратить надвигающуюся катастрофу. Им было обещано, что, если «они будут соваться», с ними «сделают то же самое», как только они начали

протестовать против расправы. Адвокат, будучи маленьким и толстым человечком, не способным сбить кого-либо с ног даже ради спасения собственной жизни, попятился прочь от «свалки» и ограничился неясными обещаниями страшных кар, которые неумолимый закон не преминет выделить на долю каждого из нападавших. Мисс Карлайл сохраняла величественную неподвижность, с мрачной невозмутимостью наблюдая за приготовлениями к экзекуции. Даже если бы она возвысила свой собственный голос в его защиту, он все равно не был бы услышан — впрочем, мы отнюдь не уверены, что у нее было хоть малейшее желание во что-либо вмешиваться.

Наконец, процессия приблизилась к берегу пруда — темного, зеленого, илистого, заросшего ряской и весьма дурно пахнущего. К этому времени полы его сюртука уже были оторваны, немалый урон в виде дыр и прочих повреждений был нанесен... другому полезному предмету туалета. Кто тянул беднягу, кто толкал, кто тряс, схватив за воротник; человек шесть охаживало его кулаками, и все поголовно поносили незадачливого кандидата на чем свет стоит.

— Швыряйте его, ребята!

— Пощадите, пощадите! — взвизгнула жертва, колени у которой подломились, а зубы принялись выбивать мелкую дробь. — Сжальтесь, ради Всевышнего!

— Что он знает о Всевышнем!

Тело описало дугу в воздухе, раздался всплеск, дикий крик, бульканье, и сэр Фрэнсис Ливайсон забарахтался в ядовито-зеленой воде, которая, казалось, ведрами вливается ему в горло вместе с населяющими ее змеями, жабами, и лягушками. Раздался хриплый презрительный смех, а затем дружное «Гип-гип, ура!» исполнителей этого действия, в то время как несовершеннолетний сброд, взявшись за руки, устроил хоровод вокруг пруда, напоминающий пляски диких индейцев. Никогда еще перед ними не разыгрывалось ничего подобного этому бесплатному спектаклю!

Скорее на берег из зловонной жижи, напоминающей гороховый суп, пока он совсем не захлебнулся! Он выглядел хуже утопленной крысы, с его белым жалким лицом, трясущимися конечностями и пришедшей в полную негодность одеждой, когда вылез на берег и принялся отряхиваться.

Работники сквайра Пиннера, успешно выполнив задуманное, спокойно удалились; шпана подросткового возраста отошла на безопасное расстояние, ожидая дальнейшего развития событий. Мисс Карлайл также удалилась. Леди Изабель, шедшую с нею рядом, была такая же дрожь, как и незадачливого купальщика: ее прежний кавалер являл собой весьма жалкое зрелище. Казался ли он ей красивым теперь? Мы не знаем, что она думала об этом, но нам известны ее мысли о своих собственных прегрешениях.

Мисс Карлайл не произнесла ни слова. Она продолжала важно шествовать с высоко поднятой головой, лишь изредка поворачивая ее, чтобы пристально взглянуть на мадам Вин, которая уже покрылась пунцовым румянцем от этих взглядов.

«Странно, — думала мисс Корни. — Сходство поразительное, особенно глаза...» Куда Вы направляетесь, мадам?

В этот момент они проходили мимо магазина, в котором продавались очки, и мадам Вин остановилась у его двери, уже поставив ногу на ступеньку.

— Если Вы не возражаете, я хотела бы оставить мои очки для починки.

Мисс Карлайл вошла следом за ней. Мадам Вин рассказала, что нужно делать со старыми очками, и решила заказать новые, чтобы носить их, пока не починят прежние. У торговца не нашлось зеленых очков: были только синие и множество бесцветных. Впрочем, у него была одна пара зеленых, весьма уродливая, в черепаховой оправе, которую когда-то давно оставил для починки какой-то приезжий джентльмен, да так и не забрал. Именно ее и выбрала леди Изабель. Она сразу же надела очки под неотрывным испытующим взглядом мисс Карлайл.

— Зачем Вы носите очки? — внезапно спросила мисс Корни, когда они вошли в ее дом.

Ее собеседница снова покраснела и ответила не сразу.

— У меня слабые глаза.

— Они выглядят вполне нормальными. К тому же, зачем носить цветные стекла? Я полагаю, бесцветные вполне подойдут для любой цели.

— Я привыкла к цветным.

Мисс Корни помедлила, прежде чем спросить:

— Как Вас зовут, мадам?

— Джейн, — ответила мадам, не моргнув глазом.

— Ну-ка, ну-ка! Что такое?

На улице собралась толпа, причем довольно шумная. Мисс Корни устремилась к окну, и леди Изабель последовала за ней. Можно сказать, это были две толпы, поскольку с другой стороны улицы появилась «партия красно-фиолетовых», как называли сторонников м-ра Карлайла по его цветам — представительная группа джентльменов во главе с самим мистером Карлайлом и лордом Маунт-Северном.

Но кто это приближается к ним? Партия желтых, без сомнения, но в каком плачевном состоянии! Кто это, или что это, похожее на мокрую крысу, влачится между Дрейком и адвокатом, с обвисшими волосами, заплетающимися ногами и в лохмотьях вместо одежды? Толпа, следовавшая за ним, растянулась до конца улицы, издавая непрерывные насмешливые выкрики и свист. Красно-фиолетовые даже остановились от удивления, и лорд Маунт-Северн, зрение которого уже сделалось не столь острым, как двадцать лет назад, водрузил на нос пенсне. Сэр Фрэнсис Ливайсон?! Да он ли это? Ну конечно же, он! Но что с ним случилось, скажите на милость? М-р Карлайл презрительно скривил губы и продолжил свой путь вместе с графом.

— Что случилось, черт возьми? — выкрикивали сторонники м-ра Карлайла. — Да это же Ливайсон. Он что, попал в железнодорожную катастрофу и угодил в котел локомотива?

— Да его окунули, — ухмылялись желтые, — в заросший пруд мистера Хэйра. Шагай-шагай, предводитель, да подтверже!

Последняя фраза относилась к бедной жертве.

— Кто же это сделал? — интересовались фиолетовые, с трудом удерживаясь от смеха.

— Люди сквайра Пиннера, вот так-то. Ур-р-р-ра!

— Ура! — эхом отозвался сам сквайр Пиннер, который услышал эти слова, протискиваясь вперед, с огромной красно-фиолетовой звездой на лацкане, и позабыв от радости обо всяких приличиях. — Прекрасная новость! Мои работники, говорите? Будь я проклят, если нынче же не дам каждому по кроне на выпивку!

Промокший и несчастный оппонент м-ра Карлайла ускорил шаги, насколько это позволяли его замерзшие, дрожащие ноги; он понесся бы далее вообще без ног, если бы это было возможно — только бы выйти из-под обстрела торжествующих вражеских глаз. Впрочем, противники гордо прошествовали мимо, высоко подняв головы и не желая замечать повергнутого Фрэнсиса Ливайсона — все, кроме юного лорда Вейна. Он носился среди немой части публики и, казалось, был весьма расположен сейчас же исполнить индейскую фингу.

— Какой же я был осел, когда согласился баллотироваться в Вест-Линне! — в ярости прокомментировал пострадавший свои способности к политическому предвидению.

Мисс Карлайл положила свою ладонь на дрожащую руку ее спутницы.

— Вы видите его, видите моего брата Арчибальда?

— Вижу, — запинаясь, ответила леди Изабель.

— А теперь посмотрите на это жалкое отребье, слишком ничтожное, чтобы иметь право на жизнь. Посмотрите же на них и сравните. Смотрите хорошенько!

— Я смотрю.

— Женщина, которая называла этого благородного человека мужем, променяла его на это ничтожество. Как Вы думаете: раскаялась ли она?

Возможно, читателей удивит то, что подвергшийся погружению джентльмен шел пешком через весь город в гостиницу «Черный Ворон», в которой остановился после изгнания из «Оленьей Головы», однако что же ему оставалось делать? Когда он, насквозь промокший и сыплющий проклятиями на берегу пруда, думал, как ему добраться до гостиницы, м-р Дрейк остановил проезжавшего мимо извозчика, но тот, увидев, что пассажиром будет Фрэнк Ливайсон, отказался его везти. Хлестнув лошадь, он выкрикнул, что совсем недавно обил пролетку изнутри красным бархатом и не желает испортить обивку. С этими словами он и укатил, оставив всю троицу предаваться гневу и отчаянию.

Сэр Фрэнсис требовал раздобыть другое средство передвижения, однако друзья убедили его, что он может умереть от простуды, если немедленно не поторопится в гостиницу пешком. Он

заупрямился, но челюсти его уже всюду стучали друг о дружку, ноги подкашивались, и они пустились в путь, подхватив его с обеих сторон. Впрочем, на встречу с мистером Карлайлом и его сторонниками они явно не рассчитывали: Фрэнсис Ливайсон скорее добровольно нырнул бы в пруд головой вниз, нежели встретился с ними.

В этот день миссис Карлайл возвращалась на обед в Ист-Линн вместе с мисс Карлайл, мадам Вин и мисс Люси. К ним присоединился заметивший их лорд Вейн, который, разумеется, остановился у Карлайлов вместе с отцом. Он был просто на седьмом небе с того самого момента, когда встретился с «желтыми».

— Вы бы зашли от смеха мисс Люси, если бы взглянули на этого промокшего пса. Я бы отдал все свои карманные деньги за полгода вперед, если бы мог получить его фотографию в этот момент.

Люси радостно засмеялась: бедное дитя не знало, какое горе причинил ей этот «промокший пес».

Когда мисс Карлайл оказалась в своей туалетной комнате, той самой, где ночевал когда-то Ричард Хэйр, она позвонила и вызвала к себе Джойс. Эти комнаты по-прежнему были в ее распоряжении, ибо порой она жила у брата по несколько дней; они так и назывались: «комнаты мисс Карлайл».

— Сегодня мы неплохо позабавились в городе, Джойс!

— Я уже слышала об этом, мэм. Билл Уайт, пахарь у сквайра Пиннера, зашел сюда и рассказал нам об этом. Он бы просто лопнул, если бы не сделал этого: никогда еще не видела его таким возбужденным. Питер — так тот даже расплакался.

— Расплакался? — переспросила мисс Карлайл.

— Ну, Вы же знаете, мэм, как он любил леди Изабель, наш Питер, вот он и не выдержал. Сказал, что давненько не слышал столь приятных известий, расплакался, вынул из кармана полкроны и вручил Биллу Уайту. Билл сказал, что держал негодяя за ногу, когда его швыряли в пруд. Эфи видела все это — прошу извинить, что упоминаю ее при вас, так как Вы о ней дурного мнения; когда она пришла сюда, с ней сделалась истерика.

— Как она могла это видеть? — резко спросила мисс Карлайл, выведенная из себя звуком этого имени. — Я была там, но ее что-то не заметила.

— Она шла к нам с запиской для гувернантки от миссис Латимер — какие-то новости из Германии от молодой жены некоего немецкого графа. Эфи сказала, что пошла через поле и уже подходила к перелазу возле пруда, когда услышала шум.

— Отчего же с ней приключилась истерика? — так же резко спросила мисс Карлайл.

— Она сказала, что это ее расстроило.

— Ей не повредило бы, если бы и ее тоже окунули, — последовал сердитый ответ.

Джойс ничего на это не ответила. Никто еще не смог в чем-то разубедить мисс Карлайл. К тому же, в глубине души она и сама считала, что Эфи не повредила бы небольшая взбучка, впрочем, не настолько суровая, как купание в пруду.

— Джойс, — снова заговорила мисс Карлайл, резко сменив тему разговора, — гувернантка Вам никого не напоминает?

— Мэм? — повторила Джойс, казалось, удивленная этим вопросом. — Гувернантка? Мадам Вин? Вы ее имеете в виду?

— Ну не Вас же? И не меня! Разве мы гувернантки, — гневно воскликнула мисс Корни. — Кого же еще мне иметь в виду, как не ее?

Она отвернулась от зеркала, в которое смотрела до этого, и впилась взглядом в лицо Джойс, ожидая ответа. Джойс понизила голос.

— Иногда она напоминает мне лицом и манерами мою покойную хозяйку. Но я никогда и ни с кем не говорила об этом, мэм, ибо, как Вы знаете, имя леди Изабель не велено произносить в этом доме.

— Вам случалось видеть ее без очков?

— Нет, никогда, — ответила Джойс.

— А я вот видела, — заметила мисс Карлайл. — Сегодня. И, должна признаться, я просто поражена этим сходством. Это просто необыкновенно. Можно подумать, что призрак леди Изабель явился в этот мир.

— Ах, мэ, не шутите, пожалуйста, на эту тему, — взмолилась Джойс.

— Какие могут быть шутки? Вы слышали, чтобы я шутила когда-нибудь? — ответила мисс Карлайл, но более говорить на эту тему не стала.

— Я слышала, Уильяму стало хуже? — заговорила она после некоторой паузы.

— Думаю, не намного, мэ. Да, надо признать, что он выглядит слабеньким и болезненным, особенно ближе к вечеру, но я ни за что не поверю, что его жизнь в опасности, как считают некоторые.

— Если верить тому, что я слышала, дело обстоит именно так, — сказала мисс Корни.

— Мэм, кто это Вам сказал?

— Гувернантка, сегодня днем. Она говорила так, словно положение просто отчаянное — и в ее голосе сквозило самое настоящее отчаяние.

— Я знаю: она считает, что он серьезно болен. За последние несколько дней она неоднократно говорила о нем со мной.

— Я не удивлюсь, если он преставится, — невозмутимо подвела итог мисс Карлайл. — Сложением он пошел в мать, а я всегда считала, что здоровье у нее никудашнее.

Вечером, после обеда, мисс Карлайл и лорд Маунт-Северн сидели на диване, попивая кофе. В гостиной также находился сэр Джон Доубид и еще пара джентльменов. Юный лорд Вейн, Люси и м-р Карлайл весело дурачились, и комната была наполнена шумом голосов. Улучив минутку, мисс Карлайл, повернувшись к лорду Маунт-Северну и негромко спросила:

— Скажите: известие о смерти леди Изабель было абсолютно достоверным?

Граф смотрел на нее, буквально онемев. Это был самый странный вопрос, который ему когда-нибудь задавали.

— Я не уверен, что правильно понял Вас, мисс Карлайл. Разумеется, она умерла.

— Когда Вам сообщили о катастрофе. Вы, я полагаю, послали запрос, чтобы удостовериться в точности этой информации и узнать подробности?

— Это был мой долг. Больше это сделать было некому.

— Так Вы абсолютно уверены в том, что она умерла?

— Ну разумеется. В ту же самую ночь. У нее были чудовищные раны.

Мисс Карлайл задумалась. Однако же, вскоре она снова заговорила об этом, словно ее не окончательно убедили слова графа.

— Вы уверены, что тут нет никакой ошибки? Вы уверены, что она мертва?

— Так же, как в том, что мы с Вами живы, — решительно и со всей искренностью ответил граф. — А почему Вы спрашиваете об этом?

— Мне внезапно пришло в голову... сегодня... узнать, в самом ли деле она умерла?

— Если бы даже тогда произошла ошибка, я скоро узнал бы об этом по состоянию счета, на который я положил определенную сумму для нее. С него больше никогда не снимали денег. Кроме того, она бы мне написала, как мы условились. Увы, она мертва, бедняжка, вне всяких сомнений, и все ее грехи исчезли вместе с ней.

Это звучало убедительно, и мисс Карлайл поверила веским доводам графа.

На следующее утро лорд Вейн, Люси и Уильям бегали наперегонки по лужайке, причем виконт до этого присоединился к мадам Вин за завтраком, даже не спросив ее разрешения.

Уильям скорее притворялся, что бежит, нежели в самом деле носился по траве; вскоре у него совершенно сбилось дыхание. Лорд Вейн дал Люси «фору» и обогнал ее на финише. Перед забегом он сказал, что она поцелует его пять раз, если проиграет. Она возразила, что и одного раза будет вполне достаточно, но он сумел настоять на пяти. Леди Изабель завладела маленьким Арчибальдом и сидела в серой гостиной, держа его на коленях и прижимая к себе с такой нежностью, на которую способна не всякая мать, когда вошел м-р Карлайл.

— Можно войти незваному гостю, мадам Вин? — воскликнул он с обаятельной и добродушной улыбкой.

Она опустила мальчика на пол и встала; лицо ее горело, а сердце готово было выпрыгнуть из груди. Арчи немедленно умчался к старшему брату и сестре, резвившимся на травке.

— Садитесь же, Бога ради, — сказал м-р Карлайл, присаживаясь напротив нее и, без сомнения, любуясь ее очками в черепаховой оправе. — Как Вам Уильям? Я, собственно, пришел для того, чтобы поинтересоваться Вашим мнением о его здоровье.

Она прижала руку к груди, пытаясь унять бешеный стук сердца и хоть немного успокоиться, прежде чем заговорить. Еще бы: она впервые оказалась с ним наедине.

— Все по-прежнему, — прошептала она, но потом, набравшись смелости, заговорила более открыто:

— Насколько я поняла, Вы как-то говорили, сэр, что покажете его другим врачам?

— Именно так. Я собирался свозить его в Линборо, к д-ру Мартину — кстати, он и развеялся бы немного — но на меня свалилось такое множество дел, что об этом просто некогда было подумать. Теперь я и сам не знаю, когда освобожусь.

— Позвольте мне свозить его, сэр, — просяще воскликнула мадам Вин. — Право же: мне кажется, нам нельзя терять время. Какие у Вас могут быть возражения? — быстро добавила она. — Вы можете смело доверить его мне.

М-р Карлайл улыбнулся.

— Я доверяю и ему, и Вам, — воскликнул он, — и полагаю, что это хорошая идея, при условии, что для Вас это не будет слишком хлопотно.

Слишком хлопотно! Когда на карту поставлена жизнь ее сына!

— Разрешите нам съездить сегодня, — попросила она, дрожа от нетерпения.

— Я спрошу, не нужна ли миссис Карлайл коляска с пони, — ответил он. — В ней будет гораздо удобнее, чем в переполненном железнодорожном вагоне.

Сердце ее зашлось от боли, когда он выходил из комнаты. Что же: капризы миссис Карлайл дороже, чем жизнь ее ребенка? После непродолжительной, но яростной внутренней борьбы она покорно сложила руки на коленях: разве так она собиралась нести свой крест? В последнее время она частенько задавала себе этот вопрос.

М-р Карлайл вскоре вернулся.

— Коляска с пони в Вашем распоряжении, мадам Вин. Джон отвезет вас в «Ройал», отель, в котором я всегда останавливаюсь во время поездок в Линборо; доктор Мартин живет неподалеку от него. В отеле можете заказать, что пожелаете: все это запишут на мой счет. Может быть, стоит там же и пообедать, чтобы Уильяму не пришлось слишком долго ждать обеда в пути.

— Хорошо, сэр. Благодарю Вас. Во сколько мы можем выехать?

— Как только пожелаете. Скажем, в десять часов? Вас устроит это время?

— Вполне, сэр. Большое Вам спасибо.

— За что? — рассмеялся м-р Карлайл. — За то, что Вы отправляетесь в весьма хлопотную для Вас поездку? Кстати, врачу причитается одна гинея, — сказал он, доставая кошелек.

— Право же, не стоит, — торопливо перебила она его. — Я хотела бы заплатить сама.

М-р Карлайл немало удивился такому предложению. Он молча положил на стол монеты достоинством в соверен и шиллинг. Мадам Вин густо покраснела: как она, гувернантка, могла забыть подобным образом?

Бедная, несчастная леди Изабель! Она вспомнила в это утро, как когда-то, много лет назад, ей были выделены три золотых соверена лордом Маунт-Северном, а другой человек щедро оставил бедняжке банкноту в сто фунтов. Тогда он любил только ее, любил, хотя об этом еще не было сказано ни слова. А теперь... и сердце ее пронзила острая боль.

— Вы можете напомнить доктору Мартину, что мальчик сложением пошел в мать, — продолжал м-р Карлайл, и лицо его осветилось на мгновение. — Возможно, это поможет ему при лечении. Он, кстати, сам говорил об этом, когда приезжал лечить его, год или два назад.

— Да, сэр.

Он ушел завтракать, а она бросилась в свою комнату и залилась слезами горя и отчаяния. Как она любила его теперь, как она жаждала его любви! Но теперь им уже никогда не воссоединиться: она для него — хуже, чем пустое место!

Тише, тише, миледи! Разве так несут свой крест смиренные страдальцы?

Глава 9

РУССКИЙ МЕДВЕДЬ В ВЕСТ-ЛИННЕ

М-р Карлайл говорил речь перед избирателями с балкона «Оленьей Головы», старинного, внушительного вида здания, в котором не было отбоя от постояльцев в славные, хотя и давно минувшие, времена почтовых лошадей. На старинном просторном балконе, выкрашенном зеленой краской, было вдоволь места для всех его друзей. М-р Карлайл был прекрасным оратором, слова которого ласкали слух и проникали в самое сердце слушателей. Впрочем, даже если бы он говорил с набитым ртом, заикался и запинаясь на каждом слове, приветственные крики и овации раздавались бы с такой же силой. М-р Карлайл был чрезвычайно популярен в Вест-Линне, даже без речей и возможного членства в парламенте. С таким же редким единодушием сплотился Вест-Линн против сэра Фрэнсиса Ливайсона.

Последний агитировал толпу в гостинице «Черный Ворон», но с куда меньшим блеском, ибо в этом здании балконов не было, и ему пришлось вылезать из окна второго этажа на эркер²⁴ гостиничного холла. «Черный Ворон», хотя и был старой, респектабельной и весьма уютной гостиницей, мог похвастаться лишь оконными переплетами с боковыми навесками, увы, непригодными для произнесения речей перед публикой. Посему он довольствовался описанной выше «трибуной», не вполне удобной из-за своей узости, так что он не смел шевельнуть рукой или ногой без риска свалиться на поднятые головы своих слушателей. М-р Дрейк также спустился с ним на эркер, чтобы поддержать его с одной стороны. В первый день г-н адвокат поддерживал его с другой стороны, но только в первый день, ибо сей почтенный джентльмен, ростом не доходивший даже до плеча м-ру Ливайсону или м-ру Дрейку, обладал такой толщиной, которой его товарищи могли бы достичь, разве что слившись воедино, а затем приумножив объединенную телесную мощь раз в пять. Неудивительно, что у него возникли некоторые сложности с возвращением в гостиницу. В конце концов, друзьям удалось доставить его обратно: м-р Ливайсон тащил его за руку из окна, а м-р Дрейк толкал сзади, в то время как внизу добровольные спасатели готовили лестницу, под хохот многочисленных зевак. После благополучной посадки толстяк вытер пот и поклялся себе никогда более не вылезать из окон, после чего в это рискованное предприятие пускались только сэр Фрэнсис и м-р Дрейк. Кстати, незадачливый адвокат носил фамилию Рубини — искаженную Ройбен, если верить злым языкам.

Итак, Фрэнсис Ливайсон всю орасторствовал (оратор из него, кстати сказать, был никудышный) перед смеющейся, свистящей, стонущей и аплодирующей толпой, которая запрудила всю улицу. На что не приходилось жаловаться сэру Фрэнсису — так это на недостаток публики, ибо Вест-Линн поставлял ее в изобилии: считанные единицы встречали его приветственными криками, а подавляющее большинство — насмешками и свистом. В описываемый нами день толпа была необыкновенно густой, ибо м-р Карлайл как раз закончил свою речь в «Оленьей Голове», и его слушатели спешно влились в ряды тех, кто слушал его противника.

Но вдруг толпу местных жителей, всю толкавших локтями и наступавших друг другу на ноги, рассеяло внезапно подкатившее ландо. Лошади были украшены красными и фиолетовыми розетками. В ландо сидела весьма красивая дама. Стоит ли объяснять проницательному читателю, что это была миссис Карлайл. Впрочем, не так-то легко было пробиться через это многолюдье: ландо двигалось со скоростью улитки, а иногда и совсем останавливалось. Сэр Фрэнсис Ливайсон также прервал свою речь, чтобы дать толпе успокоиться. Он не поклонился Барбаре, ибо помнил, чем закончилась для него встреча с мисс Карлайл, а купание в пруду начисто вымыло из него всю наглость. Он стоял неподвижно, не глядя ни на Барбару, ни на кого-либо вообще; он просто ждал, пока стихнет шум.

Барбара взглянула на него из-под своего изящного кружевного зонтика. В этот самый момент он поднял правую руку, слегка откинул голову назад и убрал волосы со лба. Его рука, не скрытая

²⁴ окно с выступом

перчаткой, была белой и изящной, словно у дамы; роскошный перстень с бриллиантом сверкнул на солнце. Щеки Барбары из нежно-розовых сделались темно-малиновыми, и лоб ее наморщился, словно она вспомнила нечто, причинившее ей жестокую боль.

— Именно это движение описывал Ричард! И он всегда делал так, когда гостил в Ист-Линне! Я сердцем чувствую, что этот человек и есть тот самый Торн: Ричард, вероятно, заблуждался, полагая, что знает сэра Фрэнсиса Ливайсона.

Говоря это, Барбара уронила руки на колени; она не замечала ни толпу, ни кандидата в парламентарии, целиком поглощенная своими мыслями. По меньшей мере человек сто почтительно поздоровались с ней; она отвечала почти машинально. Стали раздаваться крики: «Да здравствует Карлайл!», «Даешь Карлайла!» Барбара в знак признательности слегка склонила свою хорошенькую головку, и коляска снова двинулась сквозь расступающуюся толпу.

Так уж случилось, что в этой давке оказались прижатými друг к другу м-р Дилл, решивший разок послушать речь противника м-ра Карлайла, и м-р Эйбнезер Джеймс, который за последние двенадцать лет сменил множество занятий, не преуспев ни в одном; как говорится: «Кому на месте не сидится, тот добра не наживет». Сначала он служил клерком у м-ра Карлайла, затем соблазнился местом в «Королевском театре» в Линборо, потом сделался коммивояжером, продававшим краски, затем священником, пастырем какой-то секты, после чего успел побывать кучером омнибуса, сборщиком платы за воду, а теперь снова сделался клерком, на этот раз — не у м-ра Карлайла, а у «Болла и Тредмэна». М-р Эйбнезер был веселым, добродушным бездельником; более его ни в чем нельзя было упрекнуть, если не считать того, что он часто хаживал с продранными локтями и без гроша в кармане. Отец его был уважаемым человеком, состоятельным торговцем, но он женился вторично, у него была другая семья, и старшему сыну не удалось получить отцовских денег, хотя родительского гнева на него было излито предостаточно.

— Как обстоят Ваши дела, Эйбнезер? — воскликнул м-р Дилл вместо приветствия.

— Ни шатко, ни валко.

— Я видел, как Вы вчера завернули в дом Вашего отца.

— Откуда вскоре вымелся на улицу. В этом доме если что и обламывается мне — так только пинки. Однако, тише, старина: мы мешаем изливаться красноречию господина оратора.

Разумеется, это было сказано о сэре Фрэнсисе Ливайсоне, после чего оба превратились в слушателей: м-р Дилл — серьезного и внимательного, а м-р Эйбнезер — весело ухмылявшегося. Однако вскоре их оттеснили к самому краю толпы, откуда выступавшего еще можно было услышать, но уж никак не увидеть. Зато теперь они могли хорошо разглядеть улицу, по которой двигалось нечто, весьма походившее на русского бурого медведя, идущего на задних лапах.

— Черт меня возьми, — наконец вымолвил м-р Эйбнезер Джеймс, когда прошел первый испуг, — если это не Бетел!

— Бетел? — повторил м-р Дилл, в изумлении глядя на приближающуюся фигуру. — Что он сделал с собой, скажите на милость?

Это и в самом деле был м-р Отуэй Бетел, в своем дорожном костюме, только что приехавший из-за границы. Костюм его заслуживает особого описания: это было нечто косматое и сплошь увешанное хвостами. Голову пришельца венчала такая же лохматая шапка, а роскошная растительность на лице, казалось, обеспечила бы судью Хэйра материалом для его париков на всю жизнь. Выглядел он престранно, и м-р Дилл даже немного попятился назад, когда тот приблизился, словно опасаясь, что это и в самом деле был дикий зверь, который мог укусить его.

— Как Вас зовут? — воскликнул он.

— Раньше меня звали Бетел, — ответил дикарь, протягивая руку м-ру Диллу. — Привет, Джеймс. Ты еще коптишь небо!

— И надеюсь покоптить еще некоторое время, — ответил м-р Джеймс. — Откуда ты в последний раз подавал о себе известия? С Северного полюса?

— Нет, это было немного поближе. Что тут у вас творится?

— Когда Вы приехали, м-р Отуэй? — осведомился м-р Дилл.

— Только что, четырехчасовым поездом. Так что здесь происходит?

— Ничего особенного: всего-навсего выборы, — отвечивал м-р Эйбнезер. — Этли сыграл в ящик, знаете ли.

— Я спрашиваю не о выборах, я уже слышал о них на станции, — нетерпеливо ответил Отуэй Бетел. — Что это такое, я вас спрашиваю? — и он показал на толпу.

— Это один из кандидатов впустую тратит слова и насилует свои легкие.

— Я имею в виду, — повторил Отуэй Бетел, — как могло случиться так, что именно он противостоит Карлайлу?

— Позор! — взволнованно ответил старый джентльмен. — Но он получит по заслугам, м-р Отуэй, можно сказать — уже начал получать. Вчера его искупали в заросшем пруду судьи Хэйра.

— И он представлял из себя весьма жалкое зрелище, когда тащился по улицам, — добавил м-р Эйбнезер, хотя м-р Бетел и без того уже вовсю хохотал. — В «Черном Вороне» его завернули в нагретые одеяла и влили в него целую пинту горячего брэнди. Сегодня он выглядит недурно.

— Есть ли у него шансы выиграть?

— Ну как же! Выиграть у Карлайла! У него нет ни малейшего шанса, а в правительстве — если это они выставили его — сидят самые настоящие дураки, не знающие, какое влияние здесь имеет Карлайл. А что, Бетел, там, откуда Вы вернулись, в моде подобные костюмы?

— При сильных холодах и скудных средствах. Теперь я продам его Вам, Джеймс, за полцены. Давайте-ка посмотрим на этого Ливайсона. Я еще никогда не видел этого парня.

В это время толпа снова расступилась, пропуская железнодорожный фургон с багажом, и нашим героям удалось пробиться вперед, воспользовавшись замешательством прочих слушателей, и расположиться неподалеку от сэра Фрэнсиса. Отуэй Бетел стал с явным изумлением всматриваться в его лицо.

— Послушайте, а этот что здесь делает? Как он тут оказался?

— Кто?

Он показал пальцем:

— Вот этот, с белым платком в руке.

— Нет! — вырвалось у Бетел, причем сказал он это таким тоном, будто только что узнал самую невероятную новость в своей жизни. — Клянусь Иовом! Он — сэр Фрэнсис Ливайсон?!

В этот момент глаза их встретились. Отуэй Бетел приветственно приподнял свой лохматый головной убор; на лице сэра Фрэнсиса отразился явный испуг. Однако он лишь на мгновение утратил присутствие духа. Еще миг — и он вставил в глаз монокль, после чего смерил м-ра Бетела тяжелым, высокомерным взглядом, словно говорящим: «Да кто ты такой, парень, чтобы позволять себе такие вольности?» Правда, губы и щеки его при этом побелели, словно мрамор.

— Вы встречались с Ливайсоном, мистер Отуэй? — поинтересовался старый Дилл.

— Однажды, и очень ненадолго.

— Когда он представился не Ливайсоном, а кем-то еще, — рассмеялся м-р Эйбнезер Джеймс. — Не так ли, Бетел?

Бетел с упреком взглянул на м-ра Эйбнезера, в тот самый момент, когда баронет воззрился на него.

— Что Вы имеете в виду, скажите на милость?

— Это не Ваше дело.

Он кивнул на прощание старому Диллу, повернулся и исчез в толпе, не обращая более ни малейшего внимания на Джеймса.

— Что означает сия сцена? — осведомился старый джентльмен у м-ра Джеймса.

— Ничего... ничего особенного, — рассмеялся тот. — Просто он, — последовал кивок в сторону сэра Фрэнсиса, — не всегда был такой важной персоной, как сейчас.

— Вот как!

— Я держал язык за зубами, поскольку это не мое дело, но Вас-то я могу посвятить в него. Поверите ли Вы, что этот важный баронет много лет назад частенько тайком крался по Аббатскому лесу, поскольку ухлестывал за Эфи Хэллиджон? Он тогда называл себя другим именем.

М-р Дилл чувствовал себя так, словно в мозг ему вонзилась по меньшей мере сотня острых иголок, поскольку ему мгновенно вспомнились все волнения и хлопоты, связанные с делом Ричарда Хэйра и некоего Торна. Он возбужденно схватил собеседника за руку.

— Эйбнезер Джеймс, как он называл себя?

— Торн. Он в те поры был таким же щеголем, как и сейчас. Бывало, несется галопом по свейнсонской дороге на закате, а, приехав, привяжет коня в лесу и уединится с мисс Эфи.

— Откуда Вы это знаете?

— Потому что я видел это по меньшей мере дюжину раз. Я тогда сам вздыхал по Эфи и частенько хаживал к ним по вечерам. Если бы не он, да еще не этот убийца Дик Хэйр, Эфи куда благосклоннее внимала бы моим речам. Не то чтобы ей нравился Дик, но, они видите ли, джентльмены. Теперь-то я благодарен судьбе, что она не досталась мне. С такой женой вся моя жизнь была бы сплошным бедствием, а сейчас мне хоть иногда выпадают передышки.

— Вы знали тогда, что это был Фрэнсис Ливайсон?

— Увы, не знал. Говорю Вам: он называл себя Торном. Когда он явился сюда, чтобы предложить свою кандидатуру, я так же остолбенел, как Бетел минуту назад. «Хо-хо, — сказал я себе, — так значит, Торна больше нет, и на свет появился Ливайсон».

— А что у него общего с Отуэем Бетелом?

— Ничего, насколько мне известно. Если не считать, того, что Бетел тоже любил гулять по лесу — впрочем, в поисках совсем иной дичи — и частенько видел Торна. Вы же видели, что он его узнал.

— Торн-Ливайсон, я имею в виду — не особенно обрадовался тому, что его узнали, — сказал м-р Дилл.

— А кто был бы этому рад на его месте? — рассмеялся Эйбнезер Джеймс. — Даже я, будучи небогатым человеком, не люблю напоминаний о некоторых своих прошлых безумствах, а каково будет Ливайсону, если всплывет наружу тот факт, что он когда-то называл себя Торном и волочился за мисс Эфи Хэллиджон?

— Но зачем он назывался Торном? К чему скрывать свое собственное имя.

— Не знаю, право же. Так он все-таки Ливайсон или же Торн?

— Это полнейшая бессмыслица, мистер Эйбнезер!

М-р Дилл, которого буквально распирало это странное известие, попытался протиснуться сквозь толпу, чтобы сообщить об этом м-ру Карлайлу. Однако толпа оказалась слишком плотной для его скромных сил, и ему пришлось, набравшись терпения, ждать возможности выбраться из нее. Когда таковая представилась, он незамедлительно отправился в контору и вошел в личную комнату м-ра Карлайла, который в этот момент сидел за столом и подписывал письма.

— Что с Вами, Дилл? Вы буквально задыхаетесь!

— Очень даже может быть! М-р Арчибальд, я только что услышал нечто необыкновенное. Я выяснил кое-что о Торне. Как Вы думаете, кто он такой?

М-р Карлайл положил ручку и пристально взглянул в лицо почтенного джентльмена, которого он еще никогда не видел столь взволнованным.

— Это не кто иной, как Ливайсон.

— Я не понимаю Вас, — сказал м-р Карлайл так, словно м-р Дилл сообщил ему это известие на древнееврейском языке.

— Именно так: Ливайсон, Ваш сегодняшний оппонент и есть тот самый Торн который ухаживал за Эфи Хэллиджон. Это истинная правда, м-р Арчибальд.

— Этого не может быть! — медленно проговорил м-р Карлайл, в голове которого одна мысль сменяла другую с калейдоскопической скоростью. — Где Вы это услышали?

И м-р Дилл рассказал ему обо всем: о том, как Бетел узнал Фрэнсиса Ливайсона, смертельно побелевшего от страха, ибо он тоже заметил Бетела, о том, наконец, что поведал ему м-р Эйбнезер.

— Бетел неоднократно в разговорах со мной отрицал тот факт, что он знал Торна или же хотя бы подозревал о существовании такого человека, — заметил м-р Карлайл.

— Должно быть, у него имелись на это причины, — ответил м-р Дилл. — Сегодня они узнали друг друга. Ливайсон точно узнал его, хотя он не подал и вида, притворившись, будто не знаком с ним.

— И Бетел узнал его именно как Торна, а не Ливайсона?

— Несомненно. Он не упоминал имя Торна, но просто остолбенел от изумления, когда узнал, что это Ливайсон. Не будь я человеком, который доверяет глазам своим, если у них нет какой-то обшей тайны.

— Миссис Хэйр считает, что Бетел имел какое-то отношение к убийству, — понизив голос, сказал м-р Карлайл.

— Если дело в этом, можете не сомневаться, что все так и было. М-р Арчибальд, по-моему, пришло время восстановить доброе имя Ричарда Хэйра. Сейчас или никогда.

— Да. Но как к этому подступиться? — ответил м-р Карлайл.

Тем временем Барбара ехала домой в коляске, так же, если не более лихорадочно размышляя, как и м-р Карлайл. По тому, как она легко и поспешно соскочила на землю, лишь только ландо остановилось, не заметив услужливо протянутой руки лакея, по ее плотно сжатым губам и отсутствующему выражению лица было видно, что в голове ее созрел план действий. В холле ее встретили Уильям и мадам Вин.

— Мы были у доктора Мартина, миссис Карлайл.

— И он говорит, мама...

— У меня сейчас нет времени, Уильям. Я переговорю с Вами позже, мадам.

Она взбежала по ступенькам и направилась в свою туалетную комнату, провожаемая укоризненным взглядом мадам Вин.

«Что ей за дело? — подумала последняя. — Это же не ее ребенок!»

Бросив зонтик в одно кресло, а перчатки — в другое, Барбара села за письменный стол.

— Я напишу ему, вызову его сюда, хотя бы на один час! — взволнованно воскликнула она. — Тогда все разъяснится, наконец. Я уверена, что это он. То же самое движение, что описал Ричард! И бриллиантовый перстень! К добру ли, к худу ли, но я пошлю за ним, и, если Бог с нами, ничего дурного не случится.

Она быстрым почерком набросала письмо, закончив его почти моментально, и встала, чтобы потребовать коляску: Барбара, никому не доверяя, кроме самой себя, хотела лично отвезти письмо на почту.

*Дорогой м-р Смит,
приезжайте как можно скорее. Возникли некоторые обстоятельства,
требующие Вашего присутствия. Будьте здесь к субботе. Ждите на
том же месте, возле аллеи, когда наступят сумерки.
Искренне Ваша,
«Б»*

На конверте она также написала имя «м-ра Смита» и название улицы, которое сообщил ей Ричард. Она, как вы, должно быть, заметили, была настолько осторожной, что обратилась к нему как к «м-ру Смит» даже в самом письме.

— Минутку, — сказала она самой себе, уже складывая письмо, — надо вложить пятифунтовую банкноту на тот случай, если у него не хватит денег для поездки. А у меня, должно быть, сейчас нет таких денег.

Она поискала в своем секретере и не обнаружила ни единой банкноты такого достоинства. Барбара выбежала из комнаты и спросила Джойс, которую встретила в коридоре.

— У Вас не найдется банкноты в пять фунтов, Джойс?

— Нет, мэм.

— Пожалуй, можно спросить у мадам Вин. На прошлой неделе я заплатила ей жалование, и там были две пятифунтовых банкноты.

С этими словами она удалилась в серую гостиную.

— Не одолжите ли Вы мне пять фунтов одной банкнотой, мадам Вин? Мне надо передать деньги в письме, а у меня, как выяснилось, сейчас нет таких купюр.

Мадам Вин пошла за деньгами, а Барбара осталась ждать ее. Вот тут она и спросила Уильяма о результатах осмотра у доктора Мартина.

— Он послушал мне грудь... забыл, как это называется, и сказал, что я должен быть мужественным мальчиком и регулярно пить рыбий жир. А также портвейн и все, что идет мне на пользу. А еще он сказал, что в следующую среду, после обеда, будет в Вест-Линне и посмотрит меня еще раз, если я приеду в город.

— Где Вы должны встретиться?

— Он сказал, или в конторе у папы, или у тетушки Корнелии — как нам будет удобнее. Мадам Вин условилась встретиться в конторе у папы, так как думала, что папа захочет увидаться с доктором Мартином. Мама!

— Что? — спросила Барбара.

— Мадам Вин все время плачет после встречи с доктором. С чего бы это?

— Не знаю, право. Плачет?

— Да, но она вытирает глаза под очками и думает, что я ничего не вижу. Я знаю, что очень болен, но к чему ей плакать из-за этого?

— Чепуха, Уильям! Кто сказал тебе, что ты серьезно болен?

— Никто. Я сам так думаю, — задумчиво добавил он. — Если бы плакали Джойс или Люси, это было бы понятнее, потому что они знают меня всю жизнь.

— Ты вечно что-то выдумываешь! Вряд ли мадам станет плакать из-за того, что ты болен.

В этот момент в комнату вошла мадам Вин с деньгами; Барбара поблагодарила ее, забежала к себе наверх и еще через минуту-другую уже была в экипаже.

Когда джентльмены пришли обедать, она уже вернулась домой. М-р Карлайл поднялся к ней. Барбара, как все люди, сделавшие что-либо без размышлений и после этого имевшие достаточно времени, чтобы остыть и успокоиться, уже начала подумывать, не слишком ли опрометчиво поступила, отослав за Ричардом. Она обратилась со своими сомнениями к мужу, неизменному источнику утешения и поддержки.

— Арчибалд, боюсь, что я сделала глупость.

Он рассмеялся.

— Боюсь, все мы порой делаем глупости, Барбара. Какую именно ты имеешь в виду?

Он уселся в одно из любимых кресел Барбары; она стояла перед ним, склонив голову ему на плечо так, чтобы он не мог видеть ее лицо. Так ей было легче произнести то, что она собиралась сообщить ему.

— Эта мысль преследует меня долгие годы, и мне не хотелось говорить тебе об этом.

— Долгие годы?

— Помнишь ту ночь, когда Ричард переодетым приходил в Гроув. Он тогда...

— Какую ночь, Барбара? Он приходил несколько раз.

— Ту ночь... когда леди Изабель покинула Ист-Линн, — ответила она, не зная, как еще помочь ему вспомнить. Она ласково вложила свою ладонь в его и продолжала. — Ричард тогда вернулся еще раз, уже после того, как простился с нами, и сказал, что видел Торна, шедшего по Бин-Лейн. Он описал характерное движение, которым тот откидывал волосы со лба; у Торна была белая рука и перстень с бриллиантом, блестевшем в лунном свете. Ты помнишь?

— Да.

— Это движение тогда показалось мне знакомым, так как я часто видела его у одного человека, жившего в то время в Ист-Линне. Меня еще удивило то, что тебе этот жест ничего не говорит. С той самой ночи лично у меня не было никаких сомнений относительно личности Торна. Я всегда считала, что он и капитан Ливайсон — одно и то же лицо.

— Почему ты не сказала мне об этом, Барбара.

— Ну как же я могла говорить с тобой об этом человеке... в то время? Впоследствии, когда Ричард побывал здесь — в снегопад, помнишь? — он заявил, что знаком с сэром Фрэнсисом Ливайсоном и видел его вместе с Торном. Это и сбilo меня со следа. Однако сегодня, когда я проезжала мимо «Черного Ворона» в экипаже чрезвычайно медленно, поскольку перед гостиницей собралась толпа, я увидела, как он сверху что-то вещает людям, и я увидела тот же самый жест, так хорошо мне знакомый.

Она замолчала на мгновение; м-р Карлайл не перебивал ее.

— Я убеждена, что это именно он, а Ричард заблуждается, говоря, что знает Фрэнсиса Ливайсона; причины этого заблуждения для меня непонятны. Кроме того, кому же еще было идти в вечернем костюме по Бин-Лейн в ту ночь? Она не выходит к чьим-то домам, но всякий, кто не желает идти по большаку, мог попасть на нее и пройти к Вест-Линну. Известно, что он встретил экипаж, ехавший от миссис Джефферсон, и вернул его в Ист-Линн. Вероятно, он пешком вернулся в Вест-Линн, чтобы заказать почтовый дилижанс, что впоследствии подтвердилось, и, естественно,

он пошел по Бин-Лейн. Прости, Арчибальд, что я напоминаю тебе о тех событиях, но я твердо уверена, что Ливайсон и Торн — одно и то же лицо.

— А я это знаю, — спокойно ответил он.

Барбара так удивилась, что даже немного отстранилась от него, чтобы получше видеть его лицо, в этот момент исполненное сурового достоинства.

— О, Арчибальд! Ты и тогда знал?

— Нет, мне стало известно об этом только сегодня пополудни. Раньше я ничего не подозревал.

— Я не была в этом уверена.

— Теперь я и сам не уверен. Дилл, Эйбнезер Джеймс и Отуэй Бетел, сегодня вернувшись домой, слушали его речь, когда Бетел вдруг узнал его. Но не как Ливайсона: он был бесконечно изумлен, когда услышал эту фамилию. Говорят, Ливайсон был настолько испуган, что даже побледнел. Бетел удалился, ничего не объяснив, но Джеймс рассказал Диллу, что Ливайсон-то и был тем самым Торном, который волочился за Эфи Хэллиджон.

— А ему это откуда известно? — чуть дыша спросила Барбара.

— Он и сам ухаживал за Эфи, а посему часто видел Торна в лесу. Барбара, теперь я уверен, что это Ливайсон убил Хэллиджона, но мне хочется выяснить, какое отношение имеет к этому Бетел.

Барбара всплеснула руками.

— Как все это странно, — взволнованно воскликнула она. — Вчера мама сказала мне, что скоро наступит разгадка этого убийства. Она видела кошмарный сон, в котором были и Ричард, и Бетел, и кто-то еще, кого она узнала во сне, но, проснувшись, не смогла вспомнить. Она очень плохо себя чувствует, так как слишком сильно верит в эти сны, будь они неладны.

— Судя по твоей горячности, и ты поверила в них.

— Нет-нет, ты же знаешь. Однако, сознайся: это странно, что всегда подобный сон предшествует каким-то реальным событиям, касающимся убийства. В другое время мама не видит таких снов. Кстати, Бетел говорил тебе, что не знает Торна.

— Да, это так.

— А теперь выясняется, что они знакомы; и он неизменно присутствует в маминых снах, более того — является, пожалуй, главным действующим лицом. Однако я же еще не сказала тебе о том, что послала за Ричардом.

— Вот как?

— Я была уверена, что Ливайсон — и есть тот самый Торн, но, не зная, что его узнал кто-то еще, и поддавшись первому порыву, я написала ему письмо, в котором прошу его появиться здесь в субботу. Письмо, кстати, уже отправлено.

— Ну что же, нам придется его хорошенько спрятать.

— Арчибальд, милый, что же можно сделать, чтобы оправдать его? — спросила она, и слезы навернулись ей на глаза.

— Я ничего не могу предпринять против Ливайсона.

— Даже ради Ричарда?

Она встретила его открытый, честный взгляд.

— Как ты это себе представляешь, любимая?

Слезы обиды покатались по ее щекам.

— Подумай сама, Барбара. Это будет выглядеть как личная месть.

— Прости меня, — тихо прошептала она. — Ты, прав, как всегда. Я об этом не подумала. Но что же тогда делать?

— В этом деле есть весьма значительные трудности, — задумчиво сказал м-р Карлайл. — Давай подождем появления Ричарда.

— Кстати, не найдется ли у тебя пятифунтовой банкноты в кармане, Арчибальд. У меня не было такой купюры, и я одолжила ее у мадам Вин.

Он достал бумажник и дал ей деньги.

Глава 10

ДИТЯ И СМЕРТЬ

Мы продолжим наше повествование в серой гостиной, где апрельским вечером, уже почти перешедшим в ночь, сидели Уильям Карлайл и леди Изабель. День выдался теплым, но по вечерам все еще было прохладно, и поэтому в камине горел огонь. Впрочем, пламени уже не было, поленья едва тлели, но мадам Вин не замечала этого. Уильям лежал на диване, а она сидела рядом и неотрывно глядела на него. Изабель сняла очки, и без того уже мокрые от слез, так как не опасалась разоблачения со стороны детей. Он лежал, закрыв глаза, утомленный поездкой в Линборо и обратно. Она полагала, что он спит, но вскоре мальчик открыл глаза и спросил:

— Когда я умру?

Эти слова захватили ее врасплох, и она пришла в полное смятение.

— О чем ты говоришь, Уильям? Кто говорил о том, что ты умираешь?

— Ну, я-то знаю. Вон сколько шума поднялось из-за меня. Вы слышали, что тогда сказала Ханна?

— Что? Когда?

— Когда она внесла чай, а я лежал на коврик. Я не спал, хотя Вы этого и не знали. Вы еще сказали, что ей следует быть осторожнее: а вдруг я не сплю.

— Я что-то плохо помню это, — сказала леди Изабель, сама не зная, что ответить, как сгладить то впечатление, которое произвели на него эти слова, если он их в самом деле слышал.

— Ханна иногда говорит такие глупости!

— Она говорила, что я одной ногой стою в могиле.

— Вот как? Ну кто же станет слушать Ханну? Она просто глупая девушка. Скоро, когда наступят теплые дни, мы поставим тебя на ноги.

— Мадам Вин...

— Что, мой милый?

— Право, не стоит обманывать меня. Думаете, я не вижу этого? Я не ребенок. Этот номер прошел бы с Арчибальдом, но не со мной. Так чем я болен?

— Ничем. Просто ты слабенький. Вот окрепнешь — и будешь здоров, как прежде.

Уильям недоверчиво покачал головой. Он явно относился к тем детям, от которых почти невозможно скрыть факты: смысленным, внимательным и развитым не по годам. Даже если бы никто не проговорился о его болезни, он все равно догадался бы обо всем по той заботе, которой его окружили; впрочем, и слов тоже было произнесено немало: намеков, которые заставили его что-то заподозрить, прямых утверждений вроде того, что позволила себе Ханна, которые еще более укрепили эти подозрения. Одним словом, в сердце своем он так же хорошо знал о скором приходе смерти, как и сама незваная гостья, собиравшаяся навестить его.

— Но если у меня нет ничего серьезного, почему же доктор Мартин сегодня не стал говорить с Вами при мне? Зачем он отослал меня в другую комнату? Ах, мадам Вин: я не глупее Вас!

— Ты маленький мудрый мальчик, который все-таки иногда ошибается, — вырвалось из самой глубины ее исстрадавшегося сердца.

— Смерть вовсе не страшна, когда Господь любит нас. Так говорит лорд Вейн. У него умер младший братишка.

— Очень слабенький ребенок, который был явно не жилец; бледный и все время болевший с самого рождения, — сказала леди Изабель.

— Как? Вы знали его?

— Я... я слышала об этом, — исправилась она, заметив, что снова невольно проговорила.

— Но Вы не знаете наверняка, что я умру?

— Нет.

— Тогда почему же Вы так печальны с того самого времени, как мы уехали от доктора Мартина? И к чему вообще Вам печалиться обо мне? Я не Ваш ребенок.

Эти слова сломили ее. Она встала на колени возле дивана и разрыдалась.

— Ну вот, видите? — воскликнул Уильям.

— Ах, Уильям, у меня... когда-то был свой собственный сын, и поэтому, глядя на тебя, я вспоминаю его и плачу.

— Я знаю. Вы уже рассказывали нам: его тоже звали Уильямом.

Она склонилась над ним так, что ее дыхание смешалось с его, и взяла маленькую руку Уильяма в свою ладонь.

— Знаешь ли ты, Уильям, что Господь первыми забирает тех, кого любит? Если бы тебе суждено было умереть, ты бы отправился прямо в рай, оставив далеко позади все печали и заботы этой жизни. Для многих из нас было бы лучше умереть младенцами.

— И для Вас тоже?

— Да, — тихо сказала она. — Иногда я думаю, что не в силах выдержать все это.

— Так дело не только в Вашем прошлом? Что-то и сейчас печалит Вас?

— Эта печаль всегда со мной. Она не покинет меня до самой смерти. Если бы я умерла ребенком, мне удалось бы избежать этой участи. Ах, весь мир полон печали!

— О какой печали Вы говорите?

— Боль, болезни, заботы, неприятности, грехи, раскаяние, усталость, — запричитала она. — Не перечислить и половины тех бедствий, которые ждут нас в этом мире. Скажи, Уильям, когда очень-очень устанешь, разве не кажется роскошью, самым настоящим счастьем — лечь вечером в свою кровать, ожидая, когда к тебе придет сон?

— Да. А я часто чувствую себя очень усталым.

— Вот: так же и те, кто устал от жизни с ее трудностями жаждут могилы, в которой наконец смогут отдохнуть. Мы жаждем ее, Уильям, мы стремимся к ней, почти молимся о ней, но тебе этого не понять.

— Но мы-то не лежим после смерти в могиле, мадам Вин.

— Нет-нет, дитя мое. Там лежат наши тела, чтобы снова подняться, когда наступит конец света. Мы отправляемся в благословенное место отдыха, куда нет доступа боли и скорби. Я бы хотела... я бы хотела, — добавила она с бешено бьющимся сердцем, — чтобы мы там были вместе!

— Кто сказал, что этот мир — такое печальное место, мадам Вин? По мне — так он просто чудесен, особенно когда в теплый день ярко светит солнце и появляются бабочки. Видели бы вы Вест-Линн в летнее утро, когда носишься вверх и вниз по парку, а деревья качаются над головой на фоне голубого неба, а розы уже распускаются вовсю, как и прочие цветы! Тогда бы Вы не называли этот мир грустным местом!

— Приятный мир, который, возможно, грустно покидать, если ты не устал от боли и тревог. Но что такое этот мир, даже в самые прекрасные мгновения, по сравнению с иным миром, с раем? Некоторые люди, я слышала, боятся смерти, боятся, что не попадут на небо; но если Господь забирает маленького ребенка, он это делает потому, что любит его. А там, как говорит миссис Барболд, «даже розы шипов не имеют, места терниям нет среди цветов».

— Я видел эти цветы, — перебил ее, взволнованно привстав, Уильям. — Они раз в десять ярче наших цветов!

— Ты видел райские цветы? — переспросила она.

— На картинке. Мы ездили в Линборо и смотрели картины Мартина о Страшном суде. Я имею в виду не доктора Мартина, — добавил Уильям.

— Я знаю.

— Там были три большие картины. Одна называлась «Райские долины» — она мне больше всего понравилась, как и всем остальным. О, если бы Вы были там! Вам приходилось видеть их, мадам Вин?

— Нет. Я слышала о них.

— Знаете: там была река, и лодки, похожие на красивые гондолы, перевозившие души тех, кому даровано спасение, на райские берега. Это были туманные фигуры в белых одеяниях, мириады и мириады, летящие от Господа в священный город — целые облака. Цветы росли на берегах реки — розовые, синие, фиолетовые — всякие, и такие яркие и красивые, куда красивее наших цветов!

— Кто возил вас туда?

— Папа. Он взял меня и Люси. Еще с нами поехала миссис Хэйр и Барбара — тогда она еще не была нашей мамой. И знаете, мадам, — сказал он, понизив голос, — что Люси спросила у папы?

— Что же?

— Она спросила, есть ли мама в этом сонме белых фигур, попала ли она в рай. Она говорила о нашей маме, леди Изабель. Мы как раз стояли прямо перед картиной, и множество людей слышало ее слова.

Леди Изабель уронила голову на руки.

— И что же ответил ваш папа? — чуть слышно спросила она.

— Не знаю. Кажется, ничего: он разговаривал с Барбарой. Но Люси сказала такую глупость! Ведь Уилсон постоянно твердила ей, что она не должна говорить о леди Изабель при папе. И мисс Мэннинг ей говорила. Когда мы приехали домой и Уилсон обо всем узнала, она сказала, что Люси заслуживает хорошей трепки за это.

— А почему при нем нельзя говорить о леди Изабель?

Как только этот вопрос сорвался с ее губ, она тут же пожалела, что задала его.

— Я скажу Вам, — шепотом ответил Уильям. — Она убежала от папы. Люси несет какую-то чушь о том, что маму похитили, но она ничего не понимает. А я вот понимаю, хотя все они, должно быть, и меня считают дурачком.

— Возможно, когда-то она и будет среди тех, кто спасся, и ты вместе с ней, Уильям.

Он откинулся на диван с усталым вздохом и замолчал. Леди Изабель также задумалась, прикрыв лицо ладонью. Впрочем, скоро ее вывели из задумчивости громкие рыдания Уильяма.

— О, я не хочу умирать! Не хочу! Почему я должен умереть и оставить папу и Люси?

Она склонилась над ним, обняла его, и слезы леди Изабель смешались с его слезами. Она принялась шептать ему ласковые слова утешения, в то время как он рыдал у нее на груди, и скоро мальчик успокоился.

— Чу! Кто это? — воскликнул Уильям.

В холле раздались веселые голоса и смех. М-р Карлайл, лорд Маунт-Северн и его сын выходили из столовой. В этот вечер они должны были присутствовать на заседании комитета в Вест-Линне, куда и собирались отправиться. Когда дверь закрылась за ними, Барбара направилась в серую гостиную. Мадам Вин вскочила на ноги, поспешно надела очки и чинно уселась в кресло.

— Вы сидите в темноте? И огонь скоро совсем погаснет! — воскликнула Барбара, Она поворошила поленья, и огонь снова заплясал в камине. — А кто это здесь лежит на диване? Уильям, ты уже должен быть в постели.

— Ну еще чуть-чуть, мама. Я не хочу ложиться.

— Но тебе уже давно пора спать, — ответила она и позвонила. — Ты не окрепнешь, если будешь просиживать ночи напролет.

Когда Уильям удалился, она повернулась к мадам Вин и спросила о результатах осмотра у доктора Мартина.

— Он заявил, что легкие, несомненно, поражены болезнью, однако, подобно всем врачам, не сказал, насколько это опасно, хотя мне показалось, что у него составилось вполне определенное мнение.

Миссис Карлайл взглянула на нее. Отблески огня играли на ее лице, особенно на очках, которые поблескивали из темноты — ибо она, как всегда, села в самом темном месте.

— Доктор Мартин еще раз осмотрит его на следующей неделе, когда будет в Вест-Линне. Однако по его голосу, по тому, как уклончиво он отвечает на вопросы, чувствуется, что он готов к самому худшему, хотя и не произносит этого вслух.

— Я сама отвезу Уильяма в Вест-Линн, — сказала Барбара. — Мне-то он, конечно, скажет. Кстати: я пришла, чтобы вернуть долг, — добавила она, протягивая пятифунтовую банкноту леди Изабель и прекращая тем самым разговор о больном ребенке. И, раз уж мы заговорили о деньгах, — продолжала Барбара, уже гораздо веселее, — позвольте заметить, что мы оба — я и мистер Карлайл — решительно против того, чтобы Вы делали подарки детям. Я прикинула, во что Вам обошлись игрушки и вещи, которые Вы купили для них, и полагаю, что это составило значительную часть полученного Вами жалованья. Бога ради, не делайте этого более, мадам Вин.

— Мне больше не на кого тратить деньги; к тому же, я люблю их, — ответила мадам, немного резко, словно ей не понравилось, что кто-то вмешивается в ее отношения с детьми.

— Но ведь Вы можете их тратить на себя. Даже если у Вас весьма незначительные расходы, все равно, я полагаю, у Вас есть некий резервный фонд, в который Вы кладете деньги. Будьте любезны правильно понять мой намек, мадам; в противном случае мне придется прибегнуть к более строгому запрету. Вы очень добры, но мы должны позаботиться о Вас, если Вы сами не хотите этого сделать.

— Я буду меньше тратиться на них, — прошептала в ответ мадам Вин. Я должна время от времени дарить им маленькие знаки моей любви к ним.

— Бога ради: «маленькие знаки» время от времени, но не дорогие игрушки, которые Вы приобретали. Вы были знакомы с сэром Фрэнсисом Ливайсоном? — резко сменила тему миссис Карлайл.

Леди Изабель внутренне содрогнулась, ее пронзила боль раскаяния; щеки несчастной запылали.

— Нет.

— А я по Вашей вчерашней реакции во время разговора о нем вообразила, будто вы знакомы, или же были знакомы ранее. Впрочем, нелестно признаваться в знакомстве с таким человеком. Так Вы его не знаете?

— Нет, — так же тихо ответила Изабель.

— Вы верите в рок, мадам Вин?

— Да, верю, — на этот раз твердо ответила ее собеседница.

— А я — нет.

Однако уже то, что Барбара задала этот вопрос, свидетельствовало о ее сомнениях.

— Нет, не верю, — упрямо продолжала Барбара, садясь на диван, который недавно покинул Уильям, и оказавшись, таким образом, довольно близко от мадам Вин. — Вам известно, что именно Фрэнсис Ливайсон навлек несчастье на этот дом?

— Несчастье... — начала, запинаясь, мадам Вин.

— Да, это был он, — продолжала Барбара, решив, что гувернантка, судя по ее нерешительному ответу, не знает ничего или почти ничего, о тех событиях. — Это он увез леди Изабель из ее дома, хотя кто знает: может быть, она столь же сильно жаждала уехать, как он — забрать ее.

— О нет, нет! — вырвалось у мадам Вин, — по крайней мере, ...я имею в виду... я полагаю, что это было не так.

— Теперь мы этого никогда не узнаем. Да и какое это имеет значение? Одно мы знаем точно: она уехала; и второе, в чем мы почти так же уверены — ее увезли отнюдь не против ее воли. Вы когда-либо слышали подробности этого дела?

— Н-нет.

Она бы ответила «Да», если бы не боялась, что ее спросят, от кого.

— Он гостил в Ист-Линне. Ранее он жил за границей, скрываясь от закона, не смел и носа показать в Англии, а м-р Карлайл благородно предложил ему свой дом как место, где он мог бы укрыться от своих кредиторов, пока что-нибудь не придумает. Он был родственником леди Изабель. И вот как они отплатили м-ру Карлайлу: сбежали вместе!

— И зачем только м-р Карлайл пригласил его!

Эти слова, вопль горести и раскаяния, миссис Карлайл приняла за вопрос и высокомерно ответила:

— Почему пригласил! Не ослышалась ли я, мадам Вин? Откуда было знать м-ру Карлайлу, что этот человек — такой негодяй. А если бы он и знал — разве леди Изабель не была его женой? Мог ли он подумать, что ей грозит опасность? Если м-р Карлайл завтра пожелает заселить весь Ист-Линн одними негодьями — как это может отразиться на мне — на моей безопасности, благополучии, любви к мужу и верности ему? О чем Вы подумали, мадам?

О чем она думала! Леди Изабель уронила голову на руки. Миссис Карлайл продолжала.

— Я только что сидела одна в гостиной, думала об этом, и мне показалось: все это весьма похоже на то, что люди называют роком. Я имею в виду, что этот человек навлек беду на семью м-ра Карлайла, а теперь у меня есть все основания полагать, что именно он был источником такого

же позора и несчастья для моей семьи. Знаете ли Вы, — миссис Карлайл понизила голос, — что у меня есть брат-изгнанник, обесчещенный на всю жизнь?

Леди Изабель не осмелилась ответить утвердительно. Кто, спрашивается, мог бы рассказать ей, гувернантке, к тому же не из этих мест родом, историю Ричарда Хэйра?

— Люди называют это бесчестьем, позором, — продолжала Барбара, волнуясь все более. — Это и есть позор, но не тот, который они имеют в виду. Бесчестен тот, кто навлек страдания и позор на Ричарда, и этот человек — Фрэнсис Ливайсон! Я расскажу Вам эту историю, ибо она этого заслуживает.

Что ей оставалось делать? Сидеть и слушать, хотя она и не понимала, какое отношение Фрэнсис Ливайсон имеет к Ричарду.

— Когда-то давно — я в те поры еще была подростком — Ричард ухаживал за Эфи Хэллиджон. Вы, должно быть, видели коттедж в лесу. Она жила там со своим отцом и Джойс. Это было глупо со стороны Ричарда, но молодые люди часто делают глупости. За ней ухаживали многие — или не прочь были поухаживать. Среди этих воздыхателей некий Торн, по происхождению джентльмен, пользовался у нее даже большим расположением, нежели Ричард. Он был нездешний и всегда приезжал к ней тайком. И вот однажды ночью произошло ужасное убийство: Хэллиджона застрелили. Ричард скрылся, против него имелись очень веские улики, и в результате был вынесен вердикт: «Ричард Хэйр-младший виновен в преднамеренном убийстве». Мы и сами не сомневались в том, что он виновен — в самом деянии, но неумышленном; даже мама, которая так любит его, поверила, что он убил Хэллиджона, но только не преднамеренно, а в результате несчастного случая. О, какое горе выпало на долю мамы! — воскликнула Барбара, в отчаянии ломая руки. — И ее некому было поддержать: я, как уже говорила, была еще почти ребенком, а папа ожесточился против Ричарда. Три или четыре года она была совершенно безутешна, а затем Ричард тайно явился в Вест-Линн, и мы впервые узнали о том, что он невиновен. Это сделал Торн, а Ричарда в тот момент даже не было на месте преступления. Тогда возник вопрос: как найти Торна? Никто ничего не знал о нем: кто он такой, откуда приехал и куда исчез. Шли годы. В Вест-Линн приехал однофамилец Торна, офицер на службе ее Величества, и его наружность совпала с тем описанием, которое дал Ричард. Я полагала, что это он и есть. Так же думал и м-р Карлайл, но, прежде чем мы успели что-нибудь предпринять, он снова уехал.

Барбара сделала паузу, чтобы набрать в легкие побольше воздуха. Мадам Вин слушала с нарастающим нетерпением. Какое дело ей до этой истории?

— Прошло еще несколько лет, и в Ист-Линн заявился Фрэнсис Ливайсон. В то время, когда он гостил здесь, к Гербертам снова приехал капитан Торн. Мы попытались разузнать кое-что из его прошлого и почти уверились в том, что он и был тем самым человеком. Мне приходилось часто бывать здесь, чтобы увидеться с м-ром Карлайлом, поскольку мама не смела принимать участие в этом деле; уж слишком решительно был настроен против Ричарда наш папа. Таким образом, я часто видела Фрэнсиса Ливайсона, но более никому из гостей Ист-Линна он не показывался, заявив, что боится встречи с кредиторами. Теперь я начинаю подумывать, что это был просто предлог. И м-р Карлайл, помнится, говорил, что у него нет кредиторов ни в Вест-Линне, ни в его окрестностях.

— Так вот почему он всех избегал и нигде не бывал? — перебила ее леди Изабель. О, как хорошо она помнила! Он говорил ей, что им движет страх перед кредиторами, хотя и проговорился однажды, что никто из них не живет поблизости.

— У него были куда более серьезные мотивы для страха, — ответила миссис Карлайл. — Кстати, когда Торн еще гостил у Гербертов, мы получили известие о том, что Ричард собирается еще раз посетить Вест-Линн. Я сообщила об этом м-ру Карлайлу; мне приходилось видеться с ним чаще, чем когда-либо ранее, чтобы посоветоваться: мама была страшно встревожена, а м-р Карлайл также горел желанием восстановить доброе имя Ричарда, так как мисс Карлайл и папа — родственники, следовательно, можно сказать, что вся эта история отчасти бросала тень и на Карлайлов.

Воспоминания нахлынули на леди Изабель, а с ними — горькое раскаяние. Ей припомнилось, что она в своей ревности нашла совсем иное объяснение этим встречам. Как она могла допустить эту роковую ошибку?!

— Когда появился Ричард, мы устроили так, что он пробрался в контору м-ра Карлайла, когда все клерки ушли, и, спрятавшись, имел возможность наблюдать за встречей м-ра Карлайла и Торна. Это было нетрудно устроить: м-р Карлайл вел какое-то дело для капитана и условился встретиться с ним в восемь часов. Это — незабываемая ночь для м-ра Карлайла, ночь исчезновения его жены.

Леди Изабель вздрогнула.

— Да-да. Ее и м-ра Карлайла пригласили на ужин, а м-р Карлайл вынужден был отказаться, так как в противном случае не смог бы помочь Ричарду. Он всегда настолько внимателен и добр: всегда думает о других людях, а не о своем собственном благе! Тревожная выдалась ночь! Папы не было дома. Мы ждали Ричарда дома с мамой; я старалась, как могла, поддержать ее в этом бесконечном и тревожном ожидании, ибо для Ричарда передвижение по Вест-Линну уже было связано с немалым риском, а после встречи, о которой я говорила ранее, он должен был заглянуть домой, чтобы свидеться с мамой, которая вот уже несколько лет не встречалась с сыном.

Барбара замолчала, о чем-то задумавшись. Мадам Вин не проронила ни слова. Она по-прежнему не понимала, какое отношение Фрэнсис Ливайсон имеет к этой истории о Ричарде Хэйре и капитане Торне.

— Я смотрела в окно и увидела, как они подходят к садовой калитке: было что-то между девятью и десятью часами. Первым делом они сообщили мне, что это был не тот капитан Торн, о котором говорил Ричард. Я была страшно разочарована, так как уже окончательно поверила, что это был именно он, а теперь нам нужно было все начинать сначала. М-р Карлайл, напротив, был рад этому, так как успел привязаться к капитану Торну. Одним словом, Ричард пошел к маме, а м-р Карлайл любезно согласился побыть со мной в саду на тот случай, если папа внезапно вернется домой: он был ожесточен против Ричарда и, конечно же, сразу же сдал бы его в полицию. М-р Карлайл в случае появления папы должен был задержать его в саду, пока я предупредила бы Ричарда и спрятала его в холле. Ричард задерживался, папа не приходил, и я потеряла счет времени этой чудесной лунной ночью.

Ее несчастная слушательница до боли стиснула руки. Обыденный тон миссис Карлайл, произвольное упоминание о ничего не значащих мелочах доказывали, что их прогулка была предпринята вовсе не для собственного удовольствия и не свидетельствовала о его неверности. Почему же она не поверила своему благородному мужу? Почему послушала подлеца, который показал ей, как они разгуливают в лунном свете? Зачем она дала волю слезам и гневным упрекам в экипаже, зачем так спешила быть отмщенной? Если бы леди Изабель не видела их вместе, она, возможно, не сделала бы этого опрометчивого шага.

— Наконец, появился Ричард, чтобы проститься с нами и исчезнуть, снова стать изгнанником. М-р Карлайл также ушел, а я осталась у калитки поджидать папу. Спустя некоторое время м-р Карлайл вернулся назад: он вспомнил, что забыл в доме какую-то рукопись. Вскоре после того, как он вторично простился с нами, вернулся возбужденный Ричард и заявил, что видел Торна — настоящего Торна, убийцу — идущим по Бин-Лейн. Я поверила ему, хотя не сразу, и мы пустились за м-ром Карлайлом. Ричард описал внешность Торна, его вечерний костюм, белые руки и бриллиантовый перстень: однако он наиболее подробно остановился на характерном движении, которым тот отбрасывал волосы назад. В этот момент у меня мелькнула мысль, что, должно быть, Торн — это капитан Ливайсон: описание очень точно подходило к нему. Много раз с тех пор я задавала себе вопрос: «Почему эта мысль не пришла в голову м-ру Карлайлу?»

Леди Изабель сидела с раскрытым ртом, словно не в состоянии понять, о чем идет речь, а когда до нее дошел страшный смысл этих слов, она воспротивилась этой мысли всем сердцем.

— Фрэнсис Ливайсон — убийца? О нет! Он, конечно, дурной человек, но не настолько.

— Погодите, — сказала миссис Карлайл. — Я не поделилась с ним своими сомнениями, а точнее — уверенностью: как могла я упомянуть при м-ре Карлайле имя человека, причинившего ему такое зло? Ричард по-прежнему оставался в изгнании, обвинение так и не было снято с него. Сегодня, когда я проезжала в коляске по Вест-Линну, Фрэнсис Ливайсон разглагольствовал перед людьми. И я снова увидела это движение: он своей белой рукой откинул волосы со лба. Я увидела тот же самый перстень, и моя уверенность только окрепла.

— Это невозможно, — прошептала леди Изабель.

— Погодите, говорю я Вам. Когда сегодня м-р Карлайл вернулся к обеду, я впервые рассказала ему все. Оказалось, это уже не новость. Сегодня, во время того же самого выступления, двое свидетелей опознали Фрэнсиса Ливайсона как того самого человека, который ухаживал за Эфи Хэллиджон — как Торна! Это ужасно!

Леди Изабель молча смотрела на миссис Карлайл, все еще не веря ей.

— Да, мне это кажется просто ужасным, — продолжала миссис Карлайл. — Он, этот негодяй, убил Хэллиджона, а пострадал от этого мой брат Ричард. В ту ночь он встретил этого негодяя, когда тот пробирался в Вест-Линн за почтовым дилижансом, который позже увез его вместе с беглянкой. Папа видел, как они уехали. Он в ту ночь засиделся с приятелями, поздно возвращался домой, и когда он подходил к калитке, мимо него пронесся дилижанс, запряженный четверкой лошадей. Если бы эта несчастная леди Изабель знала, с кем она мчится в дилижансе! Помимо всего прочего, он еще и убийца. Право же, смерть для нее была благом. Что бы она почувствовала, если бы все узнала?

Итак, что же она чувствовала, слыша все это? Убийца! А она... Как ни пыталась леди Изабель сохранить самообладание, она сделалась мертвенно-бледной, и низкий вопль ужаса и отчаяния сорвался с ее губ. Миссис Карлайл была потрясена. Почему ее рассказ произвел такое впечатление на мадам Вин? В ее душу снова zakралось подозрение, что гувернантка знает о Фрэнсисе Ливайсоне больше, чем говорит.

— Мадам Вин, кто он Вам? — спросила Барбара, наклонившись к ней.

Мадам Вин ценой невероятных усилий вновь обрела внешнее спокойствие.

— Простите, Бога ради, — она вздрогнула. — По я слишком живо представила себе этот ужас.

— Так он Вам никто? Вы знаете его?

— Никто, даже меньше, чем никто. Что же до знакомства с ним — так я видела сэра Фрэнсиса вчера, когда его искупали в пруду. Что за человек! Меня бросает в дрожь от одной мысли о знакомстве с ним.

— Да уж, действительно, — сказала Барбара, успокоенная этими словами. — Надеюсь, Вы понимаете, мадам Вин, что это должно остаться между нами. Я считаю Вас членом нашей семьи.

Ответа не последовало. Мадам Вин была по-прежнему бледной, как смерть.

— Все это похоже на роман — продолжала миссис Карлайл. — Ему повезет, если в конце романа его не ждет виселица. Представляете, каково было бы ему, сэру Фрэнсису Ливайсону, быть повешенным за убийство?

— Барбара, милая!

Голос принадлежал м-ру Карлайлу, и она понеслась к нему на крыльях любви. Оказалось, что он еще не ушел, и теперь намеревался выпить кофе, прежде чем отправиться в Вест-Линн.

Она унеслась к своему горячо обожаемому супругу, оставив Изабель, когда-то так горячо любимую, наедине с ее одиночеством. Изабель опустила в кресло и в отчаянии воздела руки; она думала, что потеряет сознание, она молила небо о смерти. Это и в самом деле было ужасно, как сказала Барбара. Для этого человека, с окровавленными руками и душой, она оставила Арчибальда Карлайла!

Право же: если вообще когда-либо возмездие настигало женщину, этой женщиной была леди Изабель.

Глава 11

М-РУ КАРЛАЙЛУ ПРЕДЛАГАЮТ ПАШТЕТ ИЗ ГУСИНОЙ ПЕЧЕНКИ

Ветер стонал и метался над Ист-Линном, тоскливый, порывистый ветер, гнувший тополя, раскачивавший дубы и вязы, шелестевший листвой древних каштанов в парке. Погода изменилась: сгущающиеся тучи грозили пролиться дождем — по крайней мере, так казалось одинокому путнику, который в этот субботний вечер шел по пустынной дороге.

У нашего пешехода, путешествовавшего в одежде матроса, были длинные, курчавые черные волосы и такие же бакенбарды: право же, роскошные огромные бакенбарды, полностью закрывавшие шею над поднятым голубым воротником и даже часть лица. Костюм нашего героя составляли шляпа, надвинутая на глаза и тоже скрывавшая лицо, широкий грубый бушлат и такие же широченные брюки на ремне. С уверенностью, выдававшей хорошее знание окрестностей, он перешел на Бин-Лейн, уже упоминавшуюся в нашем повествовании, а с нее, через узкую калитку, которой редко кто пользовался, проследовал прямо в парк Ист-Линна.

— Посмотрим, — сказал он в задумчивости, закрывая калитку на засов. — Крытая аллея... Это, должно быть, поблизости от акаций. Значит, нужно свернуть направо. Ждет ли меня кто-нибудь?

Его ждали. Миссис Карлайл, в шляпке и шали, якобы совершавшая вечернюю прогулку — впрочем, ей вряд ли потребовалась бы эта отговорка, так как вероятность встретить кого-либо в этом уединенном месте была очень невелика, — поджидала уставшего путника.

— Ах, Ричард, бедненький ты мой!

Они обнялись. Чувства переполняли обоих. Спустя некоторое время он отстранил от себя Барбару, рыдавшую как ребенок, чтобы получше разглядеть ее.

— Итак, Барбара, теперь ты замужняя женщина!

— О, я счастливейшая из жен! Иногда я спрашиваю себя, Ричард, за что Господь осыпал меня такими благодеяниями. Если бы не грусть, которая охватывает меня при мысли о тебе, моя жизнь была бы похожа на долгий солнечный день. У меня чудесный ребенок — ему уже почти год — и, Бог даст, будет еще один сын. А что касается Арчибальда... Боже, как я счастлива!

Она остановилась, произнеся имя мужа, так как даже брату не хотела рассказывать о том, как страстно любит его.

— Как дела в Гроуве? — спросил он.

— Как обычно: все в порядке. Здоровье мамы в последнее время улучшилось. Она не знает о моем появлении здесь, но...

— Я должен увидеться с ней, — перебил ее Ричард. — Ты же помнишь: во время моего последнего визита я не встречался с мамой.

— Об этом мы еще поговорим. Как тебе живется в Ливерпуле? Чем ты там занимаешься?

— Ах, не спрашивай, Барбара. Постоянной работы у меня нет, но я время от времени подрабатываю в доках и кое-как свожу концы с концами. Ваши деньги меня очень выручают. Я должен благодарить за них тебя или же Карлайла?

Она рассмеялась.

— Ну как тебе сказать! Теперь у нас общие деньги, Ричард: у нас нет отдельных кошельков.

— Иногда я думал, что их посылает мама.

Барбара покачала головой.

— Мы не говорили маме ни о том, что ты уехал из Лондона, ни о том, что у нас есть адрес, по которому тебе можно писать.

— Зачем ты вызвала меня сюда, Барбара? Что случилось?

— Я думаю, что здесь находится Торн. Ты узнаешь его, Ричард?

— Ты еще спрашиваешь!

— Тебе известно, что у нас тут в самом разгаре предвыборная борьба за место в парламенте?

— Я читал об этом в газетах. Послушай, Барбара; как только ему в голову пришло явиться сюда, чтобы побороться с Карлайлом?

— Не знаю, — ответила Барбара. — Меня его появление здесь удивляет и по другой причине. Однако, прежде всего, расскажи мне, как ты познакомился с сэром Фрэнсисом Ливайсоном. Ты говорил, что знаешь этого человека и видел его в обществе Торна.

— Да, я знаю его, — ответил Ричард. — И я дважды видел его с Торном.

— Я полагаю, ты знаешь его только в лицо. Расскажи мне, как ты узнал, кто это.

— Мне его показали. Я увидел Торна, шедшего под руку с другим джентльменом. Я показал на них одному знакомому на стоянке кэбов и спросил: «Ты знаешь этого парня?» Я имел в виду Торна, так как хотел знать, кто он на самом деле. «Этого я не знаю, — ответил мой приятель, — а тот, что с ним — Ливайсон, баронет. Этих двух мерзавцев часто можно увидеть вместе!» И действительно, оба они похожи на отъявленных негодяев.

— Так вот каким образом ты узнал, кто такой Ливайсон!

— Именно так, — ответил Ричард Хэйр.

— В таком случае, Ричард, вы не поняли друг друга. Или он указал на другого человека, или же смотрел не на того. Торн — это сэр Фрэнсис Ливайсон.

Ричард изумленно уставился на нее.

— Чепуха, Барбара!

— Да-да! Я подозревала это с той самой ночи, когда ты увидел его на Бин-Лейн. Тот жест, который ты описал, его белые руки, его перстень с бриллиантом — это может быть только Фрэнсис Ливайсон. В четверг я проезжала мимо «Черного Ворона», когда он выступал перед избирателями, и снова увидела этот жест. Я тут же написала тебе, с тем, чтобы ты приехал сюда и разрешил, наконец, все сомнения. Впрочем, как оказалось, я могла бы и не делать этого: когда Арчибальд вернулся домой и я все ему рассказала, он сообщил мне, что Торн и Фрэнсис Ливайсон — один и тот же человек. В тот же самый день его опознали Отуэй Бетел и Эйбнезер Джеймс.

— Они оба должны знать его, — взволнованно воскликнул Ричард. — Джеймс-то уж наверняка, поскольку он частенько норовил прошмыгнуть к Хэллиджонам и видел Торна по меньшей мере дюжину раз. Да и Отуэй, должно быть, видел его, хотя впоследствии отрицал это. Барбара! — вдруг испуганно вскрикнул он и скрылся между деревьями, поскольку в конце аллеи показалась чья-то высокая фигура.

Барбара улыбнулась: это был всего-навсего м-р Карлайл. Ричард снова вышел из-под спасительной тени деревьев.

— Кругом опасности, Ричард! — воскликнул м-р Карлайл, сердечно пожимая руку Ричарда. — Ты, как я вижу, сменил фасон своего дорожного костюма!

— Я не мог идти в прежнем: ведь его видели, как Вы мне сказали, — ответил Ричард. — Я купил этот наряд вчера, в магазине поношенных вещей. Два фунта за весь комплект: думаю, меня надули.

— Включая кудри? — рассмеялся м-р Карлайл.

— Нет, парик прежний, только смазанный и завитый, — воскликнул Ричард. — Парикмахер взял один шиллинг, да еще постриг меня впридачу. Я велел ему не жалеть бриолина, чтобы кудри просто сверкали: моряки всегда так делают. М-р Карлайл, Барбара говорит, что Ливайсон и этот мерзавец Торн — одно и то же лицо, как выяснилось.

— Именно так, Ричард, насколько мы можем судить. Однако и тебе не мешало бы взглянуть на Ливайсона, прежде, чем что-то будет предпринято — также, как когда-то ты смотрел на другого Торна. Не годится поднимать шум, а впоследствии узнать, что это не он.

— Когда я смогу увидеть его? — нетерпеливо спросил Ричард.

— Это надо как-то устроить. Если бы ты сегодня покрутился у дверей «Черного Ворона», у тебя обязательно была бы такая возможность, так как он все время входит и выходит из гостиницы. Никто не узнает тебя и даже не вспомнит о тебе: все только и думают, что о выборах.

— Но я буду выглядеть довольны странно. Не часто встретишь моряка в Вест-Линне.

— Вовсе нет. Сейчас у нас тут есть русский медведь — что ты по сравнению с ним!

— Русский медведь? — переспросил Ричард.

Барбара весело рассмеялась.

— М-р Отуэй Бетел вернулся в чем-то таком, что все считают медвежьей шкурой, вот это прозвище и приклеилось к нему. Не может ли он иметь какое-то отношение к этому убийству?

Ричард покачал головой.

— Это невозможно, как я уже говорил. Однако что же Ливайсон? Если я увижу, что это и есть тот самый Торн, что мы сможем предпринять?

— В этом и состоит вся трудность нашей задачи, — сказал м-р Карлайл.

— Кто выдвинет обвинение?

— Это должен сделать ты, Ричард.

— Я? — в ужасе воскликнул Ричард Хэйр.

— Да, ты сам. Кто же еще? Я все хорошенько обдумал.

— А не могли бы это сделать Вы, м-р Карлайл?

— Нет, поскольку это — Ливайсон, — спокойно ответил он.

— Будь он проклят! — взорвался Ричард. — Почему Вы колеблетесь, м-р Карлайл? Большинство людей на Вашем месте с радостью ухватились бы за такую возможность.

— За убийство Хэллиджона я бы добивался для него виселицы; за зло, причиненное мне, — никогда. Впрочем, мне порой непросто сдерживать себя: со времени его появления в Вест-Линне меня порой одолевает страстное желание засечь его хлыстом до полусмерти.

— Даже если бы Вы забили его до смерти, в этом случае он лишь получил бы то, что заслуживает.

— Я оставлю его для Высшего суда, для того, кто сказал: «Возмездие — за мной». Я верю, что он виновен в убийстве, но, если бы мне достаточно было пошевелить пальцем, чтобы предать его позорной смерти, я скорее привязал бы всю руку, чем сделал это. Поскольку, в глубине души, я не могу отдельно рассматривать этого человека и то зло, которое он причинил мне. Хотя я и мог бы преследовать его за убийство Хэллиджона, он для меня всегда останется тем, кто погубил другого человека, и весь свет с присущим ему «милосердием» поздравит м-ра Карлайла с тем, что он свел личные счета. Нет, Ричард: я в этом — не участник.

— Может быть, Барбара? — взмолился Ричард.

Она в этот момент стояла, прильнув к мужу и держа его под руку. М-р Карлайл взглянул на нее сверху и ответил:

— Барбара — моя жена, — и этим все было сказано.

— Ну что же, — мрачно сказал Ричард, — тогда мы снова зашли в тупик, и мне придется забыть всякую надежду быть оправданным.

— Никким образом, — сказал м-р Карлайл. — Вообще-то, этим должен был бы заняться твой отец, Ричард, но мы знаем, что он и пальцем не пошевелит. Твоя мать также не в состоянии взяться за это: у нее не хватит ни здоровья, ни сил, а если бы даже и были, она бы не осмелилась воспротивиться воле твоего отца. У меня, как видишь, связаны руки, и у Барбары — тоже, поскольку мы с ней — единое целое. Остаешься только ты.

— Ну что же я могу сделать? — возопил бедный Ричард. — Если у Вас руки связаны, то у меня, похоже, опутано все тело: и руки, и ноги, и особенно — шея. Она, как Вы понимаете, ежечасно подвергается смертельному риску.

— Твое участие в этом деле вовсе не означает, что ты будешь подвергать ее какому-то дополнительному риску. Ты должен побыть здесь несколько дней...

— Я боюсь, — испуганно перебил его Ричард. — Нет, этого я не могу сделать ни за что!

— Послушай, Ричард: ты должен или отбросить эти страхи, или же смириться с тем, что на всю жизнь останешься вне закона. И не забудь, что счастье матери зависит от твоей решимости не менее, чем твое собственное, а может быть, на карту поставлена даже ее жизнь. Ты, помнится, говорил, что в миле-двух отсюда есть место, в котором ты мог бы схорониться?

— Действительно. Однако я чувствую себя в большей безопасности, когда покидаю его и ухожу подальше из этих мест.

— Там ты и остановишься, во всяком случае, дня на два или на три. Я обдумал это дело и теперь скажу тебе, что, на мой взгляд, следует предпринять в качестве предварительной меры.

— Только предварительной! А сколько еще всего должно последовать за этим, если мы хотим чего-нибудь добиться! Ну да ладно: что я должен сделать?

— Обратиться к Боллу и Тредмэну и убедить их взяться за это дело.

В последние минуты они беседовали, неспешно прогуливаясь по крытой аллее: Барбара — под руку с м-ром Карлайлом, а Ричард — по другую сторону от него. Услышав последние слова, Ричард резко остановился.

— Я не понимаю Вас, м-р Карлайл. Вы бы уж лучше порекомендовали мне предстать перед судом графства, причем в полном составе! Болл и Тредмэн не замедлят препроводить меня туда, как только я покажусь у них.

— Ничего подобного, Ричард. Я же не говорю, чтобы ты откровенно явился к ним в контору, как обычный клиент. Вот что я тебе посоветую: доверься м-ру Боллу, он может быть честным и надежным человеком, если захочет. Расскажи ему все наедине, и спроси, не возьмется ли он за это дело. Если он проникнется такой же убежденностью в том, что виновен не ты, а тот, другой, о чем свидетельствуют факты, он это сделает. Тредмэна можно сначала не посвящать ни во что, а когда Болл сделает так, что дела пойдут полным ходом, ему совсем не обязательно будет знать твое местонахождение.

— Болл — неплохой человек, — задумчиво сказал Ричард, — и если он даст слово, то не подведет. Единственная трудность — добиться от него этого слова. Кто это сделает?

— Я, — сказал м-р Карлайл, — подготовлю почву для тебя. Но после этого я больше ни во что не стану вмешиваться.

— И как он возьмется за это — если, конечно, согласится?

— Это его дело. Я знаю, что сам сделал бы в подобном случае.

— Что, сэр?

— Не жди, что я скажу тебе это, Ричард. Тогда уж я должен был бы взяться за это самолично.

— Я знаю. Вы бы все это провернули стремительно и арестовали бы Ливайсона тотчас же по обвинению в преступлении.

Улыбка тронула губы м-ра Карлайла, ибо Дик попал прямо с точку. Однако у Ричарда в голове промелькнула мысль, от которой у него волосы встали дыбом даже в парике.

— М-р Карлайл! — в ужасе воскликнул он. — Но ведь если Болл подобным образом поведет дело против Ливайсона, ему нужно будет обратиться к судьям за ордером!

— И что же? — спокойно ответил м-р Карлайл.

— А они пошлют за мной и упекут в тюрьму. Вы же знаете, что существует ордер на мой собственный арест.

— Нет, ты явно пороха не изобретешь, Ричард! Я не претендую на то, чтобы предсказывать действия Болла. Однако же, если ему при этом придется обращаться к судьям за ордером на арест Ливайсона — зачем ему упоминать тебя и заявлять: «Джентльмены, мы можем сцапать Ричарда Хэйра!» Страх лишает тебя здравого смысла, Ричард.

— Ну да: если бы Вы столько лет жили с петлей на шее, гадая, не затянут ли ее через час, и Вам бы время от времени изменял здравый смысл, — вздохнул Ричард. — Итак, каким будет мой первый шаг?

— Первым делом, Ричард, ты отправишься в известное тебе потайное место и затаишься в нем до понедельника. В понедельник, на рассвете, снова будь здесь. Тем временем я увижусь с Боллом. И, между прочим, я должен услышать от тебя, что Торн и Ливайсон — один и тот же человек, прежде чем стану говорить с Боллом.

— Я иду в «Черный Ворон» тотчас же, — взволнованно воскликнул Ричард. — Я вернусь сюда, как только мне удастся увидеть его.

Сказав это, он повернулся, готовый сорваться с места, но Барбара остановила брата.

— Ты же так устал, Ричард!

— Устал! — эхом откликнулся он. — Меня и сотня миль пешком не утомила бы, если бы в конце пути меня ждала возможность опознать Торна. Меня не будет два или три часа, но я вернусь, и тогда — ждите меня здесь.

— Тебя, должно быть, мучают голод и жажда! — ответила Барбара со слезами на глазах. — Как бы мне хотелось приютить тебя у нас! Но я могу и сюда вынести что-нибудь из еды.

— Не нужно, Барбара. Я вышел из поезда, не доезжая одной остановки до Вест-Линна, и хорошенько поужинал в придорожной таверне. Пойду, милая: я весь дрожу от нетерпения.

Ричарду в этот день сопутствовала удача: едва он добрался до гостиницы и занял наблюдательный пост возле нее, как из дверей вышли два джентльмена. Поскольку «Черный Ворон» был штаб-квартирой одного из кандидатов, все городские бездельники облюбовали ее в качестве своего места сбора, и посему на дороге и тротуаре было полно слоняющихся зевак и

сплетников. Ричард Хэйр, надвинув шляпу на глаза и завесив лицо черными кудрями, незаметно смешался с этой малопочтенной публикой.

Итак, двое джентльменов, держа друг друга под руку, приближались к группе зевак, недружным хором вскрикнувшей: «Даешь Ливайсона!» Ричард не присоединил свой голос к этому еле слышному кличу, но сердце так и затрепетало у него в груди. Одним из джентльменов был Торн, другим — тот, кого, как он думал, в Лондоне называли сэром Фрэнсисом Ливайсоном.

— Кто же из этих двух — Ливайсон? — спросил он своего соседа.

— Ты что, не знаешь? Тот, который снял шляпу и поклоном поблагодарил нас за приветствие, и есть Ливайсон.

Ричард не нуждался в дальнейших расспросах. Это был тот, кого он запомнил как Торна. Его рука, державшая шляпу, была такой же белой, а перстень в свете газового фонаря сверкал, как никогда ранее. По одной этой руке с перстнем Ричард в случае необходимости мог бы опознать Торна.

— А кто второй?

— Какой-то джентльмен, приехавший с ним из Лондона, по имени Дрейк. А ты, морячок, желтый или красно-фиолетовый?

— Ни тот, ни другой. Я нездешний, проездом в ваших местах.

— Бродяжничаешь?

— Бродяжничаю?! Нет.

С этими словами Ричард удалился, чтобы как можно быстрее добраться до Ист-Линна и рассказать обо всем м-ру Карлайлу.

Так случилось, что в эту ветреную ночь леди Изабель, мысли которой смешались, а лицо буквально пылало, отправив детей спать, прокралась в парк, радостно встречая грудью буйные порывы ветра, даже радуясь им, словно они могли хотя бы на мгновение остудить огонь, пылавший у нее в душе. Она отправилась в ту самую крытую аллею и, бесцельно похаживая по ней некоторое время, вдруг обнаружила, что к ней приближается какой-то мужчина в одежде моряка. Не желая быть замеченной, она спряталась за деревьями, чтобы снова выйти, когда это место минует явившийся непонятно откуда незнакомец.

Однако, он не удалился, а принялся расхаживать по аллее, сделав ее невольной пленницей, не смеявшей покинуть свое убежище. Еще через минуту к нему присоединилась миссис Карлайл, и они заключили друг друга в объятия.

Обниматься с незнакомцем! Кровь бросилась в голову леди Изабель. Так что же: и вторая жена была ему неверна? Неверна еще более бесстыдным образом, чем когда-то она сама — ведь у нее хватило благородства покинуть Ист-Линн и мужа до того, как она, выражаясь языком служанок, «сменила ухажера». Леди Изабель почему-то вообразила, будто дело обстоит именно подобным образом: мысли ее смешались, и в душе воцарился полнейший хаос. Торжествовала ли она в глубине души? Впрочем, ей-то что за дело? Это не могло ни на йоту изменить ее собственное положение и вернуть утраченную любовь м-ра Карлайла. Нежно прильнув друг к другу, двое «возлюбленных» принялись расхаживать по аллее, причем моряк держал миссис Карлайл за талию.

— Ах, бессовестная! — подумала леди Изабель; она могла быть весьма строгой к бесстыдствам других людей.

Но каково же было ее изумление, когда она увидела, что приближается м-р Карлайл, а бессовестный моряк и не думает убирать руку с талии миссис Карлайл. Они поговорили между собой две или три минуты, после чего простились с моряком, и м-р Карлайл, нежно обхватив талию супруги, как это только что делал другой мужчина, увел Барбару домой. В этот самый момент леди Изабель осенило: это был не кто иной, как брат Барбары.

— Может быть, я сошла с ума? — воскликнула бедняжка, глухо рассмеявшись. — Чтобы она ему изменила! Нет и нет: мне одной была уготовлена эта участь.

Она пошла к дому следом за ними и, подойдя к окну, заглянула в гостиную. В комнате горел свет и пылал огонь в камине, но шторы не были задернуты, а окна не закрыты на ночь, так как именно через них м-р Карлайл с женой уходил в парк и возвращался обратно в этот вечер. Они наслаждались своим счастьем вдвоем, и леди Изабель задержалась, чтобы взглянуть на них. Лорд Маунт-Северн уехал в Лондон, дабы снова вернуться в начале недели. На столе стоял чайник, но

Барбара еще не заварила чай. Она сидела на диване возле камина, устремив на мужа полные любви глаза. Он стоял возле нее и что-то говорил ей с серьезным видом, но еще мгновение — и его губы тронула улыбка, та самая чудесная улыбка, которую он когда-то дарил ей. Да: они вдвоем наслаждались безоблачным счастьем, а она — она отправилась в свою одинокую гостиную, и в этот момент кошки скребли у нее на душе.

Болл и Тредмэн — так гласила медная табличка на их двери — были юристами по делам о передаче имущества, а также адвокатами. М-р Тредмэн, в основном занимавшийся имущественными вопросами, жил вместе с семьей в том же доме, где находилась контора. М-р Болл, холостяк, жил отдельно. В Вест-Линне его прозвали Боллом-юристом. На вид ему можно было дать лет сорок пять. Это был плотный человечек невысокого роста, с пронизательным взглядом зеленых глаз. Он брался за любые дела, вплоть до юридических отбросов, которых м-р Карлайл и ногой не коснулся бы, однако, как справедливо заметил последний, иногда он мог быть честным и надежным, во всяком случае — по отношению к Ричарду Хэйру. К его-то дому и направился м-р Карлайл рано утром в понедельник, чтобы застать коллегу до того, как он отправится на работу. Болл-юрист весьма почитал м-ра Карлайла, как и его отца в прежние годы: Карлайлы оказали ему множество услуг, отправляя к нему тех клиентов, за дела которых им не позволяла взяться собственная щепетильность. Впрочем, будучи коллегами по профессии, они в то же время имели разный общественный статус, что, впрочем, не огорчало Болла: Карлайл был истинным джентльменом, что признавалась всеми, а он — лишь сельским адвокатом. Болл-юрист завтракал, когда вошел м-р Карлайл.

— Привет, Карлайл. Ты пришел как раз вовремя.

— Не беспокойтесь, Бога ради, и не звоните: я уже позавтракал.

— Это же восхитительный *rôte de foie*²⁵, — принялся уговаривать его Болл, слывший заядлым гурманом. — Я получаю его прямо из Страсбурга.

М-р Карлайл с улыбкой отказался от предложенного деликатеса:

— Я пришел не пировать, а поговорить о деле, — сказал он. — Но прежде, чем я начну, Вы дадите мне слово, что сохраните все в строжайшей тайне, если не возьметесь за это дело.

— Ну, разумеется. Что за дело? Нечто такое, что кажется неприемлемым для конторы Карлайла? — добавил он со смешком. — Потенциальный клиент, которого Вы, будучи слишком утонченным, передаете мне?

— Это клиент, дело которого я сам не могу вести, но вовсе не по той причине, которую Вы изложили. Это касается дела Хэллиджона, — добавил м-р Карлайл, склонившись к собеседнику и понизив голос, — того самого убийства.

Болл-юрист, который только что взял *bonke bouchee*²⁶ своего *foie gras*, проглотил лакомство целиком, не разжевывая, настолько был удивлен.

— Ну, с этим делом покончено уже Бог знает когда, — воскликнул он.

— Не совсем, — ответил м-р Карлайл. — Появились некоторые обстоятельства, которые, похоже, свидетельствуют о невиновности Ричарда Хэйра и причастности к этому делу другого человека.

— В сговоре с ним? — перебил его коллега.

— Нет: он убил его в одиночку. Ричард Хэйр не имеет к этому делу ни малейшего отношения. Его даже не было на месте преступления в тот момент, когда оно произошло.

— И Вы этому верите? — спросил Болл-юрист.

— Уже не первый год.

— Тогда кто же совершил это убийство?

— Ричард обвиняет в этом некоего Торна. Несколько лет назад я встречался с Ричардом Хэйром, и он сообщил мне такие факты, которые, если подтвердятся, полностью оправдают его. С того самого времени я понемногу все более убеждался в том, что сложившееся тогда впечатление оказалось правильным; сейчас я собственной жизнью готов поручиться в его невиновности. Я бы уже давно занялся этим делом, — была не была, как говорится, — если бы мне удалось

²⁵ Паштет из гусиной печени

²⁶ Изрядную порцию

обнаружить Торна, но его и след простыл. И теперь, наконец, нам стало известно, что Торн — это псевдоним.

— Так он нашелся?

— Да. Он в Вест-Линне. Заметьте: я не обвиняю его, не навязываю свое мнение касательно его виновности: я лишь заявляю, что уверен в невинности Ричарда. Возможно, это сделал кто-то третий: не Ричард и не Торн. Я твердо намеревался лично заняться делом Ричарда Хэйра, как только мне стало ясно, что нужно делать, и вот теперь, когда самое время это сделать, появились обстоятельства, которые воспрепятствовали моим планам.

— Какие именно? — спросил Болл-юрист.

— Потому-то я и пришел к Вам, — продолжал м-р Карлайл, не отвечая на вопрос. — Я обращаюсь к Вам от имени Ричарда Хэйра. Я недавно видел его и разговаривал с ним. Я объяснил ему причины, по которым сам не могу вести это дело, порекомендовал обратиться к Вам и обещал предварительно переговорить с Вами. Готовы ли Вы, положив руку на сердце, встретиться с Ричардом и выслушать его историю? Разумеется, он должен уйти целым и невредимым, тайно, как и придет сюда, если Вы не возьметесь за его дело.

— Бога ради! С превеликим удовольствием! — живо откликнулся адвокат. — Вот уж кому я не хочу навредить, так это Дику Хэйру, и если он сумеет убедить меня в своей невинности, я сделаю все, чтобы оправдать его.

— Судите сами о том, что он Вам расскажет: я не хочу каким-либо образом повлиять на Вас. Я уже говорил, что убежден в его невинности, однако же, повторяю: я не высказываю собственного мнения о том, кто виновен. Выслушайте его сами и решите, братья за это дело или же нет. Он не явится к Вам, если Вы не гарантируете, что не причините ему вреда — короче говоря, не станете его другом, хотя бы на время. Когда я передам ему Ваше обещание, моя роль на этом будет закончена.

— От всей души даю Вам это обещание, Карлайл. Скажите Дику, что меня ему нечего опасаться, скорее наоборот, ибо, если я как-то могу удружить ему, то сделаю это с удовольствием, невзирая ни на какие трудности. Но что же, скажите на милость, не позволяет Вам самому вести это дело?

— Тому причиной не сам Ричард. Я бы с удовольствием сделал это для него, но не стану предпринимать ничего против того, кого он обвиняет. Если нужно обвинить его и передать в руки правосудия, я не стану в этом участвовать.

Эти слова пробудили любопытство Болла-юриста, и он принялся перебирать в уме все кандидатуры, вплоть до самых невероятных, так и не заподозрив, однако, того, кого имел в виду м-р Карлайл.

— Что-то не пойму я Вас, Карлайл.

— Возможно, Вам будет легче это сделать, когда Ричард сделает свое разоблачение.

— Тот... тот, кого он обвиняет, надеюсь, не его отец, судья Хэйр?

— Да Вы, должно быть, витаєте в облаках, Болл.

— Пожалуй, если произношу вслух подобные абсурдные предположения, — признался адвокат, отодвигая стул и швыряя салфетку на ковер, — но я не знаю ни единого человека, кроме судьи, против которого Вы не решились бы выступить. Что для Вас все другие по сравнению с возможностью вернуть доброе имя Дику; Хэйру? Все, больше не стану гадать.

— Вот и хорошо, — сказал м-р Карлайл, поднимаясь. — А теперь перейдем к деталям Вашей встречи с этим беднягой. Где Вы сможете увидеться с ним?

— Он в Вест-Линне?

— Нет, но я могу передать ему записку, и он придет.

— Когда?

— Сегодня вечером, если Вы не против.

— Тогда пусть приходит сюда, в этот дом. Здесь он будет в полной безопасности.

— Пусть будет так. На этом моя роль закончена, — подвел итог м-р Карлайл и, уточнив кое-что, удалился.

М-р Болл проводил его долгим взглядом.

— Странное дело! Можно подумать, Дик обвиняет какую-нибудь мадемуазель или мадам, старую любовь м-ра Карлайла, против которой он не смеет выступить.

Глава 12

ОБРАЩЕНИЕ К СУДУ

В понедельник вечером состоялась встреча Болла-юриста и Ричарда Хэйра. Адвокат не без труда поверил этой истории: не столько общим деталям ее, сколько обвинению в адрес сэра Фрэнсиса Ливайсона. Ричард стоял на своем, называя мельчайшие подробности, которые только мог припомнить: встречу с ним на Бин-Лейн в ночь побега, последующие встречи в Лондоне и явный испуг сэра Фрэнсиса, наконец — столкновение у дверей «Черного Ворона» в субботу. Не забыл он и про анонимное письмо, полученное судьей Хэйром в то утро, когда Ричард прятался у м-ра Карлайла. Вне всякого сомнения, оно было отправлено, чтобы спугнуть его из Вест-Линна, если он прятался в доме отца. Уж кому не хотелось, чтобы Ричард попал в руки правосудия — так это Фрэнсису Ливайсону.

— Я верю всему, что Вы говорите, м-р Ричард, касательно этого Торна, — упорствовал адвокат, — но для меня почти невозможно поверить в такое сногшибательное известие, что это был сэр Фрэнсис Ливайсон.

— Вы можете удостовериться в этом из других уст, — ответил Ричард. — Это мог бы подтвердить Отуэй Бетел, если бы захотел, в чем я, впрочем, не уверен. Но ведь есть еще Эйбнезер Джеймс.

— Что ему известно об этом деле? — удивленно спросил адвокат. — Он сейчас служит у нас в конторе.

— Он в те дни частенько видел Торна и, как я слышал, опознал Ливайсона. Да Вы спросите у него. Или Вы не желаете возбуждать дело против сэра Фрэнсиса?

— Вовсе нет. Дайте мне убедиться в том, что он опознан, и я незамедлительно это сделаю. Ливайсон — отъявленный негодяй и вполне заслуживает виселицы. Тотчас же пошлю за Джеймсом и выслушаю его, — добавил он, задумавшись на мгновение.

Ричард вскочил как ужаленный.

— Нет, не при мне: он не должен меня видеть! Бога ради, подумайте, какой опасности я подвергаюсь, м-р Болл!

— Тише, тише! — рассмеялся адвокат. — Вы что же, полагаете, у меня нет других помещений? Мы не пускаем кошек в клетки к канарейкам!

Вскоре появился Эйбнезер Джеймс в сопровождении посыльного.

— Вот увидите: он всенепрременно торчит в салоне для пения, — сказал м-р Болл, посылая на розыски, и оказался прав.

— Что-то нужно срочно переписать, сэр? — воскликнул Джеймс, входя в комнату.

— Нет, — ответил адвокат. — Я хочу, чтобы Вы ответил на парочку вопросов, вот и все. Известны ли Вам случаи, когда сэр Фрэнсис Ливайсон скрывался под каким-либо другим именем, кроме своего собственного?

— Да, сэр, он когда-то назывался Торном.

— Когда же это было? — после некоторой паузы спросил Болл.

— В ту осень, когда убили Хэллиджона. Торн тогда пробирался сюда по вечерам — в коттедж в лесу, я имею в виду.

— С какой целью?

Эйбнезер Джеймс рассмеялся.

— С той же самой, что и еще некоторые: Ваш покорный слуга, например. Он ухаживал за Эфи Хэллиджон.

— Где он жил? Что-то не припоминаю, чтобы он останавливался в Вест-Линне.

— А его здесь и не было, сэр. Напротив: он предпринимал все меры для того, чтобы о нем не узнали в Вест-Линне, у него была прекрасная чистокровная лошадь; он, бывало, галопом примчится ближе к вечеру, полюбезничает с мисс Эфи и снова ускачет.

— Куда? Откуда он приезжал?

— Откуда-то из-под Свейнсона: миль десять отсюда, как говорила Эфи. Теперь-то, когда он появился здесь под собственным славным именем, я сообразил, что к чему, и могу назвать точное место, почти не рискуя ошибиться.

— Что же это за место?

— Ливайсон-Парк, — сказал м-р Эйбнезер. — Наверняка, он останавливался у дядюшки, жившего поблизости от Свейнсона, как Вы знаете.

Болл в этот момент сказал себе, что кое-что проясняется — или же, наоборот, становится еще менее понятным, в зависимости от того, как взглянуть на вещи. Он сделал паузу и важно спросил:

— Джеймс, есть ли у Вас хотя бы тень сомнения в том, что сэр Фрэнсис Ливайсон — тот самый человек, которого Вы знали как Торна?

— Сэр, есть ли у меня сомнения в том, что Вы — м-р Болл, а я — Эйбнезер Джеймс? — ответил м-р Эйбнезер. — Я так же уверен в личности этого человека, как и в наших собственных.

— Вы готовы подтвердить это в суде под присягой?

— Охотно: перед каким угодно судом. Завтра, если потребуется!

— Очень хорошо. Можете возвращаться в Ваш клуб любителей пения, и держите язык за зубами.

— Никому ни слова, сэр, — ответил м-р Эйбнезер Джеймс.

Ричард Хэйр и Болл-юрист засиделись глубоко за полночь, причем последний главным образом записывал показания Ричарда.

— Не правда ли, нежелание Карлайла выступить против Ливайсона — просто причуда? — прервал Ричард неожиданным вопросом завязавшийся было ничего не значащий разговор. — Как Вы полагаете, м-р Болл?

Адвокат поджал губы.

— Гм! Это — весьма деликатный вопрос. Карлайл всегда был честен до привередливости. Я бы на его месте обрушился на этого человека что есть сил, но мы с Карлайлом — разные люди.

Весь следующий день, вторник, м-р Болл был занят тем, что, как выразился бы, вероятно, Эйбнезер Джеймс, «пытался смекнуть, что к чему». После обеда он предпринял поездку в Ливайсон-Парк, выудил какую-то информацию и вернулся домой. Вечером того же дня Ричард уехал в Ливерпуль: в его присутствии пока не было необходимости. По-прежнему никто, кроме м-ра и миссис Карлайл, не знал его адреса.

В среду утром вернулся, наконец, граф Маунт-Северн. Лорд Вейн также приехал вместе с ним. Последнему пора было возвращаться в Итон, но он буквально вымолил разрешение приехать «посмотреть, чем закончится эта потеха».

— А также увидеть, как завертится этот бес, когда его побьют, — тихонько добавлял он так, чтобы не слышал отец, неизменно требовавший, чтобы мальчик всегда вел себя «как истый джентльмен».

В конце концов, граф уступил его просьбам. Они приехали, как и в первый раз, к завтраку, пробыв в пути всю ночь. Вскоре отец и сын уже входили в Вест-Линн вместе с м-ром Карлайлом, встречавшим их на станции.

Вест-Линн просто бурлил. Выборы должны были состояться на той же неделе, и каждый считал своим долгом привнести в это дело как можно больше суеты, как своими личными усилиями, так и сообщая с прочими согражданами. Комитет в поддержку м-ра Карлайла заседал в «Оленьей Голове», и движение в этом месте было столь сильным, что, казалось, камни мостовой сотрутся до дыр. Все господа судьбы принимали живейшее участие в предвыборной борьбе и, забросив свои прямые обязанности, красовались в окнах гостиницы с красно-фиолетовыми вымпелами.

— Я присоединюсь к Вам через Десять минут, — сказал м-р Карлайл, отпуская руку лорда Маунт-Северна, когда они подошли к его конторе. — Мне нужно просмотреть письма.

Итак, лорд Маунт-Северн направился к «Оленьей Голове», а лорд Вейн припустил к «Черному Ворону», намереваясь осмотреть штаб противника. Ему доставляло неизмеримое наслаждение оказаться там, где на него мог упасть взгляд сэра Фрэнсиса Ливайсона, который сразу же опускал глаза под вызывающим взглядом юного джентльмена. Будучи лордом Вейном — а точнее сказать, сыном лорда Маунт-Северна, который должен сдерживать себя — он не мог вприпрыжку бежать

за «желтым» кандидатом, осыпая его насмешками, как это делали немые мелкопоместные дворяне одного с ним возраста; но, право же, его так и подмывало последовать их примеру.

М-р Карлайл сел за стол в своем личном кабинете, вскрыл письма, рассортировал их, пометил на обратной стороне некоторых из них, как следует ответить, а затем позвал м-ра Дилла. Когда старый джентльмен явился, он отдал ему письма, сделал некоторые распоряжения и встал из-за стола.

— Вы спешите, м-р Арчибальд?

— Меня ждут в «Оленьей Голове».

— Вчера вечером, сэ, со мной произошел прелюбопытный случай: я невольно подслушал, как Ливайсон препирался с Отуэем Бетелом.

— Вот как! — небрежно заметил м-р Карлайл, который в этот момент разыскивал что-то в глубоком ящике своего стола.

— И того, что я слышал, достаточно, чтобы обеспечить место на виселице по крайней мере Ливайсону, а то и Бетелу. М-р Арчибальд, им известна тайна убийства Хэллиджона. Похоже, Ливайсон...

— Остановитесь, — прервал его м-р Карлайл. — Я бы предпочел не слышать этого. Возможно, Ливайсон и убил его, но это не мое дело, и сам я не стану в него вмешиваться.

Старый Дилл выглядел весьма озадаченным.

— А тем временем, м-р Арчибальд, страдает Ричард Хэйр, — попытался возразить он.

— Мне это известно.

— Но разве это справедливо, когда невинный человек страдает вместо преступника?

— Нет, совершенно несправедливо. Но это дело затрагивает и меня.

— Если бы кто-нибудь взялся за дело Ричарда Хэйра прямо сейчас, его можно было бы оправдать, — добавил почтенный джентльмен, печально глядя на м-ра Карлайла.

— Им уже занимаются, Дилл.

Ответом ему был радостный взгляд Дилла.

— Давненько я не слышал таких хороших новостей, сэ. Но ведь потребуются мои свидетельские показания. Ливайсон...

— Я не взялся за это дело, а потому сообщите Ваши известия в другом месте.

— Тогда кто же взялся за него? — изумленным эхом отозвался м-р Дилл.

— Болл. Он встречался с Ричардом, и теперь представляет его интересы.

Глаза м-ра Дилла загорелись живейшим интересом.

— Он собирается возбудить дело, м-р Арчибальд?

— Говорю же Вам, что ничего не знаю и не хочу знать.

— Ну конечно, я могу Вас понять. Однако же, сам немедленно отправлюсь к ним в контору, чтобы сообщить то, что мне стало известно, — заявил Дилл, преисполнившись решимости.

— Это ведь тоже не мое дело, — рассмеялся м-р Карлайл, — а Ваше. Однако, запомните: идти нужно не к Тредмэну, а к Боллу.

Отдав несколько срочных распоряжений старшему клерку, м-р Дилл отправился к Боллу и Тредмэну, где и провел по меньшей мере час наедине с м-ром Боллом.

В этот день г-да судьи уселись на рабочие места не ранее трех часов пополудни: они, как нерадивые школьники, прогуляли полдня, спрягая глагол «развлекаться» вместо глагола «работать», а теперь с опозданием приступили к выполнению своих обязанностей. Впрочем, вряд ли это можно было назвать появлением на работе, поскольку явилось лишь двое из них, прокрававшись в комнату заседаний с виноватым выражением на лице. Это были судья Герберт и сквайр Пиннер. Они рассмотрели два неотложных дела, явившись прямым следствием беспокойного состояния умов в Вест-Линне. Две дамы, одна — сторонница «красно-фиолетовых», другая — «желтых», разошлись во взглядах на достоинства и недостатки кандидатов и, поскольку дело было в трактире, дошли, в пылу спора, до аргументации посредством оловянных кружек.

Второе дело касалось кучки сорванцов, которые пронесли по городу соломенное чучело сэра Фрэнсиса Ливайсона и спалили его на подходящей лужайке, к вящему ужасу ее владельцев; к слову сказать, весьма пострадало и их белье, разложенное для просушки на месте «экзекуции». Обе дамы были приговорены к недельной отсидке, а мальчишек решено было просто высечь.

Как только было покончено с последним делом и ревущие мальчишки удалились, в судейскую комнату ворвался Болл-юрист и потребовал организовать секретное слушание по исключительной важности делу. Дабы планы правосудия не были расстроены из-за преждевременной огласки, он нижайше попросил их светлостей держать все в тайне.

Господа судьи приняли умный вид, посоветались и — возможно, в глубине души сгорая от любопытства — любезно согласились. Они проследовали в специальное помещение, откуда вышли только в половине пятого. У их светлостей были мрачные, вытянувшиеся, испуганные лица, поскольку сообщение Болла-юриста буквально ошеломило их.

Глава 13

МИР СТАНОВИТСЯ С НОГ НА ГОЛОВУ

— Сегодня мы встречаемся с доктором Мартином в конторе у папы, — воскликнул Уильям во время обеда. — Мы пойдем пешком, мадам Вин?

— Не знаю, Уильям. Тебя отведет миссис Карлайл.

— Нет, Вы должны отвести меня.

Леди Изабель покраснела от одной мысли о том, что она придет в контору м-ра Карлайла, хотя и не поверила Уильяму.

— Миссис Карлайл сама сказала мне, что сделает это, — ответила она.

— А сегодня утром мама сказала, что Вы возьмете меня в Вест-Линн, — продолжал упорствовать Уильям.

Их спор был прерван появлением миссис Карлайл.

— Мадам Вин, — сказала она. — Будьте готовы в три часа отправиться в город с Уильямом.

Сердце леди Изабель учащенно забилось.

— Насколько я поняла, Вы, мадам, говорили, что сами отведете его.

— Да, именно так я и собиралась поступить. Но сегодня утром я узнала, что ко мне после обеда приезжают друзья, которые живут довольно далеко от нас. Поэтому я не могу сама отвести Уильяма к доктору Мартину.

Ах, как хотелось бы леди Изабель набраться смелости и сказать: «Я тоже не могу пойти с ним». Но увы... Что же: ей придется пройти и через это.

Уильям въехал в Вест-Линн на пони, которого должен был отвести обратно сопровождавший его конюх, поскольку предстояло вернуться домой пешком вместе с мадам Вин. Она же, в свою очередь, и в Вест-Линн тоже пришла пешком.

М-ра Карлайла не было в конторе, когда они пришли. Мальчик смело прошествовал в кабинет, а мадам Вин последовала за ним. Вскоре появился м-р Дилл.

— Итак, мистер Уильям! Вы явились, чтобы дать указания по судебному иску, или же велеть, чтобы мы передали его в суд лорда канцлера? — весело спросил он. — Садитесь же, мадам.

— Я подожду здесь доктора Мартина. Он должен приехать, чтобы осмотреть меня. Послушайте, м-р Дилл: куда ушел папа?

— Не знаю, право же! — любезно ответил м-р Дилл. — Но к чему Вам доктор Мартин, скажите на милость? Я уверен, что Вы пошли на поправку: вон какие у Вас розовые щеки!

— Ах, если бы так! — ответил мальчик. — Это ужасно — все время пить этот противный рыбий жир! Мама собиралась приехать со мной, но теперь она не может сделать этого.

— Как поживает Ваша мама, мистер Уильям?

— У нее все хорошо. Послушайте: какой шум стоит у полицейского участка! Мой пони испугался, и ему пришлось попробовать хлыста. Там гоняли по земле желтую розетку!

— Да, не видать нам покоя, пока не закончатся эти выборы, — откликнулся старый Дилл. — Как бы мне хотелось, чтобы они поскорее закончились, и этот парень вымелся из нашего города.

— Вы имеете в виду этого Ливайсона? — спросил Уильям, который, разумеется, уже поднабрался политических знаний у обитателей Ист-Линна.

— Именно его. Одного я никак не пойму, — продолжал он, обращаясь скорее к самому себе, нежели к собеседникам. — С какой стати этот дурень решил баллотироваться здесь?

Лицо леди Изабель окрасил горячий румянец стыда. С чего это вдруг сей «дурень» столько всего натворил в своей жизни? И в самом деле, он был настоящим дураком, в самом прямом смысле слова!

— Разве он мог надеяться, что выстоит против моего папы? — с пафосом спросил Уильям.

— Ему не устоять против любого порядочного человека, — горячо ответил старый Дилл. — Господь этого не потерпит.

— Вы имеете в виду выборы? — поинтересовался Уильям.

— Нет, мой хороший. Я вовсе не их имел в виду.

В этот момент клерк, возможно, полагавший, что м-р Карлайл у себя, ввел клиента. Старый Дилл тут же увел последнего в свое собственное маленькое святилище, впрочем, не раньше, чем одарил гувернантку долгим любопытным взглядом.

Она, как обычно, была в платье из черного шелка. Иногда на ней можно было видеть красивые платья, иногда — попроще и поскромнее, но материал не менялся: черный шелк. Фасон верхней части ее нарядов в целом также оставался постоянным: это был свободный жакет. В этот день на ней было красивое платье с оборками. Наряд дополняла большая соломенная шляпка с вуалью и, конечно же, неизменные зеленые очки. О, как хотелось бы ей оказаться в каком-нибудь другом месте, где на нее не смотрели бы чьи-то чужие глаза!

Вскоре, беседуя с м-ром Диллом, вошел м-р Карлайл.

— Ах, Вы здесь, мадам Вин! Я же передавал, чтобы Вас направили к мисс Карлайл. Разве я ничего не говорил, м-р Дилл?

— Во всяком случае, не мне, сэра.

— Значит, я просто забыл. Который час?

Он взглянул на часы. Было без десяти четыре.

— Доктор не сказал, в котором часу появится? — спросил он мадам Вин.

— Он не говорил ничего конкретного. Как я поняла, он должен был приехать вскоре после полудня.

Итак, леди Изабель и Уильям отправились к мисс Карлайл. Сей достопочтенной дамы не оказалось дома: ее ждали обратно только к обеду. Уильям прикорнул на диване и вскоре уснул.

Боже, как медленно шло время! Как тихо было в этом доме! Возможно, и Вы, читатель, чувствовали нечто подобное, долго ожидая кого-нибудь. Леди Изабель сидела у окна в полной тишине, разглядывая прохожих сквозь жалюзи, изредка поглядывая на побелевшее лицо ребенка и мечтая о том, чтобы поскорее пришел врач. Часы пробили половину шестого.

«Это он!» — подумалось ей, когда она услышала стук двери холла и приближающиеся шаги. Но это был не врач, нет: ее сердце встрепенулось от совсем иной поступи.

— Д-р Мартин опаздывает, — заметил м-р Карлайл, входя в комнату. — Боюсь, у Вас иссякнет терпение, мадам Вин.

— Это не имеет значения, сэра, — ответила она ему своим обычным полупшепотом, ибо почти никогда не возвышала свой голос.

— Какой он бледный! — невольно воскликнул м-р Карлайл, переведя взгляд на мальчика. — И эта постоянная сонливость! К добру ли это?

— Я полагаю, миссис Карлайл ответит его, — наконец выдавила из себя мадам, чтобы сказать хоть что-нибудь.

— Миссис Карлайл ждет гостей. Да и без этого она вряд ли отправилась бы в Вест-Линн. В последние пару дней она неважно себя чувствует, а я не могу позволить ей переутомляться при ее теперешнем состоянии здоровья.

Ее пронзила острая душевная боль. Было время, когда ей — ей он не позволял переутомиться. Ах, если бы она снова могла принадлежать ему, перечеркнув проклятое прошлое!

— А вот и он! — с живостью воскликнул м-р Карлайл, вышедший в холл.

Она подумала, что он, должно быть, увидел врача в тот момент, когда он проходил мимо окна. Так и оказалось. Когда джентльмены вместе вошли в комнату, Уильям, наконец, проснулся.

— Так-с, — произнес доктор, маленький лысый человечек. — Как обстоят дела у моего юного пациента? *Bon jour*, мадам.

— *Bon jour*, месье, — ответила она. Право же, леди Изабель так хотелось, чтобы к ней все обращались на французском, принимая за француженку: так, казалось, было меньше шансов на то, что ее узнают. Однако ей придется говорить на добром старом английском, если она хочет поддержать разговор с доктором, который, за исключением пары дежурных фраз, был столь же силен во французском, как и судья Хэйр. «Я нонг паркеу фронгсей».

— А как наш рыбий жир? — осведомился доктор, подведя Уильяма поближе к окну. — Теперь он кажется чуточку вкуснее, правда?

— Нет, — сказал Уильям. — Еще противнее.

Д-р Мартин взглянул на мальчика, измерил пульс, пощупал его кожу и прослушал грудную клетку.

— Ну что же, — сказал он, наконец, — можешь садиться и еще немного подремать.

— Я бы так хотел что-нибудь выпить: меня мучает жажда. Могу ли я позвонить, чтобы принесли воды, папа?

— Ступай, найди кого-нибудь из служанок твоей тети и попроси воды.

— Лучше попроси молока, — добавил доктор Мартин, — вместо воды.

Итак, Уильям ушел. М-р Карлайл стоял, прислонившись к оконной раме, доктор Мартин встал возле окна, скрестив руки на груди, а леди Изабель подошла к нему. Яркий свет падал на них, но густая вуаль скрывала лицо леди Изабель. Ее очень редко можно было видеть без вуали, равно как и без самой шляпки, которую мадам Вин носила во всякое время, порой даже в самое неподходящее.

— Итак, что скажете, доктор? — спросил м-р Карлайл.

— Ну, — начал тот каким-то уж очень профессиональным тоном, — мальчик, конечно, хрупкий, однако...

— Подождите, доктор Мартин, — перебил его м-р Карлайл, говоривший тихо, но очень внушительно, — отвечайте откровенно. Я должен знать ничем не приукрашенную истину. Говорите, не стесняйтесь.

Д-р Мартин помедлил.

— Правда не всегда приятна, м-р Карлайл.

— Да, но тем более необходима. Я готов к худшему. А матери, которую могло бы убить подобное известие, нет в живых, что, впрочем, Вам известно.

— Боюсь, что именно к худшему Вам и нужно готовиться.

— Это смертельно?

— Увы. Боюсь, что чахотка, все признаки которой налицо, передалась ему по наследству.

Невозможно сказать, что чувствовал в этот момент м-р Карлайл, так как он прекрасно владел собой. Не приходилось сомневаться в том, что он искренно и нежно любил своих детей. Сейчас он хранил молчание; глаза его были скрыты полуопущенными тяжелыми веками. Прошло несколько минут, прежде чем он нарушил молчание.

— Но откуда же взяться этой чахотке? Никто из родственников, ни с моей, ни с материнской стороны...

— Прошу прощения, — сказал доктор, — но бабушка ребенка, графиня Маунт-Северн, умерла от чахотки.

— Говорили, что это была не чахотка, — возразил м-р Карлайл.

— Мне все равно, как это называли. Это была чахотка, пусть слабая и вялотекущая, что я готов признать.

— Так что же: нет никакой надежды?

Д-р Мартин поднял на него глаза.

— Вы просили меня говорить правду...

— Ничего, кроме правды, — ответил м-р Карлайл голосом, в котором смешались горечь и властность.

— Тогда слушайте: нет ни малейшей надежды. Налицо обширное поражение легких.

— И сколько...

— Этого я не могу сказать, — перебил его доктор, догадавшийся, о чем спросит его собеседник. — Это может или растянуться на несколько месяцев, даже на год, или же закончиться в ближайшее время. Более не загружайте его уроками и всей той премудростью, которая ему уже не понадобится.

Говоря последние слова, доктор взглянул на гувернантку, которой это касалось не менее, чем м-ра Карлайла, и вдруг он вздрогнул, так как она, казалось, вот-вот упадет в обморок: бедняжка так страшно побледнела, что это было заметно даже через вуаль.

— Вы больны, мадам, Вы больны!

Она попыталась ответить ему, но дрожащие губы не слушались ее. Д-р Мартин, чрезвычайно обеспокоенный, снял с нее зеленые очки. Она вырвала их у него одной рукой и, сев на первый попавшийся стул, закрыла лицо другой.

М-р Карлайл, не понимавший, что происходит, приблизился к ней.

— Вам плохо, мадам Вин?

Она в этот момент надевала очки под вуалью; лицо ее было белым, как смерть.

— Бога ради, не обращайтесь на меня внимания! Спасибо Вам обоим! У меня... случаются легкие спазмы, и в эти моменты я выгляжу так, словно я больна. Ну вот, все и прошло.

Доктор, наконец, перевел свой взгляд на м-ра Карлайла, который уже отошел к окну.

— Что можно предпринять в качестве лечения? — спросил он.

— Все, что угодно — что понравится самому мальчику. Пусть играет или отдыхает, катается верхом или совершает пешеходные прогулки, ест и пьет — если захочет: все это уже не имеет большого значения.

— Доктор! Ну дайте хоть какую-то, хоть крохотную надежду!

Д-р Мартин покачал головой.

— Я говорю только то, что знаю наверняка. Вы настаивали на том, чтобы я сказал правду.

— Может быть, ему поможет более теплый климат? — взволнованно спросил м-р Карлайл, которому только что пришла в голову эта мысль.

— Это может немного отсрочить конец, не более, чем на несколько недель, но не предотвратит его. Да и кто повезет мальчика? Вы не можете ехать, а матери у него нет. Право же, не советую.

— Я хотел бы, чтобы Вы обсудили это с доктором Уэйнрайтом.

— Я уже видел его. Мы случайно встретились сегодня, и я уже изложил коллеге свою точку зрения. Как поживает миссис Карлайл?

— Неплохо. Правда, нельзя сказать, чтобы она была абсолютно здорова, как Вам известно.

Д-р Мартин улыбнулся.

— Ну что же, бывает. У миссис Карлайл очень крепкий организм, не то что у...

— Кого? — спросил м-р Карлайл, не догадавшийся о причине этой паузы.

— Простите меня, Бога ради. Я, право же, начал говорить, не подумавши, но теперь мне придется закончить: она крепче, нежели леди Изабель. А теперь прошу извинить меня, но я вынужден откланяться, поскольку хочу успеть на шестичасовой поезд.

— Вы будете хоть изредка навещать в Ист-Линн?

— Если Вам это будет угодно. *Bon jour, madame.*

Леди Изабель в ответ склонила голову, и д-р Мартин вышел из комнаты вместе с м-ром Карлайлом.

— Как, однако, привязана к мальчику эта Ваша французская гувернантка! — сказал он шепотом, когда они шли через холл. — Я это заметил еще тогда, когда она привозила его в Линборо. А только что Вы сами видели, в какое смятение привели ее мои слова о том, что он, увы, не жилец. Честь имею.

М-р Карлайл схватил его за руку.

— Доктор, спасите его! — взволнованно воскликнул он.

— Ах, Карлайл! Если бы мы, ничтожные смертные врачи, могли задержать на земле тех, кого угодно призвать к себе величайшему из докторов, как бы нас преследовали! Помните: нет худа без добра. Прощайте, друг мой.

М-р Карлайл вернулся в комнату. Он приблизился к леди Изабель и взглянул на нее; впрочем, он едва ли мог как следует разглядеть ее лицо.

— Это горестное известие, но Вы, я полагаю, были готовы к нему более, чем я.

Она внезапно вскочила, подошла к окну и выглянула на улицу, словно увидела кого-то и захотела получше рассмотреть. В душе ее разыгралась настоящая буря: у нее сжималось горло, стучало в висках, а дыхание сделалось судорожным и прерывистым. В силах ли она выдержать, с ним наедине, разговор о состоянии, в котором находился их ребенок? Она сняла перчатки, чтобы хоть немного охладить пылающие ладони, вытерла свой лоб и попыталась, наконец, взять себя в руки. Как ей объяснить причину своего волнения м-ру Карлайлу?

— Я так люблю этого мальчика, сэр, — сказала она, полуотвернувшись. — И приговор, который так обыденно произнес доктор, вызвал у меня нестерпимую душевную боль.

М-р Карлайл подошел к ней поближе.

— Спасибо Вам за то, что Вы столь близко к сердцу принимаете все, что связано с моим сыном.

Она промолчала в ответ.

— Не говорите ничего миссис Карлайл, — продолжал он. — Я предпочитаю сам рассказать ей об этом. Ее сейчас нельзя подвергать внезапным душевным потрясениям.

— А с чего бы вдруг эта новость потрясла и опечалила ее? Ведь она ему не мать!

Она сказала это яростно и презрительно, словно осуждая Барбару, однако опомнилась до того, как закончила фразу, и последние слова произнесла вполголоса.

М-р Карлайл приподнял веки, и голос его, когда он ответил, показался ей надменным и жестким.

— Вы говорите, не подумав, мадам.

Этот упрек поразил ее в самое сердце, еще раз напомнив, кем она была теперь. Она же гувернантка! М-р Карлайл сочтет ее сумасшедшей, хуже, чем сумасшедшей за такие слова о своей жене. Он уже собирался отойти от нее, когда из ее уст вырвалась страстная мольба:

— Если я правильно поняла... мне показалось... Вы говорили о том, что сейчас некому отвезти Уильяма в какое-нибудь место с более теплым климатом. Сэр, позвольте мне сделать это! Доверьте его моим заботам.

— Он не может ехать. Вы же слышали: д-р Мартин сказал, что это не может надолго продлить его жизнь.

— Хотя на несколько недель, — сказала она. — Но разве они ничего не стоят?

— Возможно... Но что пользы в этом, если он будет оторван от семьи. Нет, мадам Вин. Если мне суждено утратить моего мальчика, я не хочу расставаться с ним до самого последнего мгновения.

В приоткрытую дверь заглянул Уильям.

— Он ушел, не так ли? Я не хотел возвращаться, пока он был здесь, из страха, что придется выпить еще рыбьего жира, прямо сейчас.

М-р Карлайл сел, посадил Уильяма на колени и нежно прижался лбом к шелковистым волосам ребенка.

— Милый мой, ты же знаешь, что рыбий жир пойдет тебе на пользу, даст тебе дополнительные силы!

— Но я не считаю, что он в самом деле идет мне на пользу, папа. Доктор Мартин говорит, что я умру?

— Кто тебе говорил о смерти?

— Ну, кое-кто поговаривает об этом.

— Надо подумать, что мы можем сделать для твоего излечения, вместо того, чтобы позволить тебе умереть, — ответил м-р Карлайл почти растерянно, пытаясь не выдать сердечной боли, которую сам испытывал в этот момент. — Но ты же знаешь, Уильям: живые или мертвые — все мы находимся в руках Господа, а все, что он пожелает — всегда благо для нас.

— Да, я знаю это, папа.

М-р Карлайл встал и подвел мальчика к мадам Вин.

— Передаю его на Ваше попечение, мадам, — сказал он и вышел в холл.

— Папа, папа, послушай! Я хочу пойти с тобой! — закричал Уильям вырвавшись из рук мадам Вин и выбежав следом за ним. — Можно, я пойду домой с тобой? Ты идешь пешком?

Ну как он мог хоть в чем-то отказать ребенку в такой момент?

— Хорошо, — ответил м-р Карлайл. — Подожди меня здесь.

Мадам Вин восприняла это известие без особого восторга, но что она могла сделать? Вскоре м-р Карлайл вернулся, и они пустились в путь все вместе: он вел сына за руку, а мадам Вин шла рядом с ребенком с другой стороны.

— Папа, а где сейчас Уильям Вейн? — спросил мальчик.

— Он ушел куда-то с лордом Маунт-Северном.

Едва м-р Карлайл сказал это, как кто-то стремглав выскочил из здания почты чуть не сбив их с ног. Смущенный, он попятился к канаве: это был не кто иной, как сэр Фрэнсис Ливайсон. Впрочем, это известие, должно быть, не удивило проницательного читателя!

Уильям, будучи всего-навсего ребенком, повернул голову, чтобы получше разглядеть его.

— Я ни за что не хотел бы стать таким гадким человеком, как он, — заявил Уильям, снова повернувшись к отцу. — А ты, папа?

М-р Карлайл промолчал, и леди Изабель невольно посмотрела на него. Лицо его было совершенно бесстрастным; лишь губы нашего джентльмена презрительно скривились. Подойдя к калитке Хэйров, они увидели главу семьи, который, казалось, вышел прогуляться. Уильям заметил миссис Хэйр, сидевшую на садовой скамейке возле дома, под окнами, и подбежал к ней, чтобы поцеловать эту добрую женщину, которую он искренно любил, впрочем, как все дети.

Господин судья выглядел... не то чтобы бледным — это слово было слишком слабым, чтобы описать его состояние, — а просто желтым. Локоны его лучшего парика безвольно свисали, вместо того, чтобы бодро завиваться, как прежде, и вся его напыщенность, казалось, куда-то улетучилась.

— Послушай, Карлайл, что же это такое, скажи на милость? — воскликнул он таким тоном, который для него мог считаться удивительно сдержанным и даже кротким. — Я сегодня не был в суде, но Пиннер рассказал мне о... заявлении, которое им было сделано во время секретного слушания. Это неправда, ты же знаешь, что это не может быть правдой: все в этой истории притянуто за волосы. Что тебе известно об этом?

— Ничего, — сказал м-р Карлайл. — Меня ни во что не посвящали.

— Они, похоже, собираются заявить, что Дик вовсе не убивал Хэллиджона, — полушепотом продолжал судья, оглядываясь, словно кто-то мог подслушать их, спрятавшись за деревьями.

— Вот как! — сказал м-р Карлайл.

— Да! А сделал это Ливайсон. Ливайсон!

М-р Карлайл лишь кивнул, ничего не ответив. Лицо его сделалось еще более бесстрастным, нежели ранее, чего нельзя было сказать о лице его собеседника.

— Но этого же не может быть. Быть этого не может, говорю я Вам!

— Что касается невинности Ричарда, так я давно убежден в ней, — заговорил, наконец, м-р Карлайл.

— А что ты скажешь касательно виновности Ливайсона? — спросил судья, широко раскрыв глаза от изумления.

— По этому поводу я ничего говорить не стану, — ледяным голосом отвечивал Карлайл.

— Говорю же тебе: это невозможно. Дик не может быть невинным. Утверждать это — все равно, что сказать, будто мир встал с ног на голову.

— Ну что же, и такое случается иногда. А то, что Ричард невинен, еще будет публично доказано.

— Если... если это сделал тот, другой, ты, я полагаю, получишь ордер вместо полиции, чтобы лично задержать его.

— Я не прикоснусь к нему даже пинцетом, — ответил Карлайл, и губы его снова презрительно скривились. — Если ему суждено быть наказанным, пусть его постигнет кара, но я отнюдь не собираюсь этому содействовать.

— Но может ли быть невинным Дик? — задумчиво повторил судья, снова возвращаясь к мысли, которая не давала ему покоя. — Зачем же тогда он скрывался? Почему не пришел и не заявил об этом?

— Чтобы Вы сцапали его, господин судья? Вы же поклялись сделать это.

Судья в этот момент выглядел удивительно смиренным.

— Но, Карлайл, — вдруг заговорил он, поскольку его осенила внезапная мысль, — какой ужасной мстью это было для... Вы знаете, кого, если бы она была жива. Как бы горько она сожалела о своем поступке теперь!

— Большинство людей совершают ошибки, — ответил, м-р Карлайл, взяв за руку подбежавшего к нему Уильяма.

После чего он почтительно простился с миссис Хэйр, приподняв шляпу, и двинулся к Ист-Линну.

Леди Изабель все так же шла рядом с мальчиком, дрожа всем телом и искренне желая умереть. Судья посмотрел им вслед, но мыслями он был далеко от них. Почтенный джентльмен пребывал в полном замешательстве. Ричард невинен! Ричард, которого он жаждал предать позорной смерти! А виновным оказался тот, другой. И в самом деле, мир так и норовил встать с ног на голову!

Глава 14

МИСС КАРЛАЙЛ И ЭФИ ХЭЛЛИДЖОН ПРЕДСТАЮТ В ПОЛНОМ БЛЕСКЕ

В четверг утром Вест-Линн радостно пробудился к жизни: весело позванивали колокола, улицы были запружены людьми, в окнах виднелось множество любопытных лиц; казалось, весь город живет предвкушением чего-то необычного. Это был день выдвижения кандидатов, что явилось для горожан отличным поводом устроить себе праздник.

Вышеуказанное мероприятие было назначено на десять часов, но уже задолго до этого времени на улицах Вест-Линна было буквально не протолкнуться от людей. Съехались гости со всего графства, в великом множестве: богатые и бедные, знатные и безродные, с правом избирательного голоса и без него. Всем хотелось стать участниками столь увлекательных событий. Видите ли, читатель: тот знаменательный факт, что сэр Фрэнсис Ливайсон выставил свою кандидатуру против м-ра Карлайла, вызвал к этим выборам огромный интерес, необычный для таких небольших городов, как Вест-Линн, не избалованных событиями подобного масштаба.

Барбара приехала в Вест-Линн в своем экипаже вместе с двумя детьми и гувернанткой. Мадам Вин хотела остаться дома, но Барбара ничего и слушать не желала, восприняв это чуть ли не как оскорбление. Кроме того, заявила она, если мадам Вин не интересуется м-р Карлайл, ей нужно позаботиться о Люси, так как она сама будет слишком занята, чтобы присматривать за детьми.

Итак, мадам Вин пришлось волей-неволей усестись в ландо напротив миссис Карлайл. Густая вуаль скрывала ее лицо, своей бледностью резко контрастировавшее с неизменными зелеными очками.

Когда они приехали к мисс Карлайл, у нее в доме уже собралась внушительная компания: леди и мисс Доубид, семейство Гербертов, миссис Хэйр и многие другие; дом мисс Корни находился в чрезвычайно удобном месте для наблюдения за ареной будущих событий, и, кроме того, все хотели засвидетельствовать свое почтение м-ру Карлайлу. Мисс Карлайл была при полном параде: в платье из парчи с красно-фиолетовым бантом спереди, величиной с тыква. Похоже, это был единственный случай в ее жизни, когда она сочла необходимым надеть столь пышный наряд. У Барбары не было банта, но его с успехом заменил великолепный букет из красных и фиолетовых цветов, который вручил ей утром сам м-р Карлайл. Последний, направляясь в ратушу, увидел это представительное общество в окнах верхней гостиной и решил зайти на минутку. Быстрый обмен рукопожатиями, улыбки, сердечные пожелания успеха — и вот уже он выходит из комнаты. Барбара выскользнула вслед за ним.

— Да благословит тебя Господь, любимый!

Кандидатуру м-ра Карлайла в этот день представлял сэр Джон Доубид, а поддерживал — м-р Герберт. Лорд Маунт-Северн, развивший в эти дни весьма бурную деятельность, с удовольствием взял бы на себя обязанности вышеуказанных джентльменов. Однако, не будучи местным жителем, он не имел такого влияния в Вест-Линне, как они. Сэра Фрэнсиса Ливайсона также представили двое уважаемых джентльменов. Когда голосующие подняли руки, соотношение голосов оказалось примерно двадцать к одному в пользу м-ра Карлайла, в ответ на что «команда» баронета потребовала поименного голосования.

И тут все пришло в смятение: публика бросилась к трибунам для представления кандидатов, которые были установлены в другом месте вследствие того, что ратуша оказалась слишком тесной для этой цели. Итак, тесня и толкая друг друга, все пустились туда: кандидаты, их сторонники, джентльмены, чиновники, просто зеваки — одним словом, буквально все. М-р Карлайл шагнул под руку с сэром Джоном Доубидом, которого в свою очередь, так же поддерживал лорд Маунт-Северн. Что же касается прочих участников этого шествия, то они шли в полном беспорядке, что, впрочем, вполне естественно при таком столпотворении. Чтобы прийти к месту заключительных событий, им пришлось снова пройти мимо дома мисс Карлайл. Юный лорд Вейн, который, конечно же, был в самой гуще толпы, поднял глаза на окна, снял шляпу и воскликнул:

— Карлайл и честь — навсегда!

Дамы рассмеялись, дружно закивали и принялись размахивать своими красно-фиолетовыми вымпелами. Толпа подхватила клич, и вскоре воздух задрожал от этого могучего крика:

— Карлайл и честь — навсегда!

У Барбары слезы полились из глаз, но даже сквозь слезы она улыбнулась любимым глазам в толпе, которые нашли ее в этот момент.

— Созвездие красавиц! — прошептал м-р Дрейк на ухо Ливайсону. — Сколько женщин вокруг него! Послушай, Ливайсон: дурак и ты, и эти шишки из правительства, что продолжаете борьбу: я ведь уже давно говорил вам об этом. У тебя такие же шансы против Карлайла, как у соломинки — против ветра. Надо было тебе вовремя удалиться.

— Как трусу! — сердито ответил сэра Фрэнсис. — Нет уж: я пойду до конца!

— Какая миленькая у него жена, — продолжал м-р Дрейк, устремив восхищенный взгляд на Барбару. — Послушай, Ливайсон: и первая была так же хороша?

Это напоминание, судя по всему, привело сэра Фрэнсиса в ярость. Однако не успел он произнести и слова, как некто в полицейской форме протиснулся сквозь толпу и положил руку ему на плечо:

— Сэр Фрэнсис Ливайсон, я вынужден задержать Вас.

«За долги», — промелькнуло в голове у сэра Фрэнсиса, и, хотя даже мысль о чем-то худшем не пришла ему на ум, он, тем не менее, побагровел от ярости.

— Руки прочь, мерзавец! Как ты смеешь?

Быстрое движение, легкий щелчок, небольшое смятение в толпе поблизости — и наш баронет оказался в наручниках. М-р Дрейк настолько опешил, что даже не попытался защитить своего товарища. По меньшей мере с дюжину зрителей принялись выкрикивать насмешки в его адрес.

— Извините, что мне пришлось сделать это прилюдно, — сказал полицейский то ли сэру Фрэнсису, то ли джентльменам, стоявшим поблизости, — но вчера вечером я так и не нашел его, как ни старался, а ордер находится у меня на руках со вчерашнего дня, с пяти часов. Сэр Фрэнсис Ливайсон, Вы арестованы по обвинению в предумышленном убийстве Джорджа Хэллиджона.

Толпа отпрянула от них, оцепенев от ужаса. Новость мгновенно разнеслась из конца в конец этого праздничного многолюдья, никого не оставив равнодушным. Дамы, наблюдавшие за этой сценой из окон дома мисс Карлайл, видели, что произошло, хотя и не догадывались о причине. Некоторые из них побледнели при виде наручников, а Мэри Пиннер, девушка весьма впечатлительная, даже вскрикнула.

Но, как бы ни разволновались дамы, цвету их лиц было куда как далеко до той ужасной мертвенной бледности, которая исказила черты Фрэнсиса Ливайсона. На его лицо было страшно смотреть; он сделался жалок в своем страхе. Сэр Фрэнсис пару раз судорожно глотнул воздух ртом, и тут его взгляд упал на Отуэя Бетела, стоявшего неподалеку. Если опустить некоторые словесные красоты, не подлежащие передаче, из его уст вырвалось примерно следующее:

— Ах ты, пес! Это твоя работа?

— Нет! Клянусь...

Собирался ли м-р Отуэй Бетел поклясться Юпитером или же Юноной, нам уже никогда не узнать, поскольку он так и не успел договорить: другой полицейский без промедления защелкнул наручники на его руках.

— М-р Отуэй Бетел, Вы арестованы за соучастие в убийстве Джорджа Хэллиджона.

Можете не сомневаться, читатель, что все, кто видел это, также оказались буквально прикованными к месту — образно выражаясь, разумеется — и во все глаза наблюдали за развитием событий. Полковник Бетел, покинув строй «красно-фиолетовых», врезался в ряды «желтых». Он, разумеется, знал, что его племянник отнюдь не служил олицетворением порядочности, но увидеть его в наручниках...

— Что все это значит? — громогласно спросил он полицейских.

— Мы не виноваты, полковник; мы всего-навсего выполнили полученное предписание, — ответил один из стражей порядка. — Члены городского магистрата вчера выписали ордер на этих двух джентльменов, подозреваемых в причастности к убийству Хэллиджона.

— Вместе с Ричардом Хэйром? — воскликнул потрясенный полковник, переводя взгляд с полицейских на арестованных и обратно.

— Выяснилось, что Ричард Хэйр не имеет ни малейшего отношения, — ответил полицейский. — Говорят, он невиновен. Впрочем, я и сам не знаю, что думать.

— Клянусь, что я невиновен, — с горячностью вмешался Отуэй Бетел.

— Ну что же, сэр: Вам остается только доказать это, — вежливо ответил второй слуга закона.

Мисс Карлайл и леди Доубид свесились из окна, поскольку не в силах были молчать, снедаемые любопытством. Миссис Хэйр подошла к ним.

— Что случилось? — в один голос спросили обе дамы у тех, кто стоял под окнами.

— Эту парочку, неудавшегося члена парламента и молодую Бетела, арестовали за убийство, — громко и отчетливо ответил мужской голос из толпы. — Говорят, они убили Хэллиджона, а потом свалили все на молодого Дика Хэйра, который, как выяснилось, невиновен.

Кто-то пронзительно вскрикнул, и Барбара бросилась к миссис Хэйр.

— Ах, мамочка, милая, успокойся. Тебе вредно волноваться! Ричард и в самом деле невиновен, и это будет доказано. Арчибальд, — добавила она, делая знаки мужу, — подойди же и успокой маму!

М-р Карлайл, конечно же, не расслышал этих слов, но он увидел, что жена взволнована и зовет его.

— Я скоро вернусь, — сказал он своим друзьям и стал проталкиваться сквозь толпу, которая, впрочем, и сама расступалась перед ним.

Миссис Хэйр увели в другую комнату, прочь от беспокойных гостей; м-р Карлайл даже запер дверь на ключ, который машинально вынул из замочной скважины. С ней остались только м-р и миссис Карлайл, да мадам Вин, которую кто-то прислал с флакончиком нюхательной соли. Барбара на коленях примостилась у ног матери, а м-р Карлайл склонился над ней, держа ее руки в своих, чтобы успокоить бедняжку. Мадам Вин хотела выскользнуть из комнаты, но в двери не оказалось ключа.

О, Арчибальд, скажи мне правду! Я знаю: ты не обманешь меня, — взмолилась миссис Хэйр, на лбу которой от волнения выступил пот. — Неужели пришло время оправдать моего мальчика?

— Да.

— Но возможно ли, чтобы именно этот человек был виновен?

— Я всей душой верю, что это сделал именно он, — ответил м-р Карлайл, оглянувшись, дабы убедиться, что никто, кроме них, не слышит этих слов. — Однако, я не скажу прилюдно того, что говорю Вам и Барбаре. В чем бы он ни провинился, роль мстителя мне не подходит. Дорогая миссис Хэйр, наберитесь мужества и спокойствия: скоро наступят лучшие дни.

Барбара поднялась и ласково прижала к себе голову матери, которая беззвучно плакала от переполнявших ее чувств.

— Позаботься о ней, дорогая, — шепнул м-р Карлайл жене. — Ни на минуту не оставляй ее одну и, Бога ради, не впускай сюда этих болтушек из соседней комнаты. Прошу прощения, мадам.

Когда он поворачивался, рука его коснулась шеи мадам Вин, точнее сказать — того одеяния, которое скрывало ее. Он открыл дверь и снова отправился на улицу, оставив мадам Вин сидеть с бешено бьющимся сердцем.

Под крики и насмешки толпы сэра Фрэнсиса и Отуэя Бетела препроводили в полицейский участок, где они должны были ожидать того момента, когда их вызовут к себе господа мировые судьи. По мнению партии сэра Фрэнсиса, это было неслыханным позором для кандидата в члены парламента, поэтому его сторонники, посовещавшись, сочли за благо снять эту кандидатуру. Впрочем, большинство из них с самого начала не сомневались в том, что у него нет ни малейших шансов победить.

Справедливости ради, надо отметить, что в день выборов произошло еще одно событие, заслуживающее внимания. Читатель помнит, конечно же, мисс Карлайл во всем великолепии: в парчовом платье, с красно-фиолетовым бантом-великаном, исполненную законной гордости за брата! Но, если бы эта достойная особа знала, кто находился этажом выше нее, последствия могли быть самыми ужасными, ибо это была не кто иная, как «бесстыдная потаскушка», говоря словами самой мисс Корни, неизвестная нам Эфи Хэллиджон. Тайком проведенная в дом служанками мисс Карлайл, она тоже предстала во всей красе. Юбка из бело-зеленого клетчатого шелка, с оборками и необъятным кринолином, нарядная шляпка с вуалью, украшенная цветами, тончайшие белые перчатки и кружевной платочек, благоухающий мускусом. Право же: для

душевного равновесия мисс Карлайл было бы лучше остаться в полном неведении касательно этой вылазки противника на ее территорию! Эфи стояла, пестрая как подсолнечник, под восхищенными взглядами джентльменов и простолюдинов, смешавшихся в толпе под ее ногами.

— А все-таки он красавчик! — заявила она служанке мисс Карлайл, когда сэр Фрэнсис Ливайсон появился перед окнами.

— Однако же, каков негодяй! — ответила собеседница. — Подумать только: он явился сюда, чтобы бороться с м-ром Арчибальдом!

— Что такое? — воскликнула Эфи. — Почему они остановились? Полицейские... Ах! — взвизгнула Эфи. — Они надели на него наручники! Но что он сделал? Что он мог натворить?

— Где? Кто? Что? — все разом загалдели слуги, не разглядев, что творится в толпе. — На кого наручники-то?

— На сэра Фрэнсиса Ливайсона. Тише! Что они говорят?

Не понимая, в чем дело, Эфи так и замерла, краснея и бледнея попеременно. Однако ей по-прежнему не удавалось понять, что случилось. Она не расслышала того, что ответили из толпы на вопрос мисс Карлайл и леди Доубид.

— Что он сказал? — закричала она.

— Боже праведный! — взвизгнула одна из служанок, чей слух оказался острее, чем у Эфи. — Он говорит, они арестованы за предумышленное убийство Хэл... твоего отца, Эфи: сэр Фрэнсис Ливайсон и Отуэй Бетел.

— Что? — вскрикнула Эфи.

— Он говорит, что это сделал Ливайсон, — продолжала служанка, прислушавшись. — А молодой Ричард Хэйр оказался невиновен.

Эфи не сразу поняла смысл этих слов, а затем дважды глотнула воздух ртом, словно задыхаясь, вздрогнула, пошатнулась и тяжело рухнула на пол, потеряв сознание.

Глава 15

МИСТЕР ДЖИФФИН

Когда Эфи наконец очнулась, ей пришлось выбираться из дома мисс Карлайл таким же контрабандным образом, каким она в него проникла. Натура весьма жизнестойкая, она легко оправилась от этого обморока, вызванного то ли испугом, то ли удивлением, то ли жарой — кто знает, чем именно он был вызван! Будучи природной кокеткой, Эфи жеманно, мелкими шажками засеменяла к дому миссис Латимер; при этом она помахивала своим кружевным платочком, который держала в одной руке, в то время как другой изящно приподняла оборки платья, продемонстрировав вышитую нижнюю юбку и лайковые сапожки на невероятно высоких каблуках. Впрочем, давайте не будем упрекать Эфи за то, что она следовала моде, пусть даже столь несурзой.

Неподалеку от дома мисс Карлайл находился магазин, в котором торговали сыром, ветчиной и маслом; право же, весьма respectable магазин с таким же respectable владельцем! Это был молодой человек с кротким выражением лица, который переехал в Вест-Линн, купив магазинчик у прежнего владельца, скопившего достаточно денег, чтобы удалиться от дел. Все считали, что и м-р Джиффин со временем поступит точно так же. Что же касается качества товаров, достаточно будет сказать, что мисс Карлайл постоянно делала покупки у м-ра Джиффина. Последний стоял в дверях, когда Эфи проходила мимо, в то время как его продавец был занят содержимым бочонка с маслом, находясь за прилавком.

Эфи задержалась возле магазина: м-р Джиффин искренне восхищался ее прелестями, и наша героиня, большая специалистка по этой части, никогда не упускала случая пофлиртовать с ним.

— Добрый день, мисс Хэллиджон, — приветливо заговорил м-р Джиффин.

Прежде чем подать ей руку, он старательно подоткнул и убрал за спину свой белый фартук, о котором когда-то пренебрежительно отозвалась наша прелестница.

— Ах, это Вы, Джиффин! Как поживаете? — величественно ответила Эфи, притворившись, будто не заметила его ранее, после чего удостоила его руку прикосновением своих белых перчаток, все это время кокетливо поигрывая платочком, вуалью и своими завитыми локонами. — А я полагала, что Вы сегодня закроете магазин и устроите себе выходной.

— Кто-то же должен заниматься делом, — ответил м-р Джиффин, целиком поглощенный созерцанием многочисленных прелестей Эфи. — Если бы я знал, что Вы сегодня отдыхаете, то, возможно, и сам взял бы выходной в надежде где-нибудь встретить Вас.

В этих словах звучало нескрываемое восхищение, которое сразу же уловило опытное ухо Эфи. «Какой же он простак!» — подумала она.

— Для меня величайшее счастье в жизни — увидеть Вас из окна магазина. В такие моменты мне кажется, будто солнце заглядывает к нам.

— Бог ты мой! — ответила Эфи, жеманно улыбаясь. — Вам-то какая радость от этого? Если у Вас есть глаза, Вы могли видеть меня час или два назад, когда я шла к мисс Карлайл, — продолжала на с таким видом, будто речь шла об утреннем визите к герцогине.

— И в самом деле, где же были мои глаза! — с горьким раскаянием воскликнул м-р Джиффин. — Не иначе как я изучал очередной бочонок с маслом! Нам, знаете ли, прислали целую партию испорченного масла, мисс Хэллиджон, и я собираюсь отправить его обратно.

— Ах! — презрительно заметила Эфи. — В таких низких материях, как бочонки с маслом, я совершенно не разбираюсь.

— Разумеется, разумеется, мисс Хэллиджон, — подобострастно ответил бедный Джиффин. — Правда, это очень выгодное дело для того, кто знает в нем толк.

— Что там за крик? — воскликнула Эфи, имея в виду страшный гвалт, уже некоторое время доносившийся до них.

— Избиратели приветствуют м-ра Карлайла. Полагаю, Вам известно, что его избрали?

— Вовсе нет.

— Поскольку кандидатуру того, другого, сняли его же собственные друзья, все закончилось быстро, и теперь м-р Карлайл будет нашим представителем в парламенте. Дай ему Бог всего наилучшего! Немного найдется таких людей, как он!

— Смотрите, сколько покупателей! Вашему продавцу в одиночку не управиться, так что я не стану больше отвлекать Вас своей болтовней.

Изящно качнув оборками платья и взмахнув платочком, Эфи величественно удалилась, а м-р Джиффин, с трудом оторвав от нее свой восхищенный взгляд, вернулся в магазин, чтобы помочь обслужить четверых или пятерых служанок, явившихся за покупками.

«А что: не такой уж плохой вариант! — принялась рассуждать Эфи под мерное покачивание своего криолина. — Разумеется, ноги моей не будет в этом магазине — разве что захочется заказать что-нибудь, как это делают другие покупатели. Слава Богу, что есть отдельный вход! Говорят, на втором этаже он обставил шикарную гостиную, с зеркальным шифоньером, брюссельским ковром, стульями и диваном из сандалового дерева, и вообще всем необходимым. За магазином тоже есть неплохая комната, и я-то уж позабочусь о том, чтобы хорошо ее обставить, если он еще не сделал этого. Заставлю его купить рояль для гостиной: он очень изысканно выглядит, даже если на нем никто не играет. У нас будет двое слуг: кухарка и горничная; стоит ли выходить замуж для того, чтобы тебе прислуживала какая-то замарашка, выполняющая всю работу по дому! Джиффин такой мягкотелый: он на все согласится. Не сомневаюсь, что он позволит мне превратить дом в театр, если я пожелаю, только бы не трогали его магазин! Ну что же: Бога ради! Магазин будет его территорией, а остальная часть дома — моей. Для чего вообще существуют мужья, если не для того, чтобы работать на нас? Во всем остальном от них сплошные беспокойства. Интересно, сколько у него спален? Если в доме нет просторной спальни, придется сделать из двух комнат одну. Терпеть не могу спать в клетушках! У меня будет роскошная кровать с драпировками, что-нибудь эдакое в новоарабском стиле, гардероб с ширмой, роскошный туалетный столик с зеркалом, и высокое зеркало в раме, не считая прочей мебели. Может быть, в углу поставим небольшую железную кровать для него: это сейчас очень модно среди аристократов — иметь отдельные кровати. Посмотрим... Да: в целом — это неплохой вариант. Вот только имя! Джиффин. Джо Джиффин! Подумать только: называться миссис Джо Джиффин! Нет, но... Боже праведный, что Вам нужно?

Воздушные замки Эфи разрушил м-р Эйбнезер Джеймс, который, догнав ее скорым шагом, дернул сзади за оборки платья, чтобы тем самым возвестить о своем появлении.

— Как поживаете, Эфи? Я шел к миссис Латимер, чтобы увидаться с Вами, так как не знал, что Вы еще не вернулись домой. Видел Вас сегодня в окне у мисс Корни!

— Приберегите свои песни для других, Эйбнезер Джеймс. Что это Вам вздумалось фамильярничать? Эфи! Я ведь уже говорила Вам, чтобы Вы держались от меня подальше со своими глупостями. Вы заявили Джиффину, что я была Вашей возлюбленной.

— А разве нет? — рассмеялся м-р Эйбнезер.

— Никогда! — рассерженно ответила она. — В те дни я водилась кое с кем получше. Кроме того, даже если бы никого лучше не нашлось, я бы все равно презирала Вас. Вы же были бродячим лицедеем!

— А кем были Вы? — осведомился м-р Эйбнезер многозначительным тоном, который вдруг сменил добродушный смех.

Щеки Эфи побагровели, и она даже занесла руку, словно собираясь ударить его. Возможно, если бы дело происходило не на улице, а в каком-либо другом месте, м-р Эйбнезер подвергся бы оскорблению действием. Теперь же Эфи опустила руку, овладев собой.

— Если Вы полагаете, будто меня могут задевать Ваши злобные измышления, Эйбнезер Джеймс, то Вы ошибаетесь. Меня здесь слишком уважают, так что можете не стараться.

— Что такое, Эфи? Что Вас рассердило? Я не хочу каким-либо образом задеть Вас. Говорите, это у меня и не вышло бы? — добавил он, еще раз беззлобно хихикнув. — Я сам бывал в слишком многих переделках, чтобы своей болтовней причинять неприятности кому-либо еще.

— Ну хватит. Ступайте. Позволить Вам находиться рядом с собой может лишь человек, не дорожащий своей репутацией.

— Ну что же: я избавлю Вас от своего общества, как только выполню то, что мне поручено. Хотя, что касается «репутации»... впрочем, не стану более злить Вас. Сегодня в три часа пополудни Вам надлежит всенепременно явиться в суд.

— В суд? — воскликнула Эфи. — Я? Но зачем?

— Всенепременно, слышите? — повторил м-р Эйбнезер. — Вы же видели, как арестовали Вашего дружка Ливайсона...

Эфи негодуяюще топнула ножкой.

— Думайте, что говорите, Эйбнезер Джеймс! Дружка! Да я на Вас в суд подам за клевету!

— Не будьте такой гусыней, Эфи. Что толку важничать со мной? Вы-то знаете, где я видел вас вместе. Люди полагали, что Вы встречаетесь с Диком Хэйром... Я мог бы их разубедить, но не стал делать этого. Это не мое дело: ни тогда, ни сейчас. Ливайсон, или, точнее, Торн, задержан за убийство Вашего отца, и от Вас ждут свидетельских показаний.

Эфи словно подменили. Взгляд ее из высокомерного сделался робким, если не сказать испуганным.

— Я ничего не знаю об убийстве! — запинаясь, выговорила она, все еще пытаюсь храбриться. — И я никуда не пойду.

— Вам придется сделать это, Эфи, — ответил он, вложив ей в руку какую-то бумагу. — Вот Ваша повестка. Болл так и сказал, что без нее Вы не придете.

— Я ни за что не стану давать свидетельских показаний против Ливайсона, — воскликнула она, разорвав повестку на мелкие куски и разбросав их вокруг себя. — Слышите, Вы? Вот так! Чтобы я помогла отправить на виселицу невиновного человека, когда на самом деле виновен Ричард Хэйр?! Нет! Я уж лучше уберусь в какое-нибудь укромное местечко, милях в ста отсюда, и пережду, пока все это закончится. Что же касается Вас, я никогда не забуду, какую гадость Вы мне подстроили, Эйбнезер Джеймс!

— Я?! Вы что же, полагаете, будто я имею к этому какое-либо отношение? Это не так, уверяю Вас, Эфи. М-р Болл вручил мне эту повестку и велел доставить ее. Он с таким же успехом мог отдать ее другому клерку: это вышло совершенно случайно. Я скорее оказал бы Вам дружескую услугу, чем постарался бы как-то навредить.

Эфи пустилась прочь со скоростью курьерского поезда, просто отмахнувшись и от него самого, и от его объяснений.

— Смотрите же: упаси Вас Бог не явиться, Эфи, — крикнул он ей вслед.

— Упаси меня Бог дать показания, — с горящими глазами отвечала она. — Ну как же! Ни силой, ни хитростью они не заставят меня предстать перед ними!

Эйбнезер Джеймс проводил ее восхищенным взглядом.

«Какой, однако, темперамент у этой Эфи, если вывести ее из себя! — констатировал сей умудренный нелегкой жизнью наблюдатель. — Она, конечно же, скроется, если ее не задержать. Ну и дурочка! Боится, что всплывет нечто о ее отношениях с Торном. Да ничего подобного, если она сама себя не выдаст, разозлившись. А вот Болл, кстати. Придется все рассказать ему».

Тем временем Эфи приближалась к дому миссис Латимер, которая не выходила на улицу из-за легкого недомогания; вскоре, сбросив мелкие атрибуты своего пышного убранства, она проследовала к своей хозяйке.

— Ах, мэм, — начала Эфи, — какое ужасное известие: у меня умирает родственница и срочно хочет видеть меня! Я должна ехать ближайшим поездом.

— Боже мой! — воскликнула миссис Латимер, на мгновение утратившая дар речи от страха. — Но как же я без Вас, Эфи?

— Это ведь воля умирающей, мэм, — взмолилась Эфи, промокнув несуществующие слезы платочком — заметьте, не кружевным. — Разумеется, при других обстоятельствах я ни за что не попросила бы Вас об этом, особенно при Вашем теперешнем состоянии.

— А где живет эта Ваша родственница? — поинтересовалась миссис Латимер. — Вы надолго уезжаете?

Эфи назвала первый город, который пришел ей на ум, и выразила лицемерную «надежду», что вернется на следующий день.

— А что это за родственница? — продолжала миссис Латимер. — Я полагала, у Вас нет родственников, кроме Джойс и Вашей тетушки, миссис Кейн.

— Это другая тетушка, — Эфи тихо всхлипнула. — Я раньше не рассказывала о ней, потому что мы не особенно дружны. Как Вы понимаете, из-за наших прежних разногласий, теперь я просто обязана явиться на ее зов.

Эфи разыграла эту импровизацию как по нотам, и миссис Латимер в конце концов уступила. Эфи птицей взлетела вверх, в свою комнату, спешно оделась, бросила кое-что из одежды в небольшую кожаную сумку, положила немного денег в кошелек и вышла из дома.

По солнечной стороне улицы лениво прогуливался полисмен. Увидев Эфи, с которой был немного знаком, он пересек улицу и подошел к ней.

— Добрый день, мисс Хэллиджон. Прекрасная погода сегодня, не правда ли?

— Неплохая, — ответила Эфи, вынужденная остановиться. — Простите, но я спешу.

Однако, как она ни ускоряла шаг, он продолжал идти рядом с ней. Наконец, она побежала, и он тут же, перешел на бег.

— Куда Вы так торопитесь? — спросил он.

— Какое Вам дело до этого? Кроме того, сейчас мне просто не до Вас. Все мое время. Поболтаем как-нибудь в другой раз.

— Похоже, Вы торопитесь на поезд?

— Именно так, раз уж Вам непременно хочется удовлетворить свое любопытство. Я отправляюсь в увеселительную поездку, м-р любознательный!

— Надолго?

— Ну... завтра вернусь, может быть. А что, м-ра Карлайла и вправду избрали в парламент?

— Да, конечно. Пожалуйста, не ходите туда.

— Не ходить? — повторила Эфи. — Да ведь это кратчайший путь к станции. Так можно срезать угол.

В этот момент полисмен осторожно взял ее за руку. Эфи вообразила, что он дурачится, как бы показывая, что не в силах расстаться со столь очаровательной особой.

— Это еще что такое? Я же сказала, что сейчас у меня нет времени. Уберите руки! — сердито добавила на, ибо его хватка ничуть не ослабла — скорее наоборот.

— Мне очень жаль, что приходится огорчать даму, особенно такую, как Вы, но я не могу отпустить Вашу руку, поскольку мне приказано немедленно доставить Вас, мисс, в комнату для свидетелей: сегодня Вам предстоит дать показания.

Если Вам, читатель, приходилось когда-либо видеть привидение, своей бледностью превосходящее прочих обитателей потустороннего мира, Вы, возможно, сумеете представить себе, как выглядела в этот момент Эфи Хэллиджон. Она даже не грохнулась в обморок, как это уже случалось в тот день; нет: у нее был такой вид, будто она сейчас умрет. Один пронзительный вопль, впрочем, тут же прервавшийся, ибо она сохранила достаточное присутствие духа, чтобы не забыть, где находится, последняя отчаянная попытка освободиться — и ей пришлось смириться со своей незавидной участью.

— Мне нечего сообщить им, — сказала она, уже спокойнее. — Я ничего не знаю об этом деле.

— Так же, как и я, — ответил ее собеседник. — Я даже не знаю, зачем Вы им потребовались. Когда нам дают указания, мисс, мы даже не можем спросить, что все это значит. Мне было велено проследить за тем, чтобы Вы не уехали из города, и доставить Вас в комнату для свидетелей, что я и попытался исполнить со всей возможной вежливостью.

— Надеюсь, Вы не думаете, что я позволю вести себя за руку через весь город?

— Я уберу ее, мисс, если Вы пообещаете, что не сбежите. Это, видите ли, все равно ничего не даст Вам, ибо я догоню Вас через пару ярдов — Вы лишь привлечете к себе внимание. Вам не имеет смысла бегать наперегонки или бороться со мной.

— Обещаю не сопротивляться, — сказала Эфи. — Отпустите же меня.

Она сдержала свое слово, ибо знала, что он прав. Она угодила в руки беспощадных врагов, и ей придется смириться с этим. Так они и прошли по городу, словно прогуливаясь; при этом он галантно нес ее сумку. Именно в таком виде они и предстали перед изумленным взором мисс Карлайл, когда проходили мимо ее окон.

«Куда смотрит его начальство!» — подумалось мисс Корни.

Эфи поместили в комнату для свидетелей — небольшое помещение, свет в которое проникал сквозь застекленную крышу. Она очень недурно провела время, то обдумывая, что сказать миссис

Латимер, то пытаюсь решить, в чем можно признаться судьям, не скомпрометировав себя. Употребляя глагол «скомпрометировать», мы вовсе не имеем в виду причастность к убийству. Эфи была так же невиновна, как мы с вами. Более того: она твердо верила в невинность Фрэнсиса Ливайсона, равно как и в то, что ее отца убил Ричард Хэйр. И, тем не менее, она понимала, что ее поведение в то время отнюдь не представит Эфи Хэллиджон в выгодном свете, скорее наоборот — даст пищу для сплетен всем ее досужим землякам.

Глава 16

В ПРИСУТСТВЕННОМ МЕСТЕ

Мировые судьи заняли свои места на скамье, которая с трудом вместила всех, кто носил это почетное звание и в любой другой день, конечно, оказался бы за пределами Вест-Линна. Что же касается самого зала, то в него набилось такое количество людей, что, казалось, теперь это помещение никогда не опустеет снова. Сторонники и друзья Фрэнсиса Ливайсона, явившиеся дружной группой, кричали, что не верят ни единому слову этого обвинения, возможно, состряпанного партией красно-фиолетовых.

Лорд Маунт-Северн, почтивший заседание суда своим присутствием, сидел на скамье вместе с судьями, а лорд Вейн устроился, как мог, прямо в толпе. Г-н судья Хэйр восседал на председательском месте, суровый, мрачный и непреклонный сверх обычного. Он не собирался принимать чью-либо сторону, и даже ради спасения собственного сына от виселицы не признал бы сэра Фрэнсиса виновным, если бы голос совести сказал ему, что он неправ. Полковник Бетел, не менее суровый на вид, также сидел на скамье для судей.

В этом непритязательном месте — что в равной степени касается и помещения, и господ судей, не все и не всегда решалось в строгом соответствии с буквой закона. Серьезные дела обычно рассматривались в Линборо; здесь же не приговаривали ни к чему серьезнее недельной отсидки, месяца принудительных работ, или же хорошей порки для малолетних правонарушителей. В данном слушании, впрочем, как и во многих других, рассматривались показания, неприемлемые для традиционной судебной процедуры: доказательства, основанные на слухах, и прочие мелкие нарушения подобного рода.

М-р Рубини представлял в суде сэра Фрэнсиса Ливайсона.

М-р Болл открыл слушание, сообщив присутствующим то, что поведал ему Ричард Хэйр, но не указывая, что получил эту информацию лично от него. На вопрос об источнике подобных сведений он ответил, что пока не может этого сообщить.

Камнем преткновения для мировых судей оказалось опознание Ливайсона как Торна. Суд вызвал для дачи показаний Эйбнезера Джеймса.

— Что Вы знаете об этом человеке, находящемся под стражей? — спросил судья Герберт.

— Немногое. Мне он был известен под именем капитана Торна.

— Капитана Торна?!

— Эфи Хэллиджон называла его капитаном, хотя, насколько я понял, он в те поры был лейтенантом.

— Как Вы узнали об этом?

— От Эфи. Она была единственным человеком, о которой мы говорили о нем.

— И Вы утверждаете, что часто видели его в Аббатском лесу?

— Я постоянно встречал его там, равно как и возле коттеджа Хэллиджонов.

— Вы разговаривали с ним, называя его Торном?

— Два или три раза. Я обратился к нему, и он отозвался на это имя. У меня и в мыслях не было, что его зовут как-то иначе. Отуэй Бетел, — он быстро взглянул на м-ра Отуэя, все еще одетого в свой косматый дорожный костюм, — также знал его как Торна; я не сомневаюсь, что и Локсли, который вечно торчал в лесу, тоже был знаком с ним.

— Кто еще?

— Сам Хэллиджон, бедняга, тоже знал его под этим именем. Он как-то сказал Эфи в моем присутствии, что не позволит этому расфуфыренному щеголю Торну приезжать к ним.

— Он именно так и выразился?

— Да, «этому расфуфыренному щеголю Торну». Эфи, помнится, дерзко ответила, что он может приходить к ним, как и всякий другой, и она не позволит отцу придирааться к ней, словно она сама не может о себе позаботиться.

— Это не имеет отношения к делу. Кто-нибудь еще знал этого Торна?

— Полагаю, его знала Джойс, а уж лучше всех — молодой Ричард Хэйр.

«Старый» Ричард Хэйр грозно нахмурил брови, представив своего сына.

— Зачем он так часто бывал в лесу?

— Он ухаживал за Эфи.

— С намерением жениться на ней?

— Ну... нет, — воскликнул м-р Эйбнезер, скривив рот. — Полагаю, у него не было подобных намерений Он приезжал сюда откуда-то из-под Свейнсона, на прекрасной лошади.

— Каким Вам представлялся род его занятий?

— Я считал, что он возвращается в высших кругах общества. В этом и сомневаться не приходилось. Одежда манеры, голос — все выдавало в нем аристократа. Он явно не хотел, чтобы кто-то видел его, и поэтому редко приезжал до наступления сумерек.

— Вы видели его в тот вечер, когда был убит Хэллиджон?

— Нет, меня самого не было там в это время.

— Не возникало ли у Вас подозрений, что он может быть виновником убийства?

— Никогда. В этом ведь обвинили Ричарда Хэйра. Мне и в голову не приходило, что он может быть невиновен.

— Скажите, Бога ради, когда все это случилось? — вмешался м-р Рубини, который счел, что свидетельские показания на этом закончились.

— Так... — ответил м-р Эйбнезер. — Не скажу с точностью до года, но, думаю, лет двенадцать назад, если не больше.

— И Вы готовы поклясться, что сэр Фрэнсис Ливайсон — тот самый человек, когда прошло уже столько лет?

— Я клянусь, что это он. Я так же уверен в этом, как в том, что я — это я.

— При том, что Вы никогда не встречались с ним с тех пор! — насмешливо заметил юрист. — Чушь, господин свидетель!

— Этого я не говорил, — парировал м-р Эйбнезер.

При этих словах господи судьи навострили уши.

— Так Вы его видели? — спросил один из них.

— Однажды.

— Где и когда?

— Это было в Лондоне года через полтора после убийства.

— Какое у Вас было дело к нему?

— Никакого. Я увидел его совершенно случайно.

— И за кого же Вы его приняли: за Торна или же Ливайсона?

— За Торна, разумеется. Я ни сном ни духом не ведал, что он Ливайсон, пока этот человек не приехал сюда противником м-ра Карлайла на выборах.

При этих словах сэр Фрэнсис яростно выругался — в душе, разумеется. Что за черт дернул его сунуть свою голову в пасть льву! Какая-то непонятная сила — даже не боязнь встретиться с Карлайлом — удерживала его от этого. Почему же он, безумец, не послушался ее!

— Возможно, Вы обознались в Лондоне, свидетель. Может быть, это был вовсе не тот, кого Вы знали здесь как Торна.

М-р Эйбнезер загадочно улыбнулся.

— Нет, я не обознался, — многозначительно ответил он. — Клянусь.

— Вызовите Афродиту Хэллиджон.

Все тот же полисмен ввел в зал Эфи. М-р Болл попросил м-ра Эйбнезера Джеймса выйти из зала на то время, когда она будет давать показания. Несомненно, у него были свои, веские причины для такой просьбы.

— Назовите Ваше имя.

— Эфи, — ответила она, волком глядя на всех и стараясь держаться спиной к Фрэнсису Ливайсону и Отуэю Бетелу.

— Будьте добры назвать полное имя. При крещении Вас называли не «Эфи».

— Афродита Хэллиджон. Вы все знаете мое имя не хуже меня самой. Зачем же задавать ненужные вопросы?

— Приведите свидетельницу к присяге, — сказал судья Хэйр, и это были первые слова, которые он произнес с начала заседания.

- Я не желаю делать этого, — сказала Эфи.
- Но Вы должны поклясться на Библии, — сказал судья Герберт.
- Говорю же Вам; не буду! — повторила Эфи.
- Тогда нам придется отправить Вас в тюрьму за неуважение к суду.

Эфи побледнела, поняв по его голосу, что пощады ждать не приходится, и в этот момент раздался голос сэра Джона Доубида:

— А Вы, молодая особа, не причастны ли случаем к убийству Вашего отца.

— Я?! — ответила Эфи, задрожав от волнения и злости. — Как Вы смеете задавать мне такие противоестественные вопросы, сэр? Он был добрейшим из отцов! — добавила она, с трудом удерживая слезы. Я любила его так горячо, что отдала бы за него жизнь.

— И, тем не менее, Вы не желаете давать показаний, которые помогли бы осуществить правосудие по отношению к его убийце.

— Нет, я отказываюсь вовсе не из-за этого. Я хочу, чтобы его убийцу повесили, причем в моем присутствии. Но, кто знает, какие вопросы вы станете задавать, не будете ли спрашивать о том, что никого, кроме меня самой, не касается. Именно этим вызваны мои возражения.

— Нас интересует только убийство, и все вопросы будут касаться только его.

Эфи задумалась.

— Ну что же, тогда приведите меня к присяге, — сказала она и не подозревая, какое множество щекотливых вопросов ей будет задано.

Итак, она поклялась говорить правду, только правду и ничего кроме правды, хотя и весьма неохотно. Дело в том, что Эфи, которая при прочих обстоятельствах лгала налево и направо, очень серьезно относилась к присяге и считала себя обязанной говорить только правду, если уж приняла ее.

— Как Вы познакомились с этим джентльменом — капитаном Торном, с которым часто виделись в то время?

— Ну вот! — возмущенно сказала Эфи. — Началось! Он не имеет к этому ни малейшего отношения. Он не убивал.

— Вы поклялись отвечать на поставленные вопросы, — неумолимо отвечивал судья. — Как Вы познакомились с капитаном Торном?

— Я встретила с ним в Свейнсоне, — сердито ответила Эфи. — Поехала туда немного прошвырнуться, ну, и встретила его в кондитерской.

— И ему понравилось Ваше милое личико? — осведомился м-р Болл.

От подобного фимиама ее тщеславию Эфи чуть не забыла о своей «скромности».

— Да, именно так, — ответила она обворожительно улыбувшись всем присутствующим.

— И выспросил, где Вы живете, и начал ухаживать, приезжая чуть ли не каждый вечер?

— Да, — призналась Эфи. — И что же в этом дурного?

— Ничего, разумеется, — согласился юрист; он говорил вежливо и добродушно, стараясь помочь свидетельнице успокоиться и говорить совершенно свободно. — Я, признаться, даже немного завидую этому счастливику. Вы в то время знали его как м-ра Ливайсона?

— Нет, он представился капитаном Торном.

— Вы знали, где он живет?

— Нет. Об этом он никогда не говорил. Я полагала, что он остановился в Свейнсоне.

— А... Боже праведный: какая на Вас милая шляпка!

Эфи, главным пороком которой было непомерное тщеславие — запасов его у этой особы хватило бы на десяток хорошеньких женщин — краешком глаза взглянула на предмет восхищения м-ра Болла и совершенно расположилась душой к этому любезному джентльмену.

— И когда же — через какое время после вашей первой встречи — Вы узнали его настоящее имя?

— Довольно скоро: через несколько месяцев.

— После убийства, я полагаю?

— О, да.

В глазах у м-ра Болла появился озорной огонек, и ничего не подозревавшая Эфи быстренько пригладила одним пальчиком свою прическу.

— Кто еще, кроме капитана Торна, был в лесу в тот вечер, когда произошло убийство?

— Ричард Хэйр, а также Отуэй Бетел и Локсли. Вот и все, кого я видела, пока не нагрянула целая толпа после убийства.

— Скажите: Локсли и м-р Отуэй Бетел так же были равнодушны к Вашим чарам, как и те двое?

— Вот еще! — она возмущенно вскинула голову. — Браконьеры несчастные! Пусть бы только попробовали сунуться!

— Кто из тех двоих, Торн или Ричард Хэйр, был с Вами в коттедже в тот вечер?

Эфи задумалась, понемногу начиная превозмогать свое тщеславие и гадая, к чему он клонит.

— Помните, что отвечаете под присягой! — грозно возвестил со своего места судья Хэйр. — Если это был мой... если это был Ричард Хэйр, так и говорите. И не увиливайте!

Эфи вздрогнула.

— Это был Торн, — ответила она м-ру Боллу.

— А где был Ричард Хэйр?

— Не знаю. Он приходил, но я отослала его. Думаю, он слонялся по лесу.

— Он не оставлял у Вас свое ружье?

— Да, оставил, так как обещал одолжить его отцу. Я поставила его прямо возле двери; он сказал, что оно заряжено.

— И скоро ли Вас застал с Торном Ваш отец?

— Он вовсе не заставал нас, — ответила Эфи. — Я увидела отца лишь после его смерти.

— Так вы не все время находились в доме?

— Нет. Мы вышли прогуляться за коттеджем. Капитан Торн простился со мной, а я осталась погулять еще немного.

— Вы слышали выстрел?

— Да, я как раз сидела на пне, о чем-то задумавшись. Но я не придавала этому никакого значения: я и подумать не могла, что стреляют в доме.

— А что хотел забрать в коттедже капитан Торн после того, как простился с Вами? Он что-то оставил там?

Это был, что называется, «выстрел вслепую». М-р Болл, человек весьма проникательный, обдумал все, что поведал ему Ричард Хэйр, сопоставил это с другими фактами и сделал свои выводы, исходя из которых, он и построил допрос Эфи. Похоже, он «раскусил» ее.

— Он забыл свою шляпу, вот и все. Вечер был теплый, и он вышел на прогулку без нее.

— Я полагаю, он рассказал Вам достаточно, чтобы убедить в виновности Ричарда Хэйра, — последовал еще один «выстрел вслепую».

— Меня не нужно было убеждать. Я и без этого знала, кто виноват, как и все остальные.

— Кстати, для полной ясности, — спокойно продолжал Болл-юрист. — Капитан Торн сам видел, как это случилось? Он ничего не говорил Вам?

— Он взял шляпу и уже успел немного отойти от дома, когда услышал, что в коттедже спорят. Один из голосов принадлежал моему отцу. Вскоре последовал выстрел, и он подумал, что произошло что-то неладное, хотя и не подозревал, какое несчастье постигло нас.

— Именно это рассказал Вам Торн? Когда?

— В тот же вечер, но гораздо позже.

— Как же Вы увиделись с ним?

Эфи заколебалась, но ей сурово велели отвечать.

— Меня вызвал из дома один мальчишка и сказал, что какой-то незнакомый джентльмен ждет меня в лесу, а его послал сообщить мне об этом, вручив за труды шесть пенсов. Я вошла в лес и увидела капитана Торна. Он спросил меня, из-за чего поднялся такой шум, ну, и я ответила, что Ричард Хэйр убил моего отца. Вот тут он и сказал, что вспомнил, кому принадлежал второй голос: это был Ричард Хэйр.

— А что это был за мальчик — ну, тот, который приходил за Вами?

— Сынишка матушки Уайтмэн.

— Значит, капитан Торн изложил именно такую версию этой трагедии?

— Это была истинная версия, — обиженно ответила Эфи.

— Откуда Вы знаете?

— Да я уверена, что все было именно так. Кто же еще мог убить его, кроме Ричарда Хэйра? Это просто позор, что вы пытаетесь все свалить на Торна!

— Взгляните на человека, находящегося под стражей, на сэра Фрэнсиса Ливайсона. Это его Вы знали как Торна?

— Да. Но это вовсе не доказывает его виновности!

— Ну разумеется, — покладисто ответил м-р Болл. — Как долго Вы пробыли в Лондоне с капитаном Торном? Ну да Вы помните эту поездку.

Ответом ему был полубезумный взгляд Эфи.

— После того, как произошла эта трагедия, Вы уехали к капитану Торну, в Лондон. Я спрашиваю Вас: как долго Вы пробыли с ним?

Теперь уже он откровенно блефовал, действуя просто по наитию.

— Кто Вам сказал, что я была с ним? Кто сказал, что я поехала к нему? — взорвалась Эфи, щеки которой сделались пунцовыми от злости.

— Это говорю я, — ответил Болл-юрист, от которого не укрылось ее замешательство. — Да полно Вам: все уже быльем поросло. Какой же смысл отрицать это? Все мы время от времени навещаем своих друзей.

— Какая наглость! — воскликнула Эфи. — Куда еще я ездила, по-вашему?

— Вы отвечаете под присягой! — снова вмешался судья Хэйр, и голос его едва заметно дрожал от волнения, несмотря на поистине металлическую суровость. — Вы были вместе с подследственным, Ливайсоном, или же с Ричардом Хэйром?

— Я?! С Ричардом Хэйром? — воскликнула Эфи, также весьма взволнованная; она дрожала как осиновый лист, как от растерянности, так и от какого-то смутного страха. — Как Вы смеете так гнусно клеветать на меня! Я ни разу не видела Ричарда Хэйра с того самого вечера, когда произошло убийство, клянусь! Клянусь, что никогда не встречала его с тех пор. Ездить к нему. Я бы уж лучше съездила к Кэлкрэфту, палачу.

Она говорила правду: это чувствовалось по ее голосу. Председатель уронил руку, которой только что поправил очки, и в душе у него зародился страх, смешанный с самоуничижением. Его сын оказался невиновным в одном из приписываемых ему злодеяний; он может оказаться невиновным и в убийстве, и тогда — что скажут люди о его собственном поведении, столь суровом по отношению к сыну? Жители Вест-Линна, да и сам, в свою очередь, ненавидели Ричарда за связь с этой девушкой после убийства ее отца даже более, чем за само убийство.

— Послушайте, — мягко сказал м-р Болл, — давайте не будем помнить прежних обид. Разумеется, Вы не были с Ричардом Хэйром. Вы же знаете: в Вест-Линне любят позлословить. Вы всего-навсего съездили к капитану Торну, как это могла сделать и всякая другая молодая леди, не так ли?

Эфи низко опустила голову, внезапно сделавшись жалкой и покорной.

— Отвечайте на вопрос, — снова раздался голос председателя. — Вы были с Торном?

— Да, — еле слышно ответила она.

М-р Болл вкрадчиво кашлянул.

— Итак, Вы пробыли с ним... ну, скажем, два или три года?

— Нет, трех лет не прошло.

— Возможно, чуть больше двух?

— Что в этом дурного? — взвизгнула Эфи, зло разрыдавшись. — Если я решила поселиться в Лондоне, а он иногда наносил мне утренние визиты, как старый друг, кому какое дело до этого? Что в этом дурного, спрашиваю я вас?

— Ну конечно же! Я и не говорю, что это дурно, — ответил Болл-юрист, подмигнув публике так, чтобы этого не увидели господа судьи, а также свидетельница. И в то время, когда... когда он наносил Вам эти утренние визиты, Вы уже знали, что это — Ливайсон?

— Да. Тогда я уже знала, что имею дело с капитаном Ливайсоном.

— А он никогда не говорил Вам, почему решил назваться Торном?

— Это была просто причуда. В тот день, когда он разговаривал со мной в кондитерской, в Свейнсоне, он внезапно, ни с того ни с сего, решил не называть своего настоящего имени. Вот он и сказал первое, которое пришло ему в голову. Он вовсе не собирался впредь именоваться Торном или представляться так кому-то еще.

— А вот в этом я не уверен, — сухо ответил м-р Болл. — Ну что же, мисс Эфи, я полагаю, этого пока достаточно. Введите Эйбнезера Джеймса, — шепнул он судебному приставу, когда свидетельница выходила.

Вскоре м-р Джеймс занял место Эфи.

— Вы только что сообщили их светлостям, что встретили Торна в Лондоне года через полтора после убийства, — начал Болл-юрист, делая еще один из своих «слепых» выстрелов. — Вероятно, это было в то время, когда она жила с ним. Ее Вы тоже видели?

Глаза м-ра Эйбнезера округлились от удивления. Он не знал о тех показаниях, которые только что дала Эфи, и поэтому никак не мог взять в толк, откуда вообще стало известно суду о ее пребывании с Торном. Сам он не обмолвился об этом ни единым словом.

— Эфи? — запинаясь, выдавил из себя м-р Эйбнезер.

— Да, Эфи, — резко ответил юрист. — Их светлостям известно, что она уехала из Вест-Линна к Торну, а вовсе не к Ричарду Хэйру, которого обвиняли в связи с ней. Я спрашиваю Вас: Вы видели ее? В то время их связь еще продолжалась.

— Ну... да, видел, — ответил м-р Эйбнезер, совесть которого теперь была чиста, хотя он по-прежнему не понимал, как об этом узнали — разве что сама Эфи не проговорилась, как он и предсказывал, не совладав с нервами. — Вообще-то, сначала я увидел Эфи.

— Расскажите, при каких обстоятельствах это произошло.

— Как-то днем я оказался на Пэддингтон-уэй и увидел даму, которая входила в дом. Это была Эфи Хэллиджон. Как выяснилось, она жила там — снимала квартиру с гостиной. Эфи пригласила меня выпить чаю — и я принял это приглашение.

— Там Вы и увидели капитана Ливайсона?

— Я увидел Торна, поскольку полагал, что его зовут именно так. Эфи сказала, что я должен уйти не позднее восьми, так как она ждет старого друга, который иногда приходит поболтать с ней. Однако же, вспоминая старые добрые времена — правда, я мог не слишком многое рассказать о Вест-Линне, из которого уехал вскоре после нее, — мы заболтались и не заметили, что уже пошел девятый час. Когда Эфи спохватилась наконец, она спешно выпроводила меня, и, едва я вышел за ворота, как подъехал кэб, из которого вышел Торн и проник в дом, открыв дверь своим ключом. Вот и все, что я знаю.

— Почему же Вы, зная, что вину за отсутствие Эфи приписывают Ричарду Хэйру, не сказали об этом, вернувшись в Вест-Линн, и не сняли с него это обвинение?

— Я не мог сделать достоянием гласности чужую тайну. Эфи просила никому не рассказывать, что я видел ее. Я дал ей слово. Что же касается Ричарда Хэйра — какое значение это имело, когда с него не было снято гораздо более тяжкое обвинение в убийстве?

— Задержитесь, пожалуйста, — вмешался м-р Рубини, когда свидетель уже собирался удалиться. — Вы говорите, что вышли в девятом часу пополудни. На улице было темно?

— Да.

— Тогда как Вы можете быть уверены, что видели именно Торна?

— У меня нет ни малейших сомнений. Там был газовый фонарь, и я видел его не хуже, чем при дневном свете. Я также узнал его голос — готов поклясться в этом где угодно — да и его великолепного перстня с бриллиантом было бы достаточно. Он сверкнул при свете фонаря.

— Его голос? Он что, говорил с Вами?

— Нет, но они немного поспорили с кэбменом. Тот заявил, что ему заплатили недостаточно, так как он целых двадцать минут ожидал Торна. Последний выругался и швырнул ему еще один шиллинг.

Следующим свидетелем был человек, служивший конюхом у покойного сэра Питера Ливайсона. Он подтвердил, что подследственный и в самом деле гостил у его хозяина в конце лета и начале осени, в тот самый год, когда был убит Хэллиджон. Гость частенько уезжал верхом в направлении Вест-Линна и возвращался часа через три-четыре на взмыленной лошади. Выяснилось также, что ему случалось дважды подбирать и возвращать м-ру Ливайсону выпавшие из его кармана письма, и оба они были адресованы «капитану Торну». Впрочем, они пришли не по почте, поскольку на обоих отсутствовал адрес; почерк, похоже, был женским. Свидетель также добавил, что очень хорошо помнит слушание дела об убийстве Хэллиджона, наделавшее немало

шума в графстве. Именно в это время м-р Ливайсон вернулся в Лондон, прервав свой визит к дядюшке.

— Какая изумительная память! — саркастически заметил м-р Рубини.

Свидетель, спокойный и уважаемый мужчина, невозмутимо ответил, что у него и в самом деле хорошая память, но особенно хорошо ему запомнилось именно то, что отъезд м-ра Ливайсона последовал вскоре после убийства Хэллиджона, поскольку этому сопутствовали особые обстоятельства.

— Какие обстоятельства?

— Однажды, джентльмены, когда сэр Питер был на конюшне, он в разговоре с племянником просил того погостить еще и спрашивал, с чего это он внезапно засобирается в Лондон. М-р Ливайсон ответил, что едет по внезапно возникшему неотложному делу. В это время примчался кучер, весьма возбужденный, и сообщил, что Хэллиджон из Вест-Линна убит молодым Ричардом Хэйром. Помнится, сэр Питер сказал, что не верит в это и полагает, что произошел несчастный случай, а не убийство.

— Это все?

— Нет. М-р Ливайсон, чрезвычайно смущенный, попросил у дядюшки пять или десять фунтов. Сэр Питер, казалось, рассердился и спросил, куда девались пятьдесят фунтов, которые он подарил племяннику за день до этого. М-р Ливайсон ответил, что отослал их в письме, вернув долг офицеру из своего полка. Сэр Питер не поверил этому и заявил, что, скорее всего, он просто промотал эти деньги. М-р Ливайсон пытался убедить его в противном, однако выглядел каким-то смущенным: он вообще весь день был какой-то сам не свой.

— Так он получил пять или десять фунтов?

— Не знаю, джентльмены. Полагаю, что получил, ибо моего хозяина было так же легко уговорить, как женщину, хотя он мог сначала и поартачиться. В тот же вечер м-р Ливайсон укатил в Лондон.

Последним свидетелем был м-р Дилл. Он сообщил суду, что в прошлый вторник, вечером, возвращаясь от м-ра Бьючемпа, услышал какой-то шум в поле неподалеку от усадьбы г-на судьи Хэйра. Оказывается, сэр Фрэнсис Ливайсон, в одиночестве наслаждаясь прогулкой под луной, внезапно столкнулся с Отуэем Бетелом. М-р Бетел обвинил сэра Фрэнсиса, что тот «увиливает» от встречи с ним, а последний сердито заявил, что не знает его и знать не хочет.

— Вы были гораздо менее заносчивы в ночь убийства Хэллиджона, — язвительно заметил Бетел. — Вы помните, что я мог отправить Вас на виселицу? Одно словечко — и Вы оказались бы на месте Дика Хэйра.

— Дурак! — не выдержал сэр Фрэнсис. — Ты бы и сам угодил в петлю! Или тебе не заплатили за молчание? Может быть, ты хочешь вытянуть из меня еще что-то?

— Какая-то жалкая банкнота в пятьдесят фунтов! — разозлился Отуэй Бетел. — Лучше бы мне оторвало пальцы, прежде чем они прикоснулись к ней — вот о чем я не раз думал с тех пор! Ни за что не взял бы ее, если бы не минутное замешательство. С тех самых пор я не могу смотреть в глаза миссис Хэйр, зная, что мне известна тайна, раскрыв которую, я мог бы спасти ее сына от виселицы.

— И отправиться туда вместо него, — язвительно заметил сэр Фрэнсис.

— Нет. Отправить туда Вас.

— Возможно. Однако я попал бы в лапы к палачу только вместе с тобой. Ты бы тоже не спасся, и тебе это известно.

Их перебранка продолжалась и после этого, но суть ее состояла именно в том, что услышал и рассказал мировым судьям м-р Дилл. М-р Рубини пытался протестовать, заявляя, что это «совершенно недопустимо» и «противоречит закону», будучи «показаниями, основанными на слухах», но ему недвусмысленно заявили, что не нуждаются в поучениях от каких-то приезжих господ.

Когда м-р Дилл закончил, полковник Бетел склонился вперед и взволнованно спросил:

— Вы уверены, что не ошиблись, что собеседником м-ра Ливайсона был именно Отуэй Бетел?

М-р Дилл грустно покачал головой.

— Могу ли я под присягой оболгать невинного, г-н полковник? Я и сам не рад, что услышал этот разговор — разве что он поможет оправдать Ричарда Хэйра.

Все это время сэра Фрэнсис Ливайсон сидел с беспечным и надменным видом; его холеные руки и перстень с бриллиантом привлекали всеобщее внимание. Был ли этот настоящий камень или же подделка? Согласитесь, читатель, что подобное подозрение вполне могло возникнуть, если принять во внимание стесненные финансовые обстоятельства этого джентльмена. Временами на лице его появлялась презрительная усмешка, словно говорившая: можете признать меня виновным в связи с мадемуазель Эфи, но навесить мне еще и убийство?! Не удастся!

Однако после показаний м-ра Дилла в нем произошла разительная перемена, и на лице его отразился самый настоящий страх.

— Ваши светлости, разумеется, выпустят сэра Фрэнсиса под залог? — спросил м-р Рубини, когда слушание было завершено.

Отпустить! Судьи переглянулись.

— Надеюсь, ваши светлости не откажут такому знатному джентльмену, как сэра Фрэнсис Ливайсон?

Никогда еще мировые судьи не слышали столь наглых заявлений. Отпустить под залог при столь серьезном обвинении?! Нет, даже если бы лорд-канцлер лично приехал, чтобы попросить об этом! М-р Отуэй Бетел, возможно, понимая, что никто — даже полковник — не внесет залог за него, даже не обратился к судьям с подобной просьбой. Итак, оба должны были предстать перед судом по обвинению в предумышленном убийстве Джорджа Хэллиджона.

А что же наша бедная, тщеславная Эфи? — спросите Вы. Что случилось с ней?

Она удалилась в комнату для свидетелей, где и пребывала до окончания слушания в глубоких размышлениях. Что им даст ее признание о пребывании в Лондоне и утренних визитах некоего джентльмена? И что подумают о ней в Вест-Линне, будь он неладен! Впрочем, это ее не слишком беспокоило: она может отбить любую атаку и сама перейти в наступление, если кто-либо осмелится бросить в нее камень. Именно к такому решению Эфи и пришла к тому времени, когда закончилось заседание. Она не спешила покинуть комнату, пока шум в зале не утихнет.

— Чем это все закончилось? — спросила она м-ра Болла, с которым всегда обращалась довольно любезно, ибо он был холостяк, и она имела на него некоторые виды, хотя и держала в резерве Джо Джиффина.

— Оба обвиняются в предумышленном убийстве. Через час их повезут в Линборо.

— Какой позор! Предъявить подобное обвинение двум невинным людям! — раздраженно заметила Эфи.

— Вот что я Вам скажу, мисс Эфи: чем скорее Вы избавитесь от этого заблуждения, тем лучше. Вина Ливайсона сегодня была практически доказана. К тому же, они с Бетелом сами тащат друг друга на дно, словно груза уже имеющихся свидетельств для этого недостаточно. «Когда у жуликов разлад, честные люди торжествуют», как говорится. Мера вины Бетела мне ясна не до конца, хотя о многом можно догадаться. И, наконец, подтвердив свою собственную вину, они тем самым доказали невиновность Ричарда Хэйра.

Румянец Эфи сменился бледностью, уверенность — страхом, а спесь — униженностью.

— Этого... не может быть, — задыхаясь, сказала она.

— Еще как может! То, что Вы приписывали Торну, сделал Ричард Хэйр. Он услышал выстрел, находясь в лесу, и увидел, как Торн, мертвенно-бледный и дрожащий, в ужасе бежит с места совершенного им злодеяния. Поверьте мне: Вашего отца убил Торн.

Эфи похолодела. Одного ужасного мгновения, когда она поняла, что он прав, хватило для того, чтобы отрезвить ее на всю жизнь. Торн! В глазах у нее помутилось, голова у бедняжки закружилась, и она, издав пронзительный вопль, второй раз за этот день упала в обморок.

Когда подсудимых вывели из здания, чтобы отправить в Линборо, толпа встретила их криками, свистом и проклятиями. Целый взвод констеблей потребовался для того, чтобы защитить их от расправы, причем гнев толпы прежде всего был направлен против сэра Фрэнсиса Ливайсона. Он дрожал, съевшись от страха, гадая, швырнут ли его опять в пруд судьи Хэйра или же разорвут на части. Он готов был проклясть землю, по которой ступал, за то, что она не желала расстаться и поглотить его.

Глава 17

ПОЖАР

Мисс Люси подверглась наказанию. За какую-то детскую шалость, которую она себе позволила, будучи в гостях у тетушки Корнелии, миссис Карлайл, узнавшая об этом по возвращении детей домой, велела до конца дня продержаться в детской на хлебе и воде. Сама Барбара сидела в своем уютном будуаре. Она только что переоделась к званому обеду, который Карлайлы давали в этот вечер, и чудесно выглядела в вечернем платье; волосы ее были украшены алыми и фиолетовыми цветами, недавно сорванными в оранжерее, и такие же цветы красовались на ее платье. Барбара уже беспокойно поглядывала на часы, так как мужчины еще не вернулись домой. Половина седьмого! А гости придут в семь.

В дверь постучалась мадам Вин. Она явилась просить о «помилowaniu» для Люси, которую обещали пустить на полчаса в гостиную, когда в ней, покончив с десертом, появятся дамы. Теперь Люси страшно горюет. Не простит ли ее миссис Карлайл и не позволит ли начать переодеваться?

— Вы слишком снисходительны к этому ребенку, мадам, — сказала Барбара. — Я полагаю, Вы ее вообще никогда не наказываете, хотя порой она этого заслуживает.

— Она очень сожалеет о своей провинности и обещает больше не шалить. Она так безутешно плачет!

— Да, но не от раскаяния, а поскольку боится, что ее не пустят в гостиную сегодня вечером, — воскликнула Барбара.

— Бога ради, смените гнев на милость! — взмолилась мадам.

— Посмотрим... Взгляните, мадам Вин: я сломала это пару минут назад. Какая жалость, не правда ли?

На ладони у Барбары лежало чудесное золотое украшение, у которого отломался один лепесток.

Мадам Вин внимательно изучила его.

— У меня в комнате есть клей, при помощи которого это можно починить буквально за две минуты, — сказала она.

— Ах, я была бы Вам так признательна! — радостно воскликнула Барбара. — Принесите клей сюда. Давайте так: услуга за услугу, — добавила она, весело рассмеявшись. — Вы почините это и заслужите прощение для Люси, о чем и сообщите ей. Я вижу, Вы всем сердцем желаете этого.

Итак, мадам Вин ушла и вскоре вернулась с клеем. Она взяла кусочки украшения, чтобы посмотреть, как приставить один к другому. Барбара тем временем наблюдала за ней.

— Джойс говорит, оно уже ломалось однажды, — заговорила Барбара, — но его, вероятно, склеили весьма искусно, поскольку я не нашла и следов поломки, как ни старалась. М-р Карлайл купил это своей первой жене, когда они после свадьбы поехали в Лондон. Она его сломала. Но Вы никогда не почините его, мадам Вин, если у Вас будут так дрожать руки. В чем дело?

Неосмотрительные слова — «Оно было сломано вот здесь, где стебель соединяется с лепестком» — чуть не сорвались с языка мадам Вин, но она вовремя спохватилась. А затем на нее нахлынули воспоминания; Изабель живо представила, где и когда это случилось. Она тогда нечаянно смахнула его рукавом со стола. М-р Карлайл был вместе с ней в этой же самой комнате, и он нежными поцелуями утешал ее, горевавшую, словно ребенок. «Ах, я несчастная!» — подумалось ей. Чьи руки, читатель, не задрожали бы при этом? Теперь и украшение, и поцелуи м-ра Карлайла принадлежали Барбаре.

— У меня просто сбилось дыхание, когда я бегала за клеем, — объяснила она дрожь в руках.

В это время послышались голоса м-ра Карлайла и его гостей, вернувшихся домой. Они направлялись к той самой комнате, в которой находились наши дамы. Радостный голос лорда Вейна разносился по всему дому. М-р Карлайл вошел к жене, и мадам Вин собралась незаметно удалиться.

— Нет-нет, — сказала Барбара. — Продолжайте, пожалуйста. М-р Карлайл пройдет в свою комнату. Посмотри, что я наделала, Арчибальд. Я сломала его.

М-р Карлайл рассеянно взглянул на сломанную безделушку и побелевшие пальцы мадам Вин. Он подошел к двери своей комнаты, приоткрыл ее, а затем жестом пригласил Барбару последовать за ним. Мадам Вин продолжала свою работу.

Барбара вскоре вернулась и подошла к столу, возле которого стояла мадам Вин. Ресницы миссис Карлайл были мокрыми от слез.

— Я невольно всплакнула от радости, — сказала Барбара, видя, что мадам Вин заметила ее волнение. — М-р Карлайл рассказал мне, что невиновность моего брата теперь очевидна для всех. Лорд Маунт-Северн, присутствовавший на слушании, говорит, что они обвиняют друг друга. Папа председательствовал, что меня очень удивило!

Мадам Вин еще ниже склонилась над работой.

— Их вина доказана? — спросила она тихо, почти шепотом.

— Нет ни малейшего сомнения в виновности Ливайсона, а участие Отуэя Бетела в этом деле по-прежнему остается загадкой, — ответила миссис Карлайл. — Оба предстанут перед судом. Но он-то каков! Теперь ему предстоит расплата за его грехи! — взволнованно продолжала она.

Мадам Вин подняла глаза на свою собеседницу.

— Поверите ли, — продолжала Барбара, понизив голос, — в то время, как весь город полагал, как, впрочем, и мы сами, что эта несчастная Эфи сбежала с Ричардом, она жила с Ливайсоном. Болл-юрист вынудил ее признаться в этом. Я не знаю подробностей. М-р Карлайл не стал рассказывать о деталях, сказав, что вполне достаточно голых фактов.

И, конечно же, был прав, добавим мы.

— Похоже, все понемногу начинает выходить наружу! — продолжала Барбара. — Я не люблю говорить об этом при м-ре Карлайле. Конечно, ничего уже не исправить, но он, должно быть, страшно переживает, как и лорд Маунт-Северн. Она все-таки была его женой, видите ли, и его дети — это ее дети. Я имею в виду, что он должен переживать за нее, — продолжала Барбара после короткой паузы, и голос зазвучал слегка надменно и презрительно, чтобы собеседница правильно поняла ее. — М-р Карлайл — один из весьма немногих мужчин, настолько благородный, что их не может коснуться позор, который навлекла на себя леди Изабель.

В этот момент за окном раздался шум подъехавшего экипажа. Гости начали собираться. Барбара подбежала к двери м-ра Карлайла и постучала в нее.

— Арчибальд, ты слышишь?

— Я их не заставлю долго ждать. Но, право же: они могут на несколько минут извинить человека, который только что сделался членом парламента.

Барбара спустилась в гостиную, оставив бедную гувернантку возиться с клеем и сломанным украшением, а также пытаться утихомирить рвавшееся из груди сердце.

Когда же придет конец ее мукам?! Неужели это будет длиться бесконечно? Возможно, именно ее приезд в Ист-Линн и предрешил эти страдания!

Вскоре собрались все гости, кроме м-ра и миссис Хэйр. Барбара получила от матери записку, в которой сообщалось, что г-н судья слегка занемог и поэтому не в состоянии приехать к ним.

Да и неудивительно: его мучило раскаяние, почти столь же острое, как то, что терзало леди Изабель. Ричард, его сын, совершенно невиновный — если не считать увлечения Эфи — не заслужил такого жестокого обращения от собственного отца. Люди этого не забудут, а нашего достойного судью весьма занимало общественное мнение. Да и отцовская привязанность к Ричарду, которую он столько времени подавлял и пытался заменить в своем сердце ненавистью, давала о себе знать с новой силой, не особенно приятной, поскольку его измучили угрызения совести.

— Я... я мог затравить его до смерти, Анна, — сказал он, сидя в кресле, потирая брови и искренне раскаиваясь, похоже, первый раз в своей жизни.

— Но ведь теперь все позади, дорогой, — сказала любящая и нежная миссис Хэйр, по щекам которой текли слезы счастья.

— Но я ведь мог сделать это, если бы он появился здесь. И сделал бы, пожалуй.

— Не печалься, Ричард: прошлого не вернуть. Скоро мы сможем увидеть его здесь и воздать ему любовью за перенесенные страдания.

— Но как мы вызовем его? Вдруг он умер? Кому известно, где он? Ты слышишь, что я говорю: он мог умереть!

— Нет, он жив. И мы вызовем его, когда придет время. М-ру Карлайлу известно, где он, причем известно давно, как он сегодня признался мне. Он даже видится с ним иногда. Арчибальд Карлайл — вот кто верный друг, Ричард!

— Да. Этой негоднице Барбаре чертовски повезло. Я не удивлюсь, если ей также известно, где Ричард, если это знает ее муж. Хорошая у нас дочка, хотя иногда и пытается быть слишком уж независимой.

Миссис Хэйр едва узнавала своего мужа: настолько изменились его манеры и даже голос.

— Но я все еще не могу до конца поверить в это, Анна. Видит Бог: не могу. Если он невиновен, почему же его не оправдали раньше? Ведь столько лет прошло. Ты-то сама веришь в то, что он невиновен?

— Ричард, дорогой, я это знаю наверное, — со счастливой улыбкой ответила она. — Мне это уже давно известно, так же, как и м-ру Карлайлу.

— Ну, это уже что-то. Я имею в виду мнение Карлайла. Его комнату проветрили... ну, и все прочее?

— Чью комнату? — эхом отозвалась миссис Хэйр.

— Дика, бедняги.

— Дорогой, но ты забываешь, — удивленно заговорила она, — что он не может приехать раньше, чем состоится судебное разбирательство, на котором докажут вину этих двоих, равно как и его невиновность.

— Да, ты права, — ответил м-р Хэйр.

Гости Карлайлов провели приятный вечер и разъехались только после полуночи. Еще через час-другой, когда залитый лунным светом дом погрузился в тишину, ибо все его обитатели мирно уснули, тревожно и громко зазвенел колокольчик на входной двери.

Первой высунулась из окна Уилсон.

— Что, пожар? — взвизгнула она в неопишемом ужасе. У нее был врожденный страх перед пожарами, присущий некоторым людям, и она неоднократно поднимала на ноги весь дом, вообразив, будто откуда-то потянуло гарью.

— Да, — что было силы выкрикнул в ответ мужчина, вышедший из-под колонн крыльца.

Этого было достаточно. Схватив одной рукой малыша — уже превратившегося в чудного молодого джентльмена почти двенадцати месяцев от роду, обещающего стать не меньшим источником беспокойства в детской, чем его брат Арчибальд, на которого он, кстати, был очень похож — а в другую самого Арчибальда, она вылетела в коридор, вереща в ужасе: «Пожар! Пожар! Пожар!» Она ворвалась в комнату Уильяма, вытащила его из постели, затем проделала то же самое с Люси, распахнула дверь в комнату мадам Вин, все это время продолжая вопить: «Пожар! Пожар!» Наконец, она ворвалась прямо в спальню к м-ру и миссис Карлайл. К этому времени дети, насмерть перепуганные не столько криками Уилсон, сколько стремительным спуском по лестнице, тоже подняли крик. Следующей появилась, набросив на себя шаль, мадам Вин, полагавшая, что, по меньшей мере, половина дома объята пламенем, а следом за ней — Джойс.

— Пожар! Пожар! — продолжала кричать Уилсон. — Мы все вот-вот сгорим заживо!

Бедная миссис Карлайл, которую столь бесцеремонно разбудили, выскочила в коридор прямо в ночной рубашке. Впрочем, гардероб в эту минуту был примерно одинаковым у всех: спасая свою драгоценную жизнь, люди не разыскивают фрак или любимый чепец.

Наконец, появился м-р Карлайл, успевший натянуть брюки. Он мгновенно оценил обстановку, бросив быстрый взгляд в холл: на лестнице огня не было, так что ситуация не представлялась ему столь уж отчаянной. Все вокруг него кричали хором, производя невообразимый шум. В окна коридора струился яркий лунный свет — и только.

— Где же пожар, спрашивается? — воскликнул он. — И гари не чувствуется. Кто поднял весь этот переполох?

Ответом ему был звонок в холле, который заливался еще громче и протяжнее, чем раньше. Открыв одно из окон, м-р Карлайл выглянул наружу.

— Кто там? — спросил он.

Мадам Вин едва успела схватить Арчи, тоже метнувшегося к окну.

— Это я, сэр, — ответил ему голос, который он узнал сразу: это был один из слуг м-ра Хэйра. — Моего хозяина хватил удар, и хозяйка послала меня за Вами и миссис Карлайл. Поторопитесь, сэр, если хотите застать его живым. Мисс Барбара, — в минуту волнения Джасперу было легче назвать ее так, нежели теперешним именем.

— Это ты, Джаспер? Мы что, горим? Наш дом загорелся?

— Не знаю, сэр, но крик в нем поднялся изрядный.

М-р Карлайл закрыл окно. У него появилось подозрение, что опасность если и была, так только воображаемая.

— Кто сказал, что мы горим? С чего Вы это взяли? — спросил он Уилсон.

— Ну как же: ведь он позвонил. Хвала Всевышнему, что мне удалось спасти детей!

М-р Карлайл чувствовал некоторое раздражение из-за этой ложной тревоги. Жена его дрожала всем телом, а ведь она была в таком положении, когда противопоказано любое волнение. Она в страхе прильнула к нему, спрашивая, удастся ли им спастись.

— Успокойся, дорогая. Никакого пожара нет. Это просто ошибка. Отправляйтесь в свои постели и спите спокойно, — добавил он, обращаясь ко всем остальным. — Если же Вам, Уилсон, вздумается еще раз поднять ночную тревогу, не сочтите за труд сначала убедиться, что для нее имеются достаточные основания.

Барбара, все еще испуганная, ошеломленная и не знающая, во что верить, бросилась к окну и распахнула его. Однако м-р Карлайл успел одной рукой перехватить ее, а другой затворил окно. Хуже всего для нее было бы услышать без подготовки ту печальную новость, которую принес Джаспер. К этому времени другие слуги успели спуститься по другой лестнице, одетые или раздетые — в разной степени. Они поспешили открыть дверь холла, в которую, наконец, вошел Джаспер. Возможно, он хотел помочь в тушении пожара. Барбара увидела его прежде, чем м-р Карлайл успел что-нибудь предпринять, и онемела от страха, вообразив, будто что-то случилось с ее матерью. Он отвел ее в их комнату, где и сообщил о том, что произошло, причем сделал это очень мягко, стараясь не испугать ее. Она разрыдалась.

— Ты говоришь мне правду, Арчибальд? Папа не умер?

— Умер! — весело воскликнул м-р Карлайл таким тоном, будто Барбара предположила, что почтенный судья отправился подышать воздухом на воздушном шаре. — Уилсон и в самом деле перепугала тебя, милая. Одевайся же: мы отправляемся к нему.

В этот момент Барбара внезапно вспомнила об Уильяме. Право же, странно, что она спохватилась раньше м-ра Карлайла и даже раньше леди Изабель. Мальчик дрожал от холода в коридоре.

— Он мог простудиться и умереть! — воскликнула она, схватив его на руки. — Ах, Уилсон, ну что Вы наделали! Его ночная рубашка уже холодная и сырая.

Она отнесла его на руках в свою постель, хотя эта ноша и была слишком тяжелой для нее. Уилсон, готовая упрекнуть кого угодно и когда угодно, вела словесную перепалку с Джаспером, свесившись через перила для пущего удобства.

— Я вовсе не говорил ни о каком пожаре! — возмущенно отбивался Джаспер.

— Нет, говорил. Я открыла окно детской и крикнула: «Что там, пожар?», а ты ответил: «Да».

— Ты крикнула: «Кто там, Джаспер?» Что же еще мне было отвечать? Пожар? Да и где бы ему быть? В парке?

— Уилсон, отведите детей спать, — властно сказал м-р Карлайл, подошедший, чтобы взглянуть, что делается в холле. — Джон, Вы здесь? Закрытый экипаж, немедленно. Поторопитесь. Мадам Вин, опустите ребенка: он слишком тяжелый. Джойс, помогите, мадам.

Возвращаясь в свою комнату, м-р Карлайл прошел мимо гувернантки и заметил, что она дрожит, словно ей слишком тяжело держать Арчибальда. На самом же деле она еще не успела оправиться от испуга и понять, из-за чего поднялся весь этот шум. Джойс, которая, похоже, в этот момент соображала не лучше нее и стояла, обхватив руками Люси, подошла к гувернантке, чтобы взять Арчибальда, и м-р Карлайл удалился. Барбара надела на Уильяма свою ночную рубашку, зажгла свет и спешно одевалась.

— Нет, ты только попробуй его рубашку, Арчибальд!

В этот момент раздался вопль ужаса, и м-р Карлайл снова метнулся в коридор. Барбара бросилась за ним, вообразив, что Уилсон уронила малыша в холл.

Но дело было совсем в другом. Уилсон, вместе с малышом и мисс Люси, уже поднялась по лестнице и скрылась из вида, а мадам Вин уже поднялась на верхнюю ступеньку. Арчибальд лежал на мягком ковре, где только что стояла мадам, ибо Джойс уронила его от ужаса. Она держалась за перила, бледная, с приоткрытым ртом и остановившимся взглядом. Арчи тем временем встал на свои крепенькие ножки и с любопытством воззрился на Джойс.

— Итак, Джойс, с Вами-то что случилось? — воскликнул м-р Карлайл. — У Вас такой вид, будто Вам явилось привидение.

— Ах, хозяин, — заголосила она. — Именно это и случилось!

— Вы что, все обезумели сегодня? — резко спросил он, не понимая, что случилось со слугами. — Привидение! Ну право же, Джойс!

Она опустилась на колени, словно не в силах стоять, и скрестила дрожащие руки на груди. Казалось, увидь она хоть десяток привидений — и то не испугалась бы так, как сейчас. Джойс была разумной, надежной служанкой, вовсе не подверженной необузданным полетам фантазии, и м-р Карлайл посмотрел на нее с крайним удивлением.

— Джойс, в чем дело? — мягко спросил он, склонившись к ней.

— Ах, хозяин! Да сжалится над нами Всевышний!

— Я спрашиваю, в чем дело, Джойс?

Она не ответила. Бедняжка встала, трепеща, как осиновый лист, и, взяв Арчи за руку, медленно пошла к лестнице; из груди ее вырывались низкие стоны, а босые ножки малыша тем временем весело шлепали по коврику.

— Что это на нее нашло? — прошептала Барбара, провожая Джойс взглядом. — Что она имела в виду, говоря о привидении?

— Должно быть, она читала книжку о призраках, — сказал м-р Карлайл. — Уилсон весь дом поставила вверх дном. Поторопись, Барбара.

Глава 18

ЧЕРЕЗ ТРИ МЕСЯЦА

Прошла весна, да и лето успело достигнуть своего зенита — жарких июльских дней. Что же принесли героям нашего повествования эти месяцы? Можете не сомневаться, читатель, что и за это время произошло немало интересных событий.

М-ра Хэйра действительно разбил паралич. Если человек проявляет противоестественную жестокость по отношению к своему ребенку, а после узнает, что был неправ, это не проходит для него бесследно. Эта истина лишний раз подтвердилась на примере м-ра Хэйра. Он выздоравливал, но ему уже не суждено было стать прежним человеком.

Ложная тревога, поднявшаяся в доме Карлайлов в ту ночь, когда Джаспер пришел сообщить о болезни м-ра Хэйра, не причинила вреда никому, кроме Уильяма и Джойс. Уильям простудился, что еще более усугубило его болезнь, а в душе Джойс, похоже, поселился страх. Она ходила по дому, словно лунатик, временами впадала в задумчивость и вздрагивала, если с ней заговаривали.

М-р Карлайл с супругой уехал в Лондон сразу после того, как выяснилось, что жизни м-ра Хэйра ничего не угрожает, то есть примерно через неделю после приступа. Уильяма они взяли с собой, отчасти для консультаций с лондонскими врачами, отчасти потому, что м-р Карлайл не хотел разлучаться с сыном. Джойс и еще несколько слуг отправились вместе с ними.

В Лондоне только и разговоров было, что об аресте сэра Фрэнсиса Ливайсона. Столичная публика не могла разобраться в истинных причинах происшедшего, и поэтому в городе циркулировали самые невероятные слухи. Светский сезон был в самом разгаре, так же, как и шумиха вокруг этого дела, которое оказалось не из тех, о которых посудачат и вскоре забывают. Когда м-р и миссис Карлайл приехали в Лондон, к ним в тот же вечер явилась молодая и красивая леди. Она отказалась назвать свое имя, но, когда м-р Карлайл взглянул на нее, ему вспомнилась одна особа, которую он видел когда-то: подруга его первой жены, Бланш Челлонер. Однако, это была не Бланш. Незнакомка посмотрела на м-ра Карлайла, который стоял, держа шляпу в руках, поскольку собирался выходить из дома.

— Надеюсь, Вы простите меня за вторжение? — заговорила она. — Я пришла к Вам, как один человек, попавший в беду, приходит молить о помощи другого. Я — леди Ливайсон.

Барбара покраснела, а м-р Карлайл любезно предложил знакомке кресло, хотя сам остался стоять. Она присела на мгновение, но тут же снова вскочила, явно будучи чем-то взволнованной.

— Да, я леди Ливайсон. Мне приходится называть этого человека своим мужем. То, что он был негодяем, мне давно известно, однако теперь выясняется, что он еще и преступник. Так говорят, но я ни от кого не могу добиться правды. Я была у лорда Маунт-Северна, но он отказался сообщить подробности. Узнав, что сегодня приезжает м-р Карлайл, я решила прийти сюда и спросить об этом у Вас.

Она отрывисто выпалила эту фразу, что лишний раз выдавало ее волнение. М-р Карлайл молчал.

— Он причинил нам обоим много зла, м-р Карлайл. Однако я, в отличие от Вас, сама виновата в этом. Моя сестра Бланш, с которой он обошелся весьма жестоко — я сейчас говорю лишь о том, что хорошо известно в свете — предупредила меня, как, впрочем, и миссис Ливайсон, его бабка, убеленная сединами леди, которой сейчас, должно быть, уже под девяносто. За день до нашей свадьбы она специально приехала ко мне сказать, что если я выйду за Фрэнсиса Ливайсона, мне придется жалеть об этом всю жизнь. «Еще есть время», — сказала она. Да: время было, но не было желания. Мне никого не хотелось слушать. Я была движима тщеславием, глупостью, хуже того — я торжествовала над собственной сестрой. Бедная Бланш! А теперь у меня ребенок, — продолжала она, понизив голос, — мальчик, унаследовавший имя своего отца. М-р Карлайл, — она склонила свое окаменевшее от горя лицо и спросила, заламывая руки. — Его осудят?

— В настоящее время его вина еще не доказана окончательно, — с состраданием в голосе ответил м-р Карлайл.

— Ах, если бы только я могла получить развод! — воскликнула она, утратив самообладание. — Сколько раз за годы своего замужества я могла сделать это, но все время боялась общественного мнения, скандала. Если бы я могла дать моему ребенку другое имя! Скажите мне — есть хоть какой-то шанс?

Увы, шансов не было. М-р Карлайл сказал несколько сочувственных слов и собирался выходить, но она встала у него на пути.

— Вы же не оставите меня, не рассказав подробностей этого дела? Умоляю Вас! Я пришла к Вам в надежде узнать о них.

— У меня назначена важная встреча, — ответил он. — И даже если бы ее не было, я ничего не сказал бы Вам, ради своего собственного спокойствия, равно как и Вашего. Бога ради, не вините меня, в недостатке любезности, леди Ливайсон, но, если мне придется говорить об этом человеке, даже с Вами, его имя будет жечь мне губы.

— Любые слова ненависти найдут отклик в моем сердце, и нет таких слов презрения, которые я не повторила бы вслед за Вами!

Барбара была просто потрясена этими словами.

— Он ведь муж Вам все-таки, — прошептала она.

— Муж! — не выдержала леди Ливайсон. — Как он мог так поступить со мной: зная, что он есть на самом деле и какой грех лежит на его душе, уговорить меня выйти за него? Вы не можете не испытывать жалости ко мне, миссис Карлайл, будучи женой и матерью. Да как вообще подобные мерзавцы смеют жениться! — яростно воскликнула она. — Словно его прежних грехов было недостаточно для того, чтобы держаться от меня подальше! Так он имел наглость, будучи преступником, морочить мне голову! Нет: он причинил мне страшное, непоправимое зло, и заставил своего ребенка унаследовать такое позорное пятно, которое не смыть вовеки.

Барбару почти испугала такая горячность; впрочем, ей следовало бы возблагодарить судьбу за то, что для нее непонятно подобное ожесточение. Вся природная мягкость леди Ливайсон, сдержанность, подобающая замужней женщине благородного происхождения — все куда-то улетучилось. Это произошло не сразу, постепенно, однако последнее известие переполнило чашу ее терпения, и она обрушилась на весь белый свет с такой же бессильной яростью, как простая поденщица. Есть такие ситуации, в которых все лучшее и худшее в человеке проявляется в равной мере.

— И все же, он Ваш муж, — с неодобрением выговорила Барбара.

— Он обманом заставил меня выйти за него, я же отвергну этого человека открыто, не скрываясь, — ответила леди Ливайсон. — У меня нет перед ним моральных обязательств. Он разорил и опозорил меня и моего ребенка; я не хочу, чтобы меня считали хоть чем-то причастной к нему. Однако скажите, как Вы сдержались и не расправились с ним, когда он снова появился в Вест-Линне Вашим оппонентом, м-р Карлайл?

— Не знаю. Иногда я сам поражаюсь этому.

Он вышел из комнаты, вежливо добавив, что оставляет ее с миссис Карлайл.

Когда женщины остались одни, Барбара, уступив мольбам леди Ливайсон, изложила ей суть дела — впрочем, в самых общих чертах, не упомянув ни словом о его связи с Эфи после той злосчастной ночи. Леди Ливайсон слушала не перебивая.

— Скажите: Вы и м-р Карлайл считаете его виноватым?

— Да.

— А что, его первая жена, Изабель Вейн, была сумасшедшей?

— Сумасшедшей? — удивленно переспросила Барбара.

— Разумеется: только сумасшедшая могла сделать это. Я могла бы еще понять женщину, которая бросила Фрэнсиса Ливайсона из любви к м-ру Карлайлу, но теперь, увидев Вашего мужа, не могу понять, как случилось нечто совершенно противоположное.

Не сказав более ни слова, Элис Ливайсон вышла из комнаты столь же внезапно, как и появилась в ней.

Барбара пробыла в Лондоне чуть более трех недель, ибо ей нужно было возвращаться домой. М-р Карлайл оставался в столице почти до конца парламентской сессии, хотя иногда ему удавалось ненадолго вырваться в Ист-Линн. Наконец, в июле он вернулся домой. К этому времени

в Ист-Линне появился еще один младенец — маленькая леди, такая же хорошенькая, как и сама Барбара в месячном возрасте.

Однако Уильям угасал буквально на глазах. Врачи в Лондоне подтвердили диагноз доктора Мартина, и было совершенно очевидно, что конец его близок.

Так же таяла и леди Изабель, не в силах вынести той ноши, которую сама на себя взвалила. Впрочем, что тут удивительного? Возможно, все было бы иначе, если бы она склонилась под весом своего креста, несла его терпеливо и молча, как и собиралась это делать ранее. Но нет: она восстала всей душой против такой доли, и теперь расплачивалась за это самым драгоценным: жизнью. Ежедневное и ежечасное смятение, вызванное тем двусмысленным положением, в которое она себя поставила, вернувшись в Ист-Линн, почти прошло с отъездом м-ра и миссис Карлайл в Лондон. Но затем наступила обратная реакция. Ушло постоянное возбуждение, но на смену ему явилась не менее опасная апатия, бесцветный покой отчаяния. Именно возбуждение поддерживало ее ранее, а теперь она стала сдавать на удивление быстро. Эта болезнь не имела видимых признаков, но она бесцельно теряла день за днем, как когда-то ее мать. Никто не замечал ее состояния, и она по-прежнему исполняла обязанности гувернантки мисс Люси, хотя ей удавалось урывками видеться и с Уильямом.

Понимала ли она, что жизнь ее угасает? Да, отчасти, и если бы кто-нибудь спросил, что у нее за болезнь, она бы ответила: «Разбитое сердце».

Стоял жаркий июльский день. Эфи Хэллджон «плыла» по улице в ярких солнечных лучах, разнаряженная и гордая, как никогда. Нельзя сказать, чтобы после описанного нами слушания репутация этой особы оставалась безупречной в глазах ее земляков. Помимо небольшого эпизода, связанного с ее пребыванием в Лондоне, Эфи сочли виновной если не в лжесвидетельстве, то в чем-то очень похожем на него. Правда при дознании по убийству ее отца Эфи не приводили к присяге, как ошибочно полагал Ричард Хэйр. Она утверждала тогда, что в тот вечер в коттедже не было никого, кроме Ричарда Хэйра, поскольку не пожелала назвать имя Торна. Не то чтобы она имела хоть малейшее подозрение о его причастности к этой трагедии. Будем справедливы к ней: она была абсолютно уверена в виновности Ричарда Хэйра и говорила то, во что искренне верила. Однако же, будучи приведенной к присяге перед мировыми судьями, она была вынуждена признать, что кое в чем все-таки покривила душой. Все это, как мы уже говорили, выставило ее в дурном свете перед обитателями Вест-Линна. Впрочем, она умела постоять за себя. Послушать Эфи — так она была героиней без страха и упрека! Что же, многие поверили и даже принялись защищать ее. Многие, но не все. Миссис Латимер рассчитала Эфи, правда, предупредив за месяц, чем отчасти смягчила позор увольнения.

М-р Джо Джиффин был среди самых ярых защитников мисс Хэллджон. Сначала его одолевали сомнения, но он позволил Эфи полностью переубедить себя, исполнился таким горячим сочувствием к этой «невинной жертве», что тут же предложил ей свою руку, сердце и, разумеется, небезызвестный нам магазин. Если бы даже настоящий святой явился из иного мира свидетельствовать против Эфи, м-р Джиффин и его слова пропустил бы мимо ушей.

Эфи торжествовала, преисполнившись гордости и презрения к своим недоброжелателям. Она сняла приличную квартирку и начала готовиться к семейной жизни, купив себе нарядных шляпок и платьев. Определенно приличная квартира — и как раз напротив окон мисс Карлайл! В ней Эфи была настоящей хозяйкой, а м-ру Джо Джиффину позволялось иногда навещать ее по вечерам, непременно в присутствии одной из подружек Эфи, чтобы соблюсти приличия. Эфи сделалась настолько щепетильной, будто только вышла из монастыря.

— Негодяи! — говаривал он о Вест-Линне и «злых сплетниках», населявших его. — Да она чиста и невинна, как ангел!

Итак, Эфи гордо шествовала в лучах жаркого июльского солнца. Проходя мимо дома м-ра Джиффина, она удовлетворенно осмотрела здание, которое прихорашивалось снаружи и изнутри, чтобы принять ее. Помимо этого, каждым поездом прибывали контейнеры с новой мебелью. Стоило ей только намекнуть, как совершенно очарованный кандидат в женихи бросался исполнять ее волю. Увидев ее в окне, он буквально вылетал на улицу.

— Дела идут полным ходом, мисс Эфи! На этой неделе все закончат. Обои в гостиной уже наклеены и выглядят превосходно, а золоченый бордюр — такой изысканный! Не желаете ли подняться наверх и взглянуть?

— Бог ты мой! — оскорбилась Эфи. — Подняться с Вами наверх, м-р Джиффин! Можно подумать, нашим землякам не о чем посудачить. Неужели Вы этого не понимаете?

— Боюсь, что нет, — робко ответил бедный коротышка. — Простите меня, мисс Эфи, я вовсе не хотел обидеть Вас.

— Господи, как бы мне хотелось, — снова заговорила Эфи, — чтобы Вы отказались от этих мерзких белых фартуков!

М-р Джиффин смущенно кашлянул. Это был больной вопрос.

— Я сделаю все, о чем Вы меня попросите, мисс Эфи, Вы же знаете. Но Вы только подумайте, как засалятся... мои... то, что надето снизу.

Эфи взвизгнула и возмущенно отвернулась.

— Не говоря уже о моих жилетах, — продолжал м-р Джиффин в полнейшем смятении. — Приходится работать с бочонками масла, да резать бекон и ветчину, да счищать сыры. Да еще эти брызги от бочек с солониной! И яйца иногда разбиваются — тут уж ничего не поделаешь. Уверяю Вас, мисс Эфи: если я откажусь от фартуков, мне придется покупать новую пару... но, в общем... каждую неделю. К тому же, я буду неприлично выглядеть... спереди.

Эфи застонала, то ли от того, что обсуждаемая тема была столь деликатна, то ли от перспективы разорительных расходов на... то, на что намекнул м-р Джиффин.

— Вы завтра едете в Линборо утренним поездом, мисс Эфи? — спросил он наконец, желая сменить тему.

— Как будто Вы не знаете! — сказала Эфи. — Туда поедет множество людей. Суд начинается в девять, так что нужно быть там пораньше. Вы слышали, что говорят о Ричарде Хэйре?

— Нет, — ответил м-р Джиффин. — И что же?

— Прошел слух, что он также предстанет перед судом.

— Так его нашли? — удивленно воскликнул м-р Джиффин.

— Мне об этом ничего не известно. Вы же знаете: в последнее время поговаривали, что он умер. А кто виноват: он или же Ливайсон — думаю, это не имеет большого значения, — продолжала Эфи, надменно вскинув головку и приняв чрезвычайно суровый вид. — Я всегда считала их обоих негодьями, которых на пушечный выстрел нельзя подпускать к себе.

С этими словами Эфи гордо продолжила свой путь, подметая широкий тротуар своим необъятным кринолином. Если она собиралась на следующий день явиться в переполненное помещение суда в том же наряде, это могло бы закончиться для платья весьма плачевно. Не успела она сделать нескольких шагов, как столкнулась с м-ром Карлайлом.

— Итак, Эфи, наконец-то Вы выходите замуж!

— Во всяком случае, сэр, Джиффин в этом не сомневается. А я вот не уверена, что не передумаю. Он влюблен в меня по уши: если бы я захотела есть на серебре и на золоте, он не отказал бы мне и в этой просьбе. Вы же знаете, сэр, какой он мягкотелый.

— В отношении Вас — возможно, — рассмеялся м-р Карлайл. — Я считаю его весьма приятным и достойным человеком.

— И потом, я никогда не собиралась выходить за владельца магазина, — проворчала Эфи. — Мне хотелось чего-то более возвышенного. Только вообразите себе, сэр: иметь мужа, который носит белый фартук!

— Это ужасно! — ответил м-р Карлайл с абсолютно серьезным лицом.

— Это, конечно, неплохая партия, — слегка смягчилась Эфи. — Он уже отделяет свой дом; у меня будут две хорошие служанки, а сама я буду лишь наряжаться да читать книги. Он ведь недурно зарабатывает.

— Весьма недурная партия, скажу я Вам, — ответил м-р Карлайл и внимательно, хотя и весело, взглянул на ее лицо. — Смотрите, не разорите его, Эфи.

— Будьте спокойны, — важно отвечала Эфи. — Сэр, внезапно сказала она, — а что случилось с Джойс?

— Не знаю, — ответил м-р Карлайл, сразу посерьезнев. — Кажется, с ней что-то неладно, потому что она сильно изменилась.

— Да, я такого и не видывала, — воскликнула Эфи. Я так ей и сказала на днях, что она похожа на человека, знающего какую-то страшную тайну.

— Да, пожалуй, — заметил м-р Карлайл.

— Но ведь она такая скрытная, эта Джойс, — продолжала Эфи. — И словечком не обмолвится! Знаете, что она мне ответила? Сказала, чтобы я не лезла не в свое дело и не забивала себе голову глупыми фантазиями. Как Ваш малыш, сэр? Как здоровье миссис Карлайл?

— Все хорошо, Эфи. Честь имею.

Глава 19

СУД

Помещение для выездных сессий суда присяжных в Линборо было весьма просторным. Да это и к лучшему: иначе еще большее количество людей лишилось бы возможности присутствовать на весьма нашумевшем процессе над сэром Фрэнсисом Ливайсоном. Сопутствующие этому делу обстоятельства вызвали чрезвычайный интерес общественности. Еще бы: высокий титул обвиняемого, широко известная в этих краях история с леди Изабель Карлайл, вердикт — все еще не отмененный — против Ричарда Хэйра, немалое время, прошедшее с тех пор, как произошло убийство, та роль, которую сыграла во всем этом Эфи, чрезвычайное любопытство по поводу участия Отуэя Бетела, желание узнать все в подробностях и сомнения в правильности приговора — все это подогревало и без того немалый интерес обывателей. Люди съехались со всего графства: друзья м-ра Карлайла, друзья Хэйров, друзья семейства Челлонер, друзья обвиняемого — не считая простой публики, не имевшей непосредственного отношения к этому делу. На почетных местах восседали полковник Бетел и судья Хэйр.

В начале десятого судья занял свое место, но уже до этого по залу разнесся слух, зародившийся где-то в центре помещения и заставивший любопытную публику вытянуть шеи, прислушиваясь, что Отуэй Бетел выдал сообщника и стал свидетелем обвинения.

Фрэнсис Ливайсон, севший на скамью подсудимых, выглядел очень худым, осунувшимся и бледным. Заключение под стражу отнюдь не пошло ему на пользу, и лицо его постоянно имело какое-то испуганное выражение — надо заметить, не особенно приятное. Он был одет в черный костюм, а перстень с бриллиантом все так же сверкал на его руке, которая сделалась еще блее, чем обычно. И обвинение, и защита были представлены самыми первоклассными адвокатами. В повторении свидетельских показаний не было ни малейшей необходимости. То, что именно Фрэнсис Ливайсон был тем самым Торном, подтверждалось показаниями Эйбнезера Джеймса и Эфи, как, впрочем, и то, что он был в коттедже в тот вечер, когда произошло убийство. Конюх сэра Питера Ливайсона также подтвердил свои прежние показания. Однако суду требовались еще некоторые свидетельства. Эфи пришлось еще раз повторить, что Торн возвращался в коттедж за своей шляпой, когда простился с ней, но это ничего не доказывало. О том разговоре или, точнее сказать, ссоре, которую невольно подслушал м-р Дилл, более не упоминалось. Публика постепенно стала склоняться к мнению, что при отсутствии дополнительных улик обвинение просто рассыплется, как карточный домик.

— Вызовите Ричарда Хэйра, — сказал обвинитель.

Те из присутствующих, кто был знаком с судьей Хэйром, смотрели на него, удивляясь тому, что он даже не пошевелился, когда назвали его имя. Их также поразила мертвенная бледность, разлившаяся по его лицу.

Однако вместо него вышел молодой человек, голубоглазый, светловолосый, с приятным, располагающим к себе лицом. Это был Ричард Хэйр-младший. Он снова вернулся к своему исконному положению — во всяком случае, в том, что касалось одежды — и сейчас выглядел и изъяснялся как настоящий джентльмен, отбросив костюм и манеры простолюдина.

Зал суда наполнился невнятным шумом. Беглый Ричард Хэйр! Умерший, если верить слухам, да и сейчас подвергавший свою жизнь смертельной опасности. Все зрители встали как один, чтобы лучше рассмотреть его: люди поднимались на цыпочки, вытягивали шеи и смотрели, смотрели во все глаза.

Стон, сорвавшийся с губ судьи Хэйра, потонул в поднявшемся шуме. Пока судья призывал публику к порядку, угрожая очистить зал от зрителей, двое полисменов незаметно подошли и встали за спиной свидетеля. Ричард Хэйр тоже оказался под стражей, хотя, возможно, и не знал этого. Когда шум затих, его привели к присяге.

— Как Вас зовут?

— Ричард Хэйр.

— Я полагаю, Вы являетесь сыном г-на судьи Хэйра из Вест-Линна?

— Его единственным сыном.

— Тем самым, который обвиняется в предумышленном убийстве? — перебил его судья.

Тем самым, милорд, — ответил Ричард Хэйр, который, как ни странно это покажется, избежал, казалось, от своей прежней пугливости.

— Тогда, свидетель, должен предупредить, что Вы не обязаны отвечать на вопросы, если ответы могут быть использованы против Вас.

— Милорд, — взволнованно ответил Ричард Хэйр. — Я готов ответить на любой вопрос. Надеюсь только, что сегодня окончательно прояснится все, что имеет какое-либо отношение к этому злосчастному вечеру.

— Посмотрите на подсудимого, — сказал адвокат. — Вы знаете его?

— Сейчас он известен мне под именем сэра Фрэнсиса Ливайсона, хотя еще до апреля я полагал, что его зовут Торном.

— Расскажите, что произошло в вечер убийства — точнее, то, что известно об этом Вам.

— В тот вечер я условился о встрече с Эфи Хэллиджон и отправился в коттедж...

— Одну минутку, — прервал его адвокат. — Ваш визит держался в тайне?

— Отчасти. Отец и мать не одобряли моих взаимоотношений с Эфи Хэллиджон, и я не особенно распространялся о своих визитах. Со стыдом должен признаться, что солгал отцу в тот вечер. Он увидел, что я, не закончив обед, выхожу из дома с ружьем, и спросил, куда я собрался. Я ответил, что иду в лес с молодым Бьючемпом.

— На самом деле у Вас были совсем иные планы?

— Да. Я захватил ружье, поскольку обещал одолжить его Хэллиджону на то время, пока чинили его собственное. Когда я пришел к коттеджу, Эфи отказалась впустить меня, сказав что она занята. Я был уверен, что Торн находится в доме вместе с ней. Она неоднократно отказывалась впустить меня, сама назначив свидание, и всегда выяснялось, что помехой было присутствие в доме Торна.

— Я полагаю, Вы с Торном ревновали ее друг к другу?

— Охотно признаю, что сам я ревновал. Что касается Торна — я не знаю, испытывал он ревность или нет.

— Могу ли я осведомиться, какой характер носила Ваша дружба с мисс Эфи Хэллиджон?

— Я любил ее столь же честно и искренно, как мог бы любить молодую девушку своего круга. Я бы не женился на ней против воли отца и матери, однако, я сказал Эфи, что, если она согласна подождать того времени, когда я буду сам себе хозяин, я сделаю ее своей женой.

— У Вас не было намерений иного рода?

— Нет. Я слишком любил ее для этого. К тому же, я очень уважал ее отца. Мать Эфи была настоящей леди, хотя и вышла за Хэллиджона, простого клерка у м-ра Карлайла. Нет: мои намерения были самыми честными.

— А теперь изложите нам события того вечера.

— Эфи не пускала меня. Мы немного поговорили с ней об этом, и вскоре я ушел, но сначала передал ей ружье, предупредив, что оно заряжено. Она прислонила его к стене, прямо возле двери, а я отошел в лес и решил подождать, чтобы узнать, был ли с нею Торн, ибо сама она это отрицала. Меня заметил Локсли и спросил, почему я прячусь. Я ничего не ответил ему и отошел подальше в лес, потеряв коттедж из вида. Некоторое время, менее чем полчаса спустя, до меня донесся выстрел, прозвучавший в той стороне, где находился коттедж. «Кто-то решил на вечерней зорьке пострелять куропаток», — подумал я. В это время из-за деревьев, неподалеку от меня, появился Отуэй Бетел и побежал к коттеджу. Милорд, — добавил Ричард, взглянув на судью, — этим выстрелом был убит Хэллиджон.

— Не мог ли Отуэй Бетел произвести этот выстрел? — спросил адвокат.

— Нет. Он прозвучал намного дальше от того места. Итак, Бетел исчез, а еще через минуту я увидел, что по тропинке, ведущей от коттеджа, несется человек. Это был Торн, чем-то смертельно испуганный: лицо его побелело, взгляд был какой-то остановившийся, он задыхался и дрожал, словно в приступе малярии. Он пронесся по тропинке мимо меня, и вскоре я услышал стук копыт его лошади, на которой он галопом уносился прочь. Она была привязана где-то в лесу.

— Вы последовали за ним?

— Нет. Я спросил себя, что бы это могло так испугать его, но поспешил не за ним, а к коттеджу, чтобы упрекнуть Эфи за ее двуличность. Я взлетел по лестнице, прыгая через две ступеньки, и споткнулся о распростертое тело Хэллиджона. Он лежал в дверях, уже мертвый. Мое ружье, только что разряженное в бок Хэллиджона, валялось на полу.

В зале воцарилась такая тишина, что слышно было, как муха пролетит.

— По-видимому, в коттедже никого не было, ни на первом этаже, ни наверху. Я позвал Эфи, но она не ответила. Схватив ружье, я бросился прочь, но в этот момент из леса вышел Локсли. Он заметил меня; я испугался, снова бросил ружье и убежал.

— Почему Вы поступили таким образом?

— Я запаниковал и, должно быть, утратил способность здраво рассуждать; в противном случае я ни за что бы так не поступил. Мысли мгновенно проносятся у нас в голове, особенно когда мы испуганы; вот и я испугался, что это преступление припишут мне. Это страх заставил меня схватить ружье, чтобы его не нашли возле трупа, и страх же заставил отшвырнуть его, когда появился Локсли — страх, исключаяющий всякий здравый смысл! Если бы я повел себя иначе, меня никогда не обвинили бы в этом убийстве.

— Продолжайте.

— Вскоре я наткнулся на Бетела. Я знал, что он, пустившись к коттеджу после выстрела, должен был встретить Торна, бежавшего прочь. Но он заявил, что прошел несколько шагов по тропинке, а потом снова углубился в лес. Я поверил ему. Итак, я пустился дальше.

— Вы ушли из Вест-Линна?

— В ту же ночь. Этот глупый, роковой шаг был результатом моей трусости. Я узнал, что во всем обвиняют меня, и решил исчезнуть на денек-другой — посмотреть, как будут развиваться события. Затем последовало дознание, был вынесен вердикт, и я уехал насовсем.

— Вы говорите правду?

— Клянусь, что это истинная правда о том, что известно лично мне, — взволнованно ответил Ричард. — Даже перед самим Господом я не смог бы поклясться более искренно.

Его подвергли строгому перекрестному допросу, который не выявил ни малейших противоречий в его показаниях. Пожалуй, никто из присутствующих не сомневался в том, что он говорит правду.

Эфи Хэллиджон была вызвана повторно и ответила на несколько вопросов о визите Ричарда. То, что она сообщила суду, полностью совпало с показаниями Хэйра-младшего, хотя и было вытянато из нее чуть ли не клещами.

— Почему Вы отказались принять Ричарда Хэйра в коттедже после того, как сами назначили встречу?

— Мне так захотелось, — ответила Эфи.

— Расскажите суду, почему Вам этого захотелось.

— Ну... у меня был друг. Это был капитан Торн, — добавила она, понимая, что ее все равно спросят об этом. — Я не впустила Ричарда Хэйра, так как думала, что, оказавшись вместе, они могут затеять ссору.

— Вам известно, для чего Ричард Хэйр принес ружье?

— Он одолжил его моему отцу. У того что-то случилось с его ружьем, которое он отдал в починку. За день до этого я слышала, как он попросил м-ра Ричарда одолжить ему одно из своих, что тот и сделал.

— Вы надежно прислонили ружье к стене?

— Вполне.

— Вы или обвиняемый более не прикасались к этому ружью?

— Я не прикасалась, да и он тоже, насколько мне известно. Это было то самое ружье, которое позже нашли разряженным в моего отца.

Следующим свидетелем был Отуэй Бетел, вызвавший немалое любопытство публики, хотя и не сравнимое с интересом к Эфи Хэллиджон, не говоря уже о Ричарде Хэйре. Он показал следующее:

— В тот вечер, когда был убит Хэллиджон, я находился в Аббатском лесу и увидел Ричарда Хэйра, шедшего по тропинке с ружьем.

— Ричард Хэйр заметил Вас?

— Нет, он не мог видеть меня, ибо я находился в самой чаще. Он подошел к двери коттеджа и уже собирался войти, как вдруг из дома выскочила Эфи, прикрыв за собой дверь и придерживая ее рукой, словно боясь, что он все-таки войдет. Они о чем-то поговорили — я был слишком далеко, чтобы услышать их разговор, после чего она взяла ружье и вошла в дом. Вскоре я снова заметил Ричарда Хэйра, спрятавшегося за деревьями на некотором расстоянии от коттеджа, несколько дальше от него, чем находился я. Он явно наблюдал за тропинкой. Я еще подумал, к чему это он прячется, как вдруг услышал выстрел, раздавшийся, как мне показалось, где-то поблизости от коттеджа, и...

— Подождите минутку, свидетель. Мог ли Ричард Хэйр произвести этот выстрел?

— Нет. Он был почти в четверти мили от дома. Я находился ближе к коттеджу, нежели он.

— Продолжайте.

— Я не мог даже представить себе, что означал этот выстрел и кто произвел его. Нет, я не заподозрил ничего дурного, да и браконьеры, насколько мне известно, не охотились в такой близости от дома Хэллиджона. Я отправился выяснить, в чем дело, и, как только за поворотом тропинки показался дом, я увидел, как из него выскочил капитан Торн — так его называли, по крайней мере. Лицо его побелело от ужаса, он задыхался — короче говоря, я за всю свою жизнь не видел столь взволнованного человека. Когда он пробежал мимо меня, я схватил его за руку. «Что Вы натворили? — спросил я его. — Это Вы стреляли?» Он же...

— Погодите. Почему Вы заподозрили его?

— Потому, что он был так возбужден и смертельно испуган. Я был уверен, что случилось что-то неладное. Да и вы подумали бы то же самое, увидев его. Он, казалось, еще сильнее разволновался и попытался отшвырнуть меня, но я достаточно крепкий человек и, вероятно, он решил, что лучше будет выиграть время. «Помалкивайте об этом, Бетел, — сказал он. — Я Вам заплачу. Я сделал это непреднамеренно, сгоряча. Зачем, спрашивается, он оскорбил меня? Девушке я не причинил ни малейшего вреда». Говоря это, он свободной рукой — за другую я держал его — вытащил бумажник...

— Вы имеете в виду обвиняемого?

— Да. Он достал банкноту и чуть ли не силой вложил ее мне в руки. Это были пятьдесят фунтов. «Что сделано, того не воротишь назад, Бетел, — сказал он. — Никому не станет лучше от того, что Вы расскажете обо мне. Итак, Вы будете молчать?» Я взял банкноту и ответил, что согласен. Я даже не подозревал, что произошло убийство.

— Что же Вы предположили?

— Даже не знаю: все произошло так стремительно что ничего определенного не пришло мне в голову. Торн побежал по тропинке, а я стоял и смотрел ему вслед. Затем я услышал шаги и скользнул в лес. Это был Ричард Хэйр, торопившийся к коттеджу. Вскоре он вернулся, почти такой же взволнованный, как и Торн. К этому времени я снова вышел на открытое место, и он обратился ко мне, спросив, не видел ли я, как «этот пес» бежал от коттеджа. «Что еще за пес?» — спросил я. «Да этот щеголь Торн, который ухлестывает за Эфи», — ответил он. Однако я решительно заявил, что никого не видел. Ричард Хэйр удалился. Вскоре я узнал, что убили Хэллиджона.

— Итак, за подкуп Вы согласились помочь в сокрытии гнусного злодеяния, м-р Отуэй Бетел!

— Со стыдом должен признать, что взял деньги, но я сделал это неосознанно. Клянусь, что не прикоснулся бы к ним, если бы знал, какое преступление было совершено. У меня в то время было туго с деньгами, и я соблазнился предложенной мне суммой. Когда я узнал, что случилось на самом деле, когда мне стало известно, что во всем обвиняют Ричарда Хэйра, меня словно громом поразило; с тех пор я сотни раз проклял эти деньги, а горькая участь Ричарда тяжким грузом легла на мою совесть.

— Вы могли бы избавиться от этой тяжести, признавшись во всем.

— И что бы это дало? Было уже слишком поздно. Торн исчез. С тех пор я не видел его ни разу, пока весной он не объявился в Вест-Линне как сэр Фрэнсис Ливайсон, противник м-ра Карлайла на выборах. Ричард Хэйр также исчез. От него не было никаких известий, и многие считали, что он умер. Для чего же мне было признаваться? Чтобы самому сделаться подозреваемым? Кроме того, у нас был уговор, и я, взяв деньги, должен был, как честный человек, сдержать свое слово.

Если уж Ричард Хэйр подвергся строгому перекрестному допросу, то Отуэя Бетела допрашивали с куда большим пристрастием. Судья обратился к нему всего один раз, и голос его звенел от возмущения:

— Сдается мне, свидетель, что Вы все эти годы скрывали доказательства невинности Ричарда Хэйра.

— С раскаянием вынужден признать это, милорд.

— Что Вам было известно о Торне в то время? — спросил адвокат.

— Ничего, если не считать того, что он частенько бывал в Аббатском лесу, так как ухаживал за Эфи Хэллиджон. До того самого вечера я не обменялся с ним ни единым словом, но я знал его имя, во всяком случае, то, которым он назывался — Торн. Похоже, он тоже знал меня, поскольку назвал Бетелом.

Все свидетельства обвинения были представлены. Защитник произнес искусно составленную и убедительную речь, главным образом подчеркивая отсутствие доказательств вины сэра Фрэнсиса Ливайсона, равно как и свидетельств того, что эта трагедия не была чистой случайностью. Заряженное ружье, прислоненное к стене в маленькой комнате, представляло большую опасность. На основании всего вышеизложенного он обратился к присяжным с просьбой не осуждать поспешно его подзащитного, а дать хоть какой-то шанс. Адвокат заметил, что не станет вызывать свидетелей даже для того, чтобы просто охарактеризовать сэра Фрэнсиса. Это заявление весьма позабавило всех присутствующих; лишь судья остался по-прежнему серьезным.

Наконец, судья подвел итог, разумеется, не в пользу обвиняемого, а «решительно против», как выразились некоторые из присутствующих. Его светлость с осуждением отозвался об Отуэе Бетеле и с сочувствием — о Ричарде Хэйре.

Присяжные удалились на совещание около четырех пополудни, и судья также покинул свое место.

Впрочем, не прошло и четверти часа, как все вернулись в зал. Его светлость занял свое место, а обвиняемый — свое, на скамье подсудимых. Он был белым, словно мрамор, и в нервном возбуждении все время отбрасывал назад волосы тем самым движением, которое столько раз упоминалось в нашем повествовании.

— Каким будет ваше решение, господа присяжные; «виновен» или «невиновен»?

— «Виновен».

В зале воцарилась мертвая тишина; обвиняемый судорожно глотнул воздух ртом.

— Однако, — добавил старший из присяжных, — мы рекомендуем помиловать его.

— На каком основании? — осведомился судья.

— Поскольку мы, милорд, полагаем, что это убийство не было спланировано заранее, а произошло в результате ссоры.

Судья помолчал; а затем извлек какой-то черный предмет из кармана, скрытого в глубинах его необъятной мантии.

— Подсудимый! Можете ли вы представить какие-либо аргументы в пользу помилования?

Обвиняемый судорожно вцепился в ограждение скамьи подсудимых. Он вскинул голову, словно стряхивая малодушный страх, и его мрачно-бледное лицо побагровело.

— Только один, милорд. Присяжные порекомендовали вашей светлости не выносить смертный приговор, поскольку правильно поняли, как все произошло на самом деле. Да, я убил этого человека, Хэллиджона. Отпираться бесполезно: слишком убедительные свидетельства моей вины были представлены сегодня. Но это было сделано не по злему умыслу. Когда я оставил эту девушку, Эфи, и отправился в коттедж за своей шляпой, у меня и в мыслях не было кого-то убивать. В доме я наткнулся на ее отца, и это несчастье случилось в результате ссоры, которая произошла между нами. Милорд, это было непредумышленное убийство.

Обвиняемый замолчал, и тогда судья, водрузив на голову черную шапочку, скрестил руки и провозгласил следующее:

— Обвиняемый! Четкие и неоспоримые доказательства уличают вас в предумышленном убийстве. Присяжные объявили вас виновным, и я полностью согласен с их вердиктом. Нет ни малейшего сомнения в том, что вы лишили жизни этого несчастного, безобидного человека: вы сами только что признались в этом. Это — жестокое и отвратительное злодеяние. Меня не интересуют конкретные обстоятельства данного дела: возможно, он обидел вас словесно, однако

обида такого рода не служит ни малейшим оправданием того, что вы обратили против него оружие. Ваш адвокат заявил, что вы — джентльмен, принадлежащий к английской аристократии, и поэтому заслуживаете снисхождения. Признаюсь, что я был весьма удивлен подобными речами. На мой взгляд, ваше положение только усугубляет тяжесть содеянного: я всегда утверждал, что, когда грешит человек, имеющий все преимущества в жизни, он заслуживает меньшего снисхождения, чем тот, кто беден, незнатен и необразован. Некоторые показания — сейчас я не имею в виду само преступление — характеризуют вас отнюдь не с самой лучшей стороны. Ваши намерения по отношению к этой девушке были самыми бесчестными, что являет разительный контраст с поведением Ричарда Хэйра, такого же джентльмена, как и вы. Преследуя эту особу, вы убили ее отца, а затем, словно этого вам было недостаточно, продолжали свое черное дело, пока не добились ее падения. При этом вы подло исказили факты и свалили вину на другого человека. Я не ручаюсь за себя, если продолжу говорить на эту тему; впрочем, в том нет никакой нужды, ибо вам предстоит ответить за другое злодеяние. Вы отправили в вечность этого человека, не призванного к себе Господом, вы безжалостно препроводили его в мир иной, и теперь вам предстоит искупить это преступление ценой собственной жизни. Присяжные рекомендовали помиловать вас, и эта рекомендация будет должным образом отправлена в соответствующие инстанции; однако вы должны знать, сколь часто вердикт сопровождается подобной оговоркой и сколь редко к ней прислушиваются за неимением достаточных оснований. Мне остается лишь от всей души посоветовать вам провести то недолгое время, которое, возможно, вам осталось пробыть на этом свете, в поисках раскаяния и прощения. Вы лучше всех знаете, как прожили свою жизнь, кое-что об этом известно и людям, но есть еще прощение свыше, которое при искреннем раскаянии могут заслужить виновные из виновных. Мне остается лишь сообщить вам суровый приговор. Вас, Фрэнсис Ливайсон, препроводят туда, откуда вы прибыли, а оттуда, в свою очередь — к месту казни, где вас повесят. Да сжалится Всемогущий Господь над вашей бессмертной душой! Аминь!

Публика на время покинула зал. Самое волнующее дело было закончено, и судья объявил слушание следующего. Впрочем, еще не все волнения этого дня завершились, и потому люди снова хлынули в зал, ибо теперь рассматривалось обвинение Ричарда Хэйра-младшего, впрочем — лишь для проформы, поскольку все еще существовал вердикт, вынесенный в результате дознания сразу после убийства. Никаких свидетельств против него представлено не было, и судья объявил его невиновным. Бедный Ричард, оклеветанный и преследуемый, снова стал свободным человеком.

То, что произошло дальше, с трудом поддается описанию. По меньшей мере половина присутствующих жила в Вест-Линне или его окрестностях. Они знали Ричарда Хэйра с младенчества, восхищались прелестным ребенком, любили спокойного и безобидного отрока, но пришло время, когда каждый из них с готовностью бросил в него камень с громогласным осуждением на устах. Теперь их раскаяние было прямо пропорциональным прежней жестокости: Ричард оказался невиновным, а они — виноватыми перед ним. Английская толпа, независимо от того, состоит ли она из черни или же из людей благородного происхождения, никогда не довольствуется половинчатыми чувствами: она всегда доходит до точки кипения как в осуждении, так и в восхвалении. В едином порыве все окружили Ричарда: его поздравляли, желали ему всего наилучшего, со стыдом каялись в том, что осуждали его. Все заявляли, что искупят свою вину. Ему и сотни рук не хватило бы, чтобы обменяться рукопожатиями со всеми желающими.

Когда Ричард освободился, наконец, и повернулся к своему отцу, без тени упрека, а лишь со всепрощающей любовью на лице, суровый старый судья, забыв о своей гордости и напыщенности, разрыдался как ребенок и пробормотал, что и он также нуждается в прощении.

— Дорогой отец, — воскликнул Ричард со слезами на глазах, — все уже забыто! Подумайте о том, как мы снова будем счастливы вместе: вы, я и матушка!

Руки, обнимавшие сына, разжались. Они странно подергивались; затем подергиваться начало лицо, потом — все тело, и, наконец, он упал на плечо полковника Бетела, сраженный вторым ударом паралича.

Глава 20

КОМНАТА СМЕРТИ

Возле кровати умирающего Уильяма Карлайла на коленях стояла леди Изабель. Роковой час был уже недалек, и мальчик совершенно смирился со своей участью. Господь воистину милосерден к умирающим детям! Просто потрясающе, с какой легкостью, если правильно подойти к этому, можно убедить их принимать путешествие в неизведанное не со страхом, а скорее, с удовольствием.

Чахоточный румянец уже сошел с его щек, лицо сделалось бледным и изможденным, и лишь огромные блестящие глаза оживляли безжизненные черты, обрамленные шелковистыми каштановыми волосами, зачесанными назад. Его маленькие горячие руки разметались по постели.

— Вы знаете, мадам Вин, что уже недолго осталось ждать?

— Чего ждать, мой милый?

— Ждать, когда все они придут. Папа, мама, Люси и все остальные.

Ее уставшее сердце пронзила ревность. Так что же: она для него ничего не значит?

— А тебе не хотелось бы, чтобы я встретила с тобой, Уильям?

— Да, я надеюсь, что так и будет. Но как вы думаете: в раю мы будем знакомы со всеми или же только с родственниками?

— Ах, дитя! Я думаю, что там не будет родственников в том смысле слова, который мы вкладываем в него здесь. Впрочем, давай во всем доверимся Господу.

Уильям лежал, в задумчивости глядя в небо, ярко-синее, безоблачное небо июля, с которого светило жаркое солнце. Его кровать придвинули к окну, поскольку он любил сидеть и любоваться открывавшимся пейзажем. Окно было открыто, и в летнем воздухе вились бабочки и пчелы.

— Интересно, как это все будет? — начал он размышлять вслух. — Там будет прекрасный город, с воротами из жемчуга, сверкающими драгоценными камнями и улицами из золота; а еще там будет чистая река, и деревья с плодами и целительной листвой, и чудесные цветы. А еще там будут арфы, и музыка, и пение, и пение и... что еще?

— Все, что желанно и прекрасно, Уильям.

Он немного помолчал.

— Как вы думаете, мадам Вин: Иисус сам придет ко мне или пришлет ангела?

— Иисус обещал прийти за всеми спасшимися, за каждым, кто любит и ждет его.

— Да-да! И потом я буду счастлив навсегда. Как приятно будет никогда не видеть усталости и болезней!

— Приятно? О да, Уильям! Когда же придет это время!

Сейчас она подумала о себе, о своем освобождении, хотя мальчик и не подозревал этого. Она заговорила, прикрыв лицо руками, так что Уильяму пришлось напрячь слух, чтобы расслышать еле слышный шепот:

— И там не будет ни смерти, ни горя, ни слез, ни боли, ибо прошлое останется позади.

— Мадам Вин, как вы думаете: там будет мама? — спросил он, спустя некоторое время. — Я имею в виду... ту маму.

— Да. Уже скоро.

— Но как мне узнать ее? Я, видите ли, почти забыл, как она выглядит.

Она склонилась над ним и разрыдалась, прижавшись лбом к его изможденной руке.

— Ты узнаешь ее, Уильям. Не бойся: она не забыла тебя.

— Но откуда нам знать, что она будет там? — не согласился Уильям, немного подумав. — Вы знаете, — он понизил голос и нерешительно продолжал, — она была не совсем хорошей. Она нехорошо поступила по отношению к папе и к нам. Иногда я думаю: а вдруг она не стала хорошей и не попросила Господа простить ее?

— Ах, Уильям, — всхлипнула несчастная, — вся ее жизнь, с того самого времени, как она покинула тебя, была сплошным покаянием и поиском прощения! Ее раскаяние, ее горе было невыносимым, и...

— Что? — спросил Уильям, поскольку она замолчала.

— Ее сердце разбилось от тоски по своим детям и мужу.

— Почему вы так думаете?

— Дитя, я знаю это.

Уильям задумался. И вдруг... он вскочил бы на ноги, если бы у него оставались силы.

— Мадам Вин! Вы можете знать об этом только от самой мамы! Вы видели ее? Вы встречались с ней за границей?

Леди Изабель в этот момент, должно быть, витала в облаках. Иначе она не ответила бы, не подумав о последствиях:

— Да, я встречалась с ней за границей.

— Почему же вы никогда не рассказывали нам об этом? — спросил мальчик. — Что она говорила? Как выглядела?

— Она сказала, — голос ее прервался рыданиями, — что разлучена со своими детьми, но она встретит их в раю, чтобы уже никогда не расставаться с ними. Уильям, милый! Там исчезнет вся боль, вся грусть, никто не вспомнит о провинностях, совершенных в этом мире, и Господь вытрет наши слезы.

— Какое у нее было лицо? — тихо спросил он.

— Похожее на твое и особенно — Люси.

— Она красивая?

— Да, — ответила она после небольшой паузы.

— О Господи! Как мне плохо! Помогите! — воскликнул Уильям.

Голова его свесилась набок, а лицо, и без того влажное, покрылось каплями пота величиной с горошину. В последнее время с ним часто случались непродолжительные обмороки. Леди Изабель поспешно позвонила, и появилась Уилсон. Обычно это делала Джойс, но в этот день миссис Карлайл с малышом уехала в Гроув и взяла Джойс с собой, не подозревая, в каком критическом состоянии находится Уильям. Описываемые события происходили на следующий день после суда в Линборо. Г-на судью Хэйра привезли в Гроув после второго удара, и Барбара отправилась к родителям, чтобы повидать отца, утешить мать и поздравить Ричарда с возвращением домой. В тот день не менее пятидесяти экипажей побывало в Гроуве, не считая тех посетителей, которые пришли пешком.

— Все хотят оказать тебе внимание, Ричард, — сказала миссис Хэйр, сквозь слезы счастья улыбаясь вновь обретенному сыну.

Люси и Арчи в этот день обедали у мисс Карлайл, а Сара занялась малышом Артуром. Таким образом, свободной осталась только Уилсон, которая и появилась в комнате после звонка мадам Вин.

— Что, снова упал в обморок? — бесцеремонно спросила она.

— Да. Помогите мне поднять его.

Но Уильям не потерял сознание, нет: вместо того, чтобы, обессилив, упасть, он задрожал, словно в лихорадке, и конвульсивно вцепился в мадам Вин и Уилсон.

— Не дайте мне упасть! Не дайте мне упасть! — задыхаясь, произнес он.

— Мой дорогой, ты не можешь упасть, — ответила мадам Вин. — Ты же находишься на кровати.

Однако он не отпустил их, по-прежнему дрожа, словно от страха, и продолжая кричать: «Не дайте мне упасть!»

Этот крик буквально раздирал душу.

Наконец, приступ закончился. Ему вытерли пот со лба. Уилсон смотрела на ребенка, поджав губы, с каким-то странным выражением на лице. Она поднесла к его рту ложку с укрепляющим желе; он послушно проглотил его, однако отрицательно затряс головой, когда она хотела дать ему еще одну. Уильям лег лицом вниз и через несколько минут задремал.

— Что бы это могло быть? — воскликнула леди Изабель.

— Я-то знаю, — загадочно ответила Уилсон. — Мне и раньше приходилось видеть подобные припадки, мадам.

— Чем же он вызван?

— Я видела его не у ребенка, — продолжала Уилсон, — а у взрослого человека. Но это не имеет значения: это всегда означает одно и то же. Я думаю, теперь он умрет.

— Кто? — испуганно воскликнула леди Изабель.

Уилсон ничего не ответила, лишь показала на ребенка, лежавшего в постели.

— Ах, Уилсон! Он не настолько плох! М-р Уэйнрайт сказал сегодня, что он протянет еще неделю или две.

Уилсон преспокойно уселась в самое мягкое кресло. Она не собиралась церемониться с гувернанткой; к тому же, последняя слишком боялась ее в известном смысле слова, чтобы указать служанке ее место.

— Что до Уэйнрайта, — сказала Уилсон. — Так он — никто, пустое место. Даже если ребенок будет испускать дух прямо перед ним и он будет знать, что через мгновение наступит смерть, и тогда он будет клясться, что тот проживет еще часов двенадцать. Вы же не знаете Уэйнрайта так, как я, мадам. Он был нашим врачом, когда я жила еще у матери, и он практиковал всюду, где я служила. Пять лет я была старшей няней у сквайра Пиннера, следующие четыре года — горничной миссис Хэйр. Здесь я появилась, когда мисс Люси была младенцем. И всюду он, как тень, следовал за мной по пятам. Помнится, миледи Изабель была высокого мнения о нем, в отличие от меня.

«Миледи Изабель» ничего не ответила. Она лишь села и продолжала смотреть на Уильяма, дыхание которого сделалось затрудненным сверх обычного.

— Сегодня эта идиотка Сара говорит мне: «С кем из его дедушек они похоронят его: со старым м-ром Карлайлом или же с лордом Маунт-Северном?» «Не будь душой, — отвечаю я ей. — Не станут же они хоронить его где-то в уголке, возле могилы милорда. Конечно же, он будет покоиться в склепе Карлайлов». Разумеется, все было бы иначе, если бы миледи умерла дома, чинно и достойно, супругой м-ра Карлайла. Тогда бы, несомненно, ее похоронили рядом с отцом, а мальчика — возле матери. Но в действительности все было иначе.

Мадам Вин ничего не ответила, и воцарилась тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием мальчика.

— Интересно, как себя чувствует этот красавчик? — вдруг заговорила Уилсон презрительно-ироничным тоном.

Леди Изабель, все мысли которой были поглощены только Уильямом, вообразила, что Уилсон говорит о нем, и удивленно повернулась к ней.

— Да эта драгоценность в тюрьме Линборо, — пояснила Уилсон. — Надеюсь, он славно себя чувствует со вчерашнего дня. Интересно, сколько народу из Вест-Линна поедет на его повешение? Должно быть, потребовалось бы несколько поездов, чтобы вместить всех желающих.

Лицо леди Изабель сделалось пунцовым; сердце ее сжалось. До этого она не осмеливалась спросить, чем все закончилось. Сама по себе эта тема была слишком страшной, и так уж случилось, что никто в ее присутствии не говорил о суде.

— Его приговорили? — тихо спросила она.

— Приговорили, и поделом! М-ра Отуэя Бетела снова освободили, и хорошо. Ну и парочка! Из нашего дома никто не ездил на суд — вы же знаете, мадам: это может быть неприятно м-ру Карлайлу, но вчера вечером люди обо всем рассказали нам. Его главным обвинителем был молодой Ричард Хэйр. Он вернулся и стал очень хорош собой: говорят, намного лучше, чем в те поры, когда он был юношей. Говорят, надо было слышать, какими криками все приветствовали известие о том, что он оправдан: там чуть крыша не рухнула, и судья даже не потребовал тишины!

Уилсон замолчала, ожидая ответа, но его не последовало, и она заговорила снова:

— Когда м-р Карлайл вчера вечером принес это известие домой и рассказал жене, как дружно все приветствовали м-ра Ричарда, она чуть не упала в обморок, так как еще не совсем окрепла. М-р Карлайл крикнул, чтобы я принесла немного воды: я как раз была в соседней комнате с малышом. Вхожу, а она сидит вся в слезах, и он держит ее за руку. Я всегда говорила, что они обожают друг Друга, хотя он взял и женился на другой. М-р Карлайл велел поставить воду и снова отослал меня. Но я полагаю, он вовсе не об ударе старого Хэйра беседовал с ней до утра.

Леди Изабель подняла голову, уже изрядно разболевшуюся.

— О каком ударе?

— Так вы не знаете, мадам? Вы, скажу я вам, сидите взаперти и никогда ничего не слышите. Это все равно что жить на дне угольной шахты. У старого Хэйра на суде в Линборо приключился второй удар. Именно поэтому моя хозяйка и уехала в Гроув сегодня.

— Кто сказал, что Ричард Хэйр вернулся домой, Уилсон?

Этот слабый, тихий, еле слышный вопрос сорвался с губ умирающего мальчика. Уилсон всплеснула руками и бросилась к кровати.

— Ну надо же! — сказала она мадам Вин, полуобернувшись к ней. — Не знаешь, как и быть с этими больными. Мастер Уильям, вы лучше помолчите и постарайтесь снова заснуть. Скоро ваш папа вернется из Линборо, и, если вы наговоритесь и устанете, он скажет, что это я во всем виновата. Хотите еще желе?

Уильям снова уткнулся лицом в подушку, ничего не ответив. Однако он был по-прежнему беспокойным: слабеющая душа готовилась проститься с телом.

М-р Карлайл в это время был в Линборо, где у него всегда находилось множество дел в период выездных сессий для слушания гражданских дел. Впрочем, за день до этого он отправил вместо себя м-ра Дилла. В восьмом часу он вернулся домой и сразу прошел в комнату к Уильяму. Мальчик немного оживился.

— Папа!

М-р Карлайл присел на кровать и поцеловал его. Полосы лучи заходящего солнца освещали комнату, и м-р Карлайл мог хорошо разглядеть лицо умирающего, на которое уже легла серая печать смерти.

— Ему хуже? — взволнованно спросил он мадам Вин.

— Похоже, сегодня вечером ему хуже, сэр. Он слабеет.

— Папа, — задыхаясь, сказал Уильям, — суд закончен?

— Какой суд, мой мальчик?

— Над сэром Фрэнсисом Ливайсоном.

— Он закончился вчера. Не забивай себе голову этим, мой храбрый малыш. Он того не стоит.

— Но я хочу знать. Его повесят?

— Да, его приговорили к повешению.

— Это он убил Хэллиджона?

— Да. Кто говорил с ним об этом? — с неудовольствием в голосе обратился м-р Карлайл к мадам Вин.

— Уилсон, сэр, — тихо ответила она.

— Ах, папа, что же ему делать? Простит ли Иисус его?

— Будем надеяться.

— А ты веришь в это, папа?

— Да. Я хотел бы, чтобы спаслись все, независимо от своих прегрешений. Дитя мое, ты сегодня такой беспокойный.

— Я не могу сидеть на одном месте, и постель сбивается. Помогите мне сесть повыше, мадам Вин.

М-р Карлайл сам осторожно приподнял мальчика.

— Мадам Вин — твоя не ведающая усталости сиделка, Уильям, — заметил он, благодарно взглянув на гувернантку, которая отошла к окну и скрылась за шторой.

Уильям ничего не ответил. Казалось, он пытается что-то вспомнить.

— Забыл, забыл! — пробормотал он.

— Что ты забыл? — спросил м-р Карлайл.

— Я что-то хотел рассказать тебе или о чем-то спросить. Люси еще не вернулась?

— Нет, я полагаю.

— Папа, я хочу, чтобы здесь была Джойс.

— Я после обеда поеду за твоей мамой и пришлю к тебе Джойс.

— За мамой... Теперь я вспомнил. Папа, как я узнаю маму в раю? Не эту маму, а ту?

М-р Карлайл ответил не сразу. Возможно, этот вопрос озадачил его. Уильям, вероятно, неверно истолковал его молчание и поэтому торопливо добавил:

— Она ведь будет в раю!

— Да, конечно, дитя, — поспешно ответил м-р Карлайл.

— Мадам Вин точно знает. Она встречалась с ней за границей, и мама сказала ей, что... что она сказала, мадам?

Мадам Вин едва не сделалось Дурно от страха. М-р Карлайл посмотрел на нее или, точнее сказать, ту часть ее лица, которая не была скрыта шторой. Как бы ей хотелось выбежать из комнаты!

— Мама испытывала невыносимые страдания, — продолжал Уильям, не дождавшись помощи от мадам Вин. — Она тосковала по тебе, папа, и по нам тоже; ее сердце не выдержало, и она умерла.

М-р Карлайл, лоб которого мучительно покраснел, повернулся к мадам Вин и вопросительно взглянул на нее.

— Ах, простите меня, сэр, — в отчаянии пролепетала она. — Я не должна была говорить этого, не должна была вмешиваться в ваши семейные дела. Но я подумала, что должна... мальчик был обеспокоен из-за своей матери.

М-р Карлайл был в полном недоумении.

— Так я не понимаю. Вы встречались с его матерью за границей?

Она закрыла рукой свое пылающее лицо.

— Нет, сэр.

Наверное, ангел, ведущий счет ее прегрешений, вычеркнул эти слова! Она всем сердцем молила Всевышнего простить ее за эту ложь, произнесенную ради ребенка на смертном одре.

М-р Карлайл приблизился к ней.

— Вы заметили, как изменилось выражение его лица? — шепотом спросил он.

— Да, сэр, конечно. Он выглядит так с тех пор, как на него напала какая-то странная дрожь. Уилсон говорит, что он умирает. Боюсь, ему осталось жить не более суток.

М-р Карлайл оперся локтем на оконную раму и полуприкрыл глаза.

— Как тяжело потерять его!

— Ах, сэр, ему будет лучше, — сквозь слезы сказала она, не позволяя себе разрыдаться в голос. — Мы можем перенести смерть. Это — не самое тяжелое прощание. Он оставит этот жестокий мир и обретет покой в раю. Я хотела бы, чтобы мы все оказались там.

В этот момент вошел слуга и сказал, что обед для м-ра Карлайла подан. Тот отправился обедать, хотя и без особого аппетита. Когда он вернулся в комнату больного, солнце зашло, и комнату освещала одна-единственная свеча, поставленная так, чтобы ее свет не падал на лицо ребенка. М-р Карлайл взял ее в руки, чтобы еще раз взглянуть в лицо сына. Мальчик лежал на боку, и его прерывистое дыхание эхом разносилось по комнате. Наконец, он открыл глаза от яркого света.

— Не надо, папа, ну пожалуйста. Мне нравится, когда темно.

— Всего на минутку, мой хороший.

Лицо, которое он увидел лишь на мгновение, было по-прежнему изможденным и мертвенно — бледным. Смерть вот-вот должна была прийти за его мальчиком.

В этот момент вошли Люси и Арчибальд, вернувшиеся от мисс Карлайл. Умирающий встrepенулся.

— До свидания, Люси, — сказал он, протягивая сестре свою холодную влажную руку.

— Я никуда не собираюсь, — ответила она. — Мы только что вернулись.

— До свидания, Люси, — повторил он.

Тогда она взяла его маленькую руку и поцеловала Уильяма, склонившись к нему.

— До свидания, Уильям, но я, право же, никуда не уйду.

— Это я уйду, — проговорил он. — Я уйду в рай. Где Арчи?

М-р Карлайл приподнял Арчибальда. Люси выглядела испуганной, в то время как Арчибальд — просто удивленным.

— До свидания, до свидания, Арчи, дорогой! Я уйду в рай, на синее небо. Там я увижу маму и скажу ей, что вы с Люси тоже скоро придете.

Люси, будучи очень чувствительным ребенком, не выдержала и разрыдалась, достаточно громко для того, чтобы нарушить покой, царивший в комнате больного. На шум прибежала

Уилсон, и м-р Карлайл отправил обоих детей, пообещав им для успокоения, что они увидят Уильяма утром, если ему не станет хуже.

Леди Изабель стояла на коленях, зарывшись лицом в стеганое одеяло, в угол которого она вцепилась зубами, чтобы сдержать рыдания. Это было выше ее сил! Ребенок, ее ребенок умирает, они одни у ложа смерти, и она не может попросить у него прощения!

Услышав ее заглушенные рыдания, м-р Карлайл с сочувствием посмотрел на нее — так же, как он мог бы посмотреть на любую преданную гувернантку. Разумеется, он видел, что она переживает, но не более того: она не была единым целым с ним и его умирающим сыном. Сам он все ниже и ниже склонялся над мальчиком, стараясь скрыть свои собственные слезы.

— Не плачь, папа, — прошептал Уильям, ласково коснувшись его щеки своей тоненькой ручкой. — Мне не страшно. За мной придет Иисус.

— Я рад, что ты не боишься, мой малыш! Ты идешь навстречу Богу, навстречу счастью. Еще несколько лет — мы не знаем, сколько именно — и мы все придем к тебе!

— Да, вы, конечно же, придете, я знаю. Я скажу об этом маме. Она, должно быть, уже вышла встречать меня на берег реки и теперь вглядывается в подплывающие лодки.

Он явно вспомнил картину Мартина «Райские долины». М-р Карлайл увидел на столе клубничный сок, недавно выжатый из свежих ягод, и смочил им горячие губы мальчика.

— Папа, как же Иисус может быть во всех лодках одновременно? Может быть, они подплывают не все сразу? Ведь он же должен быть там, если сам забирает нас?

— Он будет в твоей лодке, родной, — жарким шепотом ответил ему отец.

— О, да! Он проведет меня к Господу и скажет: «Вот пришел бедный маленький мальчик. Прости его, пожалуйста, ипусти его в рай, поскольку я умер и за него тоже!» Папа, ты знал, что у нашей мамы разбилось сердце?

М-р Карлайл лишь погладил его голову, ничего не ответив. Однако разум Уильяма сделался столь же беспокойным, как и его бедное тело. Он не сдавался:

— Папа! Ты знал, что сердце мамы разбилось?

— Уильям, я полагаю, что сердце твоей бедной мамы и в самом деле могло разбиться перед смертью. Но давай поговорим о тебе. У тебя что-нибудь болит?

— Я не могу дышать, и глотать — тоже. Ах, как бы я хотел, чтобы здесь была Джойс.

— Она скоро приедет.

Мальчик прильнул к нежно обнявшему его отцу и вскоре заснул, как показалось м-ру Карлайлу. Он осторожно опустил голову Уильяма на подушку, еще раз вгляделся в его лицо и хотел выйти из комнаты.

— Ах, папа, папа, — жалобно взмолился мальчик, открывая горящие тоской глаза, — попрощайся со мной!

М-р Карлайл снова прижал его к груди и уронил невольно слезу на поднятое к нему личико сына.

— Мой дорогой, папа скоро вернется. Он не собирается покидать тебя более, чем на час; он привезет к тебе маму.

— А малышку Анну тоже?

— Да, если ты захочешь. Я не оставлю надолго моего мальчика: пусть он не боится. А когда я вернусь, Уильям, я все время буду с тобой.

— Тогда поезжай, папа; только положи меня.

М-р Карлайл обнял мальчика, нежно прижал к своей груди и долго не отпускал его. Затем он положил голову на подушку, дал сыну еще ложку клубничного сока и вышел из комнаты.

— До свидания, папа, — еле слышно прозвучало вослед.

М-р Карлайл уже не слышал этих слов, и ему более не суждено было увидеть своего сына живым.

Леди Изабель поднялась и, рыдая, воздела руки.

— Ах, Уильям, дорогой, я хочу заменить тебе мать в эти предсмертные мгновения!

Он снова поднял усталые веки. Возможно, мальчик уже понимал не все, что ему говорили.

— Папа уехал за ней.

— Да не она! Я... — леди Изабель спохватилась и с горькими слезами уронила голову на кровать. Нет, даже в самые последние мгновения, когда он покидал этот мир, она не смела сказать ему: «Я твоя мать!»

В комнате снова появилась Уилсон.

— Похоже, он засыпает, — заметила она.

— Да, — ответила леди Изабель. — Можете идти, Уилсон. Я позвоню, если ему что-нибудь понадобится.

Уилсон не была совсем уж бессердечной женщиной, но и не относилась к тем, кто останется в комнате больного, будучи отпущен. Леди Изабель снова осталась одна и снова опустилась на колени, на этот раз — для молитвы; она молилась за отлетающую душу и просила Всевышнего милосердно даровать и ей успокоение на небе, рядом с тем, кто сейчас уходил из жизни. Прошлое промелькнуло перед ее глазами: с того момента, когда она впервые вошла в этот дом женой м-ра Карлайла, и до настоящего времени. Одна картина сменяла собой другую. Откуда взялась эта фантасмагория? Изабель и сама не смогла бы ответить.

Уильям мирно спал, а она продолжала думать о прошлом. Страшные слова — «Если бы я не... поступила подобным образом, сейчас все было бы по-другому» — столь часто звучали в ее сердце, что она уже почти перестала содрогаться всякий раз, когда думала об этом. Раньше же она так стискивала руки, что ее собственные ногти вонзались в ладони. Изабель уронила голову на стеганое одеяло, и ей почему-то вспомнилось, как она сама заболела в первый раз, как лежала и, ревнуя без причины, представляла Барбару хозяйкой дома, занявшей ее место после смерти и ставшей мачехой ее ребенку. Она вспомнила тот день, когда в полубреду услышала сплетни Уилсон и умоляла мужа не жениться на Барбаре. «Как я могу жениться на ней?» — ответил он тогда, утешая ее. Она, Изабель, была его женой, а Барбара была для них никем. Но, увы, все изменилось, и ей некого обвинить в этом, кроме самой себя. Ах, эта ужасная пытка воспоминаниями! Она не замечала времени, погруженная в раздумье, преисполненная боли и самоуничижения. Уильям не просыпался. Но вдруг кто-то вошел в комнату. Джойс!

Она торопливо вскочила на ноги, когда Джойс, тихонько подойдя к кровати, приподняла одеяло, чтобы взглянуть на Уильяма.

— Мастер сказал, что хочет видеть меня. Но... ах!

Она тут же подавила едва вырвавшийся крик. Мадам Вин снова метнулась к постели больного и остолбенела. Да: Иисус и в самом деле забрал отлетевшую душу ребенка. И тут самообладание окончательно покинуло леди Изабель. Она полагала, что смирилась с потерей своего ребенка и сумеет проститься с ним, не выдав своих чувств, но не ожидала, что это случится так скоро, полагая, что ему отпущено еще несколько часов. Она прильнула к нему, рыдая в голос, умоляя отозваться, она отшвырнула свои очки и прижалась щекой к родному лицу. Несчастная молила его вернуться хоть на мгновение, чтобы она могла проститься с ним, как мать.

Джойс ужаснулась, представив себе, что может случиться, если ее обнаружат в таком состоянии. Она попыталась оторвать Изабель от мальчика, умоляя взять себя в руки:

— Ради Бога, прошу вас, не надо! Миледи, миледи!

Это прежнее обращение мгновенно успокоило леди Изабель: она даже перестала плакать и, взглянув на Джойс, попятилась назад, словно ее взору явилось нечто ужасное.

— Миледи, позвольте мне отвести вас в вашу комнату. М-р Карлайл уже вернулся: скоро он поднимется сюда со своей женой. Только представьте, что будет, если они узнают, кто вы на самом деле. Пойдемте, ради Бога.

— Как вы узнали меня? — глухим голосом спросила леди Изабель.

— Миледи, это было в ту ночь, когда поднялась ложная тревога из-за пожара. Я близко подошла к вам, чтобы взять мастера Арчибальда из ваших рук и, клянусь, чуть не потеряла сознание! Мне показалось, что я увидела призрак, призрак моей покойной миледи. Я забыла обо всем, кроме того, что вы, мадам Вин, стоите передо мной. Вы были не загримированы, лунный свет падал на ваше лицо, и я, после нескольких страшных мгновений, поняла ужасную правду: вы — живая леди Изабель. Миледи, пойдемте же, пока не пришел м-р Карлайл.

Бедная Изабель в ужасе опустилась на колени.

— Ах, Джойс, сжальтесь надо мной, не выдавайте меня! Я уеду, честное слово, уеду! Не выдавайте меня, пока я здесь.

— Миледи, меня вам нечего бояться. Я никому не выдала этой тайны. Я храню ее с самого апреля. Не знаю, как я вынесла это. Я не ведала покоя ни днем, ни ночью. Подумать только, что случится, если об этом узнают м-р и миссис Карлайл! Право же, миледи: вы не должны были приезжать сюда!

— Джойс, — глухо ответила Изабель, подняв изможденное лицо. — Я не могла без моих детей. Неужели вы думаете, что я недостаточно наказана за мое пребывание здесь? Видеть его — моего мужа — супругом другой женщины! Это убивает меня!

— Ах, миледи, пойдите! Я слышу его шаги.

То уговорами, то силой Джойс удалось привести леди Изабель в ее комнату, где она и оставила свою бывшую хозяйку.

М-р Карлайл в это время уже входил в комнату сына. Джойс бросилась к двери. Лицо ее побледнело от страха и волнения; она дрожала так же, как бедный Уильям некоторое время назад.

— Джойс, — изумленно воскликнул м-р Карлайл. — Что с вами?

— Сэр, мастер... — задыхаясь, выговорила она. — Приготовьтесь: мастер Уильям... мастер Уильям...

— Только не это! Ведь он же не умер?!

— Увы, сэр.

М-р Карлайл вошел в комнату, но, не успев дойти до кровати сына, вернулся к двери и закрыл ее на задвижку. На подушке лежало белое, исхудавшее лицо его ребенка, наконец нашедшего успокоение.

— Мальчик, мальчик мой! О, Господи! — благоговейно воскликнул он. — Прими же это дитя так же, как раньше принял его несчастную мать. Да успокоится его душа во Христе!

Глава 21

ЛОРД ВЕЙН НАЗНАЧАЕТ СВИДАНИЕ

На похороны Уильяма Карлайла приехал лорд Маунт-Северн с сыном. Уилсон оказалась права в своих предположениях относительно места захоронения. Мальчика похоронили в фамильном склепе Карлайлов, а скульптор получил заказ: высечь на мраморной плите в церкви еще одну надпись; «Уильям Вейн Карлайл, старший сын Арчибальда Карлайла из Ист-Линна». Среди тех, кто пришел на похороны, один человек привлекал большее внимание, нежели все остальные. Это был Ричард Хэйр-младший.

Леди Изабель болела душой и телом. Она не выходила из комнаты; Джойс ухаживала за ней. Все домочадцы сочли причиной болезни обыкновенное переутомление, поскольку она долго ухаживала за мастером Уильямом. Она даже не захотела показаться врачу. Теперь Изабель думала лишь о том, как уехать из Ист-Линна, где ей совсем ни к чему было бы умереть — а ведь она знала, что смерть идет к ней, и ни один смертный не в силах отворотить ее приход. Теперь ее гораздо меньше страшила перспектива разоблачения: во всяком случае, последствия не казались такими страшными, как раньше. Когда человек стоит на краю могилы, любые страхи и надежды из этого мира отступают, и его волнует лишь то, что произойдет в другом, лучшем мире.

Вернувшись в Ист-Линн, леди Изабель решилась на отчаянный поступок, но вскоре обнаружила, что у нее не хватает для этого ни моральных, ни физических сил. Слишком полагаясь на разительные перемены в своей наружности, которые делали почти невозможным ее разоблачение, она вступила на опасный путь самообмана. Что бы ни говорилось, нельзя изгнать человеческие страсти из живого человеческого сердца. Их можно подавлять и сдерживать, но не искоренить полностью. Даже лучшие люди, достигшие истинной святости, вынуждены постоянно молиться, чтобы не допустить греховных помыслов и страстей. Вся жизнь такого человека проходит в самонаблюдении; он должен молиться утром, днем и вечером, что практически невозможно. Один из наших величайших богословов, немощный и убеленный сединами, сказал в памятной проповеди, которую произнес в Уорчестерском соборе, что даже у праведного человека вся жизнь — цепочка прегрешений и раскаяний. И он прав. Человеческие страсти приходят в этот мир вместе с нами, а исчезают лишь тогда, когда мы прощаемся с ним навеки.

Когда леди Изабель была женой м-ра Карлайла, она не любила всем сердцем: она уважала, ценила мужа, даже восхищалась им, но ей не была дарована таинственная страсть, именуемая любовью, которую, по моему глубочайшему убеждению, в ее чистейшей эфирной возвышенности дано испытать лишь немногим из нас. Теперь леди Изабель испытывала именно такое чувство. Помните, читатель: в одной из прошлых глав мы говорили, что мир подчиняется закону противоречия, как в детской игре? «Что имеем — не храним, потерявши — плачем».

С того самого дня, когда она вернулась в Ист-Линн, любовь к м-ру Карлайлу вспыхнула в ее сердце с невиданной силой. Строгий моралист сочтет это достойным порицания. Разумеется, он будет прав: «Кто же этого не знает?» — как сказала бы Эфи. Но в сердце Изабель еще были живы человеческие страсти, заставляющие нас совершать проступки, впадать в противоречия — одним словом, делать то, чего мы делать не должны. Боюсь, и я заслужу порицание, взявшись защищать ее. Но ведь это было не совсем то же самое, что любовь к чужому мужу. Тогда это заслуживало бы строжайшего осуждения: мы, хвала Господу, не мормоны с их многоженством, и мир пока не встал с ног на голову. Когда королева Элеонора поднесла чашу с отравой прекрасной Розамонде, она заслужила проклятия потомков, щедро изливаемые на нее и по сей день. Все порицают королеву и сочувствуют бедной леди. Однако, если забыть о яде, все можно трактовать прямо противоположным образом. Если бы леди Изабель влюбилась, ну, скажем, в м-ра Кросби, она вполне заслуживала бы строгого наказания от самого м-ра Кросби. Возможно, пара часов у позорного столба излечили бы ее. Мы же имеем дело с весьма необычным случаем. Она, бедняжка, почти считала м-ра Карлайла своим мужем и ничего не могла с собой поделаться (ах, это грешное человеческое сердце!). Сколько раз она просыпалась в ужасе, пытаясь прогнать эти мысли, тщетно стыдя себя за них. Но через десять минут они возвращались. Любовь м-ра

Карлайла, как и он сам, теперь принадлежала его жене. Дело, видите ли, не только в том, что он более не принадлежал ей: он принадлежал другой! Те из вас, кто оказывался в подобной ситуации, отчасти поймут, каково ей приходилось. Возможно, она смирилась бы, если бы не Барбара. Теперь же все это медленно убивало ее, смешиваясь, к тому же, с жестокими угрызениями совести.

Впрочем, дело было не только в этом. Повторное появление Фрэнсиса Ливайсона в Вест-Линне буквально ужаснуло ее, а страшное обвинение, выдвинутое против него, еще более усилило ее раскаяние. К тому же, постоянные напоминания окружающих о прошлом — ее прошлом! — причиняли ей жестокую душевную боль, хотя, конечно же, и не преследовали этой цели. И не забудьте о ежечасной опасности быть узнанной, равно как и о постоянной борьбе с собственной совестью. Неудивительно, что нити, связывающие леди Изабель с жизнью, ослабли.

— Она сама всему виной. Ей не следовало возвращаться в Ист-Линн! — вновь слышим мы стенания моралистов.

Да что вы говорите! Ну конечно же, ей не следовало этого делать, равно как и позволять своим мыслям вновь и вновь возвращаться к м-ру Карлайлу. Она не должна была, но она поступала именно так. Если бы мы все поступали, как «должно», этот мир сделался бы вполне подходящим для жизни местом, чего не скажешь о нем сейчас. Впрочем, можете побранить ее, коли это поможет вам успокоиться. Я согласна, что ей не следовало возвращаться, но скажите по совести: вы уверены, что не поступили бы на ее месте так же, раз уж возникло подобное искушение? Ну что же: теперь можете бранить и меня, если вам от этого станет хоть сколько-нибудь легче.

Наша героиня и сама не знала, как близка к ней смерть. Она, конечно же, не могла не почувствовать, что ее приход недалек, однако не знала, что зловещая гостья — уже почти на пороге. Силы оставляли ее. Подобным же образом умирала ее мать. Кое-кто поговаривал о чахотке (помните слова доктора Мартина?), кто-то говорил о том, что она «сгорела»; граф, ее муж, в первой главе нашего повествования, беседуя с м-ром Карлайлом, упомянул «разбитое сердце». Возможно, граф лучше всех знал истинную причину ее смерти. Впрочем, от какой бы хвори она ни скончалась, все говорили, что бедняжка «сгорела, как свеча». Теперь наступил черед леди Изабель. У нее не было какой-то определенной болезни, но смерть уже отметила ее. Она чувствовала это и теперь боялась не столько прихода смерти, как ранее, сколько последствий своего опознания, если таковое случится. И здесь мы вынуждены будем вернуться к тому, с чего начали это отступление, возможно, уже прискучившее кому-то из читателей. Впрочем, я ведь не слишком часто утомлял вас подобными разглагольствованиями!

Надобно заметить, что леди Изабель, вовсе не жаждавшая разоблачения, не собиралась оставаться в Ист-Линне до своей смерти. Где именно укрыться, для нее не имело первостепенного значения. Главное — найти правдоподобный предлог для отъезда, на котором настаивала и Джойс.

Разумеется, прежде всего следовало договориться обо всем с миссис Карлайл, поэтому на следующий день после похорон леди Изабель пришла в ее будуар и сказала, что ей необходимо переговорить с Барбарой. М-р Карлайл вышел из комнаты, когда она вошла; Барбара, утомленная недавней поездкой, лежала на диване.

— Нам будет очень жаль потерять вас, мадам Вин. О лучшей гувернантке для Люси и мечтать не приходится. К тому же, мистер Карлайл искренне признателен вам за вашу любовь и заботу по отношению к его бедному сыну.

— Мне также больно уезжать, — тихо ответила мадам Вин.

Вряд ли миссис Карлайл догадывалась о том, насколько сильна эта боль: в Ист-Линне Изабель оставляла все, что было для нее дорого на этом свете.

— Право же, вам не следует уезжать, — продолжала Барбара. — Было бы несправедливо отпустить вас. Вы заболели, когда ухаживали за бедным Уильямом, и теперь вам следует остаться здесь и отдохнуть, чтобы полностью выздороветь. Вы вскоре поправитесь, если только позволите обеспечить правильный уход за собой.

— Вы так добры! Не сочтите меня неблагодарной и бесчувственной, однако я вынуждена отказаться, Я полагаю, мне уже не оправиться; я никогда более не смогу давать уроки.

— Глупости! — быстро ответила Барбара. — Все мы начинаем думать о самом худшем, когда приболеем. Еще несколько минут назад я чувствовала страшную слабость и говорила нечто подобное Арчибальду. Он просто поговорил со мной и утешил меня. Ах, если бы ваш муж был жив и мог так же поддержать вас!

Бледное лицо леди Изабель слегка покраснело при этих словах, и она прижала руку к груди, в которой бешено стучало ее неподвластное разуму сердце.

— Но как же вы поедете? Нам в любом случае было бы приятно восстановить ваше здоровье, а теперь это просто наш долг по отношению к вам. Мне рассказывали, пока я болела, что уход за Уильямом отнимал все ваши силы.

— Дело вовсе не в этом, — быстро ответила мадам Вин. — Поверьте: я все хорошо обдумала. Я должна уехать.

— А не хотели бы вы поехать к морю? — с неожиданным энтузиазмом воскликнула Барбара. — Я еду в следующий понедельник, так как м-р Карлайл считает, что мне нужно переменить обстановку. Я собиралась взять с собой только ребенка, но мы можем захватить вас и Люси. Возможно, это пойдет вам на пользу, мадам Вин?

Изабель покачала головой.

— Нет, от этого мне будет только хуже. Я нуждаюсь в абсолютном покое. Поймите, умоляю вас: я просто должна уехать. Поэтому я была бы очень признательна вам за разрешение уехать в ближайшие дни, не отработывая принятого в подобных случаях срока.

— Тогда сделаем так, — сказала Барбара, немного подумав. — Вы останетесь в Ист-Линне до моего возвращения — это будет через две недели. М-р Карлайл не может остаться со мной на курорте, поэтому мне там надоеет еще раньше. У него, после длительного пребывания в Лондоне, накопилось множество дел. Я не хотела ехать до августа или сентября, когда он немного освободится, но он ничего и слушать не хочет: говорит, потом мы поедем вместе еще раз. Я хочу, чтобы вы остались, мадам Вин, но не давали никаких уроков. Вам вообще ничего не придется делать. Пусть Люси тоже немного отдохнет, а музыкой с ней сможет позаниматься м-р Кейн. Только я не хотела бы оставлять ее без вашего присмотра: она вступает в тот возраст, когда ее нельзя перепоручить слугам, даже Джойс. Если после моего возвращения вы не передумаете, можете уезжать. Что вы скажете на это?

— Я согласна, — с готовностью ответила мадам Вин.

Еще две недели со своими детьми были для нее сродни отсрочке смертного приговора, и она с радостью воспользовалась этим предложением. Она знала, что зловещая смерть уже идет к ней, но не могла и подумать, что она так близка.

Леди Изабель сама перенеслась мыслями в то время, когда и ее отправили к морю после болезни, да это и не удивительно. Ей припомнилось, как муж убеждал ее сменить обстановку, как вез ее на курорт, всячески оберегая в пути, с какой нежной заботой обустроивал ее жилище; наконец, как он, приехав навестить ее, осыпал ласками и благодарил Господа за то, что ей совершенно очевидно стало намного лучше. Ей с болью вспомнился последний наказ, который она дала ему, когда он отправлялся на пароход: «Смотри же: не влюбись в Барбару Хэйр!» Теперь вся его нежность, забота и любовь по праву принадлежали Барбаре.

Надобно заметить, что Барбара не приняла близко к сердцу отказ мадам Вин остаться в Ист-Линне, хотя и уговаривала ее не уезжать. Она не могла не понимать, что эта особа — истинная аристократка, слишком утонченная для обычной гувернантки. Барбара видела, что мадам Вин искренне привязана к Люси и всячески заботится о ее благе. Поэтому, исключительно ради Люси, она не хотела отпускать гувернантку и даже прибавила бы ей жалованье — в пределах разумного, конечно, — если бы та согласилась остаться. Однако ради собственного душевного спокойствия Барбара вовсе не возражала бы против отъезда мадам Вин, поскольку в глубине души всегда недолюбливала ее. За что? Она и сама не смогла бы сказать. Интуиция? Очень даже может быть. У птиц, зверей и рыб есть чутье, и у человека — тоже. Возможно, дело было в непонятном сходстве с леди Изабель. Барбара частенько задумывалась об этом весьма странном факте, однако так и не смогла решить для себя, чем именно гувернантка схожа с покойной женой м-ра Карлайла: лицом, голосом или манерами. Она даже не подозревала, как близка к истине, и ни с кем не говорила на эту тему, именно из-за сходства мадам Вин с леди Изабель, а не кем-либо еще. Возможно, в голосе мадам Вин иногда проскальзывали нотки, резавшие слух Барбары: некоторое нетерпение,

недостаток почтительности, чуть ли не высокомерие. Все это было непонятно Барбаре и не слишком нравилось ей. Одним словом, она не собиралась проливать горьких слез из-за отъезда гувернантки: Барбаре не хотелось отпускать ее только ради Люси.

Столь разные воспоминания и мысли успели посетить головы обеих дам к тому времени, когда мадам Вин встала, наконец, чтобы откланяться.

— Не могли бы вы минутку подержать моего малыша? — воскликнула Барбара.

Мадам Вин чрезвычайно удивилась.

— Где же он? — спросила она.

Барбара рассмеялась.

— Да вот же он, тихонечко спит, укрытый шалью, рядом со мной.

Мадам Вин подошла к спящему ребенку и взяла его на руки. Да и как она могла отказать? Она в первый раз держала малыша, да и видела-то его не слишком часто. Сразу после рождения маленькой леди она нанесла визит вежливости миссис Карлайл, и ей показали крошечное личико в колыбели, почти совершенно скрытое кружевами.

— Благодарю вас. Теперь я уже могу подняться. Иначе она могла бы задохнуться, — продолжала Барбара, улыбаясь. — Я чувствую себя достаточно отдохнувшей. Кстати, что касается задохнувшихся детей, так вы посмотрите, сколько сообщений о детях, «задохнувшихся во сне». Когда-то сообщалось о двадцати детях, погибших за одну неделю, а восемь или десять — совсем не редкость. М-р Карлайл говорит, что зачастую это делается специально.

— Ах, что вы такое говорите, миссис Карлайл!

— Когда он сказал это, я воскликнула то же самое и даже закрыла ему рот ладонью. Он рассмеялся и сказал, что я не знаю даже половины злодеяний, творящихся в этом мире. Благодарю вас, — снова повторила миссис Карлайл, принимая ребенка от леди Изабель. — Правда, она хорошенькая? Вам нравится ее имя: Анна?

— Это простое имя, — ответила леди Изабель, — а простые имена — самые лучшие.

— И Арчибальд придерживается того же мнения. Но он хотел назвать ее Барбарой. Я же ни за что на свете не хотела давать ей это имя. Помнится, как-то давным-давно он говорил, что не любит сложные имена, которые и не выговорить. Тогда он упомянул в качестве примера наши с ним имена, а также имя своей сестры. Когда я напомнила ему об этих словах, он ответил, что раньше, возможно, и не очень жаловал имя «Барбара», а теперь он любит его. Тогда мы пошли на компромисс и решили, что назовем малышку Анной Барбарой, причем в метрике будет значиться второе имя, а называть мы ее станем первым.

— Вы еще не крестили ее? — спросила леди Изабель.

— Нет, только дали имя. Мы бы уже окрестили ее, если бы не смерть Уильяма. В наши планы не входит давать званый обед, но я ждала окончания процесса в Линборо, чтобы мой дорогой брат Ричард мог стать крестным отцом.

— М-р Карлайл не любит превращать крестины в пышные празднества, — задумчиво сказала леди Изабель, все мысли которой были в прошлом.

— Откуда Вы знаете это, — спросила Барбара, широко открыв глаза, и бедной мадам Вин пришлось с горящим лицом сбивчиво лепетать, будто она «услышала это от кого-то».

— Это действительно так, — сказала Барбара. — Он ни разу не давал званого обеда после крестин своих детей. Он не представляет себе, как можно после торжественного религиозного обряда собираться за тем, чтобы есть, пить и веселиться, как принято в свете.

Когда леди Изабель вышла из комнаты, она увидела, что по коридору несется лорд Вейн, вертит головой налево и направо, выкрикивая:

— Люси! Где Люси?

— Зачем она Вам?

— Этого я не могу сказать Вам, мадам, — отвечивал юный лорд по-французски, поскольку он, будучи учеником Итона, весьма преуспевшим во французском, любил при случае блеснуть своими познаниями, хотя и был обязан ими не столько этому почтенному учебному заведению, сколько заботам леди Маунт-Северн, которой — ну не странно ли? — казалось явно недостаточно наличие одного-единственного преподавателя французского, да и то англичанина, на восемьсот учеников.

— Сейчас Люси не может выйти к Вам. Она занимается.

— Mai, il le faut. Sai le droit de demander apres elle. Elle m'appartient, vous comprenez, madame, cette demoiselle — la.

Мадам не удержалась от улыбки.

— Лучше бы Вы связно сказали что-нибудь по-английски, чем нести бессмыслицу по-французски.

— Извольте по-английски: мне нужна Люси; я должен поговорить с ней. Я собираюсь прокатить ее на коляске, запряженной пони, да будет Вам известно. Она обещала поехать со мной, и Джон уже готовит наш экипаж.

— Вот этого я, к сожалению, не могу позволить, — сказала мадам Вин. — Вы еще опрокинетесь!

— Вот еще! — с возмущением в голосе ответил он. — Как это я могу опрокинуть Люси! Она мне слишком дорога, чтобы я стал лихачить. Она, знаете ли, будет моей женой, ma bonne dame. К тому же, в Итоне я один из лучших в управлении лошадьми.

В этот самый момент из дверей библиотеки высунулись головы графа и м-ра Карлайла. Барбара, привлеченная их разговором, также показалась в дверях своей комнаты.

— Что это за разговоры о женитьбе? — поинтересовался милорд у сына.

Кровь прилила к щекам юного джентльмена, когда он повернулся и увидел, кто задал ему этот вопрос. Однако он обладал истинным бесстрашием ученика Итона, а также глубинным понятием о чести, которое не позволяло увильнуть от прямого ответа.

— Я намереваюсь жениться на Люси Карлайл, папа. Нет, в самом деле, когда мы оба подрастем! Разумеется, если вы с м-ром Карлайлом не будете против.

Эта тирада, казалось, рассердила графа и позабавила м-ра Карлайла.

— Может быть, мы отложим этот разговор лет на десять? — сказал последний.

— Если бы Люси не была еще совершенным ребенком, Вы заслуживали бы самого серьезного порицания, сэр, — заметил граф. — Вы не имеете права связывать подобную чушь с именем Люси.

— Я не шучу, папа: вот увидите. И я не собираюсь позорить свое имя какими-либо бесчестными выходками, которые м-р Карлайл никогда не смог бы мне простить. Я собираюсь быть таким же человеком чести, как он. Право же, я рад, что теперь Вы знаете об этом, сэр. И я хочу как можно быстрее сообщить об этом маме.

Последнее чрезвычайно понравилось графу; он даже улыбнулся, хотя и невесело:

— Между вами начнется война не на жизнь, а на смерть, если ты сделаешь это.

— Я знаю, — рассмеялся виконт. — Но маме становится все труднее побеждать меня в наших баталиях.

Итак, эта тема оказалась исчерпанной. Барбара наложила вето на поездку, если Джон не будет сидеть позади лорда Вейна, на всякий случай, что, впрочем, столь искусный наездник, как наш юный виконт, счел просто оскорбительным для себя.

Когда все вернулись в свои комнаты, а мальчик собирался покинуть опустевший коридор, леди Изабель мягко остановила его и отвела к окну.

— Когда Вы говорите подобным образом о Люси, не забываете ли Вы о том позоре, который навлекла на нее своим поведением ее мать?

— Ее мать — это не сама Люси.

— У лорда и леди Маунт-Северн могут возникнуть возражения.

— Только не у его светлости. Что же касается моей матушки, так мне, как я уже говорил, придется выдержать настоящую битву с ней; разумеется, это будет мирное сражение, в котором нужно будет урезонить противника.

Мадам Вин, чрезвычайно возбужденная, поднесла платок ко рту, и мальчик заметил, как дрожат ее руки.

— Я любила Люси, — сказала она. — За те месяцы, что мы провели вместе, я, как мне кажется, стала для нее кем-то вроде матери. Уильям Вейн, — торжественно добавила она, не выпуская его руку, — скоро я окажусь там, где нет земных различий, где забываются грехи и страдания. Заклинаю Вас: если Люси на самом деле станет Вашей женой, никогда, ни единым словом, не упрекайте ее за грех леди Изабель.

Лорд Вейн гордо вскинул голову; его взгляд был полон искреннего возмущения:

— За кого Вы меня принимаете?

— Это было бы жестокой несправедливостью по отношению к Люси. Она этого не заслуживает. Эта несчастная леди сама во всем виновата; пусть же ее грех умрет с нею вместе. Никогда не говорите с Люси о ее матери.

В этот момент юный лорд смахнул наворачнувшиеся на глаза слезы.

— Нет, я часто буду говорить с ней о ее матери, когда она станет моей женой. Я расскажу ей, как любил леди Изабель — никого, кроме самой Люси, я не любил так, как ее. Чтобы я упрекал Люси за ее мать! — горячо добавил он. — Вы не понимаете, мадам, что именно за ее мать я и люблю ее!

— Берегите же ее, любите всегда, если она будет Вашей, — сказала леди Изабель, крепко сжав его руку. — Нельзя не выполнить просьбу умирающего!

— Я обещаю Вам. Однако послушайте, мадам, — он внезапно притих, — что Вы имеете в виду? Вам стало хуже?

Ничего не ответив, мадам Вин скользнула в свою комнату. Когда она в сумерках сидела и дрожала, завернувшись в шаль — несмотря на жаркую летнюю погоду — в серой гостиной, кто-то постучал в дверь.

— Войдите, — безразлично отозвалась она.

В комнату вошел м-р Карлайл. Она встала с бешено бьющимся сердцем и, совершенно смутившись, хотела придвинуть кресло для него, однако он удержал ее и попросил сесть.

— Миссис Карлайл рассказала мне, что Вы просили отпустить Вас, поскольку Ваше здоровье слишком расстроилось, чтобы Вы продолжали работать у нас.

— Да, сэр, — чуть слышно ответила она, сама толком не ведая, что ответила.

— Так что Вас беспокоит?

— Я полагаю... главным образом... слабость, — запинаясь, выговорила она.

Лицо ее сделалось серым, как стены гостиной. Своей мертвенной бледностью она напоминала Уильяма в день смерти, а голос ее звучал настолько глухо, что м-р Карлайл встревожился:

— Вы же не... Уж не заразились ли Вы от Уильяма, ухаживая за ним? — невольно воскликнул он. — Я слышал, такое случается.

— Заразилась от него! — отозвалась она. — Скорее уж...

Она вовремя спохватилась и не произнесла тех слов, которые готовы были сорваться с ее языка: «Скорее уж он унаследовал эту болезнь от меня». Вместо этого она принялась что-то лепетать о своей дурной наследственности.

— Как бы то ни было, Вы заболели в Ист-Линне, ухаживая за моими детьми, — решительно продолжал м-р Карлайл, когда ее голос затих, — и поэтому Вы должны позволить нам сделать все возможное для восстановления Вашего здоровья. Почему Вы не хотите показаться врачу?

— Доктор ничем не поможет мне, — тихо ответила она.

— Разумеется, если Вы не проконсультируетесь с ним.

— Право же, сэр, доктора меня не вылечат и... не продлят мою жизнь, я полагаю.

М-р Карлайл немного помолчал.

— Вы думаете, Ваша жизнь в опасности?

— Непосредственной опасности нет, сэр. Я лишь знаю, что долго не проживу.

— И, тем не менее, Вы не желаете показаться врачу! Мадам Вин, Вы должны знать, что я не могу позволить такому свершиться в моем доме. Подумать только: при опасной болезни обходиться без помощи врача!

Что ей было сказать? Сказать, что ее болезнь — в душе, что врачи не лечат разбитые сердца? Увы, этого она не могла сделать. Она молча сидела, полускрыв лицо рукой, укутанная в шаль по самый подбородок. Даже обладая зрением Аргуса, даже при свете дня м-р Карлайл не смог бы как следует разглядеть ее черты. Впрочем, она отнюдь не разделяла нашей уверенности: в присутствии м-ра Карлайла ее никогда не покидал смутный страх перед разоблачением, и потому ей очень хотелось закончить этот разговор.

— Впрочем, если Вы желаете, сэр, я могу показаться м-ру Уэйнрайту.

— Мадам Вин, я столь бесцеремонно вторгся к Вам, чтобы сказать следующее: Вы просто обязаны показаться ему, а если потребуется — и доктору Мартину тоже.

— Ах, сэр, — ответила она с загадочной улыбкой. — М-ра Уэйнрайта будет вполне достаточно. Другого врача не потребуется. Завтра же пошлю ему записку.

— Не беспокойтесь. Я еду в Вест-Линн и пришлю его. Позвольте мне настоять на том, чтобы Вы не пожалели никаких усилий. Все слуги в Вашем распоряжении для того, чтобы обеспечить Вам должный уход. Миссис Карлайл сказала, что до ее возвращения вопрос о Вашем отъезде остается открытым...

— Прошу прощения, сэр. Мы условились, что я вольна уехать, как только вернется миссис Карлайл.

— Именно это она и сказала мне. Однако позвольте все же выразить надежду на то, что к этому времени Вы будете чувствовать себя лучше и измените свое решение. Ради моей дочери, мадам Вин, я всем сердцем буду на это надеяться.

Он поднялся и протянул ей руку. Ей оставалось лишь сделать то же самое, низко опустив голову. Он задержал ее руку в своей и участливо спросил:

— Как мне отплатить Вам, как отблагодарить Вас за Вашу любовь к моему бедному мальчику?

Сквозь очки она увидела его нежные глаза, увидела грустную и добрую улыбку на губах — которые когда-то принадлежали ей, — когда он склонился к ней. Она отчаянно вскрикнула, зарделась, и, схватив свободной рукой свой новый шелковый передник, обшитый черным траурным крепом, закрыла им свое лицо.

Он неправильно истолковал ее отчаяние.

— Не печальтесь о нем. Его душа успокоилась. Спасибо, огромное спасибо за Ваше сочувствие.

Еще раз пожав ее руку, м-р Карлайл вышел из комнаты. Она же, уронив голову на стол, в который уже раз взмолилась о приходе смерти, милосердной избавительницы от земных страданий.

Глава 22

НЕ ВЫЙДЕТ, ЭФИ!

М-р Джиффин буквально светился, как, впрочем, и его дом: оба были в полной готовности принять мисс Эфи Хэллиджен, которой предстояло стать миссис Джиффин в самом ближайшем будущем. М-р Джиффин уже несколько дней не видел Эфи, поскольку просто не имел возможности встретиться с ней с того самого дня, когда в Линборо завершился памятный всем нам судебный процесс. Каждый вечер преданный жених являлся к ней с визитом, но его не впускали в дом, неизменно отвечая, что мисс Эфи нет дома, хотя он прекрасно видел, что предмет его страсти преспокойно красуется в окне. М-р Джиффин, подавив по мере сил разочарование, тут же впадал чуть ли не в экстаз от восхищения, поскольку приписывал подобное поведение невероятной скромности своей невесты, предпочитавшей стыдливое уединение накануне бракосочетания.

— И ее пытались опорочить! — возмущенно говаривал он в подобные мгновения.

И вот, наконец, в один прекрасный день, когда сам м-р Джиффин, его продавец и его магазин, равно как и весь товар, выставленный в нем, являли собой радующее глаз зрелище — особенно это касалось изумительного бекона со специями — наш жених, бросив взгляд на противоположную сторону улицы, увидел, как мимо проплывает его любимая. Эфи в этот день оделась по последней моде. Вообразите, читатель: бледно-лиловое шелковое платье с восемнадцатью оборками, тысячи полторы-две металлических пуговиц, буквально слепивших глаза, «зуавский» жакет, расшитый золотом, черная соломенная шляпка без видимых признаков полей, красующаяся прямо на макушке и украшенная спереди тем, что утонченные модистки любят называть «plume de cog»²⁷, однако, своей высотой и размером оно вполне могло сойти за самого «cog»²⁸; белое страусиное перо, обвивающее сей головной убор и венчающее его сзади и, наконец, украшенная блестками сетка для волос, спускающаяся до самого пояса. Да, в этот день Эфи выглядела просто потрясающе и, случись мне иметь под рукой фотографический аппарат — кажется, так его называют, — Вы, читатель, тоже смогли бы полюбоваться этим великолепием. Джойс стало бы плохо, если бы она, по несчастной случайности, наткнулась на Эфи в таком виде.

Итак, м-р Джиффин, зашвырнув куда-то свой фартук, бросился через улицу.

— Ах, это Вы? — ледяным голосом произнесла Эфи, когда ей пришлось «узнать» м-ра Джиффина, совершенно не замечая, впрочем, протянутой им руки. — Право же, м-р Джиффин, я была бы весьма признательна Вам, если бы Вы воздержались впредь выбегать ко мне прилюдно столь оскорбительным образом.

М-р Джиффин похолодел.

— Неприличным? Не выбегать? Мне представляется, я не имел несчастья чем-то оскорблять Вас, мисс Эфи!

— Ну... видите ли, — сказала Эфи, призвав на помощь всю свою наглость, дабы произнести то, что она решила сообщить ему. — Я все хорошенько обдумала, Джиффин, и нахожу, что брак не принесет мне... нам... счастья. Я намеревалась написать Вам об этом, но теперь, раз уж Вы все-таки выбежали, мне не придется затруднять себя написанием писем.

Холодный пот ужаса и сердечной боли выступил на челе м-ра Джиффина; впрочем, не только на челе: он мгновенно взмок так, что его буквально можно было выжимать.

— Вы же не... имеете в виду, что... отказываете мне, мисс Эфи? — запинаясь, выговорил бедняга.

— Да, это именно так, — ответила Эфи. — Лучше сказать прямо, чтобы избежать малейшего непонимания. Пожмем же друг другу руки в последний раз, м-р Джиффин; я очень сожалею, что мы оба допустили такую ошибку.

²⁷ Петушиное перо (фр.)

²⁸ Петух (фр.)

Бедный Джиффин бросил на нее взгляд, способный разжалобить даже человека с каменным сердцем.

— Мисс Эфи, этого не может быть! Вы не можете разбить сердце человека, который любит Вас всей душой, который верил Вам как никто! Ради Вас я готов на все. Вы же были... светочем всей моей жизни!

— Разумеется, — ответила Эфи с величественным и равнодушным видом, восприняв, как должное, слова о «светоче его жизни». — Но с этим покончено. Видите ли, Джиффин: такая партия меня не устраивает. Торговец маслом и беконом — это мне крайне... непривычно! И потом, эти фартуки! Мне к ним никогда не привыкнуть.

— Я откажусь от фартуков! — с жаром воскликнул он. — Я найму второго продавца, куплю небольшой кабриолет и не буду заниматься ничем — разве что стану вывозить Вас покатайся. Я сделаю все, чтобы Вы все-таки были моей, мисс Эфи. Я и кольцо уже купил.

— Вы очень добры, — холодно ответила она. — Но это совершенно невозможно: я твердо решила. Прощайте же навсегда, Джиффин, и пусть в следующий раз Вам повезет больше.

Эфи засемила прочь, приподняв подол своего просторного платья, поскольку улица недавно была полита, а м-р Джиффин, глядя ей вслед и вытирая мокрое лицо, страстно желал быть заключенным в одну из бочек с солониной, дабы избавиться от гнетущей сердечной боли.

— Ну, вот и все, хвала Господу! — рассуждала Эфи сама с собой. Вот еще: выходить за него после того, что Ричард Хэйр сказал на суде! Да я теперь ни на кого, кроме Дика, и не посмотрю! Он будет мой. Так прямо и сказал судьям, что мечтал лишь о том, чтобы сделать меня своей законной женой! Я всегда знала, что Дик Хэйр любил меня больше всего на свете, да он и сейчас по-прежнему любит, иначе он никогда не сказал бы об этом при всех. Не родись богатой, а родись счастливой! Теперь все в Вест-Линне будут завидовать мне! «Миссис Ричард Хэйр из Гроува!» Старый Хэйр не сегодня — завтра преставится, и хозяином Гроува станет Дик. Миссис Хэйр купит себе домик на вдовью часть наследства, а мы с Ричардом заживем в Гроуве одни. Интересно, снизойдет ли мадам Барбара до общения со мной? А эта святоша Корни? Я сделаюсь ей кем-то вроде кузины. Интересно, какой годовой доход будет у Дика? Должно быть, тысячи три-четыре. Подумать только: я чуть не упустила все это ради какой-то обезьяны — Джиффина! Право же: с какими только проходимцами не встретишься на жизненном пути!

Мисс Эфи гордо прошествовала через весь городок и замедлила шаги, увидев заветную калитку Гроува. Она частенько прогуливалась здесь с того самого дня, когда состоялся суд, и сегодня ей наконец улыбнулась удача. Возле самой калитки ей встретился Ричард Хэйр, возвращавшийся из Ист-Линна. Эфи впервые заговорила с ним:

— Добрый день, м-р Ричард. Вы же не собирались пройти мимо старого друга?

— У меня такое множество друзей, — сказал Ричард, — что я едва ли смогу найти время для каждого в отдельности.

— Ну, для меня-то Вы можете это сделать. Или Вы все позабыли? — кокетливо спросила она.

— Нет, не забыл, — ответил Ричард. — И вряд ли когда-нибудь забуду, — многозначительно добавил он.

— Так я и думала. Сердце подсказывало мне это. Когда Вы исчезли в ту ужасную ночь, оставив мне в удел страх и неизвестность, я почти желала смерти. С тех пор я ни минуты не была счастлива, пока снова не встретила Вас.

— Не говорите глупостей, Эфи! — галантно ответил Ричард, позаимствовав любимое выражение м-ра Карлайла. — Когда-то я был молод и зелен, однако не можете же Вы полагать, что я совершенно не изменился? Давайте не будем ворошить прошлое. Как поживает м-р Джиффин?

— Ах, черт возьми! — взвизгнула Эфи. — Как Вы могли поверить этой сплетне, будто у меня с ним что-то было! Вы же знаете, что я никогда не опустилась бы до этого. В этом — весь наш городок! Недели не проходит без новых слухов. Человек, торгующий сыром и нарезающий бекон! Вы меня удивляете, м-р Ричард!

— Я-то думал, что Вам улыбнулась удача, — спокойно ответил Ричард. — Впрочем, это не мое дело.

— Неужели Вы смогли бы это вынести, если бы я опустилась до него, — ответила Эфи, понизив голос до многозначительного шепота.

— Послушайте, Эфи! Меня не интересует, что Вы там замыслили, однако чем скорее Вы все это выбросите из головы, тем лучше для Вас. Когда-то я был идиотом, не стану отрицать; однако Вы весьма быстро излечили меня от идиотизма. Прошу извинить меня, но вынужден заметить, что мы с Вами более не знакомы. Я вернул себе прежнее положение, которое поставил под угрозу, ухаживая за Вами.

Эфи сделалось дурно.

— Как Вы можете говорить такие жестокие слова? — задыхаясь, спросила она.

— Вы сами напросились. Вчера мне рассказали, что Эфи Хэллиджон, расфуфыренная до несурзости, снова ищет встречи со мной. Не выйдет, Эфи.

— О-о-о! — истерически разрыдалась она. — Вот и все вознаграждение за те годы, что я провела, тоскуя и храня себя единственно для Вас!

— Вознаграждение! Ну что же, если хотите, я скажу моей матери, чтобы она что-нибудь заказала у Джиффина.

Звонко, хотя и беззлобно, рассмеявшись, Ричард вошел в калитку, по достоинству оценив упрек Эфи, то есть, не придав ему ни малейшего значения. Тщеславию последней был нанесен смертельный удар — возможно, самый тяжелый за всю ее жизнь — и ей потребовалось несколько минут на то, чтобы овладеть собой и привести в порядок свои растрепанные перышки. Затем она повернулась и столь же плавной походкой пустилась обратно к магазину м-ра Джиффина: ее шляпка, с гордо подрагивающим пером, попирала небеса, восхищая всех невольных свидетелей этого променада, особенно мисс Карлайл, которая сподобилась увидеть ее из окна. Прибыв к месту назначения, она почувствовала себя дурно и ввалилась в магазин в чрезвычайно жалком виде.

М-р Джиффин вылетел из-за прилавка, оставив на посту продавца, приросшего к месту от удивления. Что случилось? Чем он может помочь?

— Сделалось дурно... солнце так печет... слишком быстро шла... посидеть несколько минут! — отрывисто выговорила Эфи, ловя воздух, ртом.

М-р Джиффин бережно провел ее через магазин в свою комнату. Эфи краешком глаза мгновенно оценила удобство обстановки, и ей тут же подурнело. М-р Джиффин места себе не находил, ибо его дама принялась ловить воздух ртом и истерически рыдать.

— Вам здесь будет удобнее, чем в магазине. Простите, Бога ради, что привел Вас сюда, и согласитесь остаться хоть на несколько минут! Я не причиню Вам ни малейшего вреда, и никто в Вест-Линне ничего не узнает о Вашем визите. Я стану вот здесь, не приближаясь к Вам. Вот только открою обе двери и окно. А может быть, позвать служанку? Я сделаю все, что Вы пожелаете. Может быть, стаканчик вина?

Эфи отмахнулась от последнего предложения и принялась обмахивать себя веером, в то время как м-р Джиффин взирал на нее с почтительного расстояния. В конце концов, она успокоилась и пришла в себя. К ней постепенно возвращалось мужество, а вот м-р Джиффин утратил его окончательно и пролепетал несколько робких упреков.

Эфи рассмеялась.

— Ну что, здорово я это проделала? — воскликнула она. — Мне захотелось подшутить над Вами, и все получилось просто замечательно!

М-р Джиффин всплеснул руками.

— Так это была шутка? — переспросил он, дрожа от волнения и не ведая, находится ли он на грешной земле или уже переместился в рай. — Так Вы по-прежнему готовы позволить мне назвать Вас своей женой?

— Ну, конечно же, это была шутка, — ответила Эфи. — Какой же Вы простофиля, если сами не догадались! Когда молодые леди соглашаются выйти замуж, они не меняют своего решения чуть ли не накануне свадьбы!

— Ах, мисс Эфи! — несчастный просто разрыдался от восторга, схватил руку Эфи и покрыв ее поцелуями.

«Ну и осел же ты!» — подумала Эфи, впрочем, одарив жениха нежнейшей улыбкой.

Ричард Хэйр тем временем прошел к своей матери, сидевшей у окошка вместе с г-ном судьей, который нежился на ласковом солнце, сидя в инвалидной коляске. Последний приступ оказал большее влияние на разум м-ра Хэйра, нежели на его тело. В этот день его впервые вынесли в

гостиную, однако надежд на восстановление умственных способностей оставалось немного. Он стал почти слабоумным, и, что самое удивительное, полностью утратил прежнее своеволие и упрямство, сделавшись послушным, словно дитя.

Ричард подошел к матери и поцеловал ее. Миссис Хэйр ласково взяла его руку и более не выпускала ее. С ней за эти дни произошла чудесная перемена: она снова выглядела молодой и счастливой.

— Мама, Барбара решила отправиться на побережье. Они выезжают в понедельник.

— Замечательно, мой дорогой. Это пойдет ей на пользу. Ричард, — она склонилась к мужу, по-прежнему не выпуская руки сына, — Барбара согласилась поехать к морю. Это поможет ей восстановить силы.

— Да-да, — кивнул судья. — Восстановить. К морю? Не можем ли и мы поехать?

— Конечно, дорогой, если ты хочешь. Вот только окрепнешь немного — и поедем.

— Да-да, — снова закивал бедняга. Теперь он все время отвечал подобным образом. — Окрепну. Где Барбара?

— Она уезжает в понедельник, сэр, — сказал Ричард, также наклонившись к отцу. — На пару недель, не больше. Но они говорят, что осенью снова поедут к морю.

— Не могу ли я тоже поехать? — повторил судья, умоляюще глядя в лицо Ричарду.

— Вы обязательно поедете, дорогой отец. Может быть, месяц — другой на свежем воздухе полностью излечит Вас? Мы можем поехать все вместе: мы и Карлайлы. На следующей неделе к нам приезжает погостить Анна, а после ее отъезда и мы можем отправиться в путь.

— Да, все вместе. Приезжает Анна?

— Разве ты забыл, дорогой? Она приезжает к нам на месяц, и м-р Клизерой, и дети. Я так рада, что тебе стало лучше к ее приезду! М-р Уэйнрайт говорит, что завтра тебе можно будет прокатиться в коляске, — сказала миссис Хэйр, добрые глаза которой снова наполнились слезами.

— А я буду кучером, — рассмеялся Ричард. — Вспомним старые добрые времена. Помните, отец, как я умудрился однажды лунной ночью сломать дышло: и Вы потом полгода не позволяли мне править лошадьми?

Бедный судья рассмеялся в ответ и продолжал смеяться до тех пор, пока слезы не потекли у него по лицу, возможно, и сам не имея ни малейшего представления о причине своего смеха.

— Ричард, — почти тревожно спросила миссис Хэйр, нервно сжав руку сына, — уж не с Эфи ли Хэллиджен ты только что беседовал у калитки?

— Вы видели ее? Во что она себя превратила! Как ей не стыдно ходить по улицам в таком виде? Впрочем, меня удивляет то, что она вообще показывается людям на глаза.

— Ричард, ты... ты... не увлечешься снова? — прошептала она.

— Мама!

Его нежные голубые глаза неожиданно строго взглянули на мать. Ах, эти чудесные глаза! Они были как две капли воды похожи на глаза Барбары и самой миссис Хэйр, и сейчас их взгляд оказался красноречивее любых слов.

— Матушка. Я не буду принадлежать никому, кроме Вас. Вест-Линн, как я понял, уже всюду обсуждает мое будущее: кто гадает, не попаду ли я снова в сети к Эфи, кто считает, что я сразу приударю за Луизой Доубид. И все они ошибаются: мое место — рядом с моей дорогой мамой, по крайней мере — на несколько ближайших лет.

Она радостно прижала его руку к своей груди.

— Мы должны быть счастливы рядом, чтобы забыть о прошлом, поскольку нам с Вами пришлось тяжелее всех. И мы будем счастливы в нашем доме, живя друг для друга и стараясь поддержать моего бедного отца.

— Да-да, — умиротворенно вставил судья Хэйр.

Именно так все и будет. Ричард вернулся в свой дом, в сущности, его хозяином, поскольку судье уже не суждено снова стать настоящим главой семейства. Он вернул свое прежнее положение, он снова заслужил расположение Вест-Линна, который, будучи верен своей привычке во всем впадать в крайности, теперь готов был заласкать его до смерти. Отныне у них будет счастливый дом! Миссис Хэйр всем сердцем возблагодарила за это Господа. Возможно, и Ричард вознес в этот момент благодарственную молитву.

А что же несчастный осужденный в камере для приговоренных к смерти в Линборо? Как все и ожидали, смертный приговор не был приведен в исполнение. И мы — при всей нашей неприязни к сэру Фрэнсису — не сможем упрекнуть судью, который не слишком настаивал на этом. Разумеется, он сознательно убил Хэллиджона, но сделал это в приступе ярости, а не по холодному злему умыслу. Смертную казнь заменили пожизненными каторжными работами, то есть куда более позорным приговором, по мнению самого сэра Фрэнсиса, и весьма нежелательным в глазах его супруги. Что толку скрывать правду?

Леди Ливайсон оставалось последнее утешение: ожидать того времени, когда она останется одна со своим несчастным ребенком и сможет, укрывшись в каком-нибудь уединенном месте, забыть этого человека, его ужасное преступление и бесславный конец. Но ему не суждено было умереть; ее имя и имя ребенка по-прежнему будут связывать с ним! При одной мысли об этом сердце ее погружалось в пучину возмущения и ужаса.

Сам же сэр Фрэнсис, думая о своем будущем, завидовал мертвому Хэллиджону. Что и говорить: весьма утешительная перспектива! Беспутный сэр Фрэнсис Ливайсон, закованный в цепи, работает вместе со всяким сбродом! Где теперь его бриллианты, надушенные носовые платки и белые холеные руки? А со временем он, может быть, добьется досрочного освобождения. Он даже застонал, когда надзиратель сказал ему об этом. Досрочное освобождение! Почему они не повесили его?! Он застонал и закрыл глаза, стоя в тускло освещенной камере. Увы, свет будущего беспощадно бил ему в глаза, и ему некуда было деться от этого слепящего огня.

Глава 23

ВСТРЕТИМСЯ В ВЕЧНОСТИ

Барбара отдыхала на побережье, а леди Изабель слегла окончательно. Как гласит старинная французская поговорка, «Человек предполагает, а Господь располагает». Леди Изабель намеревалась в отсутствие миссис Карлайл побыть в Ист-Линне со своими детьми, но ее планы были нарушены, поскольку детей отправили к мисс Карлайл. Так распорядился м-р Карлайл: он хотел полностью освободить гувернантку от каких бы то ни было дел, а она, бедняжка, не посмела попросить, чтобы детей оставили с ней. Впрочем, это не единственный план леди Изабель, которому не суждено было сбыться. Она рассчитывала, что будет уже далеко от Ист-Линна, когда придет время умирать, но смерть неслась к ней семимильными шагами, и время для отъезда было окончательно упущено. Теперь она стремительно сгорала, подобно своей матери, буквально как свеча.

Уилсон уехала с миссис Карлайл, а Джойс осталась дома и ухаживала за своей бывшей хозяйкой.

Надобно заметить, что Барбара выбрала для отдыха местечко на водах, всего в тридцати милях от Ист-Линна, и м-р Карлайл почти каждый вечер ездил к ней, возвращаясь по утрам прямо в контору. Таким образом, он за все это время приезжал в Ист-Линн всего лишь пару раз, причем очень ненадолго. В период с субботы по среду он вообще не приезжал домой, а состояние леди Изабель резко ухудшилось именно в эти дни. В среду он, наконец, должен был явиться к обеду и провести ночь в Ист-Линне.

Джойс была почти в панике; леди Изабель умирала, и что ей теперь было делать со своей тайной? Она была настолько испугана, что совершенно не сомневалась; после смерти все раскроется, и тогда — кто знает, не обвинят ли ее в том, что она с самого начала являлась соучастницей леди Изабель, если не раскрыла ее тайну своим хозяевам? Джойс неоднократно собиралась послать за мисс Карлайл и все рассказать ей.

День быстро клонился к закату, и, казалось, жизнь леди Изабель уходила вместе с солнечным светом. Джойс находилась в комнате леди Изабель, которая весь день пролежала без сознания, но почувствовала себя немного легче к вечеру. Джойс помогла ей сесть, положив подушки под спину, накинула на плечи белую кашемировую шаль и сняла с ее головы ночной чепец, чтобы она подышала свежим воздухом, лившимся в открытые окна.

В тишине теплого безветренного вечера слышались шаги: кто-то шел по гравиевой дорожке. Даже леди Изабель услышала эти любимые шаги, и щеки ее покрылись лихорадочным румянцем. Джойс взглянула в окно и увидела м-ра Карлайла.

— Джойс! — взволнованно вскрикнула леди Изабель.

Джойс повернулась к ней.

— Что, миледи?

— Мне было бы легче умереть, если бы я увидела его.

— Увидеть его! — не поверила своим ушам Джойс. — Миледи! Увидеть м-ра Карлайла?!

— Какое это имеет значение? Ведь я, можно сказать, уже мертва. Неужели Вы думаете, что я попросила бы об этом или даже просто пожелала этого, будучи здоровой? Это желание поддерживало мои силы и не давало мне умереть.

— Это невозможно, миледи, — решительно ответила Джойс. — Совершенно невозможно.

Леди Изабель разрыдалась.

— Я не могу спокойно умереть, — сквозь слезы сказала она. — Вы не пускаете ко мне моих детей, чтобы я не выдала себя, а теперь не даете увидеться с мужем. Джойс, позвольте мне встретиться с ним!

Ее мужем! Что она говорит, несчастная! Сердце Джойс разрывалось от жалости, хотя она и не изменила своего решения: она искренне верила, что поступит недостойно по отношению к своей теперешней хозяйке, устраивая встречу м-ра Карлайла с его бывшей женой. Ни к чему хорошему это бы не привело.

В этот момент в дверь постучали.

— Войдите — откликнулась Джойс.

Обычно к больной не входил никто, кроме двух горничных, Ханны и Сары, никогда не встречавшихся с мадам Вин в ее бытность леди Изабель. В дверь просунулась голова Сары.

— Хозяин спрашивает Вас, Джойс.

— Я сейчас приду.

— Он в столовой. Я только что принесла к нему мастера Артура.

Когда Джойс вошла в столовую, «мастер Артур» восседал на плече м-ра Карлайла. Он, надобно заметить, рос шумным и непоседливым джентльменом, «крепко стоящим на ногах», по выражению Уилсон.

— Как самочувствие мадам Вин, Джойс?

Джойс растерялась. Что ответить? Она не посмела скрыть от него истинное положение вещей. Да и к чему ей было делать это, если леди Изабель оставалось жить каких-то несколько часов?

— Ей очень плохо, сэр.

— Хуже?

— Сэр, я боюсь, что она умирает.

М-р Карлайл опустил на пол Артура и встревоженно повторил:

— Умирает?

— Думаю, она не протянет до утра, сэр.

— Но почему? Отчего она умирает?

Джойс, бледная и смущенная, ничего не ответила.

— Вы приглашали доктора Мартина?

— О, нет, сэр. Это не поможет.

— Не поможет! — с упреком повторил м-р Карлайл. — Разве так следует обращаться с умирающими людьми? Спокойно позволить им умирать, считая, что не имеет смысла обращаться к врачам! Если мадам Вин и в самом деле настолько плохо, нужно немедленно послать телеграмму. Я, пожалуй, сам взгляну на нее, — добавил он, двинувшись к двери.

Джойс так испугалась, что прижалась к двери, не выпуская м-ра Карлайла из комнаты.

— Ах, хозяин... простите меня, но... но не следует этого делать. Пожалуйста, сэр, не ходите в ее комнату!

М-р Карлайл подумал, что Джойс в данном случае проявляет излишнюю щепетильность.

— Почему это я не могу войти к ней? — поинтересовался он.

— Это не понравится миссис Карлайл, сэр, — запинаясь, выговорила Джойс, щеки которой густо покраснели.

М-р Карлайл удивленно воззрился на нее.

— Что за странные идеи? — воскликнул он. — В отсутствие миссис Карлайл кто-то должен провести ее. Позволить даме умереть в моем доме и даже не взглянуть на нее! Вы не в себе, Джойс. Сообщите мадам Вин, что я зайду после обеда.

В этот момент как раз подавали обед. Джойс, которая была на грани нервного срыва, взяла на руки Артура и отнесла его в детскую, к Саре, раздумывая над тем, как ей поступить.

Едва м-р Карлайл приступил к обеду, как появилась его сестра: у мисс Корни возникли какие-то трения с жильцами некоторых ее домов, и она пришла посоветоваться с братом. Однако он попросил ее прежде подняться к мадам Вин, передав ей слова Джойс о состоянии здоровья гувернантки.

— Умирает! — насмешливо повторила она. — Эта Джойс в последнее время ведет себя, как дурочка. Что с ней случилось, честное слово! Она сняла шляпку и накидку, положила их на кресло, поправила свой чепец, глядя в трюмо, и пошла наверх.

Джойс, открывшая ей дверь, побелела как полотно, увидев, кто пришел навестить больную.

— Ах, мэм, Вы не должны входить, — выпалила она от смущения и страха, загораживая дорогу мисс Карлайл.

— И кто меня не пустит, спрашивается? — требовательно спросила мисс Карлайл, оправившись от удивления, и голос ее зазвучал со спокойной властью. — Отойдите, голубушка Джойс, я думаю, у Вас что-то не в порядке с головой. От Вас не знаешь, чего и ожидать!

Джойс не могла удержать ее, и она сама это знала: ей не хватило бы ни власти, ни физических сил. Дрожа всем телом, она отошла в сторону и покинула комнату, как только в нее вошла мисс Карлайл. Ну что же, теперь уже невозможно было что-то скрывать! На подушке лежало бледное лицо, более не защищенное гримом. Серая бархатная лента, очки, платок, закрывавший шею и подбородок, огромный чепец — все исчезло. Это было лицо леди Изабель, хотя и весьма изменившееся. Судьба посеребрила ее волосы, когда-то ниспадавшие на плечи шелковистыми локонами, и лишь глаза ее, нежные и грустные, были глазами прежней леди Изабель.

— Господи, помилуй! — только и смогла выговорить мисс Карлайл.

Так они и смотрели друг на друга, дрожа от волнения. Да-да, читатель: это касается и мисс Карлайл. Хотя у нее когда-то и возникло подозрение, что мадам Вин может быть леди Изабель, оно вскоре улетучилось: ведь это было просто невозможно, да и лорд Маунт-Северн представил убедительные свидетельства гибели своей родственницы. Правда, она всякий раз, увидев мадам Вин, принималась искать черты сходства с леди Изабель.

— Как Вы посмели вернуться сюда? — спросила она, и это было скорее тихое причитание, чем упрек.

Леди Изабель кротко сложила на груди свои страшно исхудавшие руки.

— Мои дети, — прошептала она. — Как я могла быть вдали от них? Сжальтесь, мисс Карлайл, не упрекайте меня! Я скоро отправлюсь к Господу, чтобы ответить за все мои грехи.

— Я не упрекаю Вас, — ответила мисс Карлайл.

— Я так счастлива, что ухожу, — еле слышно продолжала леди Изабель, глаза которой наполнились слезами. — Ведь Иисус явился в этот мир не для того, чтобы спасти таких праведных людей, как Вы, нет: он пришел ради нас, бедных грешников. Я пыталась нести свой крест, как он велел нам, нести его мужественно, ради нашего Спасителя, но тяжесть этой ноши убила меня.

Она произнесла эти слова столь робко и покорно, с такой искренней верой, словно мисс Карлайл принадлежала к сонму ангелов. И в этот момент мисс Корни подумалось, что та суровая, бескомпромиссная вера, которую она исповедовала всю жизнь, не принесет ей покоя и умиротворенности на смертном одре.

— Дитя, — сказала она, подойдя поближе и склонившись над леди Изабель, — была ли я виновна в твоём бегстве из Ист-Линна?

Леди Изабель покачала головой и прошептала, опустив глаза:

— Нет, дело не в Вас. Мы не слишком хорошо ладим с Вами, но причина моего... ухода вовсе не в этом. Простите меня, мисс Карлайл!

«Слава Богу!» — с облегчением подумала мисс Карлайл.

— Это Вы простите меня, — громко и взволнованно сказала она, прикоснувшись к руке Изабель. — Я могла бы сделать Вашу жизнь счастливее, и я горько жалею о том, что не сделала этого, с того самого времени, как Вы оставили этот дом.

Леди Изабель взяла ее ладонь в свои руки.

— Я хочу видеть Арчибальда, — прошептала она, вспомнив прежние времена, когда могла называть его по имени. — Я умоляю Джойс привести его ко мне, но она отказалась сделать это. Хотя бы на одну минуту! Только бы услышать, что он простил меня! Я все равно одной ногой стою в могиле, и мне легче будет умирать, если я увижусь с ним.

Почему мисс Карлайл сочла возможным удовлетворить эту просьбу? Кто знает! Возможно, она не хотела отказать в последней просьбе умирающей, возможно, так же, как и сама леди Изабель, полагала, что теперь это уже не имеет никакого значения. Она вышла в коридор и увидела Джойс, которая плакала в свой передник, прислонившись к стене. Мисс Карлайл подозвала ее к себе.

— Как давно Вы знаете об этом?

— С той самой ночи весной, когда поднялась тревога из-за пожара. Тогда я увидела ее без грима и узнала леди Изабель, хотя в первое мгновение мне показалось, что я вижу ее призрак. С тех пор, мэм, и я ходила как привидение сама не своя от страха.

— Ступайте и позовите сюда Вашего хозяина.

— Ах, мэм. Следует ли говорить ему об этом? — возразила Джойс. — Следует ли ему встречаться с ней?

— Ступайте и позовите ко мне Вашего хозяина, — непреклонно повторила мисс Карлайл. — Кто здесь хозяйка: я или Вы?

Джойс спустилась вниз и вскоре вернулась с м-ром Карлайлом, который даже не успел пообедать.

— Мадам Вин стало хуже, Корнелия? Она хочет видеть меня?

— Да.

Мисс Карлайл приоткрыла дверь. Он жестом предложил ей войти первой.

— Нет, — сказала она. — Ты уж лучше иди один.

Когда он проходил мимо Джойс, она схватила его за руку и воскликнула:

— Хозяин, хозяин, Вас нужно подготовить! Мэм, разве Вы не скажете ему?

Он удивленно взглянул на них, подумав, что они обе лишились рассудка: их поведение было совершенно необъяснимым. Обе находились в весьма возбужденном состоянии, отнюдь не характерном для мисс Карлайл. Ее лицо и губы подергивались, но она упорно хранила молчание. М-р Карлайл нахмурился и прошел в комнату; они затворили за ним дверь.

Он сразу же направился к постели больной, осторожно ступая по ковру, чтобы не потревожить ее.

— Я весьма опечален, мадам Вин, что...

Слова застряли у него в горле. Подумал ли он, как когда-то Джойс, что перед ним призрак? Как бы то ни было, он покрылся мертвенной бледностью и попятился от кровати, хотя наш герой как никто умел не проявлять своих эмоций.

Ниспадающие волосы, нежные и печальные глаза, лихорадочный румянец, вызванный его приходом — все это яснее ясного свидетельствовало о том, что перед ним была леди Изабель.

— Арчибальд!

Она протянула свою дрожащую руку и схватила его ладонь, прежде чем он успел отойти слишком далеко. Он сначала посмотрел на нее, потом обвел взглядом комнату, как человек, только что пробудившийся ото сна.

— Я не могла умереть без твоего прощения, — прошептала она, опустив глаза. — Не уходи, побудь со мной хоть одну минуту! Только скажи, что ты простил меня, и я умру спокойно!

— Изабель? Ты... ты... была мадам Вин? — воскликнул он, сам не ведая, что именно говорит.

— Ах, прости, прости меня! Я не умерла. Я выжила после катастрофы, но оказалась страшно изувеченной; никто не узнал меня, и я приехала сюда как мадам Вин. Я не могла жить без тебя и моих детей. Прости меня, Арчибальд!

У него голова шла кругом; лишь одна мысль пульсировала у него в мозгу — мысль о том, что он — человек, имеющий двух жен. От нее не укрылось волнение мужа.

— Я не могла оставаться вдали от тебя и моих детей. Тоска по тебе убивала меня, — повторяла она, словно в бреду. — Я не знала ни минуты покоя после моего безумного поступка: бегства от тебя. И часа не прошло, как я горько раскаялась. Даже в этот момент я хотела вернуться, но не знала, как это сделать. Видишь, что случилось со мной! — показала она свои поседевшие волосы и исхудавшие руки. — Прости, прости меня! Я совершила страшный грех, но наказание оказалось еще страшнее. Это была бесконечная агония.

— Почему ты ушла? — спросил м-р Карлайл.

— Разве ты не знал?

— Нет, это всегда оставалось для меня загадкой.

— Я ушла из любви к тебе.

Его губы тронула презрительная усмешка. Неужели и на смертном одре она продолжает лгать ему?

— Не смотри на меня так, — задыхаясь, сказала она. — У меня почти не осталось сил, и я, возможно, не совсем ясно выражаюсь. Я любила тебя всем сердцем, и в него закралась ревность. Я полагала, что ты лжешь и изменяешь мне, что ты подарил свою любовь другой, и я, ослепленная ревностью, вняла речам подлеца, который нашептывал мне о мести. Я была неправа, не так ли?

М-р Карлайл снова овладел собой, во всяком случае — внешне. Он смотрел на нее, скрестив руки на груди и выпрямившись во весь свой немалый рост.

— Я была неправа? — с болью в голосе переспросила она.

— Как ты можешь спрашивать? Разве ты недостаточно знаешь меня? Я никогда не изменял тебе: ни мыслью, ни словом, ни делом.

— Ах, Арчибальд, я была просто сумасшедшей! Я не могла бы совершить это в здравом уме. Забудь и прости все, умоляю!

— Я уже простил, но забыть не могу.

— Постарайся, постарайся забыть время, прошедшее с той ужасной ночи! — продолжала она, обливаясь слезами и протягивая ему свою горячую ладонь. — Вспомни то время, когда ты познакомился со мной, те дни, когда я, Изабель Вейн, счастливая и беззаботная, гостила здесь со своим отцом. Временами мне удавалось забыться и стать почти счастливой, когда я думала об этом! Помнишь, как ты полюбил меня, хотя и считал, что не должен говорить мне о своей любви? Помнишь, как ты был добр ко мне после смерти папы? А стофунтовую банкноту ты не забыл? Помнишь твой приезд в Кастл-Марлинг, когда я согласилась стать твоей женой и ты запечатлел первый поцелуй на моих губах? Ах, Арчибальд, вспомни чудесные дни после нашей свадьбы! Как мы были счастливы друг с другом! Помнишь: после рождения Люси мы были уверены, что я умру? Как искренне мы благодарили Всевышнего, когда я все-таки выздоровела! Помнишь ли ты все это?

Да, конечно же, он помнил все это. М-р Карлайл взял ее руку в свою.

— Можешь ли ты в чем-то упрекнуть меня? — тихо спросил он, слегка наклонив голову.

— Упрекнуть тебя! Того, кого, пожалуй, и высшему суду не в чем обвинить! Упрекнуть того, кто всегда любил меня и заботился обо мне! Когда я думаю о том, какой ты человек и как я отблагодарила тебя, я готова сквозь землю провалиться от раскаяния и стыда. Свой собственный грех я искупила, но мне никогда не искупить позора, который я навлекла на тебя и наших детей.

Такого не искупить никогда, и м-р Карлайл всем сердцем чувствовал это.

— Подумай, каково было мне, — продолжала она, и ему пришлось напрячь слух, чтобы расслышать ее слабеющий голос. — Жить в этом доме с твоей женой, видеть твою любовь к ней, с завистью смотреть на ласки, которые когда-то ты дарил мне. Я никогда не любила тебя так страстно до тех пор, пока не потеряла! Представь, каково мне было видеть Уильяма, умирающего у меня на глазах, быть с тобой наедине в его смертный час и не иметь права сказать тебе: «Он и мой ребенок тоже». Когда он умер, и об этом узнали домочадцы, ты утешал ее, хотя кто сравнит ее горе с моим, горем матери? Один Господь знает, как я все пережила. Для меня это было нестерпимо горько.

— Зачем ты вернулась? — спросил он вместо ответа.

— Я же сказала, что не могла без тебя и моих детей.

— Это было ошибкой — во всех отношениях.

— Чудовищной ошибкой! Ты не сможешь судить меня за это строже, чем я сама. Однако все это легло бы только на мои плечи, если бы я осталась неузнанной. Я не собиралась умирать здесь, но смерть, похоже, настигла меня одним прыжком, как когда-то мою мать.

Во внезапно установившейся тишине было слышно лишь ее прерывистое дыхание, М-р Карлайл не перебивал ее.

— Все неправильно, все неправильно, — продолжала она. — И этот разговор в том числе. Хотя, кто знает: он никак не скажется на твоих новых привязанностях, ибо я уже практически мертва. Для этого мира: я уже почти перешла в мир иной. Но ведь ты был моим мужем, Арчибальд, и последние несколько дней я страстно жаждала твоего прощения. Ах, если бы можно было зачеркнуть прошлое! Если бы я могла проснуться и обнаружить, что это был лишь кошмарный сон, что я, как и прежде, здорова и счастлива, что я снова — твоя любящая жена! А ты хотел бы этого? Ты хотел бы, чтобы исчезло мрачное прошлое?

Она спросила его тревожно и требовательно, глядя на него так, словно от его ответа зависит — жить ей или умереть.

— Я хочу этого, ради тебя, — спокойно сказал он; она снова опустила глаза, и у нее вырвался глубокий вздох.

— Я ухожу к Уильяму. Но здесь остаются Люси и Арчибальд. Будь же добр к ним! Умоляю: не наказывай их за грехи матери, и пусть твоя любовь к детям Барбары не заставит тебя разлюбить их.

— Разве ты заметила в моем поведении нечто, дающее основание для подобных страхов? — грустно ответил он, и в его голосе послышался упрек. — Дети так же дороги мне, как ты когда-то.

— И как могла бы быть дорога сейчас.

— Да, могла бы, — взволнованно ответил он.

— Арчибальд, я уже на пороге иного мира. Разве ты не благословишь меня, не скажешь мне хоть словечко любви, прежде, чем я переступлю его? Забудь на мгновение, кто я сейчас. Если можешь, представь меня невинным и робким ребенком, который стал твоей женой. Одно только слово, или сердце мое разорвется от муки.

Он склонился над ней, рукой отвел волосы со лба, на который упала непрошенная слеза.

— Ты чуть не разбила мое сердце, Изабель, когда оставила меня, — прошептал он. — Да благословит тебя Господь и примет твою душу на небе. И пусть он простит меня так же, как я сейчас искренне и по доброй воле прощаю тебя!

Он склонялся все ниже, пока, наконец, его дыхание чуть ли не смешалось с дыханием леди Изабель. Однако лицо его внезапно побагровело, и он отстранился от нее. Возможно, перед его глазами встал тот, кто сейчас находился в тюремной камере в Линборо или же его отсутствующая и ни о чем не подозревающая жена?

— Да упокоится душа моя в Господе, — глухо проговорила она. — Да-да, я знаю: Господь простил меня, Господи, что это была за борьба! Мною овладели самые греховные чувства после приезда сюда: я возмущалась, роптала и печалилась. Так продолжалось довольно долго, но Иисус молился за меня и помог мне: ты же знаешь, как он милосерден к уставшим и измученным. Мы увидимся снова, Арчибальд, и будем вместе навеки. Без надежды на это мне слишком тяжело было бы умирать. Уильям говорил, что мама будет ждать его на берегу реки и высматривать его на подплывающих лодках, но теперь ему придется делать это вместо меня.

М-р Карлайл освободил одну руку и своим платком вытер с ее лба предсмертную испарину.

— Разве грешно предвкушать это, Арчибальд? Ведь в раю никто не будет жениться и выходить замуж: так сказал Иисус. Хотя мы и не знаем, как все будет на самом деле. Там больше никто не вспомнит о моем грехе, и мы навеки воссоединимся с нашими детьми. Так оставь же в моем сердце крошечный уголок для твоей бедной, заблудшей Изабель!

— Да, да, — прошептал он.

— Ты покидаешь меня? — с мукой в голосе спросила она.

— Мне кажется, ты теряешь сознание. Я хочу позвать кого-нибудь, чтобы помочь тебе.

— Ну что же: встретимся в вечности — вздохнула она, и слезы полились у нее из глаз. — Я думаю, это смерть, а не обморок. Ах, как тяжело расставаться! Прощай же, прощай, мой дорогой муж!

Она оторвала голову от подушки, ибо волнение придало ей сил, вцепилась в его руку и в предсмертной тоске подняла к нему свое лицо. — М-р Карлайл бережно опустил ее на подушку и заставил себя коснуться ее губ своими.

— До встречи в вечности! — прошептал он.

Она проводила его взглядом, а затем, когда он вышел, отвернулась к стене.

— Все кончено. Теперь я твоя, Господи!

М-р Карлайл о чем-то задумался, на мгновение остановившись на верхней ступеньке лестницы. Джойс уже вошла в комнату больной, повинувшись его безмолвному жесту; мисс Карлайл все еще стояла возле двери.

— Корнелия.

Она прошла вслед за ним в столовую.

— Ты останешься с ней на ночь?

— А как же иначе? — раздраженно ответила она. — Куда ты собрался?

— На телеграф. Пошлю за лордом Маунт-Северном.

— Какая от него польза в этом деле?

— Никакой, но я все равно вызову его.

— Разве нельзя отправить кого-то из слуг? Ты ведь едва притронулся к своему обеду.

Он машинально взглянул на обеденный стол, что-то рассеянно ответил мисс Корни и вышел из комнаты.

Когда он вернулся, сестра, встретив его в холле, завела в ближайшую комнату и закрыла дверь.

— Около десяти минут назад скончалась леди Изабель. Она не произнесла ни слова после твоего ухода, Арчибальд, и скончалась довольно тихо, если не считать короткого предсмертного удушья. Я поняла, что ей не дожить до полуночи, в тот самый момент, когда увидела ее сегодня.

Глава 24

И. М. В

Лорд Маунт-Северн, хотя и удивленный столь срочным вызовом, выехал немедленно и уже на следующее утро был в Ист-Линне. М-р Карлайл встречал его на станции в закрытом экипаже, где и сообщил графу о смерти Изабель, когда они ехали в Ист-Линн.

Граф был настолько потрясен, что с трудом поверил ему. Сначала он вообще не мог понять, о чем идет речь.

— Она... она что, приехала умирать в Ваш дом? — выпалил он. — Вы же не принимали ее? Ничего не понимаю!

М-р Карлайл терпеливо объяснил подробности этого дела, и граф, наконец, все понял, хотя его изумление от этого не уменьшилось.

— Какое безумие! Вернуться сюда! Мадам Вин! Но как, скажите на милость, ей удалось остаться неузнанной?

— Удалось, как видите, — ответил м-р Карлайл. — Мне всегда казалось поразительным ее сходство с моей первой женой. Но я и подумать не мог, что это она и есть. Она была и похожа и непохожа на себя одновременно, так как все черты ее лица изменились, кроме глаз, а их я видел всегда только через очки.

Граф вытер горячее от волнения лицо. Эта новость буквально потрясла его. Он был сердит на Изабель, хотя она и умерла, и радовался, что миссис Карлайл отсутствует.

— Вы хотите взглянуть на нее? — тихо спросил м-р Карлайл, когда они вошли в дом.

— Да.

Они поднялись в комнату покойной; м-р Карлайл открыл дверь ключом. Она выглядела тихой и умиротворенной в своем белом чепце и лентах. Мисс Карлайл и Джойс сделали все необходимое, никому более не позволив приблизиться к ней.

Лорд Маунт-Северн склонился над покойной, ища прежние черты Изабель, и сходство поразило его.

— Отчего она умерла? — спросил он.

— От разбитого сердца, по ее собственным словам.

— Да уж, — сказал граф. — Удивительно, что оно не разбилось ранее. Бедная, бедная Изабель! — добавил он, коснувшись ее руки. — Она сама загубила свое счастье! Я полагаю, это — обручальное кольцо, которое Вы подарили ей?

— Очень даже может быть, — сказал м-р Карлайл, взглянув на кольцо...

— Подумать только: она не избавилась от него! — заметил граф, отпустив холодную руку. — Я, знаете ли, и сейчас все еще не могу во все это поверить.

С этими словами он повернулся и вышел из комнаты. М-р Карлайл минуту или две пристально смотрел на лицо покойной, задумчиво поглаживая лоб, но нам не дано знать, что он чувствовал в эти мгновения. Затем он снова закрыл простыней лицо покойной и вышел из комнаты вслед за графом.

Они молча проследовали в столовую, где их за накрытым столом ожидала мисс Карлайл.

— Где же были Ваши глаза? — воскликнул граф, обращаясь к ней, когда они заговорили о том, что случилось.

— Там же, где и Ваши, — парировала мисс Корни как в старые добрые времена. — Вы имели возможность разглядеть ее не хуже нас.

— Но я же не видел ее постоянно! Мы встречались всего два или три раза. К тому же, я ни разу не видел ее без шляпки и вуали. А вот в то, что Карлайл не узнал ее, почти невозможно поверить.

— Пожалуй, — сказала мисс Корни, — однако, это факт. Она покидала Ист-Линн молодой, полной сил женщиной, прямой и стройной, как стрела, с чудесными волосами, ниспадающими на плечи, щеками, на которых играл румянец, и прекрасными чертами лица. Мадам Вин приехала сюда бледной, сутулой женщиной, хромающей на одну ногу, ниже ростом, чем леди Изабель, да еще вечно одетой в эти мешковатые жакеты, скрывающие фигуру. Лба ее, прежде чистого и

открытого, не было видно из-за серой бархатной повязки на лбу и седых прядей волос. Она всегда носила чепец, зеленые очки скрывали ее глаза, а горло было подвязано так, что даже подбородок был частично закрыт. Рот ее совершенно изменился, а этот шрам, сразу бросающийся в глаза, делал его почти уродливым. К тому же, она, как Вам известно, потеряла несколько передних зубов и поэтому слегка шепелявила. Одним словом, — подвела итог мисс Карлайл, — она была похожа на Изабель, покинувшую этот дом, не больше, чем я — на Адама. Посмотрела бы я, как Вы узнали бы Вашего лучшего друга, изувеченного, да еще и загримированного подобным образом!

Лорд Маунт-Северн не мог не признать справедливость этих слов: один из его хороших знакомых был так изуродован в результате несчастного случая, что в нем невозможно было признать прежнего человека. Даже родные не смогли узнать его, и это без какого бы то ни было грима! Кстати, читатель: этот случай имел место в действительности.

— Мы должны были насторожиться именно из-за грима, — спокойно заметил м-р Карлайл. — Само по себе сходство было не настолько разительным, чтобы вызвать наши подозрения.

— Но она сбила нас со следа, как только появилась здесь, — вмешалась мисс Карлайл. — Рассказала о «невралгических болях головы и лицевых нервов», объяснив тем самым необходимость повязок на лбу и шее, якобы скрывающих судороги. Не забудьте, лорд Маунт-Северн, что Дьюси были с ней в Германии и тоже ничего не заподозрили. К тому же, как ни велико было сходство, мы не могли говорить о нем друг с другом. Имя леди Изабель в нашей семье не произносилось даже шепотом.

— Да, Вы совершенно правы, — согласился граф.

В пятницу миссис Карлайл было отправлено письмо следующего содержания:

Любимая,

к сожалению, я не смогу приехать после обеда в субботу, как обещал, но выеду к тебе вечерним поездом. Не засиживайся допоздна, ожидая меня. К нам на несколько дней приехал лорд Маунт-Северн, который передает тебе наилучшие пожелания.

А теперь, Барбара, приготовься узнать печальную новость. Мадам Вин умерла. Мне рассказали, что после нашего отъезда ее состояние резко ухудшилось и она скончалась вечером в среду. Я рад, что тебя не было здесь в этот момент.

Дети целуют тебя, Люси и Арчи все еще у Корнелии, а вот от проделок Артура в детской Сара уже буквально валится с ног.

Неизменно твой, моя любимая,

Арчибальд Карлайл

Разумеется, м-р Карлайл не мог не проводить гувернантку в последний путь, раз уж она умерла у него в доме, именно к такому выводу пришел Вест-Линн, когда узнал о том, что случилось. Лорд Маунт-Северн, гостивший у м-ра Карлайла, также присоединился к нему, проявив чрезвычайную любезность и оказав большую честь покойной! Вест-Линн еще не забыл другие похороны — покойного графа, — в которых тоже принимали участие только эти два джентльмена. По какому-то странному совпадению французскую гувернантку похоронили недалеко от могилы графа. Почему бы и нет, если там оказалось свободное место? Похороны состоялись в субботу утром. Все было просто и пристойно: катафалк, запряженный парой лошадей, траурная повозка и экипаж для преподобного м-ра Литла. Ни наемных участников процессии, ни людей, несущих покров, никаких султанов у лошадей. Одним словом, никакой ненужной роскоши. Вест-Линн одобрил подобный образ действий и высказал предположение, что гувернантка оставила достаточно денег на свои похороны. Впрочем, это не касалось никого, кроме м-ра Карлайла. Как бы то ни было, она в конце концов нашла последний приют в могиле, а м-р Карлайл и граф снова сели в траурный экипаж, чтобы ехать в Ист-Линн.

— Небольшой обелиск из белого мрамора, высотой в два фута и шириной в полтора, — заметил граф, продолжая начатый ранее разговор. — С инициалами И. В. и годами рождения и смерти. Как Вы полагаете?

— И. М. В. — поправил его м-р Карлайл.

В этот момент раздался веселый перезвон церковных колоколов, который привлек внимание графа.

— Интересно, почему они звонят? — воскликнул он.

Колокола возвещали о бракосочетании. Эфи Хэллиджон только что сделалась миссис Джо Джиффин — усилиями двух священников и шести подружек невесты, среди которых, можете не сомневаться, Джойс не было. Эфи никогда не отступала от задуманного; даже священников и подружек она подчинила своей воле. Итак, м-р Джиффин достиг наконец райского блаженства.

После обеда граф уехал, а вскоре появилась Барбара. Уилсон, сгоравшая от любопытства, едва не бросилась в дом раньше своей хозяйки, забыв младенца в экипаже. Ей не терпелось узнать все подробности смерти «этой француженки». М-ра Карлайла чрезвычайно удивил их приезд.

— Как же я могла оставаться там, Арчибальд, хотя бы даже до понедельника, после такого известия? — сказала Барбара. — Отчего она умерла? Это, должно быть, случилось так внезапно!

— Да, я полагаю, — рассеянно ответил он, раздумывая над тем, посвятить ли во все жену или же ничего не говорить ей.

Этот вопрос не давал ему покоя с самой среды. Он предпочел бы ничего не рассказывать ей и, пожалуй, так и поступил бы, будучи один посвящен в эту тайну. Однако, ее знали еще трое: мисс Карлайл, лорд Маунт-Северн и Джойс, порядочные и заслуживающие доверия люди, но м-р Карлайл не мог быть уверен в том, что никто из них даже случайно не обмолвится миссис Карлайл. Этого он не мог допустить: если уж ей вообще суждено все узнать, пусть она узнает это от него, причем немедленно. Итак, он решился.

— Тебе нездоровится, Арчибальд? — спросила она, взглянув на его бледное, усталое лицо.

— Я должен кое-что рассказать тебе, Барбара, — ответил он, взяв ее руку в свою; они разговаривали в ее туалетной комнате, куда она зашла переодеться. — Когда я приехал домой в среду, Джойс сообщила мне, что мадам Вин умирает, и я решил, что мне следует проведать ее.

— Ну конечно, — ответила Барбара. — Ты поступил правильно.

— Я вошел к ней и увидел, что она умирает. Но это не единственное, что я заметил, Барбара, Это была вовсе не мадам Вин.

— Не мадам Вин? — эхом отозвалась Барбара.

— Это была моя бывшая жена, Изабель Вейн.

Лицо Барбары сначала покраснело, а потом сделалось белым, как мрамор: она высвободила свою руку. Он же, словно не замечая этого движения, продолжал говорить, оперевшись локтем на камин, и быстро изложил суть дела, не вдаваясь в излишние подробности.

— Она не могла оставаться вдали от своих детей, — сказал он, — и вернулась под именем мадам Вин. Ей можно было не опасаться разоблачения, если принять во внимание последствия катастрофы, изменившие черты лица, а также ее стиль одежды и седые волосы. И, тем не менее, это поразительно, что ее никто не узнал. Я бы просто отказался поверить в эту историю, услышав ее от кого-нибудь другого.

У Барбары так защемило сердце, что она не выдержала и отвернулась от мужа. Ей первым делом подумалось — как раньше м-ру Карлайлу, — что она жила в одном доме с другой женой своего мужа.

— Ты догадывался? — еле слышно выдохнула она.

— Барбара! Разве я позволил бы этому продолжаться? Она умоляла меня о прощении: за ее прошлое и за то, что она вернулась сюда. Я ответил, что простил ее. После этого я отправился в Вест-Линн, чтобы дать телеграмму лорду Маунт-Северну, а когда вернулся, узнал, что она умерла. Сердце ее было разбито, и этому не приходится удивляться.

Наступила неловкая пауза. М-р Карлайл осознал, что жена прячет от него свое лицо. Он убрал руку с камин, подошел к ней и увидел, что черты ее исказились от нестерпимой душевной боли. Тогда он бережно взял жену за плечо и повернул к себе.

— В чем дело, любимая?

— Ах, Арчибальд, — воскликнула она, ломая руки, и долго сдерживаемые слезы хлынули у нее из глаз. — Теперь ты разлюбил меня?

М-р Карлайл взял обе ее ладони одной рукой, другой обнял за талию и замер, не говоря ни слова и серьезно глядя ей в лицо. Кто бы мог не поверить ему, видя эти полные нежности глаза? Только не Барбара!

— А я-то думал, что моя жена всецело доверяет мне.

— Я верю, верю тебе, ты же знаешь! Прости меня, Арчибальд, — тихо прошептала она.

— Я считал, что должен все рассказать тебе, Барбара. Дорогая, во мне говорила любовь.

Барбара прижалась к его груди, тихо всхлипывая и подняв к нему полные раскаяния глаза; она чувствовала себя удивительно спокойно в его нежных и сильных руках.

— Моя жена! Моя любимая! Сейчас и навеки.

— Не знаю, что мне взбрело в голову. Забудем об этом!

— Гони прочь подобные мысли, Барбара. И давай никогда не будем упоминать это имя, доселе запретное для нас. Пусть же так будет и впредь.

— Все будет так, как ты захочешь. Я всем сердцем хочу заслужить твое уважение и любовь, Арчибальд, — робко добавила она, опустив глаза и покраснев. — Ты знаешь: у меня было какое-то недоброе, ревнивое чувство к твоим детям, поскольку это ее дети, поскольку она когда-то была твоей женой. Я знала, как это дурно, и старалась смирить себя, что мне в конце концов удалось. Я... — она понизила голос, — все время прошу Господа помочь мне полюбить их, как своих, собственных. Со временем это чувство придет, я знаю.

— Все хорошее приходит со временем, если мы искренне стремимся к этому, — сказал м-р Карлайл. — Ах, Барбара, никогда не забывай, что в конце концов душевный покой дается лишь тому, кто стремится искренне и бескорыстно творить добро, как повелел нам Господь.

